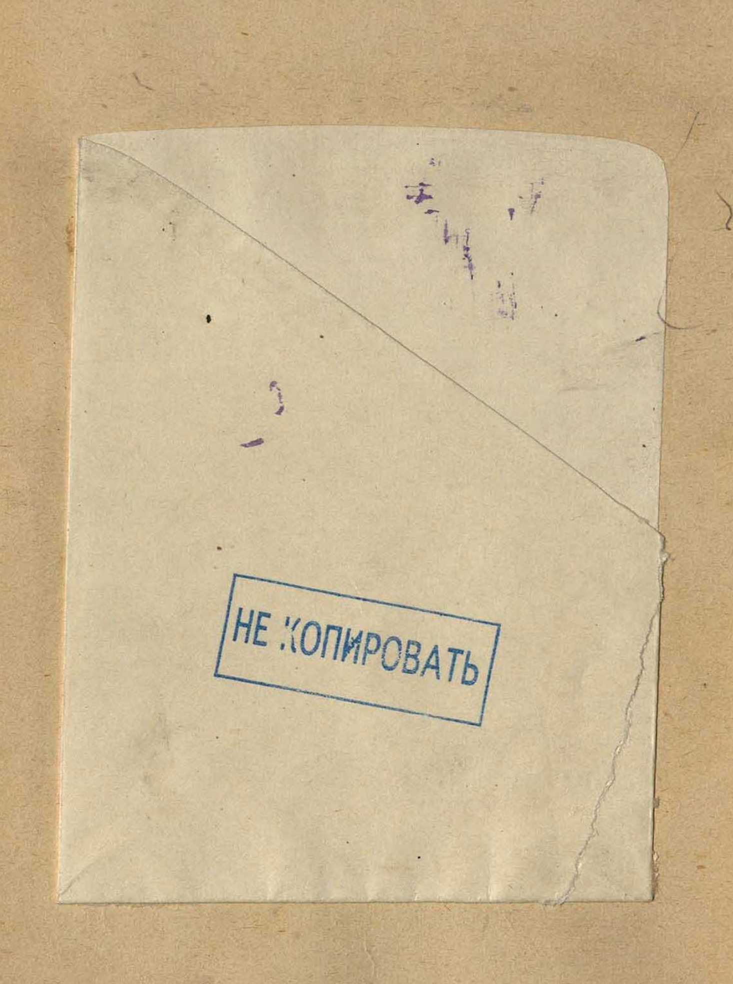

НЕ КОПИРОВАТЬ

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ статьѣ *В. Острогорскаго* на 125 стран., стр. 10 и 11 напечатано: **безплатно**, слѣдуетъ читать: **безпрерывно**.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1897.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко.
Пименовская ул., собств. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УМЧАВШІЕСЯ ГОДЫ*).

(Изъ моихъ воспоминаній).

III.

Изъ всѣхъ пензенскихъ знакомыхъ моей матери болѣе всего сохранились въ моей памяти бывшій въ то время вице-губернаторомъ Иванъ Васильевичъ Олферьевъ, Елизавета Филипповна Вигель (родная сестра Филиппа Филипповича Вигель, когда-то печатавшаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ* свои интересныя замѣтки) и Людмила Григорьевна Захарьина, мать нынѣшней медицинской знаменитости. Я уже сказалъ прежде, что первая жена моего отца была сестра Ивана Васильевича Олферьева. Мы считались съ послѣднимъ какъ бы въ роднѣ и были приняты въ его домѣ какъ бы членами его семьи. Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, крайне добродушный и честнѣйшій. Недвижимаго имѣнія онъ, за исключеніемъ небольшого дома въ Пензѣ на Верхней Пѣшей улицѣ, въ которомъ и жилъ,—не имѣлъ, и существовалъ лишь тѣмъ жалованьемъ, которое получалъ и которое въ то время было, кажется, не особенно значительное. Тѣмъ, не менѣе, однако, въ домѣ его постоянно останавливались всѣ его родные и хорошіе знакомые. Онъ имѣлъ пару лошадей и въ хорошую погоду ѣздилъ обыкновенно въ пролеткѣ, а въ дурную — въ двухмѣстной каретѣ на стоячихъ рессорахъ. Какъ теперь смотрю на него, ѣдущаго въ своей каретѣ въ губернское правленіе съ какимъ-то орденомъ на шеѣ и въ сѣрой шинели съ бархатнымъ воротникомъ. Всѣ уважали его въ Пензѣ за его честность и прямоту. Родной братъ его, Павелъ Васильевичъ Олферьевъ (генералъ-лейтенантъ), когда-то командовалъ корпусомъ и былъ въ большой силѣ. У него было свое имѣніе въ Пензѣ

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

и онъ кое-когда пріѣзжалъ въ Пензу. Ивану Васильевичу очень часто приходилось исправлять должность губернатора, что мнѣ всегда очень нравилось, такъ какъ въ это время у подъѣзда его дома всегда стоялъ верховой жандармъ. Форма тогдашнихъ жандармовъ не походила на теперешнюю. Тогда у нихъ мундиры шились фраками, на плечахъ были густые эполеты, на головѣ каска съ причудливо выгнутыми волосяными плюмажами, на груди мотались аксельбанты, а усы были всегда до того густо нафабрены, что имѣли видъ стальныхъ, и бѣлыя перчатки съ такими же бѣлыми крагами. Другой такой же жандармъ торчалъ обыкновенно въ его передней. Прійдешь, бывало, къ Ивану Васильевичу и не налюбуешься на этихъ жандармовъ.

За то въ самомъ Иванѣ Васильевичѣ не было ничего воинственнаго. Одѣвался онъ по-стариковски, нюхалъ табакъ изъ золотой табакерки и ласково улыбался, разговаривая со мной. Онъ очень любилъ покушать и кушалъ хотя и тяжело, но вкусно; въ особенности онъ любилъ гречневую кашу, которую всегда обильно пропитывалъ сливочнымъ масломъ, прихлопывалъ ложкой, такъ что каша принимала видъ лепешки, и потомъ аккуратно бралъ ее ложкой, приглаживая края каши. За столомъ у него всегда была бутылка хересу, котораго онъ и выпивалъ за обѣдомъ рюмки двѣ. Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобъ онъ былъ одинъ: всегда у него кто-нибудь гостилъ, даже случались такіе гости, которые пріѣзжали къ нему цѣлыми семьями и жили подолгу. И всегда Иванъ Васильевичъ былъ радъ гостямъ.

Очень любилъ я, когда къ Ивану Васильевичу приходилъ съ докладомъ какой-нибудь чиновникъ. Иванъ Васильевичъ усаживался, бывало, за свой письменный столъ, а я забивался куда-нибудь въ уголъ и слѣдилъ за выраженіями лицъ какъ Ивана Васильевича, такъ и чиновника. Чиновникъ доложитъ, бывало, бумагу и, доложивъ, передастъ ее для подписи. Помню, разъ, когда чиновникъ подсунулъ бумагу Ивану Васильевичу, тотъ вдругъ освирѣпѣлъ и, швырнувъ бумагу на полъ, ударилъ кулакомъ по столу.

— Я уже сказалъ, что не подпишу этой бумаги!

Лицо чиновника приняло какое-то умильное выраженіе и, почтительно пригнувшись къ уху, онъ что-то прошепталъ.

Иванъ Васильевичъ разсвирѣпѣлъ еще пуще.

— А хотя бы и самъ чортъ желалъ, и тогда не подпишу! Пусть подписываютъ другіе...—И бумага опять полетѣла на полъ.

— Такъ и прикажете доложить? — спросилъ чиновникъ.

— Такъ и доложите... Не подпишу.

Такъ и не подписалъ. А между тѣмъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, бумага эта очень интересовала нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ.

Елизавета Филипповна Вигель была древняя-раздревняя старушка, согбенная, худая и ходила не иначе, какъ съ костылемъ, постукивая имъ по полу. Ѣздила она въ каретѣ цугомъ, непремѣнно съ двумя лакеями на запяткахъ, одѣтыми въ ливреи и треугольныя шляпы.

Послѣ, много лѣтъ спустя, когда я былъ въ Москвѣ на первомъ представленіи драмы Островскаго *Гроза* и когда вышла на сцену старуха съ двумя лакеями, то я даже вздрогнулъ, подумавъ, что это явилась Елизавета Филипповна Вигель.

Она была крайне набожная и богомольная старуха, чуть не каждый день ѣздила къ обѣднѣ и, пріѣхавъ въ церковь, первымъ дѣломъ начинала прикладываться къ иконамъ, а иконамъ, которыхъ не могла достать, посылала воздушные поцѣлуи. У нея были любимыя иконы, которыя она особенно чтила и къ которымъ прикладывалась не только губами, но даже и лбомъ. Въ числѣ этихъ-то любимыхъ иконъ была икона Николая Чудотворца съ выпуклыми сапожками. Однажды какъ-то Елизавета Филипповна пожелала видѣть эту икону у себя въ домѣ, о каковомъ желаніи и сообщила мѣстному священнику.

— Только смотри, отецъ, того самаго угодника, про котораго я тебѣ говорила.

Священникъ обѣщалъ, но когда пришло время нести икону къ Елизаветѣ Филипповнѣ, даже забылъ про свое обѣщаніе. Онъ вспомнилъ о немъ только на полдорогѣ: «ну, да сойдетъ, — подумалъ онъ, — со слѣпу-то и не разберетъ даже». И вотъ икона была принесена въ домъ къ Елизаветѣ Филипповнѣ, которая по старости лѣтъ плохо видѣла, но когда Елизавета Филопповна приложилась къ образу и ощутила, что сапожки у Николая угодника были невыпуклы, то вышла изъ себя и даже хотѣла отправить икону назадъ, да уговорилъ кое-какъ священникъ.

Захарьины были собственно саратовскіе мелкопомѣстные помѣщики, и нынѣшняя знаменитость обучалась, сколько мнѣ помнится, въ саратовской гимназіи, но его мать Людмила Григорьевна почему-то очень часто пріѣзжала въ Пензу, подолгу гостила тамъ и всегда ходила къ моей матери, такъ какъ была съ ней очень дружна.

Людмила Григорьевна была іудейскаго вѣроисповѣданія, но приняла православіе. Ее очень тревожило непониманіе нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ, и тревожило до такой степени, что она вча-

стую расплакивалась... И вотъ въ такіе-то именно моменты она всегда обращалась съ просьбой къ матери съѣздить съ нею къ преосвященному Амвросію, тому самому, который у насъ освящалъ въ Никольскомъ церковь и котораго мать моя искренно чтила. И вотъ я помню, что Людмилу Григорьевну очень безпокоилъ слѣдующій текстъ Св. Писанія: «блаженни убивающіе свои младенцы о камни». Помнится мнѣ, что и я присутствовалъ у преосвященнаго, когда онъ объяснялъ ей это мѣсто такимъ образомъ, что подъ словомъ «младенецъ» слѣдовало разумѣть зародыши страстей нашихъ. Я въ это время, будучи въ гимназіи, зубрилъ катехизизъ и, услыхавъ такое объясненіе преосвященнаго Амвросія, вспомнилъ слѣдующій вопросъ катехизиса: «какъ сіе нужно понимать?» — и отвѣтъ на этотъ вопросъ: сіе надо понимать духовно... И мнѣ такъ сдѣлалось смѣшно, что, вѣроятно, я разсмѣялся бы, еслибъ не ѣлъ въ это время моченое яблоко, до которыхъ Амвросій былъ большой охотникъ и которыми угощалъ своихъ гостей.

Людмила Григорьевна была женщина маленькаго роста, худенькая, согбенная и съ больными глазами, изъ которыхъ постоянно точились слезы, а такъ какъ она безпрерывно ихъ вытирала платкомъ, то и имѣла какой-то плаксивый видъ. Когда она смотрѣла на васъ, она смотрѣла всегда искоса, какъ будто плохо видѣла васъ, и осматривала всегда съ ногъ до головы. Сколько ей тогда было лѣтъ, я не знаю, но думаю, что лѣтъ за сорокъ. Одѣвалась она весьма скромно: въ темное платье съ кружевною пелериной и почти всегда въ рукахъ у нея былъ ридикюль. Одновременно съ нею пріѣзжала къ намъ и ея дочь Елизавета Антоновна, дѣвушка лѣтъ 16 — 17, вышедшая замужъ за князя Мансурова (ежели только не ошибаюсь въ фамиліи, но хорошо помню, что за князя). Бывалъ у насъ и этотъ князь, и чуть ли не у насъ въ домѣ познакомились эти молодые люди. Надо думать, что смолоду Людмила Григорьевна была очень хороша, а потому и не мудрено, что дочь ея была очень красивая дѣвушка. Она была очень веселаго и симпатичнаго характера. Старика Захарьина я почему-то никогда не видалъ, а потому не имѣю о немъ ни малѣйшаго представленія. Помню, что когда нынѣшняя знаменитость кончила курсъ въ гимназіи, то Людмила Григорьевна, не имѣя средствъ отправить сына въ университетъ, обратилась къ знакомымъ съ просьбою помочь ей въ этомъ и открыть подписку.

Пріѣзжалъ въ Пензу по дѣламъ службу и мой опекунъ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ. Алексѣй Алексѣевичъ почему-то былъ не въ ладахъ съ губернаторомъ Панчулидзевымъ, и когда попадалъ къ

намъ въ домъ прямо отъ губернатора, то всегда былъ разстроенъ и не въ духѣ. За то въ другое время всегда былъ веселъ и говорливъ и сообщалъ много анекдотовъ о бывшей въ то время французской революціи. Однажды, пріѣхавъ къ намъ, онъ вынулъ изъ кармана какую-то книжечку и, обратясь къ матери, весело проговорилъ:

— Представьте, что обо мнѣ написалъ нашъ поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

И онъ принялся читать какое-то стихотвореніе, указывая пальцемъ на слѣдующія строки:

А глядишь, нашъ Лафайетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей...

И, расхохотавшись, прибавилъ:

— Какъ вамъ это понравится?

— Почему же вы думаете, что это именно про васъ говорится? Развѣ у васъ у однихъ свеклосахарный заводъ?

— Конечно, не у одного, но я одинъ, которому дѣлаютъ честь называть Лафайетомъ. Но поэтъ ошибся: 1) я не Лафайетъ, а 2) мужиковъ подъ прессъ не кладу... Думаю, что всему виной моя борода, обрить которую ко мнѣ пристаютъ.

И дѣйствительно, я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ крѣпостныхъ людей Тучкова враждебно къ нему относился, а, напротивъ, всѣ любили его и отзывались о немъ, какъ о самомъ «простомъ» баринѣ.

Жилъ онъ въ своемъ имѣніи, селѣ Яхонтовѣ. У него былъ, помнится мнѣ, очень красивый домъ, окруженный садомъ, совсѣмъ не похожій на обыкновенные помѣщичьи дома. Онъ даже и жилъ не такъ, какъ жили помѣщики того времени, а какъ-то по-иному, не по-русски. Въ то время дочери его не были еще замужемъ и при нихъ состояла гувернантка француженка м-ль Мишель. Разговоры въ домѣ Алексѣя Алексѣевича происходили на французскомъ языкѣ, и барышни одѣвались совсѣмъ не такъ, какъ одѣвались другія. Наталья Алексѣевна, впослѣдствіи Огарева, была очень веселая и бойкая барышня, къ которой я питалъ не только симпатію, но нѣчто даже болѣе серьезное... Помнится мнѣ, что моя комната приходилась надъ комнатою барышенъ, такъ что мое окно было какъ разъ надъ ихъ окномъ. И вотъ, воротясь въ свою комнату, я, бывало, начиналъ угощать ихъ разными сластями: грушами, сливами, персиками, которыя и спускалъ имъ, привязавъ къ ниточкѣ.

Однажды я до того замечтался, что, улегшись въ постель, забылъ потушить свѣчу, которая стояла возлѣ моей кровати на соломенномъ стулѣ. Опрокинулъ ли я свѣчу, или она сама обгорѣла и упала, я не помню, помню только, что меня пробудилъ какой-то яркій свѣтъ, бросавшійся мнѣ прямо въ глаза. Я проснулся, бросился въ испугѣ съ постели и только тогда увидалъ горѣвшій стулъ. Въ комнатѣ былъ рукомойникъ, изъ котораго я принялся тушить пожаръ. Однако, дѣло кончилось благополучно и о пожарѣ этомъ, конечно, никто бы не узналъ, еслибъ вода не протекла въ комнату барышенъ.

Иванъ Николаевичъ Горсткинъ, о которомъ я уже упоминалъ, былъ очень друженъ съ Тучковымъ, постоянно сопровождалъ его и бывалъ у насъ. Въ то время онъ былъ женатъ, кажется, на Олсуфьевой, ему тогда было лѣтъ пятьдесятъ. Онъ имѣлъ типичное лицо съ выдающимися впередъ подбородкомъ и нижнею челюстью, почему лицо его имѣло крайне саркастическое выраженіе, высокій лобъ и большіе выразительные глаза. Я уже сказалъ, что это былъ страстный любитель театральнаго дѣла, построившій въ своемъ домѣ описанный мною театръ. Кабинетъ его былъ какъ разъ подъ сценой и изъ этого кабинета былъ ходъ за кулисы. Въ этомъ-то театрѣ въ зимнее время и давались любительскіе благотворительные спектакли, которые всегда привлекали массу публики и всегда приводили ее въ восхищеніе. Горсткинъ былъ режиссеромъ этихъ спектаклей и всегда въ нихъ участвовалъ. Лучшими исполнителями считались тогда Иванъ Николаевичъ Горсткинъ, Софья Алексѣевна Панчулидзева, Сушкова, Сергѣй Маркеловичъ Загоскинъ (племянникъ писателя М. Н. Загоскина), гг. Всеволожскій, Соболевскій и друг. Стектакли эти отличались, помимо прекраснаго исполненія, и роскошною обстановкой, когда таковая требовалась. Приносилась изящная мебель, сцена украшалась растеніями, картинами, бронзой... Какъ теперь помню одинъ спектакль, на которомъ давались: *Параша Сибирячка* и водевиль *Андрей Степановичъ Бука*. Парашу играла Софья Алексѣевна Панчулидзева, а отца, т.-е. сосланнаго, Иванъ Николаевичъ Горсткинъ. Андрея Степановича Буку исполнялъ Соболевскій. Спектакль этотъ былъ настолько удаченъ, что до сихъ поръ врѣзался въ моей памяти.

По окончаніи этихъ спектаклей занавѣсъ обыкновенно подымался, и на сценѣ происходили танцы, а затѣмъ накрывались столы и подавался ужинъ. Злые языки того времени (а когда только ихъ не было и когда только ихъ не будетъ?) говорили, что всѣ эти ужины дѣлались на счетъ бѣдныхъ, но я полагаю, что эта была

клевета, такъ какъ любители были люди весьма богатые и дѣйствительно заботившіеся о бѣдныхъ. Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что спектакли эти длились почти до разсвѣта и что очень часто участвовавшіе оставались тамъ до утра. О спектакляхъ этихъ обыкновенно печатались отчеты въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, сопровождавшіеся рецензіями. Кромѣ *Губернскихъ Вѣдомостей*, въ Пензѣ мѣстныхъ газетъ не было, кажется, нѣтъ даже и теперь, когда значительно развилась провинціальная пресса. Въ этомъ случаѣ нельзя не упрекнуть городъ Пензу.

Съ наступленіемъ каникулъ мы обыкновенно уѣзжали въ деревню, въ село Никольское. Для этого нанимался ямщикъ, который за извѣстную плату и долженъ былъ доставить насъ изъ Пензы до Никольскаго, которое было отъ Пензы верстахъ въ 160—170. Запрягался обыкновенно четверикъ лошадей въ громадную тяжелую коляску, нагружались туда всевозможные чемоданы, узлы и подушки, и вотъ на эти-то подушки разсаживались и мы, т.-е. мать, я, братъ, двѣ горничныхъ и собачонка Эсперка. Помню, что ямщикъ, прежде чѣмъ пускаться въ путь, бралъ въ руки эту собачонку и давалъ каждой лошади обнюхать ее.

— Это зачѣмъ ты дѣлаешь?—спросилъ я однажды ямщика.

— Чтобы лошади не потѣли,—отвѣчалъ ямщикъ.

И я былъ вполнѣ увѣренъ, что ямщикъ правъ и что лошади потѣть не будутъ, хотя почти всегда лошади, не успѣвъ сдѣлать 5—6 верстъ, были уже въ мылѣ. Но ямщикъ приписывалъ это жаркому времени, а нисколько не собачкѣ и не тяжести экипажа.

Мнѣ и брату сидѣть въ этой коляскѣ было хуже другихъ: такъ какъ сажали насъ обыкновенно въ середину, то насъ придавливали либо горничныя, либо мать, либо какіе-нибудь узлы и подушки, почему я очень часто садился либо на козлы, рядомъ съ ямщикомъ, либо къ лакею на заднее сидѣнье. Несмотря, однако, на столь неудобное путешествіе, мы съ братомъ всегда восторгались, оставляя пыльный городъ... И стоило только выѣхать намъ въ поле, какъ мы выскакивали изъ экипажа, а за нами выскакивала и Эсперка и бѣжали, что было мочи, восхищаясь и полями, и лѣсами и даже той песчаной дорогой, которой приходилось бѣжать, утопая ногами въ пескѣ. Очень радовался этому и ямщикъ, такъ какъ тоже слѣзалъ съ козелъ и шелъ пѣшкомъ рядомъ съ экипажемъ. Мать мою это очень сердило, такъ какъ приходилось ѣхать шагомъ.

— Ну, не замай ихъ, барыня, пущай побѣгаютъ... Поди, имъ въ городѣ-то прискучило сидѣть на одномъ мѣстѣ... Пущай порѣзвятся!

Но ямщикъ хлопоталъ, конечно, не объ насъ, а о своихъ лошадяхъ, которымъ представлялся случай пройтись шагомъ.

Путешествіе это продолжалось обыкновенно дня три-четыре. Для кормежки лошадей мы заѣзжали на постоялые дворы, а ночевать обыкновенно потрафляли въ какой-нибудь городъ, либо къ кому-нибудь изъ знакомыхъ.

Какъ теперь помню, что первымъ нашимъ ночлегомъ былъ городъ Мокшанъ, по рѣкѣ Мокшѣ. Въ этомъ-то городѣ Мокшанѣ былъ у насъ такой случай.

Остановились мы на ночевку въ какомъ-то низенькомъ домѣ. Мнѣ постлали постель на полу подъ открытымъ окномъ. Рядомъ съ этимъ окномъ въ простѣнкѣ стоялъ столъ, къ которому и были прислонены мои подушки. Въ этой же комнатѣ расположились и мать, и братъ, и одна изъ горничныхъ. Мать, раздѣвшись, положила свои часы на тотъ столъ, который былъ въ моемъ изголовьѣ. Утомленные дорогой, а пуще всего той жарой, которая царила весь день, мы вскорѣ заснули. Ночь была лунная, свѣтлая. Долго ли я спалъ, я не помню, помню только, что, какъ-то проснувшись ночью, я вижу, что надъ моимъ лицомъ протянулась чья-то рука изъ окна. Я до того перепугался, что не смѣлъ пошевельнуться и только успокоился тогда, когда рука эта скрылась, а подъ окномъ послышались чьи-то удалявшіеся торопливые шаги. Завернувшись въ одѣяло, я снова заснулъ и проспалъ до самаго утра. Когда подали самоваръ, мать приказала намъ вставать. Мы встали, умылись, одѣлись и сѣли за чайный столъ. Но каково же было изумленіе матери, когда она убѣдилась, что часовъ ея нѣтъ.

Только тогда вспомнилъ я про ту руку, которую видѣлъ ночью, и сообщилъ объ этомъ матери. Услыхавъ это, горничная Прасковья даже руками всплеснула:

— Да вѣдь и я видѣла! — вскрикнула она. — Вотъ ей-Богу видѣла!

— И видѣла, какъ онъ тянулся за часами?—спросила мать.

— Видѣла, матушка.

— Почему же ты не разбудила насъ?

— Невдомекъ было, матушка... Заспала...

Такъ часы матери и пропали.

А другой случай былъ слѣдующій:

Остановились мы кормить лошадей на постояломъ дворѣ въ какомъ-то селѣ, и такъ какъ часъ былъ обѣденный, то мать и рѣшила тутъ пообѣдать. Хозяйка постоялаго двора, простая крестьянская баба, начала собирать обѣдъ, а я началъ разсматривать прибитыя

къ стѣнѣ лубочныя картинки. Одна изъ этихъ картинокъ изображала слѣдующее: на заднемъ планѣ возвышался сосновый лѣсъ,—лѣсъ, вымазанный за одинъ махъ зеленой краской,—а въ лѣсу два мужика, неистово колотившіе другъ друга. Внизу этой картинь была слѣдующая надпись: «Два дурака дерутся, а третій смотритъ». Вотъ я и принялся разыскивать, гдѣ же третій мужикъ, и какъ я ни пялилъ глаза на зеленый лѣсъ, стараясь разыскать третьяго въ чащѣ этого лѣса, но разыскать никакъ не могъ. Только тогда я догадался, гдѣ именно былъ третій и, догадавшись, покатился со смѣха.

Вторую или третью ночь намъ приходилось ночевать у помѣщицы Ольги Васильевны Кошкаровой, большой пріятельницы матери. Это была типичная старуха, пройти которую молчаніемъ нельзя. Она была дочь сельскаго дьячка и четырнадцати лѣтъ вышла замужъ за мѣстнаго помѣщика Кошкарова, по уши въ нее влюбившагося. Когда мы бывали у нея, ей было уже лѣтъ 60, но, несмотря на этотъ почтенный возрастъ, она была до крайности красива и эффектна и поразительно походила на Екатерину Великую: такой же ростъ, также причесанные сѣдые волосы и та же свѣжесть лица.

Жила Кошкарова великолѣпно. Домъ ея былъ громадный, двухэтажный, съ большими комнатами, съ паркетными полами и огромною залой въ два свѣта. Меня больше всего удивляло, что въ дверяхъ каждой комнаты, вытянувшись стрункой, стоялъ лакей въ башмакахъ и чулкахъ. Лакеи эти торчали на своихъ мѣстахъ даже и тогда, когда въ комнатѣ никого не было. Кошкарова жила совершенно одна, такъ какъ дѣти ея были уже отдѣлены и жили по своимъ имѣніямъ. Я очень любилъ, когда мы останавливались у Ольги Васильевны Кошкаровой: во-первыхъ, потому, что она была очень привѣтлива, а во-вторыхъ потому, что постели у нея были всегда такъ мягки и покойны и такъ хорошо приготовлены, что я, бывало, всегда спалъ у нея и не могъ до сыта наспаться. Мебель у нея была изящная, много картинъ, бронзы, статуй и непремѣнно въ каждой комнатѣ имѣлись часы подъ изящными стеклянными колпаками. Часы эти шли такъ аккуратно, что, какъ только кончался бой въ одной комнатѣ, начинали звонить другіе и т. д., а такъ какъ всѣ эти часы били каждую четверть, то мягкій музыкальный звонъ ихъ продолжался чуть ли не цѣлый день. Меня это очень забавляло и тѣшило. Забавляли меня и лакеи въ башмакахъ и чулкахъ. Позвонитъ, бывало, Ольга Васильевна серебрянымъ колокольчикомъ, и лакей мгновенно вздрагивалъ, словно его кольнулъ кто-нибудь, становился на цыпочки и, почтительно подойдя къ барынѣ, весь пре-

вращался въ слухъ. Барыня приказывала ему что-нибудь, онъ быстро поворачивался назадъ и точно также на цыпочкахъ подходилъ къ слѣдующему лакею и шепотомъ передавалъ ему приказаніе барыни, тотъ въ свою очередь дѣлалъ тоже, а въ концѣ концовъ исполнялось приказаніе барыни, но не тѣмъ лакеемъ, который его непосредственно получалъ, а совсѣмъ другимъ лицомъ. Эта церемонія всегда удивляла мать.

— Помилуйте,—говорила она,—вы живете совершенно одни, а у васъ въ каждой комнатѣ по лакею, а горничныхъ даже и не сосчитаешь.

— Ахъ, Боже мой!—возражала Кошкарова,—да куда же мнѣ дѣвать всю эту сволочь, когда у меня дворовыхъ людей болѣе трехсотъ душъ?

И дѣйствительно, дворня у нея была многочисленная, и такъ какъ каждый изъ ея дворни имѣлъ собственный свой домикъ и свою усадьбицу, то вокругъ ея дома былъ словно маленькій городокъ.

Это была крайне богомольная старуха, каждый праздникъ посѣщавшая церковь, а накануне праздника въ домѣ ея служились всенощныя. У нея была даже особая комната, называвшаяся молельной. Стѣны этой комнаты съ пола до потолка были увѣшаны иконами въ дорогихъ ризахъ и передъ каждой иконой непремѣнно теплилась лампадка, а въ переднемъ углу былъ столъ на манеръ церковнаго престола, возлѣ котораго возвышался аналой. Противъ этого-то стола становился обыкновенно священникъ во время всенощной. Ольга Васильевна почти всю всенощную выстаивала на колѣняхъ, почему ей и постилался всегда мягкій коверъ. Молилась она усердно и часто дѣлала земные поклоны. Ко всенощной должна была приходить и дворня, почтительно становившаяся въ заднемъ углу и не смѣвшая пошевельнуться. Вообще во время всенощной тишина царила мертвая и только одна дочь Ольги Васильевны, ежели не ошибаюсь, Екатерина Ивановна, успѣвшая уже овдовѣть, наѣзжавшая иногда къ матери, нарушала эту тишину и благолѣпіе. Это была барыня лѣтъ тридцати, живая, бойкая, великая болтунья и довольно красивая собой. Вотъ эта-то Екатерина Ивановна и не могла никакъ утерпѣть, чтобы съ кѣмъ-нибудь не поболтать и не посмѣяться за всенощной, чѣмъ и приводила всегда въ смущеніе старуху Кошкарову.

Однажды былъ я свидѣтелемъ подобной сцены: дьячокъ началъ читать какія-то молитвы, а Екатерина Ивановна, стоявшая рядомъ съ моею матерью и со мной, вытащила изъ кармана какую-то книжечку, зажгла восковую свѣчку и принялась за чтеніе. Мать, за-

глянувшая въ книгу, была крайне удивлена, увидавъ, что то былъ французскій романъ.

— Что это вы читаете?

— Графъ Монте-Кристо Дюма.

— Во время всенощной?

— Ахъ, ma chère!—чуть не вскрикнула она, пожимая плечами,—да развѣ есть какая-нибудь возможность разобрать, что бормочетъ этотъ противный дьячокъ? А романъ мнѣ дали на короткое время, съ условіемъ послѣ завтра возвратить его.

— Тсс...—раздается голосъ старухи.

— А романъ такъ интересенъ, такъ интересенъ,—шепчетъ Екатерина Ивановна, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ,—что я просто захлебываюсь, читая его.

— Тсс...—раздается опять шиканье старухи.

— Совѣтую, ma chère, прочесть его. Ахъ, какой геній этотъ Дюма!... Какой геній...

— Да перестань же, Катя!—замѣчаетъ, наконецъ, старуха и, взглянувъ на дочь, удивленно пожимаетъ плечами.

— Кончила, кончила, maman!...

И, опустившись на колѣни, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и, поводя свѣчей по книжечкѣ, продолжаетъ чтеніе Монте-Кристо.

Наконецъ, всенощная кончилась. Двѣ горничныхъ подбѣгаютъ къ старухѣ и помогаютъ ей встать на ноги. Та встаетъ и, принявъ величавую осанку, медленно направляется къ выходу изъ молельни. Успѣвшіе разоблачиться, священникъ и дьяконъ отвѣшиваютъ ей почтительный поклонъ.

— Дворецкій!—слышится голосъ Кошкаровой, обращающейся къ старому дворецкому. И когда дворецкій, подойдя къ ней на цыпочкахъ, остановился, она прибавила, указывая на священника и дьякона рукой:—Напой ихъ чаемъ и дай поѣсть чего-нибудь!

И проговоривъ это, она величавой походкой выходила изъ молельни.

Немного погодя, мы сидѣли уже въ ярко-освѣщенной гостиной.

— Послушайте, Ольга Васильевна,—проговорила мать, удивленная такимъ непочтительнымъ обращеніемъ старухи со священникомъ и дьякономъ,—почему вы ихъ не пригласили сюда?

— А потому, милая моя, что я еще съ дѣтства наглядѣлась на эту братію и знаю отлично, что это за народъ. Пробовала я ихъ къ себѣ въ гостиную-то приглашать и закаялась. Нѣтъ, имъ тамъ въ лакейской самое настоящее мѣсто и дальше лакейской они у меня ступить не смѣютъ.

Теперь все это покажется страннымъ, но тогда, когда существовало во всей своей силѣ крѣпостное право, все это было дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

Потомъ намъ приходилось ночевать у одного сельскаго священника, котораго звали отецъ Иванъ. Отецъ Иванъ тоже былъ типъ своего рода, а потому остановлюсь и на немъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, смуглый, съ черными волосами и походившій скорѣе на цыгана, чѣмъ на священника. Онъ былъ большой болтунъ, говорившій всегда прибаутками, подмигивающій глазомъ и становившійся фертомъ, начиная что-либо разсказывать.

— А, наконецъ-то, пожаловали!—кричалъ онъ обыкновенно, завидѣвъ нашъ рыдванъ.—А лошадки-то у васъ пріутомились, не отдышатся!—И потомъ, обратясь къ ямщику:—Ахъ, это ты, Герасимъ!

— Я, батюшка,—отвѣчалъ тотъ.

— И тебя тоже радъ видѣть... Пожалуйте, пожалуйте!—продолжалъ онъ, обращаясь къ матери.—Я, признаться, давно поджидаю васъ... Даже началъ безпокоиться... Ужъ не случилось ли чего, думаю. Знаю, что гимназистовъ давно распустили, а моихъ пріятелей все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Отецъ Иванъ былъ вдовецъ и жилъ на холостую ногу. Это былъ отличный хозяинъ, а главнымъ его занятіемъ было коневодство. У него было штукъ пять-шесть породистыхъ матокъ, почему на конюшнѣ у него всегда было по нѣскольку молодыхъ лошадей, которыхъ онъ самъ наѣзжалъ, а затѣмъ и сбывалъ выгодно на ярмаркѣ либо въ Пензѣ, либо въ Саранскѣ. Какъ называлось село, гдѣ онъ священствовалъ, я не помню, но очень хорошо знаю, что оно было верстахъ въ 30 отъ нашего Никольскаго. Мой отецъ былъ тоже охотникъ до лошадей, поэтому отецъ Иванъ бывалъ у насъ довольно часто. Пріѣзжалъ онъ къ намъ обыкновенно такъ: въ какой-то курткѣ, въ картузѣ страннаго фасона и непремѣнно на бѣговыхъ дрожкахъ, запряженныхъ красивымъ и статнымъ жеребцомъ. Подлетитъ, бывало къ крыльцу дома и начнетъ кричать кучеровъ и махать руками.

— Ну, чего тамъ рты-то разинули?—кричитъ онъ, бывало.—Аль не видите, что самъ цыганъ пріѣхалъ? Берите коня-то, да хорошенько выводить, а поить не смѣть. Самъ напою. Да смотрѣть у меня въ оба! Не то зубы начищу,—прибавитъ онъ расхохотавшись.

Выходилъ отецъ на крыльцо и, осмотрѣвъ кругомъ лошадь, спрашивалъ:

— Отъ Визопура?

— Отъ Визопура.

— А мать?

— Извѣстно, Лебедка.

— Хорошъ, хорошъ!—говорилъ отецъ, любуясь лошадью.

— Ч. П.

— Ну, положимъ, не Ч. П.,—замѣчалъ отецъ,—а, все-таки, хорошъ. Рубликовъ 300—400 дадутъ, пожалуй.

Но отецъ Иванъ разражался неистовымъ хохотомъ.

— Нѣтъ-съ, шалите-съ! Трехсотокъ-то пущай у другихъ поповъ покупаютъ, а мы изъ-за такой калечи рукъ марать не станемъ. Аттанде-съ!

И вдругъ, увидавъ борзую собаку, восклицалъ:

— Это откуда у васъ песъ-то? Я что-то не знаю его.

— Барычевъ подарилъ.

— Крымачъ?

— Да, крымачъ.

— И люблю я только этихъ крымачей,—вскрикивалъ отецъ Иванъ, лаская собаку.—И нерѣзво, кажись, скачутъ, а ужъ ни одинъ русакъ не уйдетъ. У меня былъ одинъ такой-то крымачъ «Катай», кличка была, такъ тотъ, бывало, за русакомъ-то верстъ 5 — 6 ковыляетъ и кончитъ тѣмъ, что загоняетъ да загоняетъ бѣднягу.

Помимо коннаго завода, у о. Ивана былъ фруктовый садикъ, имъ самимъ разведенный, пчельникъ и вѣтряная мельница. Поэтому онъ всегда былъ перепачканъ либо мукой, либо искусанъ пчелами. Онъ былъ великій хлѣбосолъ и очень любилъ, когда къ нему кто-либо заѣзжалъ. У него постоянно имѣлась разныхъ сортовъ наливка запеканка, много разнаго варенья, смоквы и т. п.

Братъ мой Александръ Александровичъ въ гимназіи по болѣзни не былъ и получилъ домашнее воспитаніе. Онъ тоже жилъ съ нами въ Пензѣ, а на лѣто точно такъ же, какъ и я, уѣзжалъ въ деревню. У него была очень странная слабость: онъ не могъ хладнокровно видѣть колокольню и, едва завидѣвъ таковую, блѣднѣлъ и волновался. Его такъ и тянуло на эту колокольню, такъ и рвался туда, чтобы досыта натрезвониться въ колокола. Когда въ Никольскомъ строилась церковь, онъ цѣлые дни проводилъ на колокольнѣ съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ занимаясь трезвономъ. Въ это время глаза его разгорались, лицо покрывалось румянцемъ и, покачивая головой и улыбаясь, онъ выдѣлывалъ на колоколахъ такія штуки, какихъ не продѣлаетъ любой звонарь. Отецъ Иванъ,

который зналъ эту слабость брата, всегда угощалъ его своей колокольней, почему во время нашего пріѣзда село это цѣлый день оглашалось трезвономъ. Въ настоящее время, конечно, такія слабости не поощряются,—ну, а въ то время было все возможно.

Помнится мнѣ, что тотчасъ за этимъ селомъ была крутая гора, по которой намъ и приходилось спускаться. Внизу этой горы протекала рѣчонка съ перекинутымъ черезъ нее дырявымъ мостикомъ. Гора эта была очень крутая, а потому мы всегда выходили изъ экипажа и обыкновенно спускались съ горы пѣшкомъ. Отецъ Иванъ обыкновенно провожалъ насъ и только разставался съ нами тогда, когда мы, пройдя мостъ, усаживались въ свой рыдванъ, а ямщикъ начиналъ разбирать возжи.

Однажды во время такихъ проводовъ мы увидали, что съ противоположной горы, на которую намъ предстояло взбираться, спускался какой-то тарантасъ, запряженный тройкою лошадей и поднимавшій цѣлое облако пыли.

— А, вѣдь, это становой Барычевъ!—вскрикнулъ о. Иванъ, разсматривая спускавшійся тарантасъ.—Такъ и есть: онъ, онъ!—прибавилъ онъ весело.—Очень радъ... Очень радъ! Онъ такой же лошадникъ, какъ и я. Устрою ему генеральную выводку и не увижу, какъ день-то пролетитъ.

И дѣйствительно, когда тарантасъ спустился съ горы и подъѣхалъ къ нашему экипажу, мы увидали въ немъ фигуру станового пристава Барычева, покрытаго густымъ слоемъ пыли.

— Ба, ба, ба!—кричалъ онъ.—Вотъ неожиданная-то встрѣча.

И, выскочивъ изъ тарантаса, подбѣжалъ къ матери и поцѣловалъ у нея ручку.

— Ну, а я къ тебѣ, отче,—прибавилъ онъ, обратясь къ отцу Ивану.

— Очень радъ, очень радъ!

— Ну, не знаю, будешь ли радоваться, когда узнаешь, зачѣмъ именно я пожаловалъ къ тебѣ.

— Ты пугаешь меня.

— На то мы и созданы.

— Да ты, можетъ, шутишь?

— Нѣтъ, братецъ, не шучу.

И онъ принялся что-то нашептывать отцу Ивану, а о. Иванъ, слушая его, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ.

— Неужто?—спрашивалъ онъ.—Да нѣтъ, быть не можетъ...

— Вѣрно говорю тебѣ.

— Что же мнѣ дѣлать?... Что же мнѣ дѣлать?

— Въ городъ ѣхать надо хлопотать... Денегъ у тебя много. Захвати деньжатъ побольше, можетъ и схлопочешь.

Только-что веселый и живой о. Иванъ моментально преобразился: словно его въ воду окунули. Онъ молча усѣлся въ тарантасъ Барычева, а мы, распростившись съ ними, тронулись въ путь. Позже мы узнали, что сынъ о. Ивана, проживавшій въ Пензѣ, что-то такое натворилъ и попалъ подъ слѣдствіе.

Но мы не всегда ѣздили въ деревню на долгихъ, иногда ѣздили и на почтовыхъ. Тогда дорога наша измѣнялась. До Саранска мы ѣхали на почтовыхъ по почтовому тракту, а въ Саранскѣ насъ ожидали обыкновенно подставныя лошади изъ Никольскаго. Въ Саранскѣ жили наши родственницы, двѣ старушки Граве, у которыхъ имѣлся собственный домикъ. Къ этимъ-то Граве мы обыкновенно и заѣзжали, гдѣ и заставали выѣхавшихъ за нами лошадей. Какъ звали этихъ старушекъ и какъ именно приходились онѣ намъ сродни, я не помню; помню только, что въ домѣ у нихъ было пропасть маленькихъ комнатныхъ собачонокъ, которыя своимъ звонкимъ лаемъ всегда приводили меня въ ужасъ, но за то выѣхавшій къ намъ на подставу нашъ кучеръ Ѳедоръ Иванычъ приводилъ насъ съ братомъ въ такой восторгъ, что мы почти не отходили отъ него, разспрашивая его о Никольскомъ и о житьѣ-бытьѣ дворовыхъ мальчишекъ, съ которыми у насъ существовала великая дружба. Затѣмъ мы его тащили въ конюшню и не могли до-сыта наглядѣться на пріѣхавшихъ за нами лошадей, съ которыми такъ давно не видались. Мы входили къ нимъ въ стойло, гладили ихъ, цѣловали въ морду, кормили хлѣбомъ, сахаромъ и даже разспрашивали ихъ о здоровьѣ. Изъ Саранска до Никольскаго было 60 верстъ, которыя мы дѣлали въ двѣ пряжки. Останавливались мы кормить лошадей либо въ заштатномъ городѣ Шишкеевѣ у знакомаго намъ становаго пристава Барычева, либо въ Акшинѣ, въ домѣ Огарева.

Огаревъ уже давно не жилъ въ деревнѣ, а потому мы и останавливались въ совершенно пустомъ домѣ. Помню я большой залъ въ этомъ домѣ, въ два свѣта и съ хорами, балконъ, выходившій прямо въ густой паркъ, заброшенный, запущенный и поросшій крапивой и лопушникомъ. Этотъ пустой домъ и заброшенный паркъ нагоняли на меня всегда тоску. Помню, что къ намъ всегда являлся приказчикъ Огарева, изъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, являлся всегда тщательно одѣтый, съ какимъ-то вычурнымъ жабо на груди, и, остановясь у притолки, начиналъ докладывать матери, гдѣ именно находится теперь Николай Платоновичъ. Тогда Огаревъ, кажется, былъ въ Италіи, гдѣ проживала его первая жена.

Разсказы этого приказчика нагоняли на меня хандру еще пуще. Я, бывало, не могъ дождаться той минуты, когда выкормятъ лошадей и когда мы снова усядемся въ свою коляску. Изъ Акшина мы попадали уже прямо домой. Весь этотъ переѣздъ мы съ братомъ совершали уже стоя на ногахъ и не спуская глазъ съ той родной дали, къ которой стремились и душой, и тѣломъ. Вотъ проѣхали мы большое мордовское село Черизмергу, вотъ въѣхали въ лѣсъ, отдѣлявшій это село отъ деревни Хитровки, а вотъ направо, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, возвышается и винокуренный заводъ Огарева... Боже мой, намъ остается только четыре версты!... Мы весело прыгаемъ, хлопаемъ въ ладоши и поминутно обращаемся къ кучеру съ просьбой гнать лошадей.

— Погоняй, Ѳедоръ, погоняй! — умоляемъ мы его, а сами все не сводимъ глазъ съ родной дали.

Но вотъ вдали засинѣлъ темный боръ купца Манухина и на этомъ темномъ фонѣ загорѣлось что-то яркое и свѣтлое.

— Крестъ! крестъ нашей церкви! — кричитъ братъ.

И мы оба, вскарабкавшись на козлы къ кучеру, словно замерли въ ожиданіи увидать родной домъ... Вотъ, наконецъ, и усадьба. Мы съ шумомъ подъѣзжаемъ къ крыльцу дома, а на крыльцѣ насъ ожидаютъ уже приказчикъ Никита Григорьичъ, дворецкій Захаръ Зотычъ и ключница Татьяна Ѳедоровна.

О, родныя мѣста!... О, родные люди!... Но людей тѣхъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ, а родныя мѣста... Но мнѣ не видать ихъ болѣе...

IV.

Несмотря, однако, на то, что я былъ заядлымъ театраломъ, любилъ потанцовать и имѣлъ большую склонность къ охотѣ,—я все-таки, надо думать, учился добропорядочно, такъ какъ ежегодно переходилъ изъ класса въ классъ и ни въ одномъ не засиживался, хотя въ то время засиживающихся не исключали и дозволяли сидѣть въ гимназіи сколько душѣ угодно. Я бы могъ насчитать многихъ товарищей, которые преусердно брили бороды и были почтенныхъ лѣтъ. Про одного говори даже, что онъ былъ женатъ и даже имѣлъ ребенка. Конечно, начальство гимназіи подтрунивало надъ такими субъектами, но не притѣсняло ихъ и давало возможность благополучно докончить дѣло образованія. Къ тактакимъ гимназическимъ старожиламъ учителя относились даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ: звали по имени и отчеству и, здороваясь, подавали имъ руку.

— Здравствуйте, Семенъ Павловичъ,—говорилъ учитель, входя въ классъ.—Какъ поживаете?

— Благодарю васъ... Вы какъ себя чувствуете?

— Голова болитъ,—отвѣчалъ учитель, садясь за каѳедру.

— Не хорошъ-съ.

Излишне говорить, что во время каникулъ любимѣйшимъ моимъ развлеченіемъ была охота съ ружьемъ. Въ то время пистонныя ружья не были еще въ ходу и были очень дороги, а потому ружье у меня было просто-напросто тульскаго издѣлія и кремневое. Помнится мнѣ, что за это ружье заплатилъ я двадцать рублей ассигнаціями. Оно немилосердно отдавало, почему я и ходилъ постоянно съ распухшей щекой, и безпрестанно дѣлало осѣчки. Вспыхнетъ, бывало, порохъ на полкѣ, а выстрѣла нѣтъ. Это всегда меня очень раздражало. Ползешь, ползешь, бывало, подъ утокъ, подползешь, наконецъ, видишь—громадная стая... Ну, думаешь: штуки двѣ-три убью... Приподымешь осторожно голову, начнешь цѣлиться, а сердце такъ и замираетъ... Взведешь курокъ, спустишь его и вдругъ — пшикъ! и больше ничего... А утки съ шумомъ и крикомъ снимались съ воды и—поминай, какъ звали!

Ружейной собакой былъ у меня пудель, кличка котораго была Фаяръ, или по-просту Фаярка. Фаярку этого я стригъ на манеръ льва, т.-е. выстригалъ ему задъ и морду, оставляя на мордѣ два пучка шерсти, вмѣсто усовъ, и такой же пучокъ на концѣ хвоста. Это была очень умная и послушная собака, не боявшаяся ни палящаго зноя, ни зимнихъ заморозковъ и отличавшаяся великимъ терпѣніемъ. Подстрѣлишь, бывало, нырка какого-нибудь... Нырокъ этотъ начнетъ нырять, а за нимъ Фаярка. Подплыветъ, бывало, къ нему, норовитъ схватить, а тотъ—въ воду, а минуты черезъ три вынырнетъ гдѣ-нибудь позади Фаярки, саженяхъ въ десяти... И вотъ Фаярка, высуня языкъ и торопливо болтая ногами, поворачивалъ назадъ и снова начиналъ преслѣдовать подстрѣленнаго нырка. Повторялась та же исторія, и въ концѣ-концовъ все-таки Фаярка излавливалъ нырка.

Однажды, отправившись на охоту, мнѣ пришлось идти дорогой, извивавшейся ржанымъ полемъ. Рожь уже цвѣла и возвышалась густой стѣной по сторонамъ дороги. День былъ палящій, душный, и моя Фаярка бѣжала впереди, высуня языкъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, собака стремглавъ бѣжавшая навстрѣчу, какъ будто кѣмъ-то преслѣдуемая. Собака бросилась было на меня, но, увидавъ Фаярку, круто повернула—и не успѣлъ я мигнуть, какъ моя Фаярка

очутилась уже подъ собакой, съ озлобленіемъ кусавшей ее. Послышались чьи-то крики:

— Бѣшеная, бѣшеная! — кричало нѣсколько мужиковъ, верхами и съ дубинами въ рукахъ преслѣдовавшіе собаку. — Бѣшеная! Стрѣляй ее, баринъ!

Но стрѣлять въ бѣшеную собаку я не могъ, такъ какъ она сидѣла на моей Фаяркѣ и продолжала ее грызть.

Однако, когда мужики подскакали къ мѣсту происшествія, бѣшеная собака бросилась въ сторону, и я успѣлъ подстрѣлить ее. А мужики принялись доколачивать ее дубинами.

— Да бѣшеная ли? — спросилъ я мужиковъ, когда они покончили съ собакой.

— Бѣшеная, — подтвердили они.—Всѣхъ собакъ у насъ въ деревнѣ перекусала, да штуки три коровъ.

Мнѣ было очень жаль Фаярку и потому я, возвратясь домой, тотчасъ же послалъ за манухинскимъ фельдшеромъ, Поликарпомъ Ивановичемъ, отлично излѣчивавшимъ отъ водобоязни.

Поликарпъ Ивановичъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, сутуловатый, говорившій басомъ. Онъ брилъ лицо, оставляя только одни щетинистые, торчащіе усы. Глаза у него походили на глаза волка: такіе же сѣрые и съ такими же мелкими черными крапинками на радужной оболочкѣ. Гдѣ онъ обучался, я не знаю, видѣлъ только, что лѣчилъ онъ по какому-то толстому лѣчебнику. Откроетъ, было, этотъ лѣчебникъ и начнетъ водить пальцемъ по его страницамъ, разыскивая волчьими глазами то мѣсто, которое ему требовалось.

Всѣ болѣзни онъ приписывалъ обыкновенно засоренію желудка, почему лѣченіе начиналъ всегда со слабительныхъ и являлся къ больному съ карманами, наполненными разными бутылками, заключавшими его медикаменты. Маленькими пріемами онъ гнушался, а заставлялъ пить лѣкарства стаканами.

— Вотъ,—говорилъ онъ, вытаскивая изъ кармана шампанскую бутылку и похлопывая по ней рукой.—Выпейте эту бутылку въ три пріема—какъ рукой сниметъ.

Однажды, лѣчивши меня, онъ заставилъ меня выпить какого-то кислаго лѣкарства, которое сохранялось въ полуведерной бутыли.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—выпейте это въ два дня: по четверти ведра въ день, а черезъ два дня я къ вамъ прибѣгу и еще чего-нибудь дамъ.

Однако, лѣкарства этого допить мнѣ не пришлось, такъ какъ

послѣ первой же четверти у меня появилась такая оскомина, что зубы мои сдѣлались, словно восковыми.

Поликарпъ Ивановичъ всегда ходилъ пѣшкомъ и въ лѣтнее, и въ зимнее время и всегда съ ружьемъ на плечахъ, такъ какъ былъ страстный охотникъ, и вдобавокъ медвѣжатникъ. Ему удалось уже убить штукъ пять-шесть медвѣдей, которыхъ въ нашей лѣсистой мѣстности было достаточное количество, и охоту эту онъ предпочиталъ всякой другой.

Вотъ за этимъ-то Поликарпомъ Ивановичемъ я и послалъ, когда моя Фаярка была искусана бѣшеной собакой.

Осмотрѣвъ Фаярку и всѣ искусанныя мѣста, онъ улыбнулся и, махнувъ рукой, проговорилъ:

— Не бойтесь—вылѣчимъ! Не мало вылѣчивали не только собакъ, но и людей даже.

Затѣмъ бросился въ буфетную, выпросилъ у Захара Зотыча пустую бутылку, всыпалъ туда чего-то, налилъ воды и, поболтавъ бутылку, явился ко мнѣ.

— Слабительное?—спросилъ я его.

— Непремѣнно-съ... Хотя водобоязнь происходитъ не отъ засоренія желудка, но все-таки прочистить его необходимо.

И выливъ эту бутылку въ горло Фаяркѣ, онъ вынулъ изъ кармана какую-то тряпочку, въ которой завязанъ былъ тотъ чудодѣйственный порошокъ, которымъ Поликарпъ Ивановичъ излѣчивалъ обыкновенно бѣшенство. Секретъ свой онъ сохранялъ въ глубокой тайнѣ и, только спустя долгое время послѣ описаннаго, мать купила секретъ этотъ у Поликарпа Ивановича и лѣчила въ свою очередь тѣмъ же порошкомъ другихъ; потомъ лѣчила имъ моя жена и я лично, и всегда получались самые блестящіе результаты. Поликарпъ Ивановичъ даже научилъ меня собирать эту траву, такъ какъ порошокъ составлялся изъ высушенной и мелко-истолченой травы. Это цвѣточки, весьма похожіе на цвѣтки лѣсной гвоздики, обыкновенно растущіе на возвышенныхъ мѣстахъ. Ихъ собирать слѣдуетъ весной, когда они достигаютъ полнаго развитія.

Послѣ слабительнаго Поликарпъ Ивановичъ намазывалъ масломъ нѣсколько ломтей чернаго хлѣба, обильно посыпавъ ихъ сказаннымъ порошкомъ, велѣлъ давать Фаяркѣ натощакъ по ломтю этого хлѣба.

— Покормите ее такъ-то съ недѣльку, а тогда и отправляйтесь на охоту.

И, проговоривъ это, онъ раскланялся и ушелъ, а недѣлю спу-

стя, я охотился уже съ Фаяркой на Манухинскомъ пруду, такъ какъ мой Фаярка былъ совершенно здоровъ, тогда какъ тѣ собаки, о которыхъ говорили мужики, всѣ перебѣсились и были убиты.

Почти каждое лѣто пріѣзжалъ къ намъ въ Никольское крестникъ моей матери Василій Никитичъ Фокъ, или, какъ мы его тогда звали—Вася. Вася былъ сынъ Краснослободскаго чиновника, имѣвшаго въ этомъ городѣ свой домикъ съ обширной усадьбой и фруктовымъ садомъ. Отца его я не помню, но мать его, Марью Васильевну, помню отлично. Это была женщина небольшого роста, худощавая, со сморщеннымъ лицомъ и большимъ открытымъ лбомъ, который, при малѣйшемъ движеніи бровей, собирался мелкими складками.

За Марьей Васильевной мать обыкновенно посылала лошадей, на которыхъ та и пріѣзжала къ намъ въ сопровожденіи своего Васи. Вася, родившійся у насъ въ домѣ, въ селѣ Никольскомъ, былъ старше меня годами тремя, не больше, а потому всегда былъ моимъ другомъ дѣтства. Василій Никитичъ живъ до сихъ поръ. Теперь ужъ онъ покрытъ сѣдинами, дослужился до чина статскаго совѣтника, получаетъ довольно приличную пенсію, часто бываетъ у меня, и до сихъ поръ наша дѣтская дружба сохранилась въ полной силѣ, что представляетъ въ наше время явленіе не совсѣмъ обычное.

Въ то время, о которомъ я говорю, Вася былъ уже на службѣ, кажется, въ пензенской палатѣ государственныхъ имуществъ. Онъ былъ франтъ большой руки, одѣвался всегда щеголевато и носилъ крахмальныя манишки съ такими же накрахмаленными стоячими воротничками, которые въ то время назывались брыжжами и были еще мало распространены. Онъ любилъ завивать волосы, помадиться и всегда носилъ съ собой зеркальце, гребешочекъ и щеточки. Своими модными костюмами онъ всегда, признаться, приводилъ меня въ смущеніе и даже возбуждалъ нѣкоторую зависть.

У насъ былъ крѣпостной портной, Николай Ивановичъ Половъ, котораго я всегда призывалъ къ себѣ, какъ только пріѣзжалъ Василій Никитичъ, и слезно упрашивалъ его подробно осмотрѣть фасонъ платья и сдѣлать по нему надлежащія выкройки. Все это Николай Иванычъ исполнялъ въ точности, но какъ только платье выходило изъ-подъ его иголки, то ничего похожаго на щеголеватый костюмъ Васи въ немъ не оказывалось. То, бывало, рѣзало подмышками, то на спинѣ выходили какія-то складки, а воротникъ чуть не достигалъ до ушей.

V.

Вася тоже былъ страстный охотникъ, а потому онъ всегда являлся къ намъ въ полномъ вооруженіи и съ лягавой собакой Сбогаромъ. Насколько онъ восхищалъ меня своимъ туалетомъ, настолько и своими охотничьими принадлежностями. У него было хорошенькое ружье, патронташъ, ягдташъ, а Сбогаръ его продѣлывалъ такіе фокусы, что всегда приводилъ меня въ восхищеніе. Онъ подавалъ ему сапоги, туфли, приносилъ ему потерянный платокъ и проч. въ этомъ родѣ. Пріѣзду Васи я всегда очень радовался. Спали мы съ нимъ всегда на мезонинѣ, въ большинствѣ случаевъ на верхнемъ балконѣ, а чуть занималась заря, мы отправлялись на охоту. Иногда мы ночевали даже на Манухинскомъ пруду, чтобы пораньше захватить зарю. Для этого мы выпрашивали у рыбака небольшую лодченку и, заѣхавъ на ней въ камыши, ожидали появленія утокъ. Теперь, въ наше время, такого изобилія дичи, какъ тогда, нельзя встрѣтить. Отчего это происходитъ, я рѣшить не берусь; оттого ли, что увеличилось количество охотниковъ, или оттого, что распаханы почти всѣ залежи и степи, и дичи негдѣ пріютиться.

Однажды во время такой охоты съ нами произошелъ слѣдующій казусъ.

Какъ-то, невмѣру разгорячившись и круто повернувшись на лодченкѣ, Вася опрокинулъ ее, и мы всѣ очутились въ водѣ. Къ счастью, мѣсто было очень мелкое, но тѣмъ не менѣе мы все-таки были вымочены до костей и перепачканы грязью, почему и должны были прекратить охоту и возвратиться домой.

Вася, кромѣ того, былъ и рыболовъ и онъ первый научилъ меня ловить рыбу острогой. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: къ носу лодки пристраивается желѣзная рѣшетка, на которой и разжигается небольшой костеръ изъ сухихъ сучьевъ. Въ лодку садятся двое: на корму помѣщается тотъ, кто будетъ управлять лодкой, а на носъ тотъ, кто будетъ бить рыбу острогой. Острога это есть трезубецъ съ бородками, прикрѣпленный къ легкому шесту. Охота эта производится обыкновенно ночью и по мелкимъ мѣстамъ для того, чтобъ разожженый костеръ свободно освѣщалъ дно пруда. Я никогда не воображалъ, чтобы такого рода охота могла быть столь интересна и красива, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Нашъ прудъ въ Никольскомъ подходилъ какъ нельзя лучше къ этой охотѣ: во-первыхъ, потому, что онъ былъ мелководенъ, а во-вторыхъ, не особенно густо поросъ водяными растеніями.

И вотъ, когда наступила ночь, мы тронулись въ путь. Я буквально былъ пораженъ раскрывшейся передо мной картиной и впервые увидалъ то, чего никогда не видѣлъ. Лодкой управлялъ Вася, а я стоялъ на носу съ острогой. Едва мы отчалили отъ берега, какъ я вдругъ увидалъ что-то черное, похожее на палку, но пристально всмотрѣвшись, я убѣдился, что это была щука. Щука, какъ видно, спала, а потому и стояла неподвижно.

— Щука,—шепнулъ я.

— Бей ее,—шепчетъ Вася, — только смотри подводи къ ней острогу поближе, а то промахнешься.

Я притаилъ дыханіе, подвелъ острогу къ самой щукѣ и рѣзкимъ движеніемъ руки ударилъ острогой, но оказалось, что вода обманула меня и что острога была въ довольно большомъ разстояніи отъ щуки, такъ что воткнулась не въ щуку, которая успѣла ускользнуть, а въ глинистое дно. Вася даже обругалъ меня, прогналъ съ носа и, усадивъ на корму, заставилъ управлять лодкой, а самъ вооружился острогой.

— Смотри, тише только!—шепталъ онъ, грозя пальцемъ.—Да не стукай весломъ, а то всю рыбу перебудишь.

Вася, нѣсколько разъ уже охотившійся съ острогой, оказался опытнѣе и искуснѣе меня. Онъ то и дѣло дѣйствовалъ острогой и каждый разъ вытаскивалъ какую-нибудь рыбу. Разъ даже вытащилъ рака. Но меня не столько занимала рыбная ловля, сколько занимало дно пруда, въ особенности тамъ, гдѣ оно нѣсколько порастало водяными растеніями. Дно это, освѣщенное яркимъ свѣтомъ костра, дѣйствительно казалось чѣмъ-то волшебнымъ и въ то же время до крайности изящнымъ.

Проохотились мы часа полтора, наловили достаточное количество и щукъ и карасей и порѣшили вернуться домой.

— Ну, ворочай домой! Довольно.

Я хотѣлъ было повернуть лодку, но никакъ не могъ сообразить, въ какую сторону поворачивать: вокругъ насъ царилъ такой мракъ, что разглядѣть что-либо не было никакой возможности... Мракъ направо, мракъ налѣво, мракъ впереди и сзади. Только мы одни ярко освѣщены костромъ.

— Куда же ѣхать?—спросилъ я.

— Верти налѣво!— говоритъ Вася. — Не знаешь развѣ, что домъ-то въ лѣвой сторонѣ остался.

Я повернулъ налѣво, и мы поплыли. Проплыли мы съ полчаса, и вдругъ лодка наша врѣзалась въ густые камыши.

— Откуда эти камыши? — вскрикнулъ я. — Мы не туда ѣдемъ.

— Валяй, валяй!—кричитъ Вася:—не бойся, ѣдемъ туда, куда слѣдуетъ.

Я принялся грести, а черезъ нѣсколько минутъ, кое-какъ выбравшись изъ камышей, мы плыли по чистому мѣсту. Перепуганныя стаи утокъ съ шумомъ поднимались со всѣхъ сторонъ и свистомъ крыльевъ оглашали воздухъ. А вотъ передъ нами вдругъ оствѣтились какіе-то кусты.

— Положительно мы не туда ѣдемъ.

— Что за чортъ?—бормочетъ растерявшійся Вася.

И вдругъ, что-то придумавъ, принялся заливать костеръ.

— Потушимъ огонь, — говорилъ онъ, — тогда увидимъ и усадьбу.

Огонь былъ залитъ, но усадьбы мы, все-таки, не увидали. Прежде мы могли видѣть хоть то, что насъ окружало, а теперь мракъ слился, и мы очутились словно въ подземельѣ.

— Ну? — спрашивалъ я, не имѣя даже возможности разсмотрѣть Васю.

— Ну?—повторилъ онъ въ недоумѣніи.

— Куда же?—спросилъ я.

— Валяй куда-нибудь. Куда-нибудь да причалимъ.

Я началъ валять. Проплыли мы еще съ полчаса, а, все-таки, никуда не причалили.

Вдругъ позади насъ сторожъ ударилъ въ колоколъ. Судя по звуку, можно было догадаться, что мы все время плыли не по направленію къ дому, а напротивъ отдалялись отъ него.

— Верти назадъ!—кричитъ Вася.

— Нѣтъ, говорю я,—теперь садись ты, я выбился изъ силъ.

Вася усѣлся на корму и принялся грести. Но домой попали мы не скоро, поминутно попадая то въ камыши, изъ которыхъ съ трудомъ выбивались, то наскакивали на отмели. И только, когда начала заниматься утренняя заря, мы кое-какъ добрались до дому.

Съ тѣхъ поръ мы съ Васей на подобнаго рода охоту уже не ѣздили, а ограничивались ружейною охотой.

Иногда мы брали съ собой на охоту и знакомаго намъ фельдшера Поликарпа Ивановича.

Разъ какъ-то, проохотившись цѣлый день по уткамъ, Поликарпъ Ивановичъ сказалъ:

— Ну, какая это охота. Пойдемте-ка лучше на медвѣдя.

Мы съ Васей даже оторопѣли.

— На медвѣдя?—спросили мы.

— Да вы чего же испугались-то?—проговорилъ Поликарпъ Ивановичъ, подсмѣиваясь надъ нашимъ испугомъ.

— Да, вѣдь, это страшно!—говоримъ мы.

— Никакихъ страстей нѣтъ.

— Да, вѣдь, онъ, пожалуй, черепъ своротитъ.

— А я васъ такъ пристрою, что не своротитъ. У меня есть одинъ медвѣдь на примѣтѣ. Должно быть, сластникъ великій.

— Почему же сластникъ?

— А потому, что почитай каждую ночь къ нашему пчелинцу за медомъ ходитъ.

— Неужели?

— Вѣрно,—говорю вамъ... Пойдемте-ка... Я посажу васъ въ землянку къ пчелинцу, и вы будете въ безопасности, а я сяду на то дерево, мимо котораго онъ каждый разъ проходитъ. Медвѣдь небольшой, говорятъ, ну, а, все-таки, не въ примѣръ больше вашей утки.

— Что же мы будемъ дѣлать въ землянкѣ-то?

— А будете изъ окна смотрѣть и медвѣдя караулить.

Отказаться отъ предложенія Поликарпа Ивановича намъ было бы неловко, такъ какъ онъ имѣлъ бы тогда право считать насъ за трусовъ, чего мы крайне боялись, вслѣдствіе чего мы тотчасъ же ударили по рукамъ и сговорились на слѣдующій же день идти на манухинскій пчельникъ и тамъ переночевать.

Поликарпъ Ивановичъ, повидимому, былъ очень доволенъ, назвалъ насъ молодцами, пророчилъ удачную охоту и только высказалъ опасеніе, какъ бы за это не огнѣвались на него наши мамаши.

— Это за что?—горделиво поднявъ голову, сказалъ я.—Что, мы мальчики что-ли?

— А моя и подавно слова не скажетъ.

— А лучше всего,—проговорилъ Поликарпъ Ивановичъ,—молчите про медвѣдя-то.—Скажите, что на утокъ идете—только и всего.

Но Василій Никитичъ противъ этого возсталъ, доказывая, что онъ чиновникъ, а не какой-нибудь мальчишка и что уходить крадучись онъ не намѣренъ.

На этомъ мы и покончили. И гордые своею храбростью, распростившись съ Поликарпомъ Ивановичемъ, направились домой.

Однако попасть на медвѣжью охоту намъ все-таки не удалось, такъ какъ собравшись на слѣдующій день на пчельникъ Манухина, мы вдругъ не нашли своихъ ружей, куда-то пропавшихъ. Мы

всюду искали ихъ, обшарили всѣ чуланы, облазили всѣ чердаки, а ружья словно сквозь землю провалились. Мы не знали, что и думать, какъ вдругъ смѣхъ моей матери, замѣтившей нашу суетливую бѣготню, вывелъ насъ изъ недоумѣнія. Оказалось, что Вася дѣйствительно сообщилъ своей матери о нашемъ намѣреніи идти на медвѣжью охоту. Марья Васильевна сообщила объ этомъ моей матери; та, конечно, всплеснула руками, перепугалась, и дѣло кончилось тѣмъ, что, какъ только мы заснули, то обѣ матери тихонько пробрались къ намъ въ комнату и обезоружили насъ.

Послѣ, спустя нѣкоторое время, мы отъ души хохотали надъ продѣлкой нашихъ матерей, но тогда, въ ту минуту, мы выходили изъ себя и чуть не рвали на себѣ волосы отъ досады, что мы очутились въ такомъ наиглупѣйшемъ положеніи. Мы умоляли матерей возвратить наши ружья, и, глядя на наше волненіе, онѣ продолжали хохотать и только, а ружья все-таки не возвратили.

И. Саловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„То было раннею весной“ *).

VIII.

Какъ мы ни скрывали, главная тайна наша—знакомство съ Коржинымъ—была открыта.

Это случилось зимою, на святкахъ. Я была у Мани, мы сидѣли въ столовой вмѣстѣ съ ея матерью и сестрами и пили чай. Пришелъ «кандидатъ», поздоровался со всѣми, сѣлъ и сказалъ:

— А я, знаете, сейчасъ только отъ Ступикова. Кстати, это порядочный-таки идіотъ, и, знаете, поспорилъ съ нимъ здорово... Какъ же, утверждаетъ, что Коржинъ знакомъ съ Маней... pardon, съ Марьей Ивановной... Что будто не разъ встрѣчалъ его съ нею и вотъ еще съ госпожей...

Онъ сдѣлалъ жестъ рукою въ мою сторону и любезно оскалилъ мнѣ зубы.

Свершилось!... Сердце мое замерло и перестало биться... и вся кровь похолодѣла во мнѣ.

— И говоритъ, будто даже слышалъ, какъ онъ имъ «проповѣдывалъ». Я, конечно, не повѣрилъ и обозвалъ его идіотомъ... Помилуйте, знакомство съ Коржинымъ...

«Кандидатъ» страстно затянулся папиросой и сталъ въ подробности разсказывать, какъ онъ спорилъ съ «идіотомъ». Сестры слушали его съ разинутыми ртами и смотрѣли круглыми глазами то на меня, то на Маню... А Маня сидѣла вся пунцовая и старалась спрятать лицо за самоваромъ. Тонкія ноздри ея нервно вздрагивали и губы были плотно сжаты. Но вотъ она подняла голову: глаза сверкнули вызывающе, и она промолвила глухо, сквозь зубы, но все же спокойно:

— Напрасно не вѣрите вашему идіоту... Мы дѣйствительно

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1897 г.

знакомы съ Коржинымъ, и уже давно, онъ даетъ намъ читать книги. Иногда, хотя и очень рѣдко, мы заходимъ къ нему на квартиру, чтобъ отдать книги и взять новыя...

Что тутъ началось!... Лицо у «кандидата» стало узкимъ и длиннымъ, словно его вдругъ вытянула невидимая сила, онъ повернулся въ Манину сторону такъ, что подъ нимъ стулъ затрещалъ, смотрѣлъ на нее какъ на зачумленную и молчалъ... За то сестры застонали и завопили въ три голоса:

— Да не можетъ быть!

— Мама, что же это такое?

— Мама! да мама же! Не слышите вы, что-ли? Марья наша свела знакомство съ нигилистомъ...

— Дѣйствительно, Анна Львовна, что же вы смотрите? — обратился «кандидатъ» къ Маниной матери голосомъ, въ которомъ звучали упрекъ и обида, точно Маня нанесла ему личное оскорбленіе.

Но Анна Львовна, въ противоположность всѣмъ окружающимъ, сидѣла спокойная и безстрастная, какъ каменная баба. Отъ мнимой простуды она сосредоточенно пила 6-ю чашку малиноваго чая, обливалась пòтомъ и, казалось, утратила всякую способность реагировать на окружающее. И только тогда, когда сестры подскочили къ ней вплотную и въ особенности Конкордія стала кричать неистово и потрясать въ воздухѣ обнаженными, по тогдашней модѣ, руками,—Анна Львовна тогда только очнулась и сказала ноющимъ, плаксивымъ голосомъ:

— Что такое?... Ахъ, не кричите вы Бога ради!...

— Но позвольте, Анна Львовна,—не унимался обиженный «кандидатъ»,—я думаю вамъ извѣстно, что такое Коржинъ... Это—личность, которая можетъ весьма и весьма скомпрометировать вашу дочь въ глазахъ начальства, да и вообще...

— Что вообще? Какая личность, говорите!—сказала Маня, смотря на «кандидата» загорѣвшимся взоромъ.

— Слышите, мама! Она еще защищаетъ!... Еще осмѣливается спорить!...

— Во-первыхъ, какъ ты смѣла знакомиться съ преступникомъ?—воскликнула Конкордія, стараясь перекричать всѣхъ,— съ преступникомъ, о которомъ весь городъ трубитъ?... Вѣдь, за нимъ слѣдятъ... Мнѣ самъ приставъ Пышкинъ говорилъ. Мама, что же вы молчите?

— Да что такое, Господи,—чуть не плакала мать,—оставьте меня въ покоѣ... Оставьте ее... Конкордія, Бога у тебя нѣтъ: кри-

чишь, даже въ ушахъ звенитъ... Какой тамъ Коржинъ?... Все это глупости, и ты, пожалуйста, Марія, держи себя приличнѣе... Да! Ты—дѣвушка... и вообще... ты—дѣвушка! Аполлонъ Кирилловичъ, не хотите-ли чайку?—вдругъ неожиданно обратилась она къ «жениху» и поднялась изъ-за стола.—Конкордія, налей, а я пойду полежу: съ вами тутъ съ ума сойдешь.

Она вздохнула и поплелась въ свою спальню походкою жирной гусыни. Сестры опять закричали. А Маня волчонкомъ набросилась на Конкордію:

— Ты не имѣешь права кричать на меня! Я тебя не боюсь и не уважаю ни капельки и скажу, что всѣ вы здѣсь поносите человѣка, котораго совсѣмъ и не знаете, а говорите на основаніи глупыхъ бабьихъ сплетенъ.

— Однако, отвѣтъ... нечего сказать!—процѣдилъ сквозь зубы «кандидатъ», и лицо его позеленѣло отъ злости.

— Одно остается, сказать обо всемъ папѣ,—объявила Конкордія,—послѣднее средство.

Но Маня и къ этому отнеслась съ такимъ же презрительнымъ спокойствіемъ, какъ и ко всему остальному. Она встала и вышла изъ столовой. Я тоже шмыгнула за нею.

Мы очутились въ обширной дѣтской, слабо освѣщенной маленькой лампой. Младшія Манины сестры шумѣли и бѣгали, играя въ салки.

— Что теперь будетъ?—убитымъ голосомъ шепнула я.

— Да ничего,—громко отвѣтила Маня,—папа тоже ничего мнѣ не сдѣлаетъ: онъ у насъ, какъ и мама, ни во что не вмѣшивается. Одно только меня мучитъ, это вотъ что: теперь Коржина возьмутъ на зубокъ всѣ эти сороки и вмѣстѣ съ своимъ «женихомъ» будутъ перемывать его кости, нарочно, чтобы злить меня. Я ихъ знаю!...

И опять глаза у Мани загорѣлись, какъ у волчонка.

— Ахъ, счастливая ты... у тебя такіе добрые родители!—воскликнула я.

Маня посмотрѣля на меня съ удивленіемъ и раздумчиво сказала:

— Твоя мать гораздо добрѣе... и любитъ тебя гораздо больше, чѣмъ моя мать. И потому-то, что она любитъ тебя, она и безпокоится за тебя, и надо всѣ старанія употребить, чтобъ она ничего не узнала.

Отъ этихъ справедливыхъ словъ мнѣ вдругъ стало стыдно и невыразимо грустно на сердцѣ.

Домой я ушла озабоченная, печальная, съ тяжелымъ гнетомъ на душѣ. Весь вечеръ я просидѣла съ матерью тихая, нѣжно смотрѣла ей въ глаза и все хотѣла сказать ей что-нибудь хорошее, ласковое и не могла. Душу мою терзало раскаяніе за долгій обманъ, за долгій грѣхъ передъ нею, и совѣсть моя была угнетена. Мать въ этотъ вечеръ вязала мнѣ шарфъ изъ такой же бѣлой шерсти, какой былъ у Мани и какой мнѣ очень нравился, и спрашивала: отчего я грустна, не больна ли, не простудилась ли? Потомъ она разспрашивала, что я дѣлала у Высоцкихъ; я отвѣчала вяло, незначительными фразами; и была минута, когда я хотѣла броситься передъ ней на колѣни и открыть ей все, что до сихъ поръ скрывала. Но мысль, что мать не пойметъ меня и не проститъ, разстроится и, пожалуй, даже заболѣетъ, останавливала меня, и мнѣ было тяжело и больно, и жаль мать, и самоё себя.

Передъ сномъ я молилась Богу такъ долго и такъ горячо, какъ давно уже не молилась, и молитва была особенная, моя собственная, импровизированная молитва, вылившаяся въ этотъ вечеръ изъ самой глубины моего истомившагося дѣтскаго сердца.

— Господи, прости меня, лгунью несчастную! Прости и помилуй меня, грѣшницу великую... И спаси отъ тревоги и муки душевной мою бѣдную мать!—страстно шептала я въ темнотѣ, а лицо у меня горѣло и руки дрожали и были холодны, какъ ледъ.

IX.

Опять приближалась весна. Пригрѣло солнце, закапало съ крышъ, прилетѣли птицы и защебетали на голыхъ деревьяхъ. Опять въ воздухѣ разлились нѣга и томленье, и радостный трепетъ закипающей молодой жизни.

Школьныя занятія наши пошли вяло, мы учились только тогда, когда знали, что на завтра насъ навѣрное «спросятъ». Обычная живость и подвижность, дѣятельная энергія вдругъ покинула насъ, и мы опять, какъ и въ прошлую весну, присмирѣли, разомлѣли и снова загрустили.

Даже любимое чтеніе на время прекратилось, и мы почти ничего не дѣлали, а только чутко прислушивались къ тому, что происходило въ насъ самихъ. Опять мы полны были томленья и тревожнаго ожиданія счастья. Но теперь всѣ наши мечты и грёзы, какъ далекія птицы, кружились вокругъ одной главной точки, и этою точкою былъ Коржинъ. Сладкое чувство первой робкой любви наполняло наши сердца, свѣтилось во взорѣ, трепетало въ звукахъ голоса и живительнымъ тепломъ проникало все наше существо.

Странная была эта любовь!... Любовь безпритязательная, безъ надежды на взаимность, безъ страстныхъ грѣховныхъ помысловъ, безъ ревности, любовь стыдливая и робкая, невинная и чистая, какъ дитя, и какая-то туманная, расплывчатая, какъ чудный сонъ... Мы влюблены были не только въ самого Коржина, въ его лицо, въ его свѣтлые глаза и тихій ласковый смѣхъ, но и во все то, что шло отъ него и черезъ него. Влюблены были въ его разговоры, въ его книги. И я не разъ, окончивъ чтеніе, прижимала къ сердцу взятую у него книгу, какъ что-то живое, милое мнѣ и безконечно дорогое. А Маня повѣсила у себя надъ кроватью у изголовья портреты Тургенева, Добролюбова и Глѣба Успенскаго, обвила ихъ вѣнками изъ сухихъ травъ и, ложась въ постель, крестила ихъ и нѣжно прощалась съ ними на ночь, какъ съ живыми.

И вотъ, всѣ наши симпатіи, всѣ мысли и чувства, навѣянныя интереснымъ чтеніемъ, и наша собственная страстная жажда быть лучше, просвѣщеннѣе, справедливѣе и добрѣе,—все это слилось съ образомъ Коржина въ одно живое и нераздѣльное цѣлое. Оттого, вѣроятно, и любовь наша была такая расплывчатая и туманная, и платонически безгрѣшная. Потому же, вѣроятно, и Коржинъ совершенно не замѣчалъ нашей «любви», относился къ намъ обѣимъ одинаково просто и братски-участливо.

Когда началась эта любовь, съ какого дня—мы не знали. Иногда намъ казалось, что она появилась съ перваго момента нашей жизни, родилась вмѣстѣ съ нами и жила въ насъ вѣчно, но мы не замѣчали ея и только теперь впервые почувствовали ее въ своемъ сердцѣ, и удивлялись, и съ любопытствомъ присматривались другъ къ другу и сами къ себѣ, и внутренно замирали отъ огромнаго, необъятнаго счастья.

Я стала часто декламировать стихи, гдѣ воспѣвается любовь, а Маня пѣла чувствительные романсы на ту же тему и при этомъ сама удивлялась, откуда у нея взялся такой красивый, нервный голосъ, и когда она пѣла—у меня морозъ пробѣгалъ по тѣлу, а грудь расширялась и наполнялась чѣмъ-то радостнымъ и свѣтлымъ, и я вся вдохновлялась, приподымалась и словно улетала куда-то...

«И ночь, и любовь, и луна...»

заливалась Маня протяжнымъ, звенящимъ сопрано, а я слушала, какъ очарованная, мечтательно вздыхала и, какъ только Маня умолкала,—я снова просила ее спѣть.

X.

Мы сидѣли на урокѣ физики и слушали объясненіе учителя о *Вольтовомъ столбѣ*. Какъ вдругъ дверь отворилась, и показалось скуластое и рябое лицо швейцара Матвѣя.

— Барышню Высоцкую и барышню Черняеву просятъ господинъ директоръ къ себѣ въ кабинетъ,—проговорилъ Матвѣй. И голосъ его, пискливый, какъ у бабы, звонко разнесся по всему классу, и взоры всѣхъ съ испугомъ обратились въ нашу сторону. Маня поблѣднѣла, какъ полотно, а я опять ощутила тотъ же холодъ въ крови, какой испытала тогда, на святкахъ, у Высоцкихъ отъ словъ «кандидата».

— Пойдемъ,—глухо сказала Маня.

Мы поднялись и вышли. Когда мы подходили къ дверямъ директорского кабинета, въ глазахъ у меня все мутилось отъ страха, и меня тошнило.

Директоръ сидѣлъ, наклонившись надъ столомъ и что-то писалъ. Это былъ огромный плечистый человѣкъ съ одутлымъ и желтымъ, какъ лимонъ, лицомъ и съ такимъ же желтымъ, жирнымъ затылкомъ. Затылокъ этотъ съ рѣдкими, торчащими, какъ у ежа, волосами, прежде всего бросился въ глаза, какъ только мы вошли и стали у порога. Огромный человѣкъ круто повернулся, посмотрѣлъ на насъ поверхъ очковъ запухшими маленькими, но острыми глазами и сказалъ:

— Ну-съ, пожалуйте-ка сюда на расправу!...

Мы сдѣлали два-три шага и опять остановились, какъ вкопанныя. Съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ мы боялись директора, какъ огня, а въ этотъ разъ онъ показался намъ обѣимъ положительно какимъ-то чудовищемъ, которое вольно сдѣлать съ нами все, что захочетъ. И я съ безнадежнымъ фатализмомъ ждала чего-то ужаснаго и неизбѣжнаго, тупо смотрѣла ему прямо въ лицо и молчала. Даже Маня, обыкновенно смѣлая, гордая и умѣвшая за себя постоять, тутъ вдругъ вся съежилась, какъ маленькій беззащитный звѣрокъ, и такъ же тупо, какъ и я, ждала удара. А «чудовище» съ минуту молчало, медлило и словно наслаждалось нашимъ мученіемъ.

— Ну-съ, такъ вотъ что,—началъ онъ сухимъ, скрипучимъ басомъ;—вчера вечеромъ я видалъ васъ на улицѣ съ этимъ... какъ его... а... вотъ этотъ франтъ петербургскій... ну, какъ его тамъ?—онъ раздраженно и нетерпѣливо наморщился и сверкнулъ сердито бѣлками глазъ.—Вѣдь, вы знаете, какъ его фамилія, чего же вы молчите?—крикнулъ онъ громко, по-солдатски.

— Коржинъ,—чуть слышно промолвила я.

— Ну, такъ... господинъ Коржинъ. Такъ вотъ что: пока объ этомъ вашемъ знакомствѣ знаю только я одинъ, вы можете еще существовать въ гимназіи: я только изругаю васъ, какъ глупыхъ дѣвчонокъ и дамъ вамъ хорошую острастку, чтобы впредь этого не было,—и только. Но если узнаетъ Поликарпъ Ивановичъ и подыметъ объ этомъ исторію на совѣтѣ, дѣло ваше дрянь: я долженъ буду исключить васъ немедленно... Слышите?

Мы обѣ дрожали, словно листья на осинѣ, и молчали.

— Слышите вы?

— Слышимъ,—опять къ удивленію моему отвѣтила я, а не Маня.

— Ну, то-то... А теперь предупреждаю: если еще разъ я увижу васъ съ нимъ, выгоню въ двадцать четыре часа, не доводя даже до свѣдѣнія совѣта... Поняли?—закричалъ онъ громче прежняго.—А теперь ступайте!...

Мы вышли изъ кабинета, какъ встрепанныя. Лицо у меня огнемъ горѣло, въ вискахъ стучало, а внутри такъ все и стонало отъ жестокой обиды, и металось въ омерзительномъ, позорномъ страхѣ... А Маня по-прежнему была мертвенно блѣдна, глаза были мутны, и она двигалась по коридору какою-то странною, осторожною поступью, какъ лунатикъ... Но вотъ она остановилась на полдорогѣ и вдругъ опустилась на полъ, словно у нея не было больше силы двигаться. Она присѣла на корточкахъ и схватила голову обѣими руками.

— О, какое униженіе!... какой стыдъ!—сказала она вслухъ, покачала головой и тихо, беззвучно зарыдала.

Я тоже заплакала мучительными слезами, присѣла къ ней и обняла ее за талію.

Въ длинномъ пустомъ коридорѣ было тихо, и шепотъ нашъ и всхлипыванія странно и жутко раздавались въ немъ. Въ первый разъ я видѣла свою бѣдную Маню такою униженною и жалкою и удивлялась, какъ она могла такъ вдругъ упасть духомъ. И отъ этого мнѣ еще больнѣе было на сердцѣ, и мнѣ казалось, что обѣ мы похожи на маленькихъ ничтожныхъ червей, на которыхъ вдругъ наступили и безжалостно раздавили. Я продолжала молча ласкать Маню, а она все покачивалась изъ стороны въ сторону, какъ помѣшанная и все плакала горькими, неутѣшными слезами.

Кое-какъ мнѣ удалось приподнять ее и увести изъ коридора въ раздѣвальную. Здѣсь мы укрылись за вѣшалками, на которыхъ

густо были развѣшаны кофты и ватерпруфы, а на полу стояли ряды резиновыхъ галошъ.

Пробилъ звонокъ. Началась перемѣна. Издали доносился до насъ глухой шумъ сотни дѣвичьихъ голосовъ. Потомъ опять прозвучалъ звонокъ и опять все смолкло. Въ нашемъ классѣ начался Законъ Божій, но мы продолжали сидѣть въ раздѣвальной. На урокъ можно было не пойти: «батюшка» у насъ былъ слабохарактерный и къ тому же вѣчно какой-то заспанный, и нашего отсутствія могъ и не замѣтить. Маня перестала, наконецъ, плакать, но блѣдность ея все не проходила, и глаза были тоскливые, какъ у раненаго животнаго, и она говорила:

— Стóитъ послѣ этого здѣсь оставаться? Стóитъ чего-то ждать?

— А аттестатъ?—возражала я: — вѣдь, безъ аттестата на курсы нельзя.

— Что аттестатъ, когда изъ-за него у насъ душу вынутъ и растопчутъ... и уже растоптали... Знаешь,—шепнула она такимъ убитымъ голосомъ и такъ тихо, что я едва разслышала,—мнѣ такъ больно сейчасъ, такъ невыразимо тяжело, что хочется умереть...

Губы ея опять задрожали, и изъ глазъ побѣжали крупныя слезы.

Изъ гимназіи мы ушли раньше обычнаго отпуска, чтобы не встрѣчаться съ любопытными взорами подругъ.

На улицѣ стояла мутная, постылая непогода. Дулъ рѣзкій, холодный апрѣльскій вѣтеръ. Бурыя облака застилали все небо и низко нависли надъ землею, и мелкій колючій дождь рѣзалъ намъ лицо и руки, и острая сырость пронизывала насъ насквозь... Мы молча шагали по тротуару, и внутри у насъ было такъ же тускло, холодно и постыло, какъ этотъ мокрый весенній день... Куда дѣвалось наше обычное въ то время свѣтлое, радостное настроеніе! Сконфуженныя и опозоренныя мы стыдились смотрѣть въ глаза другъ другу, и весь свѣтъ представлялся намъ такимъ тупымъ и злымъ, такимъ несправедливымъ и гнуснымъ...

Домой я вернулась слабая и истомленная тоской и слезами, тотчасъ же затворилась у себя въ комнаткѣ и бросилась въ постель. Отъ матери своей я опять все скрыла, опять солгала, сказавъ, что у меня болитъ голова и, вѣроятно, я простудилась. И отъ этой новой лжи на душѣ у меня стало еще постылѣй и мрачнѣй, и я до самаго вечера пролежала въ постели, какъ деревянная.

XI.

Но прошло нѣсколько дней, и обида наша смягчилась, потеряла свою прежнюю остроту. Юность всегда отходчива, терпѣлива и незлобива. И мы отошли душою, успокоились, подавили въ себѣ обиду и горечь. И растерянныя, распуганныя мысли наши и чувства пришли въ порядокъ и снова потекли по направленію къ свѣту и счастью.

Приближались выпускные экзамены. Мы ожидали всякихъ придирокъ со стороны директора, и потому напрягали всѣ силы, чтобы выйти изъ борьбы побѣдителями.

Цѣлый мѣсяцъ длилась экзаменаціонная пытка, цѣлый мѣсяцъ мучительный страхъ передъ «чудовищемъ» держалъ насъ въ состояніи непрерывнаго нервнаго трепета... Но мы не падали духомъ, сдавали экзамены блестяще, получали пятерки и четверки.

Но вотъ «пытка» кончилась. Мы устали, замучились, но все же, несмотря на это, чувствовали себя счастливыми, какъ никогда... Помню, по окончаніи послѣдняго экзамена мы съ Маней выбѣжали въ коридоръ и порывисто обнимались со всѣми, и цѣловались, и чуть не плакали отъ восторга.

За стѣной въ сосѣдней актовой залѣ еще продолжалось «сраженіе», нѣсколько ученицъ еще томились страхомъ, а мы уже *кончили*, получили свои послѣднія пятерки и были свободны, свободны навсегда отъ экзаменаціонныхъ мукъ! Забылись безсонныя ночи, и страхъ, и тяжкій изнурительный трудъ, и усталость смертная. Мы смѣялись и были добры въ эту минуту нечеловѣческою добротою и хотѣлось намъ обнять весь міръ и простить всѣмъ нашимъ врагамъ и недругамъ... И вотъ, когда вышелъ директоръ и отозвалъ насъ въ сторону, подальше отъ подругъ и заговорилъ съ нами,—мы смотрѣли на него довѣрчиво и въ первый разъ не боялись его.

— А вы обѣ вели себя на экзаменахъ недурно, даже совсѣмъ превосходно! — сказалъ директоръ покровительственнымъ тономъ,—у васъ, Черняева, сочиненіе вышло такое, что я даже удивился, право!... Я вамъ одной только и поставилъ пятерку.

«Слава тебѣ Господи!»—воскликнула я въ глубинѣ души, и во мнѣ тотчасъ же шевельнулось раскаяніе за то, что я прежде ненавидѣла его.

— Да,—продолжалъ онъ,—сочиненіе очень, очень недурно вышло, прямо на золотую медаль. Но... но, тѣмъ не менѣе, ме-

дали вы не получите... даже серебряной... да-а... что дѣлать!— воскликнулъ онъ съ ехиднымъ вздохомъ сожалѣнія. И приложивъ ладонь къ губамъ, зашепталъ съ такими ужимками, словно то, что онъ намъ сообщалъ, было величайшею тайной, и онъ боялся, чтобы его не подслушали.—Нельзя-съ, — говорилъ онъ обдавая насъ запахомъ табачной гари,—главная штука поведеньице... Да! Не одни успѣхи, но и поведенье намъ нужно. Если бы не ваше знакомство съ этимъ проходимцемъ... ну, какъ его?... все забываю... и не ваша пропаганда въ классѣ недозволенныхъ идей...

Радость наша померкла... Маня стояла хмурая, и глаза ея сверкали недобрымъ огнемъ. А я смущенная и сконфуженная растерянно улыбалась и не знала, что сказать.

— Да Николай Васильевичъ! Выслушайте Бога ради,—воскликнула Маня дрожащимъ голосомъ, и потокъ горячихъ оправдательныхъ словъ готовъ былъ хлынуть съ ея устъ, но директоръ остановилъ ее жестомъ руки.

— Та-та-та!... Не кричите, погодите!... Я знаю, что знаю... А также знаю давно, что я—Николай Васильевичъ... ужъ пятьдесятъ лѣтъ объ этомъ знаю. Не въ томъ дѣло, что я—Николай Васильевичъ, а въ томъ, что фактъ на-лицо: я самъ видалъ господина Коржина съ вами, а также самъ собственными глазами видалъ у одной изъ вашихъ одноклассницъ,—у кого—не скажу, сочиненія Глѣба Успенскаго и Добролюбова. Вѣдь, правда?... Ну, что скрывать? Отъ меня не скроешь... Да я особенно и не думаю васъ распекать за это—дѣло прошлое! Тогда, правда, я-таки намѣревался васъ принакрыть хорошенько, да раздумалъ: не хотѣлось поднимать исторію, конфузить заведеніе... Эхъ, барышни, если бы я былъ настоящимъ начальникомъ, то знаете, гдѣ бы вы обѣ очутились?

Онъ сдѣлалъ въ воздухѣ рукою жестъ, который краснорѣчиво пояснялъ, гдѣ бы мы очутились, еслибъ онъ былъ «настоящимъ начальникомъ».

— А я, какъ видите—баба, пожалѣлъ васъ, думаю—молодость!... И вотъ даже допустилъ до экзамена, и аттестатики получите... Такъ-то! Ну-съ, а теперь до свиданья!—Очевидно онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и даже оскалился на прощаніе, что съ нимъ случалось весьма рѣдко.

Мы нѣсколько минутъ стояли сумрачныя и понурыя. Опять внутри насъ закипало нехорошее, злое чувство.

О, Боже мой! скорѣе бы, скорѣе отсюда на свѣтъ, на просторъ, скорѣе отъ зла и ненужныхъ, безсмысленныхъ страданій!...

XII.

Мы давно уже не видались съ Коржинымъ. Экзаменаціонная борьба поглотила насъ всецѣло, и герой нашъ отодвинулся на задній планъ. На время мы забыли не только о немъ, но обо всемъ на свѣтѣ. Но кончилась экзаменаціонная схватка, и всѣ мысли и чувства наши опять вернулись къ старому. Въ тотъ же день, послѣ окончанія экзаменовъ, мы прибѣжали къ Коржину поздно вечеромъ, чтобы повидаться съ нимъ послѣ долгой разлуки. Обѣ мы вошли къ нему веселыя и улыбающіяся. Но онъ встрѣтилъ насъ какъ-то странно, словно испугался или удивился нашему приходу, молча поздоровался съ нами и тотчасъ же бросился къ столу и сталъ торопливо собирать какія-то бумаги и письма.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ онъ невнятно, словно съ просонья.

Сѣлъ на диванъ, но сейчасъ же всталъ, взволнованно прошелся раза два-три по комнатѣ, опять сѣлъ и опять всталъ. Весь онъ показался намъ какимъ-то встревоженнымъ, возбужденнымъ, словно одержимымъ лихорадкою.

Маня заговорила объ экзаменѣ, о директорѣ, но онъ, очевидно, не слушалъ ея, такъ какъ смотрѣлъ не на Маню, а куда-то поверхъ ея головы, глаза его разсѣянно блуждали, и онъ, казалось, совсѣмъ забылъ о насъ и всецѣло ушелъ въ свои мысли. Я наблюдала его съ удивленіемъ и еще какимъ-то непріятнымъ стѣсненнымъ чувствомъ не то обиды, не то досады. И, наконецъ, я сказала:

— Мы, вѣроятно, помѣшали вамъ: вы чѣмъ-то заняты?

Онъ вспыхнулъ, встрепенулся, провелъ рукою по лбу, какъ бы отгоняя назойливыя мысли, и воскликнулъ взволнованно:

— Простите Бога ради!... Я сегодня такъ разсѣянъ... Но это ничего!... Я слушаю васъ... Садитесь пожалуйста и будемъ бесѣдовать... Ну-съ, такъ вы, значитъ, совсѣмъ кончили—это хорошо. А на медаль плюньте, медаль—ерунда, и въ жизни она не имѣетъ никакого смысла.

Мы сѣли, поговорили еще нѣсколько минутъ, но дальше разговоръ не клеился. Коржинъ все шагалъ по комнатѣ и о чемъ-то напряженно думалъ. Временами онъ останавливался передъ нами, скрестивши руки на груди, и тогда смотрѣлъ на насъ ласково съ невыразимою нѣжностью, но въ то же время и странно какъ-то, словно хотѣлъ что-то сказать намъ теплое и любовное и не могъ. Мы обѣ смущенно краснѣли подъ этимъ страннымъ и нѣжнымъ

взоромъ и молчали. А онъ отходилъ отъ насъ и опять принимался задумчиво шагать по комнатѣ.

Наконецъ, мы поднялись и стали прощаться.

— Уже?—воскликнулъ онъ удивленно и тревожно.—Ахъ, не уходите, погодите немного.

Онъ опять смотрѣлъ на насъ съ нѣмою ласкою и въ то же время грустно, опять хотѣлъ что-то сказать, но не могъ и только махнулъ рукою.

Да что такое съ нимъ? Мы переглядывались съ Маней съ недоумѣніемъ и обѣ чувствовали себя какъ-то неловко, несвободно.

— Пойдемте, я васъ провожу,—сказалъ онъ, торопливо надѣлъ шляпу, и мы вышли.

На улицѣ было тихо и немного сыро послѣ дождя и пахло влажными листьями тополей и акацій, росшихъ вокругъ дома. По небу плылъ молодой мѣсяцъ, то совершенно скрываясь за сѣрыми массами облаковъ, то снова выступая въ ослѣпительномъ блескѣ. Коржинъ посмотрѣлъ на свѣтлое вокругъ мѣсяца небо и вдругъ остановился:

— Нѣтъ, не пойду. Еще, пожалуй, размечтаешься,—ишь ночь-то какая!... Ахъ, дѣвочки мои!—Онъ тяжело вздохнулъ, помолчалъ немного и потомъ добавилъ глухимъ, придавленнымъ голосомъ:

— Ну, будетъ, пора!... Прощайте!...

Крѣпко, до боли сжалъ намъ обѣимъ руки, быстро повернулся и скрылся за воротами.

Мы остались однѣ со страннымъ смятеніемъ въ душѣ, съ чувствомъ глубокаго изумленія и тревожнаго щемящаго любопытства. Такимъ его мы никогда не видали. У него что-то есть на душѣ... Что-то случилось съ нимъ серьезное и большое. Но что?...

Мы даже говорить по этому поводу много не могли: ни одной догадки, ни одного предположенія болѣе или менѣе яснаго въ тотъ вечеръ не было ни у меня, ни у Мани.

XIII.

Но на другой же день все разъяснилось: Коржинъ уѣхалъ ночью, уѣхалъ навсегда отъ насъ.

Боже мой! что сталось съ нами, когда мы впервые услышали эту вѣсть... Ошеломленныя, сбитыя съ толку, внѣ себя отъ испуга, мы стояли какъ двѣ статуи у порога его пустой квартиры и не хотѣли уходить, къ великому удивленію кухарки Авдотьи, которая

собственно и сообщила намъ эту страшную новость. Умъ помутился у меня, и я не помню, что испытывала въ эту минуту и какъ долго мы стояли. Помню только, что Авдотья безъ конца повторяла скороговоркой:

— Уѣхалъ, уѣхалъ. Сегодня утречкомъ. Все поспѣшалъ, боялся къ поѣзду опоздать. Только куда уѣхалъ, не сказывалъ. Да мы и не разспрашивали,—какое намъ дѣло? Деньги уплатилъ,—ну, и ладно. Сказывалъ только, что навсегда отъ насъ уѣзжаетъ.

Мы наконецъ вышли отъ Янчиной и очутились на улицѣ. Такъ вотъ оно что!... Теперь понятно, почему вчера онъ былъ такой странный. Но непонятенъ до ужаса этотъ внезапный и совершенно неожиданный для насъ отъѣздъ.

— Что же это такое?... Боже мой, какъ же это? — говорила Маня, нервно ломая руки. Лицо у нея пылало, какъ у трудно больной, и она дрожала вся съ головы до ногъ.

— Уѣхать и не предупредить... не сказать ни одного слова и даже письма не оставить... Нѣтъ, это—ужасно!... Это—черезчуръ ужъ...

Маня поникла головой. Голосъ у нея оборвался, упалъ и вся она какъ-то сразу упала и ослабѣла, словно туго натянутая и вдругъ опущенная струна. Безсильно повисли руки, и въ потухшіе глаза налились слезы.

А я смотрѣла на нее и испытывала такое чувство, будто сейчасъ только опустили въ могилу дорогого мнѣ покойника. Плакать я не могла, не могла и утѣшать Маню, говорить о чемъ-нибудь, хотѣлось остаться одной, закрыть глаза, забыть весь міръ и забыться самой въ окаменѣлой тоскѣ.

Но вотъ первыя минуты острой душевной муки миновали. Мы стали размышлять, говорить и обсуждать на всѣ лады свое горе, старались *догадаться*, что все это значитъ? Ахъ, еслибы намъ понять все! Тысячи различныхъ предположеній вставали передъ нами, но ни на одномъ изъ этихъ предположеній мы не могли остановиться: такъ они всѣ были фантастичны, смутны и ни на чемъ не основаны. Мы *ничего не знали*, намъ не за что было уцѣпиться, мы блуждали въ потемкахъ и отъ этого страдали еще сильнѣе.

Но что больше всего терзало насъ, такъ это—сознаніе, что онъ *скрылъ отъ насъ*. Значитъ онъ презиралъ насъ, считалъ пустыми и ничтожными и недостойными его довѣрія? А если такъ, то что же для него наша любовь? Что ему наша привязанность?... Мы—нуль въ глазахъ его, оттого онъ и уѣхалъ, не сказавши намъ ни слова. Тогда у него нѣтъ сердца, нѣтъ Бога въ душѣ. Значитъ,

онъ совсѣмъ не то, что мы о немъ думали, значитъ мы ошибались въ немъ.

— О, я, кажется, съ ума сойду отъ всего этого!—говорила Маня въ отчаяньи хватаясь руками за голову.—Неужели же мы ошибались въ немъ?...

Тѣ же самые вопли отчаянья и во мнѣ стономъ стояли. Мысли путались, а сердце ныло, словно медленно истекало кровью.

Жизнь наша на время замерла, пріостановилась. Точно ураганъ вдругъ налетѣлъ и разметалъ, и развѣялъ внутри у насъ все, чѣмъ жили мы до сихъ поръ. Увядали нѣжные цвѣты нашей первой робкой любви, а съ ними вмѣстѣ увядала восторженная радость жизни. Выростала новая, невѣдомая еще печаль разочарованія. Свѣжая рана сочилась въ нашихъ сердцахъ, и ни о чемъ кромѣ этой раны мы не могли думать, ничего кромѣ нея не чувствовали и упивались своею мукою и искренно думали, что эта мука будетъ жить въ насъ вѣчно, до самой смерти.

Я ходила молчаливая, грустная, плохо ѣла, а по ночамъ нерѣдко беззвучно плакала, уткнувши голову въ подушку. Мать приписывала мою печаль неудачному исходу выпускного экзамена, сильно жалѣла меня и утѣшала, пространно доказывая, что «не всѣ же кончаютъ съ медалями, что и безъ медали можно жить счастливо на свѣтѣ». Я поддерживала у нея это заблужденіе насчетъ моего настроенія тѣмъ, что ничего ей не возражала, сидѣла молча, грустно слушала, и мысли мои были далеко отъ того, о чемъ она говорила.

Опять вечера мы проводили вмѣстѣ съ Маней. Но что это были за печальные вечера!... Все такъ же чудно хороши были небо и далекія звѣзды, и блѣдный величавый мѣсяцъ, и тишина вокругъ, и цвѣты, и деревья попрежнему курили свой благовонный ароматъ, и весь Божій міръ былъ обвѣянъ красотой и поэзіей.

Только въ сердцахъ нашихъ была мрачная голая пустыня, и злая тоска располагалась въ ней свободно и властно.

Обыкновенно мы молчали, каждая думая про себя одну и ту же грустную думу.

Зачѣмъ любовь, если она несетъ за собою муку? И что такое любовь? И неужели нельзя жить безъ любви? Въ чемъ смыслъ жизни? въ чемъ вѣчное, неумирающее счастье?

Всѣ эти вопросы одинъ за другимъ медленно плыли передъ нами и безъ отвѣта утопали въ темной глубинѣ нашего слабаго, полудѣтскаго сознанія. А яркая реальная мука въ образѣ любимаго нами человѣка вставала передъ нами: вспоминалось только что пе-

режитое прошлое, встрѣчи, разговоры, и мы видали его то свѣтлымъ и яснымъ, то озабоченнымъ, угнетеннымъ и непонятнымъ, какимъ онъ былъ въ послѣдній разъ.

XIV.

Прошла уже недѣля, а мысли наши все еще блуждали въ потемкахъ, загадка продолжала оставаться загадкой, и мы, истомленныя тщетными усиліями разрѣшить эту загадку, готовы были уже махнуть на все рукой и забыться въ тупой покорности судьбѣ.

Какъ-то вполдень пришелъ къ намъ Саша Стебницкій, гимназистъ 8 класса, и потихоньку отъ матери сунулъ мнѣ письмо. Я украдкой взглянула на конвертъ, узнала руку Коржина и вся вздрогнула: меня какъ по темени кто ударилъ. Кровь бросилась мнѣ въ лицо, словно не вмѣщалась больше въ моемъ сердцѣ. Судорожно сунула я письмо въ карманъ. Саша о чемъ-то заговорилъ съ дядею, а я, не дождавшись его ухода, бросилась изъ дома къ Манѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы обѣ уже вскрывали это письмо дрожащими руками спѣша и задыхаясь отъ волненья.

«Дѣвочки мои милыя! — писалъ Коржинъ, — вы изумлены, встревожены и, пожалуй, даже страдаете, да? вѣдь такъ?... Ужъ я знаю, что такъ. Но погодите, выслушайте меня: я хотѣлъ вамъ оставить письмо, но побоялся; — Авдотья по разсѣянности могла потерять или позабыть и не передать вамъ, а хозяйка непремѣнно бы прочла изъ глупаго бабьяго любопытства. Написать вамъ домой — опять же не рѣшался, вѣдь, вы же все скрываете отъ своихъ родныхъ знакомство со мною: а вдругъ письмо попало бы въ руки дядюшки или сестеръ, что тогда? Вотъ я и рѣшилъ написать вамъ черезъ Сашу Стебницкаго, съ единственною цѣлью вымолить у васъ прощенье за все, за все. А главное за то, что я удралъ отъ васъ, какъ воръ. Что мнѣ сказать вамъ въ свое оправданіе? Ахъ, еслибъ это было такъ легко, то не было бы и воровского бѣгства: я бы вамъ прямо сказалъ, что уѣзжаю отъ васъ туда-то и потому-то. Но сказать вамъ это я положительно не могъ, какъ и сейчасъ не могу. Ну, какъ бы я вамъ сказалъ, если то, что составляетъ мою тайну, могло бы васъ взволновать и можетъ быть (и даже навѣрное) заразить васъ, и направить вашу жизнь по той же дорогѣ, по которой иду я самъ?... Да, я даже увѣренъ въ томъ, что откровенность моя имѣла бы для васъ обѣихъ роковой исходъ: вѣдь, вы такъ вѣрите въ меня и обѣ такія

горячія!... Когда-нибудь поймете. А теперь простите меня, мои чистыя, невинныя голубки! Знаете, покидалъ я вашъ городокъ, и мнѣ было такъ грустно... Когда я проѣзжалъ рано утромъ по сонной пустынной улицѣ и взглянулъ на ту лавочку подъ тополемъ — помните? — на которой мы по вечерамъ такъ часто сидѣли, — сердце во мнѣ повернулось и облилось кровью. И я старый дуракъ даже заплакалъ... Да!... Славныя вы обѣ, чудесныя вы маленькія женщины!... Говорю это вамъ въ глаза и совсѣмъ не боюсь испортить васъ похвалою: кто такъ искренно недоволенъ собою и такъ страстно хочетъ быть лучше, какъ вы, — въ томъ нѣтъ глупой влюбленности въ самого себя, и того похвала не испортитъ. Итакъ, прощайте!... Будьте счастливы всегда такъ же, какъ и сейчасъ. А для этого *вѣрьте* въ людей и въ самихъ себя и любите этихъ людей такъ же беззавѣтно и просто, какъ вы умѣете. Умоляю, не печальтесь обо мнѣ. Кстати, вотъ вамъ занятіе на первое время: обратите вниманіе на Сашу Стебницкаго и постарайтесь заразить его своимъ настроеніемъ. Пробудите въ немъ душу, которая пока еще спитъ, какъ сказочная царевна въ заколдованномъ снѣ. Нѣтъ, серьезно: Саша — чудесный мальчикъ, такой же чистый и невинный, какъ и вы, и сердце у него славное, горячее, и умъ свѣтлый, только спитъ еще пока. Вѣдь, вотъ диковина, съ Сашей я знакомъ гораздо ранѣе, чѣмъ съ вами, и однако сколько ни старался расшевелить его — все ничего не выходило. Вамъ же достаточно было одного слова, одной умной интересной книжки, какъ обѣ вы полетѣли къ свѣту и знанію, какъ бабочки на огонь. Удивительный вы народъ, право!...

«Ну, однако, пора... Прощайте и простите за все!... Вспоминайте иногда обо мнѣ тепло, а я буду васъ обѣихъ носить въ своемъ сердцѣ вѣчно, какъ своихъ маленькихъ дорогихъ и любимыхъ сестричекъ».

Мы прочли это письмо каждая про себя, потомъ я еще разъ прочла вслухъ нервнымъ, то и дѣло срывающимся голосомъ. и долго, долго обѣ молчали.

Отъ этого листка бумаги, исписаннаго мелкимъ убористымъ почеркомъ, пахнуло на насъ чѣмъ-то такимъ хорошимъ, такимъ чистымъ и отраднымъ!... Словно лучъ свѣта ворвался въ наши усталыя души и освѣтилъ мракъ, и возвратилъ намъ жизнь. Мы смотрѣли другъ на друга сразу просвѣтлѣвшимъ взоромъ и улыбались блаженно и застѣнчиво.

— А онъ все такой же!...— воскликнула Маня и вздохнула громко и протяжно, какъ вздыхаютъ люди глубоко уставшіе.

Опять мы заволновались и заговорили о немъ, тепло и живо безъ прежней горечи сомнѣній и разочарованій... Опять мы любили его, но уже какою-то далекою грустною любовью, какою любятъ дорогихъ покойниковъ. Опять вѣрили ему... Значитъ, такъ нужно!... Нужно, чтобъ онъ уѣхалъ, нужно скрывать отъ насъ.

И какъ же мы были тронуты его ласкою, какъ благодарны были за прошлое, за все то высокое и прекрасное, что узнали мы только благодаря ему и черезъ него.

— Только его ужъ нѣтъ!—воскликнула я грустно.—И увидимъ ли мы его еще когда-нибудь?...

Горячая волна подымалась у меня отъ сердца, подступала къ горлу и вотъ-вотъ готова была пролиться тихими слезами нѣмой любви и жалости.

XV.

А время шло и несло намъ свое исцѣленіе. Раны наши съ каждымъ днемъ затягивались. И съ каждымъ днемъ образъ Коржина отдалялся отъ насъ, словно заволакивался нѣжной поэтической дымкой, сквозь которую виднѣлось одно только свѣтлое и отрадное... И любовь наша къ нему теперь казалась намъ далекимъ сномъ, милымъ и грустнымъ.

Опять мы читали запоемъ, разсуждали, спорили и волновались, и крѣпли умомъ, и становились сложнѣе душою, и хорошѣли, и расцвѣтали не по днямъ, а по часамъ. Въ особенности выросла и похорошѣла за короткое время Маня. Изъ худенькой плоскогрудой дѣвочки-подростка она превратилась въ прелестную дѣвушку—высокую, тоненькую и стройную, какъ молодой тополь. Раньше цвѣтъ лица у нея былъ блѣдный съ зеленоватымъ отливомъ, какой часто встрѣчается у сильно нервныхъ подростковъ, теперь же эта матовая бѣлизна ея кожи впадала въ розоватый тонъ спѣлаго персика, дышала здоровьемъ и прелестью только что распустившагося цвѣтка. Всѣ черты ея потеряли свою неопредѣленность, стали мягче и законченнѣе, и обычная ея порывистость ослабѣла, поутихла, и вся она была граціозна и мила,—мила тѣмъ болѣе, что совсѣмъ не замѣчала этой своей очаровательной миловидности.

Быстро, незамѣтно летѣли дни и недѣли.... Внутренняя работа продолжала кипѣть въ насъ бодрымъ, молодымъ ключомъ... Теперь вся жизнь наша сосредоточилась въ пламенныхъ мечтахъ о будущемъ, о томъ широкомъ и туманномъ будущемъ, въ ко-

торомъ грезилось намъ наше счастье, такое огромное и лучезарное... Въ чемъ заключалось это счастье, куда мы шли, чего хотѣли,—точно не отдавали себѣ отчета: мы жаждали широкаго полезнаго дѣла и такой же широкой любви, жаждали подвига, самоотверженія и даже страданія *за правду*. Но гдѣ это большое *дѣло?* въ чемъ *правда?* Опять все было загадачно, смутно и неясно. Мы только чувствовали каждымъ атомомъ своего существа, что довольствоваться настоящимъ мы не можемъ, не можемъ мириться съ окружающею жизнью, ничтожной и безсмысленной... И страстно, неудержимо рвались впередъ, въ даль туманную и заманчиво-прекрасную...

Одно только было для насъ ясно и неоспоримо—это-то, что *прежде всего* мы должны расширить свой умственный кругозоръ, должны вооружиться серьезными знаніями, а для этого должны снова учиться, но учиться не такъ безцѣльно, какъ учились въ гимназіи, а такъ, чтобы каждый новый фактъ, каждое свѣдѣніе освѣщало намъ путь къ нашему смутному счастью... И какъ же страстно вѣрили мы въ то, что *со временемъ* все для насъ станетъ ясно, все само собою *разрѣшится*, и мы узнаемъ, въ чемъ «правда» и «что намъ дѣлать». Только скорѣе бы, скорѣе все это наступало!...

XVI.

Приближалась желанная пора. Мы получили аттестаты и навсегда разстались съ гимназіей...

Наконецъ, мы свободны, какъ птицы, и, какъ птицы, распустили свои крылья, готовыя ринуться въ новый жизненный путь...

Маня объявила своимъ родителямъ о томъ, что думаетъ ѣхать на курсы. Отецъ далъ согласіе сразу, мать же, по обыкновенію, только ныла, и неизвѣстно было, согласилась она или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, Маня поѣздку свою считала дѣломъ рѣшеннымъ и поконченнымъ. Сестры въ первое время потѣшались надъ ней, острили и язвили, какъ только могли, называли Маню «синимъ чулкомъ» и «Жоржъ-зандкой». Но Маня уже не сердилась на нихъ и не раздражалась, какъ раньше. Радость и покой за будущее наполняли всю ее, она была весела, кротка и незлобива до того, что сестры, не видя успѣха, прекратили свои злыя выходки, а подъ конецъ даже завидовали ея судьбѣ.

Другое дѣло я... Прошла уже половина лѣта, насталъ іюль мѣ-

сяцъ, а я все еще скрывала свои намѣренія отъ домашнихъ и боялась и не знала, какъ открыть ихъ.

Но вотъ, наконецъ, жребій брошенъ: я призналась во всемъ матери. Полились слезы, посыпались жалобы и упреки, начался въ домѣ тотъ адъ, который собственно и удерживалъ меня до сихъ поръ отъ откровенности.

Дядя заявилъ, что онъ «потрясенъ до основанія неслыханною дерзостью» и что «не въ силахъ больше оставаться рядомъ съ дѣвчонкой, которую надо сѣчь пребольно», и въ виду этого удалился къ своему пріятелю помѣщику верстъ за сорокъ на рыбную ловлю.

Послѣ его отъѣзда мы съ матерью, обезсиленныя борьбой, вдругъ присмирѣли и затихли. Обѣ мы напряженно ждали уступокъ другъ отъ друга и конца мучительной домашней драмы. И обѣ не хотѣли сдаваться, и молчали, и ждали, что будетъ дальше. Я ушла въ самоё себя, замкнулась въ своемъ угнетенномъ состояніи и даже къ Высоцкимъ ходила рѣдко: Манина безмятежная веселость словно нарочно оттѣняла и подчеркивала мою печаль, и отъ этого мнѣ дѣлалось еще больнѣе. Къ тому же и Маня, опьяненная своею радостью, мало проникалась моимъ горемъ и на всѣ мои жалобы отвѣчала съ безпечною веселостью всѣхъ довольныхъ людей:

— Плюнь, не горюй!.. Все само собою устроится... «Само собою усортуется», какъ говоритъ Глѣбъ Успенскій...

И тотчасъ же она начинала пѣть и кружиться, дурачиться и тормошить меня.

Теперь въ домѣ у Мани всегда было весело.

Саша Стебницкій по цѣлымъ днямъ пропадалъ у Высоцкихъ. Отъ прежней его флегматичности не осталось и слѣда. Напротивъ, теперь онъ былъ вдохновленъ, возбужденъ и оживленъ до того, что его узнать нельзя было. Онъ много и горячо говорилъ съ Маней и спорилъ съ сестрами съ небывалымъ азартомъ. А когда затихалъ и смотрѣлъ на Маню, то глаза его, большіе и ясные, загорались, и въ глубинѣ ихъ свѣтилась еще небывалая доселѣ въ немъ нѣжность. Маня замѣчала этотъ горячій, устремленный на нее, взглядъ и сама вся загоралась отъ смутнаго предчувствія вновь воскресающей любви.

А мнѣ съ моею душевною тоской, съ моимъ адомъ домашнимъ больно было смотрѣть на нихъ, больно отъ зависти и жалости къ самой себѣ. Чувство приниженности и остраго душевнаго сиротства на время вытѣснило изъ моего сердца всѣ прежнія радости.

Однажды я просидѣла у себя въ комнатѣ весь день. На дворѣ съ утра лилъ дождь, было пасмурно. И этотъ ненастный день разстроилъ меня окончательно. Мнѣ живо представилась хмурая осень, съ ея темными, длинными вечерами. Маня уѣдетъ отсюда, уѣдетъ и Саша, а я останусь одна... Что буду дѣлать я въ эти долгіе, томительные вечера, въ этомъ скучномъ городкѣ, среди скучныхъ людей, безъ живого дѣла, безъ интереса въ жизни?... Да я съ ума сойду или умру съ тоски!... Ни одной свѣтлой точки не мелькало предо мною. Душа была угнетена невыразимо, и я чувствовала себя заживо погребенною.

Я упала головой на столъ и тихо плакала. Какъ вдругъ вошла мать, сѣла предо мною и сказала:

— Все убиваешься? Глупая дѣвочка!... Ишь, даже похудѣла за это время.

И въ голосѣ ея прозвучала трогательная, но сдержанная ласка. Она вздохнула и долго молчала, о чемъ-то думая, и я молчала и безучастно смотрѣла куда-то передъ собою заплаканными глазами.

— Ну, видно, тебя не сломаешь, — наконецъ, сказала она тихо и мягко.—Пусть будетъ по-твоему, поѣзжай, я тебя не неволю... Но если что случится съ тобою,—я не буду виновата, я тебя удерживала.

Отъ этихъ ласковыхъ словъ меня какъ бы подбросило что съ мѣста, я вскочила и вскрикнула не своимъ голосомъ отъ счастья:

— Мамочка!... Милая моя, безцѣнная, дорогая!... Вѣрь, вѣрь мнѣ: ничего не случится, я ничѣмъ тебя не огорчу, я буду хорошая, честная, буду учиться, буду трудиться!... Ахъ, мамочка!...

Я бросилась передъ ней на колѣни и стала покрывать ея ноги и платье поцѣлуями.

— Глупая, глупая дѣвочка!... Она думала, мать—ея врагъ, а у меня душа вся изныла за это время...

— О, мамочка!... Не надо, не надо!... Не говори...

Я порывисто обвила ея шею руками и закрыла ей ротъ поцѣлуемъ.

— Прости меня!... Я такъ люблю тебя!... И буду любить еще больше.

Мать смотрѣла на меня сквозь слезы мягкимъ, немного грустнымъ взоромъ и свѣтло улыбалась... И эта свѣтлая улыбка живѣе всего говорила, что она любитъ меня и вѣритъ мнѣ, и сдѣлаетъ все, чтобъ я была счастлива...

XVII.

А черезъ двѣ недѣли мы уѣзжали раннимъ утромъ, когда весь городъ еще спалъ...

Я проснулась далеко до восхода солнца. На небѣ не было ни звѣздъ, ни мѣсяца, но всѣ предметы виднѣлись отчетливо, и на всемъ покоился бѣловатый матовый свѣтъ. Я вышла на дворъ, постояла съ минуту на крыльцѣ и опять, пожимаясь отъ холоду, вернулась въ домъ и легла въ постель. Но спать я уже не могла и лежала съ открытыми глазами и прислушивалась къ сдержанному говору матери, которая отдавала приказанія кухаркѣ Аннушкѣ:

— Пирожки заверни получше въ салфетку, чтобы не засохли: дорога дальняя, захочется поѣсть не одинъ разъ...

Я слушала этотъ милый заботливый шепотъ, и чувство, жалостливое и грустное, всплывало во мнѣ откуда-то, словно издалека; но, встрѣтившись съ радостнымъ сознаніемъ, что я ѣду... ѣду сегодня же, черезъ часъ, черезъ два, чувство это опять исчезало, побѣжденное. А свѣтлая радость широко и вольно разливалась въ моей груди, и каждый нервъ вибрировалъ этою звучащею во мнѣ радостью

Розовая заря, наконецъ, заиграла въ окнахъ веселыми лучами... Бодрая вскочила я съ постели, быстро умылась, причесалась, надѣла свое новое дорожное платье и опять выбѣжала на дворъ. Земля пробуждалась отъ сна, просыпались деревья и цвѣты, и небо, и весь садикъ, и дворъ буквально сверкали румяными отблесками зари. Свѣжіе, словно только что умытые, стояли цвѣты, и жемчужная роса сверкала въ пышныхъ розеткахъ астръ, въ чашечкахъ ноготковъ и настурцій. Было тихо и ясно и безмолвно весело все кругомъ... Я шумно носилась съ мѣста на мѣсто, то вбѣгала въ домъ, громко хлопая дверьми, то снова выбѣгала на дворъ...

Мать усаживала меня пить чай, и я безъ конца принималась за этотъ несносный чай и все никакъ не могла одолѣть цѣлую чашку Мною начинало овладѣвать нетерпѣніе: то и дѣло я выбѣгала на улицу и смотрѣла, нѣтъ ли извозчика - нѣмца съ фургономъ, который долженъ былъ доставить насъ на станцію желѣзной дороги.

Но вотъ, наконецъ, и фургонъ...

— Пріѣхалъ?...—вскрикнула мать испуганно и поблѣднѣла смертельно. Сѣла на стулъ, затряслась вся, заколыхалась и зарыдала, закрывши лицо руками. Большая роговая шпилька выпала у

нея изъ волосъ, и эти волосы, кое-гдѣ уже сѣдѣющіе и жиденькіе, спустились на худую шею тонкими косицами, и вся она мнѣ показалась такая жалкая, слабая и безпомощная.

Сердце захолонуло во мнѣ и заныло болью нестерпимою...

Потомъ, когда я была далеко отъ матери и вспоминала о ней, то почему-то она представлялась мнѣ именно въ этомъ безпомощномъ, а не въ другомъ какомъ видѣ, и всегда я испытывала одно и то же острое чувство жалостливой боли, и мнѣ хотѣлось плакать такъ же горько и неудержимо, какъ я расплакалась теперь... Я упала на диванъ головой въ подушку и забыла даже, что меня ждутъ, что пора ѣхать къ Высоцкимъ за Маней...

Мать подошла ко мнѣ и сказала:

— Ну, будетъ ужъ!... Ѣхать такъ ѣхать!... Сама виновата, что затѣяла эти свои курсы. Правду говорили мнѣ дядя и директоръ, да и всѣ: «не дѣвичье это дѣло»...

И помню я, что ничѣмъ бы меня нельзя было такъ скоро утѣшить, никакими доводами, какъ этимъ напоминаніемъ о директорѣ, о дядѣ и обо «всѣхъ»... Горе мое вдругъ превратилось въ жгучую, блаженную радость отъ сознанія, что я именно уѣзжаю отъ дяди, отъ директора и отъ всего того, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, должна быть моя «дѣвичья жизнь».

— О, мамочка... Я рада, рада, что ѣду и никогда не буду раскаиваться!... Мнѣ только тебя жаль... Но я не буду плакать, и ты не плачь, не горюй... Я буду писать тебѣ часто, часто!... Я никогда не забуду тебя... Клянусь тебѣ!... Вотъ крестъ святой, смотри...

Я повернулась къ иконамъ и истово перекрестилась.

Минутъ черезъ десять мы были уже у Высоцкихъ. Тутъ дымъ шелъ коромысломъ отъ суматохи. Горничная Маша бѣгала съ мѣста на мѣсто, какъ угорѣлая кошка. Анна Львовна топталась по коридору въ «дезабилье» и въ стоптанныхъ туфляхъ и ныла:

— Ахъ, я не перенесу этого, не перенесу!... Маша, да увяжи ты, Бога ради, картонку со шляпкою...

Сестры тоже носились по дому полураздѣтыя, но съ неизмѣнными папильотками, и тоже кричали на Машу.

— А гдѣ маленькій сакъ? а ремни?

— Ничего нѣтъ никогда на мѣстѣ!...

И всѣ суетились безъ толку и ворчали другъ на друга. Только одна Маня, виновница всей этой суматохи, сидѣла въ дѣтской, тихая и грустная, и любовно покачивала на рукахъ маленькую Вавочку, которую тоже разбудили неизвѣстно для чего.

— Сердце болитъ?—спросила я у Мани.

— Болитъ,—чуть слышно прошептала она,—но жаль только вотъ эту...

Она кивнула головой на сонную Вавочку и еще сильнѣе прижала ее къ своей груди.

Наконецъ, все уложено... Посидѣли въ залѣ чуточку, помолчали, помолились Богу и начали прощаться... Анна Львовна громко заплакала басомъ, сестры подхватили на всѣ голоса, разбудили Вавочку, и та закричала благимъ матомъ... Мать моя тихо всхлипывала, дрожала легкою дрожью и крестила меня маленькими крестиками.

Только одинъ Манинъ отецъ, Иванъ Ѳедоровичъ, хранилъ хмурое молчаніе человѣка, которому не дали выспаться.

— Да довольно ужъ!... Словно на тотъ свѣтъ провожаютъ,— сказалъ онъ нетерпѣливо и первый полѣзъ въ фургонъ. Онъ долженъ былъ насъ проводить до станціи.

Наконецъ, мы усѣлись

— Пишите же, смотрите!...

— Слышишь, Маня, пиши же почаще!... — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Ну, съ Богомъ!...

Лошади тронулись... Въ послѣдній разъ раздался пронзительный крикъ Вавочки и чье-то: «пишите же, пишите!»—и затѣмъ все смолкло.

Иванъ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ на насъ съ лѣнивою улыбкой, прищурилъ насмѣшливо глаза и сказалъ:

— Ну, что, сороки, довольны?

И больше не проронилъ ни слова вплоть до станціи. Привалился головою къ фургону, надвинулъ шляпу на носъ, вытянулъ ноги и тотчасъ же сладко захрапѣлъ.

А мы съ Маней, разстроенныя прощаніемъ, нѣсколько минутъ ѣхали молча. Въ глазахъ у меня все стояла моя бѣдная мать, и я беззвучно плакала и то и дѣло сморкалась, а Маня сидѣла хмурая и безпрестанно покашливала тѣмъ характернымъ нервнымъ кашлемъ, который у нея всегда появлялся въ минуты сильныхъ душевныхъ волненій.

Фургонъ нашъ выѣхалъ за городъ. Потянулась необозримая степь съ безграничнымъ синѣющимъ вдали горизонтомъ. И этотъ просторъ степи напомнилъ намъ обѣимъ наше будущее, такое же привольное и широкое, какъ эта степь, и смутное, туманное, какъ этотъ синѣющій вдали горизонтъ. Мы взглянули другъ на друга,

улыбнулись и какъ-то сразу, вдругъ просіяли... Прошло еще нѣсколько минутъ, и мы уже весело болтали и смѣялись. И все вокругъ насъ, словно сговорившись, вторило нашей радости... Лошади бѣжали рѣзво, кучеръ, молодой нѣмецъ-колонистъ, лихо, совсѣмъ по-русски, потряхивалъ лохматою, запыленною головой, весело посвистывалъ и то и дѣло вскрикивалъ: «Но-но-о... а-ахъ!» Стаи птицъ вздымались по краямъ дороги и съ шумомъ и задорнымъ пискомъ разсыпались въ разныя стороны. А потоки яркихъ солнечныхъ лучей щедро заливали землю, и желтѣющая уже по-осеннему степь сверкала золотыми переливами. Въ самомъ воздухѣ, свѣжемъ и росистомъ, чувствовалась бодрость и живая радость...

Въ два часа мы были на постояломъ дворѣ. Здѣсь насъ поджидалъ Саша Стебницкій со своими товарищами, молодыми студентами. Они выѣхали раньше нашего и уже больше часу отдыхали въ большой горницѣ постоялаго двора.

Саша, взволнованный и сіяющій, выбѣжалъ къ намъ навстрѣчу съ зарумянившимся лицомъ и распростертыми руками.

— Наконецъ-то! — воскликнулъ онъ, — а я-то ужъ ждалъ, ждалъ васъ...

Маня граціозно оправила на себѣ платье, а потомъ горячимъ, милымъ движеніемъ бросила ему въ руки свои маленькія ручки и сказала:

— Вотъ и мы!

— Пойдемте, познакомлю... У насъ тамъ цѣлая компанія.

— Да ну васъ... послѣ! — отвѣтила Маня, конфузливо краснѣя.

— И правда, послѣ, — весело согласился Саша, — все само собою устроится: вѣдь намъ всѣмъ вмѣстѣ цѣлыхъ четыре дня ѣхать.

— Они тоже въ Питеръ?

— Всѣ въ Питеръ, только одинъ Сомовъ въ Москву...

Мы умылись въ сосѣдней съ горницей комнатѣ, причесались, оправились и принялись закусывать... Ужъ и ѣли же мы, Господи Боже мой!...

А потомъ бѣгали съ Сашей и съ кучеромъ-нѣмцемъ на рѣчку поить лошадей, и на рѣчкѣ брызгались водой, шалили и визжали, какъ дѣти. Всходили на высокую гору, покрытую мелкими сѣрыми камнями-«голышами», обѣжали весь постоялый дворъ съ его грязью и вонью, курами и поросятами, лошадьми и злыми кусачками мухами. И все это продѣлали въ самое пекло, съ открытою головой,

совершенно не замѣчая 35-ти градусной жары: мы были веселы, веселы безгранично!...

Въ четвертомъ часу выѣхали изъ постоялаго двора и двинулись дальше, а къ девяти часамъ пріѣхали къ вокзалу.

Еще издали, какъ только показались высокія трубы вокзальныхъ зданій, я вдругъ притихла, и веселость моя не то что покинула меня, а какъ будто притаилась на время.

Приближалось то роковое и неизвѣстное, что такъ долго манило меня къ себѣ и теперь невольно пугало...

Издали послышался свистъ паровоза, унылый и протяжный.

— Манька, не правда ли, страшно, а?—спросила я, точно сама не довѣряя своему состоянію.

И какъ бы въ отвѣтъ на это Маня вздохнула и воскликнула съ оттѣнкомъ неуловимой грусти:

— Прощай дѣтство, прощай родина, прощай все!...

И она тоже пугливо затихла.

Изъ фургона мы вылѣзли усталыя и слегка разбитыя.

Вокзальная суматоха повергла насъ въ состояніе какого-то гипноза, мы бродили за Иваномъ Ѳедоровичемъ, какъ въ туманѣ.

Иванъ Ѳедоровичъ почему-то купилъ намъ билеты 2-го класса, когда раньше было условлено ѣхать въ третьемъ вмѣстѣ со студентами, но мы не протестовали: въ тотъ моментъ обѣ мы не могли ни думать, ни говорить о чемъ-либо... Что-то хаотическое и неопредѣленное наполняло мнѣ душу, не то боязливое, не то радостное, но что-то огромное и властное отуманивало голову и заставляло сердце мое то биться порывисто, то замирать протяжно и томительно... Ахъ, скорѣе бы ужъ ѣхать!...

Наконецъ, первый звонокъ, потомъ второй... Мы въ вагонѣ... Прощаемся съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, какъ во снѣ, цѣлуемъ его и не чувствуемъ этого... Скорѣе, скорѣе!... Третій звонокъ... И затѣмъ раздался свистъ паровоза: «У-у-у!»...

Поѣздъ тронулся... Ахъ, слава тебѣ Господи!...

— Маня, я не знаю, что со мной: отъ ѣзды ли это, или еще отъ чего, но я вся шальная какая-то.

— Ну, ничего, выспишься въ вагонѣ и все пройдетъ...

Съ полчаса мы сидѣли молча, отдаваясь во власть тому тихому убаюкивающему настроенію, которое охватываетъ усталыхъ путниковъ въ дорогѣ. Мы отдыхаемъ, слегка дремлемъ, но не спимъ. Притаившаяся внутри насъ радость тихо шевелится и играетъ въ нашихъ сердцахъ и вотъ-вотъ готова проснуться.

И проснулась и опять закружила насъ въ своемъ бурномъ вихрѣ...

— Манька, милая, подумай-ка только!... вѣдь мы ѣдемъ, ѣдемъ!... Ѣдемъ въ Питеръ... Ахъ, Боже мой!...

— Погоди... больно... Не дави мнѣ руки и не души!... А ты какъ же думала? ограничиться только мечтами?...

Я опять жму Манѣ руку, душу въ своихъ объятіяхъ, и мнѣ такъ отрадно, такъ хорошо!...

Наступила ночь кроткая и ласковая, темная и звѣздная. Настала тишина... Мы высунулись въ окно. На площадкѣ поѣзда, отдѣляющей нашъ вагонъ отъ вагона третьяго класса, въ которомъ ѣхалъ Саша со своею компаніей, слышалось хоровое пѣніе. Это пѣли студенты, Сашины товарищи. Сильные молодые голоса ихъ, сливаясь съ ритмическими ударами поѣзда, наполняли ночную тишь чарующею, захватывающею поэзіей. Мы слушали съ замираніемъ сердца, молчали и смотрѣли въ темную пелену неба, раззолоченную яркими звѣздами. Въ душѣ у меня нарастало чувство умилительное и благодарное кому-то и за что-то. За то ли, что я такъ молода и такъ восторженна, что сердце мое пылаетъ любовью къ людямъ-братьямъ и вѣрою въ Бога и Его святую правду, или за то, что вотъ я такая слабенькая, почти еще дѣвочка, ѣду далеко-далеко отъ своего родного гнѣзда и трогательно довѣряюсь чему-то, что еще неясно для меня, неопредѣленно и загадочно, но что̀ я уже люблю пламенно и беззавѣтно и отдаюсь ему всѣми силами молодой души...

— Господи! помоги мнѣ на моемъ новомъ пути, не оставь меня!... Научи жить по-хорошему!...—мысленно посылаю я мольбы свои къ звѣздамъ.

А ночь такъ тиха и такъ нѣжна!... Поѣздъ гудитъ и мѣрно постукиваетъ и мчитъ себѣ въ даль... Отъ паровоза летятъ золотыя искры, свѣтлымъ дождемъ разсыпаются въ темнотѣ, однѣ стелются по землѣ, другія высоко бѣгутъ въ небо, соперничая съ далекими звѣздами.

Я стою, прислонившись головой о косякъ окна, а по другую сторону стоитъ и моя спутница Маня. Слабый свѣтъ отъ матоваго фонаря падаетъ на ея лицо, и никогда еще лицо это не было для меня болѣе близкимъ и роднымъ... Маня тоже смотритъ на звѣзды, думаетъ и мечтаетъ. Глаза ея широко и радостно открыты, губы цѣломудренно сжаты, и она блѣдна и прекрасна, какъ цвѣтокъ лиліи...

А студенты все поютъ... Сашинъ тенорокъ отдѣлился отъ хора и самостоятельно затягиваетъ красивымъ, вибрирующимъ тембромъ:

«На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ»...

И пѣсня, и ночь, и звѣзды — все такъ и просится въ душу, такъ и хватаетъ за сердце... И хочется любить весь міръ, и молиться, и плакать слезами радости...

Ахъ, хороша жизнь!... Хороша молодость!... Юность свѣтлая, юность чистая, окрыленная и жизнерадостная, гдѣ ты?!...

А. Р. Крандіевская.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА *).

Романъ К. Верніоля.

Переводъ съ французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VI.

Въ слѣдующіе дни молодой человѣкъ былъ не мало удивленъ, замѣтивъ, что мадамъ Гарадель чрезмѣрно занимаетъ его мысли. Случай свелъ ихъ на нѣсколько минутъ, они, вѣроятно, не увидятся больше, ничто, кажется, не сближаетъ ихъ... и тѣмъ не менѣе воспоминаніе объ этой встрѣчѣ докучливо преслѣдовало его. Онъ разспрашивалъ Бюго, Лубатьера и многихъ другихъ... всѣ превозносили ее до небесъ—или по слухамъ, или по собственнымъ наблюденіямъ... всѣ говорили объ умѣ, развитіи, оригинальности молодой женщины. Эти единодушныя похвалы раздражали Дютрейля. Онъ былъ убѣжденъ, что эта необыкновенная репутація раздута искусственно. «Избранная натура въ Монтаньякѣ!»... Подобное явленіе казалось слишкомъ неправдоподобнымъ. «Въ сущности,—думалъ онъ,—я могу видѣть это чудо, когда мнѣ придетъ фантазія: она меня пригласила къ себѣ, и я непремѣнно этимъ воспользуюсь».

Госпожа Гарадель жила въ старомъ, громадномъ и странномъ домѣ, почти въ предмѣстьѣ, близъ вокзала. Горничная, толстая, неповоротливая брюнетка съ широкимъ лицомъ и позолоченными сережками въ ушахъ, выразила нѣкоторое удивленіе по поводу появленія незнакомца въ такое время, когда у нихъ принимали только родныхъ. Она отвѣтила ему не безъ нѣкотораго колебанія, повела вверхъ по лѣстницѣ, останавливаясь на каждой ступенькѣ,

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 97 г.

какъ будто желая попросить его спуститься и уйти и, наконецъ, открыла дверь въ небольшую комнату на концѣ коридора.

Madame Гарадель, сидя у открытаго окна, вышивала коверъ, длинная полоса котораго свивалась у ея ногъ. Молодая женщина поднялась, съ улыбкой протягивая гостю руку.

— Очень мило, что вы не забыли моего приглашенія... можетъ быть, нѣсколько нескромнаго. Я не смѣла на это надѣяться, зная, что вы врагъ визитовъ.

— Я?... Почему вы думаете?

— Надѣюсь, вы не сомнѣваетесь, что мой «лучшій другъ»—мадамъ Круазе (она считаетъ себя теперь и вашимъ «лучшимъ другомъ»)—своевременно сообщила мнѣ свое неудовольствіе. Кромѣ того, вы высказали при мнѣ довольно ясно ваши взгляды. Значитъ, по просту говоря, вы дѣлаете для меня исключеніе...

«Она надо мной смѣется»,—подумалъ Дютрейль, но долженъ былъ сознаться, что она права.

— Боже мой! — отвѣчалъ онъ небрежнымъ тономъ,—я могу вамъ повторить только то, что̀ уже имѣлъ честь заявлять мадамъ Круазе. Я едва прожилъ въ Монтаньякѣ два мѣсяца, привыкая—довольно медленно—къ своему дѣлу. Я полагаю, что для жителей Монтаньяка довольно безразличны мои поступки... Кромѣ того, я дѣйствительно думаю, что черезчуръ частыя посѣщенія знакомыхъ доказываютъ неумѣнье довольствоваться своимъ собственнымъ обществомъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что я пренебрегаю обычаями, принятыми въ обществѣ. Я не собираюсь жить отшельникомъ... да и вообще прежде всего не хотѣлъ бы казаться смѣшнымъ.

— Значитъ, это—начало цѣлой серіи посѣщеній?... Вы хотите предаться паломничеству нашихъ офицеровъ, скитающихся въ поискахъ за танцами? Я шучу, конечно; но зачѣмъ же вы оправдываетесь? Я васъ ни въ чемъ не упрекала. Я охотно вѣрю, что у васъ есть лучшее занятіе, чѣмъ вся эта возня съ «реестромъ» нашего городка... Я понимаю, какъ скучно являться къ каждой дамѣ, занесенной въ этотъ реестръ, только для того, чтобы получить затѣмъ право бывать всюду.

— «Реестръ»?

— Да, или «общество», хотя это слово имѣетъ уже болѣе широкое значеніе. Я говорю про реестръ людей, которыхъ *нужно* посѣтить, если вы желаете вращаться въ обществѣ. Это нѣчто вродѣ старинной визировки паспортовъ. Такой реестръ существуетъ, вѣроятно, и у васъ въ... въ томъ городѣ, откуда вы пріѣхали.

— Извините: я почти нигдѣ не бывалъ и совершенно незнакомъ съ этою чертой мѣстныхъ нравовъ.

— Ужъ если вы отважились придти ко мнѣ, то не хотите ли, чтобъ я посвятила васъ во всѣ эти тайны?

— Если васъ это не затруднитъ...

— Нисколько. Я же вамъ говорила, что бываю очень благодарна тѣмъ изъ моихъ друзей, которые не боятся потерять нѣсколько минутъ въ моемъ обществѣ... Вы видите: я васъ принимаю здѣсь безъ церемоній...

Комната, въ которой мадамъ Гарадель принимала «безъ церемоній», была похожа и на «будуаръ», столь любимый романистами школы Фелье, и на современную «маленькую гостиную», и на старинную залу, не разъ описанную Бальзакомъ. Эту смѣсь вы увидите въ провинціи у много читавшихъ и много запоминающихъ женщинъ. Во всемъ убранствѣ сквозили природный вкусъ, опытность, изобрѣтательность и большая доза мечтательности. Простая перегородка, отдѣлявшая комнату отъ другихъ громадныхъ незанятыхъ покоевъ, создала изъ нея удобный и хорошо защищенный уголокъ, съ двумя окнами, выходящими на дворъ. Стѣны и потолокъ были обтянуты китайскою тафтой съ довольно рѣзкими бѣлыми и голубыми полосами. Напротивъ печки висѣло высокое, поцарапанное зеркало, драпированное тою же матеріей. На каминѣ не видно было ни фальшиваго сакса, ни фальшивой слоновой кости, ни фальшивой бронзы,— стояла только ваза нивернейскаго фарфора, наполненная въ этотъ день большими красными розами. Мебель неопредѣленной эпохи—смѣсь гасконскаго, мѣстнаго вкуса со стилемъ Людовика XVI—была обтянута персидскимъ шелкомъ, также бѣлаго и голубого цвѣтовъ. Между дверью и первымъ окномъ вытянулась рояль, около которой на парчевомъ креслѣ сидѣла хозяйка, пододвинувъ къ себѣ маленькій лакированный столикъ, гдѣ рядомъ съ корзиной, наполненной пестрою шерстью, виднѣлись бюваръ, граненая хрустальная чернильница и плохо переплетенная книга.

Очень простой костюмъ молодой женщины былъ созданъ съ тонкимъ знаніемъ дѣла. Платье изъ толстаго, частаго, синяго сукна, нѣжнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ прочнаго, плотно облегало тѣло: повидимому, оно только слегка касалось кожи, а между тѣмъ, скрадывая гдѣ слѣдовало формы, въ другихъ мѣстахъ превосходно ихъ оттѣняло. Простой и гладкій, но довольно просторный корсажъ мѣстами былъ натянутъ, какъ трико, мѣстами ложился широкими сборками. Обширная, гладкая юбка должна была отвлекать внима-

ніе отъ таліи, нѣсколько короткой и расплывшейся. Этотъ послѣдній недостатокъ скрадывался длиною всего бюста, и госпожа Гарадель, чтобы создать еще большую иллюзію, сидѣла обыкновенно въ низкихъ и широкихъ креслахъ: такимъ образомъ она могла придать свободу и легкость движеніямъ своего бюста. Она часто закидывала голову на спинку кресла, и ея роскошные бѣлокурые волосы, зачесанные сзади и вьющіеся на вискахъ и лбу, составляли прекрасный ансамбль со слегка выцвѣтшими красками мебельной обивки.

Черты лица молодой женщины уже потеряли отъ времени свою первоначальную опредѣленность и чуть-чуть расплылись; благодаря этому, еще ясные и чистые глаза казались больше и приняли миндалевидные контуры. Голубой ихъ цвѣтъ, темный по краямъ, къ зрачку становился нѣжнѣе и переходилъ почти въ сѣрый. Короткій и слегка заостренный носъ, мясистыя и влажныя губы, почти четыреугольный подбородокъ—придавали ея лицу, нѣжному и мягкому въ верхней части, рѣшительное и энергичное выраженіе. Мадамъ Гарадель не выглядывала, конечно, красавицей, — это можно было сказать сразу,—но наружность ея, ничѣмъ особенно не выдѣляясь, въ общемъ нравилась многимъ. Никакихъ украшеній, кромѣ обручальнаго кольца, она не носила.

Во время разговора молодая женщина часто касалась своею маленькою и полною ручкой щеки, шеи, праваго глаза.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не знаете, что такое *реестръ*?— начала она, облокотясь на ручку кресла.—Лѣтъ двадцать тому назадъ и холостые, и новобрачные, появляясь въ Монтаньякѣ, прежде всего освѣдомлялись: «гдѣ живетъ мадамъ X...? когда принимаетъ мадамъ Z?» — Всѣ знали, что нельзя обойти визитовъ и къ мадамъ X, и къ мадамъ Z; многіе привозили съ собою въ городъ ихъ адреса. Я была тогда маленькою дѣвочкой; мой отецъ, робкій и трудолюбивый чиновникъ префектуры, внушилъ намъ почти суевѣрное почтеніе ко всякаго рода іерархіямъ. Самою сладкою и возвышенною моею мечтой было попасть въ *реестръ*. Дѣло въ томъ, что въ тѣ времена внѣ кружка, внесеннаго въ списокъ «общества», не было жизни... Мѣстная аристократія, немногочисленная и бѣдная, стояла здѣсь, конечно, на первомъ планѣ, но все-таки главную роль во всемъ играли семьи чиновниковъ: эти благомыслящіе люди (ихъ главнымъ занятіемъ считалась выработка себѣ «корректнаго» мышленія) всегда и вездѣ возводили форму и представительство въ принципъ. Я помню, какимъ почтительнымъ тономъ говорилъ отецъ о супрефектѣ или предсѣдателѣ суда!... Каждый

молодой человѣкъ изъ хорошей семьи съ безупречными политическими и религіозными мнѣніями прилагалъ всѣ старанія, чтобы попасть въ этотъ замкнутый кружокъ... и сколько терпѣливыхъ усилій, разсчетовъ, интригъ, лести приходилось ему расточать, соперничая съ другими, стучавшимися въ ту же дверь!... Разсказать все это значило бы написать исторію нашихъ маленькихъ городковъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ...

Дютрейль съ интересомъ слушалъ разсказъ, хотя разговоръ принималъ видъ лекціи. Онъ внимательно слѣдилъ за своею собесѣдницей, не пропуская ни ея медленныхъ и изысканныхъ жестовъ, ни улыбки, которой она подчеркивала слова, казавшіяся ей умными, ни паузъ, ни манеры какъ бы импровизировать фразы, давно сочиненныя и постоянно повторяемыя. «А она «старается», подумалъ онъ, разсматривая ея полную шею, нѣсколько грубоватый очеркъ рта и сдержанный блескъ глазъ. Замѣтивъ, что молодая женщина остановилась въ ожиданіи отвѣта, Дютрейль поспѣшно сказалъ:

— Мнѣ кажется, что только монархическое правленіе способно создать сильную и уважаемую бюрократію, не правда ли?

— Совершенно справедливо, — отвѣчала она, принимая эту шаблонную фразу какъ нѣчто новое и остроумное, — совершенно вѣрно.—Затѣмъ, видя, что молодой человѣкъ молчитъ, она продолжала:—Теперь уже не то: вы пожаловали въ нашъ старый мірокъ черезчуръ поздно. Буря 1870 года разсѣяла наше «общество». Правда, съ теченіемъ времени, оно реформировалось и сомкнуло ряды. Но... новыя учрежденія и нравы подкосили его въ корень. Понятно, что старое значеніе бюрократіи исчезло: теперь префекты ведутъ свой родъ отъ каменьщиковъ, а генеральные прокуроры во время мессы раскуриваютъ свои трубки на площади... Самые смѣлые чиновники, постоянно дрожа за свое будущее, думаютъ только о томъ, чтобы себя не компрометировать. За политическою революціей послѣдовала финансовая. Въ концѣ концовъ теперешніе французы не отличаются уже чинопочитаніемъ и не склоняются ни передъ традиціями, ни передъ высокимъ званіемъ... Провинціальное общество, а съ нимъ и тотъ реестръ, о которомъ я говорила,—вырождается и распадается. Впрочемъ, оно влачитъ еще временное существованіе, но всѣ эти обряды цѣнятся только среди людей незанятыхъ и веселящихся. Впрочемъ, и въ такомъ видѣ они обманываютъ еще посторонняго зрителя. Эти провинціальные кружки, уменьшенные въ числѣ, производятъ теперь гораздо больше шума, поражаютъ непосвященныхъ... молніеносными взгляда-

ми и овладѣваютъ моментально всѣмъ человѣкомъ, протянувшимъ имъ кончики пальцевъ... лишь бы послѣдніе были въ перчаткахъ!...

Она замолчала, переводя дыханіе, счастливая эффектомъ, который должна была произвести.

«... И т. д., и т. д., и т. д.,—подумалъ Дютрейль.—Фу! вотъ такъ тирада!... И для чего наболтала она мнѣ все это... да еще въ столь лирическомъ тонѣ?... А зубы у нея прекрасные, ровные, перламутровые... и довольно чувственныя губы... Какъ она себя слушаетъ... Очевидно, все заучено наизусть... и, кажется, ничто не забыто... Сколькихъ трудовъ ей все это стоило!... Эхъ, лучше было бы не приходить: я былъ убѣжденъ, что придется разочароваться... И какое мнѣ дѣло до всей этой болтовни!...»

— Я съ вами совершенно согласенъ: картина набросана мастерски... Но... мнѣ кажется, что все это едва ли могло меня заставить выйти изъ моего уединенія.

— Я вовсе и не стремилась защищать провинціальную публику... Во всемъ этомъ слѣдуетъ обвинять не столько людей, сколько среду,—пустыню, въ которой влачатъ они свое существованіе, воздухъ, которымъ дышатъ, жизнь, которую ведутъ здѣсь и отъ которой не могутъ отрѣшиться. Вы еще слишкомъ молоды и не испытали, конечно, ужаснаго вліянія жизни провинціальнаго городка... надѣюсь, вы и въ будущемъ сумѣете его избѣгнуть... Наши ссоры, зависть, партійность — всѣмъ отлично извѣстны и служили не разъ темою для сатириковъ... но какъ удивились бы эти писатели, еслибъ поближе присмотрѣлись къ намъ. Вѣдь здѣшніе жители, несмотря на всю ненависть другъ къ другу, въ сущности—братья: всѣ они—бѣдные и богатые, просвѣщенные и необразованные—живутъ однѣми и тѣми же идеями, имѣютъ общіе нравы, вкусы, инстинкты. Наслѣдственность, воспитаніе, общественное положеніе, индивидуальныя особенности—все это измѣняетъ только наружность. Общее глубокое невѣжество способствуетъ развитію безграничнаго, ни на чемъ не основаннаго тщеславія... Они думаютъ, говорятъ, дѣйствуютъ совершенно особеннымъ образомъ и никто никогда не сравнится съ ними. Будьте увѣрены, что передѣлка водостоковъ въ Монтаньякѣ, въ ихъ глазахъ, гораздо важнѣе Суэзскаго канала, а переизбраніе депутата Лагролэ имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ примиреніе Франціи съ Германіей. Попробуйте говорить съ ними о необходимости образованія,—они не станутъ васъ слушать: они знаютъ рѣшительно все уже въ пеленкахъ. Слово «прогрессъ» для этихъ людей не имѣетъ значенія: они давно уже достигли совершенства. Для истиннаго обывателя

Монтаньяка на свѣтѣ существуетъ только одинъ этотъ городъ. Посторонній зритель обвинитъ насъ въ лѣни, нахальствѣ, лицемѣріи, неимовѣрной глупости... неправда, мы страдаемъ только одной болѣзнью — *монтаньякизмомъ*, вотъ и все! Это благоговѣйное увлеченіе каждымъ своимъ шагомъ переходитъ и на всѣхъ окружающихъ... Наша ненависть и зависть только такимъ путемъ и умѣряется. Говорятъ: «нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ»... я не знаю изреченія менѣе справедливаго: ни одинъ пророкъ, ни одинъ популярный ораторъ, ни одинъ побѣдоносный генералъ не испытывалъ такихъ овацій, какія дѣлаются время отъ времени депутату Лагролэ избирателями: лютая зависть грызетъ ихъ, когда этого человѣка возводятъ на пьедесталъ, но онъ родился, какъ и они, въ Монтаньякѣ и потому долженъ быть великимъ.

Этотъ монологъ взволновалъ мадамъ Гарадель, и Дютрейль замѣтилъ, что *теперь* она была искренняя. Ему пришелся по вкусу этотъ психологическій этюдъ провинціальной жизни. Нѣкоторая нетерпимость сближала эти жалобы съ грозными филиппиками Бриссара, но во всякомъ случаѣ молодому человѣку казалось, что въ сказанномъ было много правды. Ему очень понравились проницательность и откровенность хозяйки, которая такъ сходилась съ нимъ во мнѣніяхъ. Первоначальное предубѣжденіе прошло и мало-по-малу создалось болѣе благопріятное о ней мнѣніе.

— Но все-таки есть исключеніе, —сказалъ онъ.—Турнье, напримѣръ.

— Вы его знаете?

— Я былъ у него разъ, по желанію отца, его стараго друга.

— Пожалуй, Турнье представляетъ исключеніе, хотя мрачное настроеніе и вѣчное брюжжаніе заставляютъ сомнѣваться въ его безпристрастіи (эта фраза привела Дютрейля въ восхищеніе). Есть и еще кое-кто... впрочемъ, людей выдающихся здѣсь немного. Вотъ Казо, напримѣръ, человѣкъ за-мѣ-ча-тель-ный. Можно назвать еще адвоката Рейнуара, — у него очень тонкій и правильный вкусъ... Дессіо... наконецъ, Праде-Жинесту и Плаіаръ; впрочемъ, этихъ двухъ я называю только для пополненія списка, хотя они считаются столпами здѣшнихъ архивовъ, гордостью мѣстной науки: эти профессора въ отставкѣ забыли, что когда-то считались хорошими романистами; теперь они умѣютъ только осыпать васъ цитатами и со страстью комментировать Горація. Это типы прошлаго.

— А затѣмъ?

— Кажется, всѣ. Еще, можетъ быть, надо выдѣлить двухъ-

трехъ чиновниковъ, правда, съ нѣсколько одностороннимъ развитіемъ и черезчуръ поглощенныхъ своей службой.

— Конечно, вы забыли себя изъ скромности?

— О, пожалуйста, не воображайте ничего подобнаго. Я просто стараюсь разогнать свою скуку... читаю немного, чтобъ убить время. Я люблю побесѣдовать съ людьми, которыхъ сейчасъ назвала, потому что съ другими могу говорить только о мукѣ, удобреніи или нарядахъ. Иногда я надоѣдаю имъ своей болтовней,— вы испытали это сейчасъ на себѣ,—но увѣряю васъ, я—самая настоящая провинціалка. Если я изобразила вамъ недостатки Монтаньяка съ нѣкоторой живостью, то потому только, что сама вовсе отъ нихъ не свободна... но я забыла въ своемъ перечнѣ злословіе... теперь вы можете его добавить.

Она сдѣлала рѣзкое движеніе, которымъ нечаянно уронила со столика книгу. Дютрейль поспѣшилъ поднять ее и успѣлъ прочесть заголовокъ. То былъ *Dominique* Фромантэня. Книга эта нравится немногимъ избраннымъ, мало извѣстна публикѣ и рѣдко производитъ впечатлѣніе на женщинъ. Тѣмъ пріятнѣе былъ изумленъ молодой человѣкъ, найдя ее въ гостиной мадамъ Гарадель.

— Вы любите этотъ романъ?—спросилъ онъ.

— Конечно! Какъ можно не любить его? Въ немъ столько чувства, простоты, серьезнаго одушевленія! Читаешь, чтобы познакомиться съ писателемъ, а узнаешь *человѣка*.

Эта подержанная фраза оказалась здѣсь какъ нельзя болѣе у мѣста. Морисъ категорически заявилъ, что романъ Фромантэня «шедевръ», и такой приговоръ не встрѣтилъ возраженій. Они вспоминали отдѣльныя мѣста романа, лучшія его страницы и случайно сошлись во вкусахъ. Само собою разумѣется, что разговоръ перешелъ на литературу. Оказалось, что мадамъ Гарадель вовсе не ограничивалась текущими новостями. Она читала много и читала внимательно. Ея сужденія были основательны, остроумны, формулированы тонко, сдержанно, но безъ всякаго педантизма. Откуда она взяла ихъ? Подсказалъ ли природный умъ, или память сохранила изъ прочитаннаго? Дютрейль долго объ этомъ не раздумывалъ: онъ весь отдался радости, что, наконецъ, можетъ поговорить съ человѣкомъ, понимающимъ его и способнымъ отвѣчать на его вопросы. Съ другой стороны, мадамъ Гарадель никакъ не могла объяснить себѣ, откуда этотъ маленькій чиновникъ набрался такихъ обширныхъ литературныхъ знаній, какъ выработалъ себѣ такое художественное чутье... Очевидно, занимаясь литературой, онъ удовлетворялъ не одно любопытство и вовсе не одного разсѣя-

нія искалъ въ этихъ занятіяхъ. Прикрывая свое удивленіе похвалами, она попробовала разгадать загадку. Это удивленіе не укрылось отъ Мориса и, конечно, очень польстило ему; онъ старался увѣрить свою собесѣдницу, что съ литературой онъ связанъ только природнымъ влеченіемъ; впрочемъ, въ эти объясненія молодой человѣкъ не позабылъ подбавить столько таинственности, что уничтожилъ все ихъ значеніе.

Никто не мѣшалъ этому tête-à-tête; между тѣмъ наступили сумерки, и Жюстинъ, видимо озадаченная столь продолжительнымъ визитомъ, принесла лампу. Только тогда молодой человѣкъ замѣтилъ, что давно пришло время ретироваться; онъ поднялся со всевозможными извиненіями.

— Но мнѣ такъ рѣдко удается говорить о предметахъ для меня интересныхъ!—сказалъ онъ.—Сегодня я могъ доставить себѣ это удовольствіе въ первый разъ съ прибытія въ Монтаньякъ.

— Отъ васъ вполнѣ зависитъ, чтобъ это былъ и не послѣдній разъ... я, впрочемъ, надѣюсь, что вы еще заглянете ко мнѣ. Передайте мой поклонъ Бернесу и скажите, что я очень имъ недовольна: этотъ лѣнивецъ вотъ уже три мѣсяца совершенно забылъ о моемъ существованіи...

Въ сущности, и удовольствіе, которое испытываемъ мы, говоря о нѣкоторыхъ вопросахъ, и горячность, съ которою поддерживаемъ, развиваемъ, отстаиваемъ тѣ или другія идеи, въ концѣ-концовъ коренятся въ тщеславіи: мы разсчитываемъ именно въ этихъ вопросахъ развернуть нашу эрудицію, показать умѣнье обращаться съ предметомъ, глубину сужденій, тонкое чутье... Кромѣ того, мы чувствуемъ обыкновенно тайную симпатію къ тѣмъ людямъ, которые даютъ намъ возможность удовлетворить этому тщеславію; если даже они стоятъ въ нашихъ глазахъ гораздо ниже насъ самихъ, мы невольно и хотя бы на время возвышаемъ ихъ значеніе.

Дютрейль былъ въ восторгѣ, что нашелъ собесѣдника, способнаго слушать, отвѣчать на вопросы и восхищаться его умомъ.

«Само собою разумѣется, я снова явлюсь къ ней,—думалъ Морисъ.—Будь я повѣшенъ, если могъ предполагать, что встрѣчу въ Монтаньякѣ... «избранную натуру», какъ говоритъ этотъ болванъ Бернесъ!... Ну, избранную — не избранную... а все-таки какъ должна она презирать здѣшнихъ «обывателей»... она ихъ великолѣпно изукрасила... вотъ они сошлись бы съ Бриссаромъ!... (Онъ грубо разсматривалъ прохожихъ, и никогда они не казались ему такъ смѣшны.) Она хорошо знаетъ здѣшніе порядки... и какая на-

блюдательность!... Идти ли къ ней еще разъ? Отчего же нѣтъ? Я прекрасно проведу время. Что она обо мнѣ думаетъ? Я ее позабавилъ, удивилъ, далъ ей возможность порисоваться, поговорить, блеснуть еще разъ старыми запасами... Хочется ли ей, чтобъ я снова появился въ ея гостиной?... Ба! развѣ можно угадать желаніе женщины?... Нельзя поручиться, что она предпочтетъ мнѣ какого-нибудь Бернеса!... Она не особенно красива: въ глазахъ мало блеска, цвѣтъ лица поблекъ, носъ, ротъ, подбородокъ расплываются... Но все-таки лицо пріятное... А главное, въ Монтаньякѣ!... Если мужъ глупъ, какъ говорятъ, и старъ, то вѣдь... Быть можетъ, она—любовница Бернеса?...»

Онъ ухватился за это предположеніе, несмотря на все его неправдоподобіе. Со злобной радостью онъ старался подкрѣпить свою догадку фактами. Что означало восхищеніе, съ которымъ Бернесъ говорилъ о мадамъ Гарадель. И какъ понимать ихъ постоянныя свиданія? (ей они кажутся еще очень рѣдкими!). Съ одной стороны предпріимчивый молодой человѣкъ—видный и статный, съ другой—скучающая, одинокая женщина, давно освободившаяся отъ предразсудковъ, способная возбудить къ себѣ влеченіе... Это было неизбѣжно!... Но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ это невѣроятно и дико!... такъ что-жъ такое? Предположеніе, которое онъ старался обставить доказательствами, отвѣчало вполнѣ тайно мучившему его желанію унизить свою собесѣдницу; а потому очень быстро, наперекоръ всему, сложилось нужное «убѣжденіе», и, переступая порогъ гостиницы, онъ уже говорилъ себѣ: «Она любовница Бернеса... *это очевидно!*...»

VII.

Дни шли за днями быстро и монотонно.

Въ срединѣ іюля небо заволоклось тяжелымъ туманомъ и съ Пиренеевъ на равнину подулъ рѣзкій и раздражающій южный вѣтеръ. Затѣмъ полилъ проливной дождь, превратившій площадь въ трясины и улицы въ быстрые потоки. Рѣка также не осталась въ покоѣ: подъ вліяніемъ страшнаго непрерывнаго ливня она вздулась и съ яростью покатила свои волны, окрашенныя въ темную охру уже вышедшими изъ береговъ Тарномъ и Арьежемъ. Въ теченіе одной ночи вода поднялась на три метра и, затопивъ берега, разлилась по долинѣ, нѣсколько выше Монтаньяка. Барометрическія наблюденія отнюдь не предсказывали ослабленія этого томительнаго дождя. Еслибъ, по несчастью, таянье снѣговъ, весьма

возможное въ это время года, увеличило прибыль воды, то наводненіе оказалось бы неизбѣжнымъ. Наводненіе!... Разбушевавшіяся стихіи всегда доводили экспансивныхъ южанъ Монтаньяка до безумнаго страха, но вмѣсто того, чтобы предпринять что-нибудь, они создавали себѣ изъ этого только зрѣлище. Такъ было и теперь: обыватели тѣснились на набережной, недавно отстроенной, но совершенно безсильной. Публика измѣряла скалой уровень воды, слушала съ моста ея грозное рычаніе, толпилась вокругъ бюллетеней, выпускавшихся время отъ времени рѣчной полиціей, комментировала депеши, полученныя съ низовья и верховья рѣки, припоминала драматическіе эпизоды, случавшіеся въ прежнія наводненія. На память приходили обрушившіеся дома, потопленныя стада, снесенные мосты, путешествіе маршала, его историческія слова и болѣзненное оцѣпенѣніе при видѣ несчастія, «превосходившаго ужасы Севастополя». Тотъ былъ запертъ въ продолженіе четырехъ сутокъ въ заброшенной фермѣ; другой — обязанъ своимъ спасеніемъ какимъ-то чудомъ попавшемуся подъ руку бревну; всѣ, рискуя собственной жизнью, вырвали нѣсколько жертвъ у вѣрной смерти, — и какой смерти! — очень довольные въ глубинѣ души, теперь, когда уже всѣ опасности миновали, что случилась катастрофа, которая принесла ихъ городу хоть мимолетную, но за то шумную извѣстность.

Однажды, вечеромъ, вода начала заливать главную площадь, и квартиранты сосѣднихъ домовъ уже готовились къ бѣгству, но на другой день небо оказалось спокойнымъ и яснымъ. Земля была облита ослѣпительнымъ свѣтомъ; жара нахлынула такъ же неожиданно, какъ недавно ливень, всосала воду и высушила почву. Рѣзкія и внезапныя перемѣны гасконскаго климата очень подходятъ къ порывистому непостоянству мѣстныхъ жителей. Дютрейль позналъ тогда «прелести» аквитанскаго лѣта, ужасъ котораго нигдѣ такъ сильно не чувствуется, какъ въ Монтаньякѣ. Уже съ разсвѣта воздухъ наполняется удушливымъ жаромъ, похожимъ на дымъ. Въ подавленномъ городѣ, каждая улица котораго кажется огненной рѣкой, смолкаетъ всякій шумъ. Слышны только смутныя жалобы, вздохи разгоряченной почвы. Тѣ изъ жителей, которыхъ вызываютъ наружу неотложныя дѣла, прижимаются къ стѣнамъ и съ безпокойствомъ опускаютъ свои ноги на размягченный асфальтъ и раскаленныя мостовыя. Видно, какъ въ нихъ борются два чувства: съ одной стороны желаніе сократить свое мученіе, съ другой — боязнь не вынести жары... И вотъ они останавливаются въ раздумьи на краю площадей, похожихъ на пылающія печи, и дѣла-

ютъ кругъ, углубляясь въ улицы между домами, хоть немного защищающими ихъ своею тѣнью отъ этой паровой бани. Только въ сумерки пробуждается жизнь. Тогда жадно открываются окна и двери на встрѣчу посвѣжѣвшему воздуху. Но, увы, онъ насыщенъ міазмами, выдѣляющимися подъ вліяніемъ жары изъ нечистотъ сваленныхъ въ полномъ забвеніи гигіены по берегамъ ручьевъ

Въ такіе вечера превосходно торговали рестораны, особенно *Франція*, находившаяся вблизи отъ главной площади. Хозяинъ ея, мосье Маллэ, пригласилъ семь человѣкъ музыкантовъ, изъ которыхъ двое получили первыя награды въ консерваторіи; онъ скрылъ этотъ «оркестръ» за стѣной папортниковъ и кустовъ, и элегантная публика отвоевывала другъ у друга столы, размѣщенные на тѣнистой площадкѣ. «Солидные посѣтители» предпочитали веранду, гдѣ они могли кричать, играть и пить... «чтобы нѣсколько освѣжиться». Они приходили туда уже по наступленіи ночи, садились съ удрученнымъ видомъ, сообщали другъ другу, что одурѣли отъ жары («вѣдь тридцать семь градусовъ по меньшей мѣрѣ!»). Они «не могли поднять руки или произнести двухъ словъ»,—однако, пассажиры, пріѣзжавшіе съ поѣздомъ въ половинѣ перваго ночи, могли ихъ застать на томъ же самомъ мѣстѣ: потные, красные, полуодѣтые, задыхаясь отъ жары, они тѣмъ не менѣе усердствовали въ полиньякъ или манилью. Дютрейль, раздраженный этой совершенно новой для него температурой, только съ большимъ усиліемъ могъ заставить себя запираться въ своей комнатѣ. Поэтому послѣ обѣда онъ позволялъ себѣ маленькій отдыхъ, развлекаясь изученіемъ съ натуры мѣстныхъ нравовъ. Онъ нашелъ здѣсь самое чистое воплощеніе туземнаго типа въ одной личности, которую замѣтилъ уже со дня своего пріѣзда. То былъ маленькій толстый человѣкъ, до глазъ заросшій бородой, съ темно-краснымъ загорѣлымъ цвѣтомъ лица, съ короткими, жирными, покрытыми волосами руками, съ приплюснутымъ подвижнымъ и влажнымъ носомъ, напоминающимъ свиное рыло, съ широкими плечами и бедрами... Онъ вѣчно волновался, болталъ, кричалъ и жестикулировалъ больше, чѣмъ могли бы это дѣлать двѣнадцать человѣкъ.

Меемэнъ Кастаньяберъ,—такъ его звали,—былъ въ прежнее время и антрепренеромъ, и продавцомъ имѣній, и коммиссіонеромъ по торговлѣ хлѣбомъ и водкой, и агентомъ по всевозможнымъ дѣламъ. Теперь же этотъ господинъ сдѣлался капиталистомъ и ростовщикомъ, секретаремъ Національнаго кружка, ораторомъ на публичныхъ собраніяхъ, вліятельнымъ избирателемъ и членомъ муниципальнаго совѣта. Онъ носилъ прозвище Pont-Canal, такъ какъ ког-

да-то участвовалъ въ работахъ по устройству этого знаменитаго и безполезнаго сооруженія. Хитрый, хвастливый, лживый, тщеславный, болтливый, неразвитой и влюбленный въ самого себя, онъ стоялъ внѣ всякихъ сравненій и представлялъ въ своемъ родѣ вполнѣ чистый типъ. Кастаньяберъ заявлялъ, что никогда не видалъ болѣе красиваго города, чѣмъ Монтаньякъ, и хвастался тѣмъ, что онъ «чистокровный монтаньякецъ». Впрочемъ, это ясно было и безъ его словъ... стоило только взглянуть на впечатлѣніе, которое производилъ этотъ господинъ своимъ появленіемъ во *Франціи*: его фигура въ разстегнутомъ жилетѣ, въ соломенной шляпѣ, небрежно сдвинутой на затылокъ, съ угасшею папироской, прилипшей къ влажнымъ губамъ—вызывала общее ликованіе. И дѣйствительно, никто не умѣлъ лучше Кастаньябера руководить азартною игрой, разсказывать какимъ-то необыкновенно оглушительнымъ голосомъ только что случившійся «скандалъ» или неприличный анекдотъ, вывести на свѣжую воду чиновника, оскорбить женщину, посплетничать на отсутствующихъ и придраться къ словамъ присутствующихъ. Ничто его не смущало и не останавливало. Нечувствительный къ насмѣшкамъ, чуждый какихъ бы то ни было приличій, неспособный понимать скромность, сдержанность, боязнь общественнаго мнѣнія, заботу о будущемъ, онъ ко всему этому былъ еще вооруженъ тщеславіемъ и непроницаемымъ безстыдствомъ и не признавалъ самой примитивной вѣжливости. Его нетерпимость, узость, свирѣпость и трусливость довершали такой рѣдкій ансамбль, который заставлялъ забывать всѣ присущіе этому человѣку пороки и произносить съ удивленіемъ великое имя Монтаньяка, взростившаго такого героя. Онъ присосѣживался ко всѣмъ группамъ, садился за всѣ столики, впутывался въ разговоры.

— Надо было ходить съ пикъ; вы играете какъ ягненокъ!—говорилъ онъ,—склонившись къ плечу Дютрейля, котораго видѣлъ въ первый разъ.

Его взволнованный голосъ слышенъ былъ то здѣсь, то тамъ... Но къ десяти часамъ вечера онъ приходилъ въ настоящій экстазъ: маленькіе сѣрые глазки зажигались, ноздри раздувались и все тѣло начинало трепетать. «Дѣти мои,—возглашалъ Кастаньяберъ,—пришелъ часъ порѣзвиться!... Кто идетъ со мной?»

И многіе слѣдовали за нимъ въ одинъ изъ мѣстныхъ кафе-шантановъ. Само собою разумѣется, что тамъ они находили не особенно возвышенныя развлеченія, которыя какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи не пользуются хорошею славой. Однако, по большей части это самый подходящій жанръ для темперамента южанъ и

эстетическаго развитія провинціаловъ. Поэтому нѣтъ ни одного главнаго города въ кантонѣ или многочисленнаго селенія, въ которомъ не значился бы по крайней мѣрѣ одинъ *свой* кафе-шантанъ. Въ Монтаньякѣ имѣлось ихъ четыре.

И элегантная публика съ нетерпѣніемъ ожидала, чтобы теплые вечера открыли ей доступъ въ *Парижское кафе*, содержатель котораго преобразилъ обнесенный стѣною старинный садъ въ лѣтнее концертное зало.

Жители Монтаньяка гордились этимъ «заведеніемъ» и водили туда пріѣзжихъ. «Люди лучшаго общества», адвокаты, доктора, чиновники, появлялись тамъ въ креслахъ и въ ложахъ; говорили, что есть «дамы», которыя умираютъ отъ желанія туда проникнуть.

Дютрейль только разъ (и то подъ вліяніемъ мигрени) рѣшился зайти вмѣстѣ съ Бернесомъ въ *Парижское кафе*. Зрѣлище пришлось ему не по вкусу. Съ тѣхъ поръ, когда друзья тащили его съ собою, Морису доставляло дѣтское удовольствіе проводить ихъ до дверей, освѣщенныхъ фонариками, прочесть программу, услышать веселые напѣвы—и повернуться спиною ко всему назадъ. Четверть часа спустя, онъ уже усердствовалъ, склоняясь надъ своимъ письменнымъ столомъ, въ погонѣ за идеями и непокорными фразами.

Лобъ молодого автора покрывался пѡтомъ, голова тяжелѣла, кровь билась въ жилахъ; въ комнатѣ, запертой со всѣхъ сторонъ отъ москитовъ, чувствовалась сильная духота. Иногда Морисъ падалъ духомъ, его одолѣвали сомнѣнія, огорчало собственное безсиліе; онъ поддавался усталости, и яркіе образы его фантазіи едва могли поддерживать слабѣвшую волю.

Однажды Дютрейль снова зашелъ къ мадамъ Гарадель. Случаю угодно было, чтобъ онъ и на этотъ разъ засталъ ее одну. Дружескій пріемъ заставилъ его забыть странныя предубѣжденія и оскорбительныя подозрѣнія; ему казалось, что уже старинная дружба привлекала его въ этотъ домъ. Разговоръ не прекращался ни на минуту и касался предметовъ дорогихъ для обоихъ собесѣдниковъ. Морисъ держалъ себя совершенно просто, вовсе не старался удивить или ослѣпить ее, и эти два часа проведены были очаровательно. Съ тѣхъ поръ его визиты участились, въ особенности во время вакацій, которыя Бриссаръ (клявшійся, что не вернется живымъ въ городъ), Бюго и Манури проводили внѣ Монтаньяка. Онъ встрѣчался въ маленькой гостиной мадамъ Гарадель все съ тѣми же посѣтителями... всѣ они, по мнѣнію молодого человѣка, вполнѣ заслуживали того уваженія, съ которымъ относилась къ нимъ хозяйка.

Тамъ свидѣлся онъ еще разъ съ Турнье. Этотъ чудакъ приступилъ къ Морису съ слѣдующими словами:

— Ну, что, молодой человѣкъ?... Вы все заняты вашею ерундой?

— Болѣе чѣмъ когда-либо!

Старикъ пожалъ плечами и больше ни о чемъ не спрашивалъ. Къ Дютрейлю относились здѣсь какъ къ старинному другу; ему были благодарны за то, что онъ вносилъ въ собраніе элементы веселья, молодости и живости, согрѣвая остывшіе уже нѣсколько умы этихъ мирныхъ философовъ. Мадамъ Гарадель выказывала ему свою благосклонность и вовсе не скрывала удовольствія, которое доставляло ей общество Мориса. Вскорѣ молодой человѣкъ привыкъ ходить къ ней два или три раза въ недѣлю; онъ чувствовалъ въ этомъ потребность. Они обмѣнивались книгами, которыя служили матеріаломъ для обильныхъ разговоровъ. Мадамъ Гарадель обладала, повидимому, лишь посредственнымъ развитіемъ, но за то очень ловко умѣла пользоваться тою мастерскою лестью, которая обезоруживаетъ самыя недовѣрчивыя натуры. Благодаря этому, она въ концѣ-концовъ довела Дютрейля до откровенности. Онъ довольно слабо и больше изъ упрямства защищалъ свою тайну, задерживая изъ самолюбія признаніе, готовое сорваться съ его губъ и сладость котораго онъ смутно предчувствовалъ. Молодой человѣкъ уже доказывалъ себѣ, что для успѣха дѣла необходимо передъ кѣмъ-нибудь высказаться. Однажды, по поводу произведенія, которое, по ихъ мнѣнію, чрезмѣрно расхвалили, она проговорила:

— А вы? Долго ли вы заставите насъ дожидаться вашего дебюта?

Онъ протестовалъ.

— Почему вы полагаете, что я...

— Конечно. Вы думаете, я ничего не подозрѣваю? Но скрыть такія вещи очень трудно, и я догадалась объ этомъ съ... перваго дня, даю вамъ слово. Надѣюсь, вы въ своемъ уединеніи заняты не «Исторіей гербоваго сбора» и даже не трактатомъ о «регистратурѣ въ древности?» Мадамъ Пужэ съ великимъ удивленіемъ заявляетъ, что никогда не видала, чтобы кто-нибудь изъ ея квартирантовъ исписывалъ столько бумаги.

И, видя на его лицѣ еще остатокъ нерѣшимости, она прибавила:

— Наконецъ, Турнье не клялся же молчать...

Къ чему было еще отказываться? Побуждаемый непреодолимою потребностью кому-нибудь довѣриться, онъ разсказалъ ей о своихъ дѣтскихъ грёзахъ, смутныхъ желаніяхъ, рано проснувшейся

жаждѣ литературной славы, объ укрѣпившей его рѣшимость дружбѣ Ла-Бюрта. Онъ сообщилъ ей о своихъ намѣреніяхъ, попыткахъ, опасеніяхъ. Не ошибся ли онъ? Не благоразумнѣе ли было послушаться Турнье?... Дорога, по которой онъ пустился въ путь, уже теперь была тяжела и опасна, а ему предстояло идти по ней одному — безъ совѣтовъ и руководства.

Поразительный инстинктъ, замѣняющій иногда женщинамъ умъ, продиктовалъ мадамъ Гарадель слова, которыя хотѣлось услышать Дютрейлю. Она высказала тѣ возраженія, которыя онъ самъ себѣ дѣлалъ:

— Вашъ проектъ отлично задуманъ, и я не сомнѣваюсь, что вы его приведете въ исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, чего вамъ для этого не хватаетъ? Берегитесь только падать духомъ: вѣдь вы же предвидѣли нѣкоторыя затрудненія вначалѣ, не правда ли? Человѣкъ рожденъ для дѣятельности, для борьбы. Стоитъ ли уважать тѣхъ, кто складываетъ руки и смотритъ какъ работаютъ другіе. Это «благоразуміе» въ сущности сводится къ трусости и... безсилію. Мнѣ часто хочется напомнить басню о виноградѣ одной нашей знакомой гасконской лисицѣ... «Къ чему?»...—Это девизъ лѣнтяевъ. Какъ я желала бы быть на вашемъ мѣстѣ: я вполнѣ увѣрена въ вашемъ успѣхѣ и заранѣе поздравляю васъ. Не забудьте объ этомъ послѣ... Я же буду вполнѣ довольна, если эти скромныя пожеланія бѣдной провинціалки помогутъ вамъ сократить ожиданіе и облегчатъ одиночество...

Во всякій другой моментъ Дютрейль съ презрѣніемъ отнесся бы къ этой болтовнѣ. Но волнуясь своимъ первымъ признаніемъ, онъ видѣлъ въ этихъ словахъ выраженіе благородной и нѣжной дружбы. Морисъ такъ жаждалъ довѣрія, что готовъ былъ ухватиться за малѣйшее его проявленіе; поэтому онъ принялъ ея похвалы какъ невольно вырвавшійся знакъ уваженія, какъ очевидную истину. Зачѣмъ стала бы мадамъ Гарадель забавлять его пустыми словами? Лесть, которая отвѣчаетъ тайнымъ желаніямъ нашего сердца, мы называемъ откровенностью. Дютрейль почувствовалъ глубокую радость,—частью нѣжность къ себѣ самому, частью благодарность мадамъ Гарадель.

«И она говоритъ то же самое!—воскликнулъ онъ.—Значитъ, я не ошибся!»

«Это избранная натура, сумѣвшая понять меня»,—мелькнуло у него въ головѣ.

VIII.

«...Кажется, на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ улыбнулось счастье. Три замѣтки, которыя я далъ въ *Revue de l'Epoque*... читалъ ты ихъ? не важно, не правда ли?—произвели нѣкоторый шумъ. О нихъ говорили ровно 48 часовъ, а старый Мэйнаръ изрекъ: «Этотъ малый не безъ способностей!»... И вотъ тебѣ начало славы. Нужно думать, что таланты изсякли, потому что мнѣ немедленно предложили вести библіографію въ *XX Siècle*, а вѣдь это уже настоящая лазейка и главное—платная работа. Кромѣ того, я буду вести двухнедѣльную хронику въ *Globe*. Наконецъ... мнѣ хочется, чтобы ты узналъ это первый... моя трехъ-актная комедія *По теченію* принята въ «Одеонъ». Помнишь, *Головокруженіе*—пьесу, про которую мы такъ много говорили когда-то, бродя по городскому валу, еще ты находилъ ее такою смѣлой?... Ну, вотъ: теперь я ее дополнилъ, подчистилъ, напичкалъ психологіей и преподношу подъ другимъ заглавіемъ. Принято подсмѣиваться надъ «Одеономъ»; его почему-то величаетъ «медвѣжьею ямой» та самая публика, которая постоянно тамъ торчитъ. Тѣмъ не менѣе, я знаю многихъ, не отказавшихся бы занять мое мѣсто, а я самъ сразу забылъ всѣ мелкія невзгоды и чрезвычайно счастливъ. Такъ счастливъ, что только и говорю о себѣ, сдѣлавшись ужаснымъ эгоистомъ. Надѣюсь, что ты не особенно скучаешь въ Монтаньякѣ и въ особенности, что ты пишешь не только на гербовой бумагѣ и не тратишь своего времени на пустыя развлеченія своихъ согражданъ,—этимъ людишкамъ ты дѣлаешь честь уже тѣмъ, что ходишь вмѣстѣ съ ними по одной мостовой. Ахъ, еслибъ ты меня послушался! Впрочемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ты по своей окольной дорожкѣ придешь къ тому же безъ всякихъ дрязгъ и непріятностей. Но не пора ли уже намъ привести въ исполненіе наши гимназическія мечты и соединиться?... Подумай, дружище, какая это была бы радость! Пріѣзжай-ка поскорѣе ко мнѣ, не бойся обременить меня и...»

Это письмо Ла-Бюрта подбодрило нѣсколько позакисшаго Дютрейля. Онъ наслаждался успѣхомъ товарища, какъ своимъ собственнымъ. О, да, у него талантъ, и талантъ большой! Быть можетъ, конечно, что въ успѣхѣ этомъ играли также роль случай и счастливое совпаденіе обстоятельствъ... но вѣдь то, и другое можетъ служить каждому... «Главный кварталъ» былъ уже почти законченъ. Морисъ надѣялся, что его другъ знаетъ Дабади, редактора *Revue noire* и поговоритъ о немъ съ этимъ «покровителемъ

начинающихъ». Онъ написалъ объ этомъ Ла-Бюрту, не получилъ отвѣта и уже готовъ былъ обвинять товарища въ равнодушіи. Потомъ онъ рѣшилъ лично обратиться къ Дабади: въ его головѣ носились легенды о рукописяхъ, сданныхъ въ редакцію, сейчасъ же напечатанныхъ и открывшихъ сразу всѣ двери молодому автору,—вчера еще никому неизвѣстному, а теперь сразу сдѣлавшемуся знаменитостью. Во всякомъ случаѣ онъ ничего не терялъ, а при удачѣ былъ бы обязанъ только себѣ. Мысль о счастливой случайности воодушевила его больше, чѣмъ могла бы сдѣлать спокойная увѣренность. Какъ только «Главный кварталъ» былъ законченъ, Морисъ нашелъ въ немъ множество недостатковъ. Онъ передѣлывалъ, исправлялъ, вымарывалъ, уничтожалъ или вновь набрасывалъ цѣлыя страницы, отчаявался и, по обыкновенію всѣхъ дебютантовъ,—добивался совершенства; разумѣется, не могъ его достигнуть и предавался по этому поводу глубочайшей меланхоліи; тѣмъ не менѣе, выбившись изъ силъ, говорилъ себѣ совершенно серьезно и съ глубокой рѣшимостью: «На этотъ разъ мнѣ не удалось высказаться... Ну, сдѣлаю это въ слѣдующей вещи». Затѣмъ Морисъ принялся за каллиграфію: онъ переписывалъ свое творенье на великолѣпную бумагу, тщательно избѣгая поправокъ и кляксъ, вымѣряя поля, заботясь о разстояніи между строчками, испытывая живѣйшую радость при видѣ заполненныхъ листовъ. Эту нелѣпую работу юный писатель не досыпая и не доѣдая завершилъ въ четыре дня.

Въ заключеніе (то было въ пятницу 21 сентября) онъ начерталъ дрожащею рукою: *Конецъ* и подписался. Снова просматривая всю свою вещь, онъ опять нашелъ множество ошибокъ и почувствовалъ себя неспособнымъ ждать дольше: явилось непреодолимое желаніе отрѣзать себѣ отступленіе, сжечь свои корабли. «Все равно теперь я не въ состояніи создать что-нибудь лучшее,—говорилъ онъ.—Не слѣдуетъ терять дольше ни минуты. Я слишкомъ долго медлилъ». Надѣясь, что Дюпюшъ припишетъ его отсутствіе какой - нибудь внезапной болѣзни (да и, наконецъ, не все ли это теперь равно?), онъ запечаталъ конвертъ и направился къ почтѣ.

Стрѣлка часовъ на зданіи суда показывала два. Дютрейль просилъ взвѣсить письмо, принявъ мѣры, чтобы адресъ не былъ прочитанъ. Его привелъ въ бѣшенство взглядъ, брошенный на письмо чиновникомъ, и онъ почувствовалъ, что никогда не проститъ этому человѣку профанаціи своей святыни. Когда онъ вышелъ изъ почтамта, рѣшимость покинула его. Онъ нарочно старался подольше

расклеивать въ строгомъ порядкѣ марки, взвѣшивалъ на рукѣ этотъ кусокъ бумаги, отъ котораго, конечно, будетъ зависѣть его судьба и, наконецъ, сразу рѣшившись, но отвернувъ голову въ сторону, опустилъ его въ ящикъ. «Кончено!—пробормоталъ онъ:— теперь ужъ нѣтъ возврата»... «alea jacta est!» — прибавилъ онъ, улыбаясь. Возвратясь домой, Морисъ облокотился на окошко, открылъ книгу, пробовалъ читать. Но буквы прыгали у него въ глазахъ, и отъ волненія не сидѣлось на мѣстѣ. Молодой человѣкъ мысленно слѣдовалъ за своимъ произведеніемъ, видѣлъ его въ рукахъ Дабади, въ печати, слышалъ сужденіе о немъ публики.

Выйдя изъ комнаты, Дютрейль спустился къ рѣкѣ и большими шагами устремился вдоль набережной; онъ съ любопытствомъ разсматривалъ всевозможныхъ рабочихъ и испытывалъ горделивое сочувствіе къ этимъ несчастнымъ и невѣжественнымъ людямъ. Вдругъ ему показалось, что адресъ на посланномъ письмѣ невѣренъ; почти обезумѣвъ отъ страха, онъ бросился къ вокзалу и успокоился только тогда, когда увидѣлъ по вывѣшенному объявленію, что никакой ошибки не было сдѣлано. Затѣмъ онъ почувствовалъ потребность увидѣть дружественное лицо, обмѣняться съ кѣмъ-нибудь словами и мыслями, высказаться. Но съ кѣмъ? Бриссаръ проводилъ каникулы внѣ города, Дюбо былъ молчаливѣе и пасмурнѣе, чѣмъ когда-либо... Турнье?—какой прекрасный случай доказать ему, что есть люди, умѣющіе желать и дѣйствовать!... Но въ теперешнемъ настроеніи не хотѣлось выслушивать возраженій, ироническихъ замѣчаній, сомнѣній. Мадамъ Гарадель?... Боже мой! почему онъ раньше о ней не подумалъ? Да, мадамъ Гарадель, больше чѣмъ кто-нибудь другой, сумѣетъ и выслушать его, и понять. И если бы даже она ничего ему не сказала, одна ея близость обѣщала ему безконечно отрадное сочувствіе женщины, «что-то», чего мужская дружба—самая нѣжная и преданная—дать не можетъ.

Хотя Дютрейль говорилъ ей о «Главномъ кварталѣ», но рѣшилъ, въ надеждѣ на скорый и благопріятный отвѣтъ, сразу сообщить ей и объ окончаніи своего творенія, и о томъ, что оно принято. Но для чего скрывать дольше этотъ секретъ? Она раздѣлитъ, конечно, радость своего друга. Быстрыми шагами, почти безсознательно, онъ направился къ предмѣстью, но, какъ ни спѣшилъ, старался по дорогѣ бороться съ принятымъ намѣреніемъ: «Я былъ у нея вчера,—говорилъ онъ себѣ:—отнесъ ей романъ Бланше. Теперь не время, она меня не приметъ. Такія частыя посѣщенія привлекутъ вниманіе сосѣдей, вызовутъ сплетни. Это глупо».—Размышляя такимъ образомъ, онъ очутился передъ ея дверьми.

Жюстинъ встрѣтила его, какъ друга дома—ласковой улыбкой.

— Барыня дома?—спросилъ онъ для проформы и, не дожидаясь отвѣта, какъ всегда, уже вошелъ въ подъѣздъ.

— Нѣтъ... то-есть... барыня въ своей комнатѣ... немного нездорова.

На лицѣ Дютрейля появилось такое выразительное разочарованіе, что она сказала:

— Подождите минутку... я пойду узнаю, можетъ ли барыня принять васъ.

И затѣмъ, быстро возвратясь, закричала ему сверху лѣстницы:

— Пожалуйте!...

Мадамъ Гараделъ протянула ему руку на порогѣ своей полуоткрытой комнаты. Она казалась блѣдна и была небрежно одѣта.

Такой встрѣчи онъ никакъ не ожидалъ, остановился въ смущеніи и пробормоталъ:

— Простите... если бы я зналъ... я не позволилъ бы себѣ...

— И напрасно сдѣлали бы... Вы отлично знаете, что не можете меня побезпокоить. Входите же... У меня сегодня утромъ слегка разболѣлась голова... несчастье съ этими нервами!... Хотѣлось дочитать вашего Бланше и благодаря этому, вѣроятно, сдѣлался мигрень.

— Зачѣмъ же вы такъ спѣшили? Мнѣ романъ вовсе не нуженъ.

— Я зачиталась... Въ самомъ дѣлѣ, очень недурно, хотя... Садитесь. Извините, что приходится принимать васъ такимъ образомъ: комната не прибрана, и я, кажется, въ ужасномъ видѣ.. Боже мой, какой безпорядокъ!... мнѣ ужасно совѣстно.

Воздухъ пропитанъ былъ сильнымъ запахомъ эѳира. По стульямъ валялись платья и различныя принадлежности туалета. На черной мраморной доскѣ камина была забыта метелка; рядомъ съ нею стояла тарелка и стаканъ, въ которомъ блестѣло еще нѣсколько капель вина. На неприбранную кровать наскоро наброшено было одѣяло.

Мадамъ Гараделъ посадила молодого человѣка рядомъ съ собою на низкій и глубокій диванъ, обитый темной матеріей. На молодой женщинѣ накинутъ былъ легкій пеньюаръ изъ свѣтлой фланели—сборчатый въ корсажѣ и изукрашенный голубыми муаровыми лентами на плечахъ и у кистей рукъ. Вокругъ таліи обвивался шелковый поясъ. Широкій воротъ открывалъ суставъ ключицы и полную шею, на которой виднѣлось родимое пятнышко.

Приведя въ порядокъ волосы, она подняла руки и подъ гибкой тканью платья свободно заколебалась ея развитая грудь. Голова съ усталыми чертами лица оперлась на бархатную подушку. Затѣмъ молодая женщина быстрымъ движеніемъ привела въ порядокъ складки юбки и повернула свои полузакрытые глаза къ Дютрейлю, ожидая объясненія его визита.

Между тѣмъ волненіе Мориса уже нѣсколько улеглось, и онъ болѣе спокойно смотрѣлъ на нее. Онъ испытывалъ счастье, что сидѣлъ здѣсь, въ этой комнатѣ, куда попалъ въ первый разъ, подлѣ нея, и ему хотѣлось теперь только одного: продлить этотъ моментъ, всѣмъ существомъ своимъ отдаться охватившей его нѣгѣ. Теперь уже онъ не чувствовалъ потребности высказаться: напротивъ, ему, въ силу какого-то внезапнаго каприза, особаго рода кокетства, захотѣлось, чтобъ она сама отгадала его тайну, заставила бы его признаться во всемъ.

— Какъ здоровье вашего мужа?—спросилъ онъ.

— Мерси, онъ здоровъ... и уѣхалъ вчера вечеромъ въ Тулузу.

— По дѣламъ?

— Да, онъ думаетъ вернуться въ понедѣльникъ.

Морису нравилось болтать всякій вздоръ и удаляться все больше и больше отъ жгучаго вопроса. Онъ небрежно и кое-какъ отвѣчалъ на обращенные къ нему вопросы. Но вся эта тактика пропадала даромъ: блескъ глазъ, жесты, улыбка, радость, свѣтившаяся въ лицѣ,—все выдавало его. Молодой человѣкъ замѣтилъ, что мадамъ Гарадель вовсе не обманута его внѣшнимъ спокойствіемъ; но, возбудивъ такимъ образомъ любопытство, онъ сказалъ себѣ: «Заинтригую ее, а завтра разскажу все»—и поднялся, сдѣлавъ видъ, что уходитъ. Молодая женщина его остановила.

— Какъ вы сегодня торопитесь!...—вы продолжаете работать?...

— Да... то-есть... я обдумываю, конечно, пріискиваю подходящія формы.

— Это-то вы отъ меня и скрываете?... Ну, говорите скорѣе: въ чемъ дѣло?...

— Ни въ чемъ, увѣряю васъ...

— Но въ такомъ случаѣ почему вы такъ странно выглядите? Нѣтъ, что-то есть.

Онъ неожиданно опустился на диванъ совсѣмъ рядомъ съ ней.

— Дѣло въ томъ, что я окончилъ эту повѣсть для *Revue noire*, о которой говорилъ вамъ... Сегодня.., только что... я отослалъ ее Дабади.

— Что же вы не сказали объ этомъ сразу?

— Не рѣшался... Но для этого только я и пришелъ. Мнѣ хотѣлось видѣть васъ какъ можно скорѣе, признаться вамъ... вамъ одной.

Онъ схватилъ ея руки, которыхъ она не отнимала, порывисто сжалъ ихъ и притянулъ ее къ себѣ. Въ сущности, въ эту минуту она для него вовсе не была *женщиной*: онъ открывалъ ей сокровеннѣйшую свою тайну, какъ преданному и дорогому другу, дѣлящему съ нимъ хорошее и дурное.

— Что выйдетъ изъ этой попытки? О, я вовсе не строю никакихъ воздушныхъ зáмковъ! Если послѣдуетъ провалъ, я нисколько не измѣню своихъ взглядовъ и попрежнему буду считать себя способнымъ задумать и довести до конца порядочное произведеніе... но мнѣ важно не бродить въ потемкахъ... Если же попытка удастся,— явятся надежды, вдохновеніе, новыя силы... Тогда я буду увѣренъ... поймите: увѣренъ, что не ошибся въ себѣ. Вѣдь это — осуществленіе моихъ грёзъ, обезпеченная будущность, счастье!...

Его губы почти касались лица мадамъ Гарадель. Онъ чувствовалъ влажное прикосновеніе ея щеки и, сдѣлавъ небольшое движеніе, прижался къ ней долгимъ поцѣлуемъ. Она высвободилась, потому что чувствовала, что эта ласка обращена была въ данный моментъ вовсе не къ ней, и отвѣчала ему невиннымъ поцѣлуемъ въ лобъ.

— Вы правы,—сказала она.— Вы *должны* дѣлиться со мною вашими надеждами, радостями и печалями. Ахъ, еслибъ я могла что-нибудь для васъ сдѣлать! Но я обѣщаю вамъ то, что отъ меня зависитъ: дружбу, которая сумѣетъ поддержать ваше мужество. Если вы инстинктивно ухватились съ перваго же дня именно за меня (по крайней мѣрѣ, *я* сразу замѣтила васъ), то потому, что мы съ вами принадлежимъ къ одной породѣ людей и преданы одному и тому же дѣлу. Посмотрите: вы пришли сюда какъ бы помимо собственной воли, чтобы подѣлиться своею радостью, вы были увѣрены, что ее поймутъ здѣсь и примутъ въ ней участіе. Приходите снова дѣлиться со мною вашими проектами, вашими побѣдами и я буду гордиться, что принимаю во всемъ этомъ скромное участіе. Я навсегда связана съ вами...

Этотъ мягкій, тихій голосъ убаюкивалъ Дютрейля, склонившаго голову на плечо госпожи Гарадель; онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, какъ будто испыталъ только что приступъ безумія или совершилъ какой-нибудь физическій подвигъ.

Въ дуновеніи вѣтра, въ шепотѣ листьевъ, въ трескѣ огня, въ уличномъ шумѣ звучатъ голоса, отвѣчающіе нашимъ душевнымъ настроеніямъ и говорящіе намъ именно то, что мы желаемъ слышать. Но ничто не ласкаетъ такъ слуха и не звучитъ такъ убѣдительно, какъ голосъ женщины. Въ ея устахъ все оказывается легкимъ, все вселяетъ довѣріе, все кажется яснымъ; наиболѣе очевидныя заблужденія скрываются подъ внѣшностью несомнѣнной истины, и ядъ, который каплю за каплей точатъ милыя губки, впивается собесѣдникомъ, какъ божественный напитокъ. Мадамъ Гарадель обладала въ высшей степени искусствомъ успокоивать и убаюкивать своею рѣчью. Она говорила долго, изысканно, съ материнской нѣжностью. Она не сказала ничего новаго для Дютрейля, но тѣ же слова пріобрѣтали особенный смыслъ. Прошедшее его, въ которомъ молодая женщина не играла никакой роли, она прямо зачеркнула, но за то все настоящее и будущее Мориса оказалось въ ея рукахъ. Рѣчь шла уже теперь не о проектахъ и желаніяхъ, а о совершившемся фактѣ. Изъ него остроумно и смѣло выводилось множество послѣдствій; каждое изъ нихъ казалось вполнѣ возможнымъ, и Дютрейлю оставалось только слушать, удивляться и восхищаться. Она возвѣщала ему будущія битвы и побѣды, воодушевляла его приготовиться къ нимъ и встрѣтить ихъ весело. Морисъ поздравлялъ себя съ тѣмъ, что нашелъ сразу и чуткую повѣренную, и преданнаго друга, способнаго давать такіе совѣты... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ все больше и больше, что эта женщина не можетъ уже остаться для него *только* другомъ.

Обыкновенно наступаетъ моментъ, когда самая безкорыстная и чистая дружба мужчины съ женщиной замѣняется узами болѣе тѣсными. Психологическій феноменъ, духовное удовольствіе пріобрѣтаютъ физическую подкладку, чувственное выраженіе. И въ такомъ видѣ сліяніе двухъ умовъ, «двухъ душъ», становится гораздо реальнѣе, гораздо уловимѣе. Въ сущности это лишь «олицетвореніе безтѣлесной идеи», крайняя ступень чувства, полнаго своеобразной прелести, но оставляющаго многое недоговореннымъ. Мы хотимъ пользоваться добротою, изяществомъ, талантами женщины, не обращая вниманія на тѣлесную оболочку всего этого; нѣтъ ничего удивительнаго, что мы въ концѣ-концовъ не удовлетворяемся такимъ фантастическимъ образомъ.

Подлѣ госпожи Гарадель Дютрейль никогда не испытывалъ того жара въ крови, которымъ трудно владѣть, котораго нечѣмъ замѣнить и отъ котораго, что бы тамъ ни говорили, не можетъ избавиться самая чистая любовь. Даже теперь онъ остался бы, вѣроят-

но, спокойнымъ, несмотря на темноту, тишину, близость къ ней, ея участіе и, наконецъ, то презрительное воздержаніе, которому онъ не измѣнялъ съ самаго пріѣзда въ Монтаньякъ. Но ему страстно захотѣлось обладать устами, изъ которыхъ онъ только что пилъ предсказанія будущаго счастья, глазами, которые проникали для него въ тьму будущаго, сердцемъ, которое билось участіемъ къ нему. Онъ обнялъ талію молодой женщины и за все, что она дала ему въ этотъ вечеръ, заплатилъ поцѣлуями, отъ которыхъ *теперь* она не защищалась... Онъ хотѣлъ окончательно овладѣть родственной ему душою—и только; но близость ихъ, возникшая на чисто-психической почвѣ, завершилась тѣлесными узами,—увы!—едиными реальными.

... На улицѣ, окутанной уже вечернею тьмою, Дютрейль замѣтилъ, что чувствуетъ голодъ, такъ какъ, въ противность сантиментальной болтовнѣ и разнымъ пословицамъ, сонъ и любовь — плохая пища. Быстрыми шагами онъ направился мимо своего дома въ Европейскую гостиницу. Мадамъ Пуже, больныя ноги которой мѣшали ей прогуливаться по главной площади, по обыкновенію, сидѣла на порогѣ своей лавки; на колѣняхъ ея покоился, какъ всегда, котъ Варавва. Почтенная женщина обмѣнивалась съ мѣстными кумушками свѣжими, добытыми за день вѣстями. Завидѣвъ молодого человѣка, она вскочила такъ стремительно, что Варавва съ мяуканьемъ стремглавъ полетѣлъ на мостовую.

— Наконецъ-то!—закричала она.—Я совершенно истомилась, дожидаясь васъ!...

— Что случилось?

— Депеша... Ахъ, право, депеша... Телеграфистъ не хотѣлъ оставлять, потому что васъ не было. Къ счастью, у меня былъ сынъ Бусилью — той самой, что живетъ въ Эгилерійской улицѣ...

— Гдѣ же телеграмма?

— Наверху, у васъ на столѣ, на толстой книгѣ. Фу, я до сихъ поръ не могу прійти въ себя... Понятно само собою, я ее не читала... Но эти синія бумажки... никогда не отгадаешь, что у нихъ тамъ въ серединѣ...

Дютрейль уже былъ въ своей комнатѣ. Онъ разорвалъ обложку и при свѣтѣ спички прочелъ:

«Высылай разсказъ возможно скорѣе. Видѣлъ Дабади. Можешь разсчитывать на благосклонный пріемъ. Желаю успѣха.

Ла-Бюртъ».

Онъ глубоко вздохнулъ, перечелъ еще разъ и сказалъ въ полголоса:

— Молодчинище!...

Внизу его ожидала мадамъ Пуже.

— По крайней мѣрѣ, ничего ужаснаго не случилось? — спросила она.

— Нѣтъ, нѣтъ... ничего важнаго. Благодарю васъ. Я иду обѣдать.

У него выросли крылья. Онъ шелъ твердыми шагами, побѣдоносно попирая почву, вертя своей тростью и напѣвая на какой-то мотивъ изъ оперетки: «молодчинище! молодчинище!...»

«Какая счастливая идея — отправить рукопись сегодня, — думалъ онъ: — моментъ самый подходящій: Дабади не успѣетъ еще забыть обо мнѣ. Счастливый день!... какое вліяніе онъ будетъ имѣть на всю мою жизнь!...»

Но, анализируя свое состояніе, онъ былъ нѣсколько удивленъ, найдя, что вовсе нѣтъ причинъ особенно радоваться. Онъ сошелся съ Гарадель. Но среди волновавшихъ его счастливыхъ чувствъ это событіе не занимало никакого мѣста: онъ даже не чувствовалъ теперь никакого желанія снова обладать ею. Телеграмма?... Но что же изъ нея слѣдовало? «Благосклонный пріемъ!...» обычная въ такихъ случаяхъ фраза! Дабади засыпанъ просьбами и, конечно, если захочетъ забыть обѣщаніе, не затруднится найти отговорку и бросить въ корзинку произведеніе неизвѣстнаго автора... быть можетъ даже не прочтя его. «Я горячусь, говорю громко, жестикулирую... меня примутъ за туземнаго обывателя... А между тѣмъ у меня гораздо больше причинъ бояться, чѣмъ надѣяться... Меня несомнѣнно ждетъ самый смѣшной провалъ...» И въ то же время, говоря все это, въ глубинѣ души онъ обвинялъ себя въ лицемѣріи.

За столомъ Морисъ проявилъ небывалую веселость и необычайный аппетитъ. Обѣдъ показался ему вкуснымъ, соціальныя реформы, которыхъ требовалъ Лаффонтанъ, весьма цѣлесообразными, каламбуры Буйссу забавными. Онъ обвинялъ себя въ несправедливости къ этимъ въ сущности «славнымъ ребятамъ» (вольно же было предъявлять къ нимъ чрезмѣрныя требованія!) и старался загладить свою вину ласковымъ и снисходительнымъ обращеніемъ. Никто изъ нихъ не подозрѣвалъ да и не могъ понять значенія совершившагося; вѣроятно, въ этомъ невѣдѣніи они останутся навсегда. Дютрейль вспомнилъ, какъ четыре мѣсяца назадъ, въ день своего пріѣзда въ Монтаньякъ, онъ обѣдалъ здѣсь съ этими самыми людьми. Казалось, ничто не измѣнилось, а между тѣмъ сколько воды утекло съ тѣхъ поръ!... Онъ вспомнилъ тотъ знаменательный вечеръ, когда произнесена была клятва — добиться на-

мѣченной цѣли. Несмотря на всѣ препятствія, онъ остался твердъ и сдержалъ свое обѣщаніе. Но, торжествуя побѣду, Морисъ съ удовольствіемъ спускался до уровня своихъ собесѣдниковъ.

Однако онъ оказался неспособнымъ идти съ Бернесомъ въ *Café de Paris;* апплодировать заѣзжей «звѣздѣ» казалось профанаціей сегодняшняго дня. А зала была уже полна и публика веселилась на-славу. Дютрейль долго смотрѣлъ на эту ничтожную толпу, на эти лица, сіявшія глупостью и порочными помыслами, на всѣхъ этихъ «с-с-скотовъ»,—и его гордость прорвалась въ восклицаніи: «Я побѣдилъ васъ, беотійцы!» Затѣмъ съ презрѣніемъ онъ удалился на средину главной площади, но сейчасъ же началъ смѣяться надъ самимъ собою и, чтобы смирить себя, вошелъ въ кафе-шантанъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Черезъ нѣсколько дней мадамъ Пужэ передала Дютрейлю большой квадратный конвертъ, на которомъ онъ съ волненіемъ прочелъ надпись, напечатанную мелкимъ шрифтомъ: *Revue Noire*, *улица Ришелье*, *122*. Дабади писалъ, что «его чрезвычайно заинтересовало оригинальное, серьезное и солидное произведеніе молодого автора; онъ надѣялся помѣстить разсказъ въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ своего *Revue*, которое охотно даетъ мѣсто всѣмъ истинно талантливымъ писателямъ, къ какой бы школѣ они ни принадлежали».

Морисъ былъ удивленъ, что такой полный успѣхъ доставилъ ему весьма умѣренную радость. Мадамъ Гарадель обвиняла его въ равнодушіи.

О чемъ еще могъ онъ мечтать, по крайней мѣрѣ въ эту минуту?... Слѣдовало поздравлять себя съ такимъ залогомъ будущихъ побѣдъ... Она съ вѣрою смотрѣла въ будущее и радовалась, что хоть немного поработала для него. Именно такого рода убѣжденія и нужны были Дютрейлю. Онъ рѣшилъ «серьезно приняться за дѣло»—безъ всякихъ отсрочекъ; множество смутныхъ идей и проектовъ толпилось у него въ головѣ. Ла-Бюртъ, извѣщая его о благосклонномъ отзывѣ редактора, совѣтовалъ заняться компановкою небольшихъ разсказовъ, которые можно было бы легко пристроить: такимъ образомъ молодой авторъ упражнялся бы въ своемъ дѣлѣ, что, конечно, отнюдь не исключало возможности заняться и болѣе грандіознымъ произведеніемъ. Этотъ совѣтъ не понравился Дю-

трейлю: зачѣмъ тратить время на пустяки? На *Главномъ Кварталѣ* онъ уже испробовалъ свои силы... а что такое, въ сущности, этотъ *Главный Кварталъ*, какъ не потеря времени? Нѣтъ, слѣдуетъ заняться большимъ романомъ.

Между тѣмъ онъ по-прежнему посѣщалъ мадамъ Гарадель, гостиная которой, съ наступленіемъ зимы, снова наполнилась обычными посѣтителями.

Хозяинъ дома показывался рѣдко: онъ охотно сознавался въ своемъ невѣжествѣ, а болтовнѣ съ женою, «вѣчно погруженной въ свой книжный хламъ», предпочиталъ партію баккара въ Коммерческомъ клубѣ. Въ мирномъ кружкѣ, собиравшемся у мадамъ Гарадель, одинъ адвокатъ Сериньякъ казался не на мѣстѣ: непонятно было, чего онъ искалъ здѣсь. Вѣчно погруженный въ политиканство самаго низменнаго сорта, этотъ жадный и честолюбивый человѣкъ проявлялъ необыкновенныя способности въ области интригъ и клеветы. Никто не умѣлъ такъ льстить тщеславію своихъ согражданъ: онъ увѣрялъ, что Монтаньякъ не сыгралъ еще въ исторіи Франціи той роли, которая ему предназначена. Попавъ въ муниципальный совѣтъ, благодаря поддержкѣ мэра, онъ сейчасъ же организовалъ оппозицію, которая хвалилась независимостью и заявляла, что хлопочетъ только о процвѣтаніи родины. Впрочемъ, прозорливые умы скоро догадались, что Сериньякъ не удовлетворится мэріей: онъ мѣтилъ на болѣе жирный кусочекъ, и депутатъ Лагролэ, желая отдѣлаться отъ опаснаго соперника, ублажалъ его всевозможными синекурами.

Дютрейлю, который нисколько не скрывалъ своего полнѣйшаго презрѣнія къ общественнымъ дѣламъ, этотъ политикъ не понравился съ самаго начала. За то онъ очень сблизился съ самымъ молодымъ (послѣ него) изъ посѣтителей мадамъ Гарадель—съ Берсеголемъ: это былъ одинъ изъ немногихъ мѣстныхъ обывателей, которыхъ пощадила провинціальная жизнь.

Хотя Дютрейль могъ смѣло разсчитывать на искреннія поздравленія, онъ наотрѣзъ отказался говорить о своихъ планахъ даже въ этомъ маленькомъ кружкѣ. Но послѣ отвѣта Дабади, беречь эту тайну, по мнѣнію госпожи Гарадель, не было никакого основанія.

Морисъ уступилъ ей, хотя не безъ сопротивленія, такъ какъ роль «господина, написавшаго книгу», казалась ему довольно комичной. И въ самомъ дѣлѣ, лесть, которую расточали молодому автору, не удовлетворила его.

Правда, Берсеголь своимъ теплымъ пожатіемъ руки доставилъ

ему нѣкоторое удовольствіе, но дальнѣйшія событія скоро доказали, что слѣдовало молчать до поры до времени.

— Господинъ Кандоливъ спрашивалъ васъ только-что,— сказалъ ему однажды лакей во *Франціи*. Онъ отправился по дѣламъ, но сейчасъ вернется и просилъ подождать его.

— Господинъ Кандоливъ?

— Да. Угодно вамъ *Патріота?*... парижскія газеты еще не пришли.

— ...Кандоливъ?... Какой Кандоливъ? Издатель *Аквитанскаго улья*?

Дютрейль былъ очень заинтересованъ. Онъ зналъ въ лицо этого господина, друга Кастаньябера и такого же шумливаго завсегдатая *Франціи*. То, что говорили о немъ Бюго и Гонселенъ, не могло особенно расположить Мориса въ его пользу. Кандоливъ пользовался громкой извѣстностью въ Монтаньякѣ и хвастался, что на десять тысячъ жителей едва ли найдется одинъ, съ которымъ онъ не кланяется.

Въ этомъ городѣ онъ безотлучно провелъ всю свою жизнь, хватаясь за самыя разнообразныя занятія, чтобы не умереть съ голоду.

Въ описываемое время онъ занимался всевозможными коммерческими предпріятіями. Но то были лишь второстепенные его рессурсы; главнымъ служилъ листокъ—*Аквитанскій улей*. Когда Кандоливъ десять лѣтъ назадъ задумалъ издавать газету, его подняли на смѣхъ и предсказали близкую гибель этому предпріятію. Но предсказанія эти не оправдались: всякими правдами и неправдами издателю удалось завоевать часть мѣстной публики и теперь его «газета» давала изъ году въ годъ пять тысячъ ливровъ чистаго дохода.

Дютрейль, мучимый смутными опасеніями, старался угадать, въ чемъ дѣло... его размышленія прерваны были приходомъ Кандолива. На извиненія, что заставилъ потерять столько драгоцѣннаго времени, молодой человѣкъ сухо отвѣчалъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ вопросомъ: «чѣмъ могу служить?» Тогда его собесѣдникъ пустился въ длинное и запутанное предисловіе.

— Жизнь въ Монтаньякѣ не особенно весела, не правда ли? Ее можно выносить, если есть здѣсь какіе-нибудь мѣстные интересы, семья, привычка... но для пріѣзжаго чиновника она должна казаться ужасной!... По счастью, господинъ Дютрейль не думаетъ здѣсь долго оставаться... Монтаньякъ для него только этапъ, только точка опоры, чтобы сдѣлать прыжокъ вверхъ (слѣдовало бы

сказать: чтобы совершить полетъ). И регистратура!... хороша карръера, нечего сказать! Но если не имѣешь средствъ, приходится, въ ожиданіи лучшаго, хвататься за всякое дѣло. Развѣ ему самому доставляетъ удовольствіе возиться съ разными образчиками?... Онъ, Кандоливъ, предпочелъ бы, конечно, жить литературной работой, писать въ газетахъ... о, тихо и скромно—въ провинціи (вѣдь, онъ не получилъ никакого образованія!)... Другое дѣло его молодой собратъ, мѣсто которому въ Парижѣ, въ лучшихъ столичныхъ изданіяхъ... но—кто знаетъ?—быть можетъ все это и придетъ гораздо раньше, чѣмъ можно было бы ожидать... господинъ Дютрейль на отличной дорогѣ: издатель большого журнала дѣлалъ ему самыя лестныя предложенія... еще вчера объ этомъ былъ разговоръ въ Филотехническомъ кружкѣ. Какая неожиданность для Монтаньяка, сколько разговоровъ!... «Этотъ маленькій чиновникъ?... скажите, пожалуйста! — Да, да, именно!...»

— Все это прекрасно, но я, право, не понимаю...

— Не понимаете?... Вотъ въ чемъ дѣло. Я редактирую газету... вы, конечно, знаете ее?... *Улей*, ну, какъ же?... подписная цѣна десять франковъ въ годъ, объявленія двадцать сантимовъ... впрочемъ, что-жъ это я?—виноватъ!... Конечно, газета не сравнится съ *Revue des Deux Mondes*, но и мы дѣлаемъ все отъ насъ зависящее... У меня есть письмо Леконта де-Лиля, въ которомъ онъ поздравляетъ меня съ успѣхомъ... и въ самомъ дѣлѣ, дѣла идутъ недурно, у насъ даже есть подписчикъ въ Константинополѣ... Но вамъ, навѣрное, насказали, что я загребаю деньги? Клевета! дай Богъ окупить издержки!... Да и наконецъ, не все ли это равно? Я смѣюсь надъ убытками и работаю только для искусства. Не будете ли вы добры дать намъ какую-нибудь бездѣлку, какой-нибудь ничтожный пустячекъ... все, что вамъ будетъ угодно!.. Я помѣщу ваше произведеніе въ праздничномъ номерѣ, который готовлю въ честь нашего знаменитаго трубадура Ларангена... тамъ пойдетъ, между прочимъ, неизданный разсказецъ Додэ и... и вообще вы будете въ хорошемъ обществѣ... Такъ рѣшено, не правда ли? А когда появится ваша книга, можете вполнѣ на насъ разсчитывать...

Дютрейль поблагодарилъ за «лестное предложеніе», но заявилъ, что у него, къ сожалѣнію, нѣтъ рѣшительно ничего достойнаго печати. Кандоливъ настаивалъ, увѣрялъ, что всякая страничка будетъ принята съ благодарностью, готовъ былъ взять «юношескій опытъ», даже набросокъ... Морисъ, чтобъ отдѣлаться отъ назойливаго человѣка, сказалъ, что долженъ отправиться въ канцелярію,

но редакторъ пошелъ за нимъ до угла улицы, стараясь скрыть свое неудовольствіе и предлагая свои услуги.

— Вы позволите мнѣ, по крайней мѣрѣ, прислать вамъ мой *Улей?* — сказалъ онъ на прощанье.

Предложеніе Кандолива такъ разсердило Дютрейля, что ему самому гнѣвъ этотъ показался чрезмѣрнымъ. Сотрудникъ *Аквитанскаго Улья!*... какая насмѣшка!... Конечно, редакторъ обратился къ нему безъ всякаго злого умысла и лучше всего — просто посмѣяться надъ нимъ. Но, главное—ужасно, что этотъ человѣкъ обладаетъ его тайною, болтаетъ о ней всюду, торгуетъ ею!...

Большихъ трудовъ стоило мадамъ Гарадель разсѣять раздраженіе и досаду Мориса. Отказъ, полученный Кандоливомъ,— говорила она,—ручается за его скромность. Да и наконецъ, для чего всѣ эти хлопоты, чтобы никто не зналъ объ его успѣхѣ? Наивная дерзость редактора, ушедшаго съ головой въ свое маленькое предпріятіе, вовсе не должна оскорблять молодого автора... слѣдуетъ привыкать ко всѣмъ аттрибутамъ извѣстности, которая, конечно, выражается не въ одной только зависти и не въ одной любви...

Любви?... Отношенія молодыхъ людей не отличались особенной горячностью. Минутное опьяненіе прошло, и ни сердечное влеченіе, ни пылъ въ крови не толкали ихъ въ объятія другъ къ другу. Дютрейль не былъ еще испорченъ. Ему казалось, что страсти управляются разумомъ, и для него оставались непонятными разсказы о чисто-чувственныхъ увлеченіяхъ, съ которыми нѣтъ силы бороться. Мадамъ Гарадель обладала также довольно холоднымъ темпераментомъ. Она отдалась Дютрейлю просто потому, что считала это несущественнымъ, но естественнымъ слѣдствіемъ духовной близости. Такимъ образомъ больше резонируя, чѣмъ чувствуя, они жили на положеніи старыхъ супруговъ и вовсе не вспоминали о случившемся. Морисъ нуждался въ своемъ другѣ: ему сдѣлались уже необходимыми и совѣты, и увѣщанія, и лесть мадамъ Гарадель... Она чувствовала свою силу и прекрасно понимала, что отъ нея требуется.

Свою власть надъ нимъ молодая женщина рѣшила испробовать прежде всего на томъ, чтобы вытащить его изъ уединенія и ввести въ свѣтъ. Сопротивленіе Дютрейля только подлило масла въ огонь.

— Вы не желаете никого видѣть,— говорила она,— и ваши доводы я хорошо знаю. Чего вы боитесь? потери времени? Однако, у меня вы бывали часто, очень часто (о чемъ я, конечно, нисколько не жалѣю), и, кажется, эти посѣщенія не мѣшали вашей работѣ. Можетъ быть, вы не хотите подчиняться различнымъ свѣт-

скимъ предразсудкомъ?... но, вѣдь, въ концѣ-концовъ и это своего рода предразсудокъ. Боитесь вы враждебной встрѣчи или полнаго равнодушія со стороны людей, которыхъ вы, не зная, уже презираете?...

— И это все говорите мнѣ *вы?*... Но вспомните ваши разсказы о *реестрѣ!*...

— Ахъ, выслушайте меня до конца. Я вовсе не совѣтую вамъ поступаться своей независимостью. Но почему какихъ-нибудь восемь-десять, наконецъ, пятнадцать, если хотите, визитовъ помѣшаютъ вашимъ занятіямъ? Во всякомъ случаѣ, вы идете теперь къ своей цѣли ощупью: жизнь нельзя схватить сразу... изъ книгъ вы также ничего не узнаете: изучайте ее. И благоразуміе, и здравый смыслъ (я ужъ не говорю о чувствѣ ко мнѣ) — все побуждаетъ васъ уступить. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ знаютъ, что вы часто бываете у меня и удивляются, конечно, что больше нигдѣ не видятъ васъ... Я желаю встрѣчаться съ вами не только въ своей гостиной...

... Дютрейль уступилъ. Но ему не хотѣлось подчиняться убѣжденіямъ госпожи Гарадель и онъ постарался подыскать для своего поведенія собственные мотивы. Въ сущности, онъ рѣшался на простой опытъ, который ровно ничему не помѣшаетъ... во всякій моментъ онъ можетъ положить ему конецъ... а между тѣмъ представится возможность воспользоваться наблюденіями... наконецъ, въ этомъ испытаніи закалится его сила воли... Но уже сидя въ гостиной мадамъ Морэнъ-Шассанъ, онъ понялъ, что все это—одни отговорки: пять мѣсяцевъ тому назадъ такого рода «опытъ» онъ не назвалъ бы иначе, какъ капитуляціей.

II.

Вездѣ Дютрейля встрѣтили очень радушно. Онъ долго думалъ о томъ, какъ держать себя и какъ его примутъ? Но опытъ скоро показалъ, что самое лучшее—оставаться самимъ собою, не разыгрывая никакой роли, и предоставить каждому думать о немъ все, что придетъ въ голову. Опасенія Мориса оказались совершенно дѣтскими; съ самаго начала онъ сумѣлъ себя хорошо поставить: въ немъ былъ тотъ холодокъ, который провинціалы легко принимаютъ за свѣтскую выдержку.

Молодой человѣкъ умѣлъ внимательно и съ почтительнымъ видомъ выслушивать самые пошлые разговоры, вставляя время отъ времени какое-нибудь замѣчаніе и думая только о томъ, какъ бы

удрать поскорѣе. Эти качества были тѣмъ драгоцѣннѣе, что разговоры вертѣлись главнымъ образомъ вокругъ проповѣди аббата Жано или провинностей какой-нибудь кухарки... Говорили также объ опустошеніяхъ, произведенныхъ инфлюэнціей, о платьѣ, въ которомъ госпожа Гаше, жена просто писца изъ мэріи, щеголяла въ прошлое воскресенье на гуляньѣ... Мадамъ Белюгу, распространяясь о спѣси мадамъ Плантье де-Жирессъ, ссылалась на Мориса, какъ на очевидца, а мадамъ Плантье де-Жирессъ брала его въ свидѣтели свободнаго обращенія мадамъ Белюгу... Въ довершеніе всего онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія ни о проповѣди, ни о кухаркѣ, ни о платьѣ, ни о пунктахъ препирательства соперничающихъ дамъ. Про него уже говорили: «Это очень приличный молодой человѣкъ». Его цѣнили за то, что онъ не жаловался на скуку, никогда никого не прерывалъ, никому рѣзко не противорѣчилъ... Особенно нравилось всѣмъ, что онъ не подражаетъ другимъ пріѣзжимъ, которые любятъ противупоставлять мѣстнымъ обычаямъ и увеселеніямъ нравы Парижа, Ліона, Марселя... хотя сами не бывали дальше Аженя или Орилака. Къ нему скоро присмотрѣлись, а какъ только привыкли къ звуку его голоса, сейчасъ же признали, что «молодой человѣкъ не лишенъ остроумія». Дютрейль уже не скучалъ теперь и ничто его не шокировало. Онъ осмѣливался вступать въ споры, защищать свое мнѣніе, убѣждать. Онъ выказалъ умъ, старался нравиться, произвести лестное впечатлѣніе; къ сожалѣнію, некому было оцѣнивать всѣ эти усилія. Впрочемъ, онъ былъ вознагражденъ за нихъ въ тотъ день, когда мадамъ Праде-Жинесту просила мадемуазель Бераръ продолжать разсказъ, прерванный приходомъ молодого человѣка.

— Продолжайте,—сказала она,—господинъ Дютрейль свой человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе онъ не могъ сладить со своею совѣстью, и тотъ, кто видѣлъ его декламирующимъ какой-нибудь мадригалъ или говорящимъ парадоксы, не подозрѣвалъ борьбы, которая въ немъ происходила. Онъ жилъ въ состояніи постояннаго нѣмого отчаянія, безпокойный, крайне раздражительный, недовольный окружающими и еще болѣе самимъ собой. Онъ придирался къ Дабади, приписывалъ его молчанію свою неспособность чѣмъ-либо наслаждаться или на что-либо рѣшиться; *Revue Noire* нельзя было достать въ Монтаньякѣ, и Дютрейль подписался на шесть мѣсяцевъ. Въ теченіе двухъ недѣль онъ старался быть равнодушнымъ, доказывая себѣ, что въ этомъ номерѣ еще не можетъ быть разсказа; но къ концу второй недѣли имъ овладѣвало волненіе, которое ли-

шало его сна и аппетита. Неувѣренною рукой онъ срывалъ бандероль и бросалъ бѣглый взглядъ на оглавленіе, но между многими неизвѣстными фамиліями онъ не находилъ своего имени. Сильное сердцебіеніе, внезапная блѣдность, спазмы въ горлѣ выдавали его досаду. «Кончено! Никогда *Главный Кварталъ* не будетъ напечатанъ, никогда!...» Онъ писалъ редактору, который возобновлялъ свои обѣщанія, оправдываясь «независящими отъ него обстоятельствами». Что дѣлать?... Ждать!... Ахъ ждать, вѣчно ждать!... Проклятое ожиданіе, пріучающее къ терпѣнію, но за то разслабляющее волю!...

Наступилъ ноябрь и начались сильные дожди. Первыя капли, крупныя, стремительныя, проложили путь цѣлому потоку—непрерывному и медленному: миріады сплошныхъ безконечныхъ нитей какъ бы соединили небо съ землею, образуя занавѣсъ въ пространствѣ. Въ продолженіе трехъ недѣль сильнѣйшій дождь лилъ въ Монтаньякѣ. «Какой небывалый годъ!» говорили жители. Потомъ западный вѣтеръ смѣнился сѣвернымъ, а горизонтъ все не прояснялся. Жестокій вѣтеръ, неся съ собою иней, подулъ на долину. Термометръ стоялъ на восьми градусахъ ниже нуля. По рѣкѣ пошелъ ледъ, ледяная кора покрыла сонную поверхность канала, и полторы тысячи праздныхъ зѣвакъ собиралось на берегу смотрѣть, какъ Жоржъ Мальвайль, сынъ банкира катается на конькахъ по замерзшимъ водамъ. Однажды утромъ, Дютрейль замѣтилъ, что крыши сосѣднихъ домовъ покрыты толстымъ слоемъ снѣга. «Какой небывалый годъ!»—повторяли жители Монтаньяка.

Въ канцеляріи, гдѣ его задерживали усиленныя занятія по случаю окончанія года, угаръ и запахъ газа, который зажигался среди дня, погружали Дютрейля въ какое-то оцѣпенѣніе; онъ выходилъ съ тяжелою головой, съ разслабленными членами, мечтая объ отдыхѣ, желая забыться.

Но Морисъ хорошо зналъ, что въ уединеніи, въ своей комнатѣ, онъ не найдетъ этого отдыха: здѣсь всякій пустякъ — какой-нибудь журналъ, знакомая книга—напоминали ему неизвѣстность, въ которой приходилось жить, и онъ бѣжалъ въ гостиную мадамъ Гарадель или во *Францію*.

Небольшой кружокъ со времени отъѣзда Бриссара, посланнаго въ какой-то восточный городъ и съ тѣхъ поръ не подававшаго признаковъ жизни, увеличился его преемникомъ, Брюанде; это былъ тяжеловѣсный, толстый, краснощекій и вѣчно спокойный субъектъ, съ которымъ Дютрейль очень скоро сошелся.

Брюанде всегда и неизмѣнно былъ въ отличномъ расположеніи

духа; на жизнь у него сложился простой и ясный взглядъ: надо исполнять свой долгъ, наслаждаться настоящимъ и не мудрствовать лукаво... Все это дѣлало его общество очень пріятнымъ, но еще усиливало и оттѣняло безпокойное настроеніе Мориса.

Послѣдній не могъ уже ни о чемъ говорить съ прежнею живостью: въ его словахъ чувствовалось утомленіе и нетерпѣніе; нерѣдко онъ обрывалъ рѣчь безъ видимой причины. Между прочимъ Брюанде пробовалъ выучить его играть въ вистъ, но тщетно: черезъ часъ атмосфера небольшой залы кафе становилась невыносимой Дютрейлю. Онъ возвращался домой, зачитывался до поздней ночи какой-нибудь изъ своихъ любимыхъ книгъ, наслаждался сю и мало-по-малу весь уходилъ въ мечты, которыя разсѣивали подчасъ всю горечь его мыслей.

Однажды вечеромъ Морисъ возвращался домой въ болѣе тоскливомъ настроеніи, чѣмъ когда-либо: въ нумерѣ *Revue Noire*, полученномъ наканунѣ, 15 декабря, не было и признаковъ *Главнаго Квартала*. Около меріи онъ встрѣтилъ Берсеголя, котораго не видалъ уже цѣлую недѣлю.

— Куда это направляете свои стопы?—спросилъ послѣдній.

— Я... вотъ странный вопросъ! Иду домой спать.

— О, благонамѣренный человѣкъ! Уже?

— Да... у меня мигрень. А вы?...

— Хочу зайти въ клубъ. Когда вы будете у мадамъ Гарадель?

— Завтра, по всей вѣроятности. Покойной ночи!

Берсеголь отошелъ нѣсколько шаговъ, но снова вернулся и спросилъ:

— Почему вы не баллотируетесь въ Филотехническій кружокъ

— О, это меня не привлекаетъ. Да и приняли ли бы меня?

— Какіе пустяки!.. Конечно, у насъ въ клубѣ—далеко не рай, но вы могли бы разсѣять тамъ свою скуку и убить время, если нѣтъ охоты работать. Вамъ придастъ это болѣе солидности. Да и, наконецъ, чѣмъ вы рискуете? Баллотируйтесь, а затѣмъ хоть вовсе туда не ходите. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте-ка! А если рѣшитесь, я берусь ввести васъ.

Съ самаго пріѣзда Дютрейля въ Монтаньякъ ему предлагали вступить въ *Національный кружокъ* — другой политическій клубъ съ демократическою окраской, основанный когда-то, послѣ ожесточенной кампаніи *Патріота*, чтобы «закрѣпить связи республиканскихъ силъ».

Тогда Дютрейль отклонилъ приглашенія Бернеса и Гонселена, оправдываясь тѣмъ, что онъ ровно ничего не понимаетъ въ поли-

тикѣ, да и не любитъ ея. То же было бы, вѣроятно, и съ предложеніемъ Берсеголя, еслибъ мадамъ Гарадель не нашла нужнымъ возстать противъ него. Этотъ протестъ имѣлъ самыя неожиданныя послѣдствія. Морисъ возмутился, что его держатъ подъ опекой, заявилъ, что онъ уже не дитя и совершенно не понимаетъ ея опасеній: во всякомъ случаѣ, клубъ возьметъ у него меньше времени, чѣмъ шатаніе по гостинымъ; да и не было никакихъ основаній оставаться постоянно среди дамъ и избѣгать общества ихъ мужей; наконецъ, ни тѣ, ни другіе не могутъ, конечно, оказать никакого вліянія на его планы...

Онъ записался кандидатомъ и былъ избранъ безъ всякихъ затрудненій по рекомендаціи Дюпюша и Берсеголя. *Филотехническій кружокъ* (или попросту *Фило*), въ который онъ вступилъ, былъ основанъ еще при Людовикѣ-Филиппѣ, носилъ когда-то консервативный оттѣнокъ, давно его утратилъ и довольствовался теперь ролью свѣтскаго и шикарнаго клуба.

Когда Дютрейль проникъ туда въ первый разъ какъ-то въ субботу вечеромъ, *Фило* былъ почти пустъ. Тѣмъ не менѣе неожиданное извѣстіе о паденіи министерства вызвало въ читальнѣ довольно оживленныя пренія между судьею коммерческаго суда (сынъ его былъ гдѣ-то вице-консуломъ, а потому старикъ избралъ своею спеціальностью дипломатическіе вопросы) и графомъ Морэнъ-Шассаномъ, посланникомъ въ отставкѣ. Послѣдній воспользовался случаемъ, чтобы разсказать нѣсколько анекдотовъ изъ своей практики: «Бисмаркъ сказалъ мнѣ однажды»... «Въ то утро я завтракалъ съ Гладстономъ»... и слава этихъ громкихъ именъ, отражаясь на разсказчикѣ, внушала слушателямъ видимое къ нему уваженіе. Дютрейль обмѣнялся нѣсколькими рукопожатіями, перелисталъ коекакіе журналы и выдержалъ презрительный взглядъ г. Мартеля, который, нося фамилію съ трехвѣковымъ прошлымъ, былъ безпощаденъ къ новичкамъ. Затѣмъ Морисъ отправился въ карточный залъ, въ увѣренности, что встрѣтитъ тамъ Берсеголя. Три лысыхъ старика дремали за вистомъ. Два адвоката, прислонившись къ камину, разсуждали о какомъ-то процессѣ. Кучка игроковъ окружала столъ, за которымъ подвизались въ экартэ. Толстый господинъ апоплексическаго сложенія, съ раскраснѣвшимся лицомъ, длинною грязноватою бородой и маленькими заплывшими глазками игралъ очень несчастливо, судя по радости понтеровъ и хвастовству его противника, Сирейжоля. Берсеголь, развалясь въ креслѣ, небрежно слѣдилъ за перипетіями партіи. Увидя Дютрейля, онъ всталъ, привѣтствовалъ его и, когда разбитый, наконецъ, Сирейжоль уступилъ

свое мѣсто другому партнеру, представилъ молодого человѣка присутствовавшимъ. Всѣ приняли его очень радушно.

— Хотите попытать счастья?—спросилъ Берсеголь.

— Нѣтъ, не сегодня.

— Напрасно,—замѣтилъ Сирейжоль, набивая себѣ карманы.— Пингвину страшно не везетъ.

— Если не будете играть,—сказалъ Морису Берсеголь послѣ небольшого молчанія,—не проводите ли меня. Погода прекрасная, и вы отдохнете отъ воздуха вашей канцеляріи.

Они вышли и спустились на площадь. Берсеголь закурилъ сигару и заговорилъ первый.

— Въ *Фило* не особенно весело, не правда ли? Партія затянется почти до полночи, если Пингвину не надоѣстъ проигрывать А завтра опять та же исторія.

— Я думалъ, что здѣсь идетъ крупная игра.

— О, нѣтъ, крупныя ставки, тысячные билеты — все это исчезло неизвѣстно куда. Послѣ войны нѣсколько лѣтъ провинція жила очень весело. Виноградники цѣнились на вѣсъ золота, урожаи выдались прекрасные, доходовъ некуда было дѣвать. Да и встряска была такъ жестока и такъ неожиданна!... Противъ воспоминаній о прошломъ и страховъ передъ будущимъ оставалось одно лѣкарство—веселиться. И публика въ самомъ дѣлѣ веселилась,— веселилась у себя, дома, замѣтьте это. Каждый городокъ довольствовался своею собственной жизнью и ни въ чемъ не нуждался. А теперь изъ-за всякаго пустяка трогаются въ путь.

— Да, потому что сообщеніе стало удобнѣе.

— Конечно. Но, кромѣ того, теперь пропалъ всякій вкусъ къ партикуляризму, индивидуализму... и другимъ барбаризмамъ. Хотя быть можетъ это и не причина, а слѣдствіе. Во всякомъ случаѣ, что же мы выиграли? Общество провинціальнаго городка вмѣсто того, чтобъ избавиться отъ смѣхотворныхъ обычаевъ и пороковъ, потеряло свой запахъ, свои краски, свою оригинальную физіономію... Теперь только и свѣту въ окошкѣ, что въ Парижѣ, да еще въ нѣсколькихъ крупныхъ центрахъ, вяло и неискусно ему подражающихъ... А двадцать лѣтъ назадъ!... Ахъ, то было блестящее время! Монтаньякъ переживалъ тогда эру празднествъ, общую всѣмъ маленькимъ городкамъ, которые теперь кажутся какими-то пасмурными пустынями. Вы говорите о крупныхъ ставкахъ? Сколько разъ слышалъ я въ прежнее время, что въ одинъ вечеръ на зеленомъ сукнѣ этого самаго *Фило* пятьдесятъ тысячъ переходили изъ рукъ въ руки!... Конечно, такое, нѣсколько неестественное,

благоденствіе должно было скоро пройти... Причины наступившаго погрома всѣмъ хорошо извѣстны: непредусмотрительность дѣльцовъ, истощеніе почвы, финансовые крахи, всевозможные бичи земледѣлія и виноградниковъ и т. д. Денегъ уже не хватаетъ, ихъ прячутъ. Всѣ разсчитываютъ, жмутся, скряжничаютъ. Посмотрите, банкиру сегодня не везло очевиднѣйшимъ образомъ, а вы не рискнули попытать счастья!...

— Дѣло совсѣмъ не въ томъ. Я просто не желалъ играть съ этимъ Пингвин... съ Шансарелемъ.

— Почему? Вы считаете его воромъ?

— О, нѣтъ, онъ не украдетъ,—за нимъ хорошо смотрятъ. Но вѣдь онъ—порядочное дрянцо. Вы знаете это лучше меня. Репутація этого господина запятнана, онъ живетъ игрою и на чужой счетъ... Все это извѣстно. Почему же пускаютъ его въ клубъ? Какимъ образомъ его вездѣ принимаютъ, всѣ съ нимъ раскланиваются? Почему Сирейжоль, Беваллонъ и его друзья играютъ съ этимъ господиномъ? Почему вы, извините меня за откровенность, подаете ему руку? Сознайтесь, что провинція иной разъ выказываетъ необычайную снисходительность... та самая щепетильная и пропитанная предразсудками провинція, которая такъ быстро всего пугается, такъ заботливо относится къ соблюденію всевозможныхъ формъ и такъ безжалостно казнитъ самыя простительныя заблужденія...

— О, вы не оберетесь у насъ противорѣчій!... Да, Шансареля вамъ описали совершенно вѣрно; пожалуй, въ портретъ можно было бы прибавить и еще черныхъ красокъ. Но дѣло въ томъ, что Монтаньякъ никогда не казнитъ своихъ. Шансарель здѣсь родился и выросъ, его семья «пользуется всеобщимъ уваженіемъ»; его отецъ былъ «прекраснѣйшимъ человѣкомъ», а мать—«святою». Онъ подлинный племянникъ бывшаго префекта, товарищъ по гимназіи всѣхъ и каждаго... Вы забываете, что общее происхожденіе заставляетъ забывать о проступкахъ человѣка и сглаживаетъ его недостатки. Даже партійная ненависть не уничтожаетъ этой связи. Вотъ, напримѣръ, Сериньякъ: съ трибуны *Національнаго кружка* онъ готовъ требовать головы какого-нибудь Мартеля, а этотъ Мартель съ удовольствіемъ отправилъ бы его на каторгу. Но они оба родились въ одно время и въ одной и той же улицѣ; оба они принадлежатъ къ одной породѣ людей, носятъ какой-то общій отпечатокъ, и никакая вражда не сотретъ его. Вотъ психологія Монтаньяка. А вотъ и мое жилье,—прибавилъ онъ весело.—Не зайдете? Спасибо, что проводили!... Я у васъ въ долгу. Спокойной ночи!...

III.

По случаю новаго года Дабади далъ своимъ читателямъ перечень всего, что онъ пріобрѣлъ для журнала.

Заявивъ, что «все возрастающій успѣхъ налагаетъ на него самыя серьезныя обязанности по отношенію къ публикѣ», онъ анонсировалъ новыя произведенія Франсуа Коппе, Поля Эрвье, Пьера Лоти и Марселя Прево. Кромѣ того, журналъ, какъ и въ прежнее время, откроетъ свои страницы для «молодыхъ талантовъ» и напечатаетъ неизданныя сочиненія гг. W... X... Y... Z... О Дютрейлѣ и *Главномъ Кварталѣ* никакого упоминанія. Это молчаніе, предвѣщавшее окончательный отказъ, не столько удивило и огорчило, сколько разсердило Мориса. Ему казалась возмутительной двуличность редактора. Конечно, послѣдній имѣлъ полное право отказаться отъ разсказа, но если *Главный Кварталъ* не могъ понравиться публикѣ, зачѣмъ же было похвалами и лживыми обѣщаніями вводить автора въ заблужденіе?... Морисъ не закрывалъ глазъ на недостатки своего произведенія... но неужели, по всей справедливости, оно годилось только на то, чтобы попасть въ корзинку? Горечь этихъ размышленій сквозила въ письмѣ, которое онъ написалъ Дабади; отвѣта не послѣдовало. Онъ еще разъ обратился къ Ла-Бюрту, который въ это время былъ занятъ окончаніемъ пьесы, послалъ своему другу нѣсколько довольно банальныхъ утѣшеній и снова повторялъ на всѣ лады, что «виноватъ всегда тотъ, кого во время нѣтъ на мѣстѣ».

И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ Дютрейль, никому неизвѣстный, безъ всякой поддержки, издалека — могъ бороться со всѣми своими дѣятельными и настойчивыми соперниками, съ партійностью, интригами... да, да!... быть можетъ, еслибъ онъ былъ въ Парижѣ...

Молодой человѣкъ страдалъ ужасно, хотя уже давно старался приготовить себя къ этому испытанію. Впрочемъ, онъ пробовалъ казаться спокойнымъ. Однажды онъ сказалъ мадамъ Гарадель небрежнымъ тономъ, какъ бы бросая незначительное замѣчаніе:

— Кстати, мой милый другъ, *Главный Кварталъ* не принятъ.

Она пыталась возражать, вернуть прежнія надежды.

— Нѣтъ, нѣтъ, — прибавилъ онъ, — съ этимъ ничего не подѣлаешь. Да я и всегда былъ убѣжденъ, что этимъ кончится.

Она спорила, настаивала на своемъ: ея любовь, ея гордость были оскорблены. Видя, что Морисъ не желаетъ слышать никакихъ утѣшеній, молодая женщина постаралась найти объясненіе такой неудачи. Извѣстно, съ какимъ предубѣжденіемъ, съ какимъ пре-

небреженіемъ парижане относятся къ провинціи! Но во всемъ виноватъ все-таки Дабади и окружающая его клика... Хорошъ и Ла-Бюртъ!... Это просто сухой эгоистъ! Дютрейль не возражалъ; вѣря искренней привязанности своего друга, онъ думалъ: «Ла-Бюртъ вполнѣ счастливъ, все ему улыбается, его ждетъ шумный успѣхъ, а я... А мадамъ Гараделъ все еще старалась подбодрить его: сколько знаменитыхъ писателей терпѣли въ началѣ такія же неудачи!... Съ другой стороны, черезчуръ быстрый успѣхъ часто вовсе не оправдывается впослѣдствіи... Она призвала на помощь нѣжность, выпрашивала и расточала ласки, которыхъ прежде *онъ* добивался. Но Дютрейль, казалось, не слушалъ, не понималъ ее и только бормоталъ:

— Что скажутъ, что скажутъ?...

Держать происшествіе въ тайнѣ было невозможно; объяснять его каждому встрѣчному—немыслимо... Какъ отнесутся къ этому его друзья? Что подумаютъ его товарищи? Наконецъ, вся эта презрѣнная толпа, надъ которой онъ такъ издѣвался?... Какое торжество для Кандолива!...

— Никто ничего не скажетъ.

— Вы отлично знаете, что это неправда.

— Стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки?

— Конечно, нѣтъ; но...

Но онъ чувствовалъ уже въ себѣ какую-то перемѣну: еще недавно разнузданное злословіе цѣлаго города было для него совершенно безразлично.

— Поймите, противно стать предметомъ глупой и злой болтовни»...и ничего этого не было бы, еслибъ вы... еслибъ мы меньше торопились торжествовать эту проблематическую побѣду. Я хотѣлъ молчать, но вы не выдержали и вотъ вамъ послѣдствія!

Такъ произошла ихъ первая ссора.

Но озлобленіе, охватившее Дютрейля, скоро улеглось. Онъ покончилъ съ неизвѣстностью и его снова потянуло къ дѣлу. Съ Дабади ничего не вышло? Ну, что-жъ? Это—самая заурядная случайность, которая ровно ничего не доказываетъ. Нельзя говорить о пораженіи, когда вовсе не было битвы. Единственный истинный судья—читатель—остался не спрошеннымъ. А, вы желали безъ всякихъ мотивовъ приговорить неизвѣстнаго и безоружнаго автора къ позорной смерти?... Вамъ это не удастся! Онъ станетъ аппелировать на приговоръ, произнесенный при закрытыхъ дверяхъ, и вмѣсто забракованнаго вами «наброска» —создастъ цѣлое «художественное произведеніе»!... Мысль отомстить такимъ путемъ—

овладѣла всѣмъ существомъ Мориса, и ему казалось, что онъ скорѣе броситъ службу, скорѣе будетъ питаться сухимъ хлѣбомъ, жить подаяніемъ, чѣмъ откажется отъ ея выполненія. Затѣмъ онъ энергично принялся за работу. Скоро планъ романа былъ готовъ, оригинальное названіе, которое каждому бросится въ глаза, найдено,—оставалось только работать. И вотъ совершенно не думая о томъ, какъ мало онъ подготовленъ жизнью къ писанію романовъ, молодой авторъ весь уходитъ въ свое произведеніе, пишетъ сцену за сценой и снова переживаетъ прежнія радости и печали.

Между тѣмъ пьеса Ла-Бюрта имѣла успѣхъ; одинъ изъ «генераловъ отъ критики» замѣтилъ въ ней «наряду съ неловкостями и промахами, изобличающими неопытность автора, признаки истиннаго и крупнаго драматическаго дарованія, которое много обѣщаетъ въ будущемъ». Но успѣхъ этотъ только еще больше подбодрилъ Мориса... Да, придетъ время, и онъ испытаетъ то опьяненіе, которымъ полно письмо его друга... а пока ему остается только радоваться удачѣ Ла-Бюрта и неотступно идти къ намѣченной цѣли. И онъ снова заперся въ своей комнатѣ, къ удивленію мадамъ Пужэ, которая успѣла уже привыкнуть къ его постояннымъ отлучкамъ.

Скоро Морисъ понялъ всю нелѣпость своего поведенія съ мадамъ Гардель, и примиреніе ихъ, конечно, сопровождалось возвратомъ прежней нѣжности. Однако, въ глубинѣ души онъ еще чувствовалъ противъ нея нѣкоторое озлобленіе; ея отношеніе не измѣнилось нисколько, но прежняго довѣрія къ ней уже не было: молодой человѣкъ, даже наединѣ съ ней, испытывалъ нѣкоторое стѣсненіе, не пускался уже въ откровенности и сталъ все рѣже бывать у нея.

— О чемъ вы думаете?—спрашивала она.—Собрались ли съ силами? Работаете ли вы? Вѣдь нельзя же остановиться на этомъ первомъ опытѣ!...

Морисъ мягко, но рѣшительно избѣгалъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы, но она видѣла, конечно, что онъ скрываетъ свои намѣренія. Напрасно онъ говорилъ, что усталъ, потерялъ мужество и надолго отказывается отъ новыхъ попытокъ. Его выдавали голосъ, взгляды, жесты, таинственный видъ, неожиданное пристрастіе къ работѣ и въ особенности огонекъ, который свѣтился въ глазахъ и ясно говорилъ о томъ, куда были направлены его мечты и мысли: несомнѣнно, онъ опять шелъ на битву и надѣялся на этотъ разъ одержать побѣду.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Осень.

Все дышитъ кладбищемъ, смерть стелетъ свой покровъ,
Но сколько прелести въ тебѣ, пора утраты!
У листьевъ вянущихъ, у вянущихъ цвѣтовъ
Есть несравненные цвѣта и ароматы.

У темныхъ, трауромъ окутанныхъ, ночей
Есть запоздалыя, сверкающія грозы,
У дней заплаканныхъ есть проблески лучей —
Улыбки райскія сквозь льющіяся слезы.

Природа лѣтняя полуобнажена,
Но и печальная, безъ гимновъ ликованій,—
Царица бѣдная,—хранитъ еще она
Лоскутья царственныхъ, багряныхъ одѣяній!

II.

Ужъ больше нѣтъ любви, но отъ ея дыханья
Остался сладостный и тонкій ароматъ,
Какъ умирающихъ цвѣтовъ благоуханья,
Что желтой осенью о лѣтѣ говорятъ.

Ужъ больше нѣтъ любви... пережита развязка,
Нѣтъ лихорадки встрѣчъ, нѣтъ сладости грѣха;
Осталась карточка, душистыхъ писемъ связка,
Гдѣ проза кажется мелодіей стиха.

Остался цѣлый міръ, гдѣ память оживаетъ
И тихо грѣется подъ тлѣющимъ огнемъ...

Такъ книгу старую отрадно взять бываетъ
И надъ излюбленнымъ задуматься листомъ.

Ужъ больше нѣтъ любви, но отъ ея дыханья
Остался сладостный и тонкій ароматъ,
Какъ умирающихъ цвѣтовъ благоуханья,
Что желтой осенью о лѣтѣ говорятъ.

III

Все меньше розовыхъ надеждъ любимой быть,
И кожа морщится на щечкахъ бѣдной Евы,
При ней стѣсняются о годахъ говорить
И избѣгается названье старой дѣвы.

За ней волочатся, чтобъ только поболтать,
Сказать любезности и ускользнуть искусно...
Она теряется, куда бы ей пристать?
Къ подросткамъ—совѣстно, а къ старымъ—слишкомъ грустно.

Старѣетъ въ гложущей, скрываемой тоскѣ
И свято грустную невинность охраняетъ...
Такъ роза блѣдная въ осеннемъ цвѣтникѣ
Одна, забытая, печально доцвѣтаетъ.

Н. Вильде

ОСНОВАТЕЛЬНЫЙ БРАКЪ *).

(Les justes Noces).

Романъ Андре Мореля.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Переписка Жака и Каролины.

Жакъ Бревенъ Каролинѣ Мирбанъ.

Парижъ, 1 ноября 189...

Мадемуазель!

Простите въ томъ, что я обращаюсь къ вамъ. Помимо того, что я не знаю, съ вами ли вашъ дядя, я не рѣшаюсь надоѣдать ему моимъ невѣжествомъ. Вы, впрочемъ, такой же для меня учитель, какъ онъ, а потому я и удручаю васъ моими глупостями.

Я работалъ исправно и даже радовался тому, какъ удивлю васъ моими успѣхами, когда вы вернетесь. Одно самомнѣніе! Я сталъ въ тупикъ въ тотъ моментъ, когда добрался до двѣнадцатой династіи. Сколько ни рылся я въ вашей библіотекѣ, не нашелъ ничего, мнѣ необходимаго. Вотъ я и принужденъ обратиться къ вамъ. Пожелаете ли вы заниматься мною? Если «да», то будьте добры, выпишите на карточку нужныя мнѣ указанія. Это отниметъ у васъ не много времени, но вы дадите этимъ возможность вашему ученику продолжать свои занятія такъ, чтобы они сдѣлали честь его наставницѣ.

Надѣюсь, что климатъ Юга полезенъ вамъ, и прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи къ вамъ, къ господину Мирбану и къ вашей тетушкѣ.

Жакъ Бревенъ.

---

*) *Русская Мысль* 1897 г., кн. VII.

Каролина Мирбанъ Жаку Бревену.

Марсель, 7 ноября 189..

Милостивый государь!

Ваше письмо я получила нѣсколько дней назадъ и не отвѣчала вамъ ранѣе, ожидая возвращенія дяди, чтобы отъ него получить тѣ указанія, которыя вамъ нужны. Онъ пріѣхалъ сегодня утромъ всего на нѣсколько дней. Спѣшу сообщить вамъ то, что, по его словамъ, должно вполнѣ васъ удовлетворить.

Лѣвая сторона *желтой* библіотеки, *третья* полка. Первые *восемь* томовъ, считая *слѣва*.

Достаточны ли для васъ эти указанія? Намъ очень пріятно получать вѣсти о васъ и о вашихъ. Какъ поживаютъ женихъ и невѣста? Счастливы безгранично? Ничего вы объ этомъ не пишете. За время нашего пребыванія въ Динарѣ я успѣла настолько оцѣнить вашихъ милыхъ родныхъ, что не могу ими не интересоваться. Прошу васъ напомнить имъ обо мнѣ и вѣрить въ искренность моихъ добрыхъ чувствъ.

Каро. Мирбанъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Парижъ, 12 ноября 189..

Мадемуазель!

Долгомъ считаю поблагодарить васъ за ваши превосходныя указанія, давшія мнѣ возможность вновь приняться за мои прерванныя было занятія. Чѣмъ дальше подвигается моя работа, тѣмъ болѣе я радуюсь тому, что взялся за нее. Невѣдомый міръ, открывающійся передо мной, даетъ мнѣ истинное наслажденіе въ часы досуга, которые оставляетъ мнѣ Палата суда. Досугъ этотъ я стараюсь даже удлиннить немного произвольно, такъ какъ не вижу надобности стѣснять себя въ томъ, что мнѣ нравится.

Счастливый тѣмъ, что никогда не испытывалъ необходимости отказываться отъ удовольствій, которыя приходились мнѣ по вкусу,—такъ какъ и вкусы мои всегда подчинялись разуму, — я не умѣю противустоять моимъ фантазіямъ. И если я не особенно усердно занимаюсь моими дѣлами, то могу, по крайней мѣрѣ, сказать, что никому не причиняю этимъ ущерба, ни даже себѣ, такъ какъ обогащаю мой умъ знаніями.

Вамъ угодно знать, что подѣлываютъ близкіе мнѣ люди, и я съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю вамъ, что домъ Бревеновъ ликуетъ. Женихъ и невѣста видятся каждый день и вполнѣ счастливы. Ихъ постигло, впрочемъ, большое горе: свадьба отложена

на мѣсяцъ, по случаю приготовленій, въ которыя моя матушка желаетъ внести всѣ свои старанія и все свое умѣнье. А кромѣ того, отецъ вынужденъ черезъ нѣсколько дней ѣхать въ Лондонъ. Такимъ образомъ свадьба состоится въ концѣ декабря.

Разогорчились бѣдные влюбленные. Меня очень забавляли ихъ мины,—точь въ точь физіономіи министровъ, желавшихъ «перехода къ очереднымъ дѣламъ съ выраженіемъ довѣрія», и добившихся лишь «простого». Началась борьба изъ - за того, кто перещеголяетъ проявленіемъ сильнѣйшаго отчаянія, настоящій рекордъ печалованія. Подобныя ребячества восхитительны для такого безпристрастнаго зрителя, какъ я. И я забавляюсь тѣмъ, что ихъ еще подразниваю:—«Теперь у васъ достаточно времени для того, чтобы наспориться до сыта... По крайней мѣрѣ, вамъ не такъ скучно вдвоемъ»... Тонъ этого не особенно хорошъ, но классически вѣренъ, и результаты даетъ несомнѣнные. Влюбленные отвѣчаютъ, что я злой человѣкъ, возобновляютъ взаимныя клятвы въ вѣчной любви, очень рады подходящему для этого случаю и въ глубинѣ души благодарны мнѣ за то, что я его доставилъ.

Едва не забылъ очень важнаго обстоятельства: чтобы не носить ваши книги къ себѣ и тѣмъ ихъ не портить, я часто остаюсь часа на два въ вашей библіотекѣ и дѣлаю выписки. На-дняхъ вашъ вѣрный стражъ выразилъ мнѣ свои сомнѣнія по этому поводу Ему приказано меня впускать, но не объяснено, могу ли я сидѣть въ библіотекѣ. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что и это мнѣ разрѣшено, только для успокоенія совѣсти желалъ бы, чтобъ о томъ было ему сказано. Будьте же добры—дайте ему соотвѣтственное распоряженіе.

Почтительно преданный вамъ другъ

Ж. Бревенъ.

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Марсель, 19 ноября 189..

Cher Monsieur, покажите нашему Церберу нижеслѣдующія строки:

«Мой дядя разрѣшаетъ вамъ заниматься въ его библіотекѣ съ семи часовъ утра до семи часовъ вечера».

Вы довольны?

Благодарю васъ за вѣсти о будущихъ супругахъ. Я очень ихъ люблю, они казались мнѣ такими милыми, когда не могли насмотрѣться другъ на друга. Ихъ счастье должно было бы внушать

вамъ добрыя мысли и склонить васъ къ тому мнѣнію, что положеніе ихъ, которому предшествуютъ столь восхитительныя ласки, совсѣмъ не такъ плохо, какъ это вамъ представляется. Пользуясь присвоеннымъ мною въ Динарѣ правомъ иногда пожурить васъ, я позволяю себѣ замѣтить, что вамъ не слѣдуетъ ихъ дразнить.

Что̀ бы вы сказали, еслибы они вздумали то и дѣло потѣшаться надъ вашею влюбленностью въ Рамзеса II? Вѣдь ихъ-то влюбленность болѣе священна, такъ какъ въ ней вся ихъ будущность. И, по истинѣ, не хорошо относиться съ недостаточнымъ уваженіемъ къ такимъ чистымъ чувствамъ. Я разсуждаю о вещахъ мало мнѣ извѣстныхъ, но мнѣ кажется въ высокой степени трогательною помолвленная парочка, и мнѣ досадно видѣть, что вы опять увлекаетесь вашимъ гадкимъ скептицизмомъ въ области чувствъ. Вашъ умъ какъ будто измѣняетъ вамъ, какъ только дѣло коснется сердца. Ко всѣмъ вопросамъ этого рода вы относитесь съ ироніей, неумѣстной при ихъ обсужденіи. Я думаю, что въ молодости не слѣдуетъ смѣяться надъ такими вещами, и говорятъ, что въ старости люди дѣлаются еще болѣе снисходительными... Изъ этого надо заключить, что это дѣла серьезныя и заслуживаютъ сочувствія, а отнюдь не насмѣшки.

Вы пишете мнѣ, что немного запускаете ваши дѣла ради занятія наукой, и по этому поводу я вынуждена побранить васъ еще разъ. Эти занятія должны быть для васъ тѣмъ же, чѣмъ они всегда были для моего дяди,—препровожденіемъ времени и развлеченіемъ. Вы объясняете мнѣ, что всю жизнь дѣлали что вамъ нравится, и не считаете нужнымъ въ чемъ-либо себя стѣснять. Я полагаю, что вы поступаете неправильно. Очень хорошо обогащать свой умъ, но при условіи, чтобы это приносило какую-либо пользу обществу. Я твердо убѣждена въ томъ, что всякое личное усиліе должно быть направлено на общее благо. Занимайтесь исключительно египетскими древностями, если это вамъ нравится, но дѣлайте это уже такъ, чтобы пріобрѣсти возможность писать о нихъ и двинуть впередъ науку. Если же вы все дѣло сведете на вашу личную забаву, вы кончите тѣмъ, что уподобитесь коллекціонерамъ старыхъ пуговицъ или почтовыхъ марокъ. Ваши занятія наукой можно будетъ тогда только одобрить, когда, благодаря имъ, вы настолько расширите ваши знанія, что сдѣлаетесь способнымъ служить людямъ въ той спеціальной отрасли науки, которую для себя выбрали.

Письмо вышло, однако, черезчуръ длиннымъ. Извините: я слишкомъ часто отступаю отъ приличій! Чтобы не судить меня

строго, припомните, что желаніе направить на прямой путь людей, къ которымъ я расположена, побуждаетъ меня нерѣдко дѣлать вещи достойныя порицанія, какъ эта переписка, напримѣръ.

Мой привѣтъ.

Каро. Мирбанъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Парижъ, 22 ноября 189...

Какое милое письмо, мадемуазель, и сколько въ немъ правды! Но за то какой ужасный конецъ! Неужели вправду вы хотите уже покинуть меня?

И это въ то время, когда началось мое обращеніе на путь истинный. Я не шучу. Ваши доводы почти совершенно убѣдили меня въ томъ, что я не долженъ болѣе нарушать покой моихъ влюбленныхъ и что адвокатскія дѣла не должны страдать отъ моихъ постороннихъ занятій. Читая ваше письмо, я проникался добрыми намѣреніями. Все разрушилъ вашъ осторожный намекъ, давшій мнѣ понять, чтобъ я не смѣлъ писать вамъ «внѣ службы». Мнѣ такъ хорошо быть вашимъ ученикомъ въ области египтологіи, что я не могъ не желать сдѣлаться таковымъ же въ области морали. И этими уроками я начиналъ увлекаться не меньше, чѣмъ первыми. Успокойте же меня, скажите скорѣе, что вы были не въ духѣ и хотѣли только попугать меня. Лишь тогда я осмѣлюсь возобновить бесѣды, которыя были для меня такъ пріятны и, повѣрьте мнѣ, полезны.

Съ глубокимъ уваженіемъ

Жакъ Бревенъ.

Отъ него же той же.

Парижъ, 1 декабря 189...

Мадемуазель!

Это письмо будетъ, вѣроятно, послѣднимъ, что я пишу вамъ. Вы не отвѣчаете мнѣ, и ваше молчаніе, вмѣстѣ съ послѣднимъ сообщеніемъ, доказываетъ, что вы рѣшили прекратить нашу переписку.

Смѣю завѣрить, мадемуазель, что я вполнѣ понимаю вашу осторожность. Если я позволилъ себѣ писать вамъ о нѣкоторыхъ вещахъ, не относящихся къ необходимымъ мнѣ научнымъ указаніямъ, то сдѣлалъ это лишь потому, что имѣю о васъ очень высокое мнѣніе. Еслибъ я цѣнилъ васъ наравнѣ съ обыкновенною молодою дѣвушкой, я никогда не рискнулъ бы говорить съ вами такъ

откровенно, какъ говорятъ только съ другомъ. Теперь вы, повидимому, хотите стать въ ряды свѣтскихъ дѣвушекъ, и не мнѣ судить васъ за это. Но пройдетъ много мѣсяцевъ прежде, чѣмъ для меня вы сравняетесь съ этими дѣвицами, которыхъ я считаю глупыми и недостойными вниманія порядочнаго человѣка.

Я замолчу, такъ какъ вы желаете этого, но сдѣлаю я это съ глубокою скорбью. Мнѣ въ высшей степени пріятно было не прерывать обмѣна мыслей съ вами, несмотря на ваше отсутствіе. Вамъ это наскучило? Мнѣ остается только подчиняться.

Какъ бы ни было, прошу васъ всегда вѣрить въ почтительную преданность

Жака Бревена.

Отъ него же къ той же.

Парижъ, 7 декабря 189...

Мадемуазель!

Распечатаете ли вы это письмо?... Думаю, что «да», если чутье подскажетъ вамъ, насколько оно невинно.

Я опять встрѣтилъ препятствіе въ моей работѣ. Мнѣ надо знать, гдѣ находятся рисунки къ указаннымъ вами сочиненіямъ. Я искалъ ихъ, дабы не безпокоить васъ моимъ обращеніемъ къ вамъ, и найти нигдѣ не могъ. Принятое вами рѣшеніе дозволитъ ли вамъ отвѣтить на мою просьбу?

Уважающій васъ

Жакъ Бревенъ.

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Марсель, 10 декабря 189...

Да, я распечатала ваше письмо. И почему бы мнѣ его не распечатать? Бояться васъ или считать себя оскорбленною значило бы признать себя виновною, а я ни въ чемъ, насколько мнѣ извѣстно, не провинилась.

Мой отказъ продолжать переписку, начатую, какъ мнѣ кажется, слишкомъ хитро, чтобы мнѣ понравиться, вызванъ извѣстною сдержанностью, которую вы поймете. Для чего же,—скажете вы,—возобновлять корреспонденцію, поддаваясь новой хитрости?... А потому, что, хотя я ничуть не вѣрю встрѣченному вами будто бы опять научному затрудненію, я не придаю также никакого значенія тому соображенію, будто надо прекратить сношенія,—пріятныя мнѣ, признаюсь въ этомъ,—изъ-за того, что вы начали ихъ способомъ, недостойнымъ насъ обоихъ. Временнаго перерыва до-

статочно, чтобы дать вамъ почувствовать его легкую непристойность: идти въ этомъ направленіи дальше—значило бы придавать вашимъ письмамъ такой смыслъ, который они не должны имѣть и не имѣютъ,—я полагаю...

Итакъ, мы будемъ писать другъ другу, но отбросимъ всякіе къ тому предлоги и выдумки. Вы будете писать мнѣ, когда захотите сказать мнѣ что-либо такое, чѣмъ вамъ нужно будетъ подѣлиться со мною, и, повѣрьте, найдете во мнѣ самаго вѣрнаго и безкорыстнаго друга. Наша недавняя дружба нуждается въ скрѣпленіи и, какъ бы странно это ни показалось, ей необходимо остаться въ чисто-духовныхъ границахъ. Я хорошо знаю, что это не совсѣмъ обычно между молодымъ человѣкомъ и *старою дѣвой*. Должно ли это остановить насъ? Я не думаю. Дружба не является по заказу и не останавливается передъ предразсудками. И вы понимаете, конечно, что ни иной формы, ни иного основанія я не допущу въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Вы наказаны достаточно! Теперь можете писать, я буду отвѣчать и признаюсь вамъ въ томъ, что желаніе привлечь васъ на сторону нѣкоторыхъ дорогихъ мнѣ идей, почитаемыхъ мною за истину, побуждаетъ меня быть снисходительною. Ждите же нравоученій, я одержима легкою маніей проповѣдничества, причемъ имѣю слабость привязываться къ тѣмъ, чей характеръ мнѣ по душѣ.

Вѣрьте моимъ лучшимъ чувствамъ.

Каро. Мирбанъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Парижъ, 12 декабря 189...

Мадемуазель!

Я только что получилъ ваше письмо. Вы можете себѣ представить, съ какою радостью я увидалъ вашу подпись. Вы на меня не сердитесь больше... На такую доброту я отвѣчу полною искренностью. Да, мои исторіи съ библіотекой были маленькими уловками, но вы за нихъ простите, такъ какъ вызваны онѣ были единственнымъ опасеніемъ показаться слишкомъ смѣлымъ, позволяя себѣ писать вамъ для того только, чтобы доказать, что я думалъ о васъ. Писать безъ достаточнаго повода представлялось мнѣ рѣзкимъ отступленіемъ отъ формы и отъ общепринятыхъ обычаевъ.

Въ Динарѣ и въ Парижѣ я за счастье для себя считалъ бесѣды съ вами и возможность получать отъ васъ добрые уроки душевной уравновѣшенности и благожелательности. Когда вы уѣхали, я почувствовалъ, насколько мнѣ ихъ недостаетъ. Я не посмѣлъ обра-

титься за ними просто. Въ этомъ я винюсь, такъ какъ, зная васъ, я не долженъ былъ предполагать, что съ вами надо прибѣгать къ какимъ-либо хитростямъ.

Сообщаю вамъ великую новость! Свадьба моей сестры отложена еще на мѣсяцъ. Почему? Мой отецъ желаетъ сдѣлать зятя участникомъ въ своемъ дѣлѣ и хочетъ устроить это до свадьбы, а исполненіе формальностей требуетъ времени. И вотъ опять въ ходу мелкія хозяйственныя заботы. Это вѣчное впутываніе денежныхъ соображеній въ дѣло брака, даже—«avant la lettre», какое-то неизбѣжное переплетаніе интересовъ и любви, какъ только люди задумаютъ освятить ее надлежащимъ образомъ, представляется мнѣ величайшимъ осмѣяніемъ и униженіемъ того акта, къ которому моя антипатія вамъ извѣстна. Мнѣ просто отвратительно, что люди не могутъ другъ друга любить, не спросивши предварительно: —«сколько?» Менѣе, чѣмъ когда-либо, я расположенъ къ такому скачку, а еслибъ и пришла охота, то подобнаго инцидента было бы достаточно, чтобъ удержать меня.

Еслибъ вы видѣли лица жениха и невѣсты, вы были бы одного со мною мнѣнія. Раздраженіе сбавило ихъ любовь на-половину. Видно было, что каждый изъ нихъ, съ своей стороны, приписываетъ родителю другого препятствія, выставляемыя противъ ихъ немедленнаго брака, и наши помолвленные обоюдно упрекаютъ другъ друга въ неумѣньи побѣдить столь ничтожныя помѣхи. «Стало быть вы недостаточно меня любите, если этого сдѣлать не можете!»—какъ бы говорили они другъ другу. Конечно, черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю, быть можетъ, раздраженіе это позабудется, но существовать оно все-таки будетъ, хотя и сотрется, подобно тѣмъ пятнамъ, которыя уничтожаются кислотами и вновь появляются, какъ только пыль коснется испачканной матеріи. Въ теченіе нѣкотораго времени ничего не замѣтно, но стоитъ только подуть вѣтру и запылить васъ,—пятно опять видно. Оно становится даже отличною «почвой для культуры», какъ говорятъ химики. Будетъ налетать пыль разныхъ сортовъ, будетъ производить то же самое, и въ одинъ прекрасный день придется матерію рѣзать и перекраивать, она можетъ оказаться даже совсѣмъ никуда негодною. Въ этотъ день умретъ любовь, наступитъ конецъ миру и согласію.

Такова одна изъ многочисленныхъ опасностей, ожидающихъ человѣка въ томъ положеніи, занять которое почти всѣ стремятся, и вотъ почему, какъ вамъ извѣстно, я порѣшилъ всѣми способами его избѣгать.

Имѣю я вамъ сказать и еще кое-что, но отлагаю до слѣдующаго

раза. Удлинять это письмо значило бы черезчуръ злоупотреблять вашею снисходительностью. Писать буду скоро, если позволите.

Уважающій васъ

Жакъ Бревенъ.

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Марсель, 19 декабря 189...

Monsieur, что вы мнѣ говорите, доказываетъ, какъ нельзя лучше, что вы снова поддаетесь вашимъ нехорошимъ идеямъ, которыя начали было понемногу исчезать. Я подозрѣваю, впрочемъ, нѣкоторое покушеніе меня подразнить, заманить на споръ. Но я охотно иду на такую ловушку и отвѣчаю вамъ.

Наши молодые люди совершенно неправы тѣмъ, что раздражаются другъ противъ друга изъ-за постигшей ихъ непріятности. Имъ бы слѣдовало, наоборотъ, радоваться тому, что близкіе люди предусмотрительно заботятся о нихъ, и я думаю, вопреки вашему мнѣнію, что заботы эти не только не послужатъ основаніемъ для какихъ-либо осложненій, а предотвратятъ навсегда поводы къ возникновенію враждебныхъ отношеній. Еслибы всѣ люди имѣли благоразуміе до вступленія въ бракъ предупреждать всѣ причины несогласій, — помимо сердечныхъ, разумѣется, — они избѣжали бы многихъ семейныхъ раздоровъ. Но въ настоящее время съ такою поспѣшностью заканчиваются этого рода дѣла, въ высшей степени важныя, однако, что большинство ссоръ происходитъ отъ недостатка предварительной организаціи.

Я знаю много семействъ, и тѣ изъ нихъ, которыя позаботились заранѣе урегулировать свои матеріальные интересы, отличаются наибольшею прочностью союза. Вы, повидимому, хотите сказать, что вступающіе въ бракъ должны неизбѣжно смѣшать и спутать свои имущественныя отношенія. Какъ вы ошибаетесь, господинъ мой другъ! Развѣ нельзя устроиться такъ, какъ то дѣлаютъ ваши родители для вашей сестры, во избѣжаніе какихъ бы то не было пререканій? Для этого вполнѣ достаточно яснаго и точнаго опредѣленія правъ каждаго изъ супруговъ.

Да и въ томъ случаѣ даже, когда никакого опредѣленія правъ не сдѣлано, я не вижу никакой необходимости ссориться... Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ иныхъ, достаточно внести во взаимныя отношенія духъ терпѣнія, доброжелательства и справедливости, чтобъ избѣжать всякихъ недоразумѣній. Повѣрьте мнѣ, изъ-за дѣлъ ссорятся лишь тогда, когда есть другія, болѣе важныя, причины къ несогласію. При добромъ согласіи и при любви денежные

вопросы не вызовутъ непріятностей. Хорошіе супруги не только не станутъ раздражаться изъ-за этого, а напротивъ, обоюдною защитой, только скрѣпятъ взаимную привязанность.

Слѣдовательно, надо избѣгать *предлоговъ* для распри. Но знайте, что въ сущности ничего нѣтъ, кромѣ предлоговъ. Если для таковыхъ не дано повода, то черезъ это, по меньшей мѣрѣ, будетъ отсрочено несчастье, а если для нихъ существуетъ основаніе, то сами по себѣ они никогда не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Допуская даже, что мы были бы не въ состояніи избѣжать такой случайности, вѣрьте твердо, что безсильными они окажутся передъ согласіемъ, основаннымъ на уваженіи и привязанности.

Надѣюсь, вы хорошо понимаете, что я не думаю давать вамъ практическіе совѣты. Я хочу только пользоваться правомъ оспаривать ваши мнѣнія, потому что считаю ихъ неправильными, и дѣлаю это съ чисто-интеллектуальной точки зрѣнія.

Вы не говорите мнѣ о томъ, насколько усердно занимаетесь судебными дѣлами. Не имѣете ли вы въ виду какого-нибудь интереснаго дѣла? Я думаю, что судъ для васъ превосходная школа. Изъ нея вы можете, конечно, вынести отвращеніе отъ общества съ его условностями, негодность которыхъ вы каждый день тамъ видите. Вы это и дѣлаете, я думаю. Но вы могли бы и, по-настоящему, должны извлечь изъ вашей практики очень важныя нравственныя поученія. Каждому изъ событій вашей жизни можетъ соотвѣтствовать подходящій случай, разрѣшенный на судѣ.

Знакомство съ процессами можетъ дать вамъ умѣнье не впадать въ такія же ошибки, не избѣгая извѣстныхъ положеній, а вступая въ нихъ съ необходимыми предосторожностями. Если вамъ пришлось бы, напримѣръ, вести дѣло по спору о наслѣдствѣ между двумя братьями, вамъ легко было бы, ознакомившись съ поводами къ несогласіямъ, избѣжать подобныхъ случаевъ съ вашею сестрой. Таковъ мой способъ добиваться пониманія жизни и людей. Я предпочитаю его иному, ведущему неизбѣжно къ мизантропіи, сущей глупости,—ибо кто презираетъ людей, тотъ первымъ дѣломъ долженъ презирать самого себя, тогда какъ, въ сущности, надлежитъ относиться невозмутимо къ презрѣнію другихъ къ намъ самимъ. Чтобы достигнуть этого, надо быть святымъ, какъ Филиппъ Нерійскій, имѣвшій своимъ девизомъ: *Spernere mundum, spernere te ipsum, spernere te sperni.*

До латыни дошла!... Я становлюсь смѣшною,—пора кончить. Вѣрьте въ неизмѣнность моей доброй памяти.

Каро. Мирбанъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Парижъ, 25 декабря 189...

Мадемуазель!

Мы живемъ въ большомъ лихорадочномъ напряженіи. Свадьба моей сестры назначена окончательно на 20 января. Моя добрая матушка находится въ самомъ пылу своихъ приготовленій. Черезъ нѣсколько дней у насъ большой вечеръ. Затѣмъ предстоитъ балъ, по случаю подписанія контракта и высоко-трогательной церемоніи! Вы понимаете, конечно, что нельзя сдѣлать это безъ шума и хлопотъ. Весь Парижъ долженъ знать, что дѣвица Бревенъ вступаетъ въ бракъ съ Шарлемъ де-Лорель, сыномъ стараго пикардійскаго дворянина, что устраивается союзъ промышленности съ дворянствомъ,—союзъ, нѣсколько опошленный многочисленностью предшествовавшихъ примѣровъ, но всегда очень одобряемый.

У насъ будетъ также маленькая выставка приданаго, обставленная съ изысканною скромностью. Никогда я не забуду одну выставку этого рода, гдѣ всѣ могли разсматривать ночные покровы новобрачной, изукрашенные нѣжными кружевами. Не эти ли сборища, празднованія, тщеславныя показыванія, которыя были бы проявленіями безстыдства, еслибъ люди сознавали, что они дѣлаютъ, не всѣ ли эти штуки представляютъ собою одну изъ многихъ очаровательныхъ приманокъ, влекущихъ туда, куда стремится моя сестра? И позвольте вамъ сказать, что это не болѣе какъ предвкушеніе того, что ожидается впереди...

Въ ожиданіи предстоящихъ радостей у насъ былъ очень трогательный семейный обѣдъ. Утромъ мы отправлялись въ Вильнуа, гдѣ мой отецъ представилъ нашимъ рабочимъ «своего товарища и будущаго преемника», нареченнаго зятя. Шарль говорилъ имъ милыя слова, увѣрялъ, что намѣренъ держаться добрыхъ традицій, установленныхъ господиномъ Бревеномъ. А такъ какъ на фабрикѣ отца любятъ настолько, насколько можетъ быть любимъ хозяинъ, то наши молодцы остались, повидимому, довольны. Они предпочли бы, конечно, получить прибавку заработной платы, но выпито было основательно, и объ этомъ никто особенно не задумывался... Потомъ мы вернулись въ Парижъ, забравши съ собою старшихъ мастеровъ, приглашенныхъ на обѣдъ. Депутація отъ рабочихъ явится на свадьбу.

Обѣдъ былъ великолѣпенъ. Моя матушка сіяла. Мы кушали на столѣ, усыпанномъ фіалками. Почтенные мастера слегка подвыпили, но держали себя смирно. Одинъ изъ нихъ, не безъ смущенія, провозгласилъ добродушный тостъ за здоровье «невѣсты, которая

на его глазахъ родилась и выросла среди ихъ товарищей, и за здоровье будущаго хозяина, который окажется такимъ же хорошимъ человѣкомъ, каковъ его тесть». Женихъ и невѣста премило краснѣли и со всѣми чокались.

Но вотъ я вамъ что скажу, дорогая моя собесѣдница: я постоянно сообщаю вамъ подробныя свѣдѣнія о своихъ и о всякихъ мелкихъ событіяхъ нашей жизни, вы же никогда не говорите мнѣ ни слова о себѣ. Что вы подѣлываете въ шумной Марсели на берегу краснорѣчиваго моря? Я не сомнѣваюсь въ томъ, что, имъ вдохновленная, вы даете совѣты мудрости и душевной ясности, которыми удостоиваете меня. Я бы хотѣлъ знать, по крайней мѣрѣ, какъ получаете вы отъ него вдохновенія. Я имѣю слабость интересоваться подробностями жизни тѣхъ, кто мнѣ дорогъ,—мнѣ кажется, будто я нахожусь не такъ далеко отъ нихъ, когда, хотя бы мысленно, вижу, что они дѣлаютъ.

Если это не будетъ большою нескромностью, я бы очень желалъ знать, чѣмъ вы занимаетесь и что васъ забавляетъ. А за то обѣщаю вамъ въ слѣдующемъ письмѣ разсказать презанимательную исторійку, могущую открыть широкое поле для вашей критики. Чтобы не томить васъ, я скажу, что это — предстоящій мнѣ процессъ, участники котораго обратились ко мнѣ вчерашній день Я уже увлеченъ ими.

Вашъ почтительнѣйшій другъ

Жакъ Бревенъ.

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Марсель, 28 декабря 189...

Вы правы, господинъ мой другъ, я не была откровенна съ вами. Я, какъ будто, скрывала что-то отъ васъ, и до сего дня вы были въ полной неизвѣстности относительно моихъ дѣяній. Съ моей стороны это, на самомъ дѣлѣ, непростительно!... Шлю вамъ мои извиненія. Еслибъ я хотѣла быть злою, я сказала бы вамъ, что о своей сестрѣ вы говорите достаточно подробно, а про себя не особенно много. Вы способны, пожалуй, отвѣтить, что не все въ вашей жизни поддается откровенной передачѣ, или же не отвѣтить ничего... Но я предпочитаю въ такія пререканія не пускаться и, не имѣя одинаковыхъ съ вами поводовъ скрытничать, разскажу про себя необычайно интересныя вещи.

Большую часть времени я провожу вдвоемъ съ теткой, такъ какъ Рамзесъ находится постоянно въ разъѣздахъ по дѣламъ служ-

бы. Нашъ домъ расположенъ на Корнишѣ, близъ Прадо, и мы вполнѣ довольствуемся прогулками въ нашемъ саду и сидѣньемъ въ покойныхъ креслахъ, откуда мы смотримъ на чудесное море и на непрерывное движеніе порта. Большіе корабли приходятъ и отходятъ передъ нашими глазами, оттѣняя контрастъ между неподвижностью горизонта и дѣловою жизнью людей. Видъ превосходенъ, а противопоставленіе красиво, могло бы послужить недурнымъ сюжетомъ для того, что̀ въ пансіонѣ мы называли «стилемъ».

Иногда мы отправляемся въ городъ, и для меня нѣтъ ничего пріятнѣе этихъ прогулокъ потому, что я вмѣшиваюсь тутъ въ толпу народа, самаго живого и нервнаго. На мой взглядъ, въ качествѣ зрѣлища дѣятельности, ничто не можетъ сравниться съ здѣшнею кишащею народомъ Каннебьерой. Я сознаю, что тутъ замѣчается больше суеты, чѣмъ труда. Но эта толкотня есть тѣмъ не менѣе проявленіе большихъ усилій, дающихъ, въ концѣ концовъ, весьма солидную сумму результатовъ, изъ которыхъ складывается богатство такого цвѣтущаго города, какъ Марсель. Всѣ эти крики, это непрерывное движеніе, биткомъ набитыя кофейныя, трамваи, гдѣ мѣстъ не хватаетъ на подножкахъ, и даже лѣсъ мачтъ у набережныхъ и въ портѣ—все это производитъ впечатлѣніе жизни, напряженной до крайности. Здѣсь и самъ-то чувствуешь какой-то внутренній подъемъ всего своего существа. Лихорадочный пылъ сообщается каждому и заставляетъ принять участіе въ общей жизни. Становится какъ будто стыдно фланировать, является желаніе бѣжать, хотя бы спѣшить было некуда, лишь бы только не отставать отъ другихъ.

Порою насъ привлекаютъ къ себѣ Прадо и садъ Борелли, и тамъ мы отдаемся удовольствію ничего не дѣлать въ пустынной тѣни большихъ деревьевъ и густыхъ аллей. Потомъ, къ вечеру, мы возвращаемся домой, музицируемъ, и день прошелъ... Когда дядя дома, мы съ нимъ немного работаемъ и иногда, — ликуйте отъ счастья! — говоримъ объ васъ. Мы позволяемъ себѣ посмѣяться надъ вашимъ усердіемъ къ наукѣ, относительно котораго Рамзесъ часто высказываетъ сомнѣнія. Я защищаю васъ, по мѣрѣ моихъ силъ. Вамъ предстоитъ повергнуть его въ смущеніе, когда мы возвратимся.

Позвольте сказать вамъ теперь, что я довольна вами. Ничего нельзя возразить противъ того, что̀ вы говорите о свѣтскихъ обычаяхъ, соблюдаемыхъ при каждой свадьбѣ. И я бы, съ вами вмѣстѣ, нашла ихъ въ высшей степени неприличными, еслибъ мнѣ не казалось, что они, прежде всего, до крайности тягостны самимъ

вступающимъ въ бракъ, когда они другъ друга любятъ. Присылайте скорѣе обѣщанную исторію,—вы заинтересовали меня ею.

Искренно расположенная къ вамъ

Каро. Мирбанъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Парижъ, 1 января 189...

Только съ вами, мадемуазель, я хочу провести первый день новаго года, такъ какъ принято этотъ день посвящать тѣмъ, кто наиболѣе намъ по-сердцу. Обнявши своихъ, я запираюсь въ моемъ кабинетѣ и отдаю часы этого дня вамъ,—вамъ, научившей меня понимать, чѣмъ можетъ быть истинная дружба, какую прелесть имѣетъ эта связь, основанная на самомъ искреннемъ уваженіи. Я уже говорилъ вамъ и повторяю задушевную правду: я бываю вполнѣ счастливъ лишь тогда, когда чувствую, что вы со мною. Я былъ счастливъ въ Динарѣ, потомъ въ Парижѣ, и мнѣ очень тяжело было, когда я думалъ, что вы рѣшили прекратить нашу переписку. Съ той минуты, какъ вы позволили мнѣ ее возобновить, я сталъ опять тѣмъ, чѣмъ былъ: веселымъ, беззаботнымъ, уравновѣшеннымъ.

Не согласитесь ли вы со мною, что люди созданы парами и что жизнь представляетъ для нихъ интересъ и значеніе лишь тогда, когда встрѣтятся двѣ такія единицы? До этого они испытываютъ безпокойство, не сознавая его причины, они ищутъ себѣ пару, сами того не подозрѣвая, и такое-то ожиданіе придаетъ характеръ чего-то незаконченнаго, до нѣкоторой степени присущій всѣмъ намъ въ молодости. Для большей части людей встрѣча эта сказывается въ любви, для нѣкоторыхъ—въ дружбѣ. Мы создали новый родъ отношеній: дружбу между молодымъ человѣкомъ и молодою дѣвушкой. Бываетъ это рѣдко, но бываетъ несомнѣнно, такъ какъ я счастливъ только съ вами чувствомъ, совершенно чистымъ, совершенно безкорыстнымъ, какое могъ бы имѣть къ другу-мужчинѣ, но съ извѣстнымъ оттѣнкомъ, который даютъ этому чувству деликатность и сдержанность женщины.

Вы не погнѣваетесь за эти нѣсколько словъ признанія, вполнѣ искренняго, такъ какъ не усомнитесь въ его абсолютной невинности. Еслибы вы склонны были усмотрѣть въ немъ что-либо иное, то прошу васъ вѣрить одному: хотя бы мнѣ суждено было никогда въ жизни васъ не видать болѣе, я по отношенію къ вамъ останусь навсегда и неизмѣнно тѣмъ, что я теперь, — большимъ вашимъ другомъ. Бесѣдовать съ вами, знать, что вы помните обо мнѣ, что

вы продолжаете интересоваться моею болтовней,— этого съ меня довольно. Черты вашего лица могутъ изгладиться изъ моей памяти, ваша душа навсегда въ ней останется, а она-то только и дорога мнѣ. Что бы ни случилось съ вами, до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться наша переписка, я не буду знать печали и горя. Уѣзжайте въ Китай, выходите замужъ, но пишите мнѣ всегда.

Я не забылъ, что обѣщалъ разсказать вамъ исторію. Героиня— молодая и хорошенькая особа, моя кліентка; дѣло идетъ, разумѣется, о разводѣ.

Она дочь одного врача. Воспитанная нѣжно, но безъ особеннаго баловства, она очень прямодушна и не лишена нѣкотораго кокетства, не только позволительнаго, но даже необходимаго. Долго она не хотѣла выходить замужъ, довольная жизнью въ своей семьѣ съ отцомъ, матерью и братомъ. Такова участь многихъ дѣвушекъ, настолько счастливыхъ дома, что онѣ боятся покинуть его и приписываютъ отсутствію любви нежеланіе замужства, обусловленное, въ сущности, боязнью оказаться менѣе счастливыми. Такова же и моя участь, пожалуй.

Дѣвушкѣ минуло двадцать лѣтъ. Родителей тревожило, что она отказала уже многимъ женихамъ. Они не рѣшались, однако, настаивать, когда она заявляла, что женихъ ей не нравится. Страхъ принять на себя отвѣтственность за неудачный бракъ служилъ имъ, кажется, предлогомъ скрывать отъ себя самихъ желаніе не разставаться съ дочерью. Изъ этого мы могли бы заключить, что родители и дѣти, не имѣющіе въ виду всегда жить вмѣстѣ, не должны питать другъ къ другу особенно нѣжной привязанности, но это завело бы насъ слишкомъ далеко.

Въ одинъ прекрасный день для молодой дѣвицы представилась партія, отъ которой она отказалась, какъ отъ другихъ. Вздыхателемъ былъ другъ брата, молодой ученый, прилежный до изступленія, настоящая библіотечная крыса,—ему предстояла самая блестящая будущность, какъ говорили... Всѣ восхищались имъ: человѣкъ совсѣмъ бѣдный, онъ всего добился исключительно упорнымъ трудомъ. Правда, доходили и кое-какіе неблагопріятные слухи объ игрѣ въ карты, о выпивкахъ, о любовныхъ похожденіяхъ. Но ничего опредѣленнаго не было извѣстно. Предполагалось, что женитьба остепенитъ молодого человѣка, увлекающагося всякими излишествами вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженнаго труда. Къ тому же онъ, повидимому, былъ очень влюбленъ и, получивши отказъ, заговорилъ о самоубійствѣ...

Дѣвушка уступила, наконецъ, побѣжденная настояніями род-

ныхъ, убѣждавшихъ ее тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ сильнѣе были ихъ опасенія. Они воображали, несчастные, что исполняютъ свою священную обязанность.

Молодыхъ людей повѣнчали. Черезъ шесть мѣсяцевъ дѣла приняли уже плохой оборотъ. Блестящій ученый, вмѣсто того, чтобы получить степень доктора, какъ предполагалось до свадьбы, и сдѣлаться профессоромъ одного изъ факультетовъ, потерпѣлъ неудачу на экзаменахъ, и молодая чета принуждена была отправиться въ какой-то провинціальный лицей. Первое разочарованіе. Молодая женщина выносила кое-какъ жизнь съ мужемъ, котораго не любила, пока родные были близко и сама она пользовалась жизнью такъ же точно, какъ прежде. Что же ожидало бѣдняжку вдали отъ своихъ, въ незнакомомъ городѣ, при крайней ограниченности средствъ?

Мужъ становился раздражительнымъ, неудачи обезкуражили его. Поддаваясь провинціальной жизни, онъ принялся опять за карты, за пребываніе въ кофейныхъ. А такъ какъ жена, въ силу привычекъ, усвоенныхъ съ дѣтства, оставалась изящною и привѣтливою, то онъ очень скоро началъ проявлять въ ревности свою желчность и озлобленность неудачника. Неряшливый по натурѣ, вполнѣ подходящій къ тому кружку учителей, гдѣ похваляются небрежностью манеръ и презрѣніемъ къ нарядамъ, онъ началъ поступать такъ же, какъ его товарищи, сдѣлался ненавистникомъ всякаго изящества и сдѣлалъ жену свою первою жертвой. Я лично знаю одного изъ такихъ учителей, который на замѣчаніе о его распущенности отвѣчаетъ:

— Я не свѣтскій щеголь, я преподаватель!

Мужъ моей кіентки не замедлилъ заявить своей женѣ: «Ты замужемъ за преподавателемъ, а не за журналистомъ!»—и не пропускалъ случая упрекать ее туалетомъ и твердо принятымъ рѣшеніемъ не жить затворницей, а наоборотъ,—веселиться, какъ всѣ, пользоваться каникулами и ѣздить въ Парижъ, не отказывать себѣ въ удовольствіяхъ,—словомъ, быть женщиной, а не судомойкой.

Полагаю, что распространяться больше нѣтъ надобности, такъ какъ вы знаете, что дѣло идетъ о разводѣ. Упреки обострились, подозрѣнія усилились, жизнь сдѣлалась невыносимою для молодой женщины, которая ушла отъ мужа къ своимъ родителямъ и разставаться съ ними не хочетъ.

Не думайте, что случай этотъ ничего не доказываетъ. Одинъ онъ, конечно, не имѣетъ значенія. Но я привожу его только какъ примѣръ, и потому, что онъ въ данную минуту у меня на глазахъ.

Въ судѣ же я видѣлъ множество подобныхъ расторгнувшихся браковъ и прихожу къ такому убѣжденію, что вина въ томъ лежитъ на самомъ установленіи въ не меньшей мѣрѣ, чѣмъ на личностяхъ супруговъ.

Вотъ вамъ молодая женщина, счастливая въ своей семьѣ, дала себя усватать по-дурацки и за то попала теперь въ судъ. И въ какомъ она положеніи! Ей двадцать восемь лѣтъ, она почти разорена и, сверхъ того, изукрашена ребенкомъ, законность котораго подвергается со стороны отца и всегда будетъ подвергаться сомнѣнію. Ее грязнятъ и травятъ, таскаютъ по судамъ и позорятъ, и на самый лучшій конецъ она останется одинокою, безъ поддержки, съ вѣчнымъ пятномъ, несправедливымъ, но роковымъ, которое кладетъ на женщину въ нашемъ обществѣ всякое расторженіе брака.

Возьмите теперь обратное положеніе, предположите, что жена оказалась тѣмъ, чѣмъ былъ мужъ моей кліентки, и скажите мнѣ, легче ли кому будетъ отъ этого,—скажите, не могутъ ли такія перспективы поколебать самыя упорныя благія начинанія!...

Увѣряю васъ, для того, чтобъ я сохранилъ еще хотя нѣкоторую способность разсуждать объ этомъ предметѣ, мнѣ необходимо быть свидѣтелемъ ежедневнаго счастья нашихъ двухъ помолвленныхъ. Только они одни поддерживаютъ во мнѣ проблески надежды и, лишь по ихъ милости, я допускаю еще возможность спора...

Свадьба ихъ будетъ черезъ десять дней въ церкви св. Филиппа, при блистательнѣйшей обстановкѣ. Моя матушка, съ своей только стороны, разослала до тысячи приглашеній. Пѣть будутъ оперныя знаменитости. Впускать въ церковь придется по билетамъ. Я предложилъ впускать за плату, въ пользу какого-нибудь благотворительнаго учрежденія (общества «о нравственно заброшенныхъ дѣтяхъ», напримѣръ), меня обозвали нечестивцемъ, и совершенно напрасно: хоть кому-нибудь на пользу послужило бы это торжество. Будемъ надѣяться, что оно, по крайней мѣрѣ, восхититъ души молодыхъ людей и послужитъ къ убѣжденію ихъ въ томъ, что союзъ, прославляемый заранѣе столь громко, долженъ быть, навѣрное, расчудеснымъ.

А пока мы продѣлываемъ всѣ предварительныя маленькія празднества. Всѣ адюльтеры Парижа являются полюбоваться нашею непорочною свѣжестью!... Иногда я испытываю страстное желаніе быть здѣсь полнымъ господиномъ для того, чтобы вышвырнуть вонъ всю эту толпу. Да, все, что я вижу въ этой толпѣ, въ этомъ окружающемъ меня обществѣ, отнюдь не возбуждаетъ во мнѣ охоты послѣдовать примѣру моего будущаго зятя! Но если

когда-нибудь я обезумѣю и сдѣлаю это, то клянусь—ни одна душа не подойдетъ ко мнѣ въ такія минуты. Только тишина и одиночество будутъ моими свидѣтелями. До свиданія!

Жакъ Бревенъ.

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Марсель, 15 января 189...

О, мой бѣдный другъ, какое письмо вы написали, какое гадкое письмо! Тревожное, нервное, озлобленное... Въ немъ есть все, кромѣ здраваго смысла. Я понимаю, въ чемъ тутъ дѣло: васъ утомили и раздражили всѣ происходящія у васъ церемоніи, а подоспѣвшія къ этому исторіи, которыми терзаетъ васъ ваша кліентка, вывели окончательно изъ себя. Мнѣ думается,—и это трогаетъ меня,—что большая любовь въ сестрѣ внушаетъ вамъ опасенія за ея будущность въ виду того, что предшествовавшее вы осуждаете, а послѣдующее угадываете. Я же, напротивъ, вѣрю въ лучшее будущее и надѣюсь, что чистое счастье вашихъ молодыхъ успокоитъ вашу злость, а потому не стѣсняюсь прямо возражать вамъ. Примите же закваску, которую я хочу влить въ ваше сердце, а Фани позаботится о томъ, чтобъ она хорошо перебродила.

Вы осуждаете церемоніи не совсѣмъ несправедливо и не вполнѣ основательно, такъ какъ не могутъ же онѣ, въ самомъ дѣлѣ, имѣть особенно важное значеніе. И насколько легко обойтись безъ церемоній, которыя вы считаете никуда не годными, настолько же не хитро выдти замужъ болѣе разумно, чѣмъ то сдѣлала ваша кліентка.

И тѣ, кому угодно ссылаться на подобные примѣры въ оправданіе своего желанія оставаться одинокими, ищутъ въ нихъ только предлоговъ, тогда какъ въ глубинѣ ихъ сердецъ кроются себялюбіе и трусость.

Я читала, что въ старые годы для жительства евреевъ отводились въ городахъ особые кварталы, ворота которыхъ запирались при наступленіи вечера. Этимъ ясно означалось, что евреевъ не считали гражданами города и не хотѣли допустить ихъ участія въ удовольствіяхъ тѣхъ людей, среди которыхъ они жили. Въ такомъ же точно положеніи представляются мнѣ старые холостяки среди нашего общества. Они—вѣчные бродяги, съ которыми мы живемъ бокъ-о-бокъ, на которыхъ смотримъ съ сожалѣніемъ и которыхъ, при наступленіи вечера жизни, мы отправляемъ за крѣпкія ворота ихъ эгоизма, никогда не допуская до участія въ нашихъ семейныхъ радостяхъ.

Иногда добрыя души принимаютъ ихъ къ себѣ изъ состраданія, и тѣмъ прискорбнѣе бываетъ смотрѣть на нихъ. Опасаясь, какъ бы ихъ не прогнали, они становятся приниженными и покорными, безотвѣтными и угодливыми, лишь бы дозволяли имъ погрѣться у очага нѣжности. И когда имъ отказываютъ въ этомъ, они бродятъ безпризорными, какъ нищіе, не находя себѣ пріюта въ странѣ, языкъ которой имъ незнакомъ. У этихъ нищихъ нѣтъ ни привязанности, ни теплаго семейнаго крова. И никто имъ не сочувствуетъ, никто ими не интересуется потому, что всѣ сознаютъ, насколько они неспособны понимать чувства, дающія другимъ радости, потому что они жизнь прожили особнякомъ среди общества, котораго они никогда не знали и никогда не будутъ знать.

Какія же разсужденія довели ихъ до этого? Вотъ какія:—Я счастливъ тѣмъ, что я свободенъ; я не хочу поступаться своею свободой, потому что чувствую себя недостаточно сильнымъ для принятія на себя отвѣтственности за чью-либо жизнь, кромѣ моей собственной. Они просто трусятъ! Они боятся создать себѣ семью, боятся имѣть дѣтей, которыхъ надо будетъ воспитывать. Ихъ пугаютъ житейскія страданія, они хотятъ знать только радости, воображая, что одно можетъ существовать безъ другого. А затѣмъ, неужели жизнь такъ уже страшна? Живутъ же всѣ, васъ окружающіе, и имъ приходилось плакать не меньше, чѣмъ другимъ. Потомъ это прошло и имъ жаль того, что жизнь прожита. И еслибъ даже, въ концѣ-концовъ, они дошли до того, что стали бы радоваться освобожденію отъ нея, еслибъ они убѣждены были въ томъ, что такъ и будетъ неизбѣжно, все-таки они должны были бы принять на себя всю ея тяжесть. Разъ жизнь вамъ дана, вы не вправѣ отказываться отъ возлагаемыхъ ею на васъ обязанностей, изъ которыхъ самая священная побуждаетъ васъ основать свой очагъ, имѣть свою семью. И отъ исполненія этого никто не имѣетъ права уклоняться, такъ какъ сами-то мы семьѣ обязаны своимъ существованіемъ, и, внѣ этого, ничего достовѣрнаго дня насъ не существуетъ.

У вашей кліентки есть, на ея счастье, ребенокъ, изъ котораго она сдѣлаетъ честнаго человѣка, и на старости лѣтъ она будетъ имѣть утѣшеніе въ немъ и въ сознаніи, что, при всѣхъ жизненныхъ недугахъ, она исполнила свой долгъ.

Я перечитала это письмо, мой добрый другъ, и не нашла нужнымъ что-либо измѣнить въ немъ. Быть можетъ я строга, но думаю, что я права. Ваша сестра тоже права, сама того не сознавая. Ее не пугаютъ страданія, и тѣмъ лучше для нея. Никогда не слѣ-

дуетъ бояться страданій. Они тяжелы, но въ большинствѣ случаевъ очень полезны!... Проникнитесь убѣжденіемъ, что изъ болѣзненнаго для васъ можетъ возникнуть счастье другихъ, и вы сознаете, что нѣтъ выше радости, какъ видѣть благоденствіе тѣхъ, кого любишь, хотя бы для этого пришлось многое претерпѣть.

До свиданія. Подумайте обо всемъ этомъ, если на то найдется время среди вашихъ празднествъ. А на досугѣ пишите мнѣ и не забудьте разсказать про великолѣпіе свадьбы! Мнѣ оно тоже не по душѣ, но я не противъ торжествъ. Мнѣ кажется, что молодые люди, любящіе другъ друга по-настоящему, должны оставаться выше этихъ увеселеній, существующихъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы развлекать родныхъ и отвлекать добрыхъ знакомыхъ отъ ехидничанья и злословія.

Вашъ добрый другъ

Каро. Мирбанъ.

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Марсель, 23 января 189...

Не больны ли вы? Меня безпокоитъ, что отъ васъ нѣтъ вѣсточки. Ужъ не сердитесь ли вы за откровенность моего послѣдняго письма? Такъ, вѣдь, сами же вы меня на это вызывали. Я прочитала ваше письмо, припомнила мой отвѣтъ и пришла къ тому заключенію, что мы оба были сильно возбуждены. Въ этомъ, отчасти, вы виноваты! Что такое было съ вами? Вѣроятно, васъ постигло какое-нибудь разочарованіе... Смѣю думать, что этого рода огорченія не смертельны. Не могутъ же они заставить васъ забыть вашего друга

Каро. Мирбанъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Парижъ, 25 января 189...

Нѣтъ, мадемуазель и дорогой мой жандармъ, я не боленъ. Нѣтъ, я не сержусь за вашу откровенность и не испыталъ я ни огорченій, ни неудачъ, и, наконецъ,—хотя объ этомъ вы не спрашиваете,—не затрудненіе отвѣтить вамъ мѣшало мнѣ писать. Причину моего молчанія вамъ разъяснило, вѣроятно, приглашеніе на свадьбу, которое вы получили тотчасъ по отправкѣ вашего милаго письма.

Все покончено, сестра замужемъ и въ эту минуту проѣзжаетъ, быть можетъ, подъ вашими окнами, направляясь въ классическую страну медовыхъ мѣсяцевъ.

Но что за дни я пережилъ! Много плохихъ минутъ пришлось мнѣ испытать, и завѣряю васъ, всѣ ваши прекрасныя разсужденія оказались не особенно устойчивыми передъ фактами.

Вы уволите меня,—не правда ли?—отъ описанія подробностей. Вы ихъ и безъ того угадываете: балъ съ огромною толпой непристойно-любопытныхъ, чтеніе контракта и подписываніе его, причемъ каждый озабоченъ тѣмъ, чтобы не быть обманутымъ другою стороной, бракъ въ мэріи, къ которому всѣ относятся какъ къ непріятной формальности, на который всѣ отправляются какъ на свадьбу стараго слуги, потомъ вѣнчаніе въ церкви со всею помпой и выставкой тщеславія.

О, тутъ уже дѣло было не заурядное! Цвѣтами усыпана была даже улица. Ванъ Дикъ пѣлъ, какъ писалъ картины его предокъ. Моя бѣдная матушка такъ вздувалась отъ гордости, что забывала,—я въ томъ увѣренъ,—о предстоящей разлукѣ съ дочерью... Подумайте только, церковь оказалась слишкомъ тѣсною для толпы приглашенныхъ, сборъ на бѣдныхъ длился цѣлый часъ, шествіе длилось два часа! По сбору ходилъ я съ мадемуазель де-Лорель, кузиной новобрачнаго. Она была обворожительна въ простомъ сѣромъ фуро такого «шика», что могла бы заставить поблѣднѣть мадемуазель Вельскую, которая атавистически должна синтезировать изящество женщинъ... Затѣмъ роскошнѣйшій завтракъ и трогательныя прощанія. Все удалось въ самомъ наилучшемъ видѣ.

Одно только нѣсколько услаждало меня и успокоивало: это видъ новобрачныхъ. Я припомнилъ то, что вы говорили о безучастіи влюбленныхъ. Чѣмъ больше всѣ суетились, тѣмъ они были спокойнѣе, съ улыбкой на устахъ, съ блаженствомъ во взорахъ. Когда приближалась заключительная церемонія, въ нихъ не осталось слѣда нетерпѣнія и раздраженія, которыми они насъ удручали. Сидятъ себѣ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, пожимаютъ другъ другу руки, улыбаются и витаютъ внѣ міра сего. Разъ даже папа вышелъ изъ терпѣнія, когда его заставляли что-то сдѣлать, и воскликнулъ: «Да позвольте же, наконецъ! Шарль-то что же? Не можетъ онъ развѣ сдѣлать это? Не меня же, въ самомъ дѣлѣ, женятъ!» Возгласъ Фани: — «О, папа!» — утишилъ родительскій бунтъ, а дѣтки опять впали въ экстазъ, пока всѣ хлопотали вокругъ нихъ. Они подписали контрактъ и расписались въ мэріи такъ разсѣянно, какъ расписываются на желѣзнодорожной станціи въ полученіи посылки. Во время шествія въ церкви они имѣли видъ прогуливающихся въ паркѣ! Ихъ равнодушіе къ окру-

жающему было восхитительно, и только это одно сдерживало меня. Когда всѣ обезьяны, которыхъ я видѣлъ мечущимися въ иступленной радости и въ умиленіи, вызывали во мнѣ желанія убѣжать изъ этой атмосферы безумія, я взглядывалъ на нашихъ новобрачныхъ и прояснялся.

Теперь все покончено. Они уѣхали, и у насъ тишина. Обѣдъ, за которымъ мы въ первый разъ очутились втроемъ, отецъ, матушка и я, прошелъ не очень-то весело... Немножко поныли, мамаша вздыхала и, обращаясь къ отцу, сказала:

— Скоро наступитъ очередь Жака, и останемся мы совсѣмъ одни.

Я смѣялся и возражалъ, что совершенно напрасенъ ихъ страхъ быть мною покинутыми и что они могутъ въ честь мнѣ устроить иллюминацію.

— Да, да, мы знаемъ твои взгляды,—отозвался отецъ. — А все-таки когда-нибудь и ты сдѣлаешь то же, что другіе.

Я наговорилъ имъ разныхъ глупостей, которыхъ вамъ передавать не стану и которыя нѣсколько разсѣяли ихъ мрачное настроеніе.

И сегодняшнимъ утромъ я поспѣшилъ написать вамъ не столько для сообщенія о происходившемъ, сколько для того, чтобы скорѣе возобновить нашу переписку.

Вашъ старый другъ *Жакъ Бревенъ.*

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Парижъ, 28 января 189...

Мадемуазель!

Два слова и, притомъ, крайне печальныя. Мой отецъ опасно боленъ. Онъ простудился на свадьбѣ и лежитъ въ постели. У него плевритъ. Меня успокоиваютъ, убѣждаютъ не особенно волноваться... Но почему же вызвали мою сестру телеграммой?

Моя бѣдная мать поражаетъ всѣхъ своею бодростью,—день и ночь на ногахъ, не отходитъ отъ больного и не слушаетъ нашихъ совѣтовъ поберечь себя.

Неужели *это* случится?

Вашъ несчастный *Жакъ Бревенъ.*

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Марсель, 30 января 189...

Мой бѣдный другъ, какое печальное извѣстіе! И это на другой день послѣ такихъ праздниковъ!.. Сочувствую вамъ отъ всего

сердпа. Душою я съ вами и благодарю за то, что написали мнѣ. Говорятъ, что добрая симпатія помогаетъ переносить огорченія. Вы вспомнили о моей и вѣрьте, что не найти вамъ болѣе искренней. Пишите мнѣ скорѣе, если найдете время. Я такъ волнуюсь за васъ.

Каро. Мирбанъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Парижъ, 31 января 189...

Отцу нисколько не лучше. Врачи говорятъ, что нужно подождать еще прежде, чѣмъ сказать что-либо опредѣленное. Я имъ не вѣрю... Я думаю, что онъ не переживетъ... Онъ насъ уже не узнаетъ, у него сильнѣйшій жаръ. Боюсь я, до ужаса боюсь...

Жакъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Парижъ, 1 февраля 189...

Отецъ скончался сегодня ночью.

Жакъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Вильнуа, 3 февраля 189...

Кончено. Мы отвезли моего бѣднаго отца на кладбище въ Вильнуа. Я сбѣжалъ отъ толпы нашихъ друзей, чтобы быть съ вами и плакать въ вашихъ объятіяхъ. Утомленъ я, измученъ этими церемоніями, не дающими мнѣ ни минуты одиночества, чтобы наплакаться вволю. Если бы могъ я выпроводить всю эту компанію! Вы мой лучшій другъ въ мірѣ, съ вами одной я могу подѣлиться моимъ страшнымъ горемъ. Съ чѣмъ могу я обратиться къ матери и къ Фани, не отнимая у нихъ слабаго остатка мужества? Я совершенно изнемогаю, силъ моихъ не хватаетъ. Бѣдный отецъ! Опять онъ въ своемъ любимомъ Вильнуа!... Но какъ одинокъ онъ будетъ скоро, и какъ холодно ему подъ могильнымъ камнемъ...

Жакъ Бревенъ.

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Марсель, 5 февраля 189...

Если я телеграфировала вамъ, по полученіи ужаснаго извѣстія, то лишь потому, что не хотѣла писать прежде, чѣмъ не пройдетъ нѣсколько дней. Я хорошо знаю, насколько ничтожны и ба-

нальны всякія слова, даже самыя задушевныя. А такъ какъ я увѣрена въ томъ, что вы не сомнѣваетесь въ моемъ горѣ, то я предпочла молчать.

Мы недавно знаемъ другъ друга, а мнѣ кажется, однако, что я имѣю на васъ право самаго стараго друга. Узнавши о вашемъ несчастьи, я почувствовала такое горе, будто оно меня постигло, и я пережила почти то же самое, что испытала бы при кончинѣ моихъ родителей. Ваше горе я приравняла къ моему горю и плакала за насъ обоихъ...

Увы! мой другъ, мы настолько жалкія созданія, что несчастью другихъ можемъ сочувствовать, лишь примѣняя его къ себѣ. Много ли найдется людей, которые могутъ сказать, что они плакали надъ друзьями, не думая о себѣ?... Въ такомъ сравненіи есть доля эгоизма, но оно не лишено и нѣжнаго чувства, такъ какъ является не при всѣхъ катастрофахъ, а прибeрегаемъ мы его только для дорогихъ намъ людей.

Вѣрьте же, мой лучшій другъ, что я говорю вамъ о себѣ для того, чтобы болѣе нѣжно говорить о васъ,—настолько я чувствую себя близкою вамъ въ эти часы.

Что вы дѣлаете? Возвратились ли въ Парижъ? Принимайтесь скорѣе за свои занятія. Если въ нихъ вы не найдете забвенія, то все же они дадутъ вамъ нѣсколько часовъ отдыха. Лучшимъ доказательствомъ любви къ тому, кого уже нѣтъ, будетъ сообразовать свою жизнь съ его жизнью, всецѣло посвященною труду и исполненію своихъ обязанностей.

Пишите мнѣ, если можете. Такія письма, какъ ваше послѣднее, хотя и глубоко печалятъ меня, но идутъ прямо къ моему сердцу. Подѣлитесь горемъ съ другомъ и вамъ легче будетъ, не правда ли? А вы знаете, что моя душа всегда открыта для васъ, въ особенности же въ тяжелыя минуты. Говорятъ, что тогда-то и познаются истинные друзья. Никто не плачетъ съ вами такъ искренно, какъ обнимающій васъ другъ

Каро. Мирбанъ.

Ж. Бревенъ К. Мирбанъ.

Вильнуа, 7 февраля 189...

Я все еще здѣсь, мой дорогой, добрый другъ, и думаю, что останусь надолго. Не могу я оторваться отъ этихъ мѣстъ, гдѣ отецъ прожилъ всѣ свои счастливые годы. Не хватаетъ у меня на это ни воли, ни силы. Я совершенно разбитъ и хочу только одного: оставаться тамъ, гдѣ онъ жилъ, и думать о немъ. Я охваченъ

глубокою апатіей, и мнѣ тяжело даже усиліе, которое я дѣлаю, чтобы написать вамъ. Простите за такое признаніе.

Несмотря на сильный холодъ, я цѣлыми днями брожу по парку, по фабрикѣ, и на каждомъ поворотѣ, у каждой двери, я ощущаю какъ бы толчокъ какой-то: мнѣ представляется, что вотъ-вотъ онъ явится передо мной съ своею доброю улыбкой. Невыносимо тяжело, когда человѣкъ шага не можетъ сдѣлать, не представляя себѣ присутствія тѣхъ, кого никогда уже не увидитъ. Была въ древности, говорятъ, пытка, состоявшая въ томъ, что приговореннымъ не давали спать и, когда они падали съ закрытыми глазами, ихъ будили уколами. Теперь я понимаю весь ужасъ такихъ мученій: когда мой утомленный мозгъ требуетъ хотя какого-нибудь отдыха, страшная боль возвращаетъ меня къ дѣйствительности. Я изнемогаю окончательно.

Да вы, вѣдь, не знаете, какъ мы любили другъ друга. Я не помню, чтобы между нами когда-нибудь пробѣжало малѣйшее облачко. Съ какою добротой и нѣжностью онъ умѣлъ быть твердымъ со мной! Онъ былъ требователенъ и строгъ, но еще ребенкомъ я понималъ, насколько онъ справедливъ, я чувствовалъ всю силу его любви и глубоко уважалъ того, кто меня наказывалъ.

Я помню одинъ случай, характеризующій его сполна. Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, и, воображая себя совсѣмъ взрослымъ человѣкомъ, я почти не жилъ дома. Отецъ слегка журилъ меня, давалъ мнѣ добрые и разумные совѣты. Я не слушалъ его, какъ это всегда бываетъ, полагаясь на свою опытность. Въ одинъ прекрасный день, несмотря на то, что отецъ давалъ мнѣ довольно значительную сумму ежемѣсячно, я очутился въ крайнемъ денежномъ затрудненіи. Необходимо было добыть пять полуимперіаловъ для... одного пріятеля, расположеніе котораго соразмѣрялось въ тотъ день съ такимъ требованіемъ.

Я попытался занять. Это не удалось. Приходилось обратиться къ отцу и выслушать его нотаціи. Я пошелъ къ нему и проговорилъ наиубѣдительнѣйшую рѣчь, какую только могъ придумать, изобразилъ мое крайнее положеніе, потребности студенческой жизни и т. д., и ждалъ его вопроса, чтобъ объяснить, сколько мнѣ нужно денегъ.

Надо полагать, что я былъ очень краснорѣчивъ, такъ какъ отецъ прослушалъ меня, не говоря ни слова, потомъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Довольно съ тебя двадцать пять полуимперіаловъ?

О, другъ мой, никакими словами я не сумѣю передать вамъ,

какъ я былъ смущенъ!... Я уже слышу вашъ вопросъ,—что я отвѣтилъ, бросился ли на шею отцу, просилъ ли прощенія въ томъ, что усомнился въ немъ... Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, и я сказалъ:

— О, нѣтъ, папа, мнѣ довольно трехсотъ франковъ.

Я и теперь улыбаюсь, вспоминая это маленькое злоупотребленіе добротою отца. Но, въ сущности, онъ остался въ выигрышѣ. Никогда уже потомъ я не эксплуатировалъ его ради моихъ дурачествъ. Я слишкомъ хорошо видѣлъ, насколько простота его отношеній ко мнѣ исключаетъ всякую возможность хитрости съ моей стороны.

И таковъ онъ былъ всегда, во всемъ онъ шелъ дальше моихъ желаній. Всякій разъ, когда я думалъ, что доказалъ чѣмъ-нибудь, какъ я боготворю его, одно его слово, одинъ жестъ напоминали мнѣ, что я все же не достаточно его цѣню.

Прибавьте къ этому ту твердость, о которой я говорилъ, очень опредѣленное сознаніе того, какъ сами съ собою и ради себя самихъ мы должны быть правдивы и справедливы,—что онъ не переставалъ мнѣ внушать, вызывалъ одновременно мое уваженіе и мою любовь,—и вы поймете, чѣмъ онъ былъ для меня всегда и какого друга я потерялъ въ немъ.

Вотъ какъ я провожу мои дни, вспоминая о немъ въ Вильнуа, которое онъ создалъ, гдѣ всѣ существа и всѣ вещи были окружены его заботами. И нѣтъ его теперь, онъ покинулъ насъ въ то время, когда представлялась для него возможность нѣкотораго отдыха и ожиданія новыхъ радостей! Что же за фатумъ тяготѣетъ надъ нами, что мы можемъ пользоваться жизнью пока она тяжела и вынуждены разстаться съ нею, какъ только она становится пріятною и неутомительною?

Пишите мнѣ сюда. Въ Парижъ я вернусь не скоро. Къ тому же всѣ дѣла находятся у одного нотаріуса въ Мо, и мое присутствіе необходимо.

А какъ я счастливъ сознаніемъ, что вы такъ близки мнѣ. Мнѣ до крайности тяжелы тѣ часы, когда, думая о васъ и вспоминая ваши разумные и добрые совѣты, я сознаю, что не имѣю силъ имъ слѣдовать. Мнѣ необходима поддержка, не покидайте же меня.

Вашъ другъ *Жакъ Бревенъ.*

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Марсель, 12 февраля 189...

Другъ мой, добрый другъ, вы приводите меня въ отчаяніе! Неужели и въ эти горькія минуты я должна побранить васъ? Развѣ

женщинѣ давать вамъ необходимыя наставленія? Да, мой бѣдный мосьё Жакъ, я понимаю, какъ глубоко вы несчастны. Да, мнѣ жаль васъ отъ всей души, и я даже плачу, читая ваши письма. Но я хорошо сознаю также, что вамъ слѣдуетъ дѣлать, что вы обязаны дѣлать ради себя самого и ради памяти оплакиваемаго вами отца.

Конечно, душою я съ вами, и если моя печаль можетъ утѣшить ваше горе, то знайте, что печаль эта очень велика. Не могу я одобрить васъ, однако, если вѣрно поняла васъ, и я вынуждена убѣждать васъ не терять бодрости и мужества, я считаю себя обязанною давать совѣты, какіе далъ бы вамъ настоящій другъ, еслибъ онъ былъ съ вами.

Плачьте, плачьте, сколько хотите, но живите. А развѣ это жизнь бродить цѣлыми днями подъ гнетомъ одной и той же думы? Вы должны вырваться изъ-подъ этого гнета, не только ради себя самого, не только ради вашего отца, который никогда не одобрилъ бы подобной бездѣятельности, но еще и ради вашей матери и вашей сестры, которыхъ вы обязаны поддерживать.

У Фани есть, по крайней мѣрѣ, мужъ. А ваша мать, Жакъ, ваша бѣдная мать, въ какое отчаяніе впадетъ она, если угадаетъ ваше настроеніе?

Къ матери идите, ее утѣшайте, говорю я вамъ, потому что неразумно всецѣло отдаваться своему горю, какъ бы ни было оно велико. Не подумайте, будто я хочу сказать, подобно эгоистамъ и безчувственнымъ: «Это ни къ чему не ведетъ!» Нѣтъ, я говорю вамъ: надо умѣть съ бо́льшимъ достоинствомъ переносить несчастья. Можно плакать, можно рыдать, но надо имѣть достаточно уваженія къ самому себѣ и къ тому, кого мы оплакиваемъ, дабы никому не дать права отнестись къ намъ съ сожалѣніемъ. Показывать людямъ свое горе—значитъ, по моему мнѣнію, профанировать память покойника. А порвать связь съ соціальною жизнью изъ-за личнаго горя—значитъ выставлять на показъ и унижать это самое горе. Истинныя печали должны быть затаенными, не должны оказывать никакого вліянія на нашу дѣятельность, и настоящій человѣкъ почтетъ за стыдъ для себя обнаружить такимъ образомъ свое душевное настроеніе.

И, наконецъ,—простите, если я все выскажу,—надо остерегаться того, какъ бы чрезмѣрная печаль не превратилась въ своего рода самоуслажденіе. Оплакивая другихъ, легко дойти до оплакиванія самого себя, своей горькой доли, и ваша печаль весьма рискуетъ превратиться въ чувство разнѣженной жалости къ само-

му себѣ. А это будетъ уже крайнимъ оскорбленіемъ для памяти того, кого вы такъ сильно любили.

А теперь, другъ мой, позвольте высказать вамъ, какую радость вы мнѣ доставили. Можетъ быть, не совсѣмъ пристойно заговаривать уже о радостяхъ... Но мнѣ кажется, что я поступаю не дурно, такъ какъ радость вызвана вашими же чувствами, отъ избытка которыхъ я васъ остерегаю.

Мы переписываемся четыре мѣсяца, какъ настоящіе друзья, мы съ каждымъ днемъ все лучше узнаемъ другъ друга. Я думала уже, что отлично васъ знаю, и мои письма показали вамъ, конечно, какъ я васъ уважаю. Я считаю васъ тѣмъ, что вы на самомъ дѣлѣ: честнымъ человѣкомъ, разсуждающимъ основательно, проницательнымъ и умнымъ, свободнымъ отъ дурныхъ страстей, нѣжно любящимъ своихъ и способнымъ къ искреннимъ и чистымъ порывамъ.

И тѣмъ не менѣе... Помните наши споры? Всякій разъ, когда вы ихъ возобновляли, когда вызывали меня на нихъ, я начинала сомнѣваться въ васъ,—что-то такое, вопреки моей воли, говорило мнѣ: «Вправду ли онъ таковъ, какимъ тебѣ кажется»!

Тогда я перечитывала ваши письма, приписывала вашей молодости заключающіяся въ нихъ бравады и неосновательныя сужденія. Но вы такъ опредѣленно настаивали на своихъ мнѣніяхъ, что я снова начинала сомнѣваться и опять думала о васъ: «Почему такъ сухо его сердце и почему, при такихъ прекрасныхъ качествахъ души, онъ имѣетъ столь невѣрное, столь мрачное представленіе о жизни? Зародышъ мизантропіи и озлобленія разрастается въ его душѣ. Неужели онъ его не уничтожитъ и не поставитъ на его мѣсто цвѣтокъ доброты и ясности духа?»

Простите, мой другъ, такое сужденіе о васъ. Эта сухость сердца бросала тѣнь на мое расположеніе къ вамъ. Теперь я вижу, что сухости этой нѣтъ въ васъ. Правда, вы любите похвалиться ею, вы дѣлаете изъ нея нѣчто вродѣ щегольского султана, который, по вашему мнѣнію, очень идетъ къ вамъ. Но теперь я вижу, что это не болѣе, какъ добавочное украшеніе, которое легко сбросить. Крайне тяжелое событіе заставило васъ показаться такимъ, каковъ вы въ дѣйствительности,—одареннымъ очень нѣжнымъ сердцемъ, а отнюдь не сухимъ, какъ вы въ томъ хотѣли увѣрить. Плачьте же, мой другъ, плачьте, если можете доказать этимъ себѣ самому, что отказываетесь отъ всего напускного, чѣмъ себя изукрашали изъ неумѣстнаго и ошибочнаго кокетства.

Я увидала ясно: вы—человѣкъ достойный этого наименованія,

такъ какъ не чуждо вамъ ни одно изъ чувствъ настоящаго хорошаго человѣка. Все остальное было только похвальбою. Ваши увѣренія въ любви къ вашимъ всегда казались мнѣ не совсѣмъ искренними потому, что у любви этой не было устойчивой нравственной основы, какъ сами вы въ томъ увѣряли. Въ настоящее время я убѣждена въ противномъ,—не вашими дѣйствіями пока, а проявленіемъ вашихъ чувствъ. Человѣкъ способный такъ страдать отъ горя, какъ вы страдаете, способенъ такъ же точно отдаться инымъ чувствамъ и воодушевиться огромною энергіей. Слишкомъ легко прожитая жизнь поселила въ васъ страхъ передъ будущностью, одинаковою съ другими людьми. Я знаю теперь, что страхъ этотъ пройдетъ. Кто можетъ любить такъ, какъ вы любили вашего отца, тотъ способенъ полюбить еще и не такъ, полюбить до того, чтобы ничего не бояться. Сорныя травы, затемняющія спокойныя и чистыя воды вашей души, исчезнутъ скоро и не будутъ скрывать васъ отъ другихъ и отъ самого себя.

Вотъ что, мой бѣдный другъ, я хотѣла сказать вамъ. Простите за откровенность. Я не умѣю лукавить съ тѣми, кого я уважаю. Я простая старая дѣва, всецѣло преданная дорогимъ существамъ, которыя все мнѣ дали, хотя ничто не обязывало ихъ къ такому избытку расположенія ко мнѣ. Старая дѣва встрѣтила молодого друга и почувствова къ нему самую чистую и безкорыстную привязанность. Если ей удалось развлекать его въ часы спокойствія, утѣшать въ часы горя и, въ особенности, указать ему прямой жизненный путь, она сочтетъ себя безконечно счастливою.

Вашъ лучшій другъ

Каро. Мирбанъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Разсказъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ отсылки этого письма медемуазель Мирбанъ возвратилась въ Парижъ, приблизительно, на цѣлый мѣсяцъ ранѣе, чѣмъ пріѣзжала обыкновенно. Мадемуазель Каро убѣдила дядю поторопиться отъѣздомъ изъ Марсели.

За время переписки съ Жакомъ, молодая дѣвушка мало-по-малу увлеклась своею ролью наставницы. Ей пріятно было внушать принципы нравственности молодому человѣку, мягкость котораго она угадывала, несмотря на его сопротивленіе. Ея проницательность не въ силахъ была удержать ее отъ такого кокетства. Когда обстоятельства пришли на помощь взятой ею на себя задачѣ, она

не могла противиться желанію докончить начатое. И она хорошо знала, что для увѣнчанія дѣла письма не могутъ имѣть достаточно убѣдительной силы.

Жакъ, по возвращеніи въ Парижъ разстроеннымъ, легко могъ, ради развлеченія, пуститься въ разныя приключенія, способныя отклонить его еще болѣе отъ того пути, на который ей желательно было его вывести. Но какой же это былъ, въ сущности, путь?

Тутъ-то и былъ щекотливый пунктъ, по поводу котораго она спорила съ Жакомъ, но себѣ самой не задавала никакихъ вопросовъ, не изъ боязни опредѣленнаго отвѣта, а изъ стыдливости, запрещавшей ей предположить въ себѣ чувство, несовмѣстимое съ достоинствомъ дѣвушки. На самомъ дѣлѣ, разсуждая основательно, не дошла ли бы она до необходимости поставить себѣ вопросъ: не укрывается ли за ея проповѣдничествомъ личная забота, настоящая склонность, нѣжная снисходительность? Сцѣпленіе и внезапное возникновеніе идей никогда не даютъ намъ разобраться съ точностью въ нашихъ побужденіяхъ. Когда мы дѣлаемъ что-либо доброе и хорошее, кто поручится намъ за то, что, рядомъ съ обязанностью, мы не видимъ утилитарной цѣли, весьма смутно, конечно, но, тѣмъ не менѣе, реально?

Мадемуазель Каро, забавлявшаяся сначала такою игрой, потомъ задѣтая за живое, наконецъ, живо заинтересованная самолюбіемъ, не желая даже думать о себѣ самой, сообразила бы очень скоро, что такіе теоретическіе споры способны завести ее дальше, чѣмъ она предполагала. А такъ какъ внѣшность Жака и его нравственный обликъ,—далеко не совершенный, по ея мнѣнію,—нравились ей, то она была бы вынуждена признать, что, быть можетъ, за серьезною моралисткой скрывалась женщина, не влюбленная, правда, но увлеченная чувствомъ дружбы. Тогда она добралась бы и до причинъ, до дней, проведенныхъ въ Динарѣ и въ Парижѣ, она припомнила бы, какъ боролась съ Жакомъ, какъ была заинтересована тѣмъ, чтобы подчинить его себѣ, и она дошла бы до слѣдующаго вопроса: принимая съ молодымъ человѣкомъ положеніе наставницы, имѣла ли я въ виду только добро сдѣлать, и не искала ли я, хотя бы въ малой мѣрѣ, удовлетворенія моихъ личныхъ чувствъ, которыя такимъ образомъ обнаружились?

Если зараждалось нѣчто похожее на любовь, если начиналась ея кристаллизація, то молодая дѣвушка надъ этимъ не задумывалась. Ея отъѣздъ на Югъ исключалъ всякую мысль о заранѣе составленномъ планѣ. Во всякомъ случаѣ, послѣдствія отъѣзда сложились сами собой.

Нетерпѣливое желаніе увидать скорѣе Жака представлялось ей простою заботой о томъ, чтобы не пострадали тѣ нравственные результаты, которыхъ она, по ея убѣжденію, добилась. Дѣвичья скромность не дозволяла ей думать о чемъ-либо иномъ, и дѣвушка была слишкомъ прямодушна для того, чтобы, замѣтивши признакъ любви, поддерживать близость съ молодымъ человѣкомъ, которую она сочла бы неприличною и недостойною ихъ обоихъ.

Жакъ, съ своей стороны, былъ приблизительно въ такомъ же положеніи. Но со времени смерти отца онъ всего больше увлекался оплакиваніемъ своей горькой доли, и споры съ дѣвушкой, представлявшіе до сихъ поръ чисто-спекулятивный интересъ, принимали теперь достаточно опредѣленный характеръ личныхъ отношеній.

Онъ такъ же точно не задавалъ себѣ вопросовъ; оставшись одинокимъ, онъ чувствовалъ только, что ему необходима дружеская рука, чтобы сжимать ее, и полные сочувствія глаза, чтобы въ нихъ смотрѣться. Никто не въ состояніи опредѣлить неуловимые оттѣнки чувствъ, которымъ онъ готовъ былъ отдаться. Никому не найти словъ, ни достаточно точныхъ, ни довольно неясныхъ, чтобы передать душевное состояніе Жака, который безъ любви жаждалъ и искалъ формъ чистой любви.

И вотъ, едва узнавши о возвращеніи Мирбановъ въ Парижъ, онъ заторопился уѣхать изъ Вильнуа. До сихъ поръ зять съ большимъ трудомъ могъ вытащить его изъ дому для дѣловыхъ переговоровъ въ Мо, теперь же онъ безъ устали хлопоталъ о скорѣйшемъ окончаніи необходимыхъ формальностей. День и ночь онъ мыкался по унылымъ улицамъ стараго епископскаго города, и въ нѣсколько дней все было улажено:—въ замѣну усадьбы Вильнуа и окружающихъ его фермъ, Жакъ уступалъ сестрѣ свои права на участіе въ фабрикѣ. Онъ предоставлялъ даже въ собственность Фани одинъ гектаръ прилегающаго къ фабрикѣ парка, гдѣ Лорели предположили выстроить домъ для себя. Матери онъ отдалъ въ пожизненное владѣніе замокъ со всѣми принадлежностями, выговоривши себѣ только право въ немъ проживать, когда ему вздумается. И силуэтъ мадемуазель Каро мелькалъ теперь передъ нимъ въ сумракѣ коридоровъ...

Въ первыхъ числахъ марта Жакъ Бревенъ былъ въ Парижѣ и на слѣдующій день по пріѣздѣ отправился къ Мирбанамъ. Первое свиданіе было печально, его омрачало несчастье, недавно постигшее Жака. Рамзесъ былъ очень привѣтливъ, мадемуазель Каро просто пожала обѣ руки Жака и прошептала: «Бѣдный другъ!»— что вызвало слезы на его глазахъ.

Говорили мало. Рамзесъ сказалъ, что Жаку слѣдовало бы приходить заниматься въ его библіотекѣ, если не прошла къ тому охота.

— Я вамъ совѣтую даже продолжать,—добавилъ онъ.—Ничто не облегчаетъ горя такъ, какъ трудъ.

И между ними было условлено, что Бревенъ съ завтрашняго же дня примется опять за дѣло.

Мадемуазель Каро улыбнулась и проговорила:

— Я буду въ библіотекѣ и поэкзаменую васъ. Посмотримъ, какіе вы сдѣлали успѣхи.

Когда Жакъ ушелъ, Рамзесъ сказалъ племянницѣ:

— Превосходный онъ молодой человѣкъ... Нынѣшнею зимой онъ, кажется, писалъ тебѣ?

Смѣло, не краснѣя, увѣренная въ себѣ, она отвѣтила:

— Писалъ, дядя.

— Гм... Не очень-то корректно, какъ ты думаешь, милый мой философъ?

— О, дядя, вы меня знаете...

— Да, моя дорогая, и я вполнѣ на тебя полагаюсь. Подумай, однако, вотъ о чемъ: сможете ли вы всю жизнь оставаться друзьями... И какая отъ того польза?...

Онъ не договорилъ. Каро осталась одна и въ первый разъ задала себѣ вопросъ: А что, если онъ меня любитъ?

Такое предположеніе не испугало ее, если только не вызвало взаимности.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Дневникъ и переписка.

10 марта.—Вотъ что я часто замѣчалъ, но никогда это не поражало меня такъ живо: два существа, уважающія другъ друга и взаимно расположенныя, но находящіяся въ разлукѣ, пишутъ другъ къ другу безъ стѣсненія, въ письмахъ свободно говорятъ о своихъ чувствахъ. Разстоянія для нихъ не существуетъ, нѣтъ у нихъ ничего затаеннаго другъ отъ друга, и если они говорятъ о разлукѣ, то для того только, чтобы желать ея скорѣйшаго окончанія,—обмѣнъ мыслей и чувствъ станетъ еще легче.

Вотъ они вмѣстѣ, и оба молчатъ, не находятъ ни одного изъ словъ, свободно выливающихся изъ-подъ ихъ перьевъ. Можно подумать, будто имъ нечего говорить другъ другу, кромѣ вещей самыхъ заурядныхъ и банальныхъ, будто высказанныя въ письмахъ

нѣжныя чувства дружбы существовали только въ ихъ воображеніи... И люди расходятся разочарованными, въ глупомъ недоумѣніи...

На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего труднѣе для человѣка, какъ словами выразить свои чувства. Существуетъ извѣстная стыдливость души, какъ есть стыдливость тѣла. Представляется намъ также, будто наши чувства какія-то настолько особенныя, что обыкновенныя слова могутъ только ихъ опошлить. Если я добавлю къ этому вліяніе рѣзкой перемѣны привычекъ, необходимость быстро высказать мысль, а не переворачивать ее двадцать разъ прежде, чѣмъ она выльется въ письмѣ, тогда мнѣ станетъ понятнымъ мое вчерашнее разочарованіе въ ту минуту, когда я уходилъ отъ Мирбановъ.

Я былъ счастливъ, безконечно счастливъ тѣмъ, что увидался съ моимъ дорогимъ другомъ Каро, и ни одно слово изъ того, что мнѣ такъ хотѣлось сказать ей, не сошло съ моихъ губъ. Всякій разъ, когда приходили на умъ выраженія дружбы и довѣрія, подобныя высказаннымъ въ моихъ письмахъ къ ней, я смолкалъ, точно стыдясь чего-то. И я видѣлъ, что она тоже чего-то стѣсняется, конфузится. Со стороны могли бы подумать, будто въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ мы дѣлали нѣчто дурное и теперь вдругъ сообразили это. Изъ-за ея съ трудомъ придуманныхъ фразъ я едва могъ угадать ея истинное сочувствіе къ моему горю.

Она писала мнѣ очаровательныя письма и не находила, что̀ сказать мнѣ. Она писала, что жалѣетъ меня отъ всей души, что плачетъ со мною вмѣстѣ, а какъ только подумала сказать мнѣ это, языкъ отказался ей повиноваться.—Я писалъ ей, что жду не дождусь ея возвращенія, чтобы подбодриться ея утѣшеніями, и не сумѣлъ сказать ей, насколько я счастливъ тѣмъ, что опять ее вижу. Я писалъ, что жажду просить у нея исцѣленія, и не нашелъ ни слова для объясненія моихъ страданій.

Почему? Неужели дурно было то, что цѣлую зиму мы отдавались нашей дружбѣ?—Нѣтъ, ничего дурного мы не дѣлали. Мы слишкомъ безкорыстно поступали для того, чтобы можно было въ чемъ-нибудь насъ упрекнуть. Теперь надо все предоставить времени. Мало-помалу мы вернемся къ чуднымъ днямъ Динара и Парижа. А такъ какъ мы лучше узнали другъ друга, дни эти будутъ еще пріятнѣе.

Въ результатѣ вышло, что я просто-на-просто держалъ маленькій экзаменъ изъ египтологіи. Должно быть, я довольно хорошо занимался и успѣхами дѣлаю честь моимъ учителямъ. И ихъ благосклонныя похвалы оказываются, кажется, единственнымъ доказательствомъ добраго расположенія, полученнымъ мною за этотъ день.

15 марта.—Моя мать пріѣхала въ Парижъ. Она сдалась, наконецъ, на наши убѣжденія и рѣшилась вернуться сюда. Бѣдняжка сильно измѣнилась. Отецъ какъ будто унесъ съ собою все веселье и всѣ улыбки изъ нашего дома. На наши предложенія чѣмъ-либо развлечься матушка отвѣчаетъ такими умоляющими взглядами, что мы невольно умолкаемъ. Она ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своего горя, и мы постоянно чувствуемъ, что ея мысли тамъ, въ Вильнуа, куда она, повидимому, хотѣла бы опять уѣхать.

Великое, должно быть, благо любовь, если утрата ея оставляетъ насъ въ такомъ одиночествѣ и отчаяніи!...

Я сдѣлался главнымъ прибѣжищемъ несчастной женщины. Она безпрерывно приходитъ въ мой кабинетъ и, припавши къ моему плечу, долго-долго плачетъ, не говоря ни слова. Я укачиваю ее, какъ ребенка, цѣлую ее и тоже плачу, и она уходитъ, ничего не сказавши, утомленная и измученная... Прежде всѣ свои ласки она отдавала Фани, красота и изящество которой льстили ея свѣтскости, теперь же она какъ будто хочетъ въ одинъ день вернуть мнѣ всю недоданную нѣжность. Фани почти не существуетъ для нея. Фани не понимаетъ ее, — сказала она мнѣ на-дняхъ.—Фани любитъ, любимый человѣкъ съ нею,—какъ же можетъ она быть несчастною и понимать горе?

Великое, должно быть, зло — любовь, если, отдавшись ей, мы забываемъ самые священные законы!...

Такое состояніе матушки безпокоитъ меня. Если горе не утихнетъ, оно убьетъ ее. Нужно что-либо сильное, чтобъ измѣнить направленіе ея мыслей или, по меньшей мѣрѣ, занять ее. Но что же придумать достаточно сильное для борьбы съ такою любовью?

18 марта.—Я былъ правъ, думая, что скоро пройдетъ стѣсненіе, которое испытывали миссъ Каро и я при первой встрѣчѣ. Сегодня мнѣ кажется, что истекшіе мѣсяцы увеличили наше обоюдное довѣріе и укрѣпили наши отношенія. Помимо моего горя, я не вижу ничего такого, что дѣлало бы меня инымъ, чѣмъ каковъ я былъ по возвращеніи изъ Динара, когда въ лихорадочномъ волненіи направлялся къ Мирбанамъ. О томъ, что съ тѣхъ поръ прошло нѣкоторое время, я знаю только потому, что я сталъ спокойнѣе. Какъ тогда, я прошелъ двѣ лѣстницы, ведущія къ Рамзесу. Какъ тогда, вмѣсто того, чѣмъ постучаться въ дверь кабинета моего знаменитаго друга, я тихо стукнулъ въ дверь библіотеки. Какъ въ былое время, милый и твердый голосъ отозвался: «Войдите!» Я сѣлъ въ то же самое кресло, про-

тивъ миссъ Каро, которая улыбалась мнѣ по-прежнему, и мы заговорили такъ, какъ будто наша бесѣда никогда не прерывалась.

И моя собесѣдница была опять такою, какою я желалъ ее видѣть. Я тотчасъ же замѣтилъ, что она встрѣтила меня постарому, совершенно свободно, заговорила съ обычною прямодушною рѣзкостью, со всегдашнимъ веселымъ видомъ. Даже въ ея голосѣ не было слышно оттѣнка робости, точь-въ-точь какъ въ Динарѣ. За недѣлю, истекшую съ нашего послѣдняго свиданія, очень неловкаго и неудачнаго, она, также какъ и я, успѣла отдѣлаться отъ всякаго стѣсненія и отъ всякой принужденности. Мы какъ будто не разставались, и еслибы въ ея тонѣ не было замѣтно нѣкоторой увѣренности, въ которой сказывается ясное признаніе своихъ чувствъ, допустимое тѣми, надъ кѣмъ пріобрѣтено воображаемое превосходство, я могъ бы предположить, что никакой разлуки не было.

Откуда же взялась у насъ эта одинаковость настроеній? Отъ желанія обоихъ сойтись опять такими, какими мы были, отъ стремленія видаться не внѣшнимъ, тѣлеснымъ, образомъ только, а самою сущностью нашихъ душъ. Тѣло оказывается помѣхой всякому интимному единенію, и не для устраненія ли этой помѣхи влюбленные желаютъ такъ страстно плотскаго единенія? Наши глаза отвыкли быть посредниками между миссъ Каро и мною, теперь возстановлено такое общеніе, наша матеріальная оболочка не существуетъ болѣе, и соприкасаются только наши души.

Мы разговорились, и я сообщилъ ей о психическомъ состояніи моей матери, внушавшемъ мнѣ опасенія.

— Что дѣлать?—сказалъ я.—Не могу я оставить ее въ такомъ положеніи, не могу допустить, чтобъ она медленно угасала. Необходимо развлечь ее. Но что же можетъ занять ее настолько сильно, чтобы нѣсколько отстранить воспоминанія о моемъ бѣдномъ отцѣ?

— Въ ея годы,—отвѣтила миссъ Каро,—есть только одно средство: дѣти.

— Вы видите, что насъ, Фани и меня, ей недостаточно.

— Въ такомъ случаѣ нужны внуки.

Въ ея взглядѣ я уловилъ оттѣнокъ шутки и серьезно возразилъ:

— Я передамъ Фани результатъ моей консультаціи съ вами.

Она сдѣлалась опять серьезною, взяла мотокъ шерсти изъ

корзины и подала его мнѣ. Я растянулъ его на рукахъ, и миссъ Каро начала его разматывать, не глядя на меня...

Оба движенія, ея и мое, были такъ просты и естественны, точно они вошли въ привычку, и лишь по прошествіи нѣсколькихъ минутъ я сообразилъ, насколько въ нихъ выразилось инстинктивное подчиненіе и безсознательное господство...

Во мнѣ вспыхнула тщеславная гордость, я бросилъ наполовину размотанную шерсть. Наступило молчаніе, неловкое и тяжелое, и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ хозяйкой, я ушелъ, но ушелъ бодрый, счастливый. Да, я чувствовалъ себя счастливымъ въ первый разъ за нѣсколько истекшихъ недѣль, я былъ счастливъ тѣмъ, что моего друга-дѣвушку я видѣлъ опять такою, какою она была, что самъ я былъ такимъ же, какъ прежде, и что, кромѣ того, на обоихъ ясенъ былъ неизгладимый отпечатокъ нашихъ одинаковыхъ идей, въ особенности же взаимныхъ противорѣчій...

25 марта. — Вчера матушка вошла ко мнѣ въ кабинетъ, какъ дѣлала это каждый день, и, какъ всегда, я нѣжно поцѣловалъ ее, но тутъ же замѣтилъ, что глаза ея менѣе красны и на губахъ пробѣгаетъ даже слабая улыбка.

Тотчасъ мама сказала:

— Еслибы твой бѣдный отецъ былъ живъ, какъ радъ онъ былъ бы!

Это было сказано такъ мягко, что я сразу увидалъ, насколько матушка стѣсняется проявленіемъ радости и въ свое оправданіе ссылается на одобреніе отсутствующаго.

— Что же случилось?—спросилъ я.

— Фани беременна.

Глаза несчастной женщины были полны слезъ, но то были уже сладкія слезы. Она плакала отъ счастья и улыбалась, думая о свѣтломъ будущемъ и о томъ, съ кѣмъ уже не суждено ей дѣлиться радостями.

— А, вотъ что...—сорвалось у меня съ языка.

— Что такое?

Я не могъ объяснять ей, какъ накапунѣ вечеромъ я сказалъ Фани, что лучшее средство утѣшить нашу мать, это—подарить ей внука, отъ чего Фани покраснѣла и ушла изъ комнаты, не сказавши ни слова. Я ограничился тѣмъ, что возразилъ:

— Ничего... Только уже нѣсколько дней я замѣчалъ, что Фани какая-то странная. Такъ вотъ это что значитъ.

— Да. И какъ же будетъ она счастлива! Какъ хорошо имѣть

ребенка! Да и сама-то я... Никогда уже не видать мнѣ счастья, конечно! Но мнѣ кажется все-таки, что хорошо мнѣ будетъ, когда я стану бабушкой... А изъ него мы сдѣлаемъ честнаго человѣка, какимъ былъ его дѣдъ... Не правда ли?

И бѣдная женщина схватилась за эту мысль, въ ней искала цѣль жизни. Полился потокъ нѣжныхъ словъ, полныхъ ласки, заиграла фантазія о предстоящемъ баловствѣ внука, о возвратѣ къ жизни, наполненной заботами.

Миссъ Каро права. Бѣдной мамѣ необходимо было на что-нибудь обратить свою нѣжность. Внукъ будетъ ея спасеніемъ. При одной мысли о маленькомъ, безобразномъ существѣ она уже волнуется, въ ея глазахъ уже мелькаетъ желаніе жить, оно сказывается въ выраженіи ея лица, въ болѣе твердой походкѣ.

Мнѣ же кажется, еслибъ у меня родился ребенокъ, отцомъ его я сталъ бы не ранѣе, какъ черезъ два или три года послѣ его рожденія. Мыслимо ли интересоваться маленькими животными, которыя умѣютъ только визжать?

Наконецъ-то, однимъ облакомъ меньше и на моемъ горизонтѣ, и самъ я начинаю входить въ свою обычную колею. Я бываю опять въ судѣ, мои посѣщенія Рамзеса становятся болѣе частыми, и миссъ Каро остается неизмѣнно моимъ очаровательнѣйшимъ другомъ. Какъ прискорбно, однако, что мы не въ состояніи сохранить во всей неприкосновенности самое тяжелое наше горе и, несмотря ни на что, обречены чувствовать, какъ оно съ каждымъ часомъ ослабѣваетъ и стирается...

5 апрѣля.—Кто могъ бы видѣть интимную жизнь нашей семьи всего двѣ недѣли назадъ и увидалъ бы насъ сегодня, тотъ не повѣрилъ бы, пожалуй, что передъ нимъ одни и тѣ же люди. «Интересное» положеніе Фани перевернуло вверхъ дномъ не только нашу внѣшнюю жизнь, но и наши чувства. Шарль имѣетъ горделивый видъ, въ высокой степени потѣшный. Сестра принимаетъ созерцательныя и блаженныя позы, отъ чего кажется погруженною въ мечтательную дремоту. Матушка лихорадочно и нетерпѣливо суетится безъ всякой мѣры. Цѣлыми днями она покупаетъ, кроитъ, вышиваетъ бѣлье, вяжетъ какія-то кружевца. Только и разговоровъ, что о «необходимыхъ предосторожностяхъ» и о «наилучшемъ режимѣ». Всѣ судятъ, рядятъ и спорятъ «о первоначальномъ уходѣ за младенцами!» Вторглось будущее и заняло мѣсто воспоминаній... Только я одинъ думаю еще о покойномъ отцѣ. И порою я ловлю себя на какомъ-то странномъ чувствѣ, похожемъ на то,

будто я стыжусь своего постоянства... Тогда я присоединяюсь къ общему хору, и, кажется, «дядя-баловникъ» наобѣщалъ уже горы лакомствъ...

Но я сознаю, что мои порывы много ниже тѣхъ, подражать которымъ я пытаюсь: въ моихъ не достаетъ естественности. Я очень стараюсь, но выходитъ то же, что со всякими чувствами, которыя желательно выказать и которыхъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ, — я самъ слышу, какъ фальшиво звучатъ мои фразы. Ничего настоящаго у меня не выходитъ потому, что ничего я не понимаю. Нѣтъ, не понимаю я, какъ подобный эмбріонъ можетъ вызывать такія волненія. Еще куда бы ни шло—у матери, а то у другихъ? А между тѣмъ это такъ, до такой даже степени, что моя мать изъ-за этого забываетъ горе, отъ котораго она умерла бы безъ этого отвлекающаго средства. Что же за сила заключена въ тайнѣ рожденія, если оно можетъ оказывать такое вліяніе на самыя сильныя души?...

Я говорилъ объ этомъ съ моимъ милымъ философомъ, съ миссъ Каро. Теперь, раздумывая объ этомъ, я сознаю, что поступилъ слишкомъ смѣло. Но я такъ привыкъ отдавать на ея судъ всѣ мои затрудненія, — всегда разрѣшаемыя ею удивительно остроумно, хотя не одинаково успѣшно, — что обратился къ ней и въ данномъ случаѣ весьма наивно и довольно непристойно. Ея сдержанность и правдивость восхитили меня, какъ всегда, — она была настоящею женщиной, оставаясь молодою дѣвушкой, и была прелестною дѣвушкой, разсуждая какъ женщина.

— Это доказываетъ вамъ, мой другъ, — говорила она, — насколько вѣрно то, что я писала вамъ нынѣшнею зимой. Существованіе этихъ маленькихъ существъ, которыя превратятся въ людей, занимаетъ въ природѣ первенствующее мѣсто, такъ какъ одного ожиданія появленія ихъ на свѣтъ достаточно для изглаженія въ насъ всякаго другого чувства. Отъ того ваша мать почти забываетъ свой трауръ, и я вижу, что вамъ это непріятно. А права, все-таки, ваша матушка. Инстинктивно она отворачивается отъ прошедшаго къ будущему. Таковъ законъ природы, ежедневно усѣивающей свой путь трупами и неустанно заполняющей пустыя мѣста... Будемъ же хранить память о дорогихъ намъ людяхъ, будемъ неизмѣнно вѣрны тѣмъ, кого мы любили, но не станемъ имъ жертвовать тѣмъ, что нараждается. Являющееся на свѣтъ имѣетъ преимущественное право на свое мѣсто въ немъ передъ тѣмъ, что это мѣсто занимало. Музеи не должны быть многочисленнѣе мастерскихъ... Будемъ же охранять наши музеи, но трудиться будемъ надъ усовершенствованіемъ себя. Только непрерывный трудъ мо-

жетъ дать намъ душевное довольство. Я говорила вамъ, вся энергія наша, всѣ наши силы должны быть отданы на служеніе природѣ. А самое важное для нея—это непрерывность существующаго въ ней. Этому мы должны способствовать, насколько выпадетъ на нашу долю, безъ колебаній и сожалѣній. Ваша матушка совершенно права.

Миссъ Каро говорила медленно, не отрывая глазъ отъ своего вышиванья, вся залитая яркимъ свѣтомъ огромнаго окна. Неподвижная, съ неторопливо раскрывающимися губами, невозмутимая въ своей смѣлости, цѣломудренная, какъ статуя, она представлялась мнѣ безстрастною пророчицей, объясняющею людямъ ихъ обязанности, не стѣсняясь никакими законами, никакими запретами, налагаемыми приличіями, никакою боязнью осужденій.

Она замолчала. Мы долго не говорили ни слова. Потомъ съ такою смѣлостью, отъ которой и теперь еще дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу, совершенно безсознательно, увлекаемый какимъ-то неодолимымъ порывомъ, я проговорилъ, не глядя на нее:

— Въ такомъ случаѣ, сами-то вы что же дѣлаете?...

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, ея губы сжались, грудь сильно колыхнулась.

Дѣвушка положила работу въ корзину и тихо направилась къ двери, прошептавши мнѣ:

— Больше я ничего не могу сказать... Извините... Я напишу вамъ...

Она ушла. Бѣжалъ и я, вдругъ охваченный стыдомъ, самъ не зная, какъ посмѣю я показаться ей на глаза. Что можетъ она мнѣ написать? Нѣтъ ли въ ея жизни какой-нибудь тайны, какого-нибудь разочарованія, отъ котораго преждевременно созрѣла ея душа, нѣтъ ли серьезнаго проступка, наконецъ?... Мнѣ-то, однако, что же до этого за дѣло! Все-таки она останется такою женщиной, выше которой я не зналъ въ моей жизни. Иныхъ гарантій мнѣ не нужно для того, чтобы видѣть въ ней самаго желаннаго друга. А мнѣ нуженъ только другъ, только другомъ я интересуюсь, а никакъ не женщиной. «Уѣзжайте въ Китай, выходите замужъ, но не переставайте писать мнѣ», — таковъ будетъ эпиграфъ нашихъ взаимныхъ отношеній.

К. Мирбанъ Ж. Бревену.

Я поступила очень неловко, другъ мой, сказавши, что не могу отвѣтить вамъ на словахъ. Сдѣлала я это не потому, что мнѣ

пришлось бы краснѣть отъ моей исповѣди, какъ вы могли подумать. Нѣтъ, я просто была бы вынуждена раскрыть передъ вами самые интимные мои взгляды на самое себя. А кто же не затруднится раскрывать свою душу, если въ немъ есть хотя какой-нибудь стыдъ? Святая Агнесса не краснѣла въ циркѣ, а вздрагивала передъ допрашивавшими ее судьями.

Вы узнаете теперь всю сущность моего сердца. Я долго не рѣшалась показать вамъ его. Примите же эту жертву, которую я приношу нашей дружбѣ, за послѣднее и высшее доказательство моего расположенія къ вамъ!

Я не знала ни моего отца, ни моей матери. Мой отецъ, — по словамъ дяди,—былъ одаренъ натурой благородной и гордой, но такою мягкой и беззаботной, что устроить свою жизнь не умѣлъ. Съ душою очень нѣжной, онъ неспособенъ былъ къ уравновѣшенности и сдержанности. За три мѣсяца до появленія моего на свѣтъ отецъ умеръ отъ тифозной горячки, захваченной имъ при уходѣ за одною женщиной, которую онъ любилъ до своей женитьбы и въ помощи которой не захотѣлъ отказать. Моя мать, не понявшая такого самоотверженія и такой жалости, едва имѣла силы произвести меня на свѣтъ и умерла.

Тетка взяла меня къ себѣ, но воспиталъ меня дядя. Тѣмъ, что есть во мнѣ прямоты и твердости, я обязана Рамзесу. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, Рамзесъ всегда училъ меня, воспитывалъ, говорилъ мнѣ такія вещи, которыя называютъ обыкновенно слишкомъ серьезными. Часто я не понимала его, и онъ хорошо зналъ это. Но онъ зналъ также, что сказанное имъ проникаетъ въ мою душу и складывается въ прочныя основы, на которыхъ я разовьюсь такъ, какъ ему желательно.

Жизнь Рамзеса,—вы ее знаете,—вся посвящена труду, безъ признака недовольства, черствости и рѣзкости. Свои обязанности онъ исполняетъ спокойно и тихо, какъ самое обыкновенное и заурядное дѣло. Когда онъ внушалъ мнѣ высокіе принципы, его слова были всегда только комментаріями къ тому, что онъ дѣлалъ. Онъ не говорилъ этого изъ скромности, но въ его словахъ отражались его поступки, его непоколебимая стойкость, его убѣжденіе, что жизнь не мыслима безъ прямодушія.

Иногда я задаю сама себѣ такой вопросъ: въ мои годы и въ моемъ положеніи молодой дѣвушки, идеи этого человѣка, хорошо знающаго жизнь, тогда какъ я знаю ее плохо, не придаютъ ли моимъ взглядамъ, основаннымъ на нихъ, нѣкоторую сухость? Можетъ быть... Во всякомъ случаѣ, видя, какъ возвеличиваются добро,

красота и счастье, какой миръ душевный они намъ даютъ, я сдѣлалась неспособною понимать жизнь при иномъ освѣщеніи. Чувствуя, что Рамзесъ счастливъ, я стремилась быть такою же, какъ онъ,—мнѣ казалось, что это наилучшій способъ быть счастливою. И жизнь представлялась мнѣ такою, какою была его жизнь, въ ней должны первыя мѣста занимать доброта, обязанности, трудъ, исполняемый радостно, заключающій въ себѣ единственныя наслажденія,—не говорю *дозволенныя*, ибо тутъ нужны усилія, а *возможныя*, къ какимъ я только способна.

Я работала, исполняла мои обязанности въ мѣру моихъ силъ, но безъ утомленія, и, слѣдовательно, въ этомъ нѣтъ моей заслуги. И горжусь я нѣсколько не тѣми днями, когда я дѣлала что-либо, для меня легкое, — иного я не могу дѣлать, — а тѣми, когда я сдѣлала что-нибудь, доставившее удовольствіе моимъ воспитателямъ.

Какія идеи и какія чувства дало мнѣ такое воспитаніе, вы знаете,—это видно изъ нашихъ бесѣдъ и изъ моихъ писемъ. Невыясненнымъ остался одинъ пунктъ. Обстоятельства вынуждаютъ меня и его выяснить вамъ. Сдѣлаю я это смѣло. Правда, мнѣ приходится побороть мою стыдливость, но рѣшиться на это меня побуждаетъ то соображеніе, что эта стыдливость обусловливается не сущностью дѣла, а тѣми обстоятельствами, при которымъ мы говоримъ съ вами. Стыдиться должно лишь тѣхъ чувствъ, которыя дурны сами по себѣ. Значеніе же, которое имъ придаютъ обстоятельства, служитъ намъ часто только предлогомъ уклониться отъ искренности.

Итакъ, почему я не вышла замужъ! Потому, что бракъ я понимаю, какъ и все остальное, не иначе, какъ со всѣми необходимыми дополненіями. Счастье не мыслимо безъ труда, бракъ не мыслимъ безъ любви. Я говорила вамъ: необходимо давать жизнь и поддерживать ея непрерывность маленькими существами, но при условіи непремѣннаго участія любви. Современные браки, обусловленные, по большей части, только приличіями, отнимаютъ у меня смѣлость увеличивать ихъ число. Они, несомнѣнно, могутъ быть счастливыми браками, это намъ доказываетъ ваша сестра. Но я никогда не могла рѣшиться на подобный рискъ. Я не рѣдко говорила Рамзесу, что выйду замужъ лишь тогда, когда полюблю. А до сихъ поръ я не любила. Многіе нравились мнѣ и, казалось, соединяли въ себѣ всѣ условія для того, чтобы дать мнѣ спокойную жизнь, но когда я задумывалась надъ тѣмъ, отдать ли мою руку одному изъ нихъ, я отступала назадъ...

Простите, другъ мой, я рѣшила все сказать вамъ, но есть вещи, которыя я чувствую, а передать не могу. Есть слова, смыслъ которыхъ ускользаетъ отъ меня потому, что ихъ реальнаго осуществленія я не вижу. Таково слово «любовь», мною употребленное. Я совершенно ясно сознаю, что выйду замужъ лишь за того, кого полюблю, но—что такое любовь, о которой я говорю,—этого я не могу себѣ представить. Я вздрагивала при мысли сдѣлаться женой того или другого человѣка, которые мнѣ нравились, а чѣмъ обусловливалась эта дрожь, какимъ страхомъ... я не знаю.

Да, я хочу, чтобы жизнь замужемъ была нравственно тождественна съ моею теперешнею жизнью. Никогда я не стану противиться любви, если она придетъ,—не потому противиться не буду, что читала о ея сладости, а потому, что назначеніе женщины—любить. Но надо, чтобы любовь пришла, и мнѣ кажется, что, когда она явится, я узнаю ее...

Въ тотъ день я откажусь отъ моей теперешней жизни, такъ же спокойно и такъ же радостно, какъ я избрала ее для себя. То будетъ обязанность, отъ исполненія которой я не уклонюсь, какъ не уклонялась ни въ какихъ случаяхъ, но исполню я ее не иначе, какъ при такихъ условіяхъ, которыя ее облагораживаютъ.

Я полагаю, что отвѣтила на вашъ вопросъ, мой другъ. Вы знаете, чѣмъ я обязана человѣку, котораго вы уважаете. Вы знаете, почему я до сихъ поръ не выполнила всѣхъ обязанностей женщины. И, стало быть, вы поняли, почему я всегда говорила съ вами такъ, будто указывала вамъ, какъ вамъ слѣдуетъ поступать, будто хотѣла вліять на васъ и поучать васъ, тогда какъ единственнымъ моимъ желаніемъ было видѣть васъ хорошимъ человѣкомъ.

Одно въ нашей дружбѣ оставалось невыясненнымъ. Теперь раскрыто все. Сдѣлалось это не безъ труда, и краснѣли мы оба при этомъ. Но это пройдетъ, пропустимъ нѣсколько дней. Потомъ приходите, наши бесѣды станутъ еще свободнѣе, такъ какъ скрывать намъ уже нечего будетъ. Какъ братъ и сестра, мы будемъ пользоваться нашими добрыми отношеніями, и тогда, быть можетъ, наступитъ ваша очередь давать мнѣ указанія въ смыслѣ болѣе гуманномъ, раскрытымъ вамъ опытомъ, котораго я не имѣю.

Вашъ другъ *Каро.*

---

30 апрѣля.—Матушка и Фани рѣшили теперь же переѣхать въ Вильнуа. Я послѣдовалъ за ними, такъ какъ миссъ Каро нашла нужнымъ, чтобы нѣкоторое время я съ нею не видался.

Еслибъ не это послѣднее соображенie, какъ бы досадовалъ я на себя за то, что поѣхалъ сюда! Скучаю я смертельно. Одинокъ я до отчаянiя. Когда-то весь домъ жилъ здѣсь мною, моею веселостью, теперь я чувствую себя никому и ни на что не нужнымъ. И окончательно удручаетъ меня то, что происходитъ это не отъ чьего-либо эгоизма или тщеславiя. Ни мать, ни сестра ничуть не измѣнились ко мнѣ, но я страдаю,—страдаю отъ того, что никто не понимаетъ болѣе ни моихъ радостей, ни моихъ страданiй, и сталъ я здѣсь чужимъ. Меня любятъ по-прежнему, я для нихъ все тотъ же «милый Жакъ», какимъ былъ съ дѣтства и какимъ останусь навсегда. Только это больше по привычкѣ, а не по насущной потребности сердца. Все измѣнилось внезапно, ничего или почти ничего нѣтъ у насъ общаго. Мы живемъ, такъ сказать, рядомъ, но не вмѣстѣ, не одною жизнью. Если меня слушаютъ или ласкаютъ, то не по дружбѣ и любви,—я чувствую это,—а въ мѣру того интереса, съ которымъ я отношусь къ тому, что занимаетъ каждаго изъ нихъ. Мнѣ выхода нѣтъ изъ моего одиночества. А я-то воображалъ, что могу всю жизнь посвятить тѣмъ, кто мнѣ ее далъ! Теперь я для нихъ ничто!... Я мечталъ о томъ, что всегда буду имъ необходимъ, и вижу, какъ они ускользаютъ отъ меня и живутъ сами по себѣ. Насколько же я былъ глупъ, думая, что не обойтись имъ безъ меня! Мать и сестра даютъ мнѣ ясно знать теперь, что есть у нихъ великая цѣль жизни. Маленькое, безобразное и гаденькое существо заняло мое мѣсто и всецѣло завладѣло ими обѣими.

И какая дрянь выходитъ, когда я задумаю пуститься въ общую колею и принимаюсь говорить объ этомъ ожидаемомъ и желанномъ младенцѣ! Самъ я вижу тогда, насколько я смѣшонъ. Оказывается, что я невѣжественнѣйшiй изъ смертныхъ, и всѣ мои фразы, очень хорошо придуманныя и нѣжныя, никуда не годятся, по сравненiю съ сокровищами простоты и инстинктивной любви, которыми мнѣ отвѣчаютъ. На меня смотрятъ съ растеряннымъ изумленiемъ, ясно говорящимъ о томъ презрѣнiи, съ которымъ эти женщины относятся къ моей неопытности. Что могу я имъ сказать такого, чего бы они безъ меня не знали!... Все онѣ знали всегда и каждую минуту мнѣ даютъ уроки...

Сколько горечи въ такихъ урокахъ! И понимаю я вотъ что: ты чужой въ томъ мiрѣ, гдѣ ты рожденъ, гдѣ жилъ, и который ты же, отчасти, создалъ. Мiръ этотъ, благодаря логическому развитiю его существованiя, пошелъ дальше, чѣмъ ты. Онъ обогналъ тебя. Въ нѣсколько дней, по милости совершенно естественнаго и прос-

того факта, ты превратился въ добраго родственника, отъ котораго ждутъ всякой благостыни, но интеллектуальное вмѣшательство котораго ни на что не нужно. Если хороши съ тобой, то вовсе не ради тебя самого, а ради того, что ты можешь дать. Ты уже не сынъ и не братъ, ты—дядя. И въ этомъ Вильнуа, въ твоемъ помѣстьѣ, гдѣ на каждомъ деревѣ и на каждомъ предметѣ сохраняется отпечатокъ твоихъ рукъ,—въ твоемъ собственномъ Вильнуа ты не болѣе какъ придатокъ, существующій для того, чтобы сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ немъ того, чье появленіе на свѣтъ ожидается. Твои чувства... да кому же до нихъ какое дѣло? Что они такое въ сравненіи съ ихъ чувствами, которыхъ никогда тебѣ не понять? Не нужны они имъ, и если ихъ кое-какъ щадятъ, то для того только, чтобъ извлечь пользу тому, кто станетъ на твое мѣсто.

Да, я побѣжденъ... Пусть же это послужитъ мнѣ нравственнымъ урокомъ, открывающимъ глаза, наиболѣе упорно закрытыя. Надо имѣть, по крайней мѣрѣ, смѣлость признаться въ своихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ. Въ сущности, меня приводитъ въ отчаяніе утрата убѣжденій, на которыхъ я строилъ мою жизнь. До сихъ поръ я боролся, какъ только могъ. Та, кого я уважаю больше всѣхъ въ мірѣ, уже поколебала ихъ, конечно, и я допускалъ уже возможность счастья внѣ того круга, который я для себя отводилъ. Но отъ своего мнѣнія я не отказывался. Я твердо стоялъ на своемъ. Послѣднія событія доказали мнѣ, наконецъ, какъ я ошибался. Послѣдняя моральная связь съ моимъ прошлымъ порвана, всѣ мои вчерашнія убѣжденія разбиты, правда на сторонѣ миссъ Каро.

Жить одинокимъ,—теперь я это вижу,—есть ошибка и глупость, если только не подлость. Жить по-настоящему можно, только идя по пути, указанному природой. Назначеніе человѣка—продолженіе рода. Природа требуетъ отъ насъ новыхъ существъ, и отказывающійся подчиниться этому закону есть безумецъ, ибо уклоняется отъ такихъ радостей, которыхъ ничто замѣнить не можетъ. Даже тѣ, которыя онъ мнилъ сохранить для себя, уйдутъ отъ него. И никого онъ не вправѣ будетъ обвинять въ томъ, кромѣ себя самого, настолько ясно сознаетъ онъ силу и роковое вліяніе природы, обусловившія такое лишеніе. Всѣ прекрасные доводы, которыми я тѣшилъ себя, не существуютъ въ дѣйствительности. Они продуктъ плохого соціальнаго положенія, которое отъ насъ зависитъ улучшить. И еслибъ даже доводы эти были вполнѣ основательны, они не могутъ устоять противъ первой необходимости,—противъ жизни.

Итакъ, я тоже женюсь...

Но миссъ Каро захочетъ ли быть моею женой?... И прежде, чѣмъ спросить ее объ этомъ, увѣренъ ли я въ томъ, что люблю ее? Да,—въ томъ смыслѣ, что съ нею я увѣренъ въ спокойствіи, въ интеллектуальномъ наслажденіи ея дружбой, близостью къ ней. Нѣтъ,—въ томъ смыслѣ, что я равнодушенъ къ ней, какъ къ женщинѣ, что, будь она мужчиной, мнѣ кажется, я такъ же любилъ бы ее, что, если бы она удалила меня, я страдалъ бы только отъ невозможности видаться съ нею, а не отъ отсутствія ея ласкъ.— «Выходите замужъ, уѣзжайте въ Китай»...—писалъ я ей когда-то. Никакой перемѣны не произошло со мною съ тѣхъ поръ, кромѣ того, развѣ, что прибавилась соціальная необходимость не оставаться одинокимъ, которую я признаю теперь.

Согласится ли Каро?

А, Жакъ, Жакъ, что ты задумалъ сдѣлать, не имѣя даже страсти въ оправданіе!...

Письмо Ж. Бревена К. Мирбанъ.

Вильнуа, 2 мая 189...

Дорогая и уважаемая миссъ Каро, простите вашему глубоко растроенному другу этотъ отвѣтъ на ваше чудное письмо, въ которомъ вы такъ великодушно раскрыли передъ нимъ ваше сердце.

Я долго думалъ надъ этимъ письмомъ, мой благородный другъ. Если оно есть резюме всѣхъ дебатовъ, происходившихъ между нами въ теченіе восьми мѣсяцевъ нашего знакомства, то мой отвѣтъ долженъ, конечно, представить собою заключительный выводъ.

Радуйтесь же и гордитесь, дорогой и нѣжный другъ, вы обратили меня на путь истины. Невѣровавшій въ идеи правды, честности и безстрашія покорно склоняется у вашихъ ногъ и отказывается отъ всѣхъ своихъ прежнихъ заблужденій. Я принимаю ваше *credo*, отнынѣ ваша вѣра будетъ моею вѣрой. Еслибъ я хотѣлъ въ послѣдній разъ подразнить васъ, я бы сказалъ, что нѣкоторыя событія въ моей жизни повліяли на мое рѣшеніе наравнѣ, быть можетъ, съ вашими доводами. Но, убѣжденный въ томъ, что безъ вашихъ комментаріевъ я не вывелъ бы изъ нихъ того нравственнаго поученія, какое вывожу теперь, я вынужденъ почти одной вамъ приписать честь моего обращенія. Да, дорогая и добрая Каро, я хочу новой жизни, такой, какую указываютъ законы, такъ хорошо преподаваемые вами. Я признаю, что привязанности къ роднымъ недостаточно для того, чтобы наполнить жизнь человѣка, и что, въ большинствѣ случаевъ, желаніе посвятить имъ

свою жизнь есть не болѣе какъ предлогъ, чтобъ уклониться отъ исполненія болѣе священныхъ обязанностей.

Но что я сказалъ вамъ?—«Радуйтесь и гордитесь!»—Такъ ли вы, однако, будете радоваться, какъ я то предполагаю, увлеченный самомнѣніемъ? Дѣло въ томъ, что договаривать надо до конца. Если я во всемъ согласился съ вами, то отнюдь не ради того, чтобъ ограничиться теоріей: ученикъ пошелъ дальше учителя.

Дорогой и милый другъ, если вы не предчувствуете того, что̀ я намѣренъ вамъ сказать, не читайте дальше... Бросьте это письмо, не отвѣчайте мнѣ, и ваше молчаніе послужитъ мнѣ урокомъ. Но если вы угадали,—о, тогда выслушайте меня внимательно! Примите каждое изъ моихъ словъ за легкій ударъ молоточкомъ, который долженъ вызвать звуки въ струнахъ, дремлющихъ въ васъ. Вслушайтесь въ тѣ нѣжныя фразы, которыхъ вы не прочтете, но которыя вы различите между этими, слишкомъ бѣдными, строками. И если вы угадываете эти фразы, если вы краснѣете отъ звука тѣхъ струнъ, тогда не отдавайтесь уже никакимъ сомнѣніямъ, тогда ясно станетъ, что достижимо для васъ то состояніе совершенства, стремиться къ которому вы меня учили. И тотъ, кому удастся разбудить струны,—если вы только позволите,—сумѣетъ извлечь изъ нихъ цѣлый гимнъ.

Если вы угадали, мой добрый другъ, я понесусь къ вамъ, чтобы сказать: «Вы знаете одного несчастнаго, который до сего дня жилъ эгоистомъ и трусомъ. Вы обратили его на добрый путь, докончите же хорошее дѣло,—полюбите его. Онъ обѣщаетъ вамъ всю свою нѣжность, всю свою душу. Онъ тоже полюбитъ васъ, любитъ уже, если имѣть довѣріе, уваженіе и преданность—значитъ любить. Онъ не говоритъ вамъ: я люблю васъ,—такъ какъ подъ этимъ словомъ разумѣютъ обыкновенно страсть, которой онъ не знаетъ. Но если вы соединяете съ этимъ словомъ представленіе о преданности и нравственной вѣрности,—о, тогда онъ говоритъ вамъ отъ всей души своей и съ самымъ глубокимъ убѣжденіемъ: «Я люблю васъ!»

Дорогая и благородная Каро, я протягиваю вамъ руки.

Ж. Бревенъ.

М. Мирбанъ Ж. Бревену.

Парижъ, 10 мая 189...

Добрый другъ мой, не пріѣдете ли побесѣдовать со мной? Мнѣ извѣстно нѣчто, вами предположенное, и я желалъ бы поговорить объ этомъ дружески.

Мирбанъ, по прозвищу Рамзесъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Разсказъ.

Когда миссъ Каро получила письмо Жака, первымъ чувствомъ ея было сожалѣніе. На ихъ дружбу легла теперь тѣнь, смертельно мрачная тѣнь... Потомъ молодая дѣвушка принялась разсуждать и пришла къ тому заключенію, что ни на что жаловаться она не имѣетъ права, такъ какъ самою же ею созданы причины, приведшія къ подобной развязкѣ. Она не думала, конечно, объ этомъ, когда вступала съ Жакомъ въ столь близкія отношенія. Какъ бы ни было, но сдѣланнаго вернуть уже нельзя, и неотразимымъ оказывался тотъ фактъ, что чисто-умственная связь между молодымъ человѣкомъ и молодою дѣвушкой должна была вызвать у него или у ней желаніе завершить этотъ союзъ бракомъ. Въ первый разъ въ жизни ея разсужденія довели до промаха, и ея легкомысленный поступокъ побуждалъ ее быть снисходительною къ безумной выходкѣ ея друга.

Что же отвѣтить ему? Противъ того, чтобы сказать «да», было только одно возраженіе, но въ высшей степени важное, уже высказанное ею въ своей исповѣди: «Я выйду замужъ только тогда, когда полюблю». А въ виду слабости испытываемаго ею волненія она не могла сказать утвердительно, что любитъ Жака. Правда, Жака она считала въ тысячу разъ превосходящимъ всѣхъ тѣхъ, кто ей до сихъ поръ нравился, но никакого пламеннаго чувства къ нему она въ себѣ не находила.

Но могла ли она разобраться въ этомъ съ достаточною увѣренностью въ себѣ? Очень можетъ быть, что расположеніе къ нему, извѣстное влеченіе, отсутствіе отвращенія и есть, именно, любовь? Можетъ быть, въ своемъ полномъ невѣдѣніи, она фантазировала о томъ, чего любовь дать не можетъ: о порывѣ, о безуміи, которые охватываютъ нѣкоторыхъ, но, вѣроятно, больныхъ, ненормальныхъ или очень неразвитыхъ?...

Такимъ образомъ она не могла отвѣтить отказомъ, не будучи увѣрена въ томъ, что согласіе не подходитъ къ ея программѣ. Въ этомъ крайнемъ затрудненіи она порѣшила поступить такъ, какъ ей подсказывалъ ея твердый и ясный умъ,—она рѣшила посовѣтываться съ Рамзесомъ.

А тотъ давно уже слѣдилъ за всѣмъ, происходившемъ между Жакомъ и племянницей. Еще въ Динарѣ онъ ясно видѣлъ, къ чему клонится дѣло, и зналъ все очень хорошо, хотя никто не пускался съ нимъ въ откровенности. Да, въ сущности, не всѣ ли онѣ одина-

ковы, эти исторіи любви, которыя намъ разсказываютъ, такъ какъ нѣкоторое различіе ихъ обусловливается только характерами? А ихъ-то характеры Рамзесъ зналъ достаточно хорошо для того, чтобы видѣть все насквозь. Вотъ почему онъ не находилъ нужнымъ вмѣшиваться. Помимо того, что онъ безусловно вѣрилъ въ честность обоихъ, онъ отлично угадалъ ихъ ошибку, ту иллюзію, которая позднѣе заставитъ ихъ повѣрить въ существованіе между ними любви... То, что привлекало другъ къ другу этихъ влюбленныхъ, было не любовь и не дружба, а своего рода компромиссъ между тѣмъ и другимъ чувствомъ,—взаимная привязанность, основанная на потребности умственнаго обмѣна, при желаніи овладѣть тѣмъ, къ кому возникло влеченіе и кому отдано предпочтеніе, и при желаніи также установить такія соціальныя отношенія, которыми облегчилось бы постоянное и ежедневное общеніе.

И Рамзесъ предоставилъ племянницѣ полную свободу переписываться съ молодымъ человѣкомъ, а самъ выжидалъ спокойно того дня, когда она скажетъ: «Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, что ему отвѣтить?» Дядя предугадывалъ, въ какое затрудненіе будетъ поставлена ея искренняя прямота, которая не дозволитъ молодой дѣвушкѣ ни согласиться, ни отказать, не увѣрившись предварительно въ томъ, куда влечетъ ее испытываемое ею чувство, въ сторону отказа или согласія.

Миссъ Каро начала съ того, что заговорила съ дядей о чемъ-то весьма неважномъ. Но по ея срывающемуся голосу, по опущеннымъ глазамъ и нервнымъ движеніямъ Рамзесъ угадалъ, что ожидаемый моментъ наступилъ, и, понимая стыдливость дѣвушки, не рѣшающейся раскрыть свою душу, помогъ племянницѣ:

— Ну, а что твой другъ Жакъ, какъ ты съ нимъ распорядишься?

Она посмотрѣла на дядю, потомъ, молча, подала письмо.

Рамзесъ взялъ его, не торопясь, на мгновеніе придержалъ въ рукѣ дрожащіе пальцы Каро и принялся читать, но тотчасъ же сказалъ:

— Такъ явился сказочный принцъ, которому суждено разбудить тебя... Бѣдная Каро, и ты поступишь такъ же, какъ всѣ?

— О, вы, моя совѣсть, скажите, что я должна!...

— Э, славный вопросъ! Любишь ты его?

Она не знала, что отвѣтить, и серьезно проговорила:

— Любитъ онъ меня?

— Если только не лжетъ,—сказалъ Рамзесъ, немного испуганный такою ясностью пониманія.—Ты-то любишь ли?

На ея лбу легла складка тяжелой нерѣшительности. Каро отвѣтила:

— Не знаю.

Рамзесъ почувствовалъ, что пришла и его очередь. Если предоставить ихъ самимъ себѣ, они никогда не столкуются. Онъ вспомнилъ, что въ какой-то комедіи видѣлъ, какъ старая бабушка, посылая пальцами поцѣлуи, подводила другъ къ другу двухъ дующихся влюбленныхъ. Ему предстояло сыграть, приблизительно, такую же роль. Эта забавная мысль подбодрила его.

— Выслушай меня... Слушай только не такъ, какъ ты всегда это дѣлаешь, не головой, а слушай сердцемъ.

Онъ пріостановился на секунду, удивленный охватившимъ его волненіемъ, потомъ продолжалъ:

— Прежде всего, повѣришь ли ты мнѣ, когда я скажу, что еще во время нашего пребыванія въ Динарѣ я предвидѣлъ все, что произошло и чему наступилъ конецъ?

— О, дядя!...

— Не краснѣй. Ничего предосудительнаго ты не сдѣлала, доказательствомъ служитъ то, что я не говорилъ тебѣ ни слова. Замѣть, однако, что ты единственная, быть можетъ, на свѣтѣ дѣвушка, которой я могъ дозволить подобную игру, и сдѣлалъ я это потому, что знаю, насколько ты выше другихъ, насколько ты умна, разсудительна, неспособна, по натурѣ своей, сдѣлать ложный шагъ. Я все предвидѣлъ и терпѣливо ждалъ того, что происходитъ сегодня. И знай, дитя мое, предугадать ты этого не могла потому, что не жила еще,—никогда не можетъ существовать интимная близость между мужчиной и женщиной безъ полнаго ихъ единенія. Этимъ все кончается. Дружба, всего чаще, не болѣе, какъ маска любви.

«Я пересаливаю немножко,— подумалъ про себя Рамзесъ,— но такъ нужно».

— Такъ вотъ,— продолжалъ онъ вслухъ,— какъ только я увидалъ ваше взаимное влеченіе, я уже зналъ, что вы любите другъ друга. А такъ какъ оба вы существа не особенно пылкія и совершенно интеллектуальныя, то я и предположилъ, что вамъ потребуется нѣсколько болѣе времени, чѣмъ другимъ, на то, чтобы понять вашу любовь. Но рано или поздно это должно было случиться. Не удивляйся, впрочемъ, тому, что ты все еще сомнѣваешься въ своей любви и въ его любви къ тебѣ. Не говоря о томъ,—не смѣйся,—что на этотъ предметъ у тебя не имѣется документовъ, не говоря о томъ, что вашъ способъ любить другъ

друга не допускаетъ пламенныхъ вспышекъ, которыя ты, повидимому, считаешь необходимымъ признакомъ любви...

— Да развѣ же есть нѣсколько способовъ любить?

— Да, дитя, безчисленное множество. Это только для удобства поэтовъ признается, обыкновенно, одинъ (Рамзесъ почувствовалъ опять, что преувеличиваетъ, но и это было нужно). Въ дѣйствительности, ихъ не пересчитать. Ваша любовь навсегда сохранитъ извѣстный характеръ, вложенный въ нее ея началомъ,— нѣкоторую разумную сдержанность, которая лишаетъ ее обычныхъ выраженій. Жакъ говоритъ тебѣ это и объясняетъ очень мило въ своемъ письмѣ.

— Это-то и вызываетъ все еще мои сомнѣнія...

«О, инстинктъ женщины! — подумалъ Рамзесъ. — Насколько онъ выше нашего!»

— И совершенно напрасно, — возразилъ дядя. — Ты сомнѣваешься потому, что не знаешь. Не всѣ же могутъ любить, какъ нашъ Антоній и наша Клеопатра! Своя любовь есть для всякой личности, смотря по расѣ, по семьѣ, по образованію и по времени. Итакъ, твой Жакъ приноситъ покаяніе, и ты убѣдила его, заставила подчиниться супра-разумному режиму, что дѣлаетъ его любовь болѣе интеллектуальной, чѣмъ это бываетъ заурядно. Но въ самомъ его предложеніи ты видишь доказательство тому, что онъ не думаетъ удержать ее въ сферахъ абсолютной чистоты и что онъ отлично понимаетъ всѣ налагаемыя ею обязанности.

Онъ замолчалъ, и ихъ молчаніе длилось нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она проговорила:

— Хорошо, я вѣрю, что онъ любитъ меня. А я-то?...

— Да, дитя мое,— сказалъ Рамзесъ, предчувствуя побѣду,— да, и ты его любишь. И ты любишь его такъ, какъ онъ тебя любитъ, за его умъ, за его сердце, за прямодушіе, за ясность мысли, за доброту и за искренность. Такъ же, какъ онъ, ты воспитана нѣсколько въ сторонѣ отъ привычекъ свѣтскаго общества, поверхностнаго и низменнаго. Какъ же ты хочешь, чтобы цвѣтокъ, выращенный на плодоносной почвѣ, при совершенно особенномъ уходѣ, походилъ на полевой цвѣтокъ? Ты любишь его по-своему, безъ мучительныхъ порывовъ, безъ хваленыхъ «восторговъ», но съ полнотою спокойствія, съ увѣренностью въ счастьѣ, основанной на обоюдной симпатіи людей, которые хорошо знаютъ и понимаютъ другъ друга. При такой увѣренности не можетъ быть мѣста сомнѣнію. А кто увѣренъ въ томъ, что знаетъ правду, тотъ идетъ прямо и спокойно. Иди же смѣло, милое дитя мое, выходи замужъ за

Жака Бревена. Вы будете самыми счастливыми супругами и, когда смерть придетъ ко мнѣ, я буду радоваться тому, что оставляю тебя, гордость души моей, на рукахъ честнаго и надежнаго человѣка. Теперь остается урегулировать нѣкоторыя подробности. Я позову Жака и переговорю съ нимъ. Знай только, что небольшое состояніе, оставленное тебѣ моимъ братомъ, я увеличилъ, насколько могъ. Не надѣясь имѣть дѣтей, я находилъ наслажденіе въ томъ, что воспитывалъ тебя самъ. Въ настоящее время состояніе твоего отца почти утроено. Говорю я это для того, чтобы ты увѣрена была заранѣе въ томъ, что войдешь въ новую семью съ совершенно достаточнымъ багажомъ.

Каро поднялась съ мѣста, ея грудь сильно волновалась. Дѣвушка нагнулась поцѣловать дядю и въ слезахъ упала въ его объятія.

— Дитя,— сказалъ онъ,— меня ты всегда будешь любить?

— Мой Рамзесъ, — воскликнула она, — я бы хотѣла любить Жака такъ же сильно, какъ тебя люблю...

Она ушла и, когда за нею затворилась дверь, Рамзесъ проговорилъ про себя:

— Быть можетъ никогда они не полюбятъ другъ друга... Но счастливы они будутъ. Вся ихъ жизнь будетъ непрерывною иллюзіей любви, самою сладкою жизнью.

МИША.

I.

Въ провинціи очень любятъ говорить «ты» и называть другъ друга уменьшительными именами. «Здравствуй, Костя!» говоритъ сѣдовласый мужъ такому же почтенному сѣдовласому мужу.

Но есть люди, которыхъ всѣ называютъ: «Миша», «Петя», «Ваня». Даже клубный швейцаръ, всегда улыбающійся при видѣ Миши и съ особенной ласковой фамиліарностью принимающій его шинель, хотя и говоритъ: «Здравствуйте, Михаилъ Ардальоновичъ, давно ли изволили пожаловать?»—очевидно въ душѣ говоритъ: «А, Миша, здравствуй! Прилетѣлъ? Молодецъ»!

Миша—душа общества.

Онъ всегда хорошъ, но особенно я люблю видѣть его въ танцовальномъ залѣ уѣзднаго клуба, во время земскихъ собраній, когда пустынныя комнаты клуба наполняются избранной публикой. Мнѣ всегда кажется, что съ приходомъ Миши какъ-то свѣтлѣе и ярче становится въ танцовальномъ залѣ,—и музыка играетъ веселѣе и совсѣмъ по другому ходятъ ноги танцоровъ. «Grand rond, s'il vous plaît! Chaîne chinoise!...»

На губахъ дамъ появляется блуждающая улыбка, кавалеры приходятъ въ бѣшенство,—чрезъ залъ, гостиную, подвергая серьезной опасности старичковъ, наблюдающихъ изъ гостиной за танцами, мимо кухни, гдѣ приготовляется бифштексъ и майонезъ, несется шумная кавалькада, и изъ коридора въ первой парѣ, какъ безумный, вырывается Миша.

Тогда въ обросшихъ мохомъ душахъ старичковъ что-то просыпается, какъ у старой водовозки, когда-то бывшей кавалерійской лошадью, мѣняется аллюръ, когда она услышитъ военную музыку,—и старички шепчутъ на ухо сосѣдкамъ-старушкамъ такія

словечки, отъ которыхъ что-то вродѣ румянца пробивается на набѣленныя старыя щеки и глаза на мгновеніе взглядываютъ на старичковъ тѣмъ вглядомъ, какимъ смотрѣли они сорокъ лѣтъ назадъ.

Въ буфетѣ, куда забѣгаетъ въ антрактахъ Миша, онъ вноситъ такое же оживленіе, какъ и въ танцовальномъ залѣ. «Ну, съ тобой, Миша, надо выпить», говорятъ игроки, поднимаясь изъ-за карточныхъ столовъ. Передъ буфетомъ толпа. Миша глотаетъ рюмки водки, тычетъ вилкой въ закуски и съ набитымъ ртомъ разсказываетъ новости.

Онъ только вчера пріѣхалъ, но уже всѣхъ видѣлъ и все знаетъ. «Пойти, послушать, что тамъ Миша вретъ...»—говорятъ въ гостиной старички, съ завистью слушая взрывы гомерическаго хохота, доносящіеся изъ буфета.

За Мишей бѣгутъ послы отъ дамъ, и въ карточной опять становится скучно и тихо и только топотъ ногъ и неистовые окрики Миши доносятся изъ танцовальнаго зала.

Два часа ночи. Лицо Миши красно, сорочка смокла, галстукъ съѣхалъ на сторону. Миша заглядываетъ за корсажи дамъ, отпускаетъ bons mots и озвѣрѣлымъ голосомъ командуетъ безконечную кадриль-монстръ.

Старичкамъ давно бы уже пора спать, но они все стоятъ со шляпами въ рукахъ въ дверяхъ гостиной,—они не могутъ уйти отъ Мишиной мазурки, какъ не могутъ оторваться отъ воспоминаній своей молодости.

Всѣ устали кромѣ Миши. Онъ провожаетъ Анну Львовну и успѣваетъ возвратиться въ клубъ, гдѣ ждетъ его цѣлая компанія съ ужиномъ, крюшономъ и прочее.

Я всегда изумлялся Мишиной выносливости. Его день былъ наполненъ такимъ огромнымъ количествомъ дѣлъ, что я рѣшительно не понималъ, какъ онъ успѣваетъ передѣлать ихъ.

Пикники на тройкахъ и катанья верхомъ съ Анной Львовной, танцовальный вечеръ у предводителя и карточный у исправника, обѣды, оканчивающіеся ужинами и ужины, дотягивающіеся до утра,—а въ промежуткахъ визиты, холостые завтраки, посѣщенія гастрономическихъ магазиновъ... Миша спитъ 2—4 часа въ сутки, выпиваетъ невѣроятное количество напитковъ и всегда свѣжъ, всегда веселъ и успѣваетъ еще посѣщать засѣданія земскаго собранія, для котораго собственно онъ и пріѣхалъ изъ деревни.

Миша избѣгаетъ коммиссій и не любитъ произносить рѣчей, но тѣмъ не менѣе принимаетъ въ засѣданіяхъ живѣйшее участіе.

Утвердить... Благодарить Петра Ивановича... Просить Ивана Петровича... Просимъ! Просимъ!...

И въ значительной степени благодаря рѣшительнымъ репликамъ Миши, дѣла въ земскомъ собраніи вершались быстро и безъ непріятной проволочки. Его роль въ хрѣновскомъ земскомъ собраніи, какъ и его уѣздныя политическія убѣжденія, въ значительной мѣрѣ опредѣлялись тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ носилъ фамилію Рукавицынъ. Рукавицыны издревле были уѣздными, а иногда и губернскими предводителями дворянства, изъ Рукавицыныхъ рекрутировалась земская управа, мировые судьи, непремѣнные члены въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Когда-то въ Хрѣновскомъ уѣздѣ была оппозиція въ лицѣ Вырижкиныхъ, но Вырижкины давно пошли на пониженіе, а брачные союзы,—между прочимъ, и Миша былъ женатъ на Вырижкиной,—докончили дѣло сліянія двухъ партій.

Въ губернскомъ земскомъ собраніи дѣло обстояло сложнѣе и губернскія убѣжденія Миши,—какъ Рукавицына-консерватора,—были либеральныя... Строго говоря, Миша былъ не либералъ и не консерваторъ, но губернская Анна Львовна держалась либеральныхъ воззрѣній и тотъ членъ губернской управы, у котораго собиралось самое веселое общество, принадлежалъ въ либеральной партіи. Въ губернскомъ собраніи Миша также избѣгалъ коммиссій и не говорилъ рѣчей, но, тѣмъ не менѣе, также былъ замѣтнымъ человѣкомъ. Во время серьезнѣйшихъ дебютовъ онъ умѣлъ отпускать такіе bons mots, отъ которыхъ собраніе приходило въ веселое настроеніе; а такъ какъ притомъ Миша былъ смѣлъ, то онъ часто изображалъ авангардъ партіи, въ которой состоялъ. Миши, впрочемъ, немного побаивались его собственные сторонники, такъ какъ онъ болѣе руководился импульсами своего веселаго сердца, чѣмъ велѣніями трезвеннаго политическаго ума, и нерѣдко говорилъ вещи, не входившія въ программу его партіи. Поэтому друзья, выпуская его въ качествѣ летучаго отряда, предупреждали: «ты полегче, Миша!» Впрочемъ, въ дѣлахъ, касавшихся «Рукавицинскаго» уѣзда, какъ называли Мишинъ уѣздъ въ губернскомъ собраніи, Миша оставался Рукавицынымъ и ярымъ патріотомъ.

Пребываніе Миши въ губернскомъ городѣ сопровождалось тѣми же обѣдами и ужинами, раутами и балами, пикниками и Анной Львовной, оживленіемъ мѣстной бакалейной и гастрономической промышленности и въ большинствѣ случаевъ оканчивалось какой-нибудь исторіей изъ числа тѣхъ, которыя разсказываютъ дѣтямъ

только старѣйшихъ возрастовъ, или необыкновеннымъ, совершеннымъ Мишей въ буфетѣ туръ де форсомъ, разсказы о которомъ гласные развозили по своимъ уѣздамъ.

Миша вообще не чуждался гражданскихъ обязанностей. Онъ «съ честью», какъ принято говорить въ Рукавицынскомъ уѣздѣ, трехлѣтіе несъ обязанности непремѣннаго члена, а два трехлѣтія былъ членомъ земской управы—по дорожной части; вѣроятно, служилъ бы и болѣе, еслибъ не произошло нѣкотораго замѣшательства въ Мишиныхъ отчетахъ по части сооруженія мостовъ и гатей и не прозвучало неслыханное въ Рукавицынскомъ уѣздѣ слово «растрата». Исторія окончилась для Миши безъ особыхъ непріятностей, тѣмъ не менѣе онъ обидѣлся и болѣе не баллотировался на выборныя должности.

Миша красивъ и имѣетъ большой успѣхъ у дамъ. Росту онъ какъ слѣдуетъ, не полонъ, такъ какъ танцы, пикники, охота и вѣчное движеніе не позволяютъ ему нагуливать жиру, и не худъ, такъ какъ постоянно куда-нибудь тычетъ вилкой и что-нибудь жуетъ. У него недурно сохранившіеся волосы и зубы и особенная походка «balancez s'il vous plaît». Вообще у Миши все какъ слѣдуетъ, но есть и нѣкоторыя особенности. Во-первыхъ, удивительно подвижныя, сочныя и красныя, удобныя для поцѣлуевъ губы. Если онѣ не говорятъ bons mots и не хохочутъ, то что-нибудь жуютъ, если не жуютъ, то свистятъ—и даже ночью, въ короткій Мишинъ сонъ, какъ-то причмокиваютъ и немножко подсвистываютъ; потомъ необыкновенной вмѣстительности и эластичности желудокъ, приспособленный по Дарвину рядомъ поколѣній и, наконецъ, бездонной ясности выпуклые глаза, по которымъ видно, что ни червь сомнѣнія, ни облако раздумья никогда не заглядывали въ Мишину душу.

Сказать, что Миша дуракъ, значитъ совсѣмъ не понимать его. Правда, онъ не «утомленъ высшимъ образованіемъ» и не удрученъ чрезмѣрными знаніями, но никоимъ образомъ не глупъ. Онъ даже не лишенъ нѣкоторой талантливости,—не дурно поетъ: «нѣмки, испанки и итальянки», можетъ сыграть на рояли по слуху любой опереточный мотивъ, владѣетъ даже риѳмой и знаменитъ въ уѣздѣ своими подражаніями Баркову, а скабрезные анекдоты разсказываетъ съ такою экспрессіей, что мужчины покатываются отъ хохота и выпиваютъ по лишней бутылкѣ вина, а дамы бьютъ Мишу вѣерами по рукамъ и говорятъ: «Вы невозможны, Мишель!»

II.

Лѣтъ 15 назадъ, когда я зналъ Мишу, онъ жилъ въ деревнѣ и нисколько не претендовалъ на службу по выборамъ. «Представительство» поглощало много Мишиныхъ денегъ сверхъ жалованья. Да и никогда жалованье не служило источникомъ жизни для него, а въ тѣ времена кормили его пустоши и тетушки. Миша стремился округлять свое имѣніе и любилъ говорить, что имѣніе должно быть какъ въ кулакѣ, причемъ онъ разжималъ и сжималъ ладонь, поэтому ненужныя и вредныя пустоши продавалъ хозяйственнымъ мужичкамъ.

Деньги съ пустышей онъ употреблялъ на внутреннія потребности хозяйства, пристраивалъ къ своему дому флигель для пріѣзжающихъ пріятелей или начиналъ строить винокуренный заводъ, который долженъ былъ въ будущемъ освободить Мишу отъ власти скупщиковъ хлѣба. Зданія не всегда увѣнчивались крышами, но имѣніе успѣшно округлялось.

Мишины тетушки умирали удивительно во̀-время, когда Мишѣ было необходимо «встряхнуться» поѣздкой въ Москву и Петербургъ или уладить какую-нибудь городскую «исторію», и тетушкины наслѣдства шли на удовлетвореніе, такъ сказать, внѣшнихъ потребностей Миши,—не вытекавшихъ непосредственно изъ нуждъ хозяйства.

Все сказанное никоимъ образомъ не значитъ, чтобы Миша не занимался хозяйствомъ,—наоборотъ, и въ деревнѣ онъ проявлялъ такую же кипучую дѣятельность, какъ и въ городѣ.

Помню, какъ-то разъ въ разгаръ уборки яровыхъ хлѣбовъ, мнѣ вздумалось провѣдать Мишу. Пробираясь межниками, я еще издали замѣтилъ его, носившагося на конѣ между полями овса, гречихи и проса. Онъ также увидѣлъ меня и, красный и потный, подлетѣлъ къ моимъ дрожкамъ.

— Вотъ милая душа! Какъ разъ къ завтраку,—привѣтствовалъ онъ меня.

— Я тебѣ не помѣшаю, Миша?—отвѣтилъ я, обезпокоенный дѣловымъ его видомъ.

— Ну вотъ еще... Радъ-радёшенекъ. Я, вѣдь, съ ранняго утра съ мужиками все ругаюсь.

Пока мы ѣхали къ дому, Миша занималъ меня философско-хозяйственными сентенціями.

— Самая у меня теперь горячка. День дорогого стоитъ... Тутъ не догляди... Покойница бабушка всегда говорила: «свой глазокъ—смотрокъ...»

И только при видѣ дома нѣсколько веселѣе выговорилъ:

— Какая, братецъ ты мой, у меня марсала! Пріятель мнѣ изъ Питера прислалъ, — какъ-то они моремъ безъ пошлины получаютъ, — я тебѣ скажу марсала! Вотъ увидишь!

Мы завтракали вдвоемъ. Юліи Валерьяновнѣ—Мишиной женѣ— нездоровилось и она не выходила къ завтраку. Миша былъ очень оживленъ и веселъ, разсказывалъ свои хозяйственные планы,—онъ собирался строить мельницу,—и усердно угощалъ марсалой, оказавшейся дѣйствительно превосходной. И все-таки мнѣ было какъ-то жаль Мишу, и когда онъ еще разъ повторилъ: «это вѣрно,—свой глазокъ—смотрокъ», я совершенно невольно выговорилъ:

— Знаешь, что, Миша? Брось, поѣдемъ на зайцевъ! Заѣдемъ за Ольгой Ѳедоровной, Вѣрой Петровной. Петьку Голохвостова захватимъ, Ваню Ознобина...

Миша минуточку помолчалъ и отвѣтилъ мнѣ рѣшительнымъ и даже сердитымъ голосомъ:

— Ну, ужъ извини, только не Ваньку... Этого мерзавца я какъ-нибудь нагайкой взлуплю.

Я сконфузился, такъ какъ совершенно забылъ, что въ послѣднее земское собраніе у Миши съ Ваней случился какой-то скандалъ, чуть не кончившійся рукопашными дѣйствіями. Миша, впрочемъ, самъ вывелъ меня изъ неловкаго положенія.

— Развѣ князька взять?

Въ нашихъ мѣстахъ незадолго передъ тѣмъ появился молодой князь, посланный отцомъ изъ полка на хозяйство.

— Хвастался онъ мнѣ своими гончими... Ну-ка, посмотримъ!— закончилъ Миша съ загорѣвшимися глазами, но тотчасъ же снова омрачился.

— Знаешь, Юлія, вѣдь, на послѣдяхъ...

— Да ты акушеръ, что ли?—попробовалъ я возразить.

— Оно положимъ... — Мое возраженіе видимо понравилось Мишѣ.

— Тѣмъ болѣе, я предупредилъ Ѳедора Николаевича,—нашъ земскій врачъ.

Наши затрудненія рѣшила Юлія Валеріановна, неожиданно явившаяся къ концу завтрака.

— Вы зовете Мишу на охоту? Вотъ спасибо вамъ! Миша такъ измучился,—все въ полѣ, съ мужиками... Ему непремѣнно нужно встряхнуться...

— Но, Юлечка...—пробовалъ сопротивляться Миша, цѣлуя руку жены.

— Вотъ пустяки какіе... Я подожду, Миша!—съ прелестною улыбкой закончила Мишины сомнѣнія Юлія Валеріановна.

Всѣ распоряженія были немедленно сдѣланы. Нарядчика пришлось отозвать отъ работъ, такъ какъ онъ завѣдывалъ гончими, нѣсколько работниковъ верхами были разосланы къ земскимъ пріятелямъ: заблаговременно въ ту пустошь, гдѣ предполагалась охота, былъ отправленъ возъ съ провизіей и марсалой, и въ раннее веселое августовское утро мы двинулись на охоту.

Хорошъ Миша, окруженный собаками въ своей черкескѣ, стянутой серебрянымъ поясомъ, верхомъ на золотисто-рыжемъ карабахѣ, хотя и старомъ,—еще отецъ Миши ѣздилъ,—но и теперь еще горячемъ и, какъ заяцъ, прыгающемъ чрезъ канавы и ручьи.

Красиво несется Миша чрезъ поля и перелѣски, топчетъ свое и чужое поле проса, гикаетъ и трубитъ въ рогъ, и я любуюсь имъ, какъ любовался въ танцовальномъ залѣ.

Охота была удачна и обѣдъ на полянѣ, окруженной зелеными дубками, прошелъ очень оживленно. Дѣло не обошлось, впрочемъ, безъ инцидентовъ. Князекъ,—къ слову сказать, побѣжденный Мишиными гончими,—послѣ разсказовъ о своей охотѣ на кабановъ на Кавказѣ, вздумалъ показывать казацкую джигитовку и вывихнулъ ногу, почему и былъ отправленъ домой въ сопровожденіи— въ качествѣ сестры милосердія—Вѣры Петровны. Петька Голохвостовъ приналегъ на марсалу и по своему обычаю уснулъ подъ дубомъ тяжкимъ сномъ, а съ Мишей произошелъ совершенно неожиданный казусъ. Онъ заблудился послѣ обѣда въ лѣсу съ Ольгой Ѳеодоровной и уже подъ утро вышелъ въ ея усадьбу, а такъ какъ въ этотъ день Ольга Ѳеодоровна должна была уѣзжать въ Ялту, то Миша и отправился проводить ее до Ельца, гдѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ нужно было остановиться на нѣсколько дней. Спутница прослѣдовала далѣе, а Миша остался въ Ельцѣ, такъ какъ тамъ была оперетка и оказались недурные «сюжеты». Онъ не засидѣлся, впрочемъ, черезъ двѣ недѣли вернулся домой и ни къ чему не опоздалъ. Добрая Юлія Валеріановна подождала и родила какъ разъ ночью въ день пріѣзда Миши, а еще черезъ двѣ недѣли мы весело праздновали рожденіе новаго Миши.

Я опоздалъ и пріѣхалъ къ концу обѣда, когда Юлія Валеріановна приготовляла крюшонъ, а Миша разсказывалъ о своей поѣздкѣ въ Елецъ. Эта поѣздка оказалась совсѣмъ не такъ проста, какъ мы, знакомые, думали. Миша хотѣлъ вызнать цѣны на хлѣбъ и произвелъ блестящую финансовую операцію. Отъ какого-то маклера,—послѣ хорошаго крюшона,—онъ узналъ важную коммерче-

скую тайну, что въ Индіи громадный урожай хлѣбовъ и что цѣны на хлѣбъ падутъ, а поэтому во-время, хотя и не особенно дорого, запродалъ весь урожай.

Милая Юлія Валеріановна! Она принадлежала къ тому—увы!—вымирающему племени женъ, которыя имѣютъ очи видѣть и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ! Она была влюблена какъ въ день свадьбы, вся сіяла отъ счастья видѣть своего Мишу, смѣялась, когда онъ смѣялся, и влюбленными глазами слѣдила за нимъ, когда онъ разговаривалъ съ другими.

— Юлечка, ты прольешь крюшонъ!—долженъ былъ напоминать ей Миша.—Прибавь немного монахорумъ...

Петька Голохвостовъ смотрѣлъ изумленными глазами на своего пріятеля и, повидимому, раздѣлялъ восторгъ Юліи Валеріановны Мишей.

— Вонъ ты какой, Миша! Въ Индію...—въ раздумьи говорилъ онъ.—А какъ урожай на Зеленомъ Островѣ? Не слыхалъ?

Миша не обратилъ никакого вниманія на Петькину реплику и оживленно продолжалъ:

— Знаешь, Юлечка, кого я встрѣтилъ въ опереткѣ? Аглазову, помнишь, маленькая блондинка?

— Ахъ, помню, помню... Она такая миленькая, и голосокъ у нея славный... Какъ она теперь одѣвается?

— Вы спрашиваете, Юлія Валеріановна, какъ она раздѣвается?—вмѣшался Петька, успѣвшій дойти до градуса.

Инцидентъ прошелъ благополучно. Миша назвалъ своего друга шутомъ гороховымъ, а Юлія Валеріановна погрозила Петѣ за его глупости поставить въ уголъ и лишить крюшона.

— Знаете,—обратилась она къ сидѣвшей рядомъ Ольгѣ Ѳедоровнѣ,—Миша такой глупый, понавезъ мнѣ Богъ знаетъ чего! Двѣ шляпки, ротонду... И потомъ въ Ельцѣ была распродажа магазина, и Миша купилъ цѣлое дѣтское приданое, и представьте!—она любовными глазами взглянула на Мишу,—словно напередъ зналъ,—все съ голубенькими бантиками!

Миша и къ работамъ не опоздалъ. Шла молотьба, и послѣ обѣда онъ водилъ насъ по своимъ ригамъ и при этомъ приговаривалъ: «Тутъ пропусти время, не досмотри... Покойница бабушка всегда говорила: свой глазокъ—смотрокъ!»

Мнѣ пришлось покинуть Хрѣновскій уѣздъ и на нѣкоторое время потерять Мишу изъ виду. Я зналъ, что дѣла его плохи, что онъ продалъ имѣніе, а также уѣхалъ изъ уѣзда. Слухи о немъ долетали случайно, изрѣдка. Кто-то увѣрялъ, что видѣлъ Мишу чи-

новникомъ въ таможнѣ на австрійской границѣ, одинъ знакомый встрѣтилъ его начальникомъ маленькой желѣзнодорожной станціи гдѣ-то на югѣ и даже разговаривалъ съ нимъ, потомъ разсказывали, что онъ воротился въ уѣздъ и служитъ земскимъ страховымъ агентомъ за 600 рублей жалованья.

Года четыре назадъ мнѣ пришлось побывать въ Мишиной губерніи. Пыль, жара и тоска іюльской губернской улицы загнала меня въ городской лѣтній садъ. Тамъ было пусто и только у буфета стоялъ полный господинъ, что-то закусывалъ и болталъ съ буфетчикомъ. Подхожу ближе,—оказывается Миша. Мы очень обрадовались и по случаю свиданія заняли въ саду укромный столикъ и спросили бутылку вина.

Миша выглядѣлъ такимъ же молодцомъ, только немного растолстѣлъ, какъ-то рязмякъ и слишкомъ скоро сталъ пьянѣть. Я узналъ, что онъ получилъ наслѣдство,—небольшое имѣньице отъ тетушки, о существованіи которой и не подозрѣвалъ,—и опять служитъ, хотя и не по выборамъ.

— Ну что, Миша, какъ дѣла въ деревнѣ? — полюбопытствовалъ я.

— Какъ тебѣ сказать... Главное—непочтеніе къ родителямъ...

Вѣроятно, мое лицо изобразило изумленіе, такъ какъ Миша поспѣшилъ разъяснить:

— По фабрикамъ стали шляться... Вернется мальчишка и начнетъ фордыбачить передъ отцомъ съ матерью... Ну, вспрыснутъ разъ-другой,—смотришь, парень парнемъ. Старики вотъ какъ благодарятъ!

Видя, что мое изумленіе не кончается, Миша продолжалъ объяснять далѣе:

— Нельзя, братецъ... Дѣлиться стали, раззоръ. У меня какой случай вышелъ... Помнишь Никифора, что у меня нарядчикомъ служилъ? Первый домъ въ волости, еще старики у насъ въ бурмистрахъ ходили. Такъ, видишь, бабенка въ домъ затесалась, средняго сына жена. Такая язва, — дѣлиться да дѣлиться... А мужъ разиня, бабу слушаетъ. Ну, я увѣщевалъ, увѣщевалъ, а потомъ не утерпѣлъ...

— Ты полегче, Миша!—какъ-то невольно вырвалось у меня,—какъ бы...

Миша вдругъ неизвѣстно почему разсердился.

— Разъ я призванъ... Долженъ же я стоять на стражѣ!

— Плюнь, Миша!—сталъ я успокоивать его.—И охота тебѣ!

Только себя разстраиваешь... Лучше разскажи, какъ семья, что Ольга Өедоровна?

Миша сразу повеселѣлъ и сдѣлался тѣмъ же милымъ Мишей, какимъ я зналъ его прежде.

— Въ театрѣ билеты продаетъ Ольга Өедоровна... Ремонтеръ тутъ пріѣзжалъ, въ три мѣсяца обработалъ—до нитки. Постарѣла, братъ, Ольга Өедоровна и, говорятъ, попиваетъ.

— Ну, а Петька Голохвостовъ?—вспомнилъ я.—Живъ? Употребляетъ монахорумъ?

Миша расхохотался.

— Вотъ комикъ! Представь, вздумалъ пьянство искоренять въ своемъ участкѣ! Цѣлая теорія... Онъ говоритъ, что мужикъ пить не умѣетъ,—не закусываетъ. Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ вредно?—съ серьезнымъ видомъ вставилъ Миша.—Ну, такъ вотъ и внушаетъ: пей, говоритъ, да закусывай...

Мишино лицо омрачилось...

— Свинья Петька! Какой онъ у насъ скандалъ устроилъ, не слыхалъ? Какъ еще въ газеты не попало... Было у насъ, видишь ли, собраніе, а послѣ, конечно, обѣдъ. Графъ рѣчь говорилъ... Знаешь графа Сазонова? Петербургскій человѣкъ,— хорошо говоритъ. Вдругъ Петька отвѣчать. А ужъ ко второму блюду нализался. «Изволили, говоритъ, слышать, графъ, зубры есть въ Бѣловѣжской пущѣ? И сѣно казенное отпускаютъ, а все дохнутъ...» Мы всѣ какъ обалдѣлые, а онъ прибавляетъ: «И овса отпустятъ, все равно передохнутъ»... То-есть, я тебѣ скажу, скандалище невиданный. Графъ разсердился, вышелъ изъ-за стола,—я совсѣмъ было бить Петьку. А онъ, какъ съ гуся вода,—еще оправдывается. Ученые говорятъ, это климатъ, атмосферическія вліянія, тутъ ужъ никто не виноватъ...

Миша опьянѣлъ и раскисъ и послѣ долгаго молчанія раздумчиво выговорилъ:

— Да, братъ, зубры,—что подѣлаешь?... Вонъ, вонъ,—оживился Миша, указывая на прошмыгнувшаго мимо насъ велосипедиста.—Вѣришь ли, видѣть не могу. Велосипедъ... Помнишь моего карабаха? Ве-ло-си-педъ! — презрительно процѣдилъ Миша сквозь зубы.

III.

Было бы большою несправедливостью сказать, что Миша дурной человѣкъ, а между тѣмъ это говорятъ, и на Мишѣ накопилось столько обвиненій, что я чувствую себя немного подавленнымъ ими.

Тѣмъ не менѣе я хочу попробовать реабилитировать Мишу.

Прежде всего Мишу корятъ его родствомъ. Хлестаковъ приходится ему двоюроднымъ дядей по матери, а уѣздная скандальная хроника гласитъ, будто Миша въ дѣйствительности совсѣмъ и не Рукавицынъ, такъ какъ бабушка его жила съ Ноздревымъ, а не съ дѣдушкой Рукавицынымъ, и что Мишинъ отецъ только записанъ Рукавицынымъ. Не говоря уже о невиновности Миши въ бабушкиныхъ грѣхахъ, самое это родство совсѣмъ не такъ зазорно, какъ думаютъ учителя русской словесности.

Что такое, если разобрать по-человѣчеству, Хлестаковъ и Ноздревъ? Прежде всего люди, такъ сказать, «безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія«,—обстоятельство, какъ извѣстно, играющее большую роль при постановкѣ судебнаго приговора. Я скажу больше: это—люди мечты, вдохновенія, и притомъ въ значительной степени безкорыстнаго. Когда Иванъ Александровичъ разсказываетъ о тридцати тысячахъ курьерахъ и о дружескихъ отношеніяхъ съ иностранными посланниками, или его сводный братъ зеленофрачный незнакомецъ мистеръ Дженгли живописуетъ Пикквикистамъ свои испанскія новеллы, — развѣ это не мечта, не вдохновеніе? Тутъ чувствуется фантазія, нѣчто беллетристическое, и если Хлестаковъ ничего не писалъ, кромѣ водевилей, то только потому, что его не просили и что онъ жилъ въ тѣ времена, когда въ большемъ употребленіи были гусиные потроха, чѣмъ гусиныя перья.

За Ноздревымъ самъ Гоголь признавалъ вдохновеніе въ той знаменитой сценѣ, когда полицейскій чинъ такъ некстати помѣшалъ Ноздреву оставить черешневымъ чубукомъ вещественные знаки на великолѣпномъ подбородкѣ Чичикова. Только Гоголь сравниваетъ тамъ Ноздрева съ поручикомъ, рвущимся въ битву, и тѣмъ совершаетъ вопіющую несправедливость. Почему съ поручикомъ, а не съ генераломъ? Я смѣю утверждать, что у Ноздрева чисто-генеральская повадка, и думаю, что *Исторіи* Иловайскаго потеряли бы значительную долю своей занимательности, еслибъ всѣ подвиги Ноздревыхъ были исключены изъ нихъ. А другіе пустяки, которые лежатъ на репутаціи Ноздрева, собственно говоря, не стоило бы и опровергать. Насчетъ шашки, напримѣръ, очутившейся не на своемъ мѣстѣ... Вы, читатель, винтите? Или финансовыя операціи Ноздрева съ кобельками, шарманкой и бричкой... Нѣчто аналогичное представляетъ петербургская биржа. Что же касается нѣкоторой невоздержности на руку, то исторически достовѣрно, что и собственные баки Ноздрева не всегда обрѣтались въ авантажѣ и потомъ весьма нерѣдко его рукопашныя мѣропрі-

ятія являлись только актомъ самообороны, т.-е. актомъ ненаказуемымъ.

Въ сущности оба они—и Ноздревъ, и Хлестаковъ—веселые общительные люди. Правда, они врутъ и довольно много, но нѣсколько излишняя подвижность мысли, которую принято называть враньемъ,—явленіе довольно распространенное.

Перехожу къ обвиненіямъ, лежащимъ на самомъ Мишѣ.

Люди, близко знающіе его, утверждаютъ, что онъ лишенъ чувства собственнаго достоинства, и на основаніи нѣкоторыхъ біографическихъ данныхъ говорятъ, что онъ въ сущности рабъ и если расходуетъ плети, то такъ же безропотно принимаетъ ихъ и на свои плечи. Я молчу, но, любезный читатель, взываю къ твоей совѣсти: ты-то? Между нами говоря, самъ-то ты? Далѣе говорятъ, что Мишины понятія о морали смутны и, какъ примѣръ, указываютъ, что отношенія Миши къ женщинамъ слишкомъ элементарны и, такъ сказать, зоологичны, а являющіяся результатомъ этихъ элементарныхъ отношеній дѣти пользуются не бòльшимъ вниманіемъ, чѣмъ на низшихъ зоологическихъ ступеняхъ. Мнѣ говорили, что одинъ сынъ Миши воспитывается въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, дочь оканчиваетъ курсъ воспитанія въ бѣлошвейномъ заведеніи нашего губернскаго города, а о многихъ Мишиныхъ дѣтяхъ никому ничего неизвѣстно. Я слышалъ, читатель, что ты самъ «падаешь», но не ушибаешься и не прочь пустить камнемъ въ «упавшую», и навѣрное у тебя двѣ морали: одна для женскаго пола, а другая для мужского,—насчетъ же дѣтей... я не хочу, мой милый читатель, тревожить твой мирный сонъ добродѣтельнаго человѣка нѣкоторыми воспоминаніями изъ твоего прошлаго.

Я совсѣмъ не желаю кому бы то ни было читать мораль и хотѣлъ только показать, любезный читатель, что вы не должны винить Мишу уже по тому одному, что онъ принадлежитъ къ вашему обществу,—я надѣюсь, вы человѣкъ «общества»,—и что если захотите, вы, вѣроятно, даже отыщете не особенно далекія родственныя связи съ Мишей.

Мишу упрекаютъ, что онъ не создаетъ цѣнностей, а только потребляетъ ихъ, и длинный списокъ прожитыхъ имъ тетушкиныхъ имѣній предъявляютъ, какъ обвинительный актъ. Я не говорю, что хорошо жать, не сѣявши, и потреблять, не создавая, но думаю, что едва ли лучше въ общественномъ смыслѣ созданіе цѣнностей при помощи покровительственныхъ пошлинъ, т.-е. путемъ принудительныхъ займовъ изъ твоего, читатель, кармана,

какъ то практикуетъ наша русская, съ позволенія сказать, промышленность. Наконецъ, существуетъ довольно распространенная легенда, будто Миша на руку не чистъ. Я долженъ сознаться, что легенда покоится на нѣкоторыхъ реальныхъ основаніяхъ, но освѣщеніе ей придается невѣрное. Миша не воруетъ, а только учиняетъ растраты и беретъ въ долгъ безъ отдачи. Притомъ то и другое Миша дѣлаетъ обыкновенно безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, безъ эгоистической цѣли приумноженія капиталовъ, и всѣ эти Мишины операціи не носятъ никакого систематическаго, такъ сказать, промышленнаго характера. Просто ему нужны были деньги, когда онъ проходилъ мимо незапертаго кассоваго сундука, или случайно забылъ бумажникъ дома, когда отправлялся съ вами въ загородный ресторанъ.

Миша совсѣмъ не скупъ, не жаденъ и не дорожитъ деньгами. Приходите къ нему на другой день послѣ «инцидента», какъ принято теперь называть исторіи съ кассовыми сундуками, и скажите: «нужно денегъ, Миша! До зарѣзу...» — будьте увѣрены, если онъ не успѣлъ уже наканунѣ все спустить, онъ откроетъ бумажникъ и скажетъ: «бери»...

Миша вообще превосходный товарищъ и въ подобныхъ случаяхъ доходитъ даже до великодушныхъ порывовъ, что и засвидѣтельствовано на скрижаляхъ исторіи, какъ, напримѣръ, въ сербскую и болгарскую войны, въ возникновеніи которыхъ онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе.

Я потому такъ долго остановился на роднѣ Миши, что его часто называютъ то Ноздревымъ, то Хлестаковымъ, не замѣчая, что тотъ и другой слишкомъ узки для Миши, который давно и по справедливости носитъ кличку «широкой русской натуры».

Мишу вообще не понимаютъ и потому часто бранятъ, а между тѣмъ понять его очень легко.

Въ его характерѣ есть одна черта, которая объясняетъ очень многое, если не все. Миша не понимаетъ закона, не понимая, не признаетъ, а не признавая, не исполняетъ. Онъ знаетъ, конечно, что существуютъ законы, но что есть вообще законъ, онъ не слыхалъ. Законы же онъ представлялъ себѣ вродѣ перегородокъ въ его конюшнѣ, устроенныхъ для того, чтобъ игреневый не лягалъ чалаго, а чалый не запускалъ морды въ овесъ гнѣдого, но такъ какъ Миша былъ владѣльцемъ конюшни, а не караковымъ жеребцомъ, то и былъ вполнѣ увѣренъ, что законы писаны не для него, т.-е. не исполнялъ ихъ.

Потомъ законы жили въ городахъ, а въ городъ Миша ѣздилъ

за балыкомъ, ямайскимъ ромомъ и жуковскимъ табакомъ, а не за законами. Если они и встрѣчались ему на дорогѣ, то сворачивали въ сторонку, и Мишина тройка проѣзжала безпрепятственно. Вплоть до очень недавняго времени къ вопросу о законности Миша относился равнодушно, а къ законамъ скорѣе даже доброжелательно; но когда законъ незваный-непрошеный явился къ нему въ деревню, сталъ постоянно вертѣться передъ глазами и невѣжливо кричать: «я законъ»,—Миша возненавидѣлъ его.

Это такъ просто и понятно. Миша издревле выбиралъ костюмы широкіе, нигдѣ не жмущіе,—шубы, охабни, азямы, халаты, шаровары, поддевки, валенки и прочее,—когда его вздумали одѣвать въ узкое нѣмецкое платье, онъ запротестовалъ и обозлился. Это такъ естественно.

Не утѣсняемый законами и не дрессируемый узкими нормами общежитія, Миша въ довольно чистомъ видѣ донесъ изъ глубины вѣковъ тѣ особенности своей натуры, которыя характеризуютъ, такъ сказать, зоологическую стадію человѣческаго развитія, и не виновенъ уже по тому одному, что элементъ безсознательнаго, присущій этой стадіи, играетъ очень большую роль въ его жизни.

У Миши нѣтъ идей, а есть ощущенія, а такъ какъ при этомъ у него отсутствуютъ задерживающіе центры, то онъ моментально исполняетъ то, что велитъ ему желудокъ, печень, геморрой. Поэтому, когда у него заподозрѣваютъ опредѣленное міросозерцаніе или начинаютъ упрекать его въ отсутствіи чувства долга, сознанія обязанности,—то совершаютъ крупную несправедливость и плодятъ недоразумѣнія вродѣ смѣшиванія ощущеній съ понятіями и убѣжденій съ инстинктами.

Мишина душа—tabula rasa, на которой жизнь пишетъ все, что ей вздумается, и не его вина, если весьма часто одни порнографическіе эскизы или, такъ называемыя, «наглядныя несообразности»— дѣтскія картинки, на которыхъ нарисованы деревья и предлагается отыскать: «гдѣ корова»? Я возьму другое сравненіе, болѣе вѣрное и въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ: Мишина душа— вродѣ его желудка—пустой и очень вмѣстительный сосудъ, въ который можно лить вина въ неограниченной смѣси безъ опасенія переполнить его и вызвать какую-нибудь реакцію со стороны организма.

Миша не нарушаетъ законовъ, а только не исполняетъ ихъ, и за отсутствіемъ идей и понятій руководствуется въ своей жизни не писанными законами и не распространенными догмами морали, а свободными интуиціями своей натуры. «Мое» онъ хотя еще и

смутно понимаетъ, поскольку оно есть ощущеніе, «твое» онъ рѣшительно не понимаетъ, такъ какъ это уже въ значительной мѣрѣ понятіе. Мишинъ желудокъ хочетъ кулебяки и многихъ рюмокъ водки, Мишины глаза видятъ красивую женщину, Мишинъ языкъ любитъ сквернословить, Миша любитъ кататься на тройкахъ и ощущать присутствіе въ карманѣ ста рублей... Если при этомъ онъ нарушаетъ «твое»,—право другого,—то все-таки онъ не является преступникомъ.

Говорятъ, для состава преступленія нужна злая воля. Когда гимназистъ не выучитъ урока изъ Юлія Цезаря, я понимаю, что у него злая воля, и понимаю, что, помимо опасности создавать зрѣлыхъ гражданъ безъ аористовъ и основательнаго ознакомленія съ мѣропріятіями Верцингеторикса, нужно вообще искоренять изъ гимназіи злую волю и проявляющихъ таковую гимназистовъ исключать; но когда моего кучера Хамидуллу Нигматуллина начинаютъ винить за то, что онъ не говоритъ по-англійски,—я отказываюсь понимать. Всю жизнь Миша былъ вольный сынъ эѳира, испоконъ вѣковъ не зналъ ни тѣснаго платья, ни узкихъ перегородокъ, всегда имѣлъ столько тетушекъ, что могъ только потреблять ихъ имѣнія, на охотѣ всегда видѣлъ только зайца, а не случайныя межи, черезъ которыя тотъ прыгалъ, наконецъ, кругомъ его были только истинно-русскіе люди и никто не училъ его англійскому языку,—и его же во всемъ обвиняютъ: и въ отсутствіи техническихъ и агрономическихъ талантовъ, и въ отсутствіи системы и правилъ, и въ недостаткѣ уваженія къ чужимъ межамъ, и что, наконецъ, онъ не говоритъ по-англійски.

Я спрашиваю: гдѣ у Миши злая воля? У него даже не воля, а простое хотѣніе. У паука, который плететъ паутину и устраиваетъ потребные ему тарифы и пошлины для легкомысленныхъ мухъ,—есть воля и довольно злая; но у кита, который плаваетъ по морю разиня ротъ въ чаяніи, что тамъ что-нибудь застрянетъ,—у него только одно хотѣніе и широкій ротъ. Я даже самому Мишѣ не вѣрю, когда онъ взводитъ на себя обвиненія: «все отвергалъ—законы, совѣсть, вѣру...»,— и прекрасно помню, что это было въ три часа ночи, послѣ ужина въ англійскомъ клубѣ.

IV.

Люблю я Мишу. За то именно люблю, что въ немъ такъ много русскаго, истинно-русскаго. Знаю Мишу, очень хорошо знаю и, все-таки, люблю, какъ все русское: ботвинью, окрошку, блины,

пельмени. Я часто платился за эту любовь, а въ холерное время даже пострадалъ было, и тѣмъ не менѣе при одной мысли о блинахъ, какъ и при воспоминанiи о Мишѣ, испытываю весьма прiятныя эмоцiи. Говорятъ, Миша неудобенъ для общежитія, но самый мужественный желудокъ возмутится противъ ежедневнаго меню: ботвинья, окрошка, винигретъ, тюря... Выводъ одинъ. Упомянутыя блюда нужно употреблять въ умѣренномъ количествѣ и не въ холерное время, а Мишу не слѣдуетъ ставить въ несоотвѣтствующее положенiе, какъ не слѣдуетъ комика выпускать на трагическое амплуа или дальтониста, не могущаго различить цвѣтовъ, машинистомъ на поѣздъ.

Причины Мишиныхъ неудачъ въ деревнѣ,—онъ совсѣмъ покинулъ свой уѣздъ,—объясняютъ различно. Поэты говорятъ, что для такого пышнаго цвѣтка нужна оранжерейная атмосфера, какой являлась дореформенная Россiя, — тотъ питательный бульонъ, какъ выражаются врачи - прозаики, на которомъ получились особенно роскошныя колонiи Мишъ. Существуютъ попытки объяснить дѣло совсѣмъ просто,—тѣмъ, что всѣ Мишины тетушки перемерли, а на ихъ мѣсто родились банки, и что эти новыя тетушки оказываютъ Мишѣ воспособленiя на менѣе льготныхъ условiяхъ, чѣмъ покойницы—старыя. Такъ или иначе, но фактъ вѣренъ,—Миша покинулъ деревню и, повидимому, окончательно.

Я жалѣю объ этомъ, — тихо и пусто будетъ въ уѣздѣ безъ Миши. Замолкнутъ звуки охотничьихъ роговъ, не будутъ носиться надъ полями чудные переливы колокольчиковъ чудной Мишиной тройки, поблѣднѣетъ отдѣлъ «происшествiй», такъ оживлявшихъ уѣздную жизнь, пострадаетъ мѣстная бакалейная и гастрономическая промышленность, дамы съ горя будутъ продавать казенную водку, а уѣздные клубы закроются и обратятся въ постоялые дворы, гдѣ будутъ останавливаться «батюшки», прiѣзжающiе изъ деревень за покупками для храмового праздника, изрѣдка сельскiе учителя съ мечтой получить жалованье, да страховые агенты для опредѣленiя пожарныхъ убытковъ.

И скучно будетъ въ уѣздѣ. Я знаю, Мишино мѣсто не будетъ пусто. По его полямъ будетъ ѣздить на велосипедѣ другой Миша, тотъ, который въ просторѣчiи называется саврасъ; но это будетъ нѣчто болѣе тупое, жестокое, не такое колоритное и совсѣмъ лишенное поэзiи, какъ велосипедъ въ сравненiи съ доброй верховой лошадью. Настоящiй Миша умѣлъ жить въ деревнѣ, какая-ни-какая у него была культура, а саврасъ будетъ думать, что культурой называется новая арфистка, прiѣхавшая изъ Парижа къ мо-

сковскому Омону, и, ликвидировавши цѣнности, не ликвидированныя Мишей, уѣдетъ къ омоновской культурѣ.

Послѣ встрѣчи въ губернскомъ городѣ Миша какъ въ воду канулъ. Я зналъ, что онъ оставилъ службу—и покинулъ уѣздъ. Съ тѣхъ поръ о немъ не было ни слуху, ни духу. Онъ даже ни у кого изъ знакомыхъ не просилъ денегъ взаймы, что лишало всякой возможности имѣть о Мишѣ свѣдѣнія.

Совершенно случайно я открылъ Мишины слѣды въ Петербургѣ во время моей недавней поѣздки туда. Въ Петербургѣ я не бывалъ болѣе десяти лѣтъ, петербургскія газеты мнѣ какъ - то рѣдко удавалось читать въ провинціи, и вотъ, воспринимая идеи и проникаясь духомъ этихъ газетъ, я почувствовалъ, что на меня пахнуло чѣмъ-то ужасно знакомымъ. Одинъ финансовый проектъ разъяснилъ мои недоумѣнія. Мнѣ вспомнился коньякъ съ квасомъ,—такова сила ассоціаціи идей! Какъ-то разъ Миша, разочаровавшись во всѣхъ напиткахъ, изобрѣлъ комбинацію коньяка съ квасомъ, и вотъ тогда - то, за буфетной стойкой, онъ поразилъ насъ простотой и смѣлостью своего проекта: нужно выпустить бумажекъ, сколько слѣдуетъ, т.-е. сколько нужно обывателю по его расходамъ, больше ничего. При этомъ Миша разъяснилъ, что русская экономическая жизнь совсѣмъ не то, что западно - европейская.

Какъ ни близко примыкалъ газетный проектъ къ Мишиному, тѣмъ не менѣе я усомнился. Неужели, думаю, Миша? Положимъ, Миша недурно владѣлъ риѳмой и художественно разсказывалъ анекдоты, положимъ, Миша смѣлый, даже можно сказать отчаянный человѣкъ, но—государственный проектъ и какая ни какая, а все-таки литература—сомнѣвался. Всю исторію разсказалъ мнѣ Петька Голохвостовъ, съ которымъ я случайно встрѣтился у Доминика,—Петька пріѣхалъ въ Питеръ какимъ-то депутатомъ. Оказалось, Миша давно пустился въ литературу, еще въ таможнѣ отъ нечего дѣлать облекалъ въ форму беллетристическихъ произведеній свои амурныя воспоминанія и писалъ легонькіе доносцы, съ желѣзнодорожной станціи посылалъ «областныя» разсужденія, а поступивши на службу въ свой уѣздъ, сталъ касаться и государственныхъ вопросовъ.

Итакъ, Миша пишетъ уже не одни водевили! Мнѣ сразу все сдѣлалось понятно,—и тонъ Мишиныхъ газетъ, и наблюдаемое за послѣднее время и очень удивлявшее меня необыкновенное оживленіе политической и изящной, въ особенности стихотворной, литературы въ Россіи.

Мишина литература мало читается въ провинціи. Мишины друзья слишкомъ увѣрены, что всѣ амурныя похожденія его извѣстны намъ изъ первоисточниковъ, а его государственныя и экономическія воззрѣнія давно выслушаны нами у буфетной стойки. Оказалось, что я ошибался и не зналъ многихъ Мишиныхъ талантовъ. Во-первыхъ, онъ вообще развернулся, а потомъ сталъ понимать такія вещи, какихъ онъ раньше не понималъ. Такъ онъ понялъ четвертое измѣреніе и увѣряетъ, что понялъ даже декадентовъ и символистовъ, и не только Барковскую сущность ихъ произведеній,—чѣмъ они и привлекли Мишу,—но, и вообще, онъ даже самъ написалъ одно декадентское стихотвореніе, заключающееся въ одной строчкѣ:

«И кровь отворяютъ...»

Стихотвореніе произвело нѣкоторый шумъ въ литературныхъ кругахъ, а такъ какъ многіе не знаютъ, что оно заимствовано у Гоголя или, вѣрнѣе, съ вывѣски тогдашняго цирюльника, то и сейчасъ еще любители ищутъ въ немъ разныхъ тайныхъ смысловъ.

Желая увѣдомить нашихъ общихъ друзей объ успѣхахъ Миши, я принялся за серьезное изученіе Мишиной литературы и на время устранился отъ всякой другой, чтобы полнѣе проникнуться духомъ литературнаго Миши. Вотъ тѣ наблюденія, которыя я сдѣлалъ.

Миша и въ литературѣ остался тѣмъ же «душой общества», какъ онъ былъ въ уѣздѣ, и, читая его, я живо вспоминалъ, какъ одушевленно и весело и всегда соотвѣтственно музыкѣ онъ выкрикивалъ: «changez vos dames», «promenade», «galop» и «chaîne chinoise», и онъ такъ же замѣтенъ, какъ и въ земскомъ собраніи, когда подавалъ свои рѣшительныя реплики: «отказать въ ходатайствѣ!» «сдать въ коммиссію!»

Онъ внесъ въ литературу простоту чувствъ, несложность умственныхъ эмоцій, ясный взглядъ умудреннаго опытомъ землевладѣльца и свободный стиль охотничьихъ разсказовъ. Всѣ эти свойства помогаютъ ему очень быстро разбираться въ запутанныхъ вопросахъ внутренней политики, а въ особенности драгоцѣнны при составленіи разнообразныхъ прожектовъ, клонящихся къ устроенію деревни въ томъ смыслѣ, чтобы Миша могъ вернуться и жить тамъ не безъ пріятности.

Я зналъ, что Миша полонъ неожиданностей и всегда можетъ очутиться въ Ельцѣ, когда ему необходимо быть дома,—тѣмъ не менѣе я удивился, когда узналъ, что Миша—антисемитъ: никакихъ евреевъ въ нашемъ уѣздѣ не было и никакихъ огорченій Мишѣ они

не доставляли, наоборотъ, исторически дознано, что «разулъ» Мишу,—какъ принято выражаться въ нашемъ уѣздѣ,—истинно русскій человѣкъ — Антошка, бывшій дворовый его отца; тѣмъ не менѣе Миша увѣрился, что во всѣхъ злоключеніяхъ, постигшихъ его въ жизни, пакостилъ ему еврей. И Антошка поддакивалъ: «не иначе, какъ жидъ, кому больше!» Память у Миши дѣвичья, онъ давно забылъ злодѣйства Антошки и даже сдѣлался его пріятелемъ. До меня давно доходили слухи, что Миша состоитъ въ амурныхъ отношеніяхъ съ Антошкиными дочерьми, а живя въ Петербургѣ, я узналъ отъ вполнѣ свѣдущихъ людей, что Миша числится теперь при Антошкѣ чиновникомъ особыхъ порученій и подъ его руководствомъ проходитъ практическій курсъ русской политической экономіи; какъ извѣстно, Антошка въ послѣднее время переселился въ Петербургъ, устраиваетъ тамъ синдикаты и орудуетъ по части тарифовъ и пошлинъ.

Я не совсѣмъ точно выразился, сказавши, что Миша антисемитъ; онъ анти... анти...—я, собственно говоря, не знаю что̀... Миша всегда любилъ словечки и восклицанія и въ уѣздѣ въ минуты душевнаго жара часто говорилъ: «дондеръ-шишъ!» иногда въ видѣ объясненія добавляя: «тысяча чертей и одна пушка»... Теперь онъ говоритъ: «народность»... хотя я также мало понимаю, что̀ разумѣетъ Миша подъ этимъ словомъ, какъ и его «дондеръ-шишъ», и тѣ объясненія, которыя онъ дѣлаетъ, также мало даютъ моему уму, какъ и тысяча чертей и одна пушка. Поляковъ онъ не любитъ за то, что они поляки, мусульманъ за то, что вѣрятъ въ Магомета, финляндцевъ—они пьютъ дешевое венгерское вино, а онъ Миша—дорогое, кавказскіе народцы—маленькіе народцы и владѣютъ такими хорошими землями въ то время, какъ у Миши ничего нѣтъ, и прочее, и прочее. Я все это понимаю, но когда Миша въ чемъ-то заподозриваетъ Малороссію и сибиряковъ—не понимаю и думаю, что это одинъ «дондеръ-шишъ» и ничего болѣе.

Антошка и тутъ поддакиваетъ, у него личные счеты съ Лодзью и Финляндіей, евреевъ онъ терпѣть не можетъ за то, что они «довольствуются меньшимъ дивидендомъ», чѣмъ онъ, и вообще сбиваютъ истинно русскія цѣны; поэтому Антошка въ послѣднее время также укрѣпился на «народности».

Къ сожалѣнію, развившаяся въ Мишѣ ненависть къ законности и къ законамъ придаетъ иногда несвойственный Мишѣ злобный характеръ его писаніямъ и вообще испортила натуру Миши. Все ему кажется, что разныя народности обладаютъ чрезмѣрнымъ и излишнимъ количествомъ правъ и что слишкомъ много по отноше-

нію къ нимъ проявляется законности... Онъ сдѣлался нервенъ и раздражителенъ,—все что-то ему чудится и мерещится, на кого-то постоянно сердится, все выслѣживаетъ, подсматриваетъ, подслушиваетъ...

Впрочемъ, все это только въ вопросахъ внутренней политики, а въ обсужденіи международныхъ дѣлъ Миша остается тѣмъ же милымъ, веселымъ Мишей, какимъ я знавалъ его раньше. И потомъ, какъ ни боекъ Миша, а во внутренней политикѣ онъ немножко конфузится, въ иностранномъ же отдѣлѣ онъ смѣлъ, какъ въ отъѣзжемъ полѣ, поэтому этотъ отдѣлъ Мишиныхъ газетъ сдѣлался въ Петербургѣ моимъ любимымъ чтеніемъ. Иногда я хохоталъ какъ сумасшедшій и разъ до того увлекся иностранной хроникой, что не пошелъ въ Александринскій театръ, хотя имѣлъ билетъ. Изъ-за передовыхъ статей и иностранныхъ корреспонденцій передо мной совершенно реально вставалъ Миша съ его жующими или свистящими губами и неизмѣнно яснымъ взглядомъ неопороченныхъ раздумьемъ глазъ. Съ Англіей онъ не церемонится: «а въ морду хочешь?» Италіи грозитъ пальцемъ, Германіи показываетъ кукишъ, Францію дружески хлопаетъ по животу, а Австрію просто-на-просто презираетъ, турку гладитъ по головѣ: «что, дурашка, испугался?» Въ братушкѣ Миша совсѣмъ разочаровался и говоритъ ему строгія реплики, за то гдѣ-то разыскалъ какого-то абиссинца и, повидимому, собирается вывести въ люди.

И что выходитъ особенно мило—Миша говоритъ въ серьезъ, взаправду, не улыбнется, и я только радуюсь веселости Мишинаго характера. Изрѣдка случается, что онъ вдругъ разсердится на какую-нибудь націю и такъ разсердится, что я невольно шепчу: ты, Миша, полегче!

Мнѣ не удалось повидаться съ Мишей въ Петербургѣ, онъ уѣхалъ въ Парижъ немножко подкрѣпить узы французско-русской дружбы, такъ какъ опасался ослабленія ихъ въ виду перемѣны министерства во Франціи.

Въ заключеніе не могу не повторить, что Мишу не понимаютъ, и это огорчаетъ меня. Когда я вижу, что настоящая литература принимаетъ въ серьезъ Мишины слова, старается что-то втолковать ему,—споритъ, бранится,—я съ горестнымъ изумленіемъ убѣждаюсь, что Миши совсѣмъ не понимаютъ. Я же, когда слышу, какъ Миша возглашаетъ: я призванъ... мы Миши на стражѣ... или читаю его дискурсы съ англійскими государственными людьми,—я хотѣлъ бы только крикнуть ему по старой дружбѣ: Миша! брось, поѣдемъ на зайцевъ!

С. Елпатьевскій.

КРЕСТОНОСЦЫ *).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

V.

На другой день по пріѣздѣ въ Богданецъ, Збышко и Мацько начали осматриваться въ своемъ старомъ пепелищѣ и вскорѣ замѣтили, что Зыхъ изъ Згожелицъ былъ правъ, когда говорилъ, что на первое время они будутъ терпѣть во всемъ не малый недостатокъ. По хозяйству дѣло еще шло кое-какъ. Было нѣсколько полянъ, обработанныхъ прежними крестьянами или тѣми, которыхъ недавно поселилъ аббатъ. Обработанной земли прежде въ Богданьцѣ было гораздо больше, но съ тѣхъ поръ, когда, въ битвѣ подъ Пловцами, родъ Градовъ погибъ чуть не до послѣдняго, оказался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, а послѣ нападенія силезскихъ нѣмцевъ и войны Грималитовъ съ Налэнчами, плодородныя богданьскія нивы по большей части заросли лѣсомъ. Мацько одинъ не могъ справиться со всѣмъ. Напрасно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ старался привлечь вольныхъ крестьянъ изъ Кшесни и предлагалъ имъ выгодныя усовія, — они предпочитали оставаться на собственныхъ земляхъ, чѣмъ обрабатывать чужую. Мацько все-таки нашелъ нѣсколько бездомныхъ людей, въ разныхъ войнахъ набралъ плѣнниковъ, оженилъ ихъ и разселилъ по домамъ, — такимъ образомъ селеніе начинало возраждаться вновь. Но дѣло все-таки шло туго, и когда представилась возможность, Мацько не медля заложилъ весь Богданецъ, соображая, что, во-первыхъ, богатому аббату легче будетъ управляться съ землей, а во-вторыхъ, что война доставитъ ему и Збышку людей и денегъ. Дѣйствительно, аббатъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 97 г.

хозяйничалъ отлично, увеличилъ рабочую силу Богданьца на пять крестьянскихъ семей, увеличилъ стада, а потомъ соорудилъ амбаръ, плетеный коровникъ и такую же конюшню. Но такъ какъ въ Богданьцѣ онъ жилъ не постоянно, то и не заботился о домѣ, и Мацько, который мечталъ, что, возвратившись, онъ найдетъ свой городокъ окруженнымъ рвомъ и частоколомъ, засталъ все въ прежнемъ видѣ, съ тою только разницей, что углы дома покривились, а стѣны казались болѣе низкими,—до такой степени онѣ осунулись и вросли въ землю.

«Дворъ» состоялъ изъ огромныхъ сѣней, двухъ большихъ комнатъ съ прилегающими къ нимъ каморками и кухни. Въ комнатахъ были прорѣзаны окна, затянутыя пузыремъ, а посрединѣ, на глиняномъ полу, очагъ, дымъ изъ котораго выходилъ въ потолочныя щели. Потолокъ, совершенно почернѣвшій, когда-то былъ и коптильней,—въ лучшее время Богданьца, здѣсь, на колышкахъ, вбитыхъ въ балки, развѣшивались окорока кабаньи, медвѣжьи и лосиные, филейныя части оленей и сернъ и цѣлые пуки колбасъ. Теперь на крючкахъ ничего не было, какъ и на полкахъ, бѣгущихъ вдоль стѣнъ; въ другихъ «дворахъ» на такихъ полкахъ обыкновенно разстанавливалась оловянная и глиняная посуда. Только стѣны подъ полками уже не поражали своей наготой,—Збышко приказалъ туркамъ развѣшать по стѣнамъ панцыри, шлемы, короткіе и длинные мечи, рогатины, рыцарскія копья, наконецъ, щиты, топоры и конскія попоны. Оружіе чернѣло отъ дыма, его необходимо было часто чистить, но за то все было подъ рукой и кромѣ того, червь не точилъ деревянныя части копій, луковъ и топоровъ. Болѣе дорогую одежду заботливый Мацько приказалъ перенести въ каморку, которая служила ему спальней.

Въ переднихъ комнатахъ, поближе къ окнамъ, стояли сосновые столы и скамьи, на которыхъ господа, вмѣстѣ съ челядью, садились за обѣдъ. Людямъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ войны, отвыкшимъ отъ удобствъ, не много было нужно, но въ Богданьцѣ ощущался недостатокъ въ хлѣбѣ, мукѣ и другихъ припасахъ, въ особенности въ посудѣ. Крестьяне принесли все, что могли, но главнымъ образомъ Мацько разсчитывалъ, что ему помогутъ сосѣди, и не ошибся, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Зыху изъ Згожелицъ.

На другой день послѣ пріѣзда старый рыцарь сидѣлъ на пнѣ возлѣ дома и наслаждался чудесной осенней погодой, когда на дворъ въѣхала Ягенка на вчерашнемъ вороном конѣ. Крестьянинъ, который рубилъ дрова около плетня, хотѣлъ было помочь

дѣвушкѣ сойти съ лошади, но она въ одну минуту сама соскочила на землю и приблизилась къ Мацьку, задыхающаяся отъ быстрой ѣзды и разрумянившаяся, какъ яблоко.

— Да будетъ благословенно имя Божіе! Я пріѣхала поклониться вамъ отъ имени тяти и узнать о вашемъ здоровьѣ.

— Не хуже, чѣмъ было въ дорогѣ,—отвѣтилъ Мацько,—по крайней мѣрѣ, можно выспаться въ родномъ гнѣздѣ.

— Но вы должны испытывать большія неудобства, а больному человѣку нуженъ уходъ.

— Мы народъ крѣпкій. Удобствъ нѣтъ, это правда, но нѣтъ и нужды. Мы приказали убить быка и пару овецъ, мяса у насъ достаточно. Бабы принесли намъ немного муки и яицъ, но всего этого мало, а самое главное—у насъ нѣтъ посуды.

— Я приказала нагрузить два воза. На одномъ идутъ двѣ постели и посуда, на другомъ разные съѣстные припасы,—лепешки, мука, солонина, сушеные грибы, есть бутылка пива, бутылка меду,—все, что было у насъ въ домѣ, всего понемногу.

Мацько, который всегда радовался всякому прибавленію домашняго хозяйства, погладилъ Ягенку по головѣ и сказалъ:

— Да заплатитъ Богъ тебѣ и твоему отцу. Какъ мы справимся, такъ расплатимся съ вами.

— Сохрани Богъ! Мы не нѣмцы, чтобы стали брать назадъ то, что даемъ.

— Ну, тогда пошли вамъ Богъ еще больше. Отецъ твой говорилъ, какая ты хорошая хозяйка. Ты вѣдь цѣлый годъ управляла всѣми Згожелицами?

— Что-жъ такое... А когда вамъ занадобится что-нибудь, то пришлите къ намъ, только присылайте такого, который бы зналъ, что нужно, а то пріѣдетъ глупый слуга и самъ не знаетъ, за чѣмъ его прислали.

Ягенка оглянулась вокругъ. Мацько замѣтилъ это, усмѣхнулся и спросилъ:

— Кого ты ищешь?

— Я не ищу никого.

— Я пришлю Збышка, пусть онъ поблагодаритъ за меня Зыха и тебя. Понравился тебѣ Збышко, а?

— Я не разсмотрѣла его.

— Такъ разсмотри теперь, вонъ онъ идетъ.

Дѣйствительно, Збышко шелъ съ водопоя и, завидѣвъ Ягенку, ускорилъ шаги. На немъ былъ лосиный кафтанъ и круглая войлочная шапочка, которая обыкновенно надѣвалась подъ шлемъ. Во-

лосы его, ровно обрѣзанные надъ бровями, свѣшивались по бокамъ золотыми локонами. Онъ шелъ скоро, рослый, красивый, точь въ точь оруженосецъ какого-нибудь знатнаго рыцаря.

Ягенка совсѣмъ повернулась къ Мацьку, показать, что она прiѣхала исключительно только ради его, но Збышко весело привѣтствовалъ ее и потомъ, схвативъ ея руку, поднесъ къ своимъ губамъ.

— Зачѣмъ ты цѣлуешь у меня руку?—спросила Ягенка,—развѣ я ксендзъ?

— Не сопротивляйтесь, таковъ обычай.

— А хоть бы и другую поцѣловалъ, за то, что она привезла, и то не было бы черезъ край,—вставилъ Мацько.

— А что она привезла?—спросилъ Збышко, окидывая взглядомъ дворъ и не видя ничего, кромѣ вороного коня, привязаннаго къ столбику.

— Воза еще не пришли, но скоро придутъ, — отвѣтила Ягенка.

Мацько началъ перечислять, что именно привезла Ягенка, не пропуская ничего, но когда упомянулъ о двухъ постеляхъ, Збышко сказалъ:

— Я съ удовольствiемъ и на зубровой шкурѣ спать буду, но все-таки благодарю васъ, что вы и обо мнѣ вспомнили.

— Это не я, тятя...—отвѣтила дѣвушка и раскраснѣлась.—Если вы предпочитаете спать на шкурѣ, то васъ никто не неволитъ.

— Я предпочитаю спать на чемъ придется. Послѣ битвы, въ полѣ, случалось не разъ спать съ убитымъ крестоносцемъ въ изголовьѣ.

— А вы убили хоть одного крестоносца? Должно быть, что нѣтъ.

Збышко, вмѣсто отвѣта, засмѣялся, а Мацько воскликнулъ:

— Побойся Бога, дѣвушка, значитъ ты его не знаешь! Онъ другого ничего и не дѣлалъ, какъ только билъ нѣмцевъ. На копьяхъ, на топорахъ, онъ на всемъ готовъ, а какъ увидитъ издали нѣмца, такъ его хоть на веревкѣ держи. Въ Краковѣ онъ хотѣлъ было побить посла Лихтенштейна, за что ему чуть головы не отрубили. Вотъ онъ какой! И о фризахъ я тебѣ разскажу, какъ мы взяли ихъ свиту и добычу такую, что на нее можно бы Богданецъ выкупить.

Тутъ Мацько принялся разсказывать о поединкѣ съ фризами, а потомъ и другихъ приключенiяхъ и подвигахъ, какiе имъ пришлось совершить. Они бились и изъ-за стѣнъ и въ открытомъ полѣ

съ знаменитѣйшими рыцарями, какіе только живутъ въ иноземныхъ краяхъ. Бились они съ нѣмцами, бились съ французами, бились съ англичанами и съ бургундцами. Приходилось имъ бывать въ водоворотахъ такихъ битвъ, когда лошади, люди, оружіе, нѣмцы и поляки сплетались въ одинъ клубъ. А при этомъ чего-чего только они не видали! Видѣли они нѣмецкіе замки изъ краснаго кирпича, литовскіе деревянные городки и костелы, какихъ нѣтъ около Богданьца, и города, и непроходимыя пущи, въ которыхъ по ночамъ пищатъ изгнанные изъ капищъ литовскіе божки, и много разныхъ чудесъ, и вездѣ, гдѣ дѣло доходило до драки, Збышко всегда бывалъ впереди, такъ что ему дивились самые знаменитые рыцари.

Ягенка присѣла на колодѣ рядомъ съ Мацько, съ открытымъ ртомъ слушала его разсказъ и, повертывая голову,—точно она была у нея на винтахъ,—то въ сторону Мацька, то въ сторону Збышка, смотрѣла на молодого рыцаря съ возрастающимъ изумленіемъ. Наконецъ, когда Мацько остановился, она вздохнула и сказала:

— Хорошо родиться мальчикомъ!

Но Збышко, который во время разсказа дяди также внимательно всматривался въ Ягенку, отвѣтилъ:

— Вы и такъ красная дѣвица!

Ягенка проговорила отчасти съ неудовольствіемъ, отчасти съ грустью:

— Вы видѣли краснѣй меня.

Збышко безъ лжи, однако, могъ отвѣтить ей, что много такихъ не видалъ, Ягенка такъ и сверкала здоровьемъ, молодостью и силою. Старый аббатъ не даромъ говорилъ о ней, что она похожа на калину, отчасти на сосенку. Въ ней было прекрасно все: и стройная фигура, и широкія плечи, и грудь, точно изваянная изъ камня, и красныя губы, и голубые, подвижные глаза. Теперь она была одѣта болѣе старательно, чѣмъ въ лѣсу, на охотѣ. На шеѣ у нея были красныя бусы, на плечахъ кафтанъ, крытый зеленымъ сукномъ, полосатая самотканная юбка и новые башмаки. Даже старикъ Мацько обратилъ вниманіе на ея нарядъ и, посмотрѣвъ на Ягенку, спросилъ черезъ минуту:

— Чего ради ты такъ разодѣлась, словно на праздникъ?

Но Ягенка, вмѣсто отвѣта, крикнула:

— Идутъ воза, идутъ!...

Она побѣжала къ подъѣзжающимъ возамъ, а за нею пошелъ и Збышко. Разгрузка продолжалась вплоть до заката солнца, къ ве-

ликому удовольствію Мацька, который каждую вещь осматривалъ особо и за каждую прославлялъ Ягенку. Совсѣмъ уже смерклось, когда дѣвушка начала собираться домой. Когда она стала садиться на лошадь, Збышко вдругъ схватилъ ее, и, прежде, чѣмъ она успѣла вымолвить слово, поднялъ кверху и усадилъ на сѣдло. Ягенка зарумянилась, какъ заря и, наклонивъ къ Збышку лицо, сказала не громкимъ голосомъ:

— А вы сильный.

Збышко въ темнотѣ не видалъ ея румянца и смущенія, разсмѣялся и спросилъ:

— А вы не боитесь звѣря? Скоро уже ночь.

— На возу лежитъ копье,—подайте мнѣ его.

Збышко пошелъ къ возу, взялъ копье и подалъ его Ягенкѣ.

— Будьте здоровы!

— Будьте здоровы!

— Да вознаградитъ васъ Богъ! Завтра или послѣ завтра я пріѣду въ Згожелицы поклониться вамъ и вашему отцу за сосѣдское расположеніе.

— Пріѣзжайте. Мы будемъ рады! Но!...

И она черезъ минуту исчезла въ придорожныхъ кустахъ.

Збышко вернулся къ дядѣ.

— Вамъ пора возвращаться въ комнату.

Но Мацько отвѣтилъ, не трогаясь съ колоды:

— Эхъ, что это за дѣвка! Даже на дворѣ отъ нея какъ-то свѣтлѣй сдѣлалось.

Наступила минута молчанія. Мацько думалъ о чемъ-то, смотря на загорающіяся звѣзды, и потомъ проговорилъ, какъ будто про себя:

— И обходительная, и хозяйство знаетъ, хотя ей не болѣе пятнадцати лѣтъ.

— Да, — подтвердилъ Збышко, — старый Зыхъ любитъ ее, какъ зеницу ока.

— Онъ говорилъ, что за ней пойдутъ Мочидолы, а тамъ на лугахъ пасется стадо кобылицъ съ жеребятами.

— Въ мочидольскихъ лѣсахъ, кажется, страшныя болота?

— Да, но въ болотахъ-то много бобровыхъ гнѣздъ.

И снова наступило молчаніе. Мацько искоса посмотрѣлъ на Збышка и спросилъ:

— Что ты такъ задумался? О чемъ размышляешь?

— Видите что... Ягенка такъ напомнила мнѣ Данусю, что меня что-то за сердце схватило.

— Пойдемъ-ка домой, — сказалъ старый рыцарь, — ужъ поздно.

Онъ всталъ съ трудомъ и оперся на Збышка, который повелъ его въ комнату.

Збышко на слѣдующей же день отправился въ Згожелицы, потому что Мацько сильно настаивалъ на этомъ. Старый рыцарь приказалъ племяннику взять съ собою двухъ слугъ и одѣться какъ можно лучше, чтобы такимъ образомъ оказать Зыху надлежащую честь и отблагодарить его какъ слѣдуетъ. Збышко уступилъ настояніямъ дяди и поѣхалъ разодѣтый, какъ на свадьбу, въ добытомъ съ бою бѣломъ атласномъ кафтанѣ, обшитомъ золотою бахрамой и затканномъ золотыми грифами. Зыхъ принялъ его съ распростертыми объятіями, съ радостью и съ пѣснями, а Ягенка, едва только онъ переступилъ порогъ комнаты, остановилась какъ вкопанная и чуть не выпустила изъ рукъ баклаги съ виномъ,—ей показалось, что это пріѣхалъ какой-нибудь королевичъ. Дѣвушка сразу оробѣла и сидѣла молча, протирая отъ времени до времени глаза, какъ будто хотѣла очнуться отъ сна. Збышко по своей неопытности думалъ, что, по невѣдомымъ для него причинамъ, Ягенка недовольна его пріѣздомъ, и разговаривалъ только съ Зыхомъ, превознося его щедрость и увиляясь згожелицкому дому, который, дѣйствительно, ни въ чемъ не былъ похожъ на богданецкій домъ.

Здѣсь повсюду былъ виденъ достатокъ и изобиліе. Въ комнатахъ были рамы съ роговыми пластинками, тонко-выструганными и отшлифованными и почти такъ же прозрачными, какъ стекло. Среди комнаты не было очаговъ,—вмѣсто нихъ возвышались огромные камины. Полъ былъ изъ сосновыхъ, чисто вымытыхъ досокъ, на стѣнахъ красовалось оружіе и множество мисокъ, блестящихъ, какъ солнце, а также чудесныя, рѣзныя полки съ рядами ложекъ, изъ которыхъ двѣ были настоящія серебряныя. Кое-гдѣ висѣли дорогіе вышитые ковры, добытые на войнѣ или купленные у бродячихъ купцовъ. Подъ столами лежали гигантскія шкуры туровъ и зубровъ. Зыхъ охотно показывалъ свои богатства, ежеминутно повторяя, что все это относится къ области хозяйства Ягенки. Онъ привелъ Збышко даже въ спальню, пропитанную запахомъ смолы и мяты, гдѣ на потолкѣ висѣли связки волчьихъ, лисьихъ, куньихъ и бобровыхъ шкуръ, показалъ ему складъ сыра, воска и меда, бочки съ мукой, склады сухарей, конопли и сушеныхъ грибовъ. Потомъ онъ потащилъ гостя въ амбары, конюшни и въ хлѣва, въ сараи, гдѣ хранились телѣги, охотничьи принадлежности, сѣти,—и

до такой степени ослѣпилъ его глаза, что Збышко, вернувшись къ ужину, не могъ воздержаться отъ выраженія своего удивленія

— Жить, а не умирать въ вашихъ Згожелицахъ!—сказалъ онъ.

— Въ Мочидолахъ безъ малаго почти такіе же порядки,—отвѣтилъ Зыхъ. — Помнишь Мочидолы? Это ближе къ Богданьцу. Когда-то наши отцы спорили о границѣ и посылали другъ другу вызовы на бой, но я не буду затѣвать ссоры.

Онъ чокнулся со Збышкомъ кубкомъ меду и спросилъ:

— Можетъ быть ты хотѣлъ бы спѣть что-нибудь?

— Нѣтъ,—сказалъ Збышко,—я съ большимъ удовольствіемъ послушаю васъ.

— Згожелицы, видишь ли, достанутся медвѣжатамъ. Только не погрызлись бы они когда-нибудь изъ-за этого.

— Какіе медвѣжата?

— Ну, ребятишки, братья Ягенки.

— Да, имъ не нужно будетъ сосать зимою лапу.

— Не нужно. Да и въ Мочидолахъ Ягенка голодать не будетъ.

— Несомнѣнно.

— А отчего ты не пьешъ и не ѣшь? Ягенка, налей ему и мнѣ!

— Я пью и ѣмъ, сколько могу.

— А когда будешь не въ силахъ, то распояшься... Чудесный поясъ! Должно быть вы на Литвѣ взяли хорошую добычу?

— Не можемъ пожаловаться,—отвѣтилъ Збышко, пользуясь возможностью показать, что и владѣльцы Богданьца тоже не лыкомъ шиты.—Часть добычи мы продали въ Краковѣ и получили сорокъ гривенъ серебра.

— Что ты! Да, вѣдь, на это можно купить деревню.

— Были одни медіоланскіе латы; дядя ожидаетъ скорой смерти и продалъ ихъ, а вы знаете?

— Знаю. Ну, на Литву идти стоитъ! Я въ свое время хотѣлъ было, да боялся.

— Кого? Крестоносцевъ?

— Э, кто бы сталъ бояться нѣмцевъ! Пока тебя не убьютъ, нечего бояться, а какъ убили, и времени для страха не будетъ. Я боялся языческихъ божковъ, или дьяволовъ. Въ лѣсахъ ихъ—что муравьевъ.

— А гдѣ же имъ сидѣть, коли ихъ капища сожгли?... Прежде они жили въ достаткѣ, а теперь должны питаться грибами да муравьями.

— Ты видѣлъ ихъ?

— Самъ не видалъ, но слышалъ, что люди видѣли... Высу-

петъ какой-нибудь косматую лапищу и проситъ, чтобъ ему что-нибудь дали.

— И Мацько говорилъ то же самое,—отозвалась Ягенка.

— Какъ же, онъ и мнѣ разсказывалъ это въ дорогѣ, — добавилъ Зыхъ.—И не удивительно. И здѣсь, хотя у насъ край давно уже христіанскій, иногда въ лѣсахъ кто-то смѣется, да и въ домахъ, хотя ксёндзы и бранятся за это, всегда лучше оставить на ночь нечисти миску съ ѣдой, а то она такъ скребется въ стѣну, что и глазъ не смежишь. Ягенка!... поставь, дочка, миску къ порогу.

Ягенка взяла глиняную миску съ клёцками и поставила къ порогу, а Зыхъ сказалъ:

— Ксёндзы кричатъ, угрожаютъ... У Господа Іисуса отъ десятка клёцекъ славы не убудетъ, а нечесть, если сыта и довольна, то и отъ огня, и отъ злого человѣка убережетъ...—потомъ онъ обратился къ Збышку:—Можетъ ты распояшешься и споешь что-нибудь?

— Я спѣлъ бы, вижу, что вамъ давно хочется, но можетъ быть панна Ягенка споетъ сначала.

— Будемъ пѣть по очереди,—воскликнулъ обрадованный Зыхъ.—У меня въ домѣ есть парень, онъ будетъ подыгрывать намъ на деревянной дудкѣ. Позвать его!

Парень пришелъ, сѣлъ на скамью, вложилъ въ ротъ «пищалку», разставилъ пальцы и смотрѣлъ на присутствующихъ,—кому изъ нихъ придется подыгрывать?

Возникъ споръ, никто не хотѣлъ начинать первымъ. Наконецъ, Зыхъ приказалъ дочери подать примѣръ, и хотя Ягенка стыдилась Збышка, но все-таки встала со скамьи, спрятала руки подъ фартукъ и начала:

Еслибъ Богъ мнѣ крылья
Далъ, какъ вольной птицѣ,
Я бы полетѣла
Къ Ясю на чужбину
. . . .

Збышко сначала широко раскрылъ глаза, потомъ вскочилъ на ноги и громко крикнулъ:

— Откуда вы знаете эту пѣсню?

Ягенка съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Да ее всѣ поютъ. Что съ вами?

Зыху представилось, что Збышко выпилъ лишнее. Онъ обратилъ къ нему свое радостное лицо и сказалъ:

— Распояшься! Сейчасъ же полегчаетъ.

Збышко поборолъ свое смущеніе и сказалъ Ягенкѣ:

— Простите меня. Ваша пѣсня неожиданно напомнила мнѣ... Пойте дальше.

— Можетъ, вамъ грустно слушать?

— О, нѣтъ! — сказалъ Збышко дрогнувшимъ голосомъ. — Я слушалъ бы всю ночь.

Онъ сѣлъ, закрылъ лицо руками и замолчалъ, не желая проронить ни одного слова.

Ягенка запѣла другой куплетъ, но, окончивъ его, увидала, какъ по пальцамъ Збышка скатывается крупная слеза.

Она живо подбѣжала, сѣла на скамью и толкнула Збышка локтемъ.

— Ну, что съ вами? Я не хочу, чтобы вы плакали. Говорите, что съ вами?

— Ничего, ничего! — со вздохомъ отвѣтилъ Збышко, — много пришлось бы говорить... Что было, то прошло.

— Можетъ, вы бы выпили сладкаго вина?

— Умная дѣвка! — воскликнулъ Зыхъ. — Отчего вы говорите другъ другу «вы»? Говори ему: Збышко, просто, а ты — Ягенка. Съ малолѣтства знаете другъ друга.

Потомъ онъ обратился къ дочери:

— А что онъ тебя билъ, такъ это ничего. Теперь этого не сдѣлаетъ.

— Не сдѣлаю! — весело сказалъ Збышко. — Пусть за это теперь она побьетъ меня, если хочетъ.

Ягенка, желая окончательно развеселить Збышка, сжала кулакъ и, смѣясь, начала въ шутку бить его.

— Вотъ тебѣ за мой разбитый носъ, — вотъ тебѣ, вотъ!

— Вина! — крикнулъ разгулявшійся хозяинъ.

Ягенка побѣжала въ кладовую и черезъ минуту принесла кувшинъ съ виномъ, два красивыхъ кубка, съ вытисненными серебряными цвѣтами, вроцлавской работы, и два сыра, запахъ отъ которыхъ распространялся на далекое пространство.

Зыхъ, — у него въ головѣ уже шумѣло, — окончательно растрогался, схватилъ кувшинъ, прижалъ его къ груди и, очевидно, думая, что это Ягенка, заговорилъ:

— Дочка ты моя! сиротка бѣдная! Что я, несчастный, буду дѣлать въ Згожелицахъ, когда тебя возьмутъ отъ меня!

— А за этимъ дѣло не станетъ, — сказалъ Збышко.

Зыхъ во мгновеніе ока изъ чувствительнаго настроенія перешелъ къ смѣху.

— Ха, ха, ха! Дѣвкѣ пятнадцать лѣтъ, а ужъ ее къ мужчинамъ тянетъ!... Какъ увидитъ издали кого-нибудь, такъ обрадуется.

— Тятя, я уйду, — сказала Ягенка.

— Не уходи, — намъ хорошо съ тобой.

И онъ таинственно моргнулъ Збышку:

— Заѣзжаютъ къ намъ двое: одинъ молодой Вилькъ *), сынъ стараго Вилька изъ Бжозовой, а другой Чтанъ **) изъ Рогова. Еслибъ они застали тебя здѣсь, то сейчасъ стали бы рычать на тебя, какъ рычатъ другъ на друга.

— Велика важность! — сказалъ Збышко.

Потомъ онъ обратился къ Ягенкѣ и, помня указаніе Зыха, спросилъ:

— А ты какого считаешь лучшимъ?

— Никакого.

— Вилькъ крутой малый! — замѣтилъ Зыхъ.

— Пусть воетъ въ иную сторону!

— А Чтанъ?

Ягенка засмѣялась.

— А Чтанъ, — проговорила она, повернувшись къ Збышку, — такъ весь обросъ волосами, что глазъ не видно, и сала у него столько, сколько у медвѣдя.

Збышко ударилъ себя по лбу.

— А!... вы такіе добрые, что я еще попрошу васъ объ одномъ: нѣтъ ли у васъ въ домѣ медвѣжьяго сала? Дядькѣ нужно на лѣкарства, а въ Богданьцѣ я не могъ добиться.

— Было, — сказала Ягенка, — да прислуга вынесла на дворъ, луки смазывать, а собаки все съѣли. Какая жалость!

— Ничего не осталось?

— До чиста вылизали.

— Гм... дѣлать нечего, придется въ лѣсу поискать.

— Устройте облаву, въ медвѣдяхъ недостатка нѣтъ, а если вамъ нужно охотничье оружіе, мы дадимъ.

— Гдѣ мнѣ ждать! Пойду на ночь къ дупламъ съ ульями.

— Возьмите съ собой человѣкъ пять.

— Они еще звѣря напугаютъ.

— Такъ какъ же? Съ лукомъ пойдете?

---

*) Волкъ.

**) Чтанъ — сокращенное Пшецлавъ.

— А что я буду съ лукомъ въ лѣсу въ темнотѣ дѣлать? Мѣсяцъ теперь не свѣтитъ. Возьму рогатину, добрый топоръ и пойду завтра одинъ.

Ягенка замолкла на минуту. На лицѣ ея отразилось безпокойство.

— Прошлый годъ пошелъ отъ насъ охотникъ Бездухъ, а медвѣдь разорвалъ его, — сказала Ягенка. — Дѣло это не безопасное. Онъ какъ увидитъ человѣка ночью, въ особенности возлѣ дупла съ медомъ, такъ сейчасъ на заднія лапы становится.

— Еслибъ онъ убѣгалъ, то его не догонишь, — отвѣтилъ Збышко.

Зыхъ, который было задремалъ, вдругъ проснулся и запѣлъ:

Куба вышла на работу,
Мнѣ гулять пришла охота.
Отправляйся, Куба, въ поле,
Я-жъ натѣшусь съ Касей вволю,
Гоцъ! гоцъ!

— Знаешь, ихъ двое: Вилькъ изъ Бжозовой и Чтанъ изъ Рогова... А ты...

Но Ягенка, боясь, чтобы Зыхъ не сказалъ чего-нибудь лишняго, торопливо подошла къ Збышку и спросила:

— Ты когда пойдешь? Завтра?

— Завтра, послѣ захода солнца.

— А къ какимъ бортямъ?

— Къ нашимъ, къ богданецкимъ, что недалеко отъ вашей границы, возлѣ Радзиковскаго болота. Говорятъ, тамъ не трудно напасть на мишку.

VI.

Збышко какъ говорилъ, такъ и отправился на медвѣдя, потому что Мацько чувствовалъ себя значительно хуже. Сначала его поддерживала радость и домашнія хлопоты, но на третій день горячка снова вернулась къ нему, а боль въ боку отозвалась съ такою силой, что онъ долженъ былъ слечь. Збышко пошелъ прежде въ лѣсъ днемъ, осмотрѣлъ борти, замѣтилъ поблизости огромный слѣдъ въ болотѣ и разговорился съ пчелинцемъ Вавркомъ, который обыкновенно спалъ невдалекѣ, въ шалашѣ, вмѣстѣ съ парою злобныхъ, подгальскихъ овчарокъ, но теперь, въ виду приближающихся осеннихъ холодовъ, собирался переселиться въ деревню.

Збышко и Ваврекъ разбросали шалашъ, взяли собакъ, кое-гдѣ обмазали медомъ стволы деревьевъ, чтобы привлечь звѣря, потомъ

Збышко возвратился домой и сталъ готовиться къ ночи. Онъ одѣлся для тепла въ лосиный кафтанъ безъ рукавовъ, на голову напялилъ чепецъ изъ проволоки, чтобы медвѣдь не ободралъ его, наконецъ взялъ рогатину и стальной, широкій топоръ на длинномъ дубовомъ топорищѣ. Къ вечернему удою онъ былъ уже у цѣли и, выбравъ удобное мѣсто, перекрестился и засѣлъ выжидать звѣря.

Красные лучи заходящаго солнца просвѣчивали сквозь иглы сосенъ, на верхушкахъ толклись вороны, каркая и хлопая крыльями; зайцы, шелестя опавшими листьями, пробирались къ водѣ; въ заросляхъ слышался утихающій мало-по-малу щебетъ птицъ.

Въ бору еще не все успокоилось. Мимо Збышка съ громкимъ шумомъ и хрюканьемъ прошло кабанье стадо, потомъ длинною цѣпью прогалопировали лоси, положивъ одинъ другому голову на хвостъ. Сухія вѣтви гулко трещали подъ ихъ копытами, весь лѣсъ содрогался, а лоси, отливающіе на солнцѣ краснымъ оттѣнкомъ, стремились къ болоту, гдѣ имъ предстоялъ удобный и безопасный ночлегъ. Наконецъ, заря такъ разгорѣлась, что верхушки сосенъ вспыхнули, точно охваченныя полымемъ, и свѣтъ мало-по-малу началъ гаснуть. Боръ отходилъ ко сну. Съ земли поднимался мракъ и ползъ кверху, къ сверкающей зарѣ, которая постепенно начинала ослабѣвать, хмуриться, темнѣть и гаснуть.

«Теперь, пока волки не отзовутся, все будетъ тихо»,—подумалъ Збышко.

Онъ пожалѣлъ, что не взялъ лука,—теперь онъ легко могъ бы положить кабана или лося. Со стороны болота до него доходили какіе-то сдавленные голоса, похожіе на тяжелые стоны. Збышко съ нѣкоторымъ недовѣріемъ посматривалъ на болото, потому что крестьянинъ Радзикъ, который жилъ здѣсь когда-то, пропалъ вмѣстѣ съ семьей, словно сквозь землю провалился. Одни говорили, что ихъ похитили разбойники, но были и такіе, которые позже видѣли около хаты какіе-то странные слѣды, не то людскіе, не то звѣриные. Хотѣли было пригласить ксёндза изъ Кшесни освятить это мѣсто, но надобности въ этомъ не представилось, потому что не нашлось никого, кто бы пожелалъ поселиться здѣсь, и хату, вѣрнѣе глину съ плетеныхъ стѣнъ, скоро размыли дожди, а мѣсто такъ и осталось при своей дурной славѣ. Правда, пчелинецъ Вавренъ не обращалъ на это вниманія и ночевалъ здѣсь въ шалашѣ, но и о самомъ Вавркѣ говорили что-то не ладно. Збышко, вооруженный рогатиной и топоромъ, не опасался дикихъ звѣрей, за то съ безпокойствомъ думалъ о нечистыхъ силахъ и былъ радъ, когда, наконецъ, эти голоса смолкли.

Послѣдніе отблески зари исчезли, наступила совершенная ночь. Вѣтеръ стихъ, въ верхушкахъ сосенъ не было слышно ни малѣйшаго шума. Только изрѣдка сваливалась шишка и среди всеобщей тишины съ особенно рѣзкимъ стукомъ шлепалась о землю. Не будь этого, Збышко могъ бы слышать собственное дыханіе.

Долго онъ сидѣлъ такъ, думая сначала о медвѣдѣ, который могъ вотъ-вотъ прійти, а потомъ о Данусѣ, которая съ мазовецкимъ дворомъ ѣхала въ далекія страны. Онъ вспомнилъ, какъ въ минуту разлуки взялъ ее на руки, какъ ея слезы струились по его щекѣ, вспомнилъ ясное личико, ея простоволосую головку, ея вѣнокъ изъ чабера и ея пѣсни, ея красные башмачки съ длинными носками, которые онъ цѣловалъ при отъѣздѣ, наконецъ все, что произошло съ первой минуты ихъ знакомства, и его охватило такое горе, что ея нѣтъ возлѣ него, и такая тоска по ней, что онъ совсѣмъ погрузился въ свои чувства, забылъ, что находится въ лѣсу и подстерегаетъ звѣря, и говорилъ самому себѣ:

— Пойду я къ тебѣ, не могу жить безъ тебя.

И онъ чувствовалъ, что это правда, что онъ долженъ ѣхать въ Мазовію, иначе засохнетъ въ Богданьцѣ. Пришелъ ему въ голову Юрандъ и его странное упорство, но въ силу этого ему тѣмъ болѣе нужно ѣхать, разузнать, въ чемъ заключается эта тайна, какія преграды стоятъ на его пути, нельзя ли ихъ устранить, вызвавъ кого-нибудь на смертный поединокъ? Ему все представлялось, что Дануся протягиваетъ къ нему руки и зоветъ: «Ко мнѣ, Збышко, ко мнѣ!» Какъ же не идти къ ней?

Онъ не спалъ, но видѣлъ ее ясно, какъ въ видѣніи или во снѣ. Ѣдетъ теперь Дануся возлѣ княгини, перебираетъ струны лютни и поетъ, а сама думаетъ о немъ. Думаетъ, что скоро увидитъ его, и оглядывается назадъ, не нагоняетъ ли ихъ Збышко, а Збышко тѣмъ временемъ сидитъ въ темномъ бору.

Тутъ Збышко очнулся, и очнулся не только потому, что вспомнилъ о темномъ борѣ, но и потому, что за нимъ послышался какой-то шелестъ.

Онъ крѣпко стиснулъ рогатину и напрягъ слухъ.

Шелестъ приближался и вскорѣ сдѣлался совершенно яснымъ. Подъ чьей-то осторожною ногой хрустѣли сухія вѣтки и шуршали опавшіе листья. Кто-то шелъ къ нему. По временамъ шелестъ прекращался, какъ будто звѣрь останавливался у какого-нибудь дерева, и тогда наступала такая тишина, что у Збышка начинало звенѣть въ ушахъ, потомъ снова слышался звукъ медленныхъ и

разсчитанныхъ шаговъ. Вообще кто-то приближался съ такими предосторожностями, что Збышка охватывало изумленіе.

— Должно быть, «Старикъ» боится, чуетъ, что здѣсь были собаки,—сказалъ онъ себѣ,—а можетъ быть это и волкъ пронюхалъ меня.

Шаги совсѣмъ стихли, но Збышко отлично слышалъ, что что-то остановилось въ двадцати или тридцати шагахъ отъ него и опустилось на землю. Онъ оглянулся разъ, оглянулся въ другой, но ничего не могъ разсмотрѣть, хотя очертанія сосновыхъ стволовъ довольно ясно рисовались во мракѣ. Ничего другого не оставалось, какъ только ждать.

И онъ ждалъ такъ долго, что изумленіе вторично овладѣло имъ.

— Медвѣдь не пришелъ бы спать подъ бортью, да и волкъ почуялъ бы меня и тоже не сталъ бы ждать до утра.

И вдругъ по всему его тѣлу пробѣжали мурашки.

А ну какъ какая-нибудь нечисть вылѣзла изъ болота и подкрадывается къ нему сзади? А ну какъ его неожиданно обхватятъ осклизлыя руки утопленника или прямо въ лицо заглянутъ зеленые глаза упыря, ну какъ позади него раздастся пронзительный хохотъ или изъ-за сосны покажется синяя голова на паучьихъ ножкахъ?

И онъ почувствовалъ, какъ его волосы встаютъ дыбомъ подъ желѣзнымъ чепцомъ.

Но черезъ минуту шелестъ послышался уже передъ нимъ и на этотъ разъ яснѣе, чѣмъ прежде. Збышко вздохнулъ свободнѣе. Правда, то же самое «диво» могло обойти его и теперь приближается къ нему спереди. Спереди все не такъ страшно. Збышко взялъ поудобнѣй рогатину, тихо поднялъ ее и ждалъ.

Вдругъ надъ головою онъ услышалъ шумъ сосенъ, на лицѣ почувствовалъ сильное дуновеніе вѣтра, тянувшаго съ болота, и вмѣстѣ съ тѣмъ до него долетѣлъ запахъ, какой обыкновенно издаютъ медвѣди.

Теперь не было никакого сомнѣнія,—пробирался мишка.

Збышко въ одну минуту пересталъ бояться и, наклонивъ голову, напрягъ зрѣніе и слухъ. Шаги приближались, тяжелые, ясно слышные, смрадъ становился болѣе острымъ; вскорѣ до Збышка долетѣли сопѣнье и глухое ворчаніе.

— Только бы не два сразу!—подумалъ Збышко.

Но въ эту минуту онъ увидалъ передъ собою огромный, темный силуэтъ звѣря, который шелъ по вѣтру и до послѣдней минуты не могъ почуять Збышка, тѣмъ болѣе, что деревья вокругъ были обмазаны медомъ.

— Милости просимъ, дѣдъ!—крикнулъ Збышко, выходя изъ-за сосны.

Медвѣдь издалъ короткое рычаніе, какъ будто испуганный не ожиданнымъ явленіемъ, но былъ черезчуръ близко отъ человѣка, чтобъ искать спасенія въ бѣгствѣ, въ одну минуту сталъ на заднія лапы, а переднія распростеръ, какъ будто хотѣлъ заключить кого-нибудь въ объятія. Этого собственно и ждалъ Збышко; онъ весь съежился, сдѣлалъ огромный прыжокъ и изо всей силы могучихъ рукъ, налегая всею своею тяжестью, вонзилъ рогатину въ грудь звѣря.

Весь боръ дрогнулъ отъ пронзительнаго рычанія. Звѣрь схватилъ лапами рогатину, намѣреваясь вырвать ее, но крючки на остріяхъ зацѣпились за мясо, и мишка, почувствовавъ боль, загремѣлъ еще страшнѣе. Желая достать до Збышка, онъ напиралъ на рогатину и вонзалъ въ себя остріе еще глубже. Збышко не зналъ, какъ глубоко вошло оно, и не пускалъ древка. Человѣкъ и звѣрь вступили въ смертную борьбу. Боръ дрожалъ отъ крика, въ которомъ звучало бѣшенство и отчаяніе. Збышко не могъ взять топоръ, не вбивши предварительно въ землю другого, заостреннаго конца рогатины, а медвѣдь, схвативъ лапами древко, махалъ имъ и Збышкомъ, какъ будто понималъ, въ чемъ дѣло, и, несмотря на боль, которую причиняло ему каждое движеніе глубоко засѣвшаго острія, не давалъ «подпереть» себя. Такимъ образомъ страшная борьба затягивалась, и Збышко понялъ, что въ концѣ концовъ силы его истощатся. Кромѣ того, онъ могъ упасть, тогда гибель его была бы неизбѣжна, и, собравъ всѣ свои силы, напрягъ руки, широко разставилъ ноги, согнулъ спину, какъ лукъ, чтобъ не опрокинуться навзничъ, и, не помня себя, повторялъ сквозь стиснутые зубы

— Моя смерть или твоя!...

Имъ овладѣлъ такой гнѣвъ, такое бѣшенство, что въ эту минуту онъ, дѣйствительно, предпочелъ бы погибнуть самъ, чѣмъ выпустить звѣря. Наконецъ, зацѣпившись ногой за корень сосны, онъ зашатался и упалъ бы, еслибъ вдругъ передъ нимъ не предстала какая-то темная фигура. Другая рогатина «подперла» медвѣдя и вмѣстѣ съ тѣмъ надъ самымъ ухомъ Збышка вдругъ раздался чей-то голосъ:

— Топоромъ!...

Збышко, увлеченный борьбой, ни на минуту не раздумывая о томъ, откуда пришла къ нему помощь, схватилъ топоръ и нанесъ страшный ударъ медвѣдю. Рогатина сломалась подъ тяжестью медвѣдя, и онъ, храпя, свалился на землю. Конвульсіи

продолжались недолго. Наступила снова тишина, нарушаемая только тяжелымъ дыханіемъ Збышка, который прислонился къ стволу сосны, потому что ноги такъ и подгибались подъ нимъ. Только спустя нѣсколько минутъ онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на стоящую передъ нимъ фигуру и испугался при мысли, что это, можетъ быть, не человѣкъ.

— Кто тутъ?—неспокойно спросилъ онъ.

— Ягенка,—отвѣтилъ тонкій женскій голосъ.

Збышко даже онѣмѣлъ отъ удивленія и не вѣрилъ собственнымъ глазамъ. Но сомнѣніе его продолжалось не долго, потому что голосъ Ягенки раздался снова:

— Я высѣку огонь.

Послышался стукъ огнива о кремень, посыпались искры, и при ихъ мерцающемъ свѣтѣ Збышко увидалъ бѣлое лицо, темныя брови и губы дѣвушки, которая раздувала затлѣвшійся трутъ. Только тогда Збышко сообразилъ, что Ягенка пришла въ лѣсъ, чтобъ оказать ему помощь, что безъ ея рогатины ему пришлось бы плохо, и почувствовалъ такую признательность къ ней, что, не раздумывая долго, обнялъ ее и расцѣловалъ въ обѣ щеки. Трутъ и огниво Ягенки упали на земь.

— Оставь! Зачѣмъ?—заговорила она глухимъ голосомъ, но не отнимала своего лица и какъ бы нечаянно нѣсколько разъ коснулась своими губами губъ Збышка.

Онъ выпустилъ ее и сказалъ:

— Да вознаградитъ тебя Богъ. Я не знаю, что было бы со мною безъ тебя.

Ягенка, отыскивая въ темнотѣ огниво и трутъ, начала объясняться:

— Я боялась за тебя,—Бездухъ тоже пошелъ съ рогатиной и топоромъ, и медвѣдь ободралъ его. Сохрани Богъ, Мацьку было бы большое горе, а онъ и такъ еле дышетъ... Ну, я взяла рогатину и пошла.

— Такъ это ты заходила тамъ изъ-за сосны?

— Я.

— А я думалъ, что какая-нибудь нечисть.

— И меня разбиралъ не малый страхъ,—возлѣ Радзиковскаго болота ночью безъ огня плохо.

— Отчего же ты не окликнула меня?

— Боялась, что ты меня прогонишь.

И она снова начала высѣкать огонь, а потомъ положила на

трутъ горсть сухой кострики, которая сейчасъ же вспыхнула яркимъ пламенемъ.

— Собери сушняку,—сказала Ягенка,—у насъ будетъ огонь.

Черезъ нѣсколько минутъ подъ соснами трещалъ веселый костеръ, свѣтъ котораго освѣщалъ огромную рыжую тушу медвѣдя, лежащаго въ лужѣ крови.

— Не дурна штука!—съ оттѣнкомъ хвастовства проговорилъ Збышко.

— Голова почти вся разсѣчена! Боже мой!

Ягенка наклонилась и запустила руку въ медвѣжьи кудлы, чтобъ узнать, насколько онъ жиренъ, потомъ поднялась съ веселымъ лицомъ.

— Сала хватитъ года на два!

— А рогатина твоя сломана,—посмотри-ка.

— Вотъ то-то и бѣда, что я скажу дома?

— А что?

— Тятя на отрѣзъ не пустилъ бы меня, вотъ я и ждала, пока всѣ не улягутся.

Черезъ минуту она прибавила:

— Не говори, что я была здѣсь, а то надо мною станутъ смѣяться.

— Ну, хорошо.

Долго болтали они при веселомъ блескѣ костра надъ трупомъ медвѣдя, оба похожіе на какихъ-то молодыхъ лѣсныхъ божковъ.

Збышко посмотрѣлъ на прелестное лицо Ягенки, освѣщенное красноватымъ отблескомъ огня, и сказалъ съ невольнымъ удивленіемъ:

— Другой, какъ ты, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ. Тебѣ бы только на войну ходить!

Она съ минуту смотрѣла прямо ему въ глаза, потомъ отвѣтила почти грустно:

— Я знаю... только ты не смѣйся надо мной.

VII.

Ягенка сама натопила большой горшокъ медвѣжьяго сала. Первую кварту Мацько выпилъ охотно, потому что сало было свѣжее, не подгорѣлое и пахло дягилемъ, который Ягенка, мастерица составлять лѣкарства, вмѣру подложила въ горшокъ. Мацько тотчасъ же ободрился духомъ и сталъ надѣяться, что выздоровѣетъ.

— Это мнѣ и нужно было, — говорилъ онъ. — Когда внутри

все какъ слѣдуетъ обсалится, то, можетъ быть, и проклятый обломокъ современемъ выйдетъ наружу.

Слѣдующія кварты Мацьку уже не такъ приходились по вкусу, какъ первая, но онъ принималъ ихъ по необходимости. Къ тому же Ягенка постоянно подбодряла его.

— Вы будете здоровы,—говорила она.—Збилюду изъ острога обломокъ кольчуги глубоко засѣлъ въ спину, а отъ сала вышелъ наружу. Только какъ рана откроется, надо мазать бобровымъ жиромъ.

— А бобровый жиръ у тебя есть?

— Есть. А если нуженъ будетъ свѣжій, мы со Збышкомъ пойдемъ на бобровыя гнѣзда. Бобровъ здѣсь сколько угодно. Но не мѣшало бы вамъ обѣщать что-нибудь какому-нибудь святому, который помогаетъ отъ ранъ.

— Мнѣ и самому это приходило въ голову, только я не знаю хорошенько, какому. Святой Георгій—патронъ рыцарей, онъ оберегаетъ воина отъ опасности и въ случаѣ надобности прибавляетъ ему мужества. Говорятъ, что часто онъ самолично становится въ ряды правыхъ и помогаетъ бить враговъ Божіихъ. Но тотъ, кто самъ охотно бьется, рѣдко возится съ ранами, для этого долженъ быть другой святой, у котораго святой Георгій дѣла не отбиваетъ. У всякаго святого въ небесахъ свои обязанности и свое хозяйство,—это всѣмъ извѣстно! Одинъ никогда не вмѣшивается въ дѣла другого, потому что изъ этого можетъ выйти несогласіе, а въ небесахъ святымъ неприлично ссориться и вздорить... Косьма и Даміанъ тоже великіе святые, — имъ молятся врачи, чтобъ на свѣтѣ не переводились болѣзни, потому что иначе имъ нечего будетъ ѣсть. Святая Аполлонія помогаетъ отъ зубовъ, святой Либорій отъ каменной болѣзни, да это все не то! Пріѣдетъ аббатъ, онъ скажетъ, къ кому мнѣ обратиться. Не всякій клирикъ знаетъ всѣ Божескія тайны, не всякому это дано, хотя онъ и ходитъ съ бритою головою.

— А еслибъ вы дали обѣтъ самому Господу Іисусу?

— Что Онъ выше всѣхъ, это вѣрно. Но это было бы то же самое, какъ еслибы, къ примѣру, твой отецъ побилъ бы моего мужика, а я отправился бы въ Краковъ жаловаться самому королю. Что бы мнѣ сказалъ тогда король? Онъ сказалъ бы такъ: «Я хозяинъ всего королевства, а ты ко мнѣ лѣзешь съ своимъ мужикомъ! Развѣ нѣтъ судовъ? не можешь ты идти въ городъ къ моему каштеляну?» Господь Іисусъ хозяинъ всего міра, понимаешь?—а на малыя дѣла есть святые.

— Я вамъ вотъ что скажу, — заговорилъ Збышко, который

подошелъ къ концу разговора: — дайте вы обѣтъ нашей усопшей королевѣ, что если она поможетъ вамъ, то вы совершите путешествіе въ Краковъ къ ея гробницѣ. Развѣ мало чудесъ совершилось тамъ еще на нашихъ глазахъ? Къ чему искать чужихъ святыхъ, коли у насъ есть своя Госпожа получше другихъ.

— Да, еслибъ я зналъ, что она помогаетъ отъ ранъ!

— А хоть бы и не такъ! Никакой святой не осмѣлится на нее ворчать, а заворчитъ, такъ еще самъ отъ Господа Бога нагоняй получитъ,—вѣдь это не какая-нибудь пряха, а польская королева...

— Которая привела къ христіанству послѣднюю языческую страну. Это ты умно сказалъ,—отвѣтилъ Мацько.—Должно быть она высоко сидитъ въ Божьемъ Совѣтѣ и вѣрно, что какой-нибудь святой противъ нея сдѣлать ничего не можетъ. Какъ ты совѣтуешь, я такъ и сдѣлаю, только бы мнѣ выздоровѣть!

Совѣтъ этотъ понравился и Ягенкѣ, которая не могла скрыть своего удивленія уму Збышка. Мацько въ тотъ же вечеръ произнесъ торжественный обѣтъ и съ той поры еще съ большей надеждой глоталъ медвѣжье сало, ожидая со дня на день выздоровленія. Однако, черезъ недѣлю, надежда эта стала уменьшаться. Старый рыцарь жаловался, что сало «кипитъ» у него въ желудкѣ, а возлѣ послѣдняго ребра что-то растетъ, словно пуговица. Черезъ десять дней стало еще хуже: пуговица сильно выросла и покраснѣла, самъ Мацько сильно ослабѣлъ и, когда его схватила горячка, снова сталъ готовиться къ смерти.

Однажды ночью онъ вдругъ взбудилъ Збышка.

— Зажги скорѣй лучину,—сказалъ онъ,—что-то творится со мной, только я не знаю, хорошее или дурное.

Збышко вскочилъ на ноги и, не высѣкая огня, раздулъ уголья на очагѣ, зажегъ смоляную щепку и подошелъ къ Мацьку.

— Что съ вами?

— Что со мной! Пуговицу что-то прокололо, должно быть обломокъ. Я держу его, но вытащить не могу, чувствую только, какъ онъ скрипитъ у меня подъ ногтями.

— Обломокъ, иначе быть не можетъ! Ухватите получше и вытягивайте.

Мацько ёжился и стоналъ отъ боли, но запускалъ пальцы все глубже, пока не обхватилъ хорошенько какой-то твердый предметъ, потомъ рванулъ его и вытащилъ.

— О, Господи!

— Готово?—спросилъ Збышко.

— Готово. Даже въ потъ ударило!... Смотри, вотъ онъ!

И онъ показалъ Збышку продолговатый острый обломокъ, который отломился отъ плохо сдѣланнаго копья и нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ въ тѣлѣ стараго рыцаря.

— Ну, слава Богу и королевѣ Ядвигѣ. Теперь вы будете здоровы.

— Можетъ мнѣ и полегчаетъ, а только теперь ужасно больно,—проговорилъ Мацько.—Вонъ и кровь потекла... Какъ всякой дряни въ человѣкѣ меньше, такъ и болѣзнь отпуститъ. Ягенка говорила, что теперь надо къ ранѣ прикладывать бобровый жиръ.

— Завтра мы пойдемъ на бобровъ.

Мацьку сразу стало значительно лучше. Онъ спалъ до поздняго утра, а проснувшись—потребовалъ ѣсть. На медвѣжье сало онъ уже не могъ глядѣть, за то ему выпустили на сковороду два десятка яицъ,—больше Ягенка изъ предосторожности не дозволила. Мацько жадно съѣлъ яичницу вмѣстѣ съ половиной каравая хлѣба и запилъ гарнцемъ пива, а потомъ потребовалъ, чтобъ къ нему привели Зыха,—такъ ему сдѣлалось весело.

Збышко послалъ одного изъ своихъ турокъ за сосѣдомъ, и Зыхъ пріѣхалъ верхомъ послѣ полудня, какъ разъ въ то время, когда молодые люди собирались на Одстайное озеро за бобрами.

Сначала старики шутили, смѣялись и много пѣли за чаркою меда, но потомъ начали разговаривать о дѣтяхъ и расхваливать каждый своего.

— Что за парень Збышко!—говорилъ Мацько,—другого такого и на свѣтѣ нѣтъ. И мужественный, и увертливый, какъ рысь, и дѣловитый. Знаете, когда его въ Краковѣ вели на казнь, такъ дѣвки изъ оконъ такъ пищали, какъ будто ихъ кто-нибудь кололъ сзади шиломъ. Да и какія дѣвки-то,—рыцарскія и каштелянскія дочери, а о разныхъ красавицахъ и горожанкахъ я и не говорю.

— Пусть онѣ будутъ и каштелянскія дочери и красавицы, а все-таки не лучше моей Ягенки!—отвѣтилъ Зыхъ изъ Згожелицъ.

— Развѣ я вамъ говорю, что лучше? Въ обращеніи съ людьми лучше Ягенки не найдешь.

— Я тоже про Збышка ничего худого не говорю: лукъ безъ веревки натягиваетъ!...

— И медвѣдя одинъ на одинъ подпереть сможетъ. Видѣли, какъ онъ его хватилъ? Всю голову однимъ ударомъ раскроилъ.

— Голову-то раскроилъ, а подперъ не одинъ,—Ягенка ему помогла.

— Помогла?... Онъ мнѣ ничего не говорилъ.

— Потому что обѣщалъ ей... стыдно, вѣдь, дѣвкѣ ночью по

лѣсамъ шататься. Мнѣ она тотчасъ же сказала, какъ было дѣло. Иныя рады солгать, а она правды никогда не скроетъ. По совѣсти говоря, я не былъ радъ, потому что кто ее знаетъ... Хотѣлъ было прикрикнуть на нее, а она говоритъ такъ: «Если я сама дѣвичьяго вѣнка не уберегу, то и вы, тятя, не убережете его, но не бойтесь,—Збышко знаетъ, что такое рыцарская честь».

— Это вѣрно. И сегодня они вдвоемъ пошли.

— Но къ вечеру возвратятся. По ночамъ дьяволъ бываетъ злѣй, да и стыда дѣвкѣ меньше,—темно.

Мацько помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ, какъ бы про себя:

— А все-таки они съ охотой видятся другъ съ другомъ.

— Гм... Еслибъ онъ другой не далъ обѣта.

— Это, видите ли, рыцарскій обычай. У кого изъ молодыхъ нѣтъ своей госпожи, того считаютъ дуракомъ. Збышко обѣщалъ привезти павлиньи перья и долженъ сорвать ихъ съ головы крестоносцевъ, потому что поклялся рыцарскою честью, до Лихтенштейна также долженъ добраться, а отъ остальныхъ обѣтовъ его можетъ освободить аббатъ.

— Аббатъ пріѣдетъ не сегодня, такъ завтра.

— Вы думаете?—спросилъ Мацько и помолчалъ съ минуту.— Да и что значитъ такой обѣтъ, коли Юрандъ прямо сказалъ ему, что не отдастъ дочери. Другому ли онъ обѣщалъ ее, думаетъ ли посвятить на служеніе Богу,—этого я не знаю, но онъ прямо сказалъ, что не отдастъ дочери.

— Я вамъ говорилъ,—сказалъ Зыхъ,—что аббатъ такъ любитъ Ягенку, какъ будто она была его родная. Въ послѣдній разъ онъ сказалъ такъ: «Родные у меня только по кудели *), но отъ этой кудели больше будетъ нитокъ для тебя, чѣмъ для нихъ.

Мацько безпокойно и даже подозрительно посмотрѣлъ на Зыха и отвѣтилъ:

— Думаю, что вы не захотите обидѣть насъ.

— За Ягенкой пойдутъ Мочидолы,—уклончиво сказалъ Зыхъ.

— Сейчасъ же?

— Сейчасъ. Другой я не отдалъ бы, а ей отдамъ.

— Богданецъ и такъ на половину Збышкинъ, а если Богъ дастъ мнѣ здоровья, то я тутъ устрою хозяйство какъ слѣдуетъ. Вы-то любите Збышка?

---

*) Въ Польшѣ родство раздѣляется на родство *po mieczu* (по мечу въ мужскомъ колѣнѣ) и *po kądzieli* (по кудели въ женской линіи).—*Примѣч. перев.*

Зыхъ заморгалъ глазами и отвѣтилъ:

— Плохо то, что Ягенка, когда вспомнишь о немъ, отворачивается лицомъ къ стѣнѣ.

— А когда вы вспоминаете о другихъ?

— Когда я вспоминаю о другихъ, она фыркаетъ и говоритъ: «еще чего».

— Ну, вотъ видите. Дастъ Богъ при Ягенкѣ Збышко забудетъ о той. Я старикъ, и то забылъ бы. Выпьете меду?

— Выпью.

— Ну, аббатъ... вотъ ужъ мудрый человѣкъ! Между аббатами бываютъ, какъ вы сами знаете, совсѣмъ свѣтскіе люди, но этотъ хоть и не сидитъ среди монаховъ, а все-таки ксёндзъ, а ксёндзъ всегда посовѣтуетъ лучше, чѣмъ простой человѣкъ, потому что и грамотѣ знаетъ и со Святымъ Духомъ близокъ. А что вы дочкѣ хотите уступить Мочидолы,—это правильно. Я тоже, если Господь Іисусъ дастъ мнѣ здоровья, сманю у Вилька изъ Бжозовой нѣсколькихъ мужиковъ. Дамъ каждому по куску хорошей земли, потому что земли въ Богданьцѣ сколько хочешь. Послѣ Рождества Христова пусть поклонятся Вильку и приходятъ ко мнѣ. Развѣ имъ это запрещено? Современемъ и городокъ построимъ, хорошенькій дубовый зàмокъ, обнесемъ его рвомъ... Пусть себѣ Збышко и Ягенка пока ходятъ вмѣстѣ на охоту... Думаю я, что и снѣгу ждать не долго... Привыкнутъ одинъ къ другому, малый о той забудетъ. Пусть ходятъ. Э, да что тутъ долго разговаривать! Выдали бы вы за него Ягенку или нѣтъ?

— Выдалъ бы. Мы ужъ давно сговорились обвѣнчать ихъ, а Мочидолы и Богданецъ чтобъ пошли нашимъ внукамъ.

— Грады!—крикнулъ съ радостью Мацько.—Богъ дастъ посыплются они, какъ градъ. Аббатъ будетъ крестить.

— Только бы онъ пріѣхалъ,—такъ же радостно отвѣтилъ Зыхъ.—Давно я васъ не видалъ такимъ веселымъ.

— Потому что у меня на сердцѣ весело... Обломокъ вышелъ, а что касается Збышка, то вы за него не безпокойтесь. Я понялъ теперь, почему сначала они мало разговаривали, а теперь ходятъ вмѣстѣ и глазъ другъ съ друга не спускаютъ. Выпьемъ еще!

— Выпьемъ!

— За здоровье Збышка и Ягенки!

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Очеркъ народнаго образованія въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ за тридцатилѣтній періодъ дѣятельности земства *).

I.

Приходскія школы въ шестидесятыхъ годахъ.

Новгородское губернское собраніе въ первую же очередную сессію 23 марта 1865 года высказываетъ желаніе о болѣе правильной, чѣмъ было раньше, постановкѣ обученія въ народныхъ школахъ и опредѣляетъ направленіе обученія въ духѣ религіозно - нравственномъ. Результаты религіозно-нравственнаго воспитанія народа должны были сказаться, по мнѣнію земства, въ прекращеніи пьянства, безобразныхъ семейныхъ отношеній, уваженіи закона и личности и, наконецъ, въ развитіи народнаго благосостоянія. Циркуляромъ, изданнымъ по этому поводу, губернская управа приглашаетъ уѣздное земство къ дѣятельному участію въ дѣлѣ народнаго образованія и проситъ его высказаться по слѣдующимъ вопросамъ.

1. Какъ въ настоящее время производится обученіе грамотѣ?

2. Въ какой степени это обученіе удовлетворительно или неудовлетворительно?

3. Что нужно исправить въ этомъ отношеніи и какъ этого достигнуть?

Вопросы эти, при обсужденіи ихъ въ уѣздномъ собраніи, вызвали двѣ записки со стороны гласныхъ собранія о желательной постановкѣ школьнаго преподаванія. Авторы обѣихъ записокъ сходятся во взглядахъ на конечныя цѣли народнаго образованія, приписывая огромное значеніе религіозно-нравственному воспитанію народа, и существенно расходятся по вопросу о правильной организаціи школьнаго преподаванія.

---

*) Чтобы не пестрить текста постоянными ссылками на источники, приведемъ ихъ въ одномъ мѣстѣ: 1) доклады Бѣлозерской управы земскимъ собраніямъ; 2) журнальныя постановленія собраній; 3) *Обзоръ дѣятельности земства по народному образованію за 15 лѣтъ. Бѣлозерскій уѣздъ*. Изданіе новгородскаго губернскаго земства 1882 года; 4) отчетъ о съѣздѣ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ восточной половины Новгородской губерніи, въ Череповцѣ, при учительской семинаріи съ 15 по 27 іюня 1883 года.

Особенно любопытна для нашего времени одна изъ этихъ записокъ, воспроизводящая взгляды на воспитаніе г-жи Простаковой.

«Итакъ, по моему мнѣнію, — читаемъ въ запискѣ гласнаго Б.,—каждый русскій долженъ знать грамоту, т.-е. писать и читать на русскомъ языкѣ. Ариѳметикѣ я считаю лишнимъ обучать народъ: лишь было бы что считать, а научиться считать легко будетъ, чему имѣемъ примѣры въ мальчикахъ при лавкахъ: какъ они ловко считаютъ и даже обсчитываютъ, а ариѳметики и въ глаза не видали».

Авторъ второй записки главнымъ образомъ имѣетъ въ виду повышеніе грамотности въ народѣ, для чего предлагаетъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ изданіи закона, воспрещающаго избирать въ старшины неграмотнаго крестьянина раньше 35-ти-лѣтняго возраста, выдачу неграмотнымъ крестьянамъ видовъ на отлучку болѣе года и т. д.

Такъ какъ собраніе не остановилось ни на одномъ изъ этихъ проектовъ, а пожелало остаться при прежней постановкѣ дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ, то мы не находимъ нужнымъ входить въ обсужденіе предложенныхъ программъ обученія, а посмотримъ, кѣмъ и какъ велось школьное образованіе при введеніи въ дѣйствіе земскихъ учрежденій.

Нужно ли говорить, что болѣе или менѣе правильно-организованныхъ школъ не существовало? Изъ приходскихъ школъ, весьма не устойчивыхъ, было очень мало такихъ, гдѣ преподаваніе велось самими священниками; въ большинствѣ случаевъ обученіемъ грамотѣ занимались причетники. Такія школы, по отзывамъ управы, только числились на бумагѣ, въ дѣйствительности же почти не существовали. Обученіе грамотѣ велось безъ всякой системы, безъ примѣненія какихъ-либо руководствъ и къ тому же очень неаккуратно. Неаккуратность классныхъ занятій весьма естественна и легко объяснима: преподаватели-причетники имѣли свои прямыя обязанности и призваны были къ преподавательской дѣятельности не по собственному желанію, а по принужденію духовнаго начальства. Обязательность обученія мальчиковъ мѣстнымъ причтомъ не дала, да и не могла дать сколько-нибудь желательныхъ результатовъ. Обученіе велось спустя рукава при невозможныхъ условіяхъ: педагогическіе пріемы учителей-причетниковъ и система обученія по букварю и часослову, разумѣется, не могли пріохотить населеніе къ образованію, а прямо-таки воспитывали нелюбовь къ школѣ. Вотъ какую печальную картину школьнаго дѣла рисуютъ намъ священники въ своихъ донесеніяхъ:

«Въ Шольской приходской школѣ въ первые годы число мальчиковъ доходило за 20 и на успѣхъ образованія можно было имѣть пріятныя надежды, если бы само общество сколько-нибудь сочувствовало народному образованію. Но какъ съ 1861 года и по настоящее время хотя и существуетъ училище, но, не имѣя никакихъ средствъ къ поддержанію, ни удобнаго помѣщенія, ни руководствъ, ни сочувствія со стороны прихожанъ, оное училище начинаетъ приходить въ упадокъ, и число мальчиковъ

сократилось въ настоящее время до 10, но и тѣ не подаютъ никакой надежды на успѣхъ, такъ что едва ли не придется закрыть училище».

«Школа въ приходѣ существуетъ помощію Божіей, — пишетъ священникъ Лозской церкви,—находится она, по неотводу и по сію пору приходскими людьми удобной и ближайшей квартиры, въ мірской кельѣ, тѣсной, душной и невмѣстительной, у церкви Господней, отстоящей отъ мѣста жительства и причта въ разстояніи цѣлой версты, на острову, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою. Часословы и псалтири заимствуются въ церкви». Въ донесеніи священника Кулигской церкви, между прочимъ, читаемъ: «прихожане мои, къ сожалѣнію, видно еще не созрѣли для пониманія пользы грамотности, что легко замѣтить изъ того, что желающихъ обучаться явилось только 5 человѣкъ, которые и были обучаемы мною чтенію и письму въ 1862, 1863, 1864 и 1865 годахъ не болѣе $2^1/_2$ мѣсяцевъ въ годъ, именно въ февралѣ, мартѣ и части апрѣля, какъ мѣсяцевъ, менѣе важныхъ для сельскихъ работъ, а потомъ мальчики отходили по домамъ, хотя для меня крайне непріятно было таковое ихъ отлученіе».

Въ такомъ крайне печальномъ положеніи находилось школьное дѣло первое время при введеніи земскихъ учрежденій, пока управа и собраніе присматривались къ дѣлу и вырабатывали планы устройства школъ на новыхъ началахъ. Собраніе 1867 года, вполнѣ сознавая нераціональность школьнаго дѣла въ уѣздѣ и фактическую невозможность отыскать въ данную минуту лучшихъ учителей изъ лицъ не духовнаго званія, дѣлаетъ такое постановленіе: «Запросить училищный совѣтъ, могутъ ли священники, при церквахъ коихъ предполагается открыть школы, по своимъ нравственнымъ качествамъ и педагогическимъ способностямъ, принять на себя обязанность преподавателей, и пригласить въ качествѣ учителей тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ получатся удовлетворительные отзывы». Плата за обученіе была назначена по 2 р. за ученика.

Порѣшивъ такимъ образомъ сдать обученіе грамотѣ въ руки наиболѣе способныхъ священниковъ, собраніе ассигновало 500 рублей на народное образованіе и поручило управѣ озаботиться пріобрѣтеніемъ учебныхъ книгъ: начатокъ христіанскаго ученія, священныхъ исторій, букварей и ариѳметикъ, причемъ расходы на этотъ предметъ рѣшено отнести на счетъ двухъ рублей вознагражденія преподавателя. Для того, чтобъ учителя не показывали произвольнаго числа учениковъ и добросовѣстно вели дѣло, выдачу вознагражденія постановлено производить по засвидѣтельствованіи училищнымъ совѣтомъ, мировыми посредниками и членами управы дѣйствительнаго числа учениковъ и успѣховъ преподаванія. Это была первая и послѣдняя попытка вдохнуть жизнь въ церковно - приходскую школу того времени. Успѣхомъ она не увѣнчалась: въ 1867 году такихъ школъ съ избранными учителями-священниками было открыто 23; 4 школы изъ числа 23 закрыты въ томъ же году по неявкѣ учащихся, остальныя школы, какъ видно изъ отчета о состояніи училищъ за 1868 г., едва влачили свое существованіе.

Такое заключенiе отчета будетъ еще понятнѣе, если мы приведемъ цифры общихъ расходовъ на начальное образованiе за 3 первые года дѣятельности земства. Оказывается, что на содержанiе всѣхъ школъ въ уѣздѣ земство тратило меньше, чѣмъ выдавало пособiя на содержанiе одной Бѣлозерской женской прогимназiи.

Годы.	Израсх. на сод. школъ.	Выдано пособ. женск. прог.	Итого на народ. образ.
Въ 1866	209 р.	500 р.	709 р.
» 1867	500 »	500 »	1,000 »
» 1868	283 »	500 »	783 »
Итого . .	992 р.	1,500 р.	2,492 р.

Такимъ образомъ расходы на одну школу выражаются:

Для 1867 г. цифрой . . . . 9 р. 09 к.
на содерж. 1 ученика . . . . — 63 »
» 1868 г. цифрой . . . . 22 р. 75 к.
на содерж. 1 ученика . . . . 1 » 50 »
» 1869 г. цифрой . . . . 18 р. 87 к.
на содерж. 1 ученика . . . . 1 » 10 »

При такихъ слишкомъ скромныхъ расходахъ на содержанiе школъ нельзя, конечно, претендовать на успѣхъ образованiя, но такъ какъ и эти въ сущности микроскопическiя суммы расходовались непроизводительно вслѣдствiе крайняго несовершенства въ постановкѣ учебнаго дѣла въ школахъ, то земство и не имѣло намѣренiя увеличивать ассигновку.

Собранiе 1868 года вполнѣ убѣдилось, что никакiя паллiативныя мѣры тутъ не помогутъ, такъ какъ все зданiе, построенное на слишкомъ непрочномъ фундаментѣ, нуждается въ коренной передѣлкѣ. Въ виду этого собранiе круто измѣняетъ направленiе своей дѣятельности и рѣшаетъ: «всѣ матерiальныя средства, ассигнуемыя на народное образованiе, направить на подготовку учителей, отнюдь не поддерживая существующихъ школъ». «Какъ только распространился слухъ объ этомъ постановленiи, многiя школы (преимущественно содержимыя церковно-служителями) закрылись, и изъ 22 школъ въ уѣздѣ съ 332 учащимися осталось только 11 съ 172 учениками».

Изъ этой краткой характеристики школьнаго дѣла въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ 60 годахъ мы видимъ, что при первыхъ же шагахъ дѣятельности земства выдвинулся вопросъ объ упорядоченiи состава учителей. Мы видѣли, что замѣна учителей-причетниковъ учителями-священниками не дала сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. Школы въ огромномъ большинствѣ случаевъ было положительно несостоятельны. Учениковъ въ нихъ мало, а учителя не удовлетворяли своему назначенiю.

II.

Заботы земства о подготовкѣ учителей.

При такомъ положеніи вещей естественно возникъ вопросъ о привлеченіи на службу земства новыхъ силъ съ педагогическою подготовкой, «но этихъ учителей надобно было еще создать, надобно было ихъ подготовить, и бѣлозерское земство направляетъ всѣ свои усилія именно въ эту сторону. Оно очень охотно принимаетъ участіе въ устройствѣ педагогическихъ курсовъ и относится крайне сочувственно къ мысли объ открытіи учительскихъ семинарій».

2 іюня 1869 года, по инаціативѣ новгородскаго губернскаго земства, открыты въ г. Череповцѣ педагогическіе курсы для ознакомленія учителей съ новѣйшимъ методомъ преподаванія и вообще подготовки ихъ къ учительской дѣятельности. Каждому уѣзду было предоставлено право отправить на курсы на счетъ губернскаго земства 9 человѣкъ болѣе способныхъ учителей. Задача оказалась далеко не легкою. Чтобы набрать полный комплектъ учителей для слушанія курсовъ, управа просила указать священниковъ и волостныхъ старшинъ указать на болѣе способныхъ лицъ для учительской дѣятельности; собирала справки и дѣлала приглашенія чрезъ своихъ членовъ во время ихъ разъѣздовъ по уѣзду и, все-таки, не могла вполнѣ удачно достигнуть цѣли, такъ какъ изъ 9 человѣкъ, отправленныхъ въ Череповецъ, только 4 имѣли нѣкоторыя понятія о преподаваніи, занимаясь обученіемъ дѣтей въ сельскихъ школахъ. Эти 9 человѣкъ и были отправлены земствомъ для слушанія педагогическихъ курсовъ. Чтобъ облегчить пониманіе слышаннаго во время лекцій г. Столпянскаго, управа просила двухъ лучшихъ учителей, Остроумова и Братолюбова, заниматься на дому съ товарищами, за что, въ случаѣ успѣха, обѣщала вознагражденіе. Въ докладахъ о дѣлахъ управы не имѣется никакихъ указаній относительно программы занятій и общаго теченія дѣлъ на педагогическихъ курсахъ. Письмо учителя Остроумова къ предсѣдателю управы является единственнымъ источникомъ, способнымъ хоть сколько-нибудь пролить свѣтъ на дѣятельность педагогическихъ курсовъ, и потому мы считаемъ не лишнимъ взять изъ него все, что пригодно для нашей цѣли. «По пріѣздѣ въ Череповецъ,—пишетъ Остроумовъ,—всѣ мы устроились на одной квартирѣ. Посланныхъ вами трехъ человѣкъ мы также пригласили къ себѣ и такимъ образомъ насъ, бѣлозеровъ, собралось 9 человѣкъ,—какъ видите, полный комплектъ учителей Бѣлозерскаго уѣзда. До 20-го іюня у насъ не было никакихъ занятій по педагогикѣ и только 20-го, по прибытіи изъ Петербурга педагога Столпянскаго, открылись занятія. Признаться, я не могъ и представить себѣ, чтобы въ программу знаній учителя входило столько предметовъ. И какіе предметы! Психологія, физіологія, физическая исторія, математика, Законъ Божій, пѣніе и разборъ разныхъ методовъ преподаванія. И вотъ эти науки предлагается усвоить такимъ учителямъ Бѣлозерскаго уѣзда, которыхъ мнѣ и Братолюбову приходится учить сложенію и

вычитанію. Ариѳметика и Законъ Божій удобопонятны, а вотъ психологія и физіологія, обращеніе земли около солнца и обращеніе крови изъ сердца въ легкія и весь организмъ—вопросъ. Но будьте увѣрены, что чего-нибудь да добьемся и, дастъ Богъ, расшевелимъ ихъ умственныя способности, такъ какъ учимъ мы не порознь, а вмѣстѣ, и на квартирѣ повторяемъ снова то, что слышали на курсахъ. Въ 9 часовъ мы собираемся въ классъ и до 12 занимаемся методомъ преподаванія съ дѣтьми, съ 2 до 4 слушаемъ лекціи по физіологіи и другимъ предметамъ, а съ 6 до 8 должны заняться критическимъ разборомъ пройденнаго. Такимъ образомъ, на взаимную бесѣду между собою мы удѣляемъ то время, когда добрые люди уже спятъ».

Въ концѣ іюля предсѣдатель управы ѣздилъ въ Череповецъ съ цѣлью самому познакомиться съ методомъ преподаванія г. Столпянскаго и узнать лично отъ него, какъ идутъ занятія бѣлозерскихъ учителей, кто изъ нихъ и насколько преуспѣваетъ. По возвращеніи въ Бѣлозерскъ, предсѣдатель заявилъ управѣ, что онъ пораженъ быстрыми успѣхами учителей Бѣлозерскаго уѣзда, а отъ г. Столпянскаго получилъ заявленіе, что 7 человѣкъ изъ числа 9 будутъ способны занять должность учителя. «Управа, въ свою очередь, ознакомилась съ методомъ преподаванія г. Столпянскаго черезъ своего предсѣдателя, а для того, чтобъ ознакомить собраніе съ тѣмъ успѣхомъ, который достигается при обученіи по этому методу, управа, до отправленія Остроумова въ сельскую школу, собрала неграмотныхъ мальчиковъ, съ которыми онъ и занимался въ теченіе мѣсяца по одному часу въ день. Эту временную школу управа рекомендовала вниманію собранія и такимъ образомъ дала ему возможность ознакомиться съ новымъ методомъ обученія».

«Остроумовъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ въ одну изъ сельскихъ школъ, а помощникомъ къ нему назначенъ другой учитель, тоже изъ числа курсистовъ. Это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобъ Остроумовъ, поставивъ правильно дѣло въ своей школѣ, могъ бы, передавъ занятія своему помощнику, отправиться по другимъ школамъ и установить и въ нихъ правильный ходъ занятій. Такимъ образомъ устанавливается должность наставника-наблюдателя. Наблюденіе за правильностью веденія школьнаго дѣла оказалось возможнымъ лишь для тѣхъ школъ, въ которыхъ преподаваніе велось курсистами по методѣ г. Столпянскаго, а такихъ учителей было только 7 человѣкъ, остальные учителя не имѣли никакого понятія о правильныхъ пріемахъ преподаванія. Необходимо было отыскать способъ познакомить и этихъ учителей съ новѣйшими пріемами обученія. Проектъ предсѣдателя управы, принимавшаго горячее участіе въ дѣлѣ подготовки учителей, разрѣшилъ и этотъ вопросъ. Всѣ учителя приглашены были въ управу для совмѣстнаго обсужденія вопроса о наилучшей постановкѣ школьнаго преподаванія и усвоенія метода г. Столпянскаго. Занятія на съѣздѣ велись до такой степени успѣшно, что управа и предсѣдательствующій училищнымъ совѣтомъ, подъ руководствомъ котораго онъ былъ организованъ, вынесли увѣренность, что и тѣ изъ учителей, которые не были на

педагогическихъ курсахъ въ Череповцѣ, могутъ обучать дѣтей съ достаточнымъ успѣхомъ. Сами учителя настолько сознали полезность и необходимость съѣзда, что выразили общее желаніе собираться въ управѣ для сравненія успѣховъ преподаванія и выработки единообразной системы для веденія школъ. На обсужденіе учителей, собравшихся въ 1870 г., между прочимъ были предложены слѣдующіе вопросы: какъ вліять на ученика, не прибѣгая рѣшительно ни къ какимъ мѣрамъ наказанія, какъ вести въ школѣ пѣніе и гимнастическія упражненія, чтобы показать крестьянамъ, что это не шалости.

Педагогическіе курсы въ Череповцѣ устраивались въ теченіе послѣдующихъ 4 лѣтъ, а въ 1871 году—въ теченіе 6 недѣль шли занятія въ учительской школѣ, открытой въ Бѣлозерскѣ съ разрѣшенія училищнаго совѣта. Учительская школа въ Бѣлозерскѣ преслѣдовала тѣ же цѣли. Она давала возможность учителямъ, не бывшимъ на курсахъ, ознакомиться съ принятымъ методомъ преподаванія, а учителямъ-курсистамъ—укрѣпить свои теоретическія познанія и основательно познакомиться съ тѣми предметами, которые ими были не вполнѣ усвоены на курсахъ. Но такъ какъ педагогическіе курсы и учительская школа, являясь временными учрежденіями, не имѣли возможности дать солидную подготовку учителямъ, составъ которыхъ носилъ характеръ чистой случайности, земство пришло къ убѣжденію о необходимости открытія учительскихъ семинарій, въ которыхъ молодые люди получали бы спеціальную подготовку къ веденію учебнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ. Александровская учительская школа въ Новгородѣ, открытая на средства губернскаго земства съ правительственной субсидіей, положила начало созданію желательнаго контингента учителей. Въ первоначальномъ принципѣ созданія учителей черезъ эту школу лежало желаніе губернскаго земства имѣть въ уѣздѣ учителей, вышедшихъ исключительно изъ крестьянской среды, такъ какъ, по мнѣнію земства, такіе учителя были самыми желательными въ смыслѣ ихъ связи съ тою средой, изъ которой они вышли и въ которой по окончаніи курса имъ предстоятъ работы по роду своей дѣятельности. Существовавшія въ то время начальныя училища не могли дать въ учительскія семинаріи хорошо подготовленныхъ кандидатовъ, въ силу чего трехгодичный курсъ учительской школы былъ дополненъ приготовительнымъ классомъ, имѣвшимъ своею задачей дополнить недостатокъ подготовки учениковъ, поступающихъ изъ начальныхъ училищъ.

Но вскорѣ за этимъ на помощь земству въ организаціи начальныхъ школъ пришло министерство народнаго просвѣщенія, давшее возможность имѣть по нѣскольку образцовыхъ одноклассныхъ училищъ въ уѣздѣ съ трехгодичнымъ курсомъ и двуклассныхъ—съ пятигодичнымъ, для коихъ и выработало спеціальныя программы. Земскія школы къ этому времени имѣли уже настолько подготовленныхъ чрезъ учительскую школу учителей, что правительство признало ихъ въ общемъ положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ наравнѣ съ одноклассными министерскими какъ по про-

граммѣ курса, такъ и по тѣмъ льготамъ, какія присвоивались этимъ положеніемъ для окончившихъ курсъ въ образцовыхъ одноклассныхъ училищахъ. Помощь министерства народнаго просвѣщенія не ограничилась исключительно созданіемъ образцовыхъ училищъ: оно пошло навстрѣчу желаніямъ земства и открыло въ Череповцѣ свою учительскую семинарію, такъ какъ одна новгородская была не въ силахъ дать достаточный контингентъ учительскаго персонала для такой обширной губерніи, какъ Новгородская; тѣмъ болѣе, что къ этому времени число земскихъ и министерскихъ школъ въ губерніи значительно увеличилось. Двухклассныя же училища, кромѣ своего прямого назначенія дать большее образованіе и развитіе, чѣмъ дастъ его школа съ трехгодичнымъ курсомъ, явились и мѣстомъ подготовки кандидатовъ въ учительскія семинаріи. Въ силу этого признано возможнымъ упразднить приготовительные классы учительскихъ семинарій, что небезвыгодно отразилось и на бюджетѣ этихъ послѣднихъ.

Учрежденіе учительской школы въ Новгородѣ и учительской семинаріи въ Череповцѣ, куда земство посылало лучшихъ учениковъ преимущественно изъ двуклассныхъ училищъ, замѣщая ими свои вакансіи и вакансіи чужихъ уѣздовъ, почему-либо свободныя, давало возможность бѣлозерскому земству мало-по-малу замѣстить школы спеціально-подготовленными учителями своего уѣзда. Съ этою цѣлью, первое время по открытіи антушевскаго двукласснаго училища, земство содержало въ немъ своихъ стипендіатовъ, которые по окончаніи курса поступали въ учительскія семинаріи. Такъ какъ кандидаты въ учительскія семинаріи изъ начальныхъ училищъ были по преимуществу дѣти крестьянъ, то желаніе земства имѣть въ уѣздѣ учителей изъ крестьянской среды осуществилось безъ всякихъ усилій съ его стороны. Въ 1875 г. учителей-крестьянъ уже насчитывалось 15 человѣкъ (40% общаго числа учителей), въ 1881 г.—29 (60%), въ 1887 и 1895 гг.—80%. По мѣрѣ увеличенія числа учителей изъ среды крестьянъ быстро понижается % учителей изъ духовнаго званія: такъ, напримѣръ, въ 1869 г. учителей духовнаго званія было 18 человѣкъ (70%), въ 1875 г.—17 чел. (45%), въ 1881 г.—3 чел. (8,5%), въ 1887 г.—1 (2,5%), въ 1895 г.—0.

Съ 1873 года, послѣ перваго выпуска учителей изъ александровской учительской школы, земство ежегодно обновляетъ составъ учителей, замѣняя лицъ безъ спеціальной подготовки окончившими курсъ въ семинаріяхъ. Но и эти, несомнѣнно лучшія, силы въ первое время не вполнѣ удовлетворяли требованіямъ земства, такъ какъ оно высказываетъ недовольство ихъ педагогической подготовкой. «Учительскія семинаріи,— говоритъ управа,—какъ въ прежнее время, такъ и теперь не выпускаютъ учителей настолько твердо подготовленныхъ съ педагогической стороны, чтобы для нихъ не требовалось, во-первыхъ, указанія, какъ примѣнять тѣ теоретическія познанія, которыя они пріобрѣли въ семинаріи; во-вторыхъ, критики ихъ практическихъ работъ за каждый учебный годъ и, въ-третьихъ, освѣщенія не только ихъ знаній, но и вообще ихъ научныхъ свѣдѣній

Педагогическіе курсы, устраиваемые періодически въ каникулярное время, были бы особенно полезны для учителей изъ учительскихъ семинарій и служили бы дѣйствительною мѣрой къ упроченію теоретическихъ знаній, вынесенныхъ изъ семинарій. Къ сожалѣнію, учрежденіе курсовъ обстановлено слишкомъ многими формальностями, препятствующими ихъ открытію».

Недовольство земства будетъ понятно, если мы примемъ во вниманіе первоначальный составъ преподавателей александровской учительской школы. Учительскій персоналъ школы, за исключеніемъ ея начальника, состоялъ изъ лицъ со среднимъ и даже низшимъ образованіемъ, а педагогическая ихъ подготовка была случайною. Двое изъ преподавателей были окончившіе курсъ въ духовной семинаріи и прослушавшіе только педагогическіе курсы г. Столпянскаго, устраиваемые въ Череповцѣ для учителей начальныхъ школъ, а руководителемъ начальной школы, въ которой практиковались воспитанники учительской школы, состоялъ діаконъ мѣстной церкви.

Очень вѣроятно, что недовольство педагогическою подготовкой учителей первыхъ выпусковъ сказалось не въ одномъ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, такъ какъ вскорѣ губернское земское собраніе постановило ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о допущеніи въ составъ преподавателей учительской школы лицъ съ высшимъ образованіемъ или проявившихъ особыя педагогическія способности въ дѣлѣ обученія и воспитанія.

Съ начала 80-хъ годовъ до послѣдняго времени не предпринималось никакихъ мѣръ къ поднятію уровня педагогическихъ знаній учителя, если не считать учрежденія въ 1883 г. въ Череповцѣ учительскаго съѣзда, преслѣдовавшаго собственно нѣсколько иныя цѣли. Успѣхи учителей за все время аттестовались управой очень удовлетворительными. Въ 1894 году земство снова приходитъ къ мысли о необходимости устройства для учителей временныхъ педагогическихъ курсовъ. Изъ этого, разумѣется, нельзя вывести того заключенія, чтобъ учителя 90-хъ годовъ были хуже подготовлены состава учителей 80-хъ годовъ. При рѣшеніи этого вопроса земство руководилось исключительно желаніемъ поставить свои школы по успѣхамъ преподаванія на ту высоту, на которой имъ подобаетъ быть при современныхъ требованіяхъ. Земство желало, чтобы руководители курсовъ, какъ спеціалисты, и старшіе учителя, умудренные опытомъ, могли указать на промахи и недостатки въ педагогическихъ пріемахъ молодыхъ, малоопытныхъ учителей и дать имъ дѣльный совѣтъ.

Курсы были открыты съ 8 іюня по 8 іюля и шли подъ руководствомъ двухъ наставниковъ череповецкой семинаріи. «На курсахъ присутствовали всего 32 учителя Бѣлозерскаго уѣзда. Занятія на учительскихъ курсахъ распредѣлялись на утреннія съ 9 часовъ до 12 и вечернія съ 4 часовъ до 6 и позже. Утромъ учителя давали уроки ученикамъ временно устроенной школы; на вечернихъ занятіяхъ уроки эти подвергались всестороннему разбору. Въ подробностяхъ порядокъ занятій былъ слѣдующій:

Каждый учитель накануне своего урока долженъ былъ представить на обсужденіе руководителя и учителей конспектъ своихъ занятій, въ которомъ онъ хочетъ разрабатывать данный ему матеріалъ въ болѣе доступной для пониманія учениковъ формѣ. Конспектъ этотъ по обсужденіи исправляется. Затѣмъ учитель давалъ урокъ ученикамъ въ присутствіи руководителя и учителей, изъ которыхъ двое назначались ассистентами. На обязанности послѣднихъ было слѣдить за ходомъ уроковъ и отмѣчать его слабыя стороны и достоинства. На вечернихъ занятіяхъ учителю-практиканту предоставлялось первому дать заключеніе о качествѣ урока; затѣмъ высказывали мнѣніе ассистенты, потомъ по желанію всѣ прочіе слушатели изъ учителей, и въ заключеніе урокъ подвергался всестороннему разбору со стороны руководителя. Такимъ образомъ было дано учителями 31 урокъ по русскому языку, 17 уроковъ по ариѳметикѣ и 3 урока по чистописанію. Благодаря умѣлой постановкѣ дѣла руководителями, самая непріятная сторона для учителей—публичная оцѣнка и указаніе слабыхъ сторонъ была обставлена такъ, что ничье личное самолюбіе не затрогивалось. Каждый сразу понялъ, что обсуждается урокъ практиканта, а не его способностей. Такъ какъ занятія на курсахъ, повидимому, имѣли цѣлью выяснить болѣе правильные пріемы обученія грамотѣ, то цѣль эту можно считать вполнѣ достигнутой; хотя, по заявленію руководителя, подборъ учителей въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ общемъ весьма хорошій, но, тѣмъ не менѣе, на курсахъ выяснилось, что нѣкоторыми изъ нихъ дѣлались крупные промахи какъ въ пріемахъ преподаванія, такъ и поддержаніи школьной дисциплины. Кромѣ того, каждый данный урокъ, подвергаясь всестороннему разбору учителей и руководителей, непремѣнно освѣщалъ какую-либо слабую сторону практиканта, на которую самъ онъ никогда не обратилъ бы вниманія; напримѣръ, излишняя суетливость, вялость, рѣзкость, неумѣренность въ подборѣ вопросовъ и проч. Выясненіе всѣхъ этихъ недостатковъ, конечно, благотворно отразится въ будущемъ на преподаваніи». По разсмотрѣніи отчета о курсахъ, земское собраніе выразило желаніе, чтобы подобные курсы и впредь устраивались, причемъ было бы весьма полезно, чтобъ о времени разрѣшенія курсовъ извѣщалась управа заблаговременно, по крайней мѣрѣ—за полгода. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ собранія, что подобная мѣра принесетъ осязательные результаты. О разрѣшеніи открытія курсовъ въ 1894 году управа была извѣщена всего за нѣсколько дней до срока ихъ открытія и такимъ образомъ лишена была возможности списаться съ руководителями и познакомить учителей съ программой курсовъ. Руководители съ своей стороны, вслѣдствіе той же причины, никакой опредѣленной программы не выработали и явились съ готовымъ критеріемъ оцѣнки педагогическихъ пріемовъ учителей, вынесеннымъ изъ устюжскихъ курсовъ.

Говоря о подготовкѣ учителей, нельзя обойти молчаніемъ и заботъ земства по устройству учительской библіотеки.

Череповецкій уѣздъ 1883 года постановилъ, между прочимъ, просить

у земства пособія на устройство одной или нѣсколькихъ библіотекъ съ тѣмъ, что сами учителя будутъ дѣлать ежегодный взносъ по 1 рублю. Это ходатайство совершенно совпадало съ желаніемъ земства и потому собраніемъ сочувственно принято. Попытка въ этомъ направленіи уже была сдѣлана раньше. Однимъ изъ предыдущихъ собраній было постановлено вносить ежегодно 150 руб. въ мѣстную общественную библіотеку съ тѣмъ, чтобы при ней былъ устроенъ педагогическій отдѣлъ и чтобъ учителя пользовались безплатно книгами. Привести въ исполненіе это постановленіе управѣ не удалось, такъ какъ высылка книгъ изъ общественной библіотеки въ уѣздъ сопряжена со значительными затрудненіями. Окончательное разрѣшеніе вопроса объ учительской библіотекѣ послѣдовало въ 1884 году съ передачей общественной библіотеки въ завѣдываніе земства. На пополненіе библіотеки книгами земство обязалось ежегодно вносить 150 р. съ тѣмъ, чтобы учителя пользовались книгами на правахъ 4-хъ рублевыхъ подписчиковъ съ платою по 1 руб. въ годъ. Перемѣна книгъ для учителей организована при посредствѣ управы и производится еженедѣльно; пересылка книгъ въ уѣздъ производится по сельской земской почтѣ безплатно.

Свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ учителей встрѣчаются далеко не во всѣхъ докладахъ, и потому мы не можемъ привести ихъ за каждый годъ, а беремъ черезъ пятилѣтіе.

Годы.	Заведенія, въ которыхъ получили образованіе учителя, учительницы и помощники.									Получили спеціальную подготовку.		Не получили специальной подготовки.	
	Бестужевскіе женскіе курсы.	Учительскія семинар.	Духовныя семинар. окончивш. курсъ.	Духовн. семин. средн. и низшій классъ.	Духовныя училища.	Женскія прогимназіи.	Другія низшія уѣздн. заведенія.	Домашн. образов.	Всего.	Число.	%	Число.	%
1869—70	—	—	8	5	2	1	4	4	24	—	0	24	100
1875—76	—	15	8	4	4	2	4	1	38	15	40	23	60
1881—82	—	21	2	—	—	9	3	—	35	21	60	14	40
1887—88	—	34	1	—	—	3	2	—	40	34	85	6	15
1894—95	1	39	—	—	—	2	—	—	42	40	90	2	10

Изъ этой таблицы усматривается, что учителя первыхъ лѣтъ доставлялись главнымъ образомъ духовными семинаріями и училищами и постепенно вытѣснялись окончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Число учительницъ изъ женской прогимназіи, постепенно увеличиваясь, достигаетъ въ 80-хъ годахъ 26% всего учительскаго персонала, но съ средины 80-хъ годовъ начало быстро понижаться. Объясняется это тѣмъ, что училищнымъ совѣтомъ 1884 г. было постановлено: «замѣщать школы учителями-мужчинами и давая имъ преимущество предъ учительницами изъ окон-

чившихъ курсъ въ женской прогимназіи, такъ какъ въ тѣхъ училищахъ, гдѣ преподаваніе велось учительницами, успѣхи школъ оказались гораздо слабѣе».

III.

Заботы земства объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей.

Первое время при введеніи земскихъ учрежденій плата за обученіе грамотѣ причетникамъ и отставнымъ солдатамъ не поднималась выше 60 руб. въ годъ и падала въ иныхъ случаяхъ до 25 руб. Затѣмъ, когда дѣло обученія грамотѣ было передано въ руки священниковъ, плата была установлена по 2 р. за ученика въ годъ съ вычетомъ изъ этой суммы расходовъ на учебныя книги. Такъ какъ общее количество учениковъ въ эти годы было очень незначительно, то и размѣръ вознагражденія за обученіе грамотѣ былъ до-нельзя малъ. Такъ, напримѣръ, въ 1867—8 учебномъ году въ 22 школахъ обучалось дѣтей обоего пола 334 человѣка, считая по 2 руб. за каждаго ученика, получится общая цифра вознагражденія 668 руб. Такимъ образомъ на долю каждаго учителя падаетъ 30 р. 36 к. Въ 1868—9 учебномъ году въ 15 школахъ обучалось 258 человѣкъ, слѣдовательно плата для каждаго преподавателя по тому же разсчету получится 27 р. 70 коп. Но изъ этой платы нужно еще вычесть расходы на пріобрѣтеніе учебныхъ книгъ. Въ отчетѣ управы за 1867 годъ расходъ по вознагражденію учителей показанъ въ суммѣ 466 р. 35 к., слѣдовательно на покупку учебниковъ израсходовано 201 р. 65 к., а на жалованье учителю въ среднемъ 21 р. 20 к. Въ 1868 году средній размѣръ вознагражденія учителя 19 р., сумма общихъ расходовъ по найму учителей 283 р., слѣдовательно покупка учебниковъ стоитъ 133 р. Тотъ фактъ, что нѣкоторые учителя, какъ видно изъ отчетовъ управы, получали по 40—50 р. въ годъ, наглядно доказываетъ справедливость показанія управы, что многія школы того времени только числились на бумагѣ.

Вообще до 1873 года жалованье учителямъ было очень невелико, большинство изъ нихъ получало не больше 60 руб. и только меньшая часть пользовалась содержаніемъ свыше 60, но не больше 150 р. Съ 1873 г., послѣ перваго выпуска учителей изъ Александровской учительской школы, земство имѣетъ уже нѣсколько лучшій составъ учителей; но такъ какъ онъ слишкомъ разнообразился по степени подготовки, то земство нашло необходимымъ подраздѣлить учителей на разряды. Къ первому разряду, имѣющему право на большее вознагражденіе (200 р.), отнесены: а) окончившіе курсъ въ Александровской земской учительской школѣ, б) окончившіе по 1 разряду курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, вновь преобразованныхъ, т.-е. такихъ, гдѣ введена правильная подготовка къ званію учителю. Ко второму разряду (вознагражденіе 150 р.) отнесены: а) окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, кромѣ поименованныхъ въ пунктѣ б предыду-

щаго разряда, б) удовлетворительно аттестованные слушатели Череповецкихъ педагогическихъ курсовъ. Къ третьему разряду (вознагражденіе 60—80 р.) отнесены всѣ прочія лица, занимающіяся обученіемъ въ сельскихъ школахъ. Дѣленіе учителей и школъ на разряды существовало, впрочемъ, не долго, да и учителя безъ спеціальной подготовки начали мало-по-малу замѣщаться окончившими курсъ въ семинаріяхъ.

Взгляды земства на обязанности учителя при открытіи учительской школы не ограничивались только одною воспитательно - образовательною стороной его дѣятельности,— имѣлось въ виду провести черезъ школу въ населеніе и нѣкоторыя прикладныя знанія, которыя могли бы не только благотворно отразиться на благосостояніи народа, но и занять съ матеріальною пользой для учителя его каникулярный досугъ. Поэтому при учительской школѣ было введено обученіе воспитанниковъ столярному и переплетному мастерствамъ. Этой же мысли держалось и министерство народнаго просвѣщенія при открытіи одноклассныхъ и двуклассныхъ образцовыхъ училищъ, изъ коихъ при трехъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ были открыты ремесленные классы съ пособіемъ отъ уѣзднаго земства.

Хотя эти классы существуютъ и до сихъ поръ, результаты ихъ дѣятельности не имѣли въ своемъ отраженіи существенно-благотворныхъ послѣдствій. «Ни одного хорошаго мастера, — говоритъ управа въ докладѣ 1893 года,—до сихъ поръ ремесленные классы не выпустили; учениковъ въ нихъ мало; занятія производятся только въ свободное отъ ученія время. Ученикъ, просидѣвшій надъ книгой съ 8 ч. утра до 3 ч. дня, а весной—передъ экзаменами—еще больше, едва ли будетъ имѣть охоту заниматься еще въ ремесленномъ отдѣленіи. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ отдѣленіи не можетъ быть систематическихъ занятій, такъ какъ все зависитъ отъ того, когда мальчикъ освободится отъ уроковъ въ школѣ и имѣетъ ли онъ желаніе послѣ семичасовыхъ занятій въ школѣ сидѣть еще въ ремесленномъ отдѣленіи. Далѣе, сами руководители, будучи людьми не интеллигентными и не задаваясь никакими высокими цѣлями, кромѣ желанія получить жалованье, относятся къ своему дѣлу крайне индифферентно и не желаютъ заинтересовать и привлечь къ себѣ учениковъ». Такимъ образомъ ремесленныя отдѣленія при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ они находятся теперь, по мнѣнію управы, не приносятъ никакой пользы.

На Череповецкомъ учительскомъ съѣздѣ въ 1883 году былъ поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ ли постановить учителя въ положеніе члена сельскаго общества и открыть ему возможность заниматься земледѣліемъ. «Положеніе учителя,—говорится въ отчетѣ съѣзда,—крайне непригядно: оно немногимъ лучше, чѣмъ положеніе учителя изъ отставныхъ солдатъ и заштатныхъ дьячковъ, съ тою лишь разницей, что новый учитель носитъ модное платье нѣмецкаго покроя и сапоги на высокихъ каблукахъ. Но эти внѣшнія стороны новаго учителя, отличающія его отъ учителя дореформенной школы, еще болѣе усиливаютъ недовѣріе народа; а при недовѣріи и лучшій учитель не можетъ имѣть на народъ нравственнаго вліянія»

Единственнымъ средствомъ, могущимъ устранить это недовѣріе и улучшить положеніе учителя, является, по мнѣнію съѣзда, тѣсное сближеніе его съ народомъ посредствомъ надѣленія школъ землею въ размѣрѣ средняго крестьянскаго надѣла. Разрѣшенія этого вопроса ждали со стороны правительства, но такъ какъ слухъ объ этомъ ничѣмъ не оправдался, то земство въ концѣ 80-хъ годовъ нашло необходимымъ требовать отъ обществъ, желающихъ имѣть училище, отвода 1 десятины земли подъ небольшое поле и огородъ учителя, а въ 1893 году позаботилось дать учителямъ необходимыя свѣдѣнія по садоводству, огородничеству и пчеловодству.

Желаніе земства дать возможность учителю улучшить свое положеніе чрезъ посторонній заработокъ, какимъ является занятіе пчеловодствомъ, садоводствомъ и огородничествомъ, стояло въ связи съ желаніемъ поднять экономическое благосостояніе крестьянъ, пріохотивъ ихъ черезъ учителей къ занятіямъ по огородничеству и пчеловодству.

«Курсы были открыты въ Череповцѣ при учительской семинаріи съ 23 мая и продолжались до 23 іюня. Руководитель курсовъ, директоръ семинаріи, заявилъ управѣ, что всѣ 14 учителей, командированныхъ бѣлозерскимъ земствомъ, занимались съ замѣчательнымъ усердіемъ и самыя тяжелыя и черныя работы исполнялись ими вполнѣ охотно. Всѣ учителя поѣхали домой съ твердымъ намѣреніемъ приложить пріобрѣтенныя знанія къ дѣлу и заняться устройствомъ сада, огорода и пчельника. Занятія на курсахъ были организованы слѣдующимъ образомъ. Учителя (14 чел. Бѣлозерскаго уѣзда, 10 — Кирилловскаго и 10 — окончившихъ курсъ) были раздѣлены на двѣ группы. Первая группа съ 7 час. утра, подъ руководствомъ мастера, работала въ мастерской ульи, которые и поступали въ собственность учителей; вторая группа, подъ руководствомъ директора, работала въ это время въ саду или огородѣ и на сѣнокосѣ. Съ 10 ч. утра до 12½ — шли теоретическія занятія по пчеловодству, а съ 3 ч. до 5 — вторая группа работала въ мастерской, а первая — въ саду, огородѣ и на сѣнокосѣ. Съ 6 ч. до 8½ — шли теоретическія занятія съ обѣими группами по огородничеству, садоводству и пчеловодству. Работы въ огородѣ и саду состояли въ посѣвѣ, посадкѣ, пересадкѣ, полотьѣ и перекопкѣ земли на перевалъ, а на пасѣкѣ — въ подкормѣ пчелъ, подстановкѣ рамокъ, осмотрѣ запасовъ улья, опредѣленій качества матки и проч. Кромѣ того, цѣлый день былъ посвященъ путешествію въ лучшее хозяйство около Череповца, К. Ѳ. Макарова, гдѣ подробно познакомились съ основами многопольнаго хозяйства, осматривали сыроварню, маслодѣльню, земледѣльческія орудія и проч. Далѣе посѣтили плодовоягодный садъ женской гимназіи и сельско-хозяйственную школу. Въ первомъ показана была гибель плодовыхъ деревьевъ отъ антонова огня и отъ затѣненія, а въ сельско-хозяйственной школѣ ознакомились съ веденіемъ хозяйства и съ мастерской земледѣльческихъ орудій. Занятія кончились 23 іюня общимъ повтореніемъ пройденнаго. Всѣ учителя заявили управѣ, что занятія на курсахъ принесли имъ несомнѣнную пользу, особенно благодаря умѣнью руководителя курсами

поставить дѣло такъ, что въ сравнительно непродолжительный срокъ можно было хорошо изучить основанія правильнаго садоводства, пчеловодства и огородничества».

Нельзя возлагать особыхъ надеждъ, чтобы въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ привилось садоводство. Этому мѣшаютъ, во-первыхъ, климатическія условія самой мѣстности; во-вторыхъ, скептическое отношеніе населенія къ выгодамъ этого рода занятій и трудность сбыта продуктовъ садоводства. Занятія огородничествомъ въ небольшихъ размѣрахъ ведутся и въ настоящее время, и нѣтъ сомнѣнія, что учителя внесутъ въ народъ сознаніе о необходимости примѣненія лучшихъ способовъ обработки земли подъ огородъ и раціональнаго ухода за овощами. Чтобы дать возможность учителямъ и населенію пріобрѣсти по дешевой цѣнѣ огородныя сѣмена, управа въ 1894 году открыла при сельско-хозяйственномъ складѣ торговлю этими сѣменами и въ первый же годъ распродала ихъ на 37 руб., а въ 1895 году ихъ было продано на 60 руб. Въ отношеніи развитія пчеловодства курсы принесутъ несомнѣнную пользу. Число учителей пчеловодовъ съ каждымъ годомъ увеличивается, такъ какъ они находятъ, что занятія пчеловодствомъ даютъ вѣрный и хорошій заработокъ. Чтобы не быть голословными приведемъ цифры изъ отчета учителя-пчеловода за 1894 г.:

«Отъ восьми зимовавшихъ семей я получилъ,—пишетъ учитель Бастинъ,—12 пуд. меду, 8¼ ф. воску, 140 рамокъ вощины и 9 роевъ. Считая

12 п. меду по 11 р. за пудъ, получится. . . .	132 р.
8¼ ф. воску по. 60 к.	5 »
140 рамокъ вощины по 25 к.	35 »
9 новыхъ семей по 12 р.	108 »
	280 р.

Исключивъ отсюда 25 р. на подкормку, искусственную вощину, матеріалы для ульевъ и помощнику за работу послѣднихъ, получимъ 255 р., что для меня, получающаго по профессіи 200 руб. въ годъ, составляетъ значительную цифру, на которую нельзя не обратить вниманія. Считаю не лишнимъ сказать по этому поводу еще нѣсколько словъ. Бѣлозерское земство, заслышавъ о пчеловодствѣ, садоводствѣ и огородничествѣ, какъ подходящихъ занятіяхъ для учителей, имѣя вмѣстѣ, какъ надо полагать и свои интересы, устроило при участіи губернскаго земства курсы для учителей. Результаты этихъ курсовъ очевидны: въ настоящее время въ уѣздѣ около 10 человѣкъ занимаются пчеловодствомъ, и нужно надѣяться, что число новыхъ пчеловодовъ въ слѣдующемъ году увеличится. Заключаю это потому, что ко мнѣ многіе обращаются съ просьбой уступить пчелъ. Теперь могу сказать, что пчеловодство и у насъ начнетъ развиваться, и тогда медъ и воскъ, безслѣдно пропадающіе въ природѣ, улучшатъ положеніе многихъ, посвятившихъ досугъ этого рода занятіямъ».

Теперь вернемся снова къ вопросу о содержаніи учителей. Въ настоящее время первоначальный окладъ жалованья каждому вновь поступающему учителю опредѣленъ въ 200 р.

Затѣмъ чрезъ каждые 3 года всѣмъ учителямъ, оказавшимъ достаточные успѣхи, окладъ увеличивается на 20 р., пока не дойдетъ до опредѣленной суммы 300 р. Такая система увеличенія оклада не замедлитъ отразиться на большей продолжительности службы учителей и заставить ихъ стремиться къ достиженію наилучшихъ успѣховъ преподаванія. Размѣръ содержанія, получаемаго въ разное время учителями и учительницами земскихъ школъ, показанъ въ слѣдующей таблицѣ:

РАЗМѢРЪ СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЫ.	отъ 60 до 100	100 132	150 180	200	220	250	30
1869—70	19	4	1	—	—	—	—
1875—76	4	9	2	11	2	2	—
1881—82	—	1	5	10	1	3	3
1887—88	—	—	1	16	3	1	3
1894—95	—	—	—	18	4	1	3

Изъ этой таблицы нельзя не замѣтить постепеннаго увеличенія платы за преподавательскій трудъ, но для насъ главный интересъ представляетъ размѣръ вознагражденія въ настоящее время. Оказывается, что значительное большинство учителей (70%) получаетъ по 200 руб., такъ что на остальные оклады отъ 220 до 300 р. приходится всего лишь 30%. Средній размѣръ вознагражденія учителямъ земскихъ школъ 216,5 руб., тогда какъ для учителей министерскихъ училищъ (особой таблицы не представляемъ) 367,3 р., минимальный окладъ 330 р., максимальный 460—580 р.

Недостаточность вознагражденія земскихъ учителей остается, конечно, не безъ вліянія на продолжительность службы ихъ, особенно по сравненію съ министерскими учителями, что̀ и можно заключить изъ слѣдующей таблицы:

Средняя продолжительность службы.

	Въ дан. школѣ.	Въ Бѣлоз. уѣздѣ.	На пед. попр.
Учител. и учительн. земскихъ школъ .	3,8	6,14	6,7
» » » министерск. » .	8	14,5	17

Ранній возрастъ наличнаго числа земскихъ учителей рѣзко выдѣляется отъ возраста учителей министерскихъ училищъ, что, однако, нельзя объяснить неустойчивостью земскихъ учителей на занимаемыхъ ими мѣстахъ, такъ какъ почти всѣ учителя министерскихъ училищъ первоначально служили въ земскихъ школахъ.

Въ 1894—5 учебн. году возрастъ учителей опредѣляется такъ:

	20—23	24—27	28—30	31—35	36—40	41—45
Земскихъ школъ . . .	9	6	8	3	2	—
Министер. училищъ. .	—	—	1 *)	5	6	1

*) Помощникъ учителя.

Оказывается, что наибольшее число земскихъ учителей въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ (82,2%), тогда какъ министерскихъ учителей въ этомъ возрастѣ совсѣмъ нѣтъ. Опредѣляя средній возрастъ для тѣхъ и другихъ учителей, получимъ 27,2 для земскихъ и 37,2 для министерскихъ. Несмотря на такой сравнительно ранній возрастъ учителей земскихъ школъ, большая половина ихъ оказывается женатыми (50,36%), а $^2/_3$ изъ числа женатыхъ (60,6%) имѣющими дѣтей. Для министерскихъ учителей %% эти еще крупнѣе: женатыхъ 80%, имѣющихъ дѣтей—90%.

Чтобы покончить съ этою главой, намъ остается еще сказать объ одномъ, безспорно симпатичномъ постановленіи собранія. Исходя изъ желанія, по возможности, улучшить положеніе учителя и дать какъ ему, такъ и его семейству возможность имѣть на черный день хоть какія-нибудь сбереженія, земское собраніе 1893 года постановило отчислять ежегодно изъ земскихъ суммъ 3% на получаемое учителями жалованье для образованія капитала. Капиталъ составляется такимъ образомъ: каждый учитель даетъ согласіе на удержаніе управой изъ его жалованья ежемѣсячно 5 годовыхъ %, а земство съ своей стороны ежемѣсячно отчислять изъ своихъ суммъ 3 годовыхъ % на жалованье учителей. Капиталы хранятся въ государственной кассѣ мѣстнаго казначейства и выдаются полностью съ приращеннымъ % кассы въ случаѣ болѣзни, смерти или выхода со службы участника, прослужившаго въ должности не менѣе 5 лѣтъ. Въ томъ же случаѣ, когда участникъ покидаетъ службу до истеченія пятилѣтія, то выдается только сумма, образовавшаяся отъ вычета изъ его жалованья съ приращеніемъ % кассы на сумму личныхъ сбереженій, но земскаго 3% отчисленія не выдается. Это постановленіе является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что вопросъ объ эмеритальной кассѣ служащихъ земства, не разъ возбуждаемый губернскимъ земскимъ собраніемъ, до сихъ поръ не получилъ осуществленія.

IV.

Устройство школьныхъ помѣщеній.

Покончивъ съ главною задачей по подготовкѣ и пріисканіи учителей, земство съ начала 70 годовъ обратило серьезное вниманіе на школьныя помѣщенія и задалось цѣлью упорядочить ихъ насколько возможно.

Успѣшность школьнаго преподаванія обусловливается необходимостью устройства или отвода такихъ помѣщеній, которыя отвѣчали бы хотя элементарнымъ требованіямъ гигіены: были бы просторны, достаточно теплы и свѣтлы. Къ сожалѣнію, всѣ школьныя помѣщенія долгое время оставались неприсобленными для классныхъ занятій и исключали всякую возможность примѣненія къ нимъ гигіеническихъ требованій.

Первое время, какъ мы знаемъ, подъ школу отводились церковныя сторожки и общество не несло никакихъ расходовъ по содержанію ихъ. Затѣмъ, когда обученіе грамотѣ перешло изъ рукъ духовенства въ руки наем-

ныхъ учителей-разночинцевъ, отводъ помѣщеній подъ школу былъ отнесенъ на обязанность сельскихъ обществъ. Чтобы не нести затратъ на наемъ особыхъ помѣщеній, школу чаще всего устраивали при волостныхъ правленіяхъ. Собраніе 1871 г. утвердило особый сборъ на школу: съ каждой волости по 5—10 к. съ души, но этотъ сборъ оказался крайне невѣрнымъ источникомъ доходовъ, почему собраніе слѣдующаго же 1872 г. рѣшило отказаться отъ него и вмѣсто того ввести за правило, что если общество желаетъ имѣть школу отъ земства, то оно обязано содержать на свой счетъ квартиру, отопленіе, освѣщеніе, сторожа, ремонтъ дома и классную мебель.

До какой степени отводимыя крестьянами помѣщенія неудовлетворяли своему назначенію, видно изъ отчетовъ по ревизіи школъ въ 1871 г.

«Особенно дурны изъ общественныхъ помѣщеній,—говорится въ отчетѣ,—отводимыя при волостныхъ правленіяхъ. Здѣсь обыкновенно назначаются для училища просторныя комнаты, или такія, гдѣ за перегородкою или даже безъ перегородки живутъ волостной писарь и сторожъ, ходящіе черезъ нихъ въ часы занятій и тутъ же готовящіе себѣ кушанье, отчего классъ во время занятій наполняется чадомъ. Неисправность же половъ, потолковъ, оконъ и дверей составляетъ общее свойство такихъ помѣщеній; въ нихъ низко, темно, холодно и угарно; полы не моются по нѣсколько мѣсяцевъ. Училища, помѣщающіяся въ сторожкахъ при церквахъ, отличаются особенною тѣснотой, и наконецъ училища, помѣщающіяся въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ живутъ сами хозяева, терпятъ крайнія неудобства во всѣхъ отношеніяхъ: учащіеся сидятъ здѣсь въ духотѣ, въ тяжеломъ чаду и ученье производится нерѣдко при громкомъ плачѣ и крикѣ хозяйскихъ дѣтей или при разговорѣ приходящихъ къ хозяевамъ знакомыхъ.

Въ слѣдующемъ же 1872 г. земство требуетъ отъ сельскихъ обществъ отвода приличныхъ для школъ помѣщеній, достаточно просторныхъ и свѣтлыхъ. Однако въ докладѣ управы за 1879 годъ констатируются тоже недостатки школьныхъ помѣщеній. Низкіе потолки, малыя окна, отсутствіе освѣщенія, духота, неимѣніе ретирадныхъ мѣстъ.

Череповецкій съѣздъ учителей 1883 года въ первое же засѣданіе поднялъ вопросъ о неудобствахъ школьныхъ наемныхъ помѣщеній. «Наемныя помѣщенія,—говоритъ съѣздъ,—всѣ безъ исключенія не имѣютъ вентиляцій, темны, грязны, холодны и тѣсны. Кромѣ вреднаго вліянія на здоровье и быстрое утомленіе учащихъ и учащихся, тѣснота отнимаетъ всякую возможность поддерживать дисциплину, ученики невольно толкаютъ другъ друга и заводятъ безконечные споры, на устраненіе которыхъ учителю приходится тратить учебное время. Наемныя школьныя помѣщенія бываютъ настолько мало освѣщены, что въ зимніе мѣсяцы даже и въ полдень на нѣкоторыхъ столахъ плохо видно, а въ 2 часа пополудни занятія становятся совершенно невозможными. При неправильномъ расположеніи оконъ въ классныхъ комнатахъ и вслѣдствіе тѣсноты нѣтъ возможности удобно размѣстить парты и разсадить учениковъ. Наемныя помѣщенія въ большинствѣ

случаевъ лѣтніе дома, непроконопаченные, безъ накатовъ и безъ зимнихъ рамъ, не приноровленные для зимняго житья и при этомъ плохо отопляются. Во многихъ школахъ, при отсутствіи вентиляціи и вслѣдствіе тѣсноты, къ концу урока температура повышается до 22 R., а къ утру слѣдущаго дня понижается до 3°. Ученики, пришедшіе за три-пять верстъ, не только не имѣютъ возможности отогрѣться въ классѣ, но буквально коченѣютъ отъ холода, а къ вечеру случается, что съ нихъ градомъ льется потъ и въ такомъ состояніи приходится идти домой за тѣ же три-пять верстъ. Въ наемныхъ помѣщеніяхъ наблюденіе за чистотой обыкновенно поручается хозяевамъ, которые слишкомъ мало обращаютъ на нее вниманія, считая это роскошью. Вслѣдствіе этого, школы подметаются иногда въ недѣлю разъ, а моютъ ихъ одинъ разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ наемныхъ помѣщеніяхъ не только нѣтъ отдѣльной комнаты для раздѣванья и храненія мѣшочковъ съ хлѣбомъ, но нѣтъ даже вѣшалокъ, и ученики складываютъ платье и хлѣбъ на скамьяхъ, въ столахъ и даже подъ столами. Все это еще больше увеличиваетъ тѣсноту, грязь, безпорядокъ и заражаетъ воздухъ. Кромѣ того, наемныя помѣщенія въ большинствѣ случаевъ имѣютъ одни сѣни съ помѣщеніемъ хозяевъ, которые за игры бранятъ, а иногда и бьютъ учащихся. Къ этой общей характеристикѣ школьныхъ помѣщеній 80-хъ гг. не одного Бѣлозерскаго, но Кирилловскаго, Череповецкаго и Устюжскаго уѣздовъ учительница Сарской школы Бѣлозерскаго уѣзда добавила, что общество нанимаетъ квартиру за 25 р. въ одну комнату, и ей приходится жить на полатяхъ въ классной комнатѣ.

Впрочемъ, бѣлозерское земство ко времени открытія съѣзда въ отношеніи устройства училищныхъ помѣщеній опередило, какъ надо думать, сосѣднія земства Кирилловскаго, Череповецкаго и Устюжскаго уѣздовъ. Къ 1883 году 15 земскихъ школъ имѣли собственныя квартиры съ помѣщеніемъ для учителя, 7 находились въ наемныхъ помѣщеніяхъ, 4 помѣщались въ церковныхъ кельяхъ и 4 при волостныхъ правленіяхъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи помѣщеній половину наличнаго числа школъ можно было уже признать сравнительно благоустроенной.

Въ настоящее время, благодаря заботамъ земства, только 3 школы остаются въ неприспособленныхъ для учебныхъ занятій помѣщеніяхъ, всѣ остальныя школы находятся въ спеціально выстроенныхъ или хорошо приспособленныхъ домахъ. Но и эти спеціальныя помѣщенія, разсчитанныя на незначительное количество учащихся, въ настоящее время не соотвѣтствуютъ по своимъ размѣрамъ даже скромнымъ требованіямъ школьной гигіены, вслѣдствіе увеличивающагося съ каждымъ годомъ числа учениковъ. Такъ, наприм., квадратная площадь пола въ среднемъ на одну классную комнату земскихъ школъ 90 кв. арш., министерскихъ — 120 кв. арш.; на одного ученика земскихъ школъ приходится 2 кв. арш., министерскихъ—1,16. Кубическое содержаніе воздуха на одну классную комнату земскихъ школъ 387 куб. ар., министерскихъ училищъ 552 куб. ар.; на одного ученика земскихъ школъ 8,23 куб. ар., министерскихъ—7,66. Сравнивая получен-

ные нами выводы съ выработанными правилами съѣзда московскихъ врачей *), оказывается, что квадратной площади пола на одного ученика приходится менѣе для земскихъ школъ на 0,75 кв. ар., для министерскихъ на 1,09 кв. ар.; кубическое содержаніе воздуха на 1 ученика земскихъ школъ менѣе на 3,57 куб. ар., министерскихъ на 4,14. Десять лѣтъ тому назадъ школьныя помѣщенія давали почти тѣ же выводы: квадратная площадь пола и кубическое содержаніе воздуха на 1 ученика выражались почти въ тѣхъ же цифрахъ (площадь пола 2,2, содержаніе воздуха 8,6), тогда какъ средній размѣръ классной комнаты тогда и теперь много разнится: квадратная площадь пола на одну школу, вмѣсто теперешнихъ 90, была 72,2 кв. арш., кубическое содержаніе воздуха, вмѣсто 387, было 281,5 куб. арш., для министерскихъ 104,6 и 470,7 куб. арш., но тогда число учениковъ на одну школу выражалось цифрой 35,6 для земской и 50,3 для министерской школы, теперь же земская школа вмѣщаетъ въ среднемъ 47 человѣкъ, министерская 72. Въ теперешнее время необходимымъ условіемъ при открытіи школы является постройка населеніемъ спеціально приспособленнаго подъ училище зданія, отводъ десятины земли при этомъ зданіи и расходъ по найму сторожа, отопленію и освѣщенію училища. И, несмотря на эти не легкія условія (постройка зданія единовременно требуетъ затраты до 400 руб.), мы видимъ, что населеніе имъ покоряется, не желая остаться безъ школы. «Въ настоящее время, — читаемъ въ отчетѣ учителя Крайской школы,—мѣстное населеніе относится къ училищу, правда, лучше и сознательно чувствуетъ необходимость его. Лѣтъ 15 тому назадъ училищное зданіе пришло въ такой упадокъ, что необходимо было отвести для него за плату другое помѣщеніе. Населеніе относилось къ этому равнодушно. Проходитъ нѣсколько лѣтъ—и тѣ же крестьяне начинаютъ возбуждать вопросъ о постройкѣ прежняго училищнаго зданія, такъ какъ они сознали, что наемное помѣщеніе много вредитъ какъ здоровью ихъ дѣтей, такъ и успѣшности занятій. Собирается сходъ, дѣлается постановленіе о сборѣ денежной суммы, выбирается уполномоченный, который долженъ слѣдить за работою, и вотъ черезъ два года училище заново отдѣлано и приспособлено для своей задачи. Теперь небольшіе ремонты исполняются крестьянами по первому заявленію учителя. Протестовъ, угрозъ о закрытіи и безполезности училища, что прежде бывало всегда, какъ только дѣло касалось денежнаго сбора, теперь не слыхать; если и бываютъ выходцы изъ среды бездѣтныхъ или извѣстныхъ крикуновъ, то сами же крестьяне заставляютъ ихъ молчать».

V.

Движеніе начальнаго образованія и современное его положеніе.

Изъ первой главы настоящаго очерка мы уже видѣли, насколько неудовлетворительно были поставлены школы съ учебно-воспитательной сто-

---

*) Второй губернскій съѣздъ врачей московскаго земства, ст. 44, § 3 правилъ.

роны въ концѣ 60-хъ гг. Старая школа даже съ лучшими преподавателями изъ среды духовенства, толклась на одномъ мѣстѣ и носила на себѣ явные слѣды разложенія. Старая школа отжила свой вѣкъ, на смѣну ей явилась новая, созданная усиліями земства. Заботы земства объ упорядоченіи состава учителей принесли быстрые и дѣйствительные результаты. Сначала учителя-курсисты, а потомъ окончившіе курсъ въ семинаріяхъ, спеціалисты по педагогикѣ, были лучшими исполнителями предначертаній земства и правительства въ дѣлѣ развитія народнаго образованія въ уѣздѣ. Благодаря совмѣстнымъ стараніямъ земства и учительскаго персонала, земскія школы начала 70-хъ гг. далеко оставили за собой въ отношеніи преподаванія приходскія школы конца 60-хъ годовъ. «Несмотря на незначительную подготовку,—говоритъ управа въ докладѣ за 1870 годъ,—учителя слушали педагогическіе курсы въ Череповцѣ и положительно поразили чиновъ управы и училищнаго совѣта способностями, знаніемъ, старательностью и, вслѣдствіе этого, успѣхомъ, съ которымъ вели дѣло обученія дѣтей въ школѣ. Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца большинство учениковъ ихъ, принятыхъ положительно неграмотными, неопрятными, довольно грубыми, начали читать и писать, стали ходить въ школу причесанными, вымытыми, были вѣжливы и смотрѣли уже совершенно другими дѣтьми, и это было достигнуто безъ употребленія какихъ-либо наказаній или даже угрозъ со стороны учителя, а единственно нравственнымъ ихъ вліяніемъ».

Въ 1873 году управа докладываетъ собранію, что «при дѣйствительно строгомъ осмотрѣ большинство училищъ найдено въ очень хорошемъ состояніи. Теперь можно надѣяться, что количество учителей ежегодно будетъ пополняться окончившими курсъ въ Александровской школѣ и семинаріяхъ, такъ что съ этой стороны дѣло народнаго образованія въ нашемъ уѣздѣ можно считать положительно обезпеченнымъ и поставленнымъ совершенно правильно. Такихъ лестныхъ отзывовъ о дѣятельности учителей не повторялось почти десятилѣтіе, начиная съ средины 70-хъ годовъ. Объяснить это не трудно. Покончивъ со старой школой, земство хлопочетъ достигнуть наилучшихъ результатовъ преподаванія въ новой школѣ. Но школьное дѣло, если можно такъ выразиться, улучшилось въ ариѳметической пропорціи, требованія же земства росли въ пропорціи геометрической. «Крупныхъ шаговъ въ дѣлѣ народнаго образованія наши школы не сдѣлали,—говорится въ докладѣ за 1876 годъ,—но можно сказать, что онѣ идутъ къ усовершенствованію, благодаря сочувствію земскаго собранія, которое выражаетъ его не словами, а ежегоднымъ увеличеніемъ средствъ на народное образованіе и увеличивающимся сочувствіемъ народа».

Итакъ, земство 1876 года, какъ можно заключить изъ приведенной записки, оставалось еще довольно общимъ теченіемъ школьнаго дѣла, а благопріятно слагающіяся обстоятельства, сочувствіе народа и собранія подавали надежды на лучшее будущее.

Совсѣмъ обратное явленіе замѣчается въ концѣ 1870 и началѣ 1880 годовъ. Къ школѣ этого времени предъявляются гораздо большія требова-

нія, чѣмъ это было въ срединѣ 1870 годовъ, а при болѣе строгомъ отношеніи къ дѣлу и темныя стороны школьной жизни въ уѣздѣ выступаютъ рѣзче и съ ними уже нельзя не считаться. Доклады управы, начиная съ 1878 и кончая 1884 годомъ, высказываютъ крайнее недовольство общей постановкой школьнаго дѣла и указываютъ на цѣлый рядъ причинъ, обусловливающихъ застой развитія народнаго образованія. «Обозрѣвая данныя о числѣ школъ, учащихся и окончившихъ курсъ и сопоставляя эти данныя съ расходами на содержаніе школъ, управа приходитъ къ тому заключенію, что въ этомъ отношеніи школы за 10 лѣтъ почти не сдѣлали прогресса. Число школъ увеличилось на одну, число учащихся на 5%. Только со стороны расхода замѣтенъ значительный прогрессъ—увеличеніе ассигновки на 280%».

Затѣмъ, перечисляя причины неудовлетворительнаго состоянія школъ, управа прежде всего обращаетъ вниманіе собранія на недостатокъ въ учителяхъ-священникахъ и слабость надзора за школами. Многія школы того времени, вслѣдствіе запрещенія учителямъ преподавать Законъ Божій, оставались безъ обученія этому предмету, или обученіе велось крайне неуспѣшно. Причины же этому: во-первыхъ, вообще недостатокъ въ уѣздѣ способныхъ къ педагогической дѣятельности священниковъ, во-вторыхъ—обширность приходовъ, вслѣдствіе чего священники затрудняются посѣщать школы и, въ-третьихъ, удаленность нѣкоторыхъ школъ отъ приходскихъ церквей. Въ примѣръ, насколько было затруднительно положеніе школъ относительно преподаванія Закона Божія, приводятся министерскія училища, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о недостаточности вознагражденія, на что обыкновенно ссылаются при указаніи на земскія школы. Изъ пяти министерскихъ,— три имѣли законоучителей-священниковъ, которые, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ человѣка и пастыря, преподавать Законъ Божій окончательно не способны и притомъ одни изъ нихъ должны были ѣздить въ школу за 12 верстъ. Если министерскія школы находились въ такомъ положеніи, то земскія никоимъ образомъ не могли быть въ лучшемъ, хотя земство считало и считаетъ, что образованіе народа со стороны евангельской истины есть одна изъ наиболѣе важныхъ задачъ образованія. Въ виду этого естественно возникъ вопросъ о предоставленіи права обучать Закону Божію въ народныхъ школахъ кромѣ священниковъ и лицамъ не духовнаго званія съ особаго разрѣшенія подлежащей власти, о чемъ и было возбуждено ходатайство. На это представленіе получено въ 1883 году увѣдомленіе министра народнаго просвѣщенія черезъ г. губернатора, что никакія измѣненія въ порядкѣ преподаванія Закона Божія не могутъ быть допускаемы. Съ своей стороны мы должны замѣтить, что вопросъ этотъ былъ возбужденъ земствомъ задолго до отвѣта министра, и насколько было важно скорѣйшее разрѣшеніе его, видно изъ того, что въ одномъ Бѣлозерскомъ уѣздѣ до 17 училищъ не посѣщались священниками, такъ что въ этихъ училищахъ не преподавалось бы вовсе Закона Божія, основного предмета сельской школы, еслибъ учителя на свой страхъ и от-

вѣтственность не обучали дѣтей этому предмету. Переходя затѣмъ къ выясненію второй причины неуспѣха школъ, земство останавливаетъ свое вниманіе на дѣятельности уѣзднаго училищнаго совѣта по наблюденію за школами. Положеніемъ о народныхъ училищахъ, ближайшій надзоръ за школами принадлежитъ уѣздному училищному совѣту и инспектору. Но организація училищнаго совѣта, несмотря на видимую многочисленность состава, по мнѣнію земства, не удовлетворяетъ своему назначенію, такъ какъ непремѣнными членами его являются люди занятые своими служебными обязанностями и потому не имѣютъ возможности удѣлять время на разъѣзды по училищамъ. Нагляднѣйшимъ доказательствомъ этого является положеніе совѣта во время выпускныхъ экзаменовъ. Производство экзаменовъ въ 30 школахъ уѣзда полнымъ составомъ совѣта (8 ч.) не представляло бы особенныхъ затрудненій, такъ какъ на каждаго члена приходилось бы менѣе чѣмъ по четыре школы. Но на засѣданіи, которое обыкновенно назначается передъ экзаменами для распредѣленія экзаменаторовъ, выясняется, что предсѣдатель совѣта, исправникъ, членъ отъ духовнаго вѣдомства и членъ отъ города не могутъ отправиться на экзамены по училищамъ вслѣдствіе дѣйствительно уважительныхъ причинъ. Инспекторъ народныхъ училищъ, въ то время одинъ на три уѣзда, не можетъ ѣхать на экзамены школъ Бѣлозерскаго уѣзда, такъ какъ у него назначены экзамены въ Череповецкомъ уѣздѣ; членъ, замѣняющій инспектора, инспекторъ городского училища, можетъ принять на себя обязанности экзаменатора только въ ближайшихъ школахъ, а затѣмъ другія, болѣе отдаленныя, можетъ посѣтить только тогда, когда наступятъ каникулы въ городскомъ училищѣ. Разумѣется, при такомъ положеніи дѣла остается только одно: поручить двумъ членамъ отъ земства производство экзаменовъ въ части школъ, а въ остальныхъ школахъ отсрочить экзамены до болѣе благопріятнаго времени.

Говоря о наблюденіи за школами, нельзя обойти молчаніемъ и вопроса о руководительствѣ ими. «Нѣтъ никакой надобности доказывать собранію,— говоритъ управа въ 1878 году,—насколько важно и необходимо педагогическое руководство ходомъ учебнаго дѣла въ народныхъ училищахъ. А эта сторона дѣла вполнѣ опущена, такъ какъ инспекторъ народныхъ училищъ, которому предоставлено закономъ педагогическое руководство школами, не имѣетъ физической возможности заняться этимъ дѣломъ. Кромѣ инспекціи школъ въ 3 уѣздахъ, отъ него требуется составленіе отчетовъ, вѣдомостей и исполненіе громадной переписки». На этихъ основаніяхъ земское собраніе 1878 года ходатайствовало: а) о раздѣленіи 5 района инспекціи на два, въ виду его обширности и трудности для инспектора принести школамъ должную пользу; б) о перенесеніи времени отчетности инспектора съ зимы на лѣто; в) чтобы хозяйственная часть по завѣдыванію министерскими училищами была взята отъ инспектора и передана училищному совѣту, составъ котораго пополнить еще двумя членами отъ земства. На эти представленія земскаго собранія министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ управу чрезъ губернатора, что 1) 5-й районъ можетъ быть раздѣленъ

на два въ такомъ только случаѣ, если земство приметъ на свой счетъ содержаніе особаго инспектора и предоставитъ ему право безплатнаго разъѣзда по уѣзду; 2) что о перенесеніи срока отчетности инспектора на каникулярное время возбужденъ въ министерствѣ общій вопросъ, и наконецъ 3) что для удовлетворенія ходатайства земства о передачѣ хозяйственной части министерскихъ училищъ отъ инспектора училищному совѣту и объ усиленіи совѣта двумя членами отъ земства потребовалось бы измѣненіе нѣкоторыхъ статей положенія о начальныхъ училищахъ,—посему, присовокупляетъ г. министръ, «не предрѣшая настоящаго ходатайства до того времени, когда приступлено будетъ къ общему пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ училищахъ, министерство приметъ его въ соображеніе на-ряду съ заявленіями другихъ земствъ». Такимъ образомъ министерствомъ народнаго просвѣщенія не было уважено ни одно изъ ходатайствъ земскихъ собраній 1878 года.

Въ отношеніи надзора и руководства школы Бѣлозерскаго уѣзда находятся и въ настоящее время почти въ такомъ же положеніи, какъ было въ концѣ 70 годовъ. Районъ инспектора народныхъ училищъ обнимаетъ два уѣзда, канцелярская дѣятельность его не уменьшается, а прогрессивно увеличивается, и потому наиболѣе дѣйствительными наблюдателями за школами теперь, какъ и прежде, является составъ земской управы.

Третій вопросъ—вопросъ объ обязательномъ обученіи грамотѣ крестьянскихъ дѣтей въ районѣ 5-ти верстнаго разстоянія отъ школы—выдвинутъ земствомъ въ 1879 году и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Мотивами къ ходатайству предъ правительствомъ объ изданіи закона, налагающаго на каждаго семейнаго крестьянина обязанность посылать въ училище дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста, служили слѣдующія соображенія: «При отсутствіи всякой обязательности для отцовъ семейства обучить своихъ дѣтей грамотѣ,—говоритъ управа,—замѣчается тотъ грустный фактъ, что въ учрежденныхъ земствомъ и правительствомъ народныхъ школахъ число учащихся, по крайней мѣрѣ, на половину меньше того, которое въ нихъ должно быть. Цѣлая половина населенія—дѣвочки—вовсе не обучается грамотѣ. Но если мы хотимъ достигнуть прочныхъ результатовъ въ дѣлѣ развитія населенія, то дѣвочка, будущая мать семейства, должна первая внести лучъ свѣта въ свою семью, и какъ бы ни былъ великъ въ народной средѣ предразсудокъ, что бабѣ не для чего учиться, необходимо его побороть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Затѣмъ, даже это, уменьшенное на половину количество учащихся, посѣщаетъ или не посѣщаетъ школу чисто-произвольно. Обязательное отношеніе къ школѣ поступившихъ въ нее дѣтей въ теченіе опредѣленнаго курса ученія встрѣтитъ, разумѣется, въ средѣ населенія довольно сильное противодѣйствіе. Выполненіе этого желанія идетъ въ разрѣзъ съ кругозоромъ среды; но если начальное образованіе останется въ прежнемъ положеніи, то затраты земства и правительства будутъ на половину меньше производительны, чѣмъ онѣ могли бы быть при иномъ порядкѣ. Для устраненія этой потери экономическихъ и умственныхъ силъ,—

потери совершенно ничѣмъ не оправдываемой,—единственнымъ средствомъ является законъ объ обязательности обученія, по крайней мѣрѣ для того населенія, которое въ извѣстномъ районѣ имѣетъ школу».

На это ходатайство полученъ въ 1882 году отвѣтъ министра народнаго просвѣщенія.

Такъ какъ отвѣтъ этотъ до нѣкоторой степени можетъ служить указаніемъ, почему вопросъ объ обязательномъ обученіи не переходитъ изъ сферы частной иниціативы въ область правительственной разработки, то мы считаемъ не лишнимъ привести его почти дословно: «Предположеніе о введеніи обязательнаго обученія дѣтей школьнаго возраста составляетъ въ существѣ вопросъ, рѣшеніе котораго ближайшимъ образомъ зависитъ отъ соображеній не столько учебнаго, сколько административнаго и экономическаго характера. Учебное вѣдомство, въ заботахъ о развитіи начальнаго народнаго образованія, не можетъ, конечно, не желать, чтобы распространеніе народнаго образованія было наиболѣе обезпечено и чтобы число учащихся и грамотныхъ постоянно увеличивалось. Въ этихъ видахъ мысль объ обязательномъ посѣщеніи школъ дѣтьми школьнаго возраста заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но введеніе принудительнаго посѣщенія школъ можетъ имѣть мѣсто лишь при условіи существованія школъ въ столь достаточномъ количествѣ и на такомъ близкомъ разстояніи и, притомъ, настолько благоустроенныхъ въ матеріальномъ отношеніи, чтобы, съ одной стороны, посѣщеніе ихъ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обоего пола было доступно безъ затрудненій, а съ другой — чтобы школы могли безъ затрудненія удобно принимать всѣхъ дѣтей. Не подлежитъ сомнѣнію, что выполненіе этого условія потребуетъ болѣе или менѣе значительнаго напряженія экономическихъ силъ мѣстнаго населенія. Далѣе, установленіе обязательнаго посѣщенія школъ будетъ въ дѣйствительности относиться прежде всего къ родителямъ, которые будутъ обязаны посылать дѣтей въ школу и за нарушеніе этой обязанности будутъ подлежать взысканію. Въ какомъ бы видѣ ни было установлено это взысканіе, въ видѣ ли денежнаго штрафа или въ видѣ ареста, присужденія къ общественнымъ работамъ и т. п., во всякомъ случаѣ подобныя взысканія неизбѣжно будутъ сопряжены съ матеріальнымъ ущербомъ со стороны виновныхъ родителей. Такимъ образомъ и съ этой стороны введеніе обязательнаго обученія всею тяжестью своею падетъ на взрослое крестьянское населеніе данной мѣстности.

«Наконецъ извѣстно, что во многихъ случаяхъ неаккуратное посѣщеніе школъ дѣтьми крестьянскаго населенія, а иногда и самая неотдача ихъ въ школы—зависятъ отъ того, что родители, по бѣдности, не въ состояніи дать имъ нужную одежду и обувь или вынуждены занимать дѣтей работами у себя по хозяйству, или отдавать въ работники къ другимъ.

«Очевидно, что и въ этомъ отношеніи введеніе обязательнаго посѣщенія школъ дѣтьми крестьянскаго населенія будетъ служить, по крайней мѣрѣ для извѣстной части его, тяжелымъ бременемъ и стѣсненіемъ. Въ виду приведенныхъ соображеній, нельзя не прійти къ тому заключенію, что

при возникновенiи вопроса о введенiи обязательнаго обученiя въ данной мѣстности, предварительно опредѣленiя всякихъ другихъ подробностей, могущихъ вытекать изъ этого вопроса, представляется необходимымъ обсудить, насколько взрослое населенiе данной мѣстности экономически и умственно способно и подготовлено принять эту мѣру и вынести сопряженныя съ нею какъ матерiальныя издержки, такъ и нравственныя понужденiя, чтобы введенiе сей мѣры не легло непосильнымъ бременемъ на благосостоянiе населенiя и не поколебало въ немъ и того расположенiя къ школѣ, которое, быть можетъ, существуетъ нынѣ».

По тщательномъ обсужденiи отвѣта г. министра управа и собранiе пришли къ заключенiю, что необходимо вновь возбудить ходатайство, дополнивъ его нѣкоторыми разъясненiями. Въ новомъ своемъ ходатайствѣ собранiе говоритъ, что вопросъ г. министра, достаточно ли количество школъ и на близкомъ ли онѣ разстоянiи, не имѣетъ въ данномъ случаѣ особаго значенiя, такъ какъ бѣлозерское земство ходатайствуетъ не объ общемъ обязательномъ образованiи для всего населенiя уѣзда, а лишь о частномъ въ чертѣ 5 верстъ отъ существующихъ школъ.

Относительно благоустройства школъ и ихъ вмѣстимости собранiе замѣчаетъ, что учебныя и классныя принадлежности имѣются въ училищахъ въ достаточномъ количествѣ и для большого числа учениковъ и школы свободно могутъ вмѣстить двойное количество учащихся.

Дальше собранiе выражаетъ увѣренность, что большая часть населенiя подчинится закону безъ особыхъ понужденiй, такъ какъ увидитъ въ этомъ волю и желанiе Государя. «Никогда,—прибавляетъ собранiе,—земство не рѣшалось бы просить о введенiи такого закона, который могъ бы вызвать огульное или серьезное противодѣйствiе въ населенiи». Что же касается того обстоятельства, что обязательность посѣщенiя школъ можетъ поставить въ затрудненiе тѣхъ родителей, которые по бѣдности не въ состоянiи дать дѣтямъ нужную одежду и обувь, или вынуждены бываютъ занимать дѣтей работой у себя по хозяйству, или отдавать ихъ въ работники къ другимъ, то собранiе не видитъ достаточныхъ причинъ, чтобъ оно служило особымъ бременемъ или стѣсненiемъ. «Рубашку и штаны,—поясняетъ собранiе,—дѣти надѣваютъ въ школу тѣ же самыя, въ которыхъ ходятъ дома, осенью армякъ, зимой овчинный полушубокъ, тѣ же, что употребляются дома. Вся же одежда приготовляется изъ домашняго матерiала и денежный расходъ домашнему швецу за шитье очень невеликъ и для небогатаго крестьянина. Посѣщенiе школъ дѣтьми ограничивается семью-восемью осенними и зимними мѣсяцами, такимъ образомъ все лѣтнее время, время наиболѣе усиленныхъ и спѣшныхъ работъ, когда и 9—12-лѣтнiе дѣти бываютъ полезны и необходимы, остается свободнымъ, и семья не лишается возможности пользоваться посильнымъ трудомъ дѣтей. Отдача дѣтей школьнаго возраста въ наемъ практикуется въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ только въ двухъ видахъ: мальчиковъ въ пастухи, а дѣвочекъ въ няньки, но и въ этомъ случаѣ школа нисколько не стѣснитъ семейство, такъ какъ

первые нанимаются исключительно на лѣто, а послѣднія въ весьма рѣдкихъ случаяхъ на весь годъ. Изъ числа дѣтей, посѣщающихъ школу во всякое время, насчитывается, по крайней мѣрѣ, 50 мальчиковъ, которые зиму учатся, а лѣтомъ нанимаются въ пастухи, и ни одинъ изъ нихъ не теряетъ ровно ничего отъ посѣщенія школы».

На возбужденное вновь ходатайство не послѣдовало со стороны министерства никакого отвѣта.

Примирившись по необходимости съ неудачей по возбужденію ходатайства объ обязательномъ образованіи въ районѣ 5-верстнаго разстоянія отъ школъ, бѣлозерское земство проектируетъ двѣ новыя мѣры, имѣя въ виду достиженіе наилучшихъ результатовъ преподаванія въ школахъ и возможно широкаго распространенія грамотности. Въ 1882 году послѣдовало ходатайство собранія о разрѣшеніи въ видѣ опыта замѣнить въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ 3-хъ-годичный курсъ 4-хъ-годичнымъ и 3 отдѣленія двумя. Основаніемъ для этого ходатайства служили тѣ соображенія, что рѣдкій учитель народной школы можетъ одновременно вести успѣшно преподаваніе съ 3-мя отдѣленіями и на практикѣ одно изъ отдѣленій непремѣнно теряетъ даромъ классное время, тогда какъ даже средній учитель съ 2-мя отдѣленіями справился бы легко. Для родителей же прибавка одного года учебныхъ занятій не повлекла бы особенныхъ неудобствъ, такъ какъ дѣти поступаютъ въ школу очень ранняго возраста, 7—8 лѣтъ, и семья нисколько не теряетъ, если они проведутъ лишнюю зиму въ школѣ.

Это представленіе земства было передано на заключеніе г. попечителя учебнаго округа, и, соглашаясь съ его заключеніемъ, г. министръ увѣдомилъ управу, что замѣна трехъ отдѣленій двумя при 4-хъ годичномъ курсѣ вмѣсто 3-хъ годичнаго признается неудобной, такъ какъ съ этимъ соединяется пріемъ учащихся въ школы черезъ годъ, а подобная мѣра вызвала бы неудовольствіе со стороны мѣстнаго населенія.

Въ слѣдующемъ 1883 году вниманію земскаго собранія былъ представленъ проектъ устройства передвижныхъ школъ грамоты. Цѣлью устройства передвижныхъ школъ было желаніе распространить грамотность въ такихъ мѣстностяхъ, для которыхъ по малочисленности населенія не представляется возможнымъ имѣть постоянную нормальную школу. Передвижная школа учреждается въ данномъ приходѣ на два года и въ первый годъ въ нее должны поступить всѣ дѣти школьнаго возраста, желающіе обучаться. Обученіе ведется по той же самой программѣ, какъ и въ нормальной школѣ, но на 2-й годъ пріема не бываетъ, школа продолжаетъ быть съ однимъ отдѣленіемъ и, по истеченіи двухъ лѣтъ, переводится въ другой приходъ и т. д. Согласно постановленію собранія, передвижная школа была учреждена въ Куйскомъ приходѣ, Марковской волости, но просуществовала только два года, такъ какъ крестьяне отказались платить деньги на отопленіе и освѣщеніе школы. Съ 1884 г. по 1892 г. не возбуждалось никакихъ вообще особенныхъ ходатайствъ. За все это время земство спокойно-сознательно работаетъ надъ улучшеніемъ школьныхъ помѣщеній и состава учи-

телей. Школы наполняются учебниками, наглядными пособіями и классною мебелью. По успѣшности преподаванія и числу учащихся школы этого времени значительно выдвинулись. Преподаваніе закона Божія тоже не служитъ больше камнемъ преткновенія. «Въ нынѣшій учебный годъ,—говорится въ докладѣ управѣ за 1893 годъ,—особенно пріятное явленіе замѣчается въ отношеніи законоучителей къ своему предмету. Во всѣхъ школахъ, кромѣ одной, преподаваніе закона Божія поставлено весьма хорошо и потому труды законоучителей заслуживаютъ полнаго одобренія. За выдающіеся успѣхи по преподаванію закона Божія училищный совѣтъ наградилъ 13 законоучителей, изъ земскихъ и министерскихъ суммъ, каждаго въ размѣрѣ 10 руб. Кромѣ выдачи награды за выдающіеся успѣхи, земство поощряетъ законоучителей увеличеніемъ платы за преподаваніе, разсчитывая лучшихъ законоучителей по 40 коп. за часовой урокъ, вмѣсто обыкновенныхъ 20.

Попробуемъ теперь, на основаніи цифровыхъ данныхъ, выяснить, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время начальное образованіе въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ.

Не желая утомлять вниманіе читателя просматриваніемъ длиннаго ряда цифръ, будемъ приводить ихъ за десятилѣтній промежутокъ.

Въ 1866 году въ 23 школахъ обучалось 330 человѣкъ, изъ нихъ 314 мальчиковъ и 16 дѣвочекъ; въ 1876 году въ 33 школахъ учащихся было 1,213 чел. (1,068 мальчиковъ и 145 дѣвочекъ). Сравнивая число учащихся начальныхъ лѣтъ перваго и второго десятилѣтій, найдемъ, что общее количество учениковъ въ десятилѣтній промежутокъ увеличилось на 883 чел. или 26%, а число школъ на 10 или 43%. Такого быстраго роста учащихся не замѣчалось въ послѣдующія десятилѣтія: такъ, напримѣръ, въ 1886 году число учащихся въ 33 школахъ 1,385 челов. (1,213 мальч. и 172 дѣв.); въ 1894—5 г. въ 64 школахъ, изъ коихъ 29 школъ грамоты, 2,444 челов. (2,110 мал. и 334 дѣв.). Сравнивая цифры этихъ десятилѣтій, увидимъ, что число учащихся въ 1886 году увеличилось противъ 1876 года при одинаковомъ числѣ школъ всего только на 172 или 14%, въ 1894—5 году сравнительно съ 1886 годомъ на 1,059 чел. или 76,5%, причемъ и число школъ за эти послѣднія 8 лѣтъ возросло съ 33 до 64, т.-е. увеличилось на 31 шк. или 94%. Такимъ образомъ мы видимъ, что возрастаніе числа учащихся находится въ связи съ возрастаніемъ училищъ.

Посмотримъ теперь, въ какой степени прогрессируетъ число учащихся въ среднемъ выводѣ на одну школу.

Въ 1866 г. учащихся на одну школу приходилось 14,35
» 1876 » » » » » » 37
более на 22,65 или 158%
» 1886 » » » » » » 42
более на 5 или 13%
» 1894—5 г. » » » » » 53 *)
более на 11,4 или 27,44%

*) Среднее для земскихъ и министерскихъ школъ, для школъ грамоты 19,8.

И здѣсь наибольшій процентъ учащихся сопряженъ съ открытіемъ новыхъ школъ. Процентное отношеніе мальчиковъ и дѣвочекъ къ общему числу учениковъ выражается слѣдующими цифрами:

Для	1866 года	мальчиковъ	95%	дѣвочекъ	5%
»	1876 »	»	88,4%	»	11,96%
»	1886 »	»	81,6%	»	12,4%
»	1894—5 г.	»	90%	»	10%

Изъ этой таблицы видно, что процентъ обучающихся дѣвочекъ за все время крайне ничтоженъ. Увеличившись почти вдвое за первое десятилѣтіе и на 0,44% за второе, онъ къ концу третьяго десятилѣтія, судя по послѣднему году, склоненъ къ пониженію. Незначительность обучающихся дѣвочекъ,—явленіе крайне печальное,—находитъ себѣ объясненіе въ особенности народнаго взгляда на женское образованіе и въ эксплуатаціи труда дѣвочекъ для домашнихъ надобностей (пѣстованіе) въ размѣрахъ болѣе широкихъ въ сравненіи съ мальчиками.

Процентное отношеніе числа учащихся дѣвочекъ къ числу женскаго населенія даетъ тоже неутѣшительную цифру: 0,8,—другими словами, на 1,000 женскаго населенія приходится только 8 учащихся дѣвочекъ, тогда какъ процентъ учащихся мальчиковъ по числу мужского населенія выходитъ 5,5 или 55 на 1,000 чел. Сравненіе числа учащихся въ приведенныхъ выводахъ не даетъ еще яснаго представленія о степени развитія народнаго образованія въ уѣздѣ. Чтобы выяснить успѣхи школьнаго дѣла, необходимо привести данныя объ отношеніи числа учащихся къ числу дѣтей школьнаго возраста.

Но процентное число обучающихся къ числу дѣтей въ возрастѣ обученія не указываетъ прямо на то, какая часть дѣтей проходитъ школу, какая остается вовсе безъ школы. Для этого требуется опредѣлить нормальное число учениковъ, т.-е. число учениковъ, которое посѣщало бы школу при всеобщемъ обученіи. Школьный возрастъ принято считать отъ 8 до 14 лѣтъ, слѣдовательно продолжительность его равняется 6 годамъ. Всѣхъ дѣтей означеннаго возраста, по свѣдѣніямъ доставленнымъ волостными правленіями, насчитывается въ уѣздѣ 11,270 чел. (5,675 мальч. и 5,595 дѣвочекъ *).

Такъ какъ ежегодный приростъ населенія не подвергается значительнымъ колебаніямъ, то мы не сдѣлаемъ большихъ погрѣшностей, предположивъ, что въ настоящее время изъ 11,270 дѣтей въ возрастѣ обученія, составившихся изъ 6 различныхъ возрастовъ, на долю каждаго приходится $\frac{11,270}{6}=1,878$ человѣкъ. Очевидно, что это число составляетъ ежегодный приростъ дѣтей школьнаго возраста, который при обязательномъ всеоб-

*) Такъ какъ у насъ нѣтъ подъ руками точнаго числа дѣтей школьнаго возраста за 1894—5 учебный годъ, то воспользуемся цифрами о числѣ обучающихся и числѣ дѣтей въ возрастѣ обученія, приведенными въ докладѣ управы за 1893—4 г., чтобы не создавать произвольныхъ комбинацій.

щемъ обученіи ежегодно долженъ поступать въ младшее отдѣленіе начальныхъ школъ. Во всѣхъ же трехъ отдѣленіяхъ школъ уѣзда должно было бы обучаться при всеобщемъ образованіи 1,878×3=5,634 челов.

Послѣдне число и будетъ нормальнымъ числомъ учениковъ для Бѣлозерскаго уѣзда, и только при сравненіи нормальнаго числа съ наличнымъ числомъ учащихся, по мнѣнію тверской коммиссіи по всеобщему обученію, можно судить объ успѣхахъ народнаго образованія въ какой-либо мѣстности. Сравнимъ же эти числа. Наличное число учениковъ во всѣхъ школахъ уѣзда за 1893—4 учебный годъ 2,238 *) (1,906 м. и 332 д.); нормальное число учениковъ 5,634 (2,857 мал. и 2,777 дѣв.). Процентное отношеніе къ нормальному числу мальчиковъ 66,6, дѣвочекъ 11,9, къ числу обоего пола 39,7. Итакъ, въ 1893—4 году во всѣхъ школахъ уѣзда обучалось $^2/_3$ (66,6%) того числа мальчиковъ, которое посѣщало бы школу при всеобщемъ обязательномъ образованіи, процентъ этотъ для учениковъ обоего пола понижается до 39,7, благодаря незначительному числу учащихся дѣвочекъ.

Теперь намъ остается еще разсмотрѣть, какъ велики затраты земства па начальное образованіе и насколько бы онѣ должны были увеличиться при введеніи всеобщаго обязательнаго обученія.

Въ первыя 5 лѣтъ, съ 1866 по 1871 годъ, расходы на народное образованіе падали исключительно на счетъ уѣзднаго земства. Начавшись съ очень скромной цифры 709 рублей, они къ концу пятилѣтія возросли до 3,370 рублей, а въ послѣдніе годы до 12½ тысячъ, т.-е. увеличились на 1,663%.

Затѣмъ съ 1871 года въ расходахъ на народное образованіе въ первый разъ принимаютъ участіе сельскія общества, обязанныя, по приговорамъ, отоплять и освѣщать школу за свой счетъ и дать ей сторожа. Расходы сельскихъ обществъ начались съ суммы 800 руб. и достигли, постепенно повышаясь, 1,900 руб., т.-е. увеличились на 137,5%.

Съ 1873 года, т.-е. со времени основанія министерскихъ училищъ, сумма общаго расхода на начальное образованіе пополняется правительственною ассигновкой и добровольнымъ пожертвованіемъ частныхъ лицъ. Первоначальный расходъ министерства народнаго просвѣщенія выразился въ суммѣ 1,060 руб.; расходы за послѣдніе годы не достигаютъ сполна 3-хъ тысячъ руб. Пожертвованія частныхъ лицъ носятъ слишкомъ измѣнчивый характеръ: такъ, напримѣръ, начавшись съ 200 р., они въ иные годы (1879—1880) доходили до 995 руб. и затѣмъ, спускаясь все ниже и ниже, остановились за послѣдніе годы на 400 рубляхъ. Расходы губернскаго земства на содержаніе одного второразряднаго училища за все время одни и тѣ же (375 руб. съ 1879 г.). Такимъ образомъ общій расходъ на народное образованіе доходитъ въ послѣдніе годы до 19,000 руб., причемъ уѣздное земство даетъ 66% общей суммы расходовъ.

---

*) Въ разсчетъ не приняты ученики двухъ вторыхъ классовъ двуклассныхъ училищъ и ученики чужихъ уѣздовъ.

Приведенныя цифры общихъ расходовъ на начальное образованіе даютъ ясное понятіе о степени участія уѣзднаго земства по удовлетворенію потребностей населенія въ образованіи, но ничего не говорятъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ земство эту потребность на-ряду съ другими необязательными потребностями. Для этого необходимо указать процентное отношеніе расходовъ на народное образованіе къ расходамъ на необязательныя повинности и къ общей бюджетной суммѣ.

РАСХОДЫ.

Годы.	По нар. образ.	На необязат. повин.		Общая сумма.	Процент. отношен.
1866	709	6,750	10,57%	35,150	2%
1876	9,457	28,662	33%	54,712	17,2%
1886	11,302	36,669	30,8%	68,015	16,6%
1894	12,500	43,157	29%	78,600	16%

Изъ этой таблички не трудно видѣть, что расходы земства на народное образованіе за два послѣднія десятилѣтія растутъ медленнѣе расходовъ на необязательныя повинности и общихъ бюджетныхъ. Изъ спеціальныхъ расходовъ на содержаніе земскихъ школъ % за все время за исключеніемъ 1866 года падаетъ на жалованье учителей. Такъ, наприм.

Въ	На жал. учит. изр.	Законоучит.	На книги и учебн. пособія.	Остал. расх.
1866 г.	75 р. (36%)	—	134 р. (64%)	—
1876 »	5,594 » (81%)	155 р. (2,2%)	957 » (13,8%)	202 р. (3%)
1886 »	5,700 » (84,4%)	400 » (6%)	443 » (6,6%)	207 » (3%)
1894 »	5,509 » (75,5%)	579 » (8%)	612 » (8,3%)	604 » (8,2%)

Представивъ въ краткихъ чертахъ данныя о расходахъ на народное образованіе и источникахъ содержанія начальныхъ училищъ Бѣлозерскаго уѣзда, посмотримъ, во что обойдется земству всеобщее обязательное обученіе. Мы думаемъ, что детальная разработка этого вопроса не замедлитъ послѣдовать со стороны самого земства, столь отзывчиваго къ нуждамъ населенія, и потому коснемся его лишь въ общихъ чертахъ.

Полученный нами процентъ отношенія числа учащихся къ нормальному числу учениковъ позволяетъ вывести заключеніе, что при обязательномъ обученіи число школъ должно быть открыто въ 2 раза больше наличнаго числа ихъ, такъ какъ существующими училищами удовлетворяется только треть нормальнаго числа учениковъ. Но вѣдь нельзя разсчитывать, чтобы при всеобщемъ обученіи открывались и школы грамоты, содержимыя на средства сельскихъ обществъ, и потому наши выводы должны относиться къ земскимъ школамъ, а министерскія училища имѣть въ виду въ томъ количествѣ, въ какомъ они существуютъ въ настоящее время.

Итакъ, если мы примемъ за норму 45 учениковъ на одну школу *),

*) Среднее число учениковъ въ 1893—4 году въ земскихъ школахъ 45, министерскихъ 64 и школъ грамоты 23,3.

то количество учениковъ въ земскихъ школахъ при наличномъ числѣ училищъ опредѣлится цифрою 1,170 чел.; прибавивъ сюда 654 учащихся въ министерскихъ школахъ, получимъ общее число учащихся за годъ 1,823 человѣка, а число дѣтей остающихся за порогомъ школы—3,811 человѣкъ. Для этихъ 3,811 человѣкъ, по приблизительному разсчету, потребовалось бы открыть 73 новыхъ школы. Принимая же во вниманіе, что содержаніе земской школы въ среднемъ выводѣ по даннымъ за послѣднее пятилѣтіе стоитъ 305 руб. 50 к., получимъ, что содержаніе 73 новыхъ школъ потребовало бы отъ земства новаго расхода въ 22,302 р., а расходъ на содержаніе всѣхъ школъ выразился бы въ суммѣ 31,032 руб., что едва ли возможно для земства при теперешнемъ состояніи его финансовъ. Въ настоящее время земство затрачиваетъ на содержаніе своихъ школъ до 9,000 р. и вообще на начальное образованіе 12,500 р., что составляетъ къ общей суммѣ расходовъ (78,000 р.) 16% и къ необязательнымъ расходамъ (43,000 р.) около 30%.

Приведенную цифру общаго расхода на содержаніе школъ при всеобщемъ обученіи можно считать минимальной, такъ какъ въ составъ ея не входятъ остальные расходы на начальное образованіе (3,500 р.), пособія министерскимъ училищамъ, слишкомъ 1,000 руб., расходуемыхъ на пособіе ремесленнымъ классамъ, женской прогимназіи, на проѣздъ окончившихъ курсъ въ учебныя заведенія, взносъ въ общественную библіотеку и друг.

При исчисленіи необходимаго количества новыхъ училищъ, для остающихся за порогомъ школы 3,800 дѣтей мы исходили изъ предположенія, что это число дѣтей не посѣщаетъ школу вслѣдствіе отсутствія ея въ данной мѣстности и дальности разстоянія мѣстожительства дѣтей отъ существующихъ школъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, нельзя предположить, чтобъ эти причины были исключительными причинами непосѣщенія школъ дѣтьми. Эти причины можно было бы признать главными для непосѣщающихъ школы мальчиковъ, хотя и тутъ встрѣчаются иныя препятствующія условія: бѣдность, неимѣніе одежды и обуви, необходимость пользоваться физическимъ трудомъ мальчика; непосѣщеніе же школъ дѣвочками обусловливается не столько дальностью разстоянія, сколько особенностью народнаго взгляда на женское образованіе. Отсюда слѣдуетъ тотъ новый выводъ, что при всеобщемъ обязательномъ образованіи мальчики и дѣвочки, живущіе вблизи школы и не посѣщающіе ее вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, пошли бы въ существующую уже школу, увеличивъ собой число учащихся. А такъ какъ нормальное число учениковъ въ школѣ на одного учителя считается до 60 человѣкъ, то въ существующія земскія школы можетъ быть принято въ среднемъ выводѣ по 15 учениковъ, что, въ свою очередь, сократило бы количество училищъ, подлежащихъ открытію. Для этого, конечно, пришлось бы расширить помѣщеніе школъ, но расходы на эту статью во всякомъ случаѣ были бы меньше расходовъ на содержаніе новыхъ училищъ. Съ другой стороны, исключительно открытіе земскихъ нормальныхъ училищъ, въ силу мѣстныхъ условій уѣзда,

было бы въ иныхъ случаяхъ непроизводительною тратой земскихъ денегъ. Такъ, наприм., въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, имѣющемъ 13,818 квадр. верстъ, при малой плотности населенія (около 6 челов. на 1 квадр. вер.) и крайней разнообразности селеній пришлось бы часто открывать школу для одного селенія, стоящаго оазисомъ въ пустынѣ. Для такихъ мѣстностей дорого стоющая нормальная земская школа могла бы быть съ достаточнымъ успѣхомъ замѣнена школой грамоты, стоимость содержанія которой обошлась бы въ шесть разъ дешевле.

Вообще эти школы, при хорошей организаціи и контроля надъ ними, могли бы оказать громадную пользу земству въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія, но въ настоящее время положеніе ихъ весьма шаткое. Большинство ихъ совершенно не обезпечено, и, несмотря на скромность ихъ годового бюджета (отъ 40—70 р.), безъ посторонней помощи онѣ существовать не могутъ. Болѣе прочное существованіе школъ грамоты замѣчается за послѣднее время. Въ 80-хъ годахъ школы эти появлялись и исчезали какъ мыльные пузыри, не оставляя послѣ себя никакого слѣда, въ послѣднее же время ежегодно открывается до 30 школъ грамоты. Преподавателями въ нихъ состоятъ частію окончившіе курсъ въ двухклассныхъ училищахъ, частію отставные солдаты и чиновники. Размѣръ вознагражденія за преподаваніе колеблется отъ 15 до 40 руб. въ зиму и производится обществомъ, учредившимъ школу. Уѣздное земство помогаетъ школамъ грамоты классными принадлежностями и старыми учебниками, взятыми изъ земскихъ школъ.

Преподаваніе ведется наиболѣе успѣшно въ тѣхъ школахъ, гдѣ преподавателями состоятъ окончившіе курсъ въ двухклассныхъ училищахъ. Къ школамъ грамоты, въ томъ видѣ въ какомъ онѣ сейчасъ находятся, земство не можетъ относиться вполнѣ сочувственно, такъ какъ не видитъ осязательныхъ результатовъ ихъ дѣятельности. Находясь въ вѣдѣніи епархіальнаго совѣта, онѣ ускользаютъ отъ контроля земства, которое приглашается лишь къ пожертвованіямъ на эти школы въ видѣ снабженія ихъ учебниками и классными принадлежностями. Другое дѣло, еслибъ онѣ были сданы въ вѣдѣніе уѣзднаго училищнаго совѣта и руководство учебнымъ дѣломъ въ нихъ было передано въ руки спеціалиста, какимъ является инспекторъ народныхъ училищъ. Въ 1893 году объ этомъ возбуждено было ходатайство, но отвѣта до сихъ поръ не послѣдовало.

Чтобы закончить настоящую главу, намъ остается еще выяснить характеръ школьнаго обученія и отношеніе къ школамъ населенія прежде и теперь. Предоставимъ слово учителю.

«Въ прежнее время школа отличалась малочисленностью. Отдавали въ ученье дѣтей преимущественно зажиточные крестьяне и въ грамотѣ видѣли только матеріальную выгоду. Дѣти шли въ училище со слезами, по принужденію, и родители удовлетворяли малѣйшимъ ихъ капризамъ, лишь бы они продолжали ученье.

«Теперь не то. Несмотря на бѣдность крестьянъ, каждый изъ нихъ го-

ритъ желаніемъ научить сына въ училищѣ. Только крайнія обстоятельства, какъ дальность разстоянія, куча малолѣтнихъ дѣтей, съ которыми подростку приходится няньчиться, неимѣніе платья и обуви, заставляютъ крестьянина оставить сына безъ начальнаго образованія. Теперь часто случается, что отецъ наводитъ справки у учителя, не приметъ ли онъ въ училище его семилѣтняго сынишку. Случается также, что и сами дѣти очень наивно обращаются къ учителю съ той же просьбой. Слѣдовательно, между крестьянами и дѣтьми пропалъ тотъ страхъ и ужасъ, который въ прежніе годы наводило обученіе. Не давно то время, когда пріемъ въ нашихъ училищахъ производился нерѣдко до ноября. Теперь уже сами крестьяне сознаютъ это неудобство, и къ началу учебнаго года дѣти ихъ приготовлены къ посѣщенію училища и вмѣсто $1^1/_2$ мѣсяцевъ полный составъ учащихся набирается въ одну недѣлю. Прежде новичковъ непремѣнно приводили отецъ, или мать, или бубушка и при этомъ со стороны ихъ было много просьбъ учителю, чтобъ онъ поберегъ и лишнему научилъ ихъ Ванюшку, а иногда задабривали учителя пирогомъ или пяткомъ яицъ. Теперь уже всѣ крестьяне и всѣ дѣти хорошо знаютъ о началѣ ученія и въ назначенный день приходятъ какъ прежніе ученики, такъ и новички одновременно, гурьбой, безъ всякихъ провожатыхъ и при записи довольно бойко и смѣло отвѣчаютъ на разспросы учителя.

«Время измѣнило въ крестьянахъ взгляды на обученіе и личность учителя, нынче нѣтъ ужъ приношеній въ видѣ пирога, пятка яицъ и земного поклона. Въ этомъ отношеніи потрудились сами учителя и доказали крестьянамъ, что они работаютъ безъ лицепріязни, по призванію, за опредѣленную плату. Крестьяне понимаютъ это и не считаютъ учителя гордецомъ, а, напротивъ, стоятъ къ нему очень близко, не сторонятся его, часто бываютъ откровенны съ нимъ и дѣлятся своими радостями и невзгодами. Родители рѣже стали отвлекать дѣтей изъ училища; они требуютъ отъ школы элементарной грамотности и сознаютъ, что если ребенокъ проходитъ лишній годъ, то больше разовьется и пріобрѣтетъ прочные навыки въ чтеніи, письмѣ, счисленіи и больше узнаетъ изъ Закона Божія. Процвѣтанію и правильной постановкѣ дѣла много способствовали старанія и заботы земства и инспекціи. Въ первое время земство очень дѣятельно и энергично работало для увеличенія училищъ. Въ настоящее время земство достигло того, что нѣтъ такой власти въ уѣздѣ, гдѣ бы не было одного или нѣсколькихъ училищъ. При устройствѣ школьныхъ помѣщеній земство оказывало и оказываетъ денежную помощь крестьянскимъ обществамъ, а нѣкоторыя выстроены исключительно на земскія средства. Училища снабжены и снабжаются достаточнымъ количествомъ учебниковъ, классныхъ принадлежностей и довольно порядочной библіотекой для внѣкласснаго чтенія. За ходомъ учебнаго дѣла и его улучшеніемъ слѣдятъ инспекція и земство. Въ прежнее время требованія къ конечнымъ результатамъ училища предъявлялись во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе: умѣнье рѣшить несложную письменную задачу, написать простенькій диктантъ, прочитать хотя не бойко

отрывокъ выбранной статьи и разсказать что-нибудь изъ Закона Божія уже считалось вполнѣ достаточнымъ для кончающаго начальную школу. Теперь требованія значительно увеличились. Кончающій долженъ умѣть рѣшать довольно сложныя и замысловатыя письменныя задачи на всѣ типическіе виды, часто не вполнѣ ариѳметическаго свойства, дать подробное и ясное объясненіе плана и способа произведенныхъ дѣйствій, умѣть довольно быстро рѣшать умственныя задачи въ предѣлѣ 1,000. Требуется бѣглое, правильное, сознательное и выразительное чтеніе незнакомой статьи и связный, толковый пересказъ содержанія. Такое же чтеніе требуется и по славянскому тексту и переводъ прочитаннаго на русскій языкъ. По русскому языку—почти безошибочная орѳографія словъ и правильная разстановка знаковъ, для чего дается изложить своими словами прочитанный разсказъ любой конструкціи безъ предварительнаго пересказа его содержанія. Калиграфія должна быть правильная, четкая и отличаться чистотой. Кромѣ того, ученики должны обладать побочными свѣдѣніями по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію. Требованія, конечно, велики и трудно достижимы, если принять во вниманіе трехгодичный курсъ (три отдѣленія при одномъ учителѣ), возрастъ учащихся и тотъ уровень развитія крестьянскихъ дѣтей, съ которымъ они являются въ училище. Благодаря спеціальной подготовкѣ учителей, ихъ усердію и любви къ дѣлу, всѣ эти требованія выполняются безусловно».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что задача первыхъ земствъ сдѣлать школу популярной въ народѣ, теперь уже разрѣшена. Народъ сознаяъ ея пользу и стремится къ ученію. Земству остается только идти на встрѣчу развивающейся потребности въ образованіи и въ возможности шире удовлетворять желанія народа.

VI.

Вспомогательныя учрежденія, служащія къ упроченію грамотности въ народѣ.

Вполнѣ сознавая, что задачи земства въ сферѣ народнаго образованія не должны ограничиваться спеціально школьнымъ міромъ и, по необходимости, должны выступать за предѣлы его, имѣя въ виду созданное школой грамотности населеніе, бѣлозерское земство еще въ 1879 году высказываетъ желаніе, чтобы правительство приняло на себя починъ заполнить этотъ пробѣлъ въ дѣлѣ развитія грамотности широкимъ распространеніемъ книгъ для народнаго чтенія.

«Развитію грамотности,—читаемъ мы въ докладѣ управы,—въ высшей степени препятствуетъ недостатокъ книгъ для народнаго чтенія, такъ что дѣти, обучавшіеся грамотѣ, по выходѣ изъ школы, по недостатку упражненія почти совершенно забываютъ ее, и рецидивы безграмотности угрожаютъ въ концѣ-концовъ сдѣлаться общемъ явленіемъ. Книги для чтенія и образованія народа,—замѣчаетъ дальше управа,—должны издаваться и

распространяться совершенно иными способами, чѣмъ книги для болѣе образованныхъ и состоятельныхъ классовъ и въ то время, какъ послѣднія предоставлены свободной конкурренціи, закону спроса и предложенія, первыя требуютъ полнаго покровительства со стороны общества и государства.

«Мы видимъ, что не только въ Россіи, гдѣ грамотность только что начинается, но и въ государствахъ, которыя мы привыкли считать образованными, существуютъ государственныя или общественныя учрежденія, имѣющія спеціально эту цѣль. У насъ же до сихъ поръ почти не сдѣлано въ этомъ отношеніи никакой попытки, если не считать только петербургскаго и московскаго комитетовъ грамотности, не пользующихся никакой поддержкой ни со стороны государства, ни со стороны земства, и потому неимѣющихъ почти никакихъ средствъ для развитія своей дѣятельности».

Прибавимъ отъ себя, что это скромное желаніе земства не теряетъ своего значенія и въ настоящее время.

Но такъ какъ на однихъ желаніяхъ далеко не уѣдешь, то бѣлозерское земство прежде всего заботилось создать при школахъ учительскія библіотеки, которыми могли пользоваться учащіеся и окончившіе курсъ. Библіотеки при школахъ образовались однако не вдругъ, и большею частью на средства земства, которое ежегодно, начиная съ 1877 года, производило ассигновки, возросшія съ первоначальныхъ 50 до 160 р. Отчасти въ пополненіи библіотекъ принимали участіе попечители школъ, но пожертвованія ихъ сравнительно не велики. Въ 1893 году заведены каталоги школьныхъ библіотекъ, въ которые внесены всѣ книги, годныя къ употребленію. Большинство книжечекъ въ библіотекахъ составляютъ сочиненія, извѣстныхъ русскихъ писателей, изданныя для народа комитетами грамотности, читальней народной школы, «Посредникомъ» и и др. Книжекъ московскихъ издателей: Леухина, Манухина, Шарапова и другихъ совсѣмъ нѣтъ.

Для подробнаго ознакомленія съ состояніемъ школьныхъ библіотекъ приводимъ сводную таблицу о числѣ книгъ по отдѣламъ, безъ учебниковъ.

	Всего.	%	На одну школу въ среднемъ.
Книги духовно-нравственнаго содержанія . .	1,412	11	54,3
Словесность: сказки, повѣсти, разсказы и стихотворенія	6,647	52	255,7
Исторія: очерки, историч. романы и разсказы.	1,603	12,54	60,7
Географія: путешествія, описанія, этнограф. р.	722	5,64	28
Естественныя науки; медицина; гигіена . .	983	7,8	37,7
Сельское хозяйство, ремесло, строительн. дѣло и землемѣріе	667	5	25,6
Біографіи писателей, художниковъ, ученыхъ, изобр., самоучекъ	376	3	14,4
Законы и справочныя книги	209	1,63	8
Книги и брошюры, не вошедшія въ предыдущія рубрики	171	1,3	6,6
Итого. . .	12,790		

До послѣдняго времени грамотность среди окончившихъ курсъ поддерживалась исключительно путемъ школьныхъ библіотекъ. Но такъ какъ контингентъ желающихъ пользоваться книгами съ каждымъ годомъ быстро увеличивается, а школьныя библіотеки, въ силу своего спеціальнаго назначенія, не имѣютъ возможности удовлетворить всѣ требованія на книги со стороны грамотнаго населенія, то земство въ послѣдніе годы создаетъ въ уѣздѣ безплатныя народныя библіотеки.

По предложенію с.-петербургскаго комитета грамотности, земское собраніе 1894 г. выразило желаніе имѣть въ уѣздѣ 4 безплатныя народныя библіотеки и ассигновало 100 руб. на обновленіе книгъ въ библіотекахъ. Такъ какъ комитетъ грамотности, по сообщеніи ему постановленія собранія, согласился отпустить безплатно на 250 руб. книгъ пока для одной библіотеки, то управа выработала уставъ и получила разрѣшеніе г губернатора на открытіе безплатной народной библіотеки въ д. Борисовѣ, Борисовской волости, въ помѣщеніи земской больницы. Завѣдующимъ библіотекой утверженъ врачъ больницы. Такая же библіотека открыта при одномъ изъ земскихъ училищъ на средства губернскаго земства, которое на учрежденіе библіотеки выслало единовременно 30 рублей.

Въ 1895 году губернское земское собраніе въ память бракосочетанія Государя Императора ассигновало по 1,000 руб. на уѣздъ для устройства въ каждомъ изъ нихъ 4-хъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ.

Такимъ образомъ въ концѣ 1895 года Бѣлозерскій уѣздъ будетъ имѣть 7 или 8 народныхъ библіотекъ, считая въ томъ числѣ и библіотеку попечителя Куклевской школы П. В. Пушторскаго, устраиваемую имъ на свои личныя средства.

Судя по тому, что потребность въ чтеніи, по отзывамъ учителей, довольно сильно развита въ народѣ, можно надѣяться, что библіотеки не будутъ бездѣйствовать.

Приводимъ на выдержку нѣсколько сообщеній учителей.

«Потребность въ чтеніи съ каждымъ годомъ увеличивается все больше и больше, спросъ на книги громадный, но удовлетворить этотъ спросъ не имѣется возможности. Охотнѣе всего читаются книги историческаго, повѣствовательно-описательнаго характера и духовно-нравственнаго содержанія. За послѣдніе годы есть спросъ и на книги по сельскому хозяйству, скотоводству, огородничеству и даже по разнымъ отдѣламъ кустарной промышленности. Изъ газетъ въ районѣ школы выписывается крестьянами *Сельскій Вѣстникъ* въ 8 экземплярахъ».

«Потребность въ чтеніи у населенія большая, книги большею частью читаются духовно-нравственныя и популярно-научныя. Изъ газетъ и журналовъ крестьяне выписываютъ *Сельскій Вѣстникъ* въ числѣ 8 экземпл. и пользуются съ охотой. Нерѣдко крестьяне собираются въ какой-нибудь домъ, гдѣ и идетъ чтеніе въ слухъ. Книгъ у разносчиковъ почти не покупаютъ, а выписываютъ изъ склада земской управы».

«За послѣдніе годы распродается много книгъ въ городѣ чрезъ посред-

ство земской управы. Книги расходятся болѣе дешевыя—отъ $1^1/_2$ до 3 коп. Любятъ читать крестьяне книги духовно-нравственнаго содержанія и разсказы бытовые, дѣйствующіе на чувство и воображеніе, книгъ же развивающихъ разумъ и дающихъ полезныя свѣдѣнія не читаютъ или читаютъ, но мало: «сухо, скучно»,—не пріучены въ школѣ къ чтенію серьезныхъ книгъ, а для того, чтобы пріучить къ чтенію хоть сколько-нибудь серьезному, необходимъ 4-й годъ обученія. Чтенія по домамъ устраиваются постоянно».

Такіе отзывы большинства земскихъ и министерскихъ учителей даютъ намъ право вывести заключеніе, что безплатныя народныя библіотеки въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ не будутъ страдать отсутствіемъ читателей.

Въ сообщеніяхъ учителей попадаются замѣчанія о дѣятельности книжнаго склада. О немъ мы ничего не говорили въ виду того, что отъ школьныхъ библіотекъ естественно было перейти къ народнымъ библіотекамъ, преслѣдующимъ одинаковыя со складомъ цѣли.

Земскій книжный складъ открытъ въ февралѣ 1892 года на средства губернскаго земства, отпустившаго 500 руб. на его организацію. Завѣдуетъ складомъ секретарь управы, а отдѣленіемъ его на Судѣ—врачъ больницы. Съ цѣлью наиболѣе широкаго распредѣленія книжекъ, привлечены къ торговлѣ всѣ учителя земскихъ школъ. Каждому учителю, по его требованію, отпускается авансомъ разныхъ книжекъ на сумму отъ 5 до 10 рублей для продажи ученикамъ и мѣстному населенію. Съ наступленіемъ срока открытія мѣстныхъ ярмарокъ, завѣдующій складомъ выѣзжаетъ торговать книжками и картинами. Городская управа ежегодно отводитъ безплатное помѣщеніе для торговли, и это даетъ возможность производить торговлю, не повышая цѣны на книги, и свободно конкуррировать съ пріѣзжающими лубочниками. Необходимость противодѣйствовать вредному вліянію лубочной литературы и желаніе дать возможность крестьянину задешево пріобрѣсти хорошую книжку служатъ побудительными причинами для торговли на ярмаркахъ. Слѣдующія двѣ таблички даютъ понятіе объ операціяхъ склада за время его существованія.

Наименованіе книгъ по отдѣламъ.	Продано. Количество.	Продано. На сумму. р. к.	%	По цѣнѣ.	Продано. Количество.	Продано. На сумму. р. к.	%
Книги духовно-нравственнаго содержанія	1,458	71 64	11,3	$1-1^1/_2$	6,287	94 57	49
Словесность: сказки, повѣсти, разсказы, стихотворенія	8,418	412 61	65,3	2—3	1,470	41 60	11,4
Исторія: очерки историч. романовъ и разсказовъ	876	75 73	6,8	4—5	1,051	48 22	8
Географія: путешествія, описанія, этнограф. разск.	317	18 23	2,46	6—8	761	52 78	5,9

Біографіи: писателей, художниковъ, ученыхъ, изобрѣтателей. . . .	147	10	55	1,14	10—12	1,745	174	80	13,7
Естественн. науки; медицина, гигіена	389	31	83	3	15	702	106	90	5,4
Сельское хозяйство, ремесла, строительное дѣло	800	60	77	6,2	20	461	92	80	3,5
Законы и справочныя книги. . . .	47	6	30	0,4	25	243	58	75	1,9
Книги педагогическаго содержанія.	183	3	85	1,4	30 и дорож.	165	49	39	1,2
„ для интеллигентн. читателей.	100	18	30	0,8	—	—	—	—	—
„ не вошедш. въ предыд. рубр.	150	10	—	1,2	—	—	—	—	—
Картины	—	9	—	—	—	—	9	—	—
Итого. . .	12,885	728	81	—	—	12,885	728	81	—

Просматривая приведенныя таблички, увидимъ, что наибольшій процентъ проданныхъ книгъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался изъ отдѣла словесности (65%), а по цѣнѣ въ $1^1/_2$ к. (49%). Нужно сказать, что крестьянинъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ покупаетъ книгу дороже 3 коп., но въ $1^1/_2$—3 к. покупаетъ охотно.

Вліяніе лубочной литературы, служившей до недавняго времени почти единственнымъ чтеніемъ народа, успѣло отразиться на вкусъ покупателей крестьянъ. Во время ярмарокъ довольно часто слышатся требованія на Бову и Еруслана, Степку-растрепку, солдата Яшку и друг. Часто приходилось наблюдать, что такіе покупатели, не найдя желаемой книги, круто поворачивались и уходили, относясь скептически къ остальнымъ книгамъ. Во второй табличкѣ довольно высокій процентъ падаетъ на книги въ 10—12 коп. Объясняется это продажей книгъ на ярмаркахъ, гдѣ покупателями являются не одни крестьяне. На-ряду съ учрежденіемъ земскаго книжнаго склада и безплатныхъ народныхъ библіотекъ, служащихъ къ упроченію и развитію грамотности въ народѣ, бѣлозерское земство въ 1893 году организовало воскресно-повторительные классы при 5 земскихъ училищахъ.

На основаніи годичнаго опыта, управа въ 1894 году докладываетъ собранію, что при открытіи повторительныхъ классовъ необходимо пріурочивать ихъ къ школамъ, устроеннымъ при погостахъ. Только при этихъ условіяхъ можно разсчитывать на достаточное число слушателей, такъ какъ народъ охотно посѣщаетъ курсы попутно, т.-е. по выходѣ изъ церкви. Если же школа отдалена отъ погоста, число посѣтителей незначительно. Такъ, напримѣръ, въ двухъ школахъ, находящихся вблизи церквей, слушателей было достаточно, въ одной занималось на курсахъ 17 человѣкъ, кромѣ постороннихъ слушателей, но посѣщали аккуратно классы 7—8 человѣкъ и, наконецъ, въ остальныхъ двухъ, отстоящихъ въ 5—7 верст. отъ погоста, классы не привились. Затѣмъ весьма важное значеніе для привлеченія слушателей имѣетъ самый характеръ занятій. Необходимо для этого, чтобы при чтеніяхъ выбирались статьи, трактующія о вопросахъ, имѣющихъ интересъ для сельскаго населенія, изъ которыхъ слушатели могли бы вынести практическія знанія. Въ виду этого управа въ 1894 году разослала для чтенія брошюры по сельскому хозяйству, огородничеству и проч.

Посѣщались классы бывшими учениками, окончившими школу за 3—4 и даже 6 лѣтъ ранѣе. Сначала вкратцѣ повторяютъ курсъ начальной школы, затѣмъ большая часть времени посвящалась чтенію съ разъясненіями учителя.

Управа склоняется къ мысли объ учрежденіи въ уѣздѣ воскресныхъ школъ и воскресныхъ чтеній (послѣднія уже разрѣшены при нѣсколькихъ земскихъ и министерскихъ училищахъ).

Пожелаемъ бѣлозерскому земству полнаго успѣха въ дальнѣйшей дѣятельности по народному образованію.

А. Александровъ.

Изъ неаполитанскихъ впечатлѣній.

Около лавы.

Вечеромъ, въ среду 3 іюля нов. ст., съ балкончика моей квартиры въ Неаполѣ мы увидали, что на Везувіи, вершина котораго проглядывала между пиніями сосѣдней роскошной виллы (нѣкогда принадлежавшей любовницѣ одного изъ неаполитанскихъ королей, а теперь американскому милліонеру), кромѣ огня, постоянно игравшаго по ночамъ на верхушкѣ вулкана, показались еще яркіе и сильные огни, гораздо ниже, у основы его пепельнаго конуса. Это была лава, очевидно. И дѣйствительно, на другой день мы узнали изъ газетъ, что давно уже ожидавшееся изверженіе, наконецъ, произошло. Всю эту весну вулканъ былъ очень безпокоенъ; изъ кратера выходило много паровъ, выбрасывалось постоянно множество камней, частью очень большой величины. По ночамъ надъ вершиной постоянно вспыхивалъ яркій огонь и снопомъ вылетали искры; эти искры, видимыя на разстояніи многихъ верстъ отъ горы, и были вышвыриваемые камни. Ночью съ 3 на 4 іюля, послѣ двухъ сутокъ особеннаго волненія, сопровождаемаго подземнымъ гуломъ и сотрясеніемъ почвы, у самаго почти основанія пепельнаго конуса, со стороны Atrio del Cavallo, открылись побочные жерла, такъ называемые здѣсь рты или пасти (bocca), давшіе выходъ лавѣ. Тогда гора затихла, огонь на верхушкѣ горы погасъ, а лава изъ образовавшихся отверстій огненною рѣкой потекла по долинѣ между обсерваторіей и пепельнымъ конусомъ, по старымъ лавовымъ полямъ, по направленію къ колесной дорогѣ, которая ведетъ отъ обсерваторіи къ нижней станціи funicolare, построенной на пепельномъ конусѣ вулкана. Эти огни и видѣли мы вечеромъ съ балкона въ Неаполѣ.

Въ послѣдующіе дни вулканъ продолжалъ оставаться спокойнымъ, но лава текла, медленно подвигаясь впередъ; скоро она перешагнула черезъ экипажную дорогу, ведущую къ канатной конкѣ, на конусъ (если мы въ Петербургѣ говоримъ *паровая* конка, то *funicolare* будетъ, очевидно, канатная конка), отрѣзавши, такимъ образомъ, туристамъ англійской компаніи Кука *) возможность подняться на самую вершину горы, не ударивши

*) Агентство Cook & C⁰ организуетъ экскурсіи туристовъ въ окрестности Неаполя. Этимъ же обществомъ сооружена открытая въ 1880 г. канатная желѣзная дорога (funicolare), подымающая туристовъ на вершину насыпного конуса Везувія.

палецъ объ палецъ. Хотя лава продолжала еще течь по пустынной части Везувія, занятой полями старой лавы, но, подвигаясь впередъ, скоро должна была уже достигнуть культурной полосы,—знаменитыхъ виноградниковъ Везувія,—и потому это изверженіе, по своимъ размѣрамъ собственно очень маленькое и невинное, стало уже возбуждать опасеніе. Тѣмъ болѣе, что еще нельзя было сказать, успокоилась ли уже гора совсѣмъ, или это еще только начало чего-нибудь болѣе серьезнаго.

Изъ Неаполя потокъ лавы обозначался днемъ полосой дыма, тянущейся наискось внизъ по горѣ, ночью же въ видѣ огненной полосы, отблескъ которой окрашивалъ облака заревомъ пожара. Облака постоянно покрывали вершину Везувія, и эти облака были его же произведеніе: они образовались изъ паровъ воды, въ большомъ количествѣ выдѣляемыхъ вытекающею лавой. Дымъ, который былъ виденъ днемъ надъ лавой, былъ въ сущности не дымъ, а водяной паръ. Это постоянное выдѣленіе паровъ, насыщающихъ атмосферу, отразилось, повидимому, и на состояніи погоды: въ дни слѣдующіе за изверженіемъ были грозы, шелъ иногда дождь, и въ замѣнъ стоявшихъ до этого жгучихъ жаровъ наступили дни болѣе прохладные.

Мнѣ захотѣлось посмотрѣть на гору на болѣе близкомъ разстояніи, чѣмъ изъ Неаполя; вдвоемъ съ однимъ московскимъ знакомымъ, съ которымъ я встрѣтился въ Неаполѣ, мы поѣхали въ Torre del Greco, городокъ, лежащій на берегу моря у самой подошвы Везувія. Это было въ субботу, на третій день послѣ изверженія. Мы сѣли въ конку на Piazza Ferdinando, и конка съ обычною медленностью, но за удивительно дешевую плату, потащила насъ черезъ весь городъ и черезъ цѣлый рядъ смѣняющихъ Неаполь городковъ—S. Giovanni, Portici, Resina, вытянутыхъ всѣ въ одну непрерывную улицу. Хотя дорога идетъ все время почти самымъ берегомъ моря, а по другую сторону, въ гору, тянутся сады и виноградники, но вы ничего этого не видите, пока ѣдете. Дорога идетъ все время между двумя рядами домовъ, тянущихся одной многоверстной улицей безъ всякаго перерыва; границы между отдѣльными городками, составляющими эту улицу, не существуетъ, и въ сущности всѣ они сливаются вмѣстѣ въ одно обширное предмѣстье Неаполя. Лишь изрѣдка открывается направо переулокъ, въ концѣ котораго видно синѣющее море, или переулокъ налѣво, открывающій видъ на Везувій. И съ каждымъ новымъ такимъ переулкомъ Везувій становился намъ все ближе и ближе.

Когда мы пріѣхали въ Torre del Greco, было всего еще шесть часовъ вечера, и такъ какъ мы хотѣли видѣть гору собственно ночью, то у насъ оставалось еще много времени. Конка выпустила насъ передъ трактирчикомъ «На Волшебной Верстѣ» (Al miglio incantato); въ эту Волшебную Версту мы и рѣшились зайти, чтобы, во-первыхъ, подкрѣпиться въ ожиданіи будущихъ трудовъ, а во-вторыхъ, обсудить планъ нашихъ дальнѣйшихъ поступковъ. Заманчивое названіе маленькой харчевни оправдывалось чудеснымъ видомъ, открывавшимся изъ ея помѣщенія на море, на далекій противо-

положный берегъ залива и на высокую, сизую въ далекомъ туманѣ, Искію. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи здѣсь всѣ версты одинаково волшебныя.

Мы спросили себѣ сыру, плодовъ и вина и принялись составлять планъ кампаніи. Во-первыхъ, мы видѣли теперь, что заѣхали слишкомъ далеко. Потокъ лавы направлялся по склону горы, ведущему къ Портичи и Резинѣ, которыя мы уже проѣхали; чтобы хорошо его видѣть, намъ надо было вернуться немного назадъ. Мы рѣшили поэтому пойти въ одинъ изъ переулковъ, идущихъ отъ моря, и поискать дорогу, которая вывела бы насъ немного на гору и повернула въ сторону къ Резинѣ. Сдѣлать восхожденіе на самый Везувій ни у меня, ни у моего товарища не было намѣренія.

Мы такъ и сдѣлали. Выбрались изъ Торре дель Греко и пошли блуждать между виноградниками и садами, превращающими подошву Везувія въ одинъ сплошной садъ. Намъ безъ труда удалось найти дорогу, ведущую вдоль склона горы къ Резинѣ; но дѣло было въ томъ, что мы съ нея ничего не видѣли. Съ обѣихъ сторонъ дороги подымаются высокія стѣны садовъ и виноградниковъ, расположенныхъ на уступахъ надъ дорогою; дорога имѣетъ видъ узкаго коридора или выемки, прорытой между садами. Крутыя стѣнки окутаны плющомъ, папоротникомъ и травой, сверху висятъ гирлянды винограда и лапчатыя листья фиговыхъ деревьевъ; мѣстами это бываетъ необыкновенно красиво, но блуждать по такимъ дорожкамъ между виноградниками мнѣ скоро надоѣдаетъ. Ничего не видно, преслѣдующія по бокамъ стѣны тѣснятъ взоръ и давятъ, а днемъ, въ жаркое время, хотя въ узкихъ дорожкахъ и тѣнь, но застоявшійся между каменными стѣнами воздухъ дѣлается тяжелымъ и душнымъ. Таковы дорожки, превращающія весь холмъ Posilippo, около Неаполя, въ какой-то лабиринтъ, или муравейникъ; по такой же дорогѣ пробирались мы отъ Торре дель Греко къ Резинѣ.

Въ концѣ-концовъ мы пришли опять въ Резину, которую мы проѣхали часъ тому назадъ.

Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ разспросовъ, намъ показали дорогу, ведущую прямо къ Везувію. Мы пошли по ней, и черезъ четверть часа ходьбы, на перекресткѣ, гдѣ кончался городъ и дорога выходила въ поле,—если можно назвать полемъ то, что состоитъ сплошь изъ садовъ,—натолкнулись на неожиданное обстоятельство. На насъ набросились два уличныхъ продавца: одинъ убѣждалъ насъ купить факелъ на дорогу, другой—совалъ въ руки длинныя, простыя деревянныя палки. «Позвольте, на что намъ нужны ваши факелы?»—«Да какъ же вы пойдете по горѣ безъ факеловъ? Ночью нельзя идти на Везувій». Дѣлать нечего: мы плохо ему вѣрили, но по слабости характера, свойственной туристамъ, купили по факелу. Но палки намъ рѣшительно не были нужны: у меня была палка, а моему спутнику вмѣсто палки служилъ зонтикъ. «Но вѣдь эта палка нужна для лавы, вѣдь вы не станете совать вашу палку, или вашъ зонтикъ въ лаву!» Менѣе всего на свѣтѣ имѣлъ я въ виду совать что̀ бы то ни было въ лаву; но когда мой товарищъ съ нерѣшительнымъ видомъ взялъ у торговца предлагаемую палку, я началъ подозрѣвать, что обстоятельства бываютъ иногда сильнѣе

людей. Дальнѣйшія происшествія этого дня могли лишь укрѣпить меня въ этой истинѣ.

Но что намъ бросилось въ глаза, это то, что у продавца факеловъ ими была нагружена до самаго верха цѣлая телѣжка, а у другого была заготовлена соотвѣтственная партія палокъ. Неужели они разсчитываютъ продать всю эту груду? Самые факелы имѣли видъ длинныхъ, болѣе аршина, бѣлыхъ палокъ, вершка два въ діаметрѣ, нѣчто вродѣ громадной стеариновой свѣчи. Они были сдѣланы изъ смоляного каната, или просмоленой пакли, и густо замазаны снаружи известью. Когда мы пошли дальше въ этомъ новомъ вооруженіи, мы почувствовали, что, помимо желанія, вступаемъ въ избитую колею туристовъ; назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Слава Богу, мы были покамѣстъ свободны отъ гидовъ.

Дорога шла прямо въ гору и постепенно становилась хуже. Хотя уже вечерѣло, но отъ усиленной ходьбы намъ было страшно жарко; мы обливались пóтомъ. Везувій то скрывался за деревьями и виноградниками, то опять появлялся намъ, и мы видѣли теперь у подошвы конуса, закутаннаго облаками, яркое зарево. Сумерки сгущались, а зарево становилось все сильнѣе. Опредѣлить разстояніе до этого огня было очень трудно; казалось, что вотъ-вотъ за этимъ поворотомъ дороги, за этимъ бугромъ мы сейчасъ на него наткнемся; между тѣмъ мы шли, и нисколько къ нему не приближались. Стало уже почти совсѣмъ темно, а мы все еще шагали по камнямъ и песку, составлявшимъ дорогу. Судя по обширному кругозору моря, открывавшемуся позади насъ, мы были уже довольно высоко. И вотъ наконецъ дорога вывела насъ изъ виноградниковъ къ пустынному пространству старой, застывшей лавы—и сама прекратилась. И прямо передъ нами,—и налѣво, и направо—мрачными, черными буграми подымались шершавыя волны окаменѣлаго потока, безъ всякаго слѣда растительности. Эти поля мертвой лавы представляютъ въ высшей степени своеобразное и дикое зрѣлище. Ходить по нимъ утомительно; вы переходите или перескакиваете съ камня на камень, то подымаясь, то опускаясь, скользя, застрявая ногой въ трещинахъ, или уходя въ песокъ, заполняющій мѣстами промежутки между застывшими глыбами. Поверхность этихъ глыбъ мѣстами бываетъ совершенно гладкая, мѣстами же покрыта волнообразными складками—слѣдами застывшихъ теченій.

Мы походили по лавѣ налѣво и направо, и не знали что дѣлать. Темно, дороги нѣтъ. Я зналъ, что со стороны Портичи и Резины ведетъ къ Везувію, къ обсерваторіи и къ станціи канатной конки превосходная колесная дорога, и судя по той высотѣ, на которую мы уже поднялись, при дальнѣйшемъ восхожденіи мы должны были ее скоро пересѣчь. Но далеко ли до нея, я даже приблизительно не могъ сказать, велико ли это поле лавы, я не зналъ; а впереди такъ мрачно сіяло зарево пожара.

Вскорѣ однако насъ вывели изъ затрудненія голоса людей, послышавшіеся сзади насъ, по той же дорогѣ, по которой мы только что пришли. Черезъ нѣсколько минутъ эти люди показались на томъ же полѣ лавы,

на которомъ мы стояли. Они насъ окликнули, и на мой вопросъ, знаютъ ли они, гдѣ колесная дорога къ обсерваторіи, отвѣтили, что они и сами ее ищутъ. Когда они подошли къ намъ, я увидѣлъ, что только одинъ изъ нихъ былъ взрослый человѣкъ, работникъ или ремесленникъ; остальные трое или четверо были мальчики. Я подумалъ, что это рабочіе изъ виноградниковъ, кончившіе работу и ищущіе дорогу, чтобы сойти внизъ, въ городъ; но оказалось—нѣтъ: они, подобно намъ, нарочно шли изъ Резины посмотрѣть на вулканъ, на лаву. Хотя съ ними и былъ одинъ факелъ, такой же, какъ у насъ, но они очень обрадовались, увидя у насъ еще два; тотчасъ же всѣ три факела были зажжены, и рабочій смѣло повелъ насъ впередъ, взявши направленіе немножко влѣво отъ линіи той дороги, по которой мы сюда пришли. Мальчишки весело болтали и проворно прыгали съ камня на камень; тамъ, гдѣ я скользилъ, ихъ босыя ноги прицѣплялись къ неровностямъ камня, какъ лапки мухи, и я могъ только удивляться крѣпости ихъ подошвъ,—потому что подошвы башмаковъ сильно страдаютъ отъ ходьбы по лавѣ. Факелы, пока не разгорѣлись, тухли отъ времени до времени, и мы останавливались ихъ зажигать.

Черезъ четверть часа ходьбы мы вдругъ сошли съ голой лавы на траву и очутились, дѣйствительно, какъ разъ передъ большою колесною дорогой. Вмѣстѣ съ нашимъ случайнымъ спутникомъ мы повернули въ сторону обсерваторіи; я окончательно рѣшилъ, что надо предоставить событіямъ идти своимъ ходомъ.

Широкая, прекрасная дорога идетъ извилинами по склону горы, образуя очень пологій подъемъ въ гору; идти было и легко и прохладно. Взошла полная луна, и въ факелахъ не было необходимости; мы погасили два изъ нихъ—третій остался горѣть больше для утѣшенія мальчишекъ. Если до сихъ поръ я и мои товарищи чувствовали себя одинокими путниками, то теперь картина жизни перемѣнилась. На большой дорогѣ, обыкновенно, особенно въ этотъ сезонъ—въ серединѣ лѣта—довольно безлюдной, теперь были шумъ и движеніе. Мы догоняли группы людей, подымавшихся подобно намъ въ гору, а навстрѣчу намъ попадались люди уже спускавшіеся. И ниже насъ, и выше, на верхнихъ извилинахъ дороги, мы слышали голоса, и смѣхъ, и неразлучные съ неаполитанцемъ пѣсни.

Зарево то продолжало сіять передъ нами, то скрывалось за поворотомъ дороги; но спустя немного времени мы увидѣли передъ собой, и очень недалеко отъ дороги, массу отдѣльныхъ огней—точно полосу разсыпанныхъ углей. Огни эти то потухали, то вспыхивали опять; мѣстами между ними были большіе темные промежутки, мѣстами же они сливались въ сплошныя свѣтлыя пятна.

Черезъ полчаса мы поднялись настолько высоко, что увидѣли потокъ лавы во всемъ его объемѣ уже подъ нами, ниже насъ. Дорога именно вывела насъ къ высокому, отдѣльному холму, на которомъ стоитъ знаменитая обсерваторія на Везувіи; ея положеніе на отдѣльной, обособленной возвышенности дѣлаетъ ее сравнительно безопасной отъ изверженія; во время

большого изверженія 1872 г. лава текла по обѣ стороны этой возвышенности. Теперь потокъ лавы, выходя со стороны Atrio del Cavallo, направлялся по широкой и сравнительно ровной лощинѣ между холмомъ обсерваторіи и конусомъ. По этой лощинѣ идетъ та дорога отъ обсерваторіи къ станціи funicolare, о которой я говорилъ раньше, и которая была уже залита потокомъ лавы. Съ вершины холма мы видѣли теперь передъ собою весь потокъ. Чтобы передать общее впечатлѣніе, имъ производимое,— представьте себѣ поле, длиною отъ двухъ до трехъ верстъ и шириной съ полверсты, а можетъ и больше,—сплошь засыпанное жаромъ изъ печки, тлѣющими и раскаленными углями. Когда лава вытечетъ изъ жерла, она чрезвычайно быстро твердѣетъ и застываетъ съ поверхности; но такъ какъ внутри она остается жидкою, и общая масса жидкаго потока медленно ползетъ впередъ, то понятно, что тонкая твердая кора на ея поверхности ежеминутно трескается и разламывается на куски. Мы видѣли темные бугры, съ которыхъ вдругъ начинала сыпаться какъ бы чешуя, и изъ-подъ этой чешуи обнажалась огненно-красная внутренняя масса. На своемъ свободномъ концѣ, тамъ гдѣ потокъ лавы оканчивался въ полѣ, онъ образовывалъ довольно высокій—мѣстами, казалось, въ нѣсколько саженъ высоты, уступъ; съ этого уступа постоянно сыпались куски застывшей лавы и обнажалась прикрытая ими огненная стѣна. Уступъ этотъ медленно (по нѣскольку аршинъ въ часъ) передвигался впередъ, заливая все новое и новое пространство. Въ эту ночь онъ находился еще на пустынномъ пространствѣ мертвой старой лавы; но онъ подвигался уже къ культурной полосѣ и начиналъ уже грозить виноградникамъ. Постоянное образованіе и передвиженіе по поверхности потока этихъ осколковъ застывшей лавы или *скорій* вызывало особенный своеобразный шумъ; на болѣе близкомъ разстояніи онъ напоминалъ мнѣ шумъ, производимый треніемъ и сталкиваніемъ льдинъ на рѣкѣ, когда, напримѣръ, переплываешь Неву на финляндскомъ пароходикѣ во время осенняго или весенняго ледохода. Въ отдаленіи же этотъ трескъ и шорохъ сливались въ одинъ общій, непрерывный гулъ или шумъ, похожій на шумъ морского прибоя. Въ общемъ движеніе, совершающееся на поверхности лавового потока, напоминало медленное движеніе какого-нибудь сыпучаго тѣла, какъ будто по очень пологому склону медленно пересыпалась груда на-половину тлѣющихъ, наполовину раскаленныхъ углей. Сходство съ гигантскою жаровней углей дополняется еще тѣмъ, что вся эта огненная поверхность постоянно курится,—надъ нею медленно подымается бѣлый дымокъ; на самомъ дѣлѣ поверхность лавы выдѣляетъ поглощенные ею водяные пары, тѣ самые пары, сила которыхъ и выбросила ее изъ глубины земли. Днемъ, когда въ отдаленіи не видно блеска раскаленной массы, потокъ лавы и обозначается полосою дыма, ползущаго по горѣ и уносимаго вѣтромъ.

Было 9 часовъ вечера. Мы много прошли и устали. Немного не доходя до обсерваторіи стоитъ у дороги маленькая итальянская харчевня, тратторія разсчитанная на туристовъ, дѣлающихъ восхожденіе на гору. Мы

рѣшили зайти въ нее отдохнуть и закусить чѣмъ будетъ можно и пригласили съ нами нашихъ случайныхъ спутниковъ—ремесленника и одного изъ мальчиковъ, которые оба шли вмѣстѣ съ нами отъ самаго лававаго поля, гдѣ мы встрѣтились, выпить «un bicchier di vino».

Тратторія состояла всего изъ одной небольшой комнаты съ выштукатуренными стѣнами, и стояли въ ней всего два стола. За однимъ изъ нихъ уже сидѣла компанія путниковъ, причемъ одинъ изъ нихъ по костюму былъ признанъ нами за неизбѣжнаго повсюду велосипедиста; велосипедъ его стоялъ тутъ же въ углу.

Вмѣстѣ съ рабочимъ, съ большимъ достоинствомъ принявшимъ наше приглашеніе, и съ черномазымъ мальчишкой, мы размѣстились за другимъ, свободнымъ столомъ. Хозяйка трактира, которую изверженіе Везувія повидимому застало врасплохъ, имѣла растерянный и озабоченный видъ; очевидно, ея кухня не могла вполнѣ обезпечить потребности минуты. На вопросъ, что можно получить поѣсть, мы узнали, что имѣются макароны, колбаса и яйца. Мы и заказали макаронъ, колбасы и яицъ и спросили вина. Не знаю теперь, хорошо ли было это вино,—кажется, оно отдавало немного чѣмъ-то вродѣ смолы или сургуча,—но намъ оно показалось восхитительнымъ, и наши спутники также оказали ему честь.

Я постарался завязать разговоръ съ нашимъ спутникомъ, насколько мнѣ позволяли мои слабыя познанія въ итальянскомъ языкѣ и полное незнаніе неаполитанскаго діалекта. На мой вопросъ, какимъ ремесломъ онъ занимается, онъ вмѣсто отвѣта вынулъ изъ кармана и протянулъ мнѣ бумагу. Бумага эта оказалась оффиціальнымъ документомъ, выданнымъ ему Municipio (думой) одного изъ проѣханныхъ нами городковъ въ удостовѣреніе того, что онъ на законномъ основаніи имѣетъ право заниматься ремесломъ «intramittente e indicatore di case», «посредника и указателя домовъ», нѣчто вродѣ фактора или коммиссіонера. Я удивился, какъ подобное ремесло можетъ кормить въ такомъ маленькомъ городкѣ; но онъ объяснилъ мнѣ, что этотъ документъ даетъ ему право заниматься коммиссіонерствомъ во всей округѣ. Теперь же, въ ночь подъ воскресенье, онъ лѣзъ на гору для собственнаго удовольствія, чтобы полюбоваться, какъ истинный неаполитанецъ, своимъ «buon vulcano». При этомъ онъ вынулъ и показалъ мнѣ старую мѣдную неаполитанскую монету, временъ королевства «Обѣихъ Сицилій», съ портретомъ одного изъ бурбоновъ: эту монету онъ собирался запечь въ лаву.

Черномазый мальчишка молчалъ и уписывалъ макароны. За другимъ столикомъ нѣсколько разъ смѣнялись посѣтители.

Поужинали мы съ большимъ аппетитомъ; за то моментъ расплаты былъ для насъ моментомъ ужаса и отвращенія, не столько передъ размѣромъ счета, сколько передъ глубиною испорченности человѣческой натуры. Цѣны, назначенныя хозяйкою въ сравненіи съ обычною дешевизною маленькихъ итальянскихъ трактировъ, были совершенно фантастическія, за нѣсколько кусковъ колбасы и сыру она требовала, напримѣръ, 2 франка, и

все остальное въ соотвѣтственной пропорціи. Видя чрезвычайный наплывъ публики, чувствуя, что у нея не хватаетъ припасовъ, она трепетала боязнью продешевить и готова была бы, я думаю, продавать съ аукціона свои макароны и вареныя яйца. Но у насъ вовсе не было желанія быть ободранными заживо, и мы стали торговаться. «Дешевле невозможно»,— сказала хозяйка и вышла,—мы же категорически заявили служанкѣ, что не заплатимъ больше того, что слѣдуетъ, и, добросовѣстно назначивъ двойныя цѣны, подвели итогъ,—вышло 7 лиръ и 10 сантимовъ. Въ этотъ моментъ вошла опять хозяйка, не слышавшая нашего разговора, и съ трагическимъ жестомъ и съ выраженіемъ злобы на лицѣ заявила, что меньше семи лиръ она ни за что не возьметъ. Служанка засмѣялась, мы заплатили, и инцидентъ былъ исчерпанъ.

Когда мы вышли на дорогу, мы увидѣли, что народу еще много прибавилось. Мы стали опять подыматься вверхъ въ гору; если и раньше дорога была оживленная, то теперь мы шли уже въ густой толпѣ. Казалось, мы попали на ярмарку, или на народный праздникъ. Одни подымались въ гору, другіе спускались, и на дорогѣ образовалось два встрѣчныхъ потока людской толпы. Проѣзжали коляски съ господами и элегантными дамами, проѣзжали дилижансы компаніи Кука, съ насаженными туристами, проѣзжали извозчичьи экипажи, биткомъ набитые пассажирами. Толпа пѣшеходовъ состояла изъ всевозможныхъ людей; шли туристы иностранцы, англичане, которыхъ всегда узнаешь по костюму; шли молодые люди, одѣтые, какъ обыкновенно одѣваются въ Неаполѣ, пошло-элегантно; но все это тонуло въ огромной массѣ простого народа, мужчинъ, женщинъ и подростковъ. Были даже дѣти, и я видѣлъ одного мужчину, который несъ на плечахъ ребенка лѣтъ четырехъ. По бокамъ дороги попадались разносчики, продававшіе воду, лимоны и плоды. Надъ всей этой толпой стоялъ тотъ веселый и задорный гвалтъ, который такъ характеризуетъ неаполитанскую улицу и жизнь итальянскаго простанародья. Италія—страна бѣдноты, и бѣднотѣ этой живется здѣсь такъ же трудно, тѣсно и обидно, какъ и повсюду на свѣтѣ; но она шумитъ, смѣется и поетъ съ такимъ беззаботнымъ и легкомысленнымъ видомъ, производитъ впечатлѣніе такого смѣлаго и задорнаго веселья, и притомъ такъ добродушна и такъ вѣжлива, что это веселое настроеніе невольно передается и вамъ. Я видѣлъ въ Неаполѣ, — былъ праздникъ св. Антонія, — слѣдующее увеселеніе. Поздно вечеромъ кучка народу несла на плечахъ большой деревянный щитъ, нѣчто вродѣ круглой деревянной платформы. Изъ центра этой платформы подымалось что-то вродѣ шпиля, или высокой башни. Вокругъ же башни на платформѣ помѣстился оркестръ—5 или 6 музыкантовъ: барабаны, флейты, трубы. Музыканты трубили и свистѣли съ дикимъ увлеченіемъ, люди державшіе щитъ поспѣшно шагали по улицѣ, воздушный оркестръ качался на ихъ плечахъ, башня кланялась во всѣ стороны. Цѣлая толпа народа сопровождала это удивительное сооруженіе, называемое почему-то «лиліей св. Антонія» (il giglio di S.-Antonio). Это было такъ

глупо и смѣшно и въ то же время такъ заразительно забавно, что такъ бы кажется и залѣзъ на деревянную площадку и сталъ бы самъ трубить въ какую-нибудь дудку.

Такъ и теперь на Везувіи было настоящее народное гулянье. Мнѣ казалось, что сегодня у Везувія пріемный день; онъ радушно принимаетъ дорогихъ гостей и для своихъ неаполитанцевъ, страстныхъ любителей фейерверковъ и всякихъ увеселительныхъ огней, украсился самъ великолѣпными огнями.

Мы медленно шли, теряя другъ друга въ толпѣ, и опять сходились вмѣстѣ. Indicatore di case и черномазый мальчишка не отставали отъ насъ и по-прежнему несли зажженные факелы. Подобные же факелы мелькали повсюду въ толпѣ, хотя въ нихъ собственно и не было надобности: ночь была лунная и свѣтлая, дорогу хорошо видно. Я понялъ теперь, что продавецъ факеловъ въ Резинѣ не на авось наготовилъ ихъ цѣлую телѣгу.

Мы недолго еще шли въ гору и вдругъ неожиданно остановились, упершись прямо въ лавовый потокъ: это былъ боковой край его верхняго конца. Теченіе лавы здѣсь остановилось, и она быстро застыла. Мы видѣли огромную груду, цѣлое поле, цѣлый холмъ нагроможденныхъ черныхъ камней, подъ которыми лежали еще огненные красные камни. Сбоку мѣстами было видно, какъ на разрѣзѣ,—подъ слоемъ черныхъ камней слой раскаленныхъ красныхъ. Повсюду между щелями черныхъ камней поверхности блестѣлъ огонь, свѣтилась еще неостывшая масса. И на это еще горячее, едва остывшее поле лавы лѣзли и лѣзли люди, десятки людей.

Признаюсь откровенно, будь я одинъ, ни за какія коврижки не пустился бы я въ подобную экскурсію. Однако, мой товарищъ смѣло шагнулъ вслѣдъ за другими; и когда я остановился въ нерѣшительности, за свое малодушіе я сдѣлался немедленной жертвой—не лавы, а гида, бича итальянскихъ туристовъ.

«Дайте мнѣ руку, возьмите меня за плечо и идите за мной»,—сказалъ мнѣ сосѣдъ. Мнѣ показалось, что со мной говоритъ нашъ indicatore, и я послѣдовалъ его совѣту, взялъ его за плечо и постарался шагнуть на тотъ камень, на которомъ только что стояла его нога. Но это оказался не нашъ спутникъ, а профессіональный гидъ, проводникъ, одинъ изъ тѣхъ молодцовъ, которые назойливо слѣдуютъ за путникомъ во время утомительнаго восхожденія на пепельный конусъ Везувія, и какъ только онъ остановится перевести духъ, пристаютъ къ нему съ услугами и, протягивая конецъ веревки, соблазняютъ взяться за конецъ,—тогда они будутъ тянуть его наверхъ. Увидавъ, что я робѣю, гидъ поймалъ меня врасплохъ и повелъ за собою. Впрочемъ, на этотъ разъ я былъ ему благодаренъ.

Помню, я читалъ какъ-то стихотвореніе г. Мережковскаго, въ которомъ онъ, описывая въ патетическихъ чертахъ свои впечатлѣнія при посѣщеніи Везувія, говоритъ, какъ подъ нимъ, подъ его ногами, находился «великій» или «древній» или что-то въ этомъ родѣ, «Хаосъ, праотецъ вселенной», и съ какою гордостью онъ, г. Мережковскій, попиралъ этого праотца ногами.

Если принять въ соображенiе, что г. Мережковскiй попиралъ Везувiй ногами несомнѣнно въ сопровожденiи гида, находясь при этомъ, по всѣмъ вѣроятiямъ, на попеченiи заботливой компанiи Кука, и поднявшись на вершину горы въ удобномъ вагонѣ funicolare, то величiе души поэта, при столь, казалось бы, неблагопрiятныхъ условiяхъ сохранившаго способность къ титаническимъ ощущенiямъ, выступаетъ въ особенномъ блескѣ. Къ сожалѣнiю, я не одаренъ величiемъ души; и когда я шагалъ, подъ руку съ гидомъ, по горячимъ камнямъ, изо всѣхъ щелей которыхъ мнѣ злобно подмигивалъ вышеупомянутый праотецъ вселенной, то мои ощущенiя, я боюсь, болѣе напоминали ощущенiя таракана, ожидающаго, что кухарка ошпаритъ его кипяткомъ, чѣмъ чувства титана, гордо попирающаго хаосъ ногами. Хотя я и убѣдился, когда нѣсколько осмотрѣлся, что опасности въ этомъ путешествiи не можетъ быть никакой: то красное, что̀ блестѣло подъ нами, была конечно не жидкая лава, а лишь раскаленные камни; я не видѣлъ ни одной трещины настолько широкой, чтобы въ нее можно было бы провалиться ногой, тѣмъ не менѣе я не могъ подавить въ себѣ чувства робости. Впрочемъ, когда мы прошли шаговъ тридцать, моего гида окликнулъ и остановилъ итальянскiй жандармъ, карабинеръ, стройная фигура котораго, въ его традицiонномъ костюмѣ, неподвижно высилась посреди горячихъ камней. Карабинеръ попиралъ хаосъ уже въ качествѣ начальства, призванный останавливать слишкомъ смѣлыхъ или слишкомъ легкомысленныхъ любопытныхъ на извѣстной границѣ горячаго поля.

Съ того мѣста именно, до котораго разрѣшалось доходить, были видны самыя трещины (bocca), изъ которыхъ изливалась лава. Я рѣшительно не берусь опредѣлить на глазъ, при тѣхъ обманчивыхъ условiяхъ освѣщенiя, въ которыхъ мы находились, далеко ли до нихъ было: около полуверсты можетъ быть и больше, а можетъ быть и гораздо меньше. Мы видѣли передъ собой, на нѣкоторомъ разстоянiи, среди общаго сумрака ночи, широкiя, ослѣпительно-яркiя огненныя пятна: это были трещины земли, изъ которыхъ вытекала лава.

Представьте себѣ нѣчто вродѣ широкаго входа въ туннель, изъ котораго громадною струей выливается, бьетъ ключомъ, каскадомъ, расплавленная, огненножидкая масса. Ослѣпительный блескъ мѣшалъ разсмотрѣть детали, и бинокль не могъ много помочь въ этомъ отношенiи: въ бинокль именно видно было струйчатое колебанiе воздуха надъ страшнымъ огнемъ, замазывавшее и затушовывавшее картину. Мнѣ не удалось разсмотрѣть, что дѣлается съ этой жидкостью сейчасъ же послѣ ея выхода на свѣтъ: долго ли еще она течетъ въ видѣ огненнаго потока между твердыми берегами, или немедленно покрывается твердыми осколками и превращается въ ту густую ползучую массу, которую мы видѣли раньше.

Когда я нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ подымался на Везувiй въ перiодъ полнаго покоя вулкана, проводникъ показывалъ намъ въ Atrio del Cavallo маленькiй потокъ жидкой лавы. Тогда это было нѣчто вродѣ канавы въ аршинъ или два ширины и нѣсколько аршинъ длины: лава, вытекавшая

изъ трещины горы, немедленно же уходила опять въ землю, подъ толстый слой давно уже застывшей, твердой лавы. Теперь это могла бы быть цѣлая огненная рѣка.

Вырываясь съ большою силой изъ сравнительно небольшихъ отверстій, потокъ лавы разливался потомъ по широкой поверхности котловины съ очень отлогимъ скатомъ; этимъ и объясняется медленное поступательное движеніе всего лавоваго потока, тогда какъ источникъ его билъ ключомъ

На далекомъ разстояніи, наприм. изъ Неаполя, откуда потокъ лавы имѣлъ видъ освѣщенной полосы на горѣ, истоки его сіяли огненными точками вродѣ звѣздочекъ. Да вѣдь, дѣйствительно, и звѣзды, и самое солнце и представляютъ изъ себя нѣчто вродѣ того, что вырывалось здѣсь изъ-подъ земли.

Сойдя, наконецъ, съ горячихъ камней, мы повернули назадъ и черезъ нѣсколько минутъ ходьбы по дорогѣ спустились по крутому, заросшему деревьями и кустами, откосу холма внизъ, въ ту лощину, которая была залита потокомъ, и очутились передъ небольшой, тихо ползущей боковою его вѣтвью. Небольшимъ уступомъ подымалась передъ нами, какъ груда тлѣющихъ углей, площадь лавы, покрытая трещавшими и шелушившимися осколками. Было жарко, какъ передъ плитой. Десятки людей густою цѣпью облѣпили этотъ уступъ, бросая въ него траву и листья и любуясь, какъ они мгновенно вспыхивали; другіе длинными палками ковыряли поверхность бугра, сбрасывали скоріи и, стараясь засунуть палку поглубже въ мягкую массу, вытаскивали на загорѣвшемся концѣ палки немного тѣстообразной полужидкой лавы. Клали этотъ кусокъ, пластичный какъ глина, на землю и вдавливали въ него мѣдную монету; монета немедленно раскалялась до-красна, а когда все это застывало, получался ноздреватый кусокъ лавы съ запеченной въ него монетой. Такіе куски лавы съ монетами или съ оттисками разныхъ предметовъ, портретовъ и т. п. мальчишки предлагаютъ часто посѣтителямъ при входѣ въ Помпею. Надъ веселой толпой стоялъ шумъ и гвалтъ; и странно звучали въ общемъ шумѣ особенности неаполитанскаго діалекта, часто до курьеза напоминающія звукъ русской рѣчи. «Пашка!»—зоветъ голосъ въ толпѣ какого-то Пашкали. Другой кличетъ Vicenzo, и кликъ его превосходно можетъ быть переданъ русскими буквами «Виченцы», съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ и со звукомъ, почти тожественнымъ съ нашимъ *ы*.

Мы поднялись опять на холмъ и вышли на дорогу. Кажется, нашу экскурсію можно было считать оконченной; мы видѣли все, что можно было видѣть. Неожиданно для насъ самихъ, безъ «заранѣе обдуманнаго намѣренія», мы забрались на Везувій и видѣли вблизи текущую лаву; не въ счетъ абонемента мы попали при этомъ на народное гулянье. Предсказанія торговцевъ въ Резинѣ исполнились: мы жгли наши факелы, отъ которыхъ остались теперь одни огарки; мы если не совали, то, конечно, могли совать наши палки въ лаву. Мой товарищъ, пріобрѣвшій себѣ палку у торговца въ Резинѣ, кажется, такъ и не воспользовался этой привиле-

гіей. И все это вышло экспромтомъ. Впрочемъ, вѣдь и философы говорятъ, что самыя лучшія удовольствія неожиданныя. И мы были довольны.

Былъ всего только первый часъ ночи. На небѣ сіяла полная луна, а ночной воздухъ на высокой горѣ дышалъ свѣжестью. Изъ громаднаго пейзажа, разстилавшагося у нашихъ ногъ, мы могли различать въ полумракѣ только море, въ которомъ блестѣла луна, и далекій Неаполь, огни котораго дугою звѣздъ разсыпались по берегу моря. Хорошо было бы дождаться на горѣ восхода солнца; но до зари было еще очень далеко, а мы уже сильно устали. Мы рѣшили на этомъ кончить и повернули домой. Медленно стали спускаться мы по той колесной дорогѣ, по которой совершили часть восхожденія; теперь же мы хотѣли уже держаться только ея и не сворачивать на недоступные ночью проселки. На одномъ изъ поворотовъ дороги мы простились, наконецъ, съ нашими случайными спутниками, indicatore di case и черномазымъ мальчишкой. Отъ времени до времени мы присаживались отдыхать. Дорога была попрежнему оживлена. Я спускался ужъ разъ прежде по ней пѣшкомъ съ Везувія въ вечернюю пору, передъ заходомъ солнца, и на всемъ пути не встрѣтилъ и десяти прохожихъ. Теперь же, въ глухую ночь, она была полна людей, бодро шагавшихъ, вытянувшихся въ ряды и весело распѣвавшихъ во все горло «'A morte 'e maccarone!»—пѣсенку, которую въ то время пѣлъ буквально весь Неаполь. Черезъ годъ она была забыта и уже пѣли другую. На-встрѣчу намъ, несмотря на позднюю ночь, все еще продолжали ѣхать экипажи и идти пѣшеходы. Попался и велосипедистъ, шедшій пѣшкомъ и смиренно катившій въ гору свой экипажъ. Мы поняли теперь, что намъ не такъ слѣдовало распорядиться своимъ временемъ; гораздо лучше было бы, еслибъ мы поужинали дома, въ Неаполѣ, и отправились бы на Везувій поздно вечеромъ. Мы легко могли бы тогда провести на горѣ всю ночь до зари.

Дорога спускается съ горы очень полого, дѣлая много поворотовъ и зигзаговъ; но потому она и очень длинна, гораздо длиннѣе той прямой и крутой дорожки, по которой мы поднимались отъ Резины. По бокамъ ея то тянутся мертвыя, волнистыя поля лавы, то крутые уступы, поросшіе большими кустами дрока съ желтыми, пахучими цвѣтами. Мѣстами на поворотахъ дороги попрежнему открывался огромный видъ на море, блестѣвшее луннымъ свѣтомъ, и на горѣвшій огнями Неаполь. Но я страшно усталъ и равнодушно смотрѣлъ на красивыя мѣста, которыми мы проходили. Я живо чувствовалъ въ эти минуты долгаго шаганья измученными ногами по пыльной дорогѣ, что можетъ придти когда-нибудь время, когда и эта жизнь и чудесная красота природы, которую я такъ люблю, перестанетъ меня интересовать, какъ и теперь уже кое-что не интересуетъ изъ того, что такъ волновало и радовало прежде; наступитъ постепенно большая усталость, когда все, что есть на землѣ, будетъ казаться однообразнымъ, и скучнымъ, и неновымъ, и мысль о разставаніи съ утомительной земною жизнью будетъ манить соблазномъ конца, и даже, можетъ быть, интересомъ перемѣны и новизны.

Мы дошли до Портичи и наняли здѣсь извозчика. Въ Неаполь мы пріѣхали въ четыре часа утра; было уже совершенно свѣтло и накрапывалъ дождь.

Въ театрѣ.

Въ Неаполѣ постоянно существуютъ труппы, дающія представленія на мѣстномъ народномъ нарѣчіи—драмы, фарсы и комедіи изъ народной жизни. Одна изъ такихъ труппъ—Эд. Скарпетты—пользуется многолѣтнею и неослабѣвающею популярностью и любовью. Скарпетта является при этомъ и авторомъ множества драматическихъ произведеній, написанныхъ на діалектѣ, и актеромъ, исполняющимъ въ нихъ главныя роли и чрезвычайно любимымъ публикою. Я пошелъ разъ посмотрѣть его, но неаполитанскій діалектъ до самаго конца моего пребыванія въ Неаполѣ остался мнѣ почти совершенно недоступнымъ, и я могъ слѣдить за пьесой лишь изъ пятаго на десятое. Пьеса представляла изъ себя въ сущности обыкновенный фарсъ, гдѣ Скарпетта игралъ студента, влюбленнаго въ модистку, и принуждаемаго отцомъ жениться на богатой невѣстѣ. Любовныя перипетіи чередовались рядомъ глупѣйшихъ приключеній, которыя живая и веселая игра актеровъ, и въ особенности Скарпетты, одареннаго дѣйствительно хорошимъ комическимъ талантомъ и самой забавной мимикою, дѣлали смѣшными и для не понимающаго языка. Но все-таки довольствоваться одной мимикой въ теченіе цѣлаго вечера мнѣ показалось скучнымъ.

За то я провелъ хорошій вечеръ въ театрѣ S. Ferdinando, гдѣ шла «новѣйшая народная неаполитанская драма», какъ стояло на афишкѣ: «Graziella, la lavandaja d'Antignano» («прачка изъ Антиньяно»).

Театръ S. Ferdinando—маленькій, дешевый, народный театръ. Долго везъ меня извозчикъ вечеромъ по узкимъ переулкамъ и, наконецъ, гдѣ-то за Piazza Cavour (гдѣ кончалось мое знаніе города) свернулъ въ какой-то переулокъ, ужъ такой узкій и грязный, что все въ немъ можно было бы предполагать, кромѣ театра. Но маленькій переулокъ вдругъ перешелъ въ маленькую площадь, и на ней стоялъ маленькій театръ: это и былъ театръ S. Ferdinando. Онъ заключалъ въ себѣ все-таки четыре яруса ложъ, но партеръ былъ очень маленькій. Убранство чрезвычайно скромное; полъ деревянный, не крашеный. Но вѣдь и цѣны же доступныя: ложи бельэтажа по пяти лиръ (меньше двухъ рублей), и это высшая цѣна въ театрѣ. Въ партерѣ кресло перваго ряда стоитъ 70 см. Эти цѣны сами собой указываютъ на публику, на которую разсчитываетъ театръ. Однако, такъ какъ «Graziella» шла уже нѣсколько недѣль съ возрастающимъ успѣхомъ (даже проживавшій въ Неаполѣ принцъ Генрихъ Прусскій удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ), то и характеръ публики былъ смѣшанный: въ ложахъ была чистая публика, господа, представители «всего Неаполя». Въ партерѣ было мелкое городское населеніе — лавочники, приказчики, разный мелкій людъ, и простые рабочіе, и даже совсѣмъ оборванные субъекты. Тѣмъ замѣчательнѣе показался мнѣ спектакль, гдѣ одинаково искренно хохотали

и иностранцы, и синьорины въ ложахъ, и уличные оборванцы: достоинство исполненія пьесы такъ странно не соотвѣтствовало крайней дешевизнѣ театра.

Общій тонъ публики, несмотря на ея крайнюю пестроту, былъ вполнѣ приличный; было, правда, шумно, но, вѣдь, молчаніе не есть непремѣнный аттрибутъ благовоспитанности; когда въ антрактахъ маленькій оркестрикъ наигрывалъ неаполитанскія пѣсенки, въ публикѣ ему подсвистывали. Держала же себя вся эта публика безукоризненно прилично и вѣжливо; итальянская толпа—удивительно культурная толпа, а вѣжливость, учтивость—у нея въ крови.

Сама «Graziella», привлекавшая весь Неаполь, была не что иное какъ самая ординарная мелодрама: мнѣ казалось, я вижу опять «Материнское благословеніе», изъ котораго я не помню, впрочемъ, рѣшительно ни одного слова, ни одной сцены, такъ какъ видѣлъ его будучи въ третьемъ классѣ гимназіи. Но какое-то неопредѣленное впечатлѣніе сохранилось у меня въ душѣ, и «Graziella» подходила подъ это впечатлѣніе. Авторъ пьесы—Стелла, одинъ изъ антрепренеровъ труппы С. Фердинандо и, въ то же время, ея главный актеръ, талантливый и популярный въ Неаполѣ. Но главная сила пьесы заключалась не въ драматической интригѣ, а въ народныхъ сценахъ, которыми она пересыпана. Въ прологѣ начинается обыкновенная завязка подобныхъ драмъ. Дѣйствіе происходитъ еще при Бурбонахъ. Молодой офицеръ швейцарскаго полка въ Неаполѣ влюбленъ въ молодую графиню; его старшій братъ, штатскій, играетъ роль злодѣя. Желая самъ жениться на графинѣ изъ-за денегъ, онъ при помощи «адской интриги» ихъ разлучаетъ. Офицеръ уходитъ и немедленно погибаетъ въ битвѣ. Затѣмъ дѣйствіе переносится черезъ двадцать лѣтъ, и мы видимъ старшаго брата уже старикомъ; мы узнаемъ, что онъ дѣйствительно достигъ своего, женился на графинѣ, но она скоро умерла съ горя, а передъ смертью открыла ему тайну,—именно, что у нея уже раньше была дочь отъ его брата, офицера, отданная куда-то на воспитаніе. Мучимый угрызеніями совѣсти въ томъ, что погубилъ двѣ жизни, старшій братъ разыскиваетъ эту пропавшую дѣвочку; перипетіи этихъ розысковъ и занимали шесть актовъ на фонѣ пестрыхъ картинъ и веселыхъ эпизодовъ. Нечего и говорить, что Граціелла, прачка изъ Антиньяно, и есть эта незаконная дочь графини, что у нея есть любовь, что въ шестомъ актѣ все оканчивается благополучно, и при этомъ еще одинъ побочный герой обнаруживаетъ побочное великодушіе. Это все извѣстно и какъ водится; что-нибудь подобное было навѣрное и въ «Материнскомъ благословеніи». Любопытны сцены изъ неаполитанской жизни на неаполитанскомъ театрѣ.

Первый актъ пьесы переноситъ насъ на набережную S. Lucia, знаменитую С. Лючію. Эта набережная и площадь около маленькой гавани, узкой и засоренной, и сама грязная и засоренная, представляетъ сама по себѣ мало интереса и ничего красиваго; но это былъ встарину, а до извѣстной степени и теперь, одинъ изъ пунктовъ скопленія характернаго неаполитанскаго

простонародія. Здѣсь толкутся десятки лодочниковъ съ ихъ лодками; находятся лавочки торговцевъ раковинами и разными морскими рѣдкостями; стоятъ столы продавцовъ устрицъ, ракушекъ, морскихъ ежей и прочей морской живности. Встарину, при Бурбонахъ, это должна была быть характернѣйшая толпа; но и теперь еще весь этотъ людъ носитъ крайне любопытный и оригинальный отпечатокъ. Ее мы и видѣли въ Граціеллѣ. Маленькая сцена изображала часть улицы на S. Lucia, съ видомъ на Везувій, на ней были продавцы рыбъ и устрицъ, торговки, гладильщицы (это ремесло въ Неаполѣ обыкновенно отдѣлено отъ ремесла прачки). Шла болтовня и перебранка, и характеръ итальянской уличной жизни и оживленія были переданы необыкновенно вѣрно.

Въ одномъ, впрочемъ, отношеніи эта сцена производила очень сѣрое впечатлѣніе—въ отношеніи костюмовъ. Но и здѣсь она была вѣрна жизни. Дѣйствительно, въ современномъ Неаполѣ нѣтъ ничего оригинальнаго, народнаго въ костюмѣ, а слѣдовательно нѣтъ ничего живописнаго. Развѣ еще одни рыбаки сохранили свои вязаные колпаки и свои фуфайки. Весь остальной народъ одѣвается въ дешевый хламъ готоваго платья, въ однородные и плохіе продукты массоваго фабричнаго производства и, слѣдовательно, утратилъ всякую физіономію въ костюмѣ. Ѣдетъ господинъ на извозчикѣ, господинъ въ пиджакѣ и котелкѣ, а извозчикъ на козлахъ въ пиджакѣ и котелкѣ того же покроя, только разодранныхъ. Какой-нибудь козій пастухъ, пригоняющій вечеромъ своихъ козъ въ городъ для доенія, и тотъ щеголяетъ въ нелѣпомъ котелкѣ—самомъ безвкусномъ головномъ уборѣ, когда-либо изобрѣтенномъ человѣческимъ воображеніемъ. Точно также въ шаблонные международные платья одѣваются и женщины. Понятное дѣло, какое эта общая ординарность костюмовъ производитъ не художественное и пошлое впечатлѣніе, и это подъ небомъ, гдѣ носили когда-то величавую римскую тогу, и гдѣ вообще обычный европейскій костюмъ кажется какимъ-то чуждымъ и неумѣстнымъ. Нѣкоторымъ коррективомъ этой сѣрой ординарности является то, что часто европейскій костюмъ какого-нибудь продавца овощей, развозящаго ихъ на своемъ осликѣ, превращенъ въ истинныя древне-итальянскія лохмотья.

Въ такихъ же пиджакахъ и ситцевыхъ платьяхъ явились наши герои и героини народной драмы. Но съ утратой стараго родного костюма неаполитанское простонародіе еще отнюдь не утратило своей характерной физіономіи, оригинальности своего темперамента, ума и привычекъ, и этотъ народный темпераментъ чудесно былъ переданъ труппой Ф. Стеллы въ «Граціеллѣ». Я, конечно, не могу ручаться за вѣрность моего впечатлѣнія, впечатлѣнія иностранца, не имѣвшаго почти никакихъ столкновеній съ народомъ; но мнѣ служатъ ручательствомъ единодушный хохотъ, радость и сочувствіе всей залы. Невыгодность моего положенія осложнялась еще тѣмъ, что и въ Graziell'ѣ, какъ въ труппѣ Скарпетты, нѣкоторыя сцены, именно всѣ народныя, разыгрывались, конечно, на діалектѣ. Но трудость пониманія языка вознаграждалась легкостью пониманія прекрасной игры, по-

тому что игру безъ преувеличенія можно было назвать прекрасною. Изъ мужчинъ два актера, два брата Стелла, были несомнѣнно хорошіе, талантливые актеры, которые съ успѣхомъ могли бы занять мѣсто на любой сценѣ,—женщины же играли хорошо, право, почти всѣ. Вся труппа мнѣ сильно напоминала наши малороссійскія труппы съ ихъ прекраснымъ исполненіемъ родныхъ національныхъ типовъ.

Женщины ссорились и бранились, а въ сторонѣ молча и флегматично стояли торговцы съ рыбой и устрицами; но изрѣдка который-нибудь изъ нихъ прибавлялъ свой комментарій къ происходившей сценѣ,—комментарій, который одинаково вызывалъ взрывъ хохота и дѣйствующихъ лицъ на сценѣ и всей публики въ залѣ. Когда же разсерженная плетельщица цыновокъ (stuolaia) бросилась было драться, другія женщины и торговцы мгновенно бросились на нее и ея соперницу, схватили ихъ за руки и разъединили. Это властное и дружное вмѣшательство толпы зрителей въ ссору я видѣлъ не разъ: на деревенскомъ гуляньѣ въ окрестностяхъ Помпеи я видѣлъ, какъ два парня схватились изъ-за того, кому танцовать тарантеллу съ бабой (и баба-то была не молодая и скверная). И вмигъ окружающая толпа схватила и разъединила ихъ. У насъ это была бы простая потасовка, на которую зрители любовались бы и подбодряли участниковъ: здѣсь слишкомъ легко и быстро дѣло доходитъ до ножей. И на сценѣ, когда рыбные торговцы схватили и оттащили вспылившую плетельщицу, она отошла въ сторону и ножницами сдѣлала въ сторону своихъ соперницъ характерный жестъ удара ножомъ въ животъ, прибавивъ: «a tutté e due»,—вамъ обѣимъ.

Игра движеній, лица и жестовъ участниковъ пьесы также необыкновенно вѣрно передавала впечатлѣніе, производимое уличной неаполитанской толпой, для которой богатство мимики составляетъ крайне характерную черту. Всякому приходилось читать и слышать о живости темперамента южанъ и объ ихъ наклонности къ рѣзкой и оживленной жестикуляціи; но мы себѣ представляемъ обыкновенно, что это подобныя же тѣлодвиженія и жесты, какъ у насъ, лишь болѣе частыя и энергичныя.

Между тѣмъ дѣло состоитъ не въ томъ только, чтобъ они чаще и сильнѣе жестикулировали, а въ большемъ количествѣ условныхъ знаковъ, опредѣленныхъ движеній, имѣющихъ строго-установленный смыслъ. Въ распоряженіи неаполитанца цѣлый рядъ характерныхъ движеній для выраженія извѣстныхъ мыслей и чувствъ, о которыхъ вы не найдете ни слова у Дарвина *) и которыя у насъ не существуютъ и никѣмъ не были бы поняты. Есть особый жестъ для привѣтствія, особый—и очень характерный—для отрицанія, цѣлый рядъ условныхъ знаковъ угрозы и т. под.,

*) Въ его *Выраженіи ощущеній*. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что турки и современные греки въ знакъ отрицанія откидываютъ голову назадъ и щелкаютъ языкомъ. Этотъ самый жестъ дѣлаютъ и неаполитанцы, сопровождая его характернымъ движеніемъ кисти руки, именно прикладывая пальцы къ горлу и затѣмъ быстро отдергивая руку.

цѣлый арсеналъ движеній, кототорыми они сопровождаютъ свою рѣчь и къ которымъ надо привыкнуть, чтобы ихъ понимать. Уличный нищій, продавецъ спичекъ, назойливо пристающій къ иностранцамъ, и тотъ, твердя свое «me moro e famme» (умираю съ голоду, на неаполит. діалектѣ), дѣлаетъ при этомъ особыя характерныя движенія двумя пальцами передъ ртомъ. И эта мимика не составляетъ здѣсь исключительной особенности простого народа: она свойственна всякому природному неаполитанцу. Я былъ забавно пораженъ, когда въ первый разъ увидалъ, въ гостиной одной дамы, почтеннаго титулованнаго старичка, который, пока сидѣлъ смирно, ничѣмъ не отличался отъ нашихъ сѣденькихъ, очень тонко воспитанныхъ старичковъ очень хорошихъ фамилій, — заговорилъ же, и сразу сталъ дѣлать подобныя же движенія руками, и такъ же прищелкивать языкомъ и крякать, какъ любой неаполитанскій торговецъ или facchino.

Въ «Граціеллѣ», конечно, все богатство неаполитанской жестикуляціи было на-лицо. Къ самому ходу пьесы, къ ея завязкѣ, всѣ эти сцены на Санта Лючіи не имѣли никакого отношенія: люди торговали, сплетничали, шутили, ссорились, бранились, заигрывали съ женщинами. Лишь въ концѣ перваго акта на сцену выѣхалъ оселъ, нагруженный двумя корзинами съ бѣльемъ, между которыми сидѣла сама Graziella, героиня пьесы.

Молодая актриса, Lazzari, игравшая Граціеллу, въ прологѣ исполняла роль графини, ея матери. Въ качествѣ графини она мнѣ не понравилась: манеры молодой контессины были довольно разухабисты, голосъ такой, что, казалось, она могла командовать эскадрономъ не хуже своего поклонника. Словомъ, скорѣе унтеръ-офицеръ, чѣмъ графиня. Но въ роли Граціеллы она была очень мила; въ игрѣ ея было много правдивости и жизни, граціи и искренняго веселья. Рѣзкій голосъ и рѣзкія манеры здѣсь не мѣшали. Драматическихъ мѣстъ въ ея роли было немного, но и въ нихъ она была правдива и интересна. Правда, стирала она сухое бѣлье, безъ воды: въ Парижѣ, говорятъ, когда ставили *Assommoir*, наполняли всю сцену паромъ. Но, полно, нужна ли для театра эта погоня за иллюзіей. Мнѣ кажется напротивъ: излишняя точность, излишній реализмъ подробностей, стараніе обмануть зрителей правдоподобностью представленія приводитъ въ концѣ концовъ къ совершенно обратному впечатлѣнію: расхолаживаетъ зрителя. Въ самомъ дѣлѣ, если со сцены обращаются къ моему воображенію и говорятъ: «представьте себѣ, что вы въ лѣсу», какъ дѣлали въ старое шекспировское время, — мнѣ ничего не стоитъ это себѣ представить. Но когда хотятъ достигнуть полной иллюзіи, когда меня хотятъ обмануть и заставить меня въ самомъ дѣлѣ принять декораціи за лѣсъ, — я невольно начинаю противиться обману, инстинктивно стараюсь не поддаваться иллюзіи, и чѣмъ выше театральное правдоподобіе обстановки, тѣмъ ожесточеннѣе становится мой скептицизмъ. Не говоря уже о томъ, что интересъ обстановки не долженъ отвлекать вниманія отъ интереса дѣйствія. Я думаю, сцена должна давать, въ своихъ матеріальныхъ условіяхъ, лишь общія правдивыя черты, лишь схему внѣшней обстановки дѣйствія, остав-

ляя просторъ довѣрію и воображенію зрителей и не стараясь вызывать оптическій обманъ.

Одно только портило впечатлѣніе отъ спектакля: отдѣльныя неприличныя выходки, которыми было приправлено исполненіе. Самая мораль пьесы, какъ сказано, была дѣтски-наивна и возвышенна; но отъ времени до времени вдругъ выскакивали какіе-нибудь неприличные эпизоды, совершенно ненужные, безъ всякой связи съ ходомъ пьесы. Въ сценѣ на Санта Лучіи фигурируетъ между прочимъ безобразная, пожилая женщина, беременная, съ огромнымъ животомъ (роль эту игралъ мужчина). Въ этомъ бы еще и полгоря — почему и не быть на сценѣ беременной женщинѣ: вѣдь только лицемѣрныя привычки нашего воспитанія пріучаютъ насъ къ мысли видѣть въ беременности что-то неприличное. Худо то, что появленіе этой несчастной фигуры,— дѣйствительно очень комичной,— служитъ поводомъ къ цѣлому ряду остротъ и шутокъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ актовъ мы переносимся въ домъ этой женщины, и оказывается, она уже родила и лежитъ въ постели, и мужъ ея хлопочетъ съ ребенкомъ (закулиснымъ). Сцена въ сущности драматичная, потому что авторъ даетъ картину самой голой нищеты; но тяжелое впечатлѣніе изглаживается появленіемъ сосѣдей—рыбаковъ и торговокъ перваго акта, которые всѣ принимаютъ участіе въ происшествіи, и тащутъ бѣднымъ людямъ кто что можетъ. По существу дѣла въ этой сценѣ могло бы не быть ничего шокирующаго, особенно въ Неаполѣ, гдѣ люди смотрятъ на вопросы размноженія просто и прозаично, гдѣ съ беременною женщиной безъ церемоніи заговариваютъ о ея положеніи, гдѣ матери грудного ребенка говорятъ: «avete fatto un bambino? bravo!» (вы *сдѣлали ребенка*), а про самого ребенка спрашиваютъ: «avete fatto un mascolo?», называя мальчика самцомъ, а дѣвочку самкой. Но въ пьесѣ сцена, драматическая сама по себѣ, перешла постепенно въ фарсъ и пересыпана была ненужными неприличными выходками.

Но если оставить въ сторонѣ эти неудачныя подробности, въ общемъ труппа маленькаго театра производила отличное впечатлѣніе. Пьеса была наивная и дѣтская, но исполненіе серьезное, талантливое и художественное. Вы подумайте, какое это завидное явленіе: за нѣсколько копеекъ, за двугривенный, народъ можетъ здѣсь видѣть настоящее искусство, не поддѣлку, не суррогатъ, не любительскую продукцію, и не балаганъ, какъ у насъ, а дѣйствительно настоящую игру артистовъ.

Когда я на другой день сказалъ моей кухаркѣ, что былъ въ театрѣ S.-Ferdinando и видѣлъ представленіе труппы Стеллы, она отнеслась къ этому съ глубокимъ сочувствіемъ, сказавши: «e buona cosa: da molto lavoro al cervello» (много работы мозгу), изъ чего я заключилъ, что моя Винченца насчетъ «работы головой» придерживается иныхъ, и болѣе мягкихъ, взглядовъ, чѣмъ Л. Н. Толстой.

Гораздо меньше удовольствія, чѣмъ Graziella, доставилъ мнѣ тургеневскій *Нахлѣбникъ* въ исполненіи труппы Novelli, въ театрѣ Sannazaro. Это

была единственная русская пьеса, которая шла въ Неаполѣ за все время моего пребыванія, и я пошелъ ее посмотрѣть изъ любопытства. На русской сценѣ я никогда не видалъ *Нахлѣбника*, да и читалъ его такъ давно, что совсѣмъ не помнилъ содержанія; на итальянской сценѣ, оставляя въ сторонѣ странности исполненія, онъ показался мнѣ скучнымъ. Новелли очень извѣстный итальянскій актеръ, пользовавшійся блестящимъ успѣхомъ въ Неаполѣ,—и дѣйствительно, актеръ съ крупнымъ и разнообразнымъ дарованіемъ. Онъ игралъ роль самого «нахлѣбника», и игралъ ее добросовѣстно и съ драматизмомъ, но, на мой взглядъ, слишкомъ плаксиво и драматизмъ его былъ слишкомъ итальянскій, преувеличенный и вычурный.

Во всякомъ случаѣ въ его игрѣ,— да и другихъ актеровъ, если говорить объ игрѣ собственно,—не было ничего ни карикатурнаго, ни смѣшного; но внѣшняя постановка пьесы была дѣйствительно и нескладна, и карикатурна, и смѣшна. Нескладность начиналась прежде всего въ костюмахъ: тогда какъ одни лица — хозяйка дома и ея мужъ, важный петербургскій чиновникъ — были въ европейскихъ и совершенно современныхъ костюмахъ, ихъ сосѣдъ по имѣнію, молодой человѣкъ, является къ нимъ съ визитомъ въ какомъ-то совершенно фантастическомъ костюмѣ, вродѣ блузы, препоясанный широчайшимъ кожанымъ кушакомъ. Слуги тоже, — тогда какъ одни были одѣты во фраки или даже щеголяли въ штиблетахъ и гамашахъ, какъ оффиціанты въ высокоторжественныхъ случаяхъ, другіе носили «русскіе» костюмы: красная рубашка и нѣчто вродѣ поддевки безрукавки. Но при этомъ у всѣхъ слугъ въ русскихъ костюмахъ были длиннѣйшія бѣлокурыя кудри, которыя падали не только до плечъ, но и ниже, чуть не до лопатокъ. Обрамленные такою чудесною шевелюрой, бѣдные безсловесные слуги, стоя на заднемъ планѣ, походили на какихъ-то средневѣковыхъ пажей или даже на червонныхъ валетовъ—не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ этого слова, какъ ихъ рисуютъ на картахъ.

Слугамъ безъ рѣчей было отведено вообще непропорціональное мѣсто въ пьесѣ. Дѣло въ томъ, что, исполняя русскую пьесу (называлась она *Pane altrui*, — чужой хлѣбъ (scene della vita Russa), да еще изъ временъ крѣпостного права, итальянскіе актеры считали, конечно, нужнымъ, для соблюденія исторической правды и для реализма въ исполненіи, хорошенько подчеркнуть грубость нравовъ и рабскій духъ русской жизни. Пьеса сама даетъ для этого недостаточно матеріала, и слуги играютъ въ ней не бо́льшую роль, чѣмъ въ любой современной комедіи. Но итальянцамъ для вѣрной передачи русской жизни пришлось обратить много вниманія именно на взаимныя отношенія слугъ и господъ. Пьеса начинается пріѣздомъ господъ въ деревню; сцена эта была поставлена приблизительно такъ, какъ въ *Пиковой дамѣ* ставится пріѣздъ императрицы Екатерины на балъ. Длинный рядъ какихъ-то гризетокъ, долженствующихъ изображать дворовыхъ дѣвушекъ, въ бѣленькихъ фартучкахъ и хорошенькихъ чепчикахъ, стояли въ ожиданіи господъ въ согбенныхъ положеніяхъ, такъ что корпусъ и ноги составляли почти прямой уголъ. Но тогда какъ въ *Пи*

ковой дамѣ занавѣсъ падаетъ въ тотъ самый моментъ, какъ низкій поклонъ присутствующихъ показываетъ появленіе высокой гостьи, въ *Нахлѣбникѣ* господа приходятъ на сцену, довольно долго говорятъ и потомъ уходятъ; при ихъ уходѣ точно также сгибаются всѣ спины и остаются въ такомъ положеніи еще долго спустя послѣ того, какъ господа оставили сцену, вызывая смѣхъ залы своимъ видомъ. Вообще всѣ присутствующіе на сценѣ, кромѣ господъ, и самъ нахлѣбникъ также, держались все время въ какомъ-то полусогбенномъ положеніи; гризетки, появляясь что-либо доложить барынѣ, держали руки накрестъ съ прижатыми къ груди ладонями, какъ это дѣлаютъ иногда во время молитвы, и покидали сцену, также какъ и приходили, не разгибая спины. Это, конечно, давало яркое представленіе о духѣ деспотизма, господствующаго въ Россіи. Но такъ какъ самъ этотъ грозный баринъ, alto impiegato al ministero, одѣтый въ модный пиджакъ, имѣлъ видъ скорѣе какого-либо итальянскаго адвоката или скромнѣйшаго служащаго въ банкѣ, и ни въ словахъ, ни въ поведеніи ни малѣйшимъ образомъ не обнаруживалъ своего грознаго деспотизма, а жена его была обыкновеннѣйшая героиня слезливой драмы и съ подобострастными гризетками обращалась весьма учтиво, то весь этотъ рабій духъ какъ-то висѣлъ въ воздухѣ и ничѣмъ не объяснялся.

Выходило и смѣшно, и глупо.

Въ общемъ въ исполненіи русской пьесы совершенно ясно отражалось отношеніе среднихъ образованныхъ людей въ Италіи,—да, вѣроятно, и во всей Европѣ, не исключая нашихъ хваленыхъ друзей, которые, зная по-русски одно немудреное слово «samovar» думаютъ, что вполнѣ проникли въ духъ русскаго народа—къ нашему отечеству: глубокое незнаніе и весьма низменное представленіе. И широкое распространеніе изящной русской литературы едва ли можетъ скоро измѣнить это. Истинный интересъ къ народу и истинное ему сочувствіе сказывается только тогда, когда начинаютъ изучать его языкъ. А до изученія русскаго языка европейцами не доживутъ, конечно, еще и наши внуки.

Я долженъ, впрочемъ, сказать, что въ Неаполѣ я встрѣчалъ не только вообще примѣры проникновенія русской литературы въ западное общество, но и сильнаго и живого ея вліянія. Не буду говорить о той дѣвицѣ, очень, впрочемъ, милой, которая съ восторгомъ говорила мнѣ о русскихъ писателяхъ «ma come scrivono bello!» и восхищалась *Первою любовью* Тургенева,—эта самая дѣвица обиднѣйшимъ образомъ принимала какой-то ужасный французскій романъ изъ русской жизни за русскій романъ. Ни о повѣсти Габріеле д'Аннунціо *Episcopo e C°.*, представляющей рабское и плохое подражаніе внѣшней манерѣ Достоевскаго, и даже его худшей манерѣ, манерѣ *Бѣдныхъ людей* и повѣстей перваго періода дѣятельности. Ни о томъ, какъ въ фельетонахъ газеты *Mattino* переводились Карамазовы Достоевскаго, подъ заглавіемъ: *Il parricidio*—«Отцеубійца» и по этому поводу мальчишки носили по всему городу огромные бумажные щиты, на которыхъ было напечатано объявленіе о предстоящемъ переводѣ этого «capolavoro

della letteratura russa», съ изображеніемъ на щитѣ Дмитрія Карамазова, сидящаго въ тюрьмѣ, въ старинномъ боярскомъ костюмѣ и въ цѣпяхъ; переводилъ этотъ романъ неаполитанскій журналистъ Вердинуа; не знаю, переводилъ ли онъ съ оригинала, но Вердинуа какъ разъ образчикъ тѣхъ рѣдкихъ европейскихъ людей, объ отсутствіи которыхъ я только что говорилъ,— людей, изъ литературнаго интереса изучившихъ русскій языкъ. Но мнѣ пришлось встрѣтиться съ человѣкомъ, для котораго знакомство съ русской литературой являлось не дѣломъ интереса къ экзотическимъ вещамъ, а дѣломъ глубокой и насущной духовной необходимости; великій русскій завоеватель, покорившій душу этого итальянца, былъ, конечно, Толстой. Мой знакомый, о которомъ я говорю, молодой еще человѣкъ, и человѣкъ очень симпатичный, натуралистъ, весьма трудолюбивый и серьезный изслѣдователь, авторъ большой научной монографіи. Мнѣ приходилось постоянно съ нимъ встрѣчаться и даже прибѣгать къ его любезному посредству для ознакомленія съ нѣкоторыми интересовавшими меня въ Неаполѣ вещами. И лишь случайно и поздно я узналъ, что этотъ сдержанный и молчаливый, безукоризненно вѣжливый человѣкъ, глубокій—фанатическій поклонникъ Толстого. Я никогда не забуду его волненія и румянца, вспыхивавшаго на блѣдныхъ щекахъ его типично-итальянскаго красиваго лица, когда онъ однажды случайно заговорилъ со мной о нашемъ писателѣ; я видѣлъ, что для него литература не средство убивать время въ вагонѣ, а то, чѣмъ она и должна быть для человѣка,—отвѣтъ на самые важные и серьезные поиски души. Не только *Война и миръ* и *Анна Каренина*, которые онъ читалъ, къ сожалѣнію, также лишь въ переводахъ французскихъ и итальянскихъ,— онъ находилъ, впрочемъ, что лишь весьма немногія черты въ изображеніи русской жизни казались ему мало понятными,—но и нравственная и философская сторона дѣятельности Толстого была для него предметомъ изученія и глубокаго уваженія. «Je suis Tolstoïste»,— говорилъ онъ мнѣ, улыбаясь. Онъ говорилъ, что ничто не могло сравниться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое испыталъ онъ, когда въ его руки случайно попала *Анна Каренина* (которую онъ, вопреки мнѣнію русскихъ читателей, ставилъ выше *Войны и мира*). «Толстой открылъ для меня совершенно новый міръ, и онъ открылъ мнѣ новый міръ во мнѣ самомъ»,—говорилъ онъ. Я слушалъ его, и чувствовалъ, что это и есть истинное завоеваніе: ни «слава, купленная кровью», ни Суворовъ и Скобелевъ, ни безконечные политическіе успѣхи не могли принести русскому народу того великаго блага, которое можетъ принести и приноситъ Толстой: любовь и удивленіе и благодарность чужого народа къ произведенію русскаго національнаго духа.

Викт. Фаусекъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Античные мотивы въ произведеніяхъ Генрика Сенкевича *).

«Знаю, цезарь, ты съ нетерпѣніемъ ожидаешь моего пріѣзда въ Римъ, и твое нѣжное сердце друга тоскуетъ по мнѣ днемъ и ночью. Знаю также, что ты осыпалъ бы меня подарками, возвелъ бы въ префекты преторіи, а Тигеллину повелѣлъ бы стать тѣмъ, для чего боги и создали его, именно надсмотрщикомъ надъ мулами въ тѣхъ земляхъ, которыя ты захватилъ послѣ отравленія Домиція. Прости мнѣ однако: пріѣхать къ тебѣ я не могу: клянусь въ томъ Аидомъ, то-есть тѣнями твоей матери, жены, брата и сестры. Жизнь, мой милѣйшій,— богатая сокровищница; изъ нея я умѣлъ выбирать наилучшія драгоцѣнности, но и въ жизни есть вещи, которыхъ я не могъ бы долго выносить. Не думай, прошу тебя, будто бы я возмущаюсь тѣмъ, что ты убилъ мать, жену и брата, что ты сжегъ Римъ и отправилъ въ Эребъ всѣхъ честнѣйшихъ людей государства. Нѣтъ, правнукъ Крона. Смерть есть удѣлъ человѣческаго рода, а иныхъ подвиговъ нельзя было и ожидать отъ тебя. Но еще цѣлые годы терзать свой слухъ твоимъ пѣніемъ, видѣть твое домиціевское брюхо, на тонкихъ ногахъ, какъ оно трясется въ тирренской пляскѣ, слушать, жалкій поэтъ изъ предмѣстья твою игру, твою декламацію и твои поэмы—вотъ что превышаетъ мои силы, и что пробудило во мнѣ желаніе смерти. Слушая тебя, Римъ затыкаетъ уши, свѣтъ высмѣиваетъ тебя, а я ужъ больше не хочу и не въ силахъ терзаться изъ-за тебя. Вытье Цербера, другъ мой, хотя бы оно походило на твое пѣніе, будетъ для меня не такъ противно, потому что другомъ Цербера я никогда не былъ и не обязанъ краснѣть за его голосъ. Будь здоровъ, только больше не пой; убивай, но стиховъ не пиши; отравляй, но не танцуй; поджигай, но не играй на киѳарѣ,—таковы пожеланія и послѣдніе совѣты, какіе посылаетъ тебѣ arbiter elegantiarum» **).

---

*) Публичная лекція, читанная въ Казани 27 марта 1897 года.

**) Всѣ цитаты изъ сочиненій Сенкевича сдѣланы по переводамъ В. М. Лаврова, несомнѣнно лучшимъ переводамъ польскаго романиста; мною допущены лишь незначительныя отступленія по подлинникамъ. *Примѣч. автора.*

Этимъ письмомъ прощался Петроній Арбитеръ съ Нерономъ и съ жизнью, когда въ Кумахъ въ ожиданіи неизбѣжнаго смертнаго приговора отъ цезаря онъ, по обычаю того времени, въ кругу знатныхъ или близкихъ ко двору римлянъ, велѣлъ открыть себѣ жилы, и на веселомъ пиру, въ обществѣ друзей, истекалъ кровью вмѣстѣ со своею возлюбленной: красавица Эвника не пожелала пережить страстно любимаго господина, отказалась пользоваться радостями жизни безъ него и тѣми обильными благами, которыя онъ оставлялъ ей въ завѣщаніи. Когда кровь Петронія брызнула изъ открытой жилы, Эвника протянула врачу свою румяную руку, и черезъ минуту ея кровь полилась и смѣшалась съ кровью Петронія за общимъ торжественнымъ столомъ.

Гай Петроній въ романѣ *Quo vadis*—историческая личность. Съ его именемъ въ римской литературѣ связано обширное обличительное сочиненіе, въ которомъ рукою знатока и тонкаго наблюдателя, но безъ чувства горечи или озлобленія, изображались нравы знакомаго ему общества, забавы и приключенія людей темнаго происхожденія, запятнавшихъ себя плутнями, мошенничествомъ, прелюбодѣяніемъ и даже тяжкими преступленіями, и несмотря на это, или, вѣрнѣе, благодаря этому самому, достигшихъ богатства и вліянія въ римскомъ обществѣ. До насъ дошла сравнительно небольшая часть этого сочиненія, а въ ней центральное мѣсто занимаетъ картина пира у богача вольноотпущенника Трималхіона въ собственной виллѣ въ окрестностяхъ Неаполя (Cena Trimalchionis); уцѣлѣвшихъ отрывковъ достаточно для того, чтобы въ смыслѣ утвердительномъ рѣшить вопросъ о принадлежности *Сатирикона* нероновскому времени.

Съ другой стороны, свѣдѣнія о нашемъ Петроніи даетъ Тацитъ въ своей *Лѣтописи*. Петроній—бывшій проконсулъ Виѳиніи, потомъ опять консулъ, съ репутаціей человѣка умѣлаго и къ государственной дѣятельности способнаго; но онъ удалился отъ дѣлъ и охотно промѣнялъ труды и заботы государственной службы на утѣхи и безпечное довольство домашней жизни.

«Другіе стяжали себѣ славу трудами,—замѣчаетъ историкъ,—а Петронія прославила его безпечность; впрочемъ его считали любителемъ умѣренныхъ наслажденій, а не безпутнымъ гулякой и мотомъ, какихъ было много. Его рѣчи и поступки отличались непринужденностью, выказывали его беззаботность, что охотно принималось за доказательство его благодушія». Историкъ зачисляетъ Петронія въ ряды ближайшихъ и наиболѣе постоянныхъ товарищей Нерона съ званіемъ цѣнителя вкуса и изящества, знаетъ о зависти къ нему второго префекта преторіанцевъ Тигеллина, также сильнаго при дворѣ императора, сообщаетъ и о немилости Нерона къ Петронію, который, благодаря кознямъ префекта, обвиненъ былъ императоромъ въ прикосновенности къ заговору Пизона; разсказъ свой о Петроніи Тацитъ заключаетъ извѣстіемъ о его кончинѣ въ Кумахъ въ той же приблизительно обстановкѣ, какъ и въ нашемъ романѣ (*Лѣтоп.* XVI, 18—19).

Сенкевичъ воспользовался краткими, хотя и выразительными показаніями римскаго историка, пополнилъ ихъ собственными наблюденіями надъ авторомъ упомянутой выше сатиры и создалъ изъ Петронія цѣльный художественный образъ, во весь ростъ встающій передъ читателемъ, индивидуальный, жизненный и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко-типическій. Случайно ли, или намѣренно, но романистъ начинаетъ свою повѣсть о Лигіи и Виниціи описаніемъ роскошной бани Петронія, съ точнымъ поименованіемъ всѣхъ ея отдѣленій и тѣхъ послѣдовательныхъ манипуляцій, которымъ подвергаетъ себя римскій сибаритъ послѣ ночного сна передъ завтракомъ, начинаетъ слѣдовательно романъ такою самою сценой, какая въ *Сатирахъ* Петронія Арбитра служитъ вступленіемъ къ знакомству странствующихъ гулякъ съ Тримальхіономъ: и въ сатирѣ описана прежде всего роскошная баня хозяина дома, мытье въ ней во всей его послѣдовательности и со всѣми принадлежностями, и затѣмъ пышный выходъ Тримальхіопа въ триклиній, особую столовую въ домахъ богатыхъ римлянъ. Согласно съ большинствомъ филологовъ, нашъ романистъ не сомнѣвается въ принадлежности *Сатирикона* Петронію, полагая, что сочиненіе вышло въ свѣтъ безъ имени автора.

Петроній романа—эстетикъ по природѣ и образованію, патрицій до мозга костей, эпикуреецъ по всему складу жизни и привычкамъ, скептикъ по образу мыслей. «Я люблю книги,—говоритъ онъ Виницію,—которыхъ ты не любишь; люблю поэзію, которая наводитъ на тебя скуку; люблю вазы, геммы и множество вещей, на которыя ты не смотришь; наконецъ, я нашелъ Эвнику, а ты не нашелъ ничего подобнаго. Мнѣ хорошо дома, среди произведеній искусства, а изъ тебя я никогда не сдѣлаю эстетика. Я увѣренъ, что въ жизни ничего ужъ не найду выше того, что нашелъ, а ты не знаешь этого, вѣчно надѣешься и ищешь чего-то. Еслибъ къ тебѣ пришла смерть, то ты при всей своей храбрости и при всѣхъ твоихъ горестяхъ умиралъ бы удивляясь, что надо уже покидать міръ, а я принялъ бы смерть какъ нѣчто неизбѣжное, зная по опыту, что во всемъ мірѣ нѣтъ плодовъ, которыхъ я не отвѣдалъ. Я не спѣшу навстрѣчу смерти, но не буду и оттягивать, и постараюсь только о томъ, чтобы мнѣ было весело до конца». Слушая увлекающагося добродѣтелями христіанъ племянника, онъ вообразилъ, что тотъ разсчитываетъ и его совратить въ христіанство. «Нѣтъ, клянусь солнцемъ,—восклицаетъ Петроній,—я не приму его, хотя бы въ немъ заключалась правда и мудрость не только человѣческая, но и божеская. Это потребовало бы усилій, а я не люблю трудиться, потребовало бы отреченій, а я не люблю отказываться ни отъ чего въ жизни... Въ Олимпъ я не вѣрю, но устраиваю его для себя на землѣ и буду наслаждаться до тѣхъ поръ, пока не пронзятъ меня стрѣлы божественнаго стрѣльца или пока цезарь не повелитъ мнѣ вскрыть себѣ жилы». Во всемъ поведеніи Петроній остается вѣренъ своимъ рѣчамъ, а эти послѣднія всегда точно выражаютъ его характеръ. Онъ отлично знаетъ цѣну Нерону, мѣру его актерскихъ и артистическихъ дарованій; онъ лично гнушается злодѣя-

ній, какія лежатъ на совѣсти цезаря; онъ издѣвается надъ нимъ въ откровенныхъ бесѣдахъ съ вѣрнымъ другомъ, называя его рыжебородымъ, обезьяной, тучнымъ, тонконогимъ, «несравненнымъ, божественнымъ» цезаремъ, Августомъ, шутомъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему состоять въ свитѣ цезаря, участвовать въ его оргіяхъ, разсыпаться въ притворныхъ похвалахъ его талантамъ и состязаться въ остроуміи и изворотливости съ презираемымъ Тигеллиномъ. «Ты говоришь, что я играю съ жизнью,— возражаетъ онъ Виницію:—правда, но я дѣлаю такъ потому, что это меня занимаетъ, а ваши христіанскія добродѣтели наскучили бы мнѣ, какъ разсужденія Сенеки, въ одинъ день». У него не лежитъ душа ни къ чему грубому, кричащему, будутъ ли это стоны и мученія безсмысленно терзаемыхъ людей, или запахъ сушеныхъ бобовъ, которые простолюдинъ носитъ у себя за пазухой, пропитанное пòтомъ и грязью платье бѣдняка, плоскія шутки и остроты придворныхъ. Къ черни онъ относится съ презрѣніемъ истаго патриція и эстетика, тѣмъ болѣе, что ему хорошо извѣстно непостоянство толпы, ея безучастіе къ такимъ злодѣяніямъ Нерона, какъ отравленіе брата или убійство матери и жены. По гибкости ума и душевной мягкости онъ головой выше всѣхъ льстецовъ и угодниковъ, окружающихъ цезаря, пользуется особеннымъ вниманіемъ императора, какъ arbiter elegantiae; онъ могъ бы не разъ восторжествовать надъ своимъ завистливымъ и злымъ врагомъ, Тигеллиномъ, и занять его мѣсто во главѣ преторіанцевъ; но онъ оберегаетъ себя отъ всякихъ усилій, предпочитая дожидаться, пока тотъ же Тигеллинъ не пересилитъ его и не пошлетъ на смерть; онъ боится труда, какой потребуется для того, чтобъ избавить городъ отъ неистовствъ кровожаднаго вольноотпущенника. Восторжествовать надъ Тигеллиномъ было бы тѣмъ легче, что народъ любитъ Петронія за его сравнительное благодушіе, особенно съ того времени, какъ стало извѣстно его заступничество за невинныхъ рабовъ и вольноотпущенниковъ префекта города, Педанія Секунда: нѣсколько сотъ подневольныхъ людей, согласно приговору сената, должны были заплатить смертью за убійство господина однимъ изъ рабовъ, такъ какъ они жили подъ общею кровлей съ убійцей. Благодаря вмѣшательству Петронія цезарь смягчилъ приговоръ сената. Петроній знаетъ расположеніе къ нему толпы, но онъ единственный разъ воспользовался своею популярностью, когда послѣ пожара нужно было оградить цезаря отъ ярости черни. Вообще все, что можетъ нарушить спокойное теченіе жизни, исполненной утонченнѣйшаго комфорта, онъ гонитъ отъ себя прочь какъ несносную помѣху. И все же Петроній своимъ присутствіемъ при дворѣ умѣрялъ сумасбродства Нерона и нѣкоторое время сдерживалъ наиболѣе свирѣпыхъ совѣтниковъ цезаря. Не уклоняясь отъ правды, романистъ отвелъ значительную роль Петронію въ противодѣйствіи казнямъ христіанъ изъ личныхъ побужденій, изъ нѣжной привязанности къ Виницію и изъ желанія спасти для племянника его возлюбленную; къ этому прибавлялось, впрочемъ, и его эстетическое чувство, возмущавшееся ужасами картины.

Въ Петроніи Сенкевича мы имѣемъ прекрасно написанный образъ пред-

ставителя римской аристократіи временъ имперіи. Она обречена самовластіемъ цезарей на бездѣйствіе, украшаетъ ихъ дворъ, подыскиваетъ оправданіе для самыхъ беззаконныхъ ихъ дѣйствій и совершенно неспособна на активную борьбу со зломъ даже тогда, когда искренно возмущается явными преступленіями. Въ рукахъ аристократіи остаются еще богатства, собранныя раньше войнами и трудомъ рабовъ; представители ея обладаютъ вкусами и привычками, которыя цѣлою бездной отдѣляютъ ее отъ народной массы, а эта послѣдняя тѣмъ покорнѣе исполняетъ волю цезарей и отказываетъ аристократіи въ какой бы то ни было поддержкѣ. И нашъ романистъ не забылъ отмѣтить, что Неронъ искалъ въ народѣ опоры для укрощенія сенаторовъ и патриціевъ, и что онъ боялся только народа. Пассивностью опредѣляются всѣ отношенія Петронія къ общественному дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ показалъ, что ко времени имперіи у многихъ патриціевъ явились новыя потребности, художественныя, научныя, которыя побуждали ихъ больше прежняго дорожить домашнимъ спокойствіемъ и въ извѣстной степени возмѣщали имъ утрату политической власти; гражданскія доблести уступили мѣсто интересамъ личнаго благополучія и личнаго совершенствованія; въ заслугу себѣ Петроній ставитъ даже смерть отъ собственной руки въ той самой обстановкѣ, которой онъ дорожитъ больше всего на свѣтѣ. Безопасная иронія въ обществѣ цезаря и самыя язвительныя насмѣшки надъ цезаремъ въ его отсутствіе въ кругу друзей—чуть ли не единственный видъ протеста и оппозиціи просвѣщенныхъ и остроумныхъ изъ патриціевъ. Благодушіе, вкусъ къ изящному, находчивость и наконецъ мужество смерти поддерживаютъ въ читателѣ сочувствіе къ Петронію.

Другимъ лицомъ романа, не менѣе удавшимся автору и столь же типическимъ, слѣдуетъ признать грека Хилона, сына Хилонова. Имя Хилонъ—довольно распространенное въ греческой литературѣ; между прочимъ, такъ назывался одинъ изъ семи мудрецовъ греческихъ; Хилонъ же былъ рабъ Катона старшаго. У нашего автора Хилонъ—лицо вымышленное; но для созданія его романистъ мастерски воспользовался обильнымъ матеріаломъ, собраннымъ у римскихъ писателей и ярко рисующимъ видовыя качества этого сорта людишекъ, graeculi, и ихъ роль въ римскомъ обществѣ такъ называемыхъ временъ упадка. «Голодающій грекъ,—говоритъ Ювеналъ,—пойдетъ на небо, только прикажи». Онъ все знаетъ: онъ—грамматикъ и риторъ, математикъ, живописецъ и баньщикъ, авгуръ, канатный плясунъ, врачъ, знахарь *). Тотъ же сатирикъ добавляетъ, что эти искусившіеся въ лести люди превозносятъ рѣчь неуча, находятъ красоту въ безобразномъ патронѣ, длинную шею изможденнаго сравниваютъ съ шеей Геркулеса, который держитъ Антея высоко надъ землей, восторгаются пискливымъ голоскомъ пѣвца, хуже котораго не бываетъ крикъ пѣтуха, когда

*) Grammaticus, rhetor, geometres, pictor, aliphes, augur, schoenobates, medicus, magus, omnia novit. Graeculus esuriens, in coelum jusseris, ibit. Iuven. Sat. III, 76.

онъ клюетъ курицу. Всѣ греки—комедіанты: ты смѣешься, онъ заливается смѣхомъ; если онъ видитъ слезы на глазахъ патрона, онъ и самъ плачетъ, хоть не чувствуетъ скорби; въ зимнюю пору ты потребуешь немножко огня, онъ надѣваетъ толстый плащъ (эндромида); ты скажешь «жарко», съ него катится потъ. Наконецъ, для нихъ нѣтъ ничего святого, и отъ похоти ихъ никто не застрахованъ: ни мать семейства, ни дочь-дѣвица, ни супругъ съ моложавой наружностью, ни сынъ его, сохранившій еще цѣломудріе; нѣтъ этихъ лицъ, онъ накинется на бабку своего патрона». Такими яркими красками рисуетъ сатирикъ I — II в. нашей эры тотъ классъ людей, къ которому принадлежитъ нашъ Хилонъ.

Греческое населеніе римской столицы дѣйствительно въ большинствѣ своемъ состояло изъ сброда проходимцевъ, которые изъ богатыхъ и роскошныхъ городовъ Востока стремились въ Римъ искать хлѣба, счастья и острыхъ ощущеній; они не чуждались никакихъ профессій, не отказывались ни отъ какихъ порученій, и въ то же время были необходимыми подонками той среды, въ которой развратъ, предательство, хищеніе, самыя преступныя козни и злодѣянія находились въ частомъ оборотѣ. Правда, римляне обыкновенно мѣшали грековъ съ большей еще массой всякаго рода восточныхъ людей изъ Египта, Сиріи, Халдеи, тѣмъ легче и охотнѣе, что весь этотъ народъ пользовался въ сношеніяхъ съ иноземцами греческимъ языкомъ. Но съ нашей стороны было бы ошибкой и явной несправедливостью переносить черты презрѣнныхъ graeculi на всю греческую націю того времени, какъ поступали тогда гордые римскіе аристократы и вторившіе имъ обличители нравовъ. Въ то самое время, къ которому относится дѣйствіе нашего романа, европейскіе греки у себя дома мирно занимались земледѣліемъ, ремеслами и торговлей, сохраняли исконное пристрастіе къ наукамъ и искусству; и другой сатирикъ, Лукіанъ, болѣе тонкій наблюдатель, нежели Ювеналъ, противопоставляетъ тихій и скромный образъ жизни аѳинянъ роскоши и распутству римлянъ; и вообще деморализація міровой столицы далеко оставляла за собою испорченность грековъ того же времени. Ювеналъ клеймитъ Грецію именемъ mendax, а по словамъ Лукіана, римляне всего одинъ разъ въ жизни говорятъ правду,—когда пишутъ духовныя завѣщанія. Мы не говоримъ уже о томъ, что никакая другая нація, но именно греческая доставляла Риму замѣчательныхъ литераторовъ, критиковъ, профессоровъ философіи, музыки, математики, что и въ то время Греція была законодательницей изящнаго вкуса и высшей школы, въ которой любознательные римляне довершали свое образованіе.

Настоящее отступленіе казалось намъ необходимымъ вовсе не для того, чтобы внушить слушателямъ сомнѣніе въ вѣрности образца, созданнаго польскимъ романистомъ, но ради выясненія исторической перспективы. Мало того, польскій романистъ въ пониманіи и изображеніи этого типа стоитъ на высотѣ своей задачи и много правдивѣе римскихъ сатириковъ. Характеръ Хилона выдержанъ авторомъ съ строгою послѣдовательностью отъ начала до конца, а рисуемыя въ романѣ условія жизни и дѣятельности

жалкаго гречишки распредѣляютъ въ должной мѣрѣ вину за его пороки между ихъ носителемъ и тѣми патриціями, а также могущественными вольноотпущенниками и самимъ цезаремъ, которые требовали отъ него услугъ и щедро ихъ оплачивали. Къ тому же презрѣнный graeculus даже и въ той ужасной обстановкѣ, въ какую кинула его судьба, не совсѣмъ освободился отъ достоинствъ своей націи, и эти послѣднія уже цѣликомъ принадлежатъ ему.

Хилонъ, какъ и слѣдовало ожидать, является дѣятельнымъ участникомъ въ личномъ романѣ Виниція и Лигіи, равно какъ и въ главныхъ событіяхъ того времени, въ пожарѣ Рима и въ слѣдовавшихъ за пожаромъ казняхъ христіанъ. Впрочемъ, уже до появленія на болѣе широкой аренѣ онъ успѣлъ взвалить на себя гнусное преступленіе, а мысль о послѣдствіяхъ его и опасеніе за собственное спокойствіе толкаютъ его къ новымъ злодѣяніямъ. Незадолго до встрѣчи съ Виниціемъ онъ предалъ разбойникамъ своего благодѣтеля Главка, тѣмъ отнялъ у него семью и едва не лишилъ его жизни. Теперь за деньги онъ разыскиваетъ убѣжище Лигіи для богатаго патриція и при этомъ случаѣ обманомъ и притворствомъ склоняетъ наивнаго, довѣрившагося ему Урса убить невиннаго Главка, жертву своего недавняго предательства. Онъ же въ ожиданіи милостей отъ цезаря предаетъ вскорѣ Виниція, лжетъ и клевещетъ на христіанъ, отъ которыхъ видѣлъ только добро и прощеніе, указываетъ мѣста собранія христіанъ, куда безъ его указаній не могли бы проникнуть враги ихъ; наконецъ, цѣлымъ рядомъ предательствъ онъ достигаетъ желанной цѣли: денегъ и вліянія въ Римѣ и попадаетъ въ свиту цезаря. «Я стоикъ по необходимости,— говоритъ Хилонъ Нерону, когда изъ устъ цезаря услышалъ, что онъ не любитъ стоиковъ.—«Но укрась, о лучезарный, мой стоицизмъ вѣнкомъ изъ розъ, поставь передо мною чашу съ виномъ, и я буду воспѣвать Анакреона такъ, что заглушу всѣхъ эпикурейцевъ». Въ дѣйствительности онъ мастеръ на всѣ руки, готовъ сквернаго ради прибытка пойти подъ надежнымъ прикрытіемъ, конечно, на самыя рискованныя предпріятія; способенъ мѣняться какъ Хамелеонъ, и каждый разъ исповѣдуется въ такихъ убѣжденіяхъ, какія сулятъ ему наибольшую выгоду; по своей проницательности и знанію людей, онъ далеко превосходитъ тѣхъ сильныхъ и богатыхъ, передъ которыми пресмыкается, сыплетъ остротами и двусмысленностями, и которые обходятся съ нимъ презрительно, подвергаютъ его всевозможнымъ обидамъ и истязаніямъ, а онъ отплачиваетъ имъ наглыми насмѣшками, доносами или затаенной злобой и предательствомъ.

Однако, романистъ нашъ сумѣлъ открыть и въ душѣ этого паріи глубоко заложенное, на долгое время усыпленное нравственное чувство; оно восторжествовало надъ всѣми соблазнами и испытаніями и, возвративши тяжкому грѣшнику образъ божій, примирило съ нимъ апостола любви, примиряетъ и насъ, новыхъ читателей. Нужно отдать справедливость Сенкевичу въ томъ, что нравственное перерожденіе Хилона, умирающаго христіанскимъ мученикомъ на крестѣ, является у него вполнѣ подготовлен-

нымъ всѣми терзаніями совѣсти, какія переживаетъ жалкій graeculus при видѣ неистовствъ цезаря и его угодниковъ, при видѣ жестокихъ страданій жертвъ предательства, которыя превзошли мѣру злобы и испорченности предателя. Картина возрожденія Хилона принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ романа.

Петроній и Хилонъ—представители двухъ классовъ населенія нероновской столицы, знати и черни; оба они одинаково не пригодны для борьбы съ воплощеніемъ порока и безсмысленной жестокости въ лицѣ цезаря; каждый изъ нихъ даже служитъ по своему этому пороку до возможнаго предѣла, и только за этою гранью возможнаго каждый изъ нихъ по своему протестуетъ противъ общественной язвы. Но тогда какъ гордый патрицій ищетъ успокоенія въ тихой смерти, на пиршественномъ ложѣ, среди всѣхъ радостей предшествующей жизни, и съ смертнаго одра посылаетъ Нерону полное язвительности и заслуженныхъ укоровъ письмо, которое не могло имѣть никакихъ послѣдствій для умирающаго автора, презрѣнный и униженный graeculus испытываетъ подъ конецъ жизненнаго пути всѣ муки наболѣвшей души, всенародно кидаетъ Нерону въ лицо обвиненіе въ поджогѣ Рима, возмущаетъ народную толпу противъ истиннаго виновника бѣдствія и умираетъ смертію мученика. Не слѣдуетъ при этомъ думать, что романистъ нашъ поступилъ въ этомъ случаѣ какъ проповѣдникъ христіанской морали, и что онъ рисуетъ Хилона только какъ одинъ изъ множества примѣровъ чудодѣйствующей силы христіанскаго ученія. Хилонъ—цѣльный художественный образъ, и Сенкевичъ рукою художника, съ подобающею тщательностью и правдою выписалъ послѣдовательныя душевныя состоянія Хилона, неизбѣжно обусловившія его обращеніе.

Образъ Хилона подводитъ насъ близко къ фону картины всѣхъ событій романа, къ римской народной массѣ. Правда, авторъ не задается анализомъ страстей римской толпы, не расчленяетъ ея на типы, ее составлявшіе; къ сожалѣнію, онъ не говоритъ намъ ничего объ ея обычныхъ занятіяхъ и интересахъ, равно какъ и о тѣхъ чаяніяхъ и духовныхъ потребностяхъ, съ которыми она обращала свои мысли къ ближайшему будущему, и подъ вліяніемъ которыхъ въ ней бродило недовольство окружающимъ. Само собою разумѣется, что не вся жизнь римскаго простонародья уходила на шатанье по улицамъ и площадямъ, и публичныя зрѣлища, какъ бы они ни были часты и занимательны, не могли составлять всего содержанія жизни простолюдиновъ; не могли и государственныя житницы, какъ бы онѣ ни были обильны, прокормить милліонное или даже полуторамилліонное населеніе Рима. Поэтому нельзя считать всесторонней и правильной ту характеристику римскаго плебса, какую даетъ Ювеналъ въ X-й сатирѣ: «этотъ самый народъ, отъ котораго зависѣли нѣкогда власть, фаски, легіоны, все,—теперь покоренъ и только двухъ вещей жаждетъ: хлѣба и зрѣлищъ». Будничныя занятія, домашняя жизнь съ ея повседневными радостями и печалями все-таки и для римскаго плебса временъ имперіи имѣли первостепенное значеніе, хотя и мало интересовали тогдашнихъ историковъ.

Въ полномъ согласіи съ источниками Сенкевичъ слѣдующими чертами рисуетъ необыкновенно пеструю по своему составу толпу въ Римѣ, этомъ, по словамъ Петронія, «гнѣздѣ квиритовъ—безъ квиритовъ». Собственные римляне терялись въ этой толпѣ, состоявшей изъ представителей всѣхъ расъ и народностей. «Въ ней мелькали жители Эѳіопіи, огромные, свѣтловолосые обитатели далекаго сѣвера, бритты, галлы и германцы, косоглазые выходцы изъ Серики, люди отъ Евфрата и Инда съ бородами, окрашенными въ кирпичный цвѣтъ, сирійцы съ береговъ Оронта, съ черными и вкрадчивыми глазами, высохшіе какъ кость кочевники аравійскихъ пустынь, іудеи со впалою грудью, египтяне съ неизмѣнно-безразличною улыбкой на лицѣ, нумидійцы, африканцы, греки изъ Эллады, наравнѣ съ римлянами господствовавшіе надъ міромъ, но завоевавшіе это господство знаніемъ, искусствомъ, умомъ и плутовствомъ, греки съ острововъ, изъ Малой Азіи, Египта, Испаніи и Нарбонской Галліи. Въ толпѣ рабовъ съ проколотыми ушами не было недостатка и въ свободномъ праздномъ людѣ, котораго цезарь увеселялъ, кормилъ и даже одѣвалъ на свой счетъ; не мало толпилось здѣсь и вольныхъ пришельцевъ, которыхъ привлекла въ огромный городъ возможность пожить безъ труда и надежда на счастье, перекупщиковъ, жрецовъ Сераписа съ пальмовыми вѣтками въ рукахъ, жрецовъ Изиды, къ алтарямъ которой стекалось больше жертвоприношеній, чѣмъ въ храмъ Юпитера Капитолійскаго, жрецовъ Кибелы, несущихъ въ рукѣ золотистые плоды кукурузы, и жрецовъ странствующихъ божествъ, восточныхъ танцовщицъ въ яркихъ митрахъ и продавцовъ амулетовъ, укротителей змѣй и халдейскихъ маговъ, и наконецъ не мало проходимцевъ безъ всякихъ занятій, каждую недѣлю обращавшихся за хлѣбомъ въ житницы надъ Тибромъ, дравшихся въ циркѣ изъ-за лотерейныхъ билетовъ, кочевавшихъ въ постоянно обваливающихся домахъ зарѣчнаго квартала, проводившихъ солнечные и теплые дни въ портикахъ, въ грязныхъ харчевняхъ Субуры, на мосту Мильвія или передъ усадьбами знатныхъ римлянъ, откуда время отъ времени имъ выбрасывали остатки со стола рабовъ». Насколько вѣрна дѣйствительности картина художника, видно, напримѣръ, изъ сопоставленія ея съ описаніемъ населенія Рима въ научной книгѣ Фридлендера: *Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ отъ Августа до послѣдняго изъ Антониновъ* (русск. перев. Т. I, Спб., 1873 г., стр. 12—13): сходство между романомъ и ученымъ изслѣдованіемъ весьма близкое.

Опять-таки нисколько не расходясь съ историками и сатириками, Сенкевичъ изображаетъ римскую толпу грубой, легкомысленной, жадной до зрѣлищъ; въ моменты сильнѣйшаго раздраженія противъ цезаря она быстро смиряется, когда ей обѣщаютъ раздачу хлѣба, масла, одежды и денегъ; она забываетъ обрушившееся на городъ страшное бѣдствіе при видѣ кровавыхъ зрѣлищъ въ циркѣ, амфитеатрѣ и въ садахъ цезаря; самыя жестокія страданія тысячъ людей обращаются для нея въ праздную потѣху, и ея гнѣвъ противъ Нерона смѣняется восторгомъ и ликованіемъ по

мѣрѣ того, какъ устроенныя для нея зрѣлища становятся болѣе кровавыми и быстрѣе смѣняются одно другимъ. Тѣмъ не менѣе въ разныхъ мѣстахъ романа художникомъ вѣрно отмѣчены черты, дѣлающія общую картину не столь безотрадной. Въ римской толпѣ не утратилась окончательно способность къ истинно-человѣчному настроенію. Такъ, прочнымъ сочувствіемъ ея пользуется Петроній съ того времени, какъ онъ исходатайствовалъ смягченіе участи осужденныхъ на смерть рабовъ и вольноотпущенниковъ Педанія Секунда; на торжественныхъ процессіяхъ, на играхъ и мѣстахъ казней Неронъ неоднократно слышалъ ругательства и проклятія, сопровождаемыя криками: «Агенобарбъ! Матереубійца! Женоубійца! Поджигатель!» Въ минуты откровенности Неронъ сознается Петронію, что въ народѣ его считаютъ злодѣемъ, что на стѣнахъ римскихъ домовъ появляются оскорбительныя для него надписи; ярость толпы противъ цезаря по случаю пожара достигаетъ высшаго предѣла, и вмѣшательство Петронія сдерживаетъ мятежныя страсти. Жалость, какъ пламя, вспыхнула въ народѣ при видѣ истерзанной, обреченной на смерть дѣвушки; «тысячи зрителей обратились къ цезарю съ искрами гнѣва въ глазахъ и сжатыми кулаками»; толпу охватывало бѣшенство; цезарь понялъ, что противиться дольше было бы не безопасно: «волненіе, начавшееся въ циркѣ, могло распространиться на цѣлый городъ и имѣть неисчислимыя послѣдствія»,— и дѣвушка вмѣстѣ съ преданнымъ ей исполиномъ Урсомъ были спасены. Императрицѣ Поппеѣ было извѣстно, что народъ по ночамъ опрокидываетъ ея изображенія и расклеиваетъ по стѣнамъ пасквили на ея счетъ; а когда Поппея вмѣстѣ съ цезаремъ отправлялась въ Антій, на встрѣчу ей раздавались въ толпѣ голоса: Flava coma, что значитъ—непотребная женщина. Наконецъ, откуда же, какъ не изъ этой толпы выходили тысячи христіанъ, нравственную доблесть которыхъ столь яркими красками рисуетъ нашъ романистъ? Отъ Тацита мы знаемъ, что римскій народъ возропталъ на цезаря за изгнаніе невинной Октавіи, законной супруги его, дочери Клавдія, и цезарь, уступая народу, позволилъ Октавіи возвратиться въ Римъ; но здѣсь ожидала Нерона еще бо̀льшая опасность, и дѣло дошло почти до открытаго возмущенія. «Лишь только стала извѣстна воля цезаря, какъ весь городъ пришелъ въ движеніе. Народъ толпами устремился въ Капитолій, чтобы публично принести благодарность богамъ. Никто не ожидалъ такого движенія, и никто не противился ему. Отсюда, отъ центра города, оно скоро разлилось по всѣмъ улицамъ, и чѣмъ больше возрастали численныя силы народной толпы, тѣмъ она становилась необузданнѣе. Наконецъ, какъ будто хмѣль ударилъ всѣмъ въ голову, и нечаянная вспышка приняла характеръ довольно буйной народной демонстраціи. Вездѣ появились изображенія Октавіи: ихъ съ торжествомъ носили на плечахъ, разставляли по площадямъ и храмамъ, убирали цвѣтами, и въ то же время вездѣ опрокидывали попадавшіяся изображенія Поппеи. Увлекаясь все болѣе и болѣе своимъ же движеніемъ и не видя нигдѣ ни угрозы, ни сопротивленія, толпа расходилась до того, что обступила самый дворецъ

цезаря, громкими кликами давая знать о своемъ приближеніи. Когда уже толпа стояла у дворца, противъ нея былъ высланъ отрядъ войска. Она выждала появленія вооруженной силы, но не выдержала первыхъ ударовъ и разбѣжалась во всѣ стороны» (*Кудрявцевъ*: «Римскія женщины по Тациту». Пропилеи. 5, 38). Для римскаго историка, убѣжденнаго въ безнадежной испорченности народа, равно какъ и для талантливаго русскаго историка-художника Кудрявцева, который въ своихъ блестящихъ очеркахъ о римской женщинѣ слѣдуетъ вѣрно за Тацитомъ, движеніе это представляется случайнымъ и загадочнымъ, и они оба сообщаютъ о немъ съ оговорками, какъ о чемъ-то рѣшительно противорѣчащемъ извращенной природѣ тогдашней римской массы. Но волновавшійся изъ-за Октавіи народъ былъ въ сущности тотъ самый, который въ 19-мъ году по смерти Германика устроилъ настоящее тріумфальное шествіе супругѣ его, Агриппинѣ старшей, когда она съ прахомъ Германика вступила на почву Италіи и отъ Брундизія направлялась въ Римъ. «День похоронъ, когда прахъ Германика долженъ былъ занять назначенное ему мѣсто въ гробницѣ Августа, былъ особенно поразителенъ своею нѣмою торжественностью, которая потомъ перешла въ неудержимое рыданіе». Демонстрація была тѣмъ внушительнѣе и опаснѣе, что народъ догадывался, кто былъ истинный виновникъ безвременной кончины его любимца, добраго Германика, — самъ Тиберій. Нельзя тоже забывать, какимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ провожалъ народъ Мессалину, когда она послѣ брака съ Силіемъ при живомъ мужѣ - цезарѣ снарядилась въ дорогу въ надеждѣ вымолить прощеніе у Клавдія. «Одна, лишь въ сопровожденіи трехъ человѣкъ, прошла она пѣшкомъ весь городъ, и только у Остійской заставы сѣла на простую телѣгу, на какихъ вывозили мусоръ изъ садовъ; никто, однако, не напутствовалъ ее сожалѣніемъ». Еслибы польскій романистъ въ изображеніи римскаго плебса и черни не удовольствовался сужденіями римскихъ историковъ и сатириковъ и, придерживаясь только фактовъ, силою своего художественнаго дарованія постарался бы проникнуть въ сокровенныя для исторіи народныя чувства, то навѣрное онъ открылъ бы въ нихъ разгадку многихъ историческихъ явленій того времени, и быстрые успѣхи христіанской проповѣди въ Римѣ были бы тогда понятнѣе и являлись бы результатомъ не одного посторонняго воздѣйствія. Отъ хлѣба и зрѣлищъ не отказывается никакая народная масса, хотя бы и болѣе однородная по составу, чѣмъ была римская, и болѣе ея дисциплинированная; самый же характеръ зрѣлищъ опредѣляется уровнемъ развитія зрителей и современнымъ состояніемъ нравовъ. Не въ одномъ императорскомъ Римѣ и не одною только чернью охотно и съ признательностью принимаются денежныя и иныя подачки и развлеченія; но было бы неправильно заключать отсюда объ окончательномъ паденіи человѣческой природы. Нельзя не напомнить при этомъ, что Сенека, этотъ проповѣдникъ отреченія, милостями того же Нерона составилъ себѣ громадное состояніе, оцѣниваемое на наши деньги въ пятнадцать милліоновъ рублей, что старинныя патриціанскія семейства съ неменьшимъ любопытствомъ собира-

лись на нероновскія зрѣлища, какъ и римская чернь. Римскихъ писателей сильно смущаетъ разнородность населенія Рима въ періодъ имперіи, чрезвычайный наплывъ иноземцевъ, обращавшихъ городъ квиритовъ—въ гнѣздо безъ квиритовъ. И польскій романистъ съ своей стороны обходитъ молчаніемъ то огромное значеніе, какое для проповѣди христіанства имѣло это самое собраніе представителей множества народностей въ стѣнахъ одного города. Въ этой смѣшанной массѣ легче и искреннѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, усвоивались великія слова апостола Павла о равенствѣ и единеніи во Христѣ всѣхъ языковъ и состояній.

Христіанскому ученію отведена важная роль въ романѣ Сенкевича; отношенія Виниція и Лигіи представляютъ длинный рядъ послѣдовательныхъ перемѣнъ въ настроеніи и характерѣ главнаго героя подъ вліяніемъ христіанской проповѣди и праведныхъ дѣлъ христіанъ; душу христіанства составляютъ, по ученію апостоловъ Павла и Петра, любовь, свобода и равенство людей; оно не только не отрицаетъ правъ человѣка на земное счастье, но еще пріумножаетъ его и охраняетъ. Даже Петроній сознается, что будь въ Римѣ императоромъ христіанинъ такой, какихъ онъ видѣлъ въ апостолахъ и ихъ послѣдователяхъ, то жизнь и благополучіе римлянъ были бы болѣе обезпечены. Все это прекрасно у Сенкевича. Мы настаиваемъ только на томъ, что романъ его много выигралъ бы въ исторической правдѣ, еслибъ авторъ съ такимъ же вниманіемъ и искусствомъ изобразилъ другую сторону движенія, наличность въ душѣ римскаго простолюдина и раба расположенія къ добру, тѣхъ душевныхъ движеній и запросовъ, которымъ по временамъ онъ давалъ просторъ и открытое выраженіе которыхъ не разъ смущало даже души Нерона и Поппеи. Въ языческомъ Римѣ императорами были не одни Калигулы и Нероны, и римскій народъ умѣлъ своимъ сочувствіемъ отличать отъ нихъ Титовъ, Веспасіановъ, Трояновъ, какъ отличалъ онъ Мессалину или Поппею отъ Агриппины или Октавіи. Мы, однако, должны быть признательны польскому романисту и за то, что онъ не забылъ положительныхъ сторонъ въ характерѣ римской толпы при Неронѣ и отмѣтилъ хотя бы немногія свидѣтельства въ ея пользу; въ этомъ отношеніи онъ даетъ все-таки больше, чѣмъ древніе сатирики и историки своимъ однообразнымъ, огульнымъ осужденіемъ толпы.

Другимъ непремѣннымъ предметомъ нападокъ и жалобъ римскихъ моралистовъ временъ имперіи была женщина; женщины играютъ видную, нерѣдко первенствующую роль и въ романѣ Сенкевича. Прочитайте тѣ главы *Лѣтописи* Тацита, въ которыхъ историкъ знакомитъ читателя съ Мессалиной, супругой императора Клавдія, съ наложницей Нерона Актеей, съ Агриппиной младшей, матерью Нерона, съ Поппеей Сабиной младшей, любовницей и потомъ женой того же цезаря; прочитайте VI-ую сатиру Ювенала, обличающую пороки римскихъ женщинъ; сравните съ этими описаніями женскіе характеры нашего романа,—и вы неизбѣжно прійдете къ заключенію, что польскій романистъ въ значительной мѣрѣ освободился

отъ односторонности своихъ римскихъ источниковъ и правильнѣе ихъ изобразилъ женщину имперіи.

Въ русской литературѣ есть превосходная монографія о томъ же предметѣ: это—«Римскія женщины по Тациту» П. Н. Кудрявцева; авторъ ея не только передаетъ съ точностью матеріалъ *Лѣтописи*, онъ усвоилъ себѣ воззрѣнія римскаго историка на тогдашнюю женщину, проникся самымъ его идеаломъ женщины; поэтому русскій читатель имѣетъ въ этомъ сочиненіи незамѣнимое пособіе при изученіи Тацита, но по той же самой причинѣ онъ найдетъ въ этой монографіи ту же неполноту и односторонность, тотъ же, такъ сказать, общій тонъ древне-римскаго аристократа-республиканца, который отличаетъ лѣтопись Тацита.

Прежде всего самыя имена и положеніе упомянутыхъ выше Тацитовскихъ женщинъ указываютъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ личностями исключительными, дѣйствующими въ исключительныхъ условіяхъ женъ и любовницъ цезарей, и такъ какъ такія женщины были если не лучше, то и не порочнѣе своихъ повелителей, бездушныхъ и развратныхъ, или до карикатурности тщеславныхъ и безумно расточительныхъ, то большинство пороковъ этихъ женщинъ нельзя считать характеристическими даже для того класса женщинъ, которому онѣ принадлежали по рожденію и воспитанію; еще менѣе позволительно обобщать Мессалинъ или Поппей и по нимъ составлять скорбные или негодующіе приговоры о римской женщинѣ въ періодъ имперіи вообще. Непомѣрная роскошь придворной жизни и въ домахъ знатныхъ и богатыхъ патриціевъ, частыя оргіи, пресмыкательство искателей порождали въ этомъ кругу лицъ ему одному свойственные пороки и еще чаще болѣзненныя разстройства. Между тѣмъ къ нему главнымъ образомъ, если не единственно, были обращены взоры моралистовъ, историковъ и поэтовъ: Горація, Овидія, Ювенала, Сенеки и др. Писатели особенно часто жалуются на недостатокъ вѣрности въ женахъ, которая, по словамъ Ювенала, существовала развѣ въ вѣкъ Сатурна,—по нашему при царѣ Горохѣ. Тотъ же сатирикъ укоряетъ женщинъ безразлично въ лживости и притворствѣ, въ жестокости, расточительности, надменности, въ страсти къ тяжбамъ, сплетнямъ, къ цирку,—словомъ, не было ничего, чего бы не позволила себѣ женщина, что она считала бы для себя постыднымъ. «Всѣ женщины,—говоритъ сатирикъ, — робки, когда нужно встрѣтить опасность, поступить согласно дѣлу и чести; онѣ тогда холодѣютъ отъ страха, стоять не могутъ, ноги не держатъ ихъ. Онѣ смѣлы только въ безстыдствѣ». Овидій пишетъ пространный сборникъ правилъ въ руководство мужчинамъ, ищущимъ любовныхъ интрижекъ *(Amores)*. Ювеналъ въ ужасъ приходитъ отъ страсти римской женщины къ собиранію новостей. «Пускай лучше она поетъ,—восклицаетъ сатирикъ, — чѣмъ будетъ бѣгать какъ помѣшанная по городу, вмѣшиваться въ толпы мужчинъ, вести бесѣды съ офицерами въ присутствіи мужа, съ поднятой головой и открытой грудью. Эта женщина знаетъ все, что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ, что̀ дѣлаютъ индійцы и что̀ ѳракіяне; ей извѣстны секреты свекрови и пасынка; она

знаетъ, кто кого любитъ, кто кому мѣшаетъ въ любви; она скажетъ, отъ кого рожаетъ эта вдова и въ какомъ мѣсяцѣ... Она первая видитъ комету, угрожающую царямъ Парѳіи и Арменіи; у городскихъ воротъ она отбираетъ свѣжія новости и сама иныя присочиняетъ: то Нифатъ идетъ на народы и заливаетъ страшнымъ потопомъ цѣлыя поля, то города рушатся, земли осѣдаютъ, и все это она разсказываетъ гдѣ и кому попало». А что до жестокости, то ей ничего не стóитъ распять на крестѣ безвиннаго раба, высѣчь ремнями бѣднаго сосѣда за то, что его собака нарушила ея благородный сонъ, и т. д. и т. д.

Нашъ романистъ не поддался искушенію сатириковъ и моралистовъ и взглянулъ на римскую женщину болѣе спокойно и объективно. Онъ выдвинулъ на передній планъ знаменательный фактъ міровой исторіи, дѣятельное участіе римской женщины въ христіанскомъ движеніи того времени и ея заслуги въ пропагандѣ новаго ученія, которое часто требовало отъ новообращенныхъ и тяжелыхъ жертвъ, и необыкновенной стойкости; онъ съ большимъ стараніемъ и любовью выписываетъ въ Лигіи и Грецинѣ Помпоніи черты высшей духовной красоты, передъ которой преклоняется даже Петроній и смиряется страсть Виниція; онъ не глумится надъ тѣмъ, что дѣвушка въ домѣ Авла Плавція отвѣчаетъ на любезное привѣтствіе гостя греческой цитатой изъ Одиссеи, надъ чѣмъ непремѣнно посмѣялся бы Ювеналъ.

«На греческомъ языкѣ,—говоритъ сатирикъ, — женщины выражаютъ страхъ, гнѣвъ, радость, заботы, на немъ изливаютъ онѣ всѣ тайны своего сердца. Чего только онѣ не дѣлаютъ?» Если читатель могъ бы возразить, что такова, по убѣжденію автора, была сила христіанскаго ученія, преображавшаго самую порочность въ добродѣтель, то романистъ показываетъ намъ и женщину-язычницу, Эвнику, сначала рабыню, потомъ подругу Петронія, глубоко искреннюю въ своей привязанности, безкорыстную, неспособную пережить любимаго человѣка. Романисту хорошо извѣстны и Поппея Сабина, и Хризотемида, и Нигидія; онъ знаетъ тѣ безумныя оргіи въ дворцѣ Нерона, на прудахъ Агриппы, гдѣ римскія аристократки и вольноотпущенницы предавались самому утонченному или необузданному разврату. Но онъ очевидно не забываетъ также, что въ языческомъ и императорскомъ Римѣ были и Агриппина старшая, и тихая, безотвѣтная Октавія, даже при дворахъ Клавдія и Нерона не увлекавшаяся разгуломъ страстей, и вольноотпущенница Эпихарита, замѣшанная въ заговорѣ Пизона противъ Нерона. Тацитъ съ недоумѣніемъ разсказываетъ о томъ, какъ эта послѣдняя женщина держала себя на допросѣ, когда отъ нея требовали поименованія участниковъ заговора. «Ни розги, ни огонь,—замѣчаетъ историкъ,—ни злость палачей на то, что они не могутъ одолѣть женщины, не вынудили у нея признанія. Такъ прошелъ первый день пытки. Когда на другой день понесли ее пытать въ носилкахъ,—держаться на искалѣченныхъ членахъ она не могла,—Эпихарита развязала на груди шнурокъ, прикрѣпила его къ верхушкѣ носилокъ, сдѣлала петлю, надѣла на шею и, натянувъ ее всею

тяжестью тѣла, испустила уже ослабѣвшее дыханіе жизни. Эта отпущенница подала блистательный примѣръ, оставшись вѣрною чужимъ и почти неизвѣстнымъ людямъ въ столь ужасномъ истязаніи, тогда какъ свободнорожденные люди—мужчины, всадники и сенаторы, при одномъ ожиданіи пытки, предали ближайшихъ имъ людей».

Если при этомъ вспомнить, что въ многочисленныхъ надгробныхъ надписяхъ временъ имперіи часто называются такія домашнія добродѣтели, какъ супружеская вѣрность жены, бережливость, трудолюбіе, то мы обязаны будемъ воздержаться отъ огульнаго осужденія римской женщины этого времени, и тогда не покажутся намъ совершенно неожиданными, оторванными отъ исторической почвы и тѣ римскія женщины, которыхъ чтитъ христіанская церковь, и тѣ, которыхъ рисуетъ въ своемъ романѣ Сенкевичъ столь обаятельными чертами. Слѣдуетъ думать, что въ милліонномъ населеніи Рима не однѣ Лигіи и Грецины съ омерзѣніемъ и ужасомъ отворачивались отъ безстыдства и разгула нероновскихъ пиршествъ и кровавыхъ зрѣлищъ. Правда, героиня романа—варварская женщина; она дочь вождя лигійскаго народа, воспитывается и выростаетъ въ домѣ христіанки Помпоніи; даже Эвника—гречанка, также какъ и христіанка Актея. Помпонія Грецина—истая римлянка, съ характеромъ и нравственною чистотою римской женщины лучшихъ временъ республики; подъ ея вліяніемъ и любовнымъ попеченіемъ воспитана идеальная Лигія. Но образъ Грецины у Сенкевича нарисованъ нѣсколькими вѣрными штрихами, и она остается на дальнемъ планѣ картины. Художнику слѣдовало бы ввести въ свой романъ и женщину римлянку средняго состоянія въ ея будничной, трудовой обстановкѣ и въ ней показать тѣ достоинства характера, съ которыми она переходитъ въ христіанскую литературу. Но важную заслугу художника составляетъ и то, что, вопреки римскимъ моралистамъ и сатирикамъ, онъ воздержался отъ обобщенія исключительныхъ характеровъ и сочувственными чертами пріобщилъ римскую женщину къ міровому движенію.

Что касается самого Нерона, то было бы нелегко показать какое бы то ни было разнорѣчіе между нашимъ романистомъ и свидѣтельствами Тацита, Светонія, Діона, Кассія, а также позднѣйшихъ христіанскихъ историковъ.

Описываемыя въ романѣ событія относятся приблизительно къ 64 г. нашей эры, т.-е. ко времени римскаго пожара, когда Неронъ имѣлъ за собою, помимо многихъ другихъ смертей, отравленіе брата Британика, убійство Агриппины матери, начальника преторіанцевъ и своего воспитателя Бурра, убійство Корнелія Суллы и Рубелія Плавта, удаленіе отъ двора другого воспитателя, Сенеки, убійство жены Октавіи и вступленіе въ законный бракъ съ Поппеей Сабиной, когда онъ избавился отъ докучливыхъ или опасныхъ свидѣтелей, товарищей и соперниковъ, и далъ полную волю своимъ инстинктамъ и привычкамъ. Главныя положенія романа и наиболѣе патетическія его части поставлены авторомъ въ связь съ пожаромъ Рима и слѣдовавшими за нимъ казнями христіанъ. Всѣ предшествую-

щія дѣйствія цезаря, равно какъ и преобладающія въ немъ наклонности достаточно подготовляютъ читателя къ безумнѣйшему акту его управленія, и поджогъ Рима является необходимымъ звеномъ въ длинной цѣпи злодѣяній Нерона. Правда, главный нашъ свидѣтель о Неронѣ, Тацитъ, оставляетъ подъ сомнѣніемъ основательность народныхъ толковъ, въ которыхъ виновникомъ бѣдствія назывался не кто другой, какъ самъ цезарь *). Послѣдующіе историки не раздѣляютъ этого сомнѣнія, какъ не раздѣляли его и нѣкоторые изъ авторовъ, служившихъ для Тацита источникомъ. По словамъ правдивѣйшаго изъ историковъ, Светонія, Нерону ненавистенъ былъ старый Римъ съ его кривыми улицами и некрасивыми зданіями, и онъ жаждалъ видѣть его разрушеніе. Историкъ прибавляетъ даже, что во время пожара Неронъ всходилъ на Меценатову башню, стоявшую вблизи одного изъ его увеселительныхъ домовъ, и оттуда любовался красотою пылающаго города (*Nero,* гл. 38). Діонъ Кассій выражается еще опредѣленнѣе: Неронъ давно завидовалъ Пріаму въ томъ, что владыка Трои удостоился видѣть паденіе своей власти одновременно съ гибелью родного города въ пламени (62, 16). У насъ нѣтъ достаточныхъ основаній отвергать почти всеобщее убѣжденіе древнихъ, не говоря о томъ уже, что оно находитъ себѣ оправданіе во всемъ характерѣ обвиняемаго: въ этомъ послѣднемъ пунктѣ не расходится съ прочими свидѣтелями и Тацитъ. Въ виду сказаннаго, художникъ былъ въ полномъ правѣ изобразить событіе въ томъ видѣ, какъ оно представлялось народной массѣ и многимъ приближеннымъ цезаря, хотя отъ прямыхъ уликъ противъ поджигателя и онъ воздерживается. Намъ необходимо отмѣтить должную мѣру и художественный тактъ, соблюденные въ этой части романа. Низкій лицемѣръ и трусливый убійца, Неронъ прежде всего и всего постояннѣе былъ актеръ, «бездарный фигляръ», какъ называетъ его Петроній, обезьяна, мимъ, шутъ и танцовщикъ. Разъ какъ-то цезарь пожелалъ сравняться въ танцовальномъ искусствѣ съ дворцовымъ плясуномъ Парисомъ, протанцовалъ приключеніе Леды, при этомъ вспотѣлъ и простудился... «Онъ весь былъ мокрый и скользкій, какъ угорь, вынутый только что изъ воды. Онъ перемѣнялъ маски одну за другою, кружился какъ веретено, махалъ руками какъ пьяный; просто, отвращеніе брало смотрѣть на это толстое брюхо на тонкихъ ногахъ. Парисъ училъ его въ продолженіе двухъ недѣль. Но представь себѣ Агенобарба въ видѣ Леды или въ видѣ бога-лебедя. Вотъ такъ лебедь! Нечего сказать. Но онъ хочетъ выступить публично съ этой пантомимой сначала въ Антіи, потомъ въ Римѣ». Быть актеромъ и смотрѣть актеровъ и ихъ представленія, срывать апплодисменты въ толпѣ пѣніемъ ли то, музыкой или фиглярствомъ, обратить, если возможно, весь покорный ему міръ въ зрительный залъ сдѣлалось къ этому времени господствующею страстью пресыщеннаго деспота, второй его природой. Петро-

---

*) Sequitur clades forte an dolo principis incertum: nam utrumque auctores prodiderunt. *Annal.* XV, 38 нач.

ній прекрасно зналъ чувствительнѣйшую струну въ душѣ Нерона, когда, желая возможно больнѣе уязвить его, подчеркивалъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ бездарность его какъ актера, и Нерону не такъ было бы тяжело потерять царство, какъ получить приведенное въ началѣ письмо Петронія. Правда, вмѣстѣ со свирѣпостью Неронъ соединялъ въ себѣ и труса; поэтому можно думать, что онъ предвидѣлъ бы взрывъ народнаго негодованія и долженъ былъ бы опасаться ярости толпы. Но раньше онъ такъ часто выходилъ сухъ изъ воды, въ чемъ обыкновенно помогали ему представители высшаго въ имперіи сословія; въ полномъ его распоряженіи были преторіанцы съ Тигеллиномъ во главѣ и неисчислимыя средства задобрить народъ или обратить его гнѣвъ на другихъ; за то самое ожиданіе опасности и тревожныя догадки о томъ, какъ онъ извернется въ критическихъ обстоятельствахъ и подъ конецъ восторжествуетъ надъ мятежниками, скорѣе должны были только подогрѣвать актерскія страсти цезаря и подталкивать его на злодѣяніе. Разсчеты Нерона и на сей разъ оправдались. Дѣло не въ томъ, по чьему распоряженію дѣйствовали поджигатели и какіе-то невѣдомые люди тамъ-и-сямъ не давали гасить огонь; совершенно достаточно, что народная масса и многіе изъ придворныхъ чувствовали поджигателя въ самомъ цезарѣ. И что же?—Онъ пережилъ ощущенія страха, для него привычныя и, навѣрное, даже занимательныя, а въ концѣ-концовъ пострадали другіе,—и цезарь торжествовалъ побѣду. Этого мало: народное бѣдствіе дало ему случай удивить міръ невиданными зрѣлищами и съ избыткомъ вознаградить себя, какъ актера, за пережитыя минуты тревоги. Съ точки зрѣнія художественной правды не имѣетъ особеннаго значенія документальное удостовѣреніе, что Римъ сожженъ былъ Нерономъ, да и для историка гораздо существеннѣе другія обстоятельства, не отрицаемыя ни однимъ источникомъ, именно: что и во время бѣдствія, и въ послѣдующее, народная молва обвиняла въ злодѣяніи цезаря, что народъ чувствовалъ, а нѣкоторые, быть можетъ, воочію видѣли не только равнодушіе Нерона къ горѣвшему городу, но еще и его артистическое изступленіе «передъ красотою пламени» (flammae pulchritudo); важно для историка и то также, что первоначальное подозрѣніе взяло верхъ въ памяти потомковъ, и что народная совѣсть позднѣйшихъ поколѣній удержала на Неронѣ клеймо поджигателя. Такимъ образомъ, Сенкевичъ въ своемъ изображеніи Нерона правъ не только какъ художникъ, но и передъ судомъ исторіи. Точно также вѣрно изображены имъ ближайшія послѣдствія пожара: гибель значительнѣйшей части города вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ его жителей, отчаяніе многихъ тысячъ населенія и жажда толпы утолить свою ярость карами подозрѣваемыхъ виновниковъ бѣдствія. Нельзя было не предчувствовать, что мѣра наказанія виновныхъ, разъ только народъ признаетъ кого-либо за таковыхъ, превзойдетъ все до тѣхъ поръ видѣнное.

Народная молва упорно искала поджигателя въ Неронѣ. «Напрасно еще разъ обращались къ Сивиллинскимъ книгамъ,—говоритъ Фарраръ по Тациту;—напрасно возносились по ихъ совѣту общественныя молитвы

Вулкану и богинямъ земли и ада; напрасно римскія матроны въ траурныхъ платьяхъ, съ распущенными волосами устраивали процессіи для умилостивленія оскорбленной Юноны и для окропленія морской водой ея древней статуи; напрасно народу оказывались всевозможныя щедроты и приносились богамъ умилостивительныя жертвы; напрасно совершались общественныя пиршества въ честь различныхъ божествъ»,— ничто не заглушало угрожающихъ толковъ, что пожаръ былъ дѣломъ приказанія, и мрачное подозрѣніе противъ Нерона росло.

Но цезарь-актеръ зналъ свою публику давно, зналъ ея легковѣріе и стадность. Въ романѣ Сенкевича мы видимъ, что до самой этой поры Неронъ пребывалъ въ невѣдѣніи о христіанахъ и не имѣлъ объ ихъ ученіи никакого понятія. На выручку ему явились, какъ бывало и въ другихъ случаяхъ, ближайшіе его пособники и совѣтники: Тигеллинъ, префектъ преторіанцевъ, и императрица Поппея. Они доставили Нерону свидѣтелей противъ христіанъ, двухъ іудейскихъ равви изъ-за Тибра и хорошо намъ извѣстнаго Хилона. Однако ни іудейскіе священники, ни даже всезнающій graeculus не нашли возможнымъ выступить обвинителями христіанъ въ поджогѣ; они только ясно дали понять, въ какую сторону можно было съ вѣрнымъ успѣхомъ отклонить волновавшее народъ подозрѣніе. «Мы, господинъ,— говорили равви,— обвиняемъ христіанъ только въ томъ, что они враги закона, враги человѣческаго рода, враги Рима и твои, и въ томъ, что они давно угрожали огнемъ городу и міру». Къ показаніямъ равви Хилонъ добавилъ, что христіане почитаютъ за бога нѣкоего Христа, который обѣщалъ имъ истребить всѣхъ людей, уничтожить всѣ города на землѣ и оставить только ихъ однихъ, что христіане проклинаютъ Римъ и его храмы, отравляютъ всѣ источники, убиваютъ дѣтей для добыванія нужной имъ крови и т. п. Хилонъ же обязался указать молитвенные дома и кладбища, гдѣ сотни, тысячи христіанъ собираются для совершенія своихъ гнусныхъ обрядовъ. Неронъ вслѣдъ за симъ издалъ эдиктъ противъ христіанъ, и разъяренная толпа кинулась разыскивать повсюду враговъ человѣческаго рода; христіанами переполнены были тюрьмы, изъ которыхъ одна была дорога—къ мѣсту казней.

Пресытившись кровавыми зрѣлищами, устроенными для него Нерономъ, народъ, однако, почувствовалъ жалость къ жертвамъ своей ярости и укрѣпился въ первоначальномъ убѣжденіи, что поджигатель не кто иной, какъ самъ цезарь. Видное мѣсто въ своемъ разсказѣ романистъ отводитъ двумъ апостоламъ, Петру и Павлу, которые то неустанно возвѣщаютъ новое ученіе, умножая число его послѣдователей, то утѣшаютъ и вдохновляютъ преслѣдуемыхъ христіанъ, предсказывая близкое воздаяніе мученикамъ и погрязшему во грѣхахъ міру. Рукою мастера написаны и картины страданій христіанъ, и увлеченіе римской толпы жестокими зрѣлищами. Тутъ же замѣтимъ, что романистъ во многихъ чертахъ событія остается вѣренъ исторіи, хотя для читателя романа недостаточно выяснена та легкость, съ

какою Неронъ свалилъ собственную вину на христiанъ, и то ожесточенiе, какимъ римская толпа откликнулась на призывъ власти.

По времени ближайшiй къ римскому пожару свидѣтель—Тацитъ, хотя и его разсказъ написанъ 50 лѣтъ спустя послѣ событiя. Самый разсказъ обличаетъ, помимо обычной у историка сдержанности, неполноту свѣдѣнiй и, кажется, анахронизмы. Христiанъ Тацитъ считаетъ неповинными въ пожарѣ и прибавляетъ, что при разслѣдованiи дѣла обвиненiе противъ нихъ не подтвердилось, что христiанъ истребляли не ради общественнаго блага, но въ угоду кровожадности одного человѣка: «подставилъ виновныхъ Неронъ для подавленiя толковъ» (abolendo rumori Nero subdidit reos). Тѣмъ не менѣе, римскiй писатель произноситъ надъ христiанами суровый приговоръ; ученiе ихъ кажется ему пагубнымъ суевѣрiемъ (exitiabilis superstitio), которое будучи на время подавлено послѣ казни Христа, снова прорвалось наружу и распространилось не только по Iудеѣ, но и въ Римѣ, «куда,—замѣчаетъ онъ,—стекаются отовсюду и гдѣ выставляются на показъ всѣ гнусности и безстыдства». Христiане, по его словамъ, были ненавистны римлянамъ за ихъ мерзости (per flagitia invisa); привлеченные къ отвѣту по обвиненiю въ поджогѣ, они были изобличены въ ненависти къ человѣческому роду (odio humani generis convicti sunt), и онъ самъ считаетъ ихъ людьми преступными и достойными жесточайшей кары (sontes et novissima exempla meritos). Тацитъ же разсказываетъ, какъ христiанъ, обвиненныхъ въ поджигательствѣ, одѣвали въ шкуры дикихъ звѣрей и въ такомъ видѣ кидали собакамъ на растерзанiе, какъ распинали ихъ на крестахъ, жгли на огнѣ, а когда вечерѣло, зажигали для ночной иллюминацiи. Неронъ предоставилъ свои сады для этого зрѣлища и устроилъ игры въ циркѣ, гдѣ смѣшивался съ чернью въ одеждѣ возницы или стоя на колесницѣ правилъ лошадьми.

Такъ во II вѣкѣ писалъ о христiанахъ просвѣщеннѣйшiй римлянинъ, возмущавшiйся тѣми изысканными казнями и издѣвательствами, какимъ они подверглись при Неронѣ. Относился къ христiанамъ подобнымъ образомъ не одинъ Тацитъ. Можно бы привести рядъ именъ философовъ, императоровъ, моралистовъ изъ того же и даже болѣе поздняго времени, которые были или безпощадными обличителями христiанства, или пренебрежительно несвѣдущими относительно его ученiя. Въ основѣ всѣхъ подобнаго рода обличенiй лежали толки, ходившiе въ простомъ народѣ; представители знанiя и власти обыкновенно не давали себѣ труда вникнуть ближе въ новую религiю.

Христiанство вошло въ мiръ, по выраженiю Тертуллiана, подъ покровомъ iудейства и долгое время считалось за одну изъ его сектъ. Задолго до нашего времени iудеи съ ихъ нацiональною нетерпимостью, съ ихъ единобожiемъ, исключавшимъ всякое иное богопочитанiе, съ ихъ изворотливостью въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ, сдѣлались предметомъ народной ненависти и презрѣнiя въ римскомъ обществѣ. Iудейское вѣроученiе казалось римлянамъ безбожнымъ суевѣрiемъ, атеизмомъ, а ихъ обряды и

религіозныя установленія пагубными, отвратительными, вошедшими въ силу у іудеевъ благодаря своей порочности (*Hist.* V, 5). Совращеніе римскаго гражданина въ іудейство преслѣдовалось закономъ, а обрѣзаніе новообращеннаго приравнивалось къ смертельному увѣчью. По словамъ Тацита, іудеи ненавидятъ всякій другой народъ и жалостливы только къ своимъ единовѣрцамъ; ненависть ко всѣмъ остальнымъ людямъ—первое, что они внушаютъ новообращеннымъ; все, по мнѣнію римлянъ, запретное или нечестивое они разрѣшаютъ себѣ и дозволяютъ, и, наоборотъ, все священное для римлянъ они попираютъ.

Христіанскому исповѣданію, какъ вышедшему изъ іудейства и въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ сохранявшему вѣрность іудейскому закону, приписаны были римлянами многія черты іудейства, а вмѣстѣ съ ними перенесены были на христіанъ и тѣ чувства непріязни или пренебреженія, съ какими римляне привыкли издавна относиться къ іудеямъ. Правда, ко времени Нероновскаго пожара проповѣдь апостола Павла, окончательно разорвавшаго съ закономъ отцовъ и возвѣстившаго равенство и братское единеніе всѣхъ людей во Христѣ, сдѣлала большіе успѣхи, превращая христіанство въ религію для всѣхъ людей и отвергая притязанія іудеевъ на положеніе народа избраннаго. Но въ то же время это постепенное обособленіе христіанства не могло не сопровождаться распрями въ нѣдрахъ самихъ христіанскихъ общинъ, и со стороны іудеевъ должно было встрѣчать жестокій отпоръ и озлобленіе. Присутствіе апостола Павла въ Римѣ, куда онъ явился за два, если не за четыре года до іюльскаго пожара, послѣ посѣщенія многихъ городовъ Азіи, Македоніи и Греціи, поднимало смѣлость и безбоязненность христіанской общины; проповѣдь апостола, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ о томъ въ посланіи къ филиппіянамъ, глубже проникала въ окружающую среду, и въ самомъ дворцѣ кесаря апостолъ находилъ ревностнѣйшихъ послѣдователей. Христіанская община становилась въ Римѣ замѣтнѣе, а среди іудеевъ не было недостатка въ людяхъ, изъ ревности къ «закону», готовыхъ воспользоваться всякимъ случаемъ для того, чтобы привлечь вниманіе римскихъ властей къ ненавистнымъ отщепенцамъ, смирить ихъ карою законовъ и, быть можетъ, охранить навсегда вѣру отцовъ. Сама по себѣ римская власть относилась къ новому ученію съ высокомѣрнымъ равнодушіемъ; въ распри между іудеями и христіанами она вмѣшивалась въ тѣхъ только случаяхъ, когда раздоры угрожали общественному спокойствію, или же когда этого настоятельно требовала одна изъ сторонъ, какъ и бывало не разъ съ апостоломъ Павломъ въ Іерусалимѣ, въ Коринѳѣ и въ самомъ Римѣ.

Въ новеллѣ Сенкевича *Пойдемъ за нимъ*! мѣткими чертами обрисованъ образъ дѣйствій римскаго прокуратора Іудеи, Понтія Пилата, когда онъ даетъ согласіе на казнь Назорея. Намѣстникъ императора, презрительно относясь къ іудейскому народу, не желаетъ однако «дразнить осъ, которыя жужжатъ вокругъ храма»; въ поведеніи Христа онъ не находитъ ничего преступнаго, но онъ обязанъ поддерживать порядокъ и спокойствіе

въ Іерусалимѣ и, въ предупрежденіе народныхъ волненій изъ-за одного человѣка, уступаетъ требованіямъ разъяренной толпы іудеевъ и синедріона. Впослѣдствіи коринѳскій проконсулъ Галліонъ отказался входить въ разсмотрѣніе жалобъ іудеевъ на Павла и отпустилъ его; почти то же самое повторилось съ тѣмъ же апостоломъ въ Іерусалимѣ. Такимъ образомъ римская власть иногда приходила на помощь христіанской проповѣди.

Во время Нерона потребовались совершенно исключительныя условія, прежде всего желаніе самого кесаря и крайнее возбужденіе безпомощной толпы, для того, чтобы на христіанъ всею тяжестью обрушились и тогдашняя грубость нравовъ, и отсутствіе правильнаго суда въ подобныхъ дѣлахъ. До сихъ поръ въ представителяхъ кесаря христіанскіе проповѣдники находили себѣ не разъ защиту противъ своихъ враговъ изъ іудеевъ; теперь они сами натравливали чернь на тотъ классъ людей, который, казалось, за вящія безчинства отвергнутъ былъ даже іудеями. Подозрѣніе противъ цезаря находило себѣ пищу въ толкахъ о какихъ-то загадочныхъ людяхъ, не дававшихъ во время пожара гасить огонь, о томъ, какъ восхищался цезарь картиной горящаго города. А развѣ христіане не высказывали открыто своей вѣры въ близость кончины міра? Развѣ они не радовались отъ предвкушенія того, какъ грядущій во славѣ Мессія истребитъ огнемъ погрязшій во грѣхѣ міръ, и развѣ многіе изъ нихъ не видѣли въ страшномъ пожарѣ начало исполненія ихъ чаяній? По словамъ Тацита, хватали прежде всего тѣхъ изъ христіанъ, которые сознавались въ своей винѣ (qui fatebantur), значитъ—тѣхъ, кто въ религіозномъ экстазѣ, какъ въ романѣ Криспъ, напримѣръ, выказывалъ безбоязненно свою радость по случаю гибели города въ пламени, или сознавались въ ненависти къ гибнущимъ язычникамъ; самая покорность терзаемыхъ христіанъ и мужество въ смерти получали въ глазахъ толпы видъ дикаго изувѣрства и признанія собственной виновности.

Въ виду всего сказаннаго едва ли можно отрицать, что слѣдовавшія за пожаромъ казни христіанъ, были однимъ изъ кровавыхъ разгромовъ, какіе на памяти исторіи въ годину тяжелыхъ общественныхъ бѣдствій обрушивались на классы людей, неповинныхъ въ бѣдствіяхъ, но отчужденныхъ отъ массы населенія и подозрѣваемыхъ въ порокахъ и даже преступленіяхъ. Въ данномъ случаѣ неистовства черни были тѣмъ ужаснѣе, что предержащая власть подстрекала обезумѣвшую толпу, а изъ среды іудеевъ, боровшихся съ новымъ исповѣданіемъ за исконную вѣру, выступали фанатическіе обвинители противъ христіанъ. Предположеніе объ участіи іудеевъ въ нероновскомъ разгромѣ высказываетъ Ренанъ, вслѣдъ за нимъ еще рѣшительнѣе Фарраръ (*Первые дни христіанства*. Русск. переводъ. Спб., 1888 г., стр. 75 и сл.); эту же мысль проводитъ въ романѣ и Сенкевичъ. Римскія власти и представители образованныхъ классовъ того времени не имѣли еще понятія о христіанствѣ; въ немъ они видѣли какое-то иноземное суевѣріе, съ виду походившее на іудейство, но теперь іудеями рѣшительно отвергаемое; не извращая факта и не ожидая возраженій со

стороны христіанъ, іудейскіе равви могли утверждать, что истребленіе Рима пожаромъ отвѣчало задушевнѣйшимъ желаніямъ многихъ христіанъ.

Придуманные Нерономъ способы казни, обращая мученія христіанъ въ рядъ зрѣлищъ, отвѣчали грубымъ вкусамъ зрителей, а когда цезарь, одѣтый возницею, мѣшался въ толпу, она готова была простить ему многое. Вообще при оцѣнкѣ Нерона и современнаго ему Рима никогда не должно забывать, что своими казнями онъ посягалъ прежде всего на жизнь гордыхъ патриціевъ, а своимъ безпутствомъ и сумасбродствомъ оскорблялъ ихъ гордость и чувства сословнаго достоинства; плебсъ не могъ раздѣлять негодованія патриціевъ, которые даже въ лицѣ благодушнаго Петронія смотрѣли на массу съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Мы не говоримъ уже о вольноотпущенникахъ и рабахъ, для которыхъ истязанія и казни отъ господъ и патроновъ были обычнымъ явленіемъ, и таковыми изображены въ романѣ Сенкевича. Инстинктамъ толпы не могло не льстить, что всесильный повелитель міра безпощадно попиралъ всяческія сословныя различія и не только забавлялъ простой народъ, но и забавлялся съ нимъ вмѣстѣ. Въ романѣ прекрасно написана картинка общества, собиравшагося къ столу цезаря. «Среди его гостей были и сенаторы, но преимущественно такіе, которые вмѣстѣ съ тѣмъ соглашались быть шутами. Были патриціи, старые и молодые, жаждущіе блеска, роскоши и наслажденій. Бывали здѣсь и женщины съ громкими именами, но не стѣсняющіяся вечеромъ надѣвать русые парики и для потѣхи искать приключеній по темнымъ улицамъ. Бывали и высокіе сановники, и жрецы, которые за полными чашами издѣвались надъ собственными богами, и рядомъ съ ними всякій сбродъ — пѣвцы, мимы, музыканты, танцовщицы. Декламируя стихи, поэты мечтали о сестерціяхъ, которыя могутъ перепасть имъ за похвалу стиховъ цезаря; голодные философы жадными глазами провожали всякое новое блюдо; были тутъ прославленные возницы, фокусники, барды, наконецъ, всякая знаменитость, возведенная въ это званіе модою или человѣческою глупостью, мошенники, между которыми не было недостатка и въ такихъ, которые длинными волосами прикрывали уши, проколотыя въ знакъ ихъ рабскаго происхожденія». Дворъ Нерона съ его пестротою—это самъ Римъ въ миніатюрѣ.

Ко всему сказанному и большею частью романистомъ не забытому необходимо привлекать наше вниманіе для того, чтобы дать себѣ ясный по возможности отчетъ въ Нероновскомъ разгромѣ христіанъ: это были поистинѣ невинныя жертвы искупленія за грѣхи міра, за грубость нравовъ и невѣжество, за борьбу и пресмыкательство. Но лишь только ярость толпы была утолена, народъ проникся жалостью къ жертвамъ казней, и въ народной памяти Неронъ остался поджигателемъ.

Въ романѣ Сенкевича, намъ кажется, недостаточно анализированы мотивы и условія пережитаго христіанами бѣдствія, допущены нѣкоторые анахронизмы и нѣсколько умалено значеніе проповѣднической дѣятельности апостола Павла по сравненію съ первенствующимъ вліяніемъ Петра.

Во-первыхъ, едва ли количество христіанъ въ Римѣ было такъ велико въ эпоху Нероновскихъ казней, какъ можно заключить изъ романа, хотя въ основѣ этого представленія и лежатъ слова самого Тацита: ingens multitudo— огромное множество. Во всякомъ случаѣ, въ понятіяхъ римскаго народа и его образованныхъ представителей не было еще такого строгаго разграниченія между іудеями и христіанами, какое проходитъ черезъ весь романъ Сенкевича; только при Септиміи Северѣ (193 — 211) впервые былъ изданъ законъ, возбранявшій переходъ римскихъ гражданъ въ христіанство, т.-е. приравнивавшій христіанъ къ іудеямъ по ихъ значенію въ государствѣ. Далѣе, до Домиціана (87 — 96) исторія не знаетъ въ рядахъ христіанъ знатныхъ римлянъ. Между тѣмъ, въ списокъ христіанъ при Неронѣ авторъ заноситъ, кромѣ бывшей наложницы Нерона, Актеи, и Помпоніи Грецины, жены покорителя Британіи Авла Плавція, еще Флавія и Домитиллу, Корнелія Пудента, Виниція. Изъ этихъ именъ Флавій и Домитилла принадлежатъ времени Домиціана, а не Нерона; Корнелій Пудентъ, упоминаемый въ эпиграммахъ Марціала, какъ знатный римлянинъ, едва ли то самое лицо, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ; о христіанствѣ Актеи ничего не говорятъ ближайшіе къ этому времени историки; только принадлежность къ христіанству Помпоніи Грецины не подлежитъ въ настоящее время никакому сомнѣнію; однако, сообщая объ этомъ фактѣ, Тацитъ не упоминаетъ вовсе о христіанствѣ и называетъ исповѣданіе, въ принадлежности къ коему заподозрѣна была Помпонія, «иноземнымъ суевѣріемъ» (*Annal.* XIII, 32); самое имя «христіанинъ» тогда еще не было, по крайней мѣрѣ, усвоено самими христіанами, какъ видно и изъ словъ Тацита, что «этихъ людей, ненавистныхъ за ихъ мерзости, *чернь* называла христіанами» (quos per flagitia invisos *vulgus* christianos appellabat). Наконецъ, изданіе особаго эдикта Нерономъ противъ христіанъ болѣе чѣмъ сомнительно: «противъ гнуснаго иноземнаго суевѣрія, какимъ представлялось тогда Риму христіанство, достаточно было коренныхъ, органическихъ римскихъ законовъ, которые уже не разъ примѣнялись противъ недозволенныхъ культовъ и всяческихъ преступныхъ суевѣрій» (*Труды Кіевской Духовной академіи.* 1892 г., май, стр. 58). Что касается романа въ цѣломъ, то можно было бы пожелать отъ художника болѣе глубокаго вниманія къ фактамъ античной жизни, большей независимости его и отъ того освѣщенія фактовъ, субъективнаго или односторонняго, которое привлечено было въ ихъ истолкованіе уже древними историками и потомъ усилено преданіемъ и увлеченіями борьбы. Мы имѣемъ въ виду не философскія системы, авторы которыхъ ко времени появленія христіанства и въ это время тщетно искали отвѣтовъ на вопросы, до сихъ поръ не разрѣшенные философіей, но чувства и настроеніе простыхъ, безхитростныхъ людей. Свобода творчества, направляемая вниманіемъ къ фактамъ, дала бы возможность художнику показать въ жизненныхъ, типическихъ образахъ бо́льшую преемственность между античнымъ и новымъ человѣкомъ въ чувствахъ и понятіяхъ, которыя принято считать новопрі-

обрѣтеннымъ достояніемъ европейскихъ обществъ. Помимо сказаннаго выше о Хилонѣ, о римской толпѣ и римскихъ женщинахъ, мы въ заключеніе припомнимъ только тѣ впечатлѣнія, какія выносились тысячами и десятками тысячъ простыхъ людей изъ греческаго и отчасти римскаго театра, гдѣ любимѣйшими авторами были Еврипидъ и писатели такъ называемой новой аттической комедіи. Припомнимъ образъ Прометея, навлекающаго на себя казнь громовержца за участіе къ безпомощнымъ смертнымъ, припомнимъ трогательныя, потрясающія изображенія рабынь въ античныхъ трагедіяхъ, перешедшія и на ново-европейскія сцены, многочисленныя выраженія правъ раба на свободное, человѣческое существованіе, на признаніе въ немъ человѣческаго достоинства. «Человѣкъ я, и мнѣ присуще все человѣческое»,—такъ устами раба говорили поэты со сцены, обращаясь къ тысячной публикѣ, и народъ любилъ своихъ вдохновенныхъ учителей и отличалъ ихъ славой и почетомъ.

Но сумѣемъ умѣрить наши требованія къ художнику; не забудемъ, что и въ точной наукѣ остается далеко не разрѣшенною задача, къ которой онъ подходитъ съ любовью въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ; будемъ ему признательны за то, что силою дарованія и изученія онъ вѣрно возсоздалъ многія явленія давно минувшей смутной эпохи и рельефными, часто увлекающими чертами нарисовалъ намъ рядомъ съ одичаніемъ нравовъ возвышенныя движенія человѣческой души, способныя вдохнуть новую жизнь въ общество, повидимому, разложившееся безповоротно. Романъ прочитанъ, книга закрыта,—а читатель благодаря таланту и старанію романиста долго еще находится подъ обаяніемъ истины, за которую ратовалъ дерзновенный Павелъ: «Нѣсть эллинъ, ни іудей; нѣсть рабъ, ни свободь; нѣсть мужескій полъ, ни женскій: вси бо едино есте о Христѣ Іисусѣ».

Ѳ. Мищенко.

Трагедія идеализма.

(По случаю 350-лѣтія со дня рожденія Сервантеса).

I.

Въ исторіи человѣчества существуютъ такіе факты, такія событія, въ которыхъ особенно ярко и рельефно отражается та или иная сторона человѣческаго существа. Къ этимъ фактамъ, къ этимъ событіямъ съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ относились художники всѣхъ временъ и народовъ. Они видѣли, они ясно сознавали въ этихъ явленіяхъ благодарный сюжетъ для своего геніальнаго творчества и съ горячею любовью и охотой избирали ихъ предметомъ своихъ вдохновенныхъ думъ и пѣснопѣній.

Съ тѣхъ поръ какъ Тарквиній совершилъ въ Римѣ свое гнусное преступленіе, величайшіе поэты любили и любятъ изображать злодѣйскій подвигъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, собрались лучи, освѣщающіе всѣ затаенные уголки души тиранна. Прочтите *Лукрецію* Гарди, произведенія Арно, Понсара, цѣлый рядъ нѣмецкихъ драмъ, завершившихся геніальнымъ созданіемъ Лессинга, и вы поймете, почему человѣчество до настоящаго времени не можетъ забыть замѣчательнаго сюжета. Въ каждомъ, вновь появлявшемся твореніи отразилась эпоха, въ которую жилъ его авторъ. Онъ жилъ жизнью своихъ современниковъ, радовался ихъ радостямъ, плакалъ ихъ слезами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизмѣнно раскрывалъ тѣ вѣчныя стороны, которыя живутъ въ душѣ деспота. Этотъ внутренній міръ видоизмѣняется сообразно съ обстоятельствами и нравами, но въ основѣ всегда остается вѣрнымъ самому себѣ. И гражданинъ древняго Рима, и современникъ французской революціи, и герой нѣмецкаго Sturm und Drang'а,— вообще всякій свидѣтель попытокъ общества освободиться отъ той или другой формы гнета отзовется всѣмъ существомъ своимъ на эти творенія и прочтетъ въ нихъ собственныя мысли и чувства.

Старинная легенда разсказываетъ, что въ другомъ государствѣ Европы жилъ человѣкъ, не боявшійся ни Бога, ни людей. Этотъ человѣкъ, по имени Донъ-Жуанъ, возмущавшій своей распущенностью и божественное, и человѣческое правосудіе, погибшій въ концѣ-концовъ по волѣ неба, сдѣ-

лался также излюбленнымъ героемъ поэтовъ, посвятившихъ ему болѣе ста произведеній. Можно было съ различныхъ точекъ зрѣнія озирать эту вѣчно безпокойную натуру, являющуюся олицетвореннымъ протестомъ противъ всѣхъ общественныхъ установленій; разные авторы ставили его въ разныя условія, пользовались имъ для своихъ цѣлей, какъ Мольеръ, сдѣлавшій его центромъ высшей соціальной сатиры. Но всѣ они въ основѣ не измѣняли той коллизіи, которая геніально задумана легендой, а можетъ и самой жизнью. Тѣ же причины создали безсмертіе и чудесному магу, вызвавшему цѣлый рядъ художественныхъ произведеній, начиная съ знаменитой драмы Кальдерона и кончая *Фаустомъ* Гёте.

Мы не окончили бы, еслибы стали перечислять всѣхъ этихъ героевъ. Да въ этомъ и нѣтъ надобности: они давно хорошо извѣстны намъ, съ ними мы чувствуемъ себя какъ со старинными знакомыми, и ихъ имена давно уже служатъ для насъ символами тѣхъ или другихъ сторонъ нашего собственнаго существа.

Едва ли ошибемся мы, если причислимъ Донъ-Кихота къ числу такихъ любимцевъ человѣчества. Но странная, несправедливая судьба постигла этого героя! Въ то время, какъ другіе популярные типы въ своемъ истинномъ значеніи проникли въ сознаніе массъ, образъ, созданный Сервантесомъ, пройдя черезъ горнило ученой критики, исказился, сохранилъ только внѣшніе признаки и сдѣлался для большинства безсмысленнымъ искателемъ приключеній, комическимъ безумцемъ.

Изумительнѣе всего, что самъ авторъ положилъ начало такому одностороннему взгляду: въ предисловіи онъ называетъ единственною цѣлью своего творенія пародію на рыцарскіе романы, очень распространенные въ то время. Этого краткаго заявленія было достаточно для близорукихъ критиковъ: они не поняли того, что геніальный художникъ меньше, чѣмъ кто-либо, могъ оцѣнить свое созданіе. Какимъ плохимъ судьею собственныхъ произведеній былъ Сервантесъ, доказываетъ его отзывъ о своихъ драмахъ: низводя значеніе Донъ-Кихота до степени простой сатиры на рыцарскіе романы, онъ высоко цѣнилъ себя какъ драматурга, хотя его дѣятельность въ этомъ направленіи не заслуживаетъ такого вниманія. Его драмы *Los Tratos de Argel, Numancia,* прекрасныя по нѣкоторымъ поэтическимъ мѣстамъ, страдаютъ отсутствіемъ завязки и правильнаго развитія драматическаго дѣйствія; ихъ интриги слабы, а діалоги по временамъ прямо плохи. Критики скептически встрѣчали всякую попытку раскрыть глубину души Донъ-Кихота; успокоенные признаніемъ Сервантеса, они разъ навсегда отказались отъ болѣе сложнаго анализа. Имъ казалось кощунствомъ всякое отступленіе отъ этого указанія. «Тяжело слышать, — пишетъ одинъ изъ нихъ (Тикноръ),—что искреннее признаніе великаго человѣка черезъ два столѣтія послѣ его смерти подвергается сомнѣнію представителями черезчуръ утонченной критики».

Только съ начала XIX вѣка, когда въ критику, подъ вліяніемъ Канта, начинаетъ вторгаться философскій элементъ, въ ея глазахъ расширились

идея и значеніе Донъ-Кихота. Нѣкоторые изъ философствующихъ критиковъ, какъ Бутервекъ, увидѣли въ Донъ-Кихотѣ типъ героя и энтузіаста, проникнутаго возвышенною любовью къ человѣчеству; другіе—А. В. Шлегель, Сисмонди, Шеллингъ — считали задачей романа изображеніе вѣчнаго контраста между прозаическимъ и поэтическимъ, постояннаго конфликта идеальнаго съ реальнымъ. Гегелю романъ казался осмѣяніемъ идеи рыцарства въ самыхъ возвышенныхъ ея проявленіяхъ.

Но если представители философской критики путемъ холоднаго анализа старались опредѣлить идею романа съ точки зрѣнія своихъ теорій, то поэты со свойственнымъ имъ увлеченіемъ высказывали чувства, которыя вызывалъ въ нихъ трогательный образъ героя. Гейне въ дѣтствѣ проливалъ слезы надъ его страданіями, а впослѣдствіи увидѣлъ въ немъ величайшую сатиру на человѣческую восторженность (Begeisterung). Сердце Уордсворта наполнялось благоговѣніемъ при мысли о человѣкѣ, преслѣдовавшемъ самыя высокія и благородныя цѣли. Байронъ даже негодовалъ на автора за его героя. Великій англійскій поэтъ видѣлъ въ этомъ романѣ причину паденія рыцарства и героизма въ Испаніи. Онъ называетъ твореніе Сервантеса «печальной исторіей». Донъ-Кихотъ, по его мнѣнію, безуменъ лишь на видъ:

Духъ рыцарства сатира Сервантеса
Въ Испаніи сгубила. Ѣдкій смѣхъ
Направилъ бѣдный край на путь прогресса,
Но въ немъ—увы!—героевъ вывелъ всѣхъ.
Какъ только романтизмъ лишился вѣса,
Исчезла доблесть. *Дорого* успѣхъ
Писателя его *отчизнѣ стоилъ*:
Насмѣшкою онъ жизнь ея разстроилъ.

Чѣмъ же объяснить такое различіе взглядовъ, вызванныхъ *Донъ-Кихотомъ?* Нельзя не признать, что въ каждомъ изъ приведенныхъ мнѣній заключается доля истины. Тикноръ правъ, что первоначальная цѣль Сервантеса заключалась въ желаніи осмѣять рыцарскіе романы; но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что это составляетъ главную заслугу знаменитаго произведенія. Твореніе, котораго вся заслуга состоитъ въ разрѣшеніи одного изъ жгучихъ современныхъ вопросовъ, могло увлечь современниковъ, создать мимолетную славу своему автору, но оно не могло бы пережить три столѣтія, интересъ къ нему не возросталъ бы съ каждымъ годомъ, оно не переводилось бы на всѣ языки и не сдѣлалось бы достояніемъ всѣхъ культурныхъ народовъ. Съ того момента, какъ критика постаралась глубже заглянуть въ душу героя, истощеннаго физически, но сильнаго и мощнаго духомъ, тотъ элементъ, который доставилъ «печальной исторіи» право на безсмертіе, былъ указанъ правильно.

Какъ ни разнообразны мнѣнія критиковъ, изъ нихъ всегда можно выдѣлить одну идею, общую имъ всѣмъ: это—мысль, что въ романѣ Сервантеса сдѣлана попытка выяснить положеніе идеальнаго въ жизни. Критики правы, пока они высказываютъ это общее сужденіе, но они тотчасъ же

впадаютъ въ ошибку, какъ только начинаютъ навязывать автору свое пониманіе отношеній между идеальными стремленіями и житейскими условіями. Наприм., правъ Сисмонди, говоря, что задача *Донъ-Кихота*—изображеніе вѣчнаго контраста между поэтическимъ и прозаическимъ въ жизни. Но какъ только онъ переходитъ къ характеристикѣ этого контраста, онъ невольно приписываетъ Сервантесу свой собственный взглядъ. «Характеръ героя,—говоритъ онъ,—кажущійся возвышеннымъ, если смотрѣть на него съ возвышенной точки зрѣнія, можетъ показаться смѣшнымъ, если на него взглянуть съ точки зрѣнія здраваго смысла и житейской прозы. Такъ и взглянулъ на него Сервантесъ, показавши намъ въ своемъ произведеніи тщету величія духа и иллюзій героизма». Исторія критики Донъ-Кихота невольно напоминаетъ намъ участь другого великаго произведенія, появившагося почти одновременно съ романомъ Сервантеса.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гёте впервые правильно поставилъ вопросъ о Гамлетѣ, указавъ, что трагизмъ этой драмы заключается въ несоотвѣтствіи силъ героя съ той задачей, которую ему предстоитъ выполнить, разныя критическія школы старались по-своему объяснить причины этого несоотвѣтствія. Всякій извлекалъ изъ геніальной картины типичнаго жизненнаго момента то, что соотвѣтствовало его собственному міровоззрѣнію. Юристъ находилъ въ великой трагедіи подтвержденіе своихъ юридическихъ еорій; поклонникъ Шопенгауэра ссылался на нее въ доказательство своихъ пессимистическихъ выводовъ; наконецъ, богословы видѣли причину трагическаго положенія Гамлета въ томъ, что задача, возложенная на него, противорѣчила ихъ теологическимъ построеніямъ. Такова участь всякаго истинно-геніальнаго произведенія: какъ самые факты жизни вырабатываютъ у людей съ различнымъ душевнымъ складомъ различные взгляды на жизнь, такъ и художественное произведеніе, которому суждено безсмертіе, говоритъ что-нибудь каждому, и каждый находитъ въ немъ частицу себя самого.

Если въ Донъ-Кихотѣ предъ нами раскрылась роль идеальнаго начала въ жизни, то дѣйствительно ли роль эта является комической, какъ казалось нѣкоторымъ критикамъ?

Самая жизнь Сервантеса представляется въ значительной степени отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Одинъ изъ біографовъ Сервантеса (M. Emile Chasles) справедливо замѣчаетъ, что мало существуетъ писателей, творенія которыхъ такъ удобно объяснять событіями ихъ жизни, какъ произведенія Сервантеса. «О каждомъ писателѣ,—говоритъ другой біографъ Сервантеса (Louis Viardot),—можно смѣло сказать, что его исторія сосредоточивается въ его произведеніяхъ, что его творенія суть его дѣянія и что человѣкъ весь выражается въ авторѣ». Но Віардо не причисляетъ Сервантеса къ числу такихъ писателей. А намъ кажется, что именно къ автору Донъ-Кихота болѣе всего приложимо это сужденіе.

Къ сожалѣнію, недостатокъ свѣдѣній до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія ученыхъ, оставляетъ открытыми нѣкоторые вопросы въ біографіи величайшаго изъ испанскихъ писателей. Но и того, что̀ извѣстно, доста-

точно, чтобы понять силу и величіе его натуры, воплотившей въ себѣ самыя лучшія стремленія современной эпохи, и опредѣлить высокую мораль, вытекающую изъ этой жизни, богатой идейнымъ содержаніемъ и по-истинѣ сказочными приключеніями.

II.

9 октября 1548 г. въ небольшомъ цвѣтущемъ городкѣ Алкалѣ Энаресской увидѣлъ впервые свѣтъ маленькій Мигуэль. Славныя преданія фамиліи, считавшей за собой пятьсотъ лѣтъ рыцарства, составляли рѣзкій контрастъ съ жалкимъ положеніемъ послѣднихъ ея представителей—родителей Сервантеса. Съ одной стороны, высокія стремленія, унаслѣдованныя имъ отъ знаменитыхъ предковъ, съ другой—неприглядная и неумолимая житейская проза, въ которую бросили его обстоятельства. Этотъ контрастъ явился какъ бы у самой колыбели ребенка пророческимъ предсказаніемъ будущаго постояннаго конфликта между душевнымъ богатствомъ его и бѣдностью окружающей обстановки. Уже съ первыхъ шаговъ жизни все необыкновенное привлекаетъ вниманіе ребенка. Впослѣдствіи онъ самъ разскажетъ преданіе о чарахъ знаменитаго мавра Музарака, преданіе, вѣроятно, слышанное имъ въ дѣтствѣ. Изъ этого разсказа мы поймемъ, какъ глубоко западало въ душу мальчика все то, что возвышалось надъ будничной дѣйствительностью. Съ нею никогда не примирится Сервантесъ, возлѣ нея онъ создастъ идеальное высшее царство и никогда не перестанетъ искать его на землѣ.

Въ 1571 г. онъ покидаетъ кардинала Аквавиву, за которымъ прибылъ въ Римъ въ качествѣ дворецкаго, и отправляется въ грандіозную романтическую экспедицію противъ турокъ, поступивъ простымъ рядовымъ солдатомъ подъ начальствомъ Донъ-Жуана Австрійскаго. Въ этой экспедиціи онъ проявилъ изумительную храбрость и раненый въ одной изъ битвъ потерялъ навсегда способность владѣть лѣвою рукой. Возвращаясь послѣ походовъ въ родную семью съ восторженными рекомендаціями и письмами своихъ начальниковъ, Донъ-Жуана и Донъ-Карлоса Аррагонскаго, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ арнаутомъ Мами и, такова иронія судьбы—письма, которыя должны были создать ему прочное положеніе на родинѣ, сдѣлались причиной его бѣдствій. По этимъ письмамъ Мами вообразилъ, что въ лицѣ Сервантеса овладѣлъ знатнымъ иностранцемъ, и чтобы поскорѣй получить богатый выкупъ, онъ заперъ его и подвергъ жестокимъ мученіямъ и пыткамъ.

Кажется, нѣтъ такихъ силъ, которыя бы не надломились подъ тяжестью этихъ суровыхъ преслѣдованій судьбы. Сервантесъ же не только выдержалъ ея удары, но именно исторія его плѣненія представляетъ намъ лучшее доказательство того, на какіе невѣроятные подвиги способенъ человѣкъ съ запасомъ высокаго идеализма въ душѣ. Если бы Сервантесъ терпѣливо переносилъ свои новыя мученія, особенно чувствительныя при его

страстной любви къ свободѣ, мы и тогда подивились бы силѣ его духа. Но что сказать о человѣкѣ, который ни разу не преступилъ законовъ чести и товарищества, который ни разу не позволилъ себѣ окольнаго пути дѣйствія, въ мельчайшихъ подробностяхъ не отступалъ отъ требованій самой высокой честности, сохранилъ способность къ великому подвигу самопожертвованія и, имѣя возможность избавиться отъ невыносимыхъ страданій, отказался купить свободу цѣною нарушенія своихъ принциповъ. Онъ великодушно отрекся отъ своей доли имущества для того, чтобы выкупить брата, который также попался въ плѣнъ. Для себя онъ не хлопоталъ о выкупѣ и, полагаясь только на свой умъ и отвагу, рѣшился бѣжать.

Задумавъ этотъ планъ, грозившій мучительной смертью въ случаѣ неудачи, онъ не хотѣлъ оставить своихъ товарищей по несчастію. Сервантесъ сдѣлался душою цѣлаго заговора, но, благодаря измѣнѣ нанятаго мавра, бѣглецы принуждены были вернуться къ своимъ господамъ, и ихъ предводитель подвергся суровому наказанію. Но, несмотря на это, онъ задумалъ еще болѣе грандіозный планъ. Въ саду греческаго ренегата Гассана былъ вырытъ однимъ изъ его рабовъ погребъ, и туда поочередно скрылись четырнадцать или пятнадцать плѣнниковъ. Оставаясь въ домѣ своего господина, нашъ герой сдѣлался руководителемъ этой маленькой подземной республики. Но когда фрегатъ, предназначенный для спасенія заговорщиковъ, былъ захваченъ маврами и рабъ выдалъ скрывавшихся алжирскому дею, когда турецкіе солдаты ворвались въ подземелье и стали связывать бѣглецовъ, Сервантесъ сталъ громко кричать, что никто изъ его товарищей не виноватъ, что онъ увлекъ и скрылъ ихъ, и одинъ онъ долженъ понести наказаніе. Осыпаемый оскорбленіями, въ цѣпяхъ, глава заговора былъ приведенъ къ дею, но ни страшныя угрозы, ни самыя соблазнительныя обѣщанія не могли вырвать у него именъ сообщниковъ. Садовникъ, помогавшій бѣглецамъ, былъ повѣшенъ, но Сервантеса пощадили. Говорятъ, его благородство и величіе духа тронули даже мавровъ. Дей купилъ его у Мами. Этотъ правитель, по имени Гассанъ ага, былъ самымъ безчеловѣчнымъ и кровожаднымъ тиранномъ, какого только знаетъ исторія: изъ-за одного удовольствія совершалъ онъ неслыханныя жестокости надъ христіанами, и Сервантесъ впослѣдствіи въ своемъ *Плѣнномъ капитанѣ* назоветъ его бичомъ рода человѣческаго. Но и мысль о возможности самаго ужаснаго наказанія не остановила плѣнника отъ новыхъ попытокъ къ бѣгству. Просто не вѣрится, когда читаешь, какъ свирѣпый дей, вѣшавшій ежедневно кого-нибудь изъ христіанъ и сажавшій своихъ рабовъ на колъ по самому ничтожному поводу, прощалъ Сервантесу его попытки. Такова сила истиннаго величія. Одинъ изъ біографовъ Сервантеса (Наваретте) приписываетъ ему даже замыселъ поднять возстаніе всѣхъ христіанъ въ Алжирѣ.

Для характеристики автора «Донъ - Кихота» весьма важное значеніе имѣетъ слѣдующій эпизодъ. Одинъ алжирскій купецъ Онуфрій Экзаркъ

скрылъ Сервантеса, который вмѣстѣ со своими товарищами составилъ новый планъ бѣгства. Заговоръ былъ снова раскрытъ. Купецъ опасался, что пытки заставятъ плѣнника обнаружить всѣ подробности этого заговора. Боясь навлечь на себя гнѣвъ дея, Экзаркъ рѣшилъ на свой счетъ выкупить Сервантеса и отправить его въ Испанію. Но благородный испанецъ отказался отъ свободы, предназначавшейся для него одного, и поклялся купцу, что ни пытки, ни смерть не исторгнутъ у него чьего бы то ни было имени. Онъ освободилъ своего друга отъ отвѣтственности и самъ явился къ Гассану. Несчастному завязали назадъ руки и обернули шею веревкой, какъ бы готовясь вздернуть на висѣлицу. Но герой и тутъ остался твердъ: онъ не назвалъ ни одного имени. Тронутый его благородствомъ, дей пощадилъ виновнаго и ограничился тѣмъ, что пять мѣсяцевъ продержалъ бѣглеца въ ужасной мавританской тюрьмѣ. Этимъ подвигомъ, по словамъ одного очевидца, Сервантесъ заслужилъ славу, честь и вѣнецъ между всѣми христіанами.

Послѣ долгихъ страданій Сервантесъ былъ, наконецъ, выкупленъ изъ плѣна. Онъ вернулся на родину, но отца его уже не было въ живыхъ, семейство окончательно обѣднѣло. Онъ тщетно старался выбиться изъ печальнаго положенія и до конца жизни подвергался жестокимъ несправедливостямъ судьбы. Литературная дѣятельность его не была оцѣнена современниками, на сценѣ полновластно царилъ Лопе-де-Вега, возвеличенный и прославляемый соотечественниками, а Сервантесъ, въ глубинѣ души сознававшій свой великій литературный талантъ, принужденъ былъ влачить жалкое существованіе и былъ обреченъ почти на полную неизвѣстность. Наконецъ, несчастія его достигли высшаго предѣла: назначенный приказчикомъ по части казенныхъ припасовъ, онъ былъ обвиненъ въ растратѣ денегъ. Обстоятельства заставляютъ предполагать, что бѣдность и полная непрактичность въ денежныхъ дѣлахъ привели несчастнаго къ тюремному заключенію.

Легко понять, каково должно было быть настроеніе Сервантеса, когда онъ находился въ тюрьмѣ. Прежде всего это была глубокая скорбь о прошедшемъ. Одна за другою разбились иллюзіи юности и нерадостный выводъ вытекалъ изъ прошлаго. Ни одна изъ великихъ надеждъ не осуществилась. Человѣкъ, мечтавшій покорить Алжиръ и быть совѣтникомъ Филиппа II, заканчивалъ свою жизнь въ темницѣ. А надъ ней попрежнему спускались чудныя южныя ночи и до ушей узника доносились звуки отдаленныхъ серенадъ, подъ которыя засыпала Испанія. Жизнь и литература не прекращали своего теченія: страшнымъ усиліямъ Сервантеса едва удалось кое-гдѣ всколебать поверхность этого теченія, чуждаго высокихъ идеальныхъ стремленій. «Вся моя жизнь была безразсудствомъ,—писалъ онъ впослѣдствіи.—Я ношу на своихъ плечахъ камень съ надписью, которая гласитъ о крушеніи всѣхъ моихъ надеждъ».

Но утратилъ ли Сервантесъ вѣру въ идеализмъ? Раскаялся ли хотя бы въ одномъ изъ своихъ поступковъ? Пожалѣлъ ли о томъ, что всю жизнь

предпочиталъ несчастія нарушенію своихъ принциповъ? Нѣтъ, онъ не пожалѣлъ ни объ одномъ изъ своихъ высокихъ порывовъ; тяжелыя испытанія не вызвали въ немъ негодованія противъ судьбы и людей; онъ не утратилъ вѣры въ идеализмъ, хотя, кромѣ несчастій, онъ не принесъ ему ничего. Сервантесъ съ гордостью заявлялъ въ старости, что снова выбралъ бы удѣломъ своимъ страданія, еслибъ пришлось начинать жить съ начала.

III.

Вотъ каково было настроеніе Сервантеса въ тюрьмѣ и въ этой же тюрьмѣ было задумано одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній ума человѣческаго. Если желаніе пародировать рыцарскіе романы и было первоначальною побудительною причиной къ его созданію, то по мѣрѣ того, какъ разрасталась грандіозная эпопея, въ ея безконечныя рамки укладывались всѣ впечатлѣнія, вынесенныя изъ долгаго жизненнаго пути. Творецъ *Донъ-Кихота* писалъ и раньше, но ни мѣткія картинки жизни, вродѣ *Rinconete y Cortadillo* и другихъ *Novelas Exemplares*, ни драмы, навѣянныя патріотизмомъ или воспоминаніями, ни комедіи—невольныя подражанія Лопе де Вега—не могутъ стать рядомъ съ знаменитымъ романомъ.

Это была роскошная, блещущая яркими цвѣтами, картина всей современной дѣйствительности, на которой не было уголка, не отражавшаго той или другой стороны жизни. Центральное мѣсто въ этой картинѣ занялъ Донъ-Кихотъ и его оруженосецъ. Весь романъ это — исторія идеальнаго существованія и повѣсть его столкновеній съ самыми разнообразными жизненными явленіями. Въ первомъ томѣ предъ нами будничная дѣйствительность: незамысловатые житейскіе интересы переплетаются тутъ съ грубостью и жестокостью нравовъ. Общество, выведенное здѣсь, совсѣмъ другое, чѣмъ герои второй части съ ихъ утонченными вкусами и привычками. Хозяинъ постоялаго двора не прочь посмѣяться надъ рыцаремъ, но онъ полонъ добродушія, почти сочувственно относится къ своему гостю, выручаетъ его въ опасную минуту и избавляется отъ него лишь тогда, когда возвышенные порывы рыцаря начинаютъ грозить его собственному спокойствію. Опасеніе простыхъ людей за свое благополучіе и здравый смыслъ ихъ служатъ главною причиной несчастій Донъ-Кихота, пока онъ вращается въ этой средѣ. За нарушеніе своихъ интересовъ погонщики муловъ осыпали рыцаря каменьями. Здравый смыслъ внушилъ купцу желаніе убѣдиться въ красотѣ Дульцинеи хотя бы по ея портрету.

Попавъ въ тюрьму, Сервантесъ какъ будто навсегда потерялъ способность смотрѣть на жизнь сквозь дымку своихъ идеаловъ, слетѣлъ на землю и, остановивъ неудержимый полетъ своихъ высокихъ стремленій, рѣшилъ поближе взглянуть на житейскую прозу и ея неумолимые законы.

Но *Донъ-Кихотъ* создавался долго. Шли годы, и изображеніе постоялыхъ дворовъ и вѣтряныхъ мельницъ смѣняется сказочными картинами величавыхъ горъ Сіерра-Морены, трогательными приключеніями, повѣстью

плѣнника, въ которой авторъ разсказалъ о своихъ собственныхъ страданіяхъ, новеллами и пѣснями на старую и вѣчно новую тему любви. Авторъ не долго могъ оставаться пѣвцомъ непріглядной дѣйствительности и безпощадной критики человѣческой восторженности.

Во второмъ томѣ общество не явится уже могучею, неодолимою силой съ прочно установившимися обычаями и законами, съ потребностями, которыя выработаны самою жизнью и имѣютъ полное право на существованіе,—оно предстанетъ намъ въ видѣ пресыщенныхъ наслажденіями аристократовъ. Эти представители великосвѣтской среды изыскиваютъ самые причудливые способы для того, чтобы дать работу своимъ расшатаннымъ нервамъ, утратившимъ чуткость къ нормальнымъ явленіямъ. Рѣзкимъ именемъ заклеймилъ Гейне эту среду, въ которую попадаетъ Донъ-Кихотъ во второмъ томѣ. Это люди, которые высоко цѣнятъ титулы и любятъ раболѣпіе. Наслажденіе для нихъ выше всего въ мірѣ и ради наслажденія они готовы преклоняться предъ убійцей. «Я видѣлъ,—говоритъ Санчо,— какъ одного комедіанта арестовали (за убійство) и выпустили изъ тюрьмы безъ наказанія. Знайте, господинъ, что комедіанты — люди удовольствія и веселья; всѣ имъ покровительствуютъ, помогаютъ и уважаютъ, особенно когда они принадлежатъ къ королевскимъ и титулованнымъ труппамъ, потому что тогда ихъ по одеждѣ и осанкѣ можно принять за принцевъ».

Прочтите рѣчь Донъ-Діего (II, гл. 16), и вы поймете, каковъ былъ характеръ современнаго образованія. «Короли великолѣпно награждаютъ добродѣтельныхъ литераторовъ въ наше время», говоритъ авторъ устами Діего, и мы угадываемъ жестокую иронію въ его словахъ. Сынъ Діего занимался только поэзіей, пренебрегая правомъ и богословіемъ; поэзія и притомъ только одна ея внѣшняя сторона служили лишь услажденіемъ его празднаго ума. Онъ проводилъ цѣлые дни, сочиняя стихотворенія на тему, присланную ему изъ Саламанки. Далѣе (гл. 22) предъ нами *знаменитый ученый*, авторъ *Книги нарядовъ*. Въ ней описаны 703 наряда съ ихъ цвѣтами, шифрами и девизами: рыцари двора могутъ выбирать изъ нихъ любые на время празднествъ и развлеченій. Этотъ же знаменитый ученый составилъ *Добавленіе къ Виргилію Полидоръ*,—книгу, свидѣтельствующую о большомъ трудѣ и эрудиціи. Она пополняетъ пробѣлъ въ сочиненіи итальянскаго ученаго. Послѣдній, наприм., забылъ сообщить, у кого былъ первый въ мірѣ катарръ, и авторъ *Добавленій* исправляетъ промахъ, основываясь на свидѣтельствѣ слишкомъ двадцати пяти ученыхъ. Астрологія процвѣтала, служа отчасти забавой, отчасти доставляя возможность эксплоатировать людское невѣжество.

Заглянемъ теперь въ домашнюю жизнь великосвѣтскаго общества. Вотъ слова, которыми характеризуетъ Сервантесъ важное духовное лицо, сопровождавшее повсюду благородныхъ баръ и управлявшее ихъ домами: «Это былъ одинъ изъ тѣхъ, которые, не будучи сами высокорожденными, не сумѣли научить высокорожденныхъ, какъ имъ должно вести себя, изъ тѣхъ, которые хотѣли бы, чтобы величіе великихъ измѣрять ничтожествомъ ихъ

умовъ, изъ тѣхъ, наконецъ, которые заставляютъ казаться скупыми и жалкими управляемыхъ ими людей» *). Въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ этого монаха нѣтъ и слѣда поведенія, приличнаго духовной особѣ. Но никогда все нравственное и умственное убожество этой знати не являлось предъ нами въ такой наготѣ, какъ въ поразительныхъ по своему уродству забавахъ, которыя не уставало изобрѣтать ихъ извращенное воображеніе. Они убѣдили Донъ-Кихота, что Дульцинея тогда только освободится отъ чаръ злого волшебника, когда Санчо добровольно нанесетъ себѣ три тысячи ударовъ. Съ тѣхъ поръ несчастный рыцарь не переставалъ умолять оруженосца объ исполненіи этого условія, а бѣднякъ Санчо не могъ понять, какая связь между его спиной и красотой Дульцинеи.

Что побудило герцога и герцогиню играть самыми святыми чувствами своего гостя, хотя и безумнаго на ихъ взглядъ? Трудно спрашивать отвѣта у людей, которые личное самодурство ставятъ выше всего, а свои удовольствія покупаютъ цѣною чужихъ страданій. Герцогъ и герцогиня заставили одну изъ дуэній притвориться влюбленной въ Донъ-Кихота, и когда герой употреблялъ всѣ усилія, чтобъ избавить Альтисидору отъ мнимыхъ мученій, «знатная сволочь», по выраженію Гейне, съ дьявольскимъ хохотомъ слѣдила за всѣми перипетіями этого восхитительнаго зрѣлища, разнообразя его картинами побоевъ и ранъ, въ изобиліи выпадавшихъ на долю рыцаря среди его благородныхъ стараній.

Далѣе предъ нами рядъ новыхъ картинъ: дуэнья, «существо не болѣе полезное, чѣмъ восковая фигура», проникаетъ ночью въ спальню Донъ-Кихота, и гость принужденъ выслушать самыя ядовитыя сплетни про хозяйку дома. Другая дуэнья, проснувшись отъ произведеннаго шума, спѣшитъ донести герцогинѣ о пикантномъ приключеніи. Герцогиня будитъ герцога и испрашиваетъ позволенія подойти къ двери гостя: ей хочется усладить себя соблазнительною картиной, которая рисуется ея воображенію. Увы! вмѣсто ожидаемыхъ рѣчей она слышитъ, что безсовѣстная дуэнья разоблачаетъ предъ Донъ-Кихотомъ тайну искусственныхъ средствъ, которыми ея госпожа поддерживала свою сомнительную красоту. Обѣ женщины съ яростью врываются въ спальню рыцаря и избиваютъ въ темнотѣ его и дуэнью. Трудно рѣшить, кто болѣе способенъ возмутить нравственное чувство: дуэнья ли, проникшая ночью къ незнакомому человѣку и раскрывающая предъ нимъ тайны своей госпожи, подруга ли ея, добровольная поставщица ночныхъ развлеченій для герцогини, или сама герцогиня, наблюдающая за тѣмъ, что̀ происходитъ по ночамъ въ спальнѣ ея гостя!

Таковы были двѣ главныя группы, въ среду которыхъ судьба бросила нашего героя: простые незатѣйливые представители низшихъ классовъ съ ихъ несложными, но законными интересами, и праздная, надменная аристократія съ ея низкими инстинктами и самодурствомъ, съ ея сомнительными развлеченіями и распущенными нравами. Таково было общество. Посмотримъ, каковъ былъ герой.

*) Ссылки и цитаты сдѣланы по переводу С. М.

IV.

«Я изъ тѣхъ, о которыхъ люди говорятъ, что они отправляются въ поиски за приключеніями. Я покинулъ свою родину, я заложилъ имѣніе, я отказался отъ домашняго покоя и много дней тому назадъ кинулся въ объятія судьбы, чтобъ она повела меня куда угодно. Я хотѣлъ воскресить блаженной памяти странствующее рыцарство и, здѣсь спотыкаясь, тамъ падая, а далѣе подымаясь, я уже выполнилъ бо̀льшую часть своего намѣренія, помогая вдовамъ, охраняя дѣвицъ, покровительствуя малолѣтнимъ и сиротамъ, исполняя обязанности, свойственныя странствующимъ рыцарямъ».

Вотъ краткая автобіографія самого Донъ-Кихота.

Часто въ разныхъ частяхъ романа повторяетъ онъ, что призванъ воскресить золотой вѣкъ. Едва ли кому-нибудь покажутся смѣшными высокія задачи, которыя поставилъ себѣ Донъ-Кихотъ. Кто не мечталъ въ томъ или иномъ возрастѣ о высокомъ призваніи, необыкновенныхъ подвигахъ! Но не всякому выпало на долю счастье осуществленія широкихъ задачъ. Часто о суровыя условія дѣйствительности разбивались возвышенныя стремленія и ихъ носители при первомъ разочарованіи спускались на землю, смѣшивались съ толпой, покинувъ мечты о несбыточномъ. Донъ-Кихотъ никогда не измѣнялъ своимъ идеаламъ и не зналъ компромиссовъ. Онъ не считалъ нужнымъ приспособляться къ жизни: онъ хотѣлъ самую жизнь возвысить до себя и игнорировалъ факты, которые не укладывались въ рамки созданной имъ иллюзіи. Если явленія дѣйствительности слишкомъ сильно давали себя чувствовать и ему невозможно было обойти ихъ, онъ скорѣе готовъ былъ повѣрить, что эти явленія суть происки чародѣевъ и волшебниковъ, чѣмъ признать ихъ реальными фактами. Онъ считалъ дѣйствительностью то, что было создано его воображеніемъ, и неудивительно, что настоящая дѣйствительность казалась ему фантасмагоріей.

Донъ-Кихотъ на первомъ планѣ ставилъ храбрость и чистоту побужденія къ подвигу. Послѣдствія играли для него второстепенную роль. Припомните замѣчательное приключеніе, когда нашъ рыцарь, услыхавъ сильные, глухіе и мѣрные удары, сопровождаемые бряцаніемъ желѣза и цѣпей (I, 20), съ восторгомъ восклицаетъ: «Санчо, другъ мой, знай—волей неба я родился въ нашъ желѣзный вѣкъ для того, чтобы воскресить въ немъ золотой! Для меня сохранены непреодолимыя опасности, громкія дѣла, мужественные подвиги». Припомните, что отвѣтилъ Донъ-Кихотъ на насмѣшки оруженосца, когда причиной тревоги оказались просто шесть мельничныхъ молотовъ, которые, попеременно ударяя, и производили весь этотъ шумъ. «Развѣ я, будучи рыцаремъ,—говоритъ онъ,—обязанъ умѣть различать звуки и распознавать, происходитъ ли шумъ, который я слышу, отъ валяльныхъ молотовъ или отъ чего другого? Попробуйте-ка̀ превратить эти шесть молотовъ въ шестерыхъ великановъ, затѣмъ пустите ихъ

на меня по-одиночкѣ или всѣхъ вмѣстѣ, и если у меня не хватитъ смѣлости вступить съ ними въ бой, тогда насмѣхайтесь надо мною, сколько вамъ будетъ угодно».

Достаточно вдуматься въ это отношеніе героя къ своимъ поступкамъ, чтобы понять, каково будетъ первое дѣйствіе трагедіи; первое, съ чѣмъ онъ столкнется, это—непониманіе со стороны окружающихъ: жизнь слишкомъ сложна; всѣ спѣшатъ, всякій думаетъ о своихъ интересахъ; ни у кого нѣтъ досуга и охоты обдумывать побужденія слишкомъ глубокихъ натуръ. Припомните, предъ кѣмъ расточалъ Донъ-Кихотъ свои возвышенныя рѣчи о происхожденіи рыцарскаго ордена (I, 11). Припомните недоумѣвающее лицо хозяина постоялаго двора въ тотъ моментъ, когда нашъ герой увѣряетъ его, что рыцари никогда не платятъ денегъ. Пропомните массу другихъ аналогичныхъ фактовъ.

Но непониманіе иногда ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Люди охотно прощаютъ человѣку его непонятныя имъ странности и даже готовы забавляться этими странностями, если онѣ не вредятъ ихъ интересамъ. Но когда люди видятъ въ нихъ опасность для себя, тогда нѣтъ предѣловъ человѣческой враждѣ и злобѣ. Мы понимаемъ, почему Гейне въ дѣтствѣ не смѣялся, а проливалъ горькія слезы, читая печальную повѣсть о томъ, какъ бѣдный рыцарь былъ жестоко избитъ погонщиками муловъ, какъ «безчеловѣчные януэзцы» явились въ рукахъ судьбы ужасною карой человѣческой восторженности. Но чѣмъ болѣе жалокъ внѣшній видъ тѣла, поверженнаго въ прахъ, чѣмъ болѣе жестоки физическія страданія, терзающія его, тѣмъ скорѣе преклонились бы мы предъ мощью духа, предъ непреклонною волей и вѣрностью высокимъ стремленіямъ, которыя продолжаютъ жить въ этомъ измożденномъ тѣлѣ,—преклонились бы, если бы видѣли сколько-нибудь благотворное вліяніе этихъ замѣчательныхъ свойствъ въ жизни. Но сочувствіе читателя не можетъ перейти границъ простой жалости: стòитъ припомнить безумное освобожденіе каторжниковъ, избіеніе стадъ, нападеніе на монаховъ и проч., чтобы понять, что Донъ-Кихотъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ въ жизни, въ которой некогда предаваться мечтамъ и иллюзіямъ. Мало того, мы присутствуемъ при одномъ изъ самыхъ печальныхъ зрѣлищъ, мы видимъ, какъ порою люди, цѣликомъ погруженные въ житейскіе интересы и неспособные подняться до высшихъ требованій духа, эксплуатируютъ идеализмъ для своихъ корыстныхъ цѣлей, и высокія побужденія служатъ злу. Какъ часто обманываетъ Санчо своего господина, пользуясь его безуміемъ. Какъ жестоко обманулъ Донъ-Кихота хозяинъ, послѣ его отъѣзда избившій до полусмерти мальчика,—того самаго мальчика, ради котораго нашъ защитникъ угнетенныхъ говорилъ свои прекрасныя рѣчи. Напрасно несчастный мальчикъ умоляетъ рыцаря не покидать его, увѣряя, что хозяинъ сдеретъ съ него живого шкуру: Донъ-Кихотъ продолжаетъ носиться со своими иллюзіями, онъ не въ состояніи представить, чтобъ обѣщаніе, произнесенное по извѣстной формѣ, могло быть нарушено. «Онъ не сдѣлаетъ вамъ ни-

чего,—ободряетъ рыцарь мальчика:—достаточно моего приказанія, чтобъ онъ чувствовалъ ко мнѣ уваженіе, и если онъ поклянется законами рыцарства, то я отпущу его на свободу и поручусь за уплату».

Этотъ случай невольно вызываетъ въ нашей памяти образъ другого великаго идеалиста, созданный Шекспиромъ почти одновременно съ появленіемъ «Донъ-Кихота». Мы говоримъ о Брутѣ, который до конца жизни велъ борьбу на почвѣ идеализма и не отказывался сойти съ этого пути даже тогда, когда простое благоразуміе требовало уклоненія.

Трудно провести границу между восторженною вѣрой въ добро и безуміемъ. Если не всякій идеалистъ безуменъ, то онъ всегда неблагоразуменъ съ житейской точки зрѣнія. Донъ-Кихотъ перешелъ всякія границы этого благоразумія, и суровая дѣйствительность имѣла полное право не щадить его. Не даромъ она превратила его возвышенныя побужденія въ жалкое посмѣшище людей. Самъ авторъ тамъ и здѣсь награждаетъ его эпитетами «сумасшедшаго», «безумнаго» и проч.

Мы ясно представляемъ, почему названіе *Рыцаря печальнаго образа* невольно вырвалось изъ устъ Санчо, когда онъ взглянулъ на своего господина послѣ одного изъ безчисленныхъ несчастныхъ приключеній. «Я на минуту посмотрѣлъ на васъ,—говоритъ оруженосецъ,—при свѣтѣ факела, который былъ у этого калѣки, и, по правдѣ сказать, у васъ въ это время былъ такой жалкій образъ, какого я давно не видывалъ». Донъ-Кихотъ охотно принимаетъ названіе, вырвавшееся у Санчо: это названіе лучше всего опредѣляетъ роль его въ первомъ томѣ романа. Что ему до того, что простодушный оруженосецъ заключилъ въ эти слова глубокую иронію, онъ гордится тѣмъ, что онъ *рыцарь,* и его самодовольство не уменьшится отъ того, что жизнь дѣлаетъ *образъ* носителей этого почетнаго званія *печальнымъ*. Если такъ нужно, онъ готовъ быть *Рыцаремъ печальнаго образа* для того, чтобъ остаться рыцаремъ вообще.

Еслибъ Донъ-Кихотъ до конца оставался этою жалкою фигурой, выводъ критиковъ, видящихъ въ немъ комическаго искателя приключеній, оказался бы справедливымъ.

V.

Десять лѣтъ пройдетъ послѣ появленія первой части романа, прежде чѣмъ авторъ разскажетъ міру его окончаніе. Высшее общество смѣнитъ простую среду, въ которой впервые явился рыцарь. Тогда и роль нашего героя измѣнится: не жалкимъ безумцемъ будетъ блуждать онъ среди трудового класса, непонятый и осмѣянный простымъ людомъ,—онъ явится честнымъ и мудрымъ проповѣдникомъ и обличителемъ; въ его фантастическихъ бредняхъ все чаще и чаще будетъ звучать проповѣдь правды, добра и свѣта, и въ этихъ звукахъ мы узнаемъ голосъ самого автора. Эпитеты «безумца» и «сумасшедшаго» все рѣже и рѣже будутъ прилагаться къ Донъ-Кихоту. Въ первомъ томѣ проблески ума лишь мѣстами являются

свѣтлыми точками на мрачномъ фонѣ его безумія. Во второмъ—проявленія этого безумія кажутся рѣдкими исключеніями среди цѣлаго ряда умныхъ рѣчей и высокихъ мыслей. Обидный смѣхъ и, въ лучшемъ случаѣ, сожалѣніе, которое возбуждаетъ въ читателѣ нашъ герой въ первомъ томѣ, смѣняются постепенно нашимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Параллельно этому измѣняется взглядъ читателя на среду, въ которой дѣйствуетъ рыцарь: въ первомъ томѣ это—сознаніе непреложности тѣхъ условій, которыя вырабатываетъ жизнь, почти уваженіе къ простымъ людямъ; во второмъ: это—глубокое презрѣніе къ великосвѣтскому обществу, сознаніе полной безполезности его установленій.

Благородный гидальго и его сынъ, прошедшій всѣ ступени, установленныя патентованными учеными, самодовольный подобно всякому педанту, не могли не подивиться уму Донъ-Кихота, его замѣчательнымъ сужденіямъ о наукѣ, литературѣ и жизни. Не съ насмѣшками и побоями, а съ глубокимъ уваженіемъ проводили они его. Безумные поступки героя приводили ихъ въ недоумѣніе, но эти рѣдкія проявленія прежней болѣзни рыцаря не могли уничтожить обаянія его личности. Студенты, везущіе Донъ-Кихота на свадьбу богача Камачо, изумляются его мудрымъ рѣчамъ. На самой свадьбѣ нашъ герой сыгралъ почетную роль, ставъ на сторону бѣдняка Базиліо и соединивъ два любящихъ сердца. Все это показываетъ, что отношеніе автора къ герою перемѣнилось. *Рыцарь печальнаго образа* перемѣняетъ свое названіе и становится *Рыцаремъ Львовъ*. Сколько разъ онъ является предъ нами цѣлою головой выше окружающихъ! Сколько разъ его устами авторъ раскрываетъ всю глубину грязи, въ которую погружено общество! Припомните, какъ отвѣчаетъ Донъ-Кихотъ на приведенное выше предостереженіе Санчо относительно комедіантовъ. «Все равно! Этотъ дьяволъ скоморохъ не уйдетъ такъ, издѣваясь надо мной, хотя бы весь свѣтъ покровительствовалъ ему!» Достаточно прослушать его краткую, но безпощадную критику астрологіи, чтобы простить легковѣріе, съ которымъ онъ относится къ ворожеѣ-обезьянѣ. Кто при чтеніи сцены между Донъ-Кихотомъ и монахомъ не преклонится предъ тактичностью, умомъ и краснорѣчіемъ благороднаго мечтателя и не почувствуетъ презрѣнія къ жадному духовнику, который имѣлъ притязаніе не на одну только совѣсть своихъ господъ.

Часто въ спорахъ толпа рукоплещетъ тому, кто ближе къ ея пониманію, и осмѣиваетъ болѣе высокаго противника. Но этотъ не снизойдетъ до нея, не унизится до тѣхъ средствъ, которыя доставили бы ему легкую побѣду; въ сознаніи своего превосходства онъ останется спокоенъ, уступивъ внѣшнюю побѣду противнику и оставивъ за собою фактическую. И если среди толпы найдется хоть одинъ возвышающійся надъ ней слушатель, онъ оцѣнитъ истинное величіе и пойметъ, кому принадлежитъ истинное торжество. И такой зритель уже присутствуетъ при этомъ замѣчательномъ состязаніи. Это—читатель.

Картина измѣнилась: во взаимномъ непониманіи между идеализмомъ и

дѣйствительностью представители второй играютъ низкую и жалкую роль передъ носителемъ перваго. Мы видимъ минуты высокаго духовнаго и не всегда безумнаго наслажденія, которыя выпадаютъ на долю *Рыцаря Львовъ*. Мы видимъ, что онъ чаще страдаетъ, но за то минуты высшаго блаженства доступны ему и непонятны окружающимъ его людямъ. Вдумайтесь въ смыслъ этого своеобразнаго счастья, и вы поймете, почему самъ Сервантесъ такъ любилъ свои страданія, почему онъ не соглашался промѣнять ихъ ни на какую другую участь. Вспомните восторгъ рыцаря, когда его зовутъ на помощь угнетеннымъ: онъ приглашаетъ монаха посмотрѣть теперь, дѣйствительно ли странствующее рыцарство не нужно въ жизни. Пусть просители—переодѣтые слуги «знатной сволочи», избравшей самыя святыя чувства предметомъ забавы, нравственное удовлетвореніе рыцаря не теряетъ своей интенсивности. Да и не всегда шутя обращались къ нему: многіе начинали вѣрить въ спасительную роль рыцаря; донья Родригесъ серьезно проситъ у него правосудія противъ соблазнителя своей дочери и его покровителя—герцога.

Можно видѣть счастье въ скорѣйшемъ достиженіи самыхъ верхнихъ ступеней той лѣстницы, которую выбрала мѣриломъ счастья окружающая среда. Люди, избравшіе этотъ критерій, никогда не поймутъ Донъ-Кихота. Они всегда будутъ сожалѣть о немъ, они всегда назовутъ его несчастнымъ. Но кто способенъ оцѣнить значеніе внутренней свободы, понять блаженство нравственнаго удовлетворенія, для тѣхъ приводимыя ниже слова объяснятъ, въ чемъ состояла награда, искупавшая всѣ физическія страданія героя. Покидая дивный герцогскій за̀мокъ, его роскошные сады съ ихъ пышною зеленью и великолѣпными фонтанами, разставаясь съ этой блестящей аристократіей въ богатыхъ шелковыхъ одѣяніяхъ и сверкающихъ брилліантахъ, Донъ-Кихотъ обратился къ своему оруженосцу съ слѣдующею рѣчью: «Свобода, Санчо, есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ неба людямъ. Ничто съ ней не сравнится: ни сокровища, заключающіяся въ нѣдрахъ земли, ни сокровища, которыя скрываетъ море въ своихъ глубинахъ. За свободу, какъ и счастіе, можно и должно рисковать своей жизнью; рабство, напротивъ, есть величайшее несчастіе, которое только можетъ постигнуть человѣка. Я тебѣ говорю это, Санчо, потому, что ты хорошо видѣлъ изобиліе и наслажденіе, которыми мы пользовались въ за̀мкѣ, сейчасъ нами покинутомъ. Такъ вотъ, среди этихъ изысканныхъ блюдъ и замороженныхъ напитковъ, мнѣ казалось, что я страдаю отъ голода, потому что я не могъ пользоваться ими съ той свободой, какъ еслибъ они мнѣ принадлежали, ибо обязанность благодарности за благодѣянія и милости, которыя получаешь, какъ бы сковываетъ умъ, не давая ему свободнаго полета. Счастливъ тотъ, кому небо даетъ кусокъ хлѣба, за который онъ долженъ благодарить только небо и никого другого!».

VI.

Мы до сихъ поръ почти не упоминали объ оруженосцѣ нашего героя. Между тѣмъ перерожденіе, которому подвергся этотъ замѣчательный человѣкъ, прославившійся не менѣе самого Донъ-Кихота, въ высшей степени любопытно. Исторія этого перерожденія показываетъ намъ, что идеализмъ не всегда безслѣдно проходитъ въ жизни. Въ самыхъ практическихъ умахъ онъ оставляетъ глубокій слѣдъ и самыя прозаическія души наполняетъ чувствами, недоступными имъ раньше. Мотивы, побудившіе Санчо послѣдовать за своимъ господиномъ, не выходили изъ области самаго грубаго корыстолюбія. Глубокій контрастъ между возвышенными побужденіями рыцаря и вожделѣніями оруженосца рѣзко оттѣняютъ фигуру послѣдняго. Легковѣріе, съ которымъ онъ поддался миѳическимъ обѣщаніямъ Донъ-Кихота, свидѣтельствуетъ о его невысокомъ умѣ и развитіи. Упорство, съ которымъ онъ отстаивалъ свое право болтать безъ умолку, показываетъ, какъ мало нужно было этому человѣку, чтобъ удовлетворить духовныя потребности, присущія каждой не совсѣмъ озвѣрѣвшей натурѣ.

Въ началѣ романа онъ не чувствуетъ никакой любви къ своему господину. Онъ радуется его подвигамъ, когда въ результатѣ ему удается поживиться чѣмъ-нибудь; онъ проклинаетъ ихъ, со свойственной ему болтливостью доказывая нелѣпость приключеній, когда они не приносятъ ничего, кромѣ побоевъ. Мечты о губернаторствѣ и богатствахъ не покидаютъ его во все время странствованій. Его практическія разсужденія служатъ утесомъ, о который, подобно волнамъ, разбиваются фантастическія мечты рыцаря. Санчо играетъ роль резонера ложно-классической драмы: онъ обсуждаетъ каждый поступокъ героя, и несоотвѣтствіе между мечтой и жизнью нигдѣ не раскрывается такъ ярко читателю, какъ въ болтовнѣ Санчо, въ которой авторъ сумѣлъ геніально переплести простоту неразвитаго ума съ блестками глубокаго народнаго остроумія.

Дыханіе идеализма, коснувшись Санчо, произвело вначалѣ отрицательное вліяніе на его нравственный міръ. Онъ сталъ жалѣть о своемъ крестьянскомъ происхожденіи; дворянство и губернаторство привлекало его только своими выгодами и внѣшнимъ блескомъ; онъ не понялъ того великаго смысла, который соединялся съ этими высокими званіями въ умѣ его господина.

«Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься»,—было одною изъ любимѣйшихъ поговорокъ Санчо среди безчисленнаго множества пословицъ, употребляемыхъ имъ кстати и не кстати. Едва ли кто-нибудь доказалъ очевиднѣе справедливость этой истины, чѣмъ знаменитый оруженосецъ. Время шло, и отношеніе Санчо къ Донъ-Кихоту постепенно измѣнялось. Онъ вскорѣ полюбилъ своего господина, хотя и не переставалъ считать его безумцемъ. То здѣсь, то тамъ начинаетъ онъ хвалить его за «голубиное сердце», за «необыкновенную доброту». За эту доброту онъ начинаетъ «любить его пуще зеницы ока и не можетъ бросить его, сколько бы онъ

ни сумасбродствовалъ». Пройдетъ еще нѣсколько времени, и привязанность Санчо къ рыцарю еще болѣе окрѣпнетъ. Когда герцогиня станетъ грозить ему лишеніемъ губернаторства, потому что онъ служитъ безумцу, мы не узнаемъ корыстолюбиваго и жаднаго крестьянина. Онъ откажется отъ заманчивыхъ обѣщаній и предпочтетъ остаться вѣрнымъ своему господину, съ которымъ только «заступъ и лопата» могутъ его разлучить. Вспомнимъ трогательную сцену, когда Санчо подъ вліяніемъ своихъ корыстолюбивыхъ желаній потребовалъ платы у Донъ-Кихота. Вспомнимъ, какъ горячая рѣчь идеалиста разбудила лучшія чувства, спавшія въ этой грубой натурѣ, и пристыженный Санчо умолялъ господина забыть его требованіе и высказалъ страстное желаніе попрежнему дѣлить съ нимъ горе и радость пополамъ.

Но что всего поразительнѣе въ исторіи необыкновенной нравственной и умственной эволюціи Санчо, такъ это несомнѣнно его губернаторство. Мечты Санчо о губернаторскомъ санѣ все время вызываютъ улыбку на лицѣ читателя. Одна мысль о возможности такого факта невольно рождаетъ въ его воображеніи цѣлый рядъ комическихъ сценъ. Изумленіе читателя переходитъ всякія границы, когда невѣроятное становится реальнымъ фактомъ, и Санчо, сдѣлавшись губернаторомъ, не только не смѣшитъ насъ какими-нибудь весьма естественными въ его положеніи несообразными выходками, но, наоборотъ, поражаетъ необыкновенною чуткостью, справедливостью, добросовѣстнымъ, идеально-безкорыстнымъ отношеніемъ къ управляемому имъ острову, а главное—замѣчательнымъ административнымъ тактомъ. Исторія его правленія сдѣлала бы честь любому правителю, и недаромъ «его законы дѣйствуютъ еще и понынѣ въ той мѣстности подъ названіемъ: *Установленія великаго Санчо*». Улыбка исчезаетъ съ лица читателя, и насмѣшка смѣняется глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ въ тотъ моментъ, когда Санчо отдаетъ отчетъ герцогу и герцогинѣ въ своемъ управленіи: «Такъ какъ ваши сіятельства этого хотѣли и, безъ малѣйшей заслуги съ моей стороны, я отправился управлять вашимъ островомъ Бараторіей: нагимъ я туда вступилъ и нагъ теперь; я ничего не потерялъ и ничего не выигралъ. Хорошо или дурно я управлялъ, этому есть свидѣтели, которые скажутъ то, что захотятъ. Я разрѣшалъ сомнительные вопросы, я разсуживалъ тяжбы, притомъ всегда смертельно голодный, потому что этого требовалъ докторъ Педро Ресіо, родомъ изъ Тиртеафуэры, врачъ острова и губернатора. Непріятель аттаковалъ насъ ночью и подвергъ насъ большой опасности, но жители острова сказали, что были освобождены и одержали побѣду благодаря моей доблестной рукѣ. Да дастъ имъ Богъ столько же счастья на этомъ и на томъ свѣтѣ, насколько они говорятъ правду!... Вчера утромъ я оставилъ островъ въ томъ видѣ, какъ его засталъ, съ тѣми же улицами, съ тѣми же домами и съ тѣми же крышами, какіе были тамъ, когда я туда вступилъ. Я ничего ни у кого не взялъ и не воспользовался никакими выгодами».

Кто изъ правителей, положа руку на сердце, можетъ сказать о себѣ

то, что говорилъ оруженосецъ Донъ-Кихота? Кто изъ читателей, прочтя исторію его правленія, не скажетъ, что Санчо былъ еще слишкомъ скроменъ, говоря о своихъ заслугахъ? Не много нужно вниманія, чтобы понять, благодаря кому совершилось это великое перерожденіе человѣческой души. «Нигдѣ,—говоритъ проф. Н. И. Стороженко,—Сервантесъ не достигаетъ такой нравственной высоты и такой политической мудрости, какъ въ тѣхъ совѣтахъ и наставленіяхъ, которые даетъ Донъ-Кихотъ отправляющемуся на губернаторство Санчо». И дѣйствительно, прочтите рѣчи Донъ-Кихота, обращенныя къ оруженосцу передъ его отправленіемъ на островъ, прочтите ихъ переписку, и для васъ станетъ ясенъ тотъ процессъ, которымъ шло это перерожденіе.

Санчо не напрасно выведенъ рядомъ съ своимъ господиномъ. Исторія его развитія, это—торжество идеальныхъ началъ въ жизни, это—самое поучительное дѣйствіе трагедіи идеализма.

VII.

Изучая внимательно романъ Сервантеса, не трудно понять, почему взгляды критиковъ такъ рѣзко раздѣлились. Авторъ освѣтилъ намъ со всѣхъ сторонъ картину вѣчной борьбы между идеальными стремленіями избранныхъ натуръ и неизбѣжными условіями жизни; онъ невольно коснулся одного изъ тѣхъ не умирающихъ вопросовъ, которымъ суждено занимать человѣчество, доколѣ оно существуетъ. Нѣтъ надобности перечислять сотни художественныхъ произведеній, посвященныхъ этому популярному сюжету. Но никто не сумѣлъ такъ глубоко проникнуть въ смыслъ великаго конфликта, такъ всесторонне изобразить намъ всѣ его перипетіи. Жестоко ошибается Сисмонди, думая, что Сервантесъ взглянулъ на роль возвышеннаго только съ точки зрѣнія житейской прозы. Глубоко неправъ Байронъ, негодуя на писателя за его яко бы насмѣшки надъ высокимъ. Нельзя согласиться съ Гейне, увидѣвшимъ въ романѣ великую сатиру на человѣческую восторженность, какъ нельзя признать справедливыми и взгляды другихъ критиковъ: каждый выносилъ изъ знаменитаго романа ту мысль, на которую его собственное міросозерцаніе заставляло обратить главное вниманіе.

Авторъ *Донъ-Кихота* оказался шире своихъ критиковъ. Онъ показалъ намъ, въ какія смѣшныя положенія попадаетъ носитель возвышенныхъ идей, какія ужасныя страданія, какія униженія выпадаютъ на его долю; онъ нарисовалъ печальную картину того, какъ житейскія условія нерѣдко обращаютъ во вредъ самые благіе порывы, какъ зло эксплоатируетъ эти порывы для своихъ цѣлей. Но безпристрастный художникъ не скрылъ отъ насъ и великаго положительнаго значенія идеализма: съ геніальной ясностью сумѣлъ онъ обнаружить всю глубину высокой души героя, освѣтить всѣ ея уголки, разсказать читателю, въ чемъ состоитъ его своеобразное счастье. И читатель увидѣлъ, что это счастье высшаго порядка и

доступно только избраннымъ благороднымъ натурамъ. Авторъ *Донъ-Кихота* показалъ намъ, какую непреклонную волю, какую необыкновенную энергію развиваютъ въ человѣкѣ высокія задачи, если онѣ всецѣло завладѣваютъ его умомъ. Наконецъ, въ романѣ предъ нами раскрылось могучее вліяніе возвышенной души на грубыя и корыстныя натуры, прошла исторія человѣческаго перерожденія, совершившагося отъ прикосновенія идеализма. Въ этомъ всестороннемъ и геніальномъ освѣщеніи одного изъ вѣчныхъ вопросовъ и заключается причина постоянно возрастающаго успѣха *Донъ-Кихота*.

Въ наше время, когда при тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ особенно трудно удержаться на высотѣ своихъ идеаловъ, когда эти условія постоянно принуждаютъ человѣка къ компромиссамъ, когда все рѣже и рѣже являются люди съ сильными характерами и непоколебимою волей, люди настойчивые и неуклонные въ преслѣдованіи высшихъ цѣлей, когда столь немногіе отваживаются на великій подвигъ борьбы съ темными сторонами жизни, на страданія и униженія связанныя съ этою борьбою,—въ такое время невольно вспоминаешь безсмертный трогательный образъ, созданный Сервантесомъ, невольно забываешь все смѣшное, что было въ этомъ поборникѣ свѣта и правды, и склоняешься къ мысли, что роль Донъ-Кихотовъ въ жизни гораздо шире и важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ: они напоминаютъ людямъ о мірѣ идеаловъ, не даютъ человѣчеству погрязнуть въ мелкіе житейскіе интересы и будятъ въ немъ самыя лучшія мысли и чувства.

П. С. Коганъ.

Современная французская деревня.

Лѣто 189... г. мнѣ пришлось провести въ одной изъ деревень Шампани. Французская деревня давно уже интересовала меня. Мнѣ хотѣлось провѣрить здѣсь, насколько высокая культура страны отразилась въ матеріальномъ благосостояніи и умственномъ развитіи жителя деревни—французскаго крестьянина. Мнѣ всегда казалось, что степень культуры въ извѣстной странѣ должна измѣряться не только степенью образованія высшихъ классовъ, но и распредѣленіемъ культурности въ народной массѣ. Наблюденіе надъ теченіемъ жизни французской деревни въ этомъ отношеніи быть можетъ будетъ интересно и для русскаго читателя.

Село X. расположилось на берегу Марны въ такъ называемой Вшивой Шампани (la Champagne Pouilleuse). Подъ этимъ именемъ извѣстна та часть прежней провинціи, подпочву которой составляютъ мѣлъ и мергель. Слой пахатной земли здѣсь такъ тонокъ, что не всюду достигаетъ двухъ вершковъ толщины, а мѣстами мѣлъ совершенно обнаженъ. При такихъ условіяхъ почвы растительность здѣсь болѣе чѣмъ бѣдная; изъ злаковъ обрабатываются только рожь и овесъ, а изъ древесныхъ породъ встрѣчаются сосна и изрѣдка береза, вышиною не болѣе пяти-шести метровъ.

Въ этой безжизненной и обиженной природою мѣстности лишь долины рѣкъ и особенно долина Марны представляютъ узкія, но плодородныя полосы земли, вдоль которыхъ вытянулись длинною вереницей села и деревни.

Село X. со стороны станціи желѣзной дороги является въ видѣ очень живописнаго амфитеатра, вытянувшагося вдоль Марны при впаденіи въ нее другой рѣки. Планъ его очень простъ: посрединѣ проходитъ главная улица, параллельная каналу Марны; на нее выходитъ фасадъ церкви и всѣ главныя зданія села; она примыкаетъ къ этой небольшой рѣчкѣ, которая впадаетъ въ Марну. Съ обѣихъ сторонъ идутъ перпендикулярныя улицы, направляющіяся съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другой къ большой дорогѣ, соединяющей Парижъ съ Страсбургомъ. Среди сельскихъ зданій центральный интересъ представляетъ здѣшняя церковь своей своеобразной и не лишенной нѣкоторой граціи архитектурой; постройку ея относятъ даже

къ XII в., хотя въ настоящее время эта церковь представляетъ странную смѣсь романскаго, готическаго и современнаго стилей. Въ ней, какъ и во всѣхъ мѣстныхъ церквахъ, колокольня четырехугольной формы, но возвышается не при входѣ въ храмъ, какъ это обыкновенно случается въ готическихъ церквахъ, а какъ разъ надъ серединой храма. На колокольнѣ находятся громадные часы, служащіе регуляторомъ всѣхъ мѣстныхъ часовъ. Для мѣстныхъ жителей особо уважаемую святыню представляетъ статуя Дѣвы Маріи, очень грубой и безвкусной работы, — статуя, проливавшая, по словамъ мѣстной легенды, горькія слезы во время какого-то народнаго бѣдствія. Кругомъ церкви пріютилось сельское кладбище, гдѣ всѣ болѣе или менѣе зажиточныя семьи имѣютъ свои оплаченныя предками мѣста. Могилы здѣсь какъ и всюду во Франціи, содержатся въ большомъ порядкѣ, причемъ одна и та же могила, не будучи склепомъ, заключаетъ обыкновенно нѣсколько гробовъ, вслѣдствіе того, что всякій глава семьи, приготовляя яму для кого-либо изъ своихъ домочадцевъ, разсчитываетъ ее на нѣсколько покойниковъ; эта экономія объясняется дороговизною мѣста, а также и ограниченностью пространства, отведеннаго кладбищу. Къ церкви съ одной стороны примыкаетъ домъ священника (кюрэ), а кругомъ нея группируются общественныя зданія села: мерія, школа мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣтскій пріютъ, и затѣмъ нѣсколько лавокъ и кафе. Эта часть села по скученности построекъ напоминаетъ городъ; но вообще въ остальной части села дома находятся на довольно большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другого. Матеріаломъ для постройки домовъ служатъ большею частью или мѣлъ, добываемый на мѣстѣ изъ-подъ почвы, или такъ называемый tachis (нашъ не обожженный кирпичъ сырецъ); этотъ послѣдній обыкновенно поддерживается деревяннымъ остовомъ и покрывается штукатуркой. Изъ настоящаго обожженнаго кирпича построены только дома болѣе богатыхъ владѣльцевъ, потому что этотъ матеріалъ здѣсь, какъ и всюду, стоитъ довольно дорого. Крыши обыкновенно кроются черепицами и въ исключительныхъ случаяхъ аспидными досками.

Наклонъ крышъ умѣренный (извѣстно, что въ сѣверныхъ частяхъ Франціи крыши сильно подняты, тогда какъ въ южныхъ они почти горизонтальны).

Что касается распланировки жилищъ, то здѣсь видна большая обдуманность и практичность. Условія крестьянской жизни таковы, что какъ лѣтомъ, такъ и зимою крестьянину приходится проводить большую часть дня на воздухѣ, во дворѣ; поэтому дворъ играетъ большую роль въ его жизни: онъ всегда смотритъ на югъ и огороженъ съ сѣвера и востока постройками. Главный фасадъ дома выходитъ на дворъ и только самая узкая часть его, лишенная оконъ и дверей, смотритъ на улицу. Это послѣднее обстоятельство находится въ тѣсной связи съ налогомъ на окна и двери; за каждое окно и дверь, выходящую на улицу, приходится платить; поэтому во избѣжаніе лишней траты, крестьяне предпочитаютъ лишать себя воздуха и нѣкотораго комфорта.

Жилье почти повсюду имѣетъ одинъ и тотъ же планъ: на одной линіи съ домомъ находится конюшня, перпендикулярно конюшнѣ клуня, сзади которой находятся фруктовый садъ и огородъ. Дворъ образуетъ такимъ образомъ четырехугольникъ, огражденный отъ вѣтровъ. Посрединѣ двора находятся обыкновенно колодезь и навозъ, сложенный въ аккуратную кучу (это помѣщеніе навоза посрединѣ двора составляетъ одну изъ особенностей селъ Шампани сравнительно съ селами сосѣдней Лотарингіи, гдѣ дома главнымъ фасадомъ всегда обращены на улицу, имѣя предъ собою въ видѣ бордюра кучи навоза). Дома, если смотрѣть на нихъ извнѣ, кажутся двухэтажными, но въ дѣйствительности они одноэтажные, такъ какъ верхъ представляетъ собою большой чердакъ съ широкими окнами; онъ служитъ складомъ для зерна и другихъ продуктовъ. Полъ обыкновенно устланъ кирпичомъ и изрѣдка сосновыми досками. Потолокъ представляетъ голыя доски и балки и никогда не штукатурится. Каждый домъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ комнатъ и кухни. Необходимая принадлежность каждой комнаты есть большая кровать съ двумя или тремя перинами подъ цвѣтнымъ пологомъ. Затѣмъ въ каждомъ домѣ, въ главной комнатѣ, находится буфетъ и родъ комода, называемый «maie, который открывается сверху и служитъ для храненія остатковъ обѣда и завтрака.

Отопленіе жилья производится съ помощью большихъ каминовъ. Но эти камины не совсѣмъ тождественны съ тѣмъ, что у насъ называется этимъ именемъ. Каминъ Шампани, равно и другихъ частей Франціи, есть площадка подъ навѣсомъ, прислоненная къ стѣнѣ и открытая съ боковъ и спереди. На эту площадку кладутся дрова, обыкновенно длинныя полѣнья, которыя подвигаются по мѣрѣ сгаранія. Этотъ способъ отопленія представляетъ большія неудобства, вслѣдствіе недостаточности тяги.

Въ комнатѣ, назначенной для стряпни, въ стѣну камина вбивается крюкъ, на который вѣшается желѣзная зубчатая полоса, поддерживающая котелъ, служащій для варки всей пищи, употребляемой семьей *). Хлѣбная печь имѣется въ каждомъ домѣ, но пользуются ею очень рѣдко. Еще лѣтъ десять тому назадъ каждая семья пекла хлѣбъ у себя, но съ развитіемъ благосостоянія крестьяне освободили себя отъ этой обязанности, предпочитая покупать его готовымъ у булочниковъ, которыхъ въ селѣ насчитывается не менѣе трехъ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ расположеніе села X. и жилища его обитателей, бросимъ теперь бѣглый взглядъ на окружающую его мѣстность, на занятія и образъ жизни ихъ обывателей. Своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ село X., равно какъ и другія подобныя ему села этой мѣстности, обязано Марнѣ и ея притоку: благодаря этимъ двумъ воднымъ потокамъ община X. имѣетъ въ своемъ распоряженіи довольно большое ко-

---

*) Эта желѣзная полоса назыв. Crémaillère, отсюда выраженіе „pendre la crémaillère" давать обѣдъ на новосельѣ.

личество плодородной земли, которая даетъ ей привилегированное положеніе среди «Вшивой Шампани». Извиваясь многочисленными зигзагами, Марна медленно течетъ въ срединѣ своей довольно глубокой долины; во всей верхней и средней части своего теченія она очень мелководна и не удобна для судоходства, но съ проведеніемъ параллельнаго канала положеніе дѣлъ измѣнилось—и Марна приняла участіе въ каботажномъ судоходствѣ, изрѣзывающемъ теперь Францію во всѣхъ направленіяхъ.

Община X. лежитъ на самомъ берегу канала. Ширина его не превышаетъ 40 метровъ; берега его съ обѣихъ сторонъ усажены нѣсколькими рядами пирамидальныхъ тополей, придающихъ ему живописный видъ. По немъ то и дѣло снуютъ каботажныя суда; пыхтя и упираясь, одна или двѣ лошади тащатъ эти суда съ помощью веревки, прикрѣпленной къ высокой мачтѣ, снабженной также и парусомъ. Общій видъ канала красивъ, особенно въ мѣстахъ, гдѣ вода сдерживается шлюзами.

Сама Марна, снабжающая каналъ водою, въ этомъ мѣстѣ едва достигаетъ 50-ти метровъ ширины; теченіе рѣки быстро, но глубина незначительна; она влачитъ много гравія и булыжника, которые съ помощью самодѣльныхъ инструментовъ достаются жителями со дна и употребляются для мощенія улицъ и проселочныхъ дорогъ. Рѣчка N., огибающая село съ Сѣвера, течетъ перпендикулярно Марнѣ; теченіе этой рѣчонки представляетъ самый живописный уголокъ этой мѣстности; какъ змѣйка извивается она среди лѣсной чащи, охватывающей ее съ двухъ сторонъ и образующей надъ нею зеленый сводъ, сообщающій сѣровато-зеленоватый цвѣтъ водѣ, которая холодна и пріятна на вкусъ. Благодаря ей, вся часть территоріи X., удаленная отъ Марны, представляетъ цвѣтущій и плодородный кусокъ земли, тогда какъ окружающія ее возвышенности носятъ всѣ отличительныя черты безплодной Вшивой Шампани.

Земли общины, заключенныя между этими рѣками, двухъ родовъ—низменныя и возвышенныя.

Первыя для производства хлѣбныхъ злаковъ не требуютъ никакихъ особыхъ усилій, тогда какъ послѣднія требуютъ отъ земледѣльца большой затраты рабочихъ силъ. На возвышенностяхъ мѣлъ прикрытъ тонкимъ слоемъ чернозема; растенія, не получая влаги изъ-подъ почвы и встрѣчая непроницаемый для него слой мѣла, не могутъ имѣть достаточной силы. Только настойчивость и энергія населенія могли дать этимъ землямъ относительную плодородность: усиленно унавaживая ихъ, употребляя химическія удобренія (фосфатъ, суперъ-фосфатъ и т. д.), можно было достигнуть того, чтобы почва производила въ достаточномъ количествѣ пшеницу, рожь, ячмень, овесъ и кормовыя растенія—дикую рѣпу, бураки, картофель и проч.

При такой легкости земли, пахота здѣсь не представляетъ большой трудности: крестьяне употребляютъ одн олемешные и двухъ-лемешные плуги и пашутъ лошадьми. Обработка здѣсь очень тщательная, за бороной (четырехугольной) равняютъ землю каткомъ (roule) и часто, чтобъ укрѣпить

почву, ровняютъ этимъ каткомъ поле даже послѣ всходовъ. Сѣяніе рукой постепенно выходитъ изъ употребленія: сѣялки считаются гораздо экономнѣй и имѣются почти во всякомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, также какъ и механическія жнеи и косилки; при этомъ косилки имѣютъ еще особый приборъ. Обыкновенные косы и серпы употребляются только для травы. Вообще въ крестьянскомъ хозяйствѣ машины постепенно вытѣсняютъ ручной трудъ; такъ цѣпами уже почти не молотятъ: въ селѣ есть нѣсколько конныхъ молотилокъ и даже двѣ или три паровыя въ шесть или семь лошадиныхъ силъ.

Устройство крестьянскихъ повозокъ вообще отличается большою практичностью: для поѣздокъ всякаго рода, перевозки небольшихъ тяжестей и т. п. служатъ обыкновенно очень легкія двухколесныя повозки на рессорахъ, что̀ впрочемъ, не мѣшаетъ имъ быть очень тряскими.

Для перевозки копъ, навоза, сѣна и т. п. служатъ громадные длинные ящики съ пролетами спереди и сзади, также на двухъ колесахъ, но безъ рессоръ. Тяжесть, подымаемая ими, по-истинѣ изумительна и возможна только при такихъ прекрасныхъ проселочныхъ дорогахъ, какъ здѣшнія. При обыкновенной ѣздѣ запрягаютъ всегда одну лошадь, но при перевозкѣ тяжестей двѣ лошади цугомъ.

Однимъ изъ большихъ неудобствъ мѣстнаго земледѣлія можно считать чрезвычайное размельчаніе земельной собственности, которое является естественнымъ слѣдствіемъ принятой здѣсь системы семейныхъ земельныхъ дѣлежей: такъ, по смерти владѣльца наслѣдники, принимая во вниманіе различное качество кусковъ земли, обыкновенно не возмѣщаютъ другъ другу разницу деньгами, а дѣлятъ между собою каждый кусокъ въ отдѣльности. Такимъ образомъ случается, что нерѣдко одинъ гектаръ земли (гектаръ немного менѣе нашей десятины) принадлежитъ пяти различнымъ владѣльцамъ; встрѣчаются даже куски въ $^1/_{16}$ гектара. Это размельченіе очень замедляетъ обработку полей и влечетъ непроизводительную трату рабочихъ силъ.

Система хозяйства, какъ всюду за границей, многопольная. Обыкновенно на удобренной навозомъ почвѣ сѣется пшеница, затѣмъ ячмень, за ячменемъ слѣдуютъ кормовыя растенія: люцернъ, дятлина, трилистникъ и пр. (Luzerne, trèfle, sainfoin etc.), послѣ которыхъ сѣютъ овесъ, а затѣмъ оставляютъ землю въ теченіе года подъ паромъ, перепахивая ее не менѣе трехъ разъ.

Пшеница даетъ здѣсь отъ 18 до 20 гектолитровъ на гектаръ, рожь отъ 16 до 18, равно и ячмень.

Въ настоящее время пшеница находится въ общемъ употребленіи у населенія, тогда какъ лѣтъ еще десять тому назадъ употребляли для хлѣба ржаную муку пополамъ съ пшеничною. Этимъ обстоятельствомъ объясняется повсемѣстное паденіе цѣнъ на рожь, которая теперь употребляется почти исключительно на откармливаніе скота.

Сбытъ пшеницы гораздо болѣе обезпеченъ и весь сборъ идетъ на мѣстныя мельницы. Крестьянинъ, имѣющій въ своей экономіи нѣсколько сотъ

пудовъ пшеницы, безъ затрудненія можетъ продать ихъ во всякое время, тогда какъ, для сбыта ржи, онъ долженъ ждать проѣзда скупщиковъ, которые объѣзжаютъ всю мѣстность разъ или два въ годъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то, что крестьяне села X., несмотря на плохое качество своихъ земель, стараются производить какъ можно болѣе пшеницы и какъ можно менѣе ржи, которую сѣютъ на неудобренной землѣ, а для пшеницы они не жалѣютъ навоза и даже покупаютъ его въ большомъ количествѣ.

Въ настоящее время здѣшнее земледѣліе переживаетъ такой же тяжелый кризисъ, какъ и наше: такъ лѣтъ десять тому назадъ сто килограммовъ (3 пуда слишкомъ) пшеницы продавались отъ 25 до 35 франковъ, а рожь отъ 15 до 20 фр., теперь то же количество пшеницы стоитъ отъ 15 до 20 фр., рожь же 8 и 10 фр.

Съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ пали также цѣны и на землю. Земля, которая лѣтъ десять тому назадъ стоила 3,400 франковъ гектаръ, теперь съ трудомъ продается по 800 фр. гектаръ. Это пониженіе цѣнъ на землю и ея продукты отзывается гибелью на благосостояніи всего края. Когда-то зажиточныя семьи поселянъ теперь еле перебиваются или изнемогаютъ въ непосильномъ трудѣ: прежде, во время высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, они употребляли полученные барыши на увеличеніе своихъ участковъ, а купивши землю дорого, очутились теперь безъ денегъ съ обезцѣненной землей, требующей къ тому же усиленной обработки. Получаемый доходъ не позволяетъ имъ держать рабочаго, а личнаго труда недостаточно для обработки большого количества плохо родящей земли; отсюда страшное напряженіе силъ: люди работаютъ не разгибаясь съ ранняго утра до поздняго вечера въ будни, какъ и въ праздники, не зная ни отдыха, ни покоя. Слѣдствіемъ этого непосильнаго труда является повсемѣстное недовольство своей жизнью, и это недовольство выражается весьма ярко въ уменьшеніи мѣстнаго населенія. Уменьшеніе это происходитъ двоякимъ путемъ: съ одной стороны наблюдается усиленная эмиграція изъ деревни въ городъ, лишающая землю ея лучшихъ работниковъ, а съ другой—французскій крестьянинъ, принимая во вниманіе трудность существованія семьи, не желаетъ имѣть много дѣтей; приростъ населенія такимъ образомъ дѣлается гораздо медленнѣе. Такъ прежде въ селѣ X. было много семей, въ которыхъ считалось отъ пяти до восьми человѣкъ дѣтей, а теперь рѣдко можно встрѣтить семью, въ которой имѣется болѣе трехъ ребятъ. Вслѣдствіе этого общая цифра населенія этой общины, которая лѣтъ 30 тому назадъ восходила до 800 человѣкъ, теперь упала до 600 ч.

Эта общая всей Франціи причина уменьшенія населенія особенно чувствительна здѣсь, такъ какъ населеніе этой части департамента Марны чисто-земледѣльческое; обработка хлѣбныхъ злаковъ представляетъ для него почти единственный источникъ дохода; культура фабричныхъ растеній здѣсь почти невозможна—вслѣдствіе плохого качества земель.

Даже скотоводство, находящееся въ тѣсной связи съ земледѣліемъ, не

можетъ служить подспорьемъ въ жизни мѣстнаго населенія, такъ какъ количество луговъ здѣсь очень ограничено.

Долина Марны, правда, представляетъ заливной лугъ шириною около трехъ километровъ, и эта долина могла бы давать въ изобиліи кормъ, необходимый для скота, если бы разливъ рѣки по-прежнему оставлялъ за собою довольно толстой слой ила. Къ сожалѣнію, теперь этого нѣтъ. Марна для прибрежныхъ владѣльцевъ была очень непріятнымъ и неспокойнымъ сосѣдомъ: безпорядочно мѣняя постоянно свое русло, она отрѣзывала большіе куски земли то справа, то слѣва, уменьшая произвольно владѣнія однихъ въ пользу другихъ. Чтобы положить предѣлъ этимъ движеніямъ рѣки и остановить разрушеніе береговъ, владѣльцы укрѣпили ихъ булыжникомъ, но этимъ самымъ они лишили разливъ рѣки того благотворнаго вліянія, которое оказывалъ онъ на заливаемое пространство: рѣка, разливаясь по прежнему, перестала однако оставлять за собою слой ила. Количество и качество получаемой съ луга травы уменьшилось такъ замѣтно за послѣднія десять лѣтъ, что владѣльцы находятъ теперь болѣе выгоднымъ для себя засѣвать лугъ лѣсомъ и обращать часть поля въ искусственный лугъ.

Но добываемая такимъ образомъ трава недостаточна для прокормленія большого количества скота, потому скотоводства, какъ отрасли промышленности, здѣсь не существуетъ. Скотъ содержится исключительно для удобренія; что же касается молочныхъ продуктовъ, то они большею частью потребляются на мѣстѣ и въ продажу не идутъ. Скотъ имѣется въ каждой семьѣ; у зажиточныхъ крестьянъ число его доходитъ до восьми и десяти штукъ. Коровы хороши на молоко, но мелкой породы.

Для обработки полей и перевозки тяжестей употребляются исключительно лошади, но рѣдкій владѣлецъ имѣетъ ихъ болѣе трехъ штукъ. Набираются онѣ обыкновенно между забракованными артеллерійскими лошадьми. Этотъ сортъ лошадей, рослый и сильный, какъ нельзя болѣе подходитъ къ полевымъ работамъ. Къ сожалѣнію, пріобрѣтеніе этихъ лошадей сопряжено для крестьянъ съ большими трудностями, благодаря скупщикамъ, которые, пріобрѣвъ забракованныхъ артиллеріею лошадей, перепродаютъ ихъ съ прибылью отъ 20 до 40%.

Мѣстный крестьянинъ прекрасно понимаетъ необходимость содержать въ тѣлѣ рабочій скотъ и нужно видѣть, какими заботами онъ его окружаетъ. Главный кормъ для коровъ—трава, а когда ея нѣтъ,—сѣно, битки смѣшанные съ кормовыми бураками, солома пшеничная или овсяная и затѣмъ вареное жито, но это послѣднее только въ томъ случаѣ, если кормятъ скотъ на продажу. Кромѣ сѣна и овса лошадямъ, какъ и повсюду во Франціи, даютъ въ большомъ количествѣ солому.

Когда-то овцеводство представляло одну изъ самыхъ значительныхъ отраслей мѣстнаго хозяйства, но со времени 1870 г. оно совершенно исчезло, такъ что теперь знаменитое выраженіе: quatre vingt dix neuf moutons et un champenois font cent bêtes—кажется не имѣющимъ смысла (основа-

ніе этого выраженія находится въ слѣдующемъ: въ средніе вѣка жители Шампани, имѣвшіе 100 овецъ, обязаны были платить налогъ въ казну своего сюзерена. Владѣльцы имѣвшіе менѣе 100 головъ ничего не платили. Чтобы избѣгнуть платы, крестьяне обыкновенно прибѣгали къ хитрости и показывали вмѣсто 100 девяносто девять штукъ. Но когда сюзеренъ проникъ ихъ хитрость, то положилъ ей конецъ, постановивъ, что «quatre vingt dix neuf moutons et un champenois font cent bêtes».

Что касается домашней птицы, то каждый владѣлецъ держитъ ее въ ограниченномъ количествѣ, болѣе для личнаго употребленія, и продаетъ ее только въ томъ случаѣ, если покупщикъ самъ приходитъ къ нему во дворъ. Обыкновенно два раза въ недѣлю особый коммиссіонеръ, называемый «cocassier», объѣзжаетъ село и скупаетъ масло, яйца, куръ и везетъ все это продавать въ сосѣдній городъ. Вообще въ торговомъ отношеніи село X. не играетъ никакой роли.

Обрабатывающая промышленность сводится къ нѣсколькимъ мельницамъ, перемалывающимъ мѣстный хлѣбъ, и двумъ фабрикамъ, на которыхъ вырабатываются бѣлила (blanc mineral), добываемыя изъ мѣла, и вывозятся въ большомъ количествѣ въ Бельгію и Германію.

Такимъ образомъ населеніе X.—почти исключительно земледѣльческое; кустарные промыслы здѣсь мало развиты и не находятся въ почетѣ у людей, все вниманіе которыхъ устремлено на землю; любовь къ ней поразительна: всѣ заботы и сбереженія идутъ на увеличеніе земельныхъ участковъ.

Бережливость, умѣренность, необычайная настойчивость и трудолюбіе— вотъ отличительныя черты крестьянина этой мѣстности. По своему образу жизни, вкусамъ, развитію онъ далеко оставляетъ за собой нашихъ крестьянъ.

Крупныхъ собственниковъ въ селѣ X. почти нѣтъ, нѣтъ потому и вольнаго найма: каждый работаетъ для себя и не знаетъ надъ собой никакой другой воли, кромѣ воли закона и своей собственной. Эта независимость, созданная трудомъ и считающая свое существованіе со времени великой французской революціи, даетъ всему мѣстному населенію особый, самобытный характеръ, не выносящій высокомѣрія и надменнаго обращенія со стороны лицъ, выше стоящихъ. Въ связи съ этою чертой находится необычайно развитое самолюбіе, общее, впрочемъ, всѣмъ французамъ. Это самолюбіе, съ одной стороны, благодѣтельно отзывается на отдѣльныхъ хозяйствахъ, порождая соревнованіе, которое можетъ только способствовать процвѣтанію края; но, съ другой стороны, оно представляетъ слабую струну обитателей Шампани, которою пользуются люди, желающіе достигнуть власти. Съ помощью поклоновъ, рукопожатій и другихъ ничтожныхъ знаковъ вниманія, на которые шампанцы такъ падки, честолюбцы привлекаютъ ихъ на свою сторону и эксплуатируютъ ихъ голоса, какъ только могутъ.

По внѣшности житель села X. мало чѣмъ отличается отъ обитателей сѣв. Франціи вообще. Онъ мѣшковатъ и медленъ въ своихъ движеніяхъ,

фигура коренастая и сильная, глаза каріе, волосы каштановые, скулы и нижняя челюсть сильно развиты, въ общемъ населеніе здоровое и рослое; больныхъ относительно очень мало, а сифилисъ, который въ нашихъ деревняхъ уродуетъ столько лицъ, здѣсь едва насчитываетъ двѣ или три жертвы. Это здоровье населенія, какъ мнѣ кажется, находится въ тѣсной связи съ образомъ его жизни и ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ организаціи медицинской помощи. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по иниціативѣ мѣстнаго мэра-врача, здѣсь образовалось общество, дающее право каждому, вносящему въ его кассу 6 франковъ, пользоваться даровыми услугами врача.

Здоровый видъ здѣшняго населенія зависитъ всецѣло отъ его правильнаго образа жизни, даже несмотря на постоянный упорный трудъ безъ отдыха и остановокъ.

День для обитателя села X. и его домочадцевъ начинается лѣтомъ въ 3 час. утра, зимою около $6^1/_2$ час. Первая забота у нихъ всегда о скотѣ: мужчины задаютъ ему кормъ, а женщины доятъ коровъ; когда скотъ прибранъ и накормленъ, люди завтракаютъ, т.-е. пьютъ café au lait съ хлѣбомъ и затѣмъ, около 4 час. утра (лѣтомъ), отправляются всѣ въ поле. Женщины работаютъ здѣсь наравнѣ съ мужчинами; въ случаѣ нужды, онѣ пашутъ и косятъ; трудолюбіе мѣстной женщины по-истинѣ удивительно. Около 8 час. утра вся семья закусываетъ въ полѣ: съѣдаютъ по куску хлѣба, запивая его виномъ съ водою, и затѣмъ продолжаютъ работать до 11 час.; въ 11 час., по звону «Angelus», всѣ возвращаются домой. Здѣсь снова задается кормъ скоту (скотъ никогда не выгоняется въ поле), кормятся и поятся лошади и на скорую руку готовится обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ супа съ капустой, картофелемъ и саломъ. Супъ ѣдятъ съ хлѣбомъ, а капусту и картофель вынимаютъ и подаютъ какъ отдѣльное блюдо. Все запивается лѣтомъ виномъ, а зимою особымъ напиткомъ, приготовляемымъ изъ фруктовъ или сухого винограда. Напитокъ этотъ употребляется народомъ во всей Франціи и называется пикетъ (la piquette). Въ $2^1/_2$ ч. семья снова отправляется въ поле и остается тамъ до сумерекъ. Около 4 часовъ полдничаютъ (кускомъ сыру и стаканомъ вина) и затѣмъ около 8 ч. возвращаются домой. Здѣсь опять, прежде чѣмъ приняться за ужинъ, убираютъ скотъ, доятъ коровъ и справляютъ на скорую руку разныя домашнія работы. Около 9 ч. ужинаютъ, т.-е. ѣдятъ или салатъ, облитый горячимъ саломъ, или отваренный картофель, и этою скудною пищей заканчиваютъ день: въ $9^1/_2$ ч. вся семья уже спитъ.

Такъ проходитъ день за днемъ, начиная съ первыхъ дней весны и кончая послѣдними теплыми днями осени, съ тою только разницей, что съ сокращеніемъ дня уменьшается количество полевой работы, сокращается число скромныхъ завтраковъ и полдниковъ (repas) и люди раньше возвращаются съ поля.

Зима есть время отдыха для здѣшняго крестьянина, какъ и для нашего, хотя здѣсь полевыя работы, благодаря относительной мягкости кли-

мата, никогда совершенно не прекращаются. Главныя зимнія занятія — молотьба, чистка лѣсовъ, пахота, если погода позволяетъ, и разныя домашнія работы.

Зимою женщины остаются всегда дома и только въ это время имѣютъ возможность заняться починкой накопившагося за годъ старья. Зимніе вечера посвящаются чтенію и рукодѣліямъ.

Въ былое время, когда здѣсь, какъ и всюду во Франціи, родственное чувство было гораздо сильнѣе развито, семьи въ зимніе вечера собирались обыкновенно вмѣстѣ; женщины, захвативъ свое рукодѣлье, усаживались въ одной комнатѣ кругомъ хозяйки, а мужчины располагались въ другой, гдѣ они курили, разговаривали о своихъ дѣлахъ и играли въ карты; ни танцы, ни музыка на этихъ сборищахъ не допускались. Теперь эти собранія не въ обычаѣ, изрѣдка только 2 или 3 женщины сойдутся вмѣстѣ, а мужчины—никогда.

Эта перемѣна въ нравахъ населенія совпадаетъ съ эпохой водворенія послѣдней республики: политическія страсти охватили все французское общество, не исключая и сельскаго населенія. Борьба церкви и государства отразилась здѣсь на отношеніяхъ семьи; демократическія и аристократическія симпатіи раздѣлили общество, удалили другъ отъ друга членовъ одной и той же семьи и прекратили то общеніе, которое характеризовало прежнія отношенія. Конечно, наравнѣ съ политическими и религіозными страстями на измѣненіе отношеній вліяли также причины экономическія: вздорожаніе всѣхъ продуктовъ потребленія, съ одной стороны, и удешевленіе всѣхъ продуктовъ сельскаго хозяйства—съ другой. Съ уменьшеніемъ дохода усиленный трудъ долженъ былъ уравновѣсить бюджетъ: досугъ уменьшился, а съ нимъ, слѣдовательно, и условія, благопріятныя для сближенія.

Это разъединеніе отразилось пагубно на состояніи отдѣльныхъ хозяйствъ, лишивъ ихъ помощи сродниковъ. Въ былое время семьи помогали другъ другу въ полевыхъ работахъ: свезши копна, они молотили на молотилкѣ болѣе богатаго родственника сначала его хлѣбъ, а потомъ и свой, и все шло быстрѣе и сподручнѣе. Теперь все измѣнилось: всякій работаетъ только для себя и управляется какъ знаетъ со своими угодьями, отсюда—многіе недочеты и упущенія въ хозяйствѣ.

Со времени водворенія республики обязательное и даровое начальное образованіе вошло здѣсь повсюду въ силу. Подъ вліяніемъ идей, восторжествовавшихъ съ новымъ правительствомъ, школа получила свѣтскій характеръ. Задача этой школы—дать юному поколѣнію по возможности полное элементарное образованіе, долженствующее служить основаніемъ всего дальнѣйшаго развитія. Въ школѣ дѣти отъ 6 до 13 лѣтъ обучаются письму, чтенію, отечественной исторіи, географіи, ариѳметикѣ, естественнымъ наукамъ въ объемѣ, соотвѣтствующемъ возрасту обучаемыхъ. Это обязательное и даровое образованіе отводитъ Франціи видное мѣсто между передовыми государствами Европы.

Въ селѣ X. три школы, или, собственно говоря, двѣ школы и одинъ дѣтскій пріютъ (école de maternité), вродѣ нашихъ дѣтскихъ садовъ. Въ пріютъ посылаются всѣ дѣти отъ 3 до 6 лѣтъ включительно. Въ теченіе всего дня они находятся подъ надзоромъ особой учительницы, которая, играя, показываетъ имъ буквы, поетъ съ ними маленькія пѣсенки и пріучаетъ ихъ къ доступнымъ ихъ возрасту работамъ. Въ пріютѣ дѣти постепенно привыкаютъ къ школьной дисциплинѣ; начиная съ шестилѣтняго возраста ихъ посылаютъ въ настоящую школу. Школъ, какъ мы сказали, въ селѣ двѣ: одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ. Программа обученія въ обѣихъ школахъ одна и та же. Ближайшая цѣль, преслѣдуемая ими,— приготовить дѣтей къ такъ назыв. «certificat des études primaires» (т.-е. полученіе удостовѣренія въ окончаніи первоначальнаго школьнаго курса).

Общій надзоръ за школами принадлежитъ инспектору, завѣдующему первоначальнымъ образованіемъ, и двумъ делегатамъ мѣстнаго кантона.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ сдѣланъ опытъ учрежденія вечернихъ курсовъ для взрослыхъ, но онъ оказался неудачнымъ: люди слишкомъ много работаютъ днемъ, чтобъ еще быть въ состояніи работать умственно вечеромъ. Газеты читаются всѣми грамотными крестьянами безъ исключенія, представляя единственно доступное имъ чтеніе какъ по цѣнѣ, такъ и по размѣру, потому вліяніе ихъ на умы неизмѣримо. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ онѣ наравнѣ со школою работали надъ преобразованіемъ крестьянскаго міросозерцанія и достигли, можно сказать, поразительныхъ результатовъ.

Жители села X., какъ мы уже замѣтили, почти исключительно мелкіе землевладѣльцы. Во главѣ общины находятся мэръ и муниципальный совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ, выбираемыхъ жителями изъ своей собственной среды. Муниципальный совѣтъ завѣдуетъ всѣми дѣлами общины; его вѣдѣнію подлежитъ постройка казенныхъ зданій, мостовъ, проведеніе дорогъ и пр. Для производства этихъ работъ и для удовлетворенія всѣхъ потребностей общины онъ располагаетъ особыми доходами, которые доставляются, во-первыхъ, добавочнымъ налогомъ на подати (centimes additionnels sur les impôts), во-вторыхъ—арендою принадлежащихъ общинѣ луговъ по Марнѣ и, въ-третьихъ, арендою фруктовыхъ деревьевъ (особенно вишенъ), которыми усажены края проселочныхъ дорогъ. Къ этимъ средствамъ надо присоединить субсидіи отъ правительства, получаемыя общиною на мѣстныя нужды. Сношенія съ послѣднимъ совершаются чрезъ посредство муниципальнаго совѣта и его предсѣдателя—мэра. Должность мэра безплатная, но престижъ и вліяніе его въ селѣ очень велики: отъ его личной иниціативы зависитъ большая или меньшая оживленность общественной жизни. Настоящій мэръ села X. не принадлежитъ къ мѣстнымъ обывателямъ, онъ поселился здѣсь лѣтъ десять тому назадъ, въ качествѣ вольнопрактикующаго врача; лѣтъ черезъ 6 онъ былъ выбранъ мэромъ и теперь популярность его такъ велика, что онъ мѣтитъ въ депутаты. Благодаря ему существуетъ въ селѣ нѣкоторая общественная жизнь; по его

инициативѣ здѣсь образовались три общества (не считая общества пожарныхъ, которое существуетъ съ давнихъ поръ): первое—это общество взаимной помощи, дающее возможность каждому за ничтожный годовой взносъ пользоваться услугами врача; второе—общество стрѣльбы и третье—музыкальное съ пѣвческимъ хоромъ.

Общество стрѣльбы (Société de tir) подготовляетъ населеніе къ войнѣ, которая постоянно имѣется въ виду во всей Франціи и особенно у жителей восточныхъ департаментовъ. Для поощренія членовъ устраиваются разъ въ годъ состязанія подъ предсѣдательствомъ мэра и кого-нибудь изъ именитыхъ гражданъ; побѣдителямъ раздаются различныя необходимыя для охоты вещи, какъ-то: сумки, ножи, фляжки и пр. Военный министръ и министръ внутреннихъ дѣлъ присылаютъ каждый годъ какой-нибудь предметъ для награды.

Музыкальныя общества, подобныя тому, которое мы находимъ въ селѣ X., существуютъ почти во всѣхъ селахъ Франціи и называются «fanfares»; удовлетворяя эстетическимъ потребностямъ населенія, они, въ то же время, оказываютъ благотворное воспитательное вліяніе на молодежь, облагораживая ея досуги и мѣшая ей своими правильно повторяющимися репетиціями предаваться грубымъ забавамъ. Музыкальное общество X., подобно другимъ, правильно организовано: въ немъ участвуетъ почти вся молодежь села; собирается оно каждую субботу и каждый канунъ праздника; члены его носятъ особый костюмъ; въ извѣстные дни оно даетъ даровые концерты на главной площади села, причемъ здѣсь хоровое пѣніе часто соединяется и чередуется съ духовою музыкой. Общество имѣетъ свой капиталъ, для увеличенія котораго дается нѣсколько платныхъ концертовъ въ годъ. Оно находится въ постоянномъ общеніи съ фанфарами другихъ селъ, равно и съ музыкальнымъ обществомъ главнаго города департамента, въ которомъ разъ въ годъ устраивается концертъ съ участіемъ всѣхъ фанфаръ.

Этими обществами ограничивается общественная жизнь села. Особыхъ сборищъ съ исключительно увеселительною цѣлью не имѣется. Населеніе слишкомъ удручено трудомъ, чтобы думать объ увеселеніяхъ. Только два или три раза въ годъ оно отрывается отъ своихъ тяжелыхъ заботъ, чтобы забыться въ краткосрочномъ весельѣ,—въ Mardi gras, mi-carême и въ мѣстный престольный праздникъ. Пасха и Рождество чтутся населеніемъ, но особымъ весельемъ не отличаются.

Во время Масляницы здѣсь, какъ и всюду, молодые люди переряжаются и ходятъ по домамъ съ цѣлью пугать дѣвушекъ; въ Mardi gras устраиваются кавалькады, разъѣзжающія съ музыкою во главѣ по сосѣднимъ деревнямъ; классическія фигуры этихъ кавалькадъ: дантистъ-шарлатанъ, выхваляющій и предлагающій желающимъ свои средства, вожакъ медвѣдей и пр.

Между всѣми праздниками престольный занимаетъ первое мѣсто. Здѣсь онъ приходится въ началѣ сентября,—время, когда населеніе сравнительно менѣе завалено полевыми работами. За недѣлю хозяйки начинаютъ готовиться къ нему: чистятъ жилья, приготовляютъ наряды для себя и дѣтей, заго-

товляютъ обильные запасы пищи, преимущественно мясной: уже за нѣсколько дней до торжества рѣжутся гуси, утки, куры, покупаются въ большомъ количествѣ говядина, телятина и начинается приготовленіе мѣстныхъ паштетовъ изъ рубленаго тѣста, различныхъ tortes aux fruits, многочисленныхъ мясныхъ блюдъ подъ разными соусами. Въ теченіе двухъ дней праздника обѣдъ длится обыкновенно отъ 1 ч. до 4 ч. дня, а ужинъ начинается въ 9 ч. Ѣдятъ медленно, съ большими промежутками между кушаньями, пьютъ только вино, но не напиваются. Отличительная черта этихъ пировъ, если можно такъ выразиться, та, что на нихъ ѣдятъ исключительно мясо, овощи совершенно изгоняются изъ обѣденнаго menu. Крестьянинъ, довольствуясь круглый годъ почти исключительно растительною пищей, желаетъ, чтобы въ день сельскаго праздника столъ его былъ уставленъ мясными блюдами. Этотъ праздникъ представляетъ чуть ли не единственный день въ году, когда все населеніе безъ исключенія отдыхаетъ, проводя время каждый сообразно своему возрасту и положенію. Такъ, старики и люди положительные отправляются въ кафе, а молодежь собирается въ особой, разукрашенной гирляндами, залѣ и танцуетъ до трехъ и четырехъ часовъ утра. На этомъ вечерѣ, который здѣсь называется баломъ, все происходитъ въ высшей степени благопристойно и скромно: молодыя дѣвушки являются въ сопровожденіи матерей и вообще старшихъ лицъ. Мнѣ удалось присутствовать на одномъ изъ этихъ баловъ, который, съ точки зрѣнія нравовъ, показался мнѣ очень любопытнымъ. Начиная съ 5-6 часовъ вечера дѣвушки, разодѣтыя въ свои лучшіе костюмы, гуляютъ по улицѣ, на которую выходитъ бальная зала. Молодежь прибываетъ постепенно, и приглашенія на танцы начинаются по всѣмъ правиламъ хорошаго тона. Съ первыхъ аккордовъ музыки пожилыя дамы располагаются вдоль стѣнъ, «font la tapisserie», совершенно какъ маменьки на нашихъ балахъ. По существующему обычаю, каждый кавалеръ долженъ танцовать съ приглашенной имъ дамой до тѣхъ поръ, пока другой не придетъ смѣнить его. Вслѣдствіе этого каждый юноша старается пригласить дѣвушку, къ которой онъ неравнодушенъ, или же ту, которая имѣетъ успѣхъ среди молодежи, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ танцовать съ неинтересной для него дамой цѣлый вечеръ. Другая характерная особенность этихъ вечеровъ заключается въ томъ, что каждый юноша обязанъ отвести домой дѣвушку, съ которой онъ танцовалъ послѣдній танецъ.

Вообще нравы этой части Франціи пріятно поражаютъ всякаго, знакомаго съ нравами французскаго общества вообще. Мнѣ случалось быть въ селѣ X. въ то время, какъ въ немъ стояли драгуны, пѣхота и артиллерія; всѣ дома безъ исключенія должны были давать помѣщенія солдатамъ и офицерамъ; пробыли они здѣсь двое сутокъ; кафэ и улицы по вечерамъ были переполнены военными, но, несмотря на царившее повсюду оживленіе, ни одной женщины нельзя было замѣтить съ ними. Это обстоятельство поражаетъ тѣмъ болѣе, что всякому извѣстно, какъ низка нравственность женщинъ въ Парижѣ и въ его окрестностяхъ. Мужчины и жен-

щины работаютъ здѣсь наравнѣ, но какъ далека дѣйствительная картина ихъ взаимныхъ отношеній отъ той, которую мы находимъ въ романѣ Зола «*la Terre*!» Дѣвушка цѣнится здѣсь независимо отъ той рабочей силы, которую она собой представляетъ: при выходѣ замужъ нравственность ея играетъ большую роль, обыкновенно она пользуется правомъ личнаго выбора и, можно сказать, что браки по любви здѣсь не рѣдкость. Вступающіе въ бракъ имѣютъ полную возможность предварительно узнать другъ друга, такъ какъ здѣсь общеніе между полами не обставлено такими трудностями, какъ въ другихъ частяхъ Франціи; здѣсь не рѣдкость встрѣтить дѣвушекъ, которыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ожидаютъ возможности вступить въ бракъ съ любимымъ человѣкомъ, до наступленія желаннаго момента молодые люди свободно видятся, гуляютъ вмѣстѣ безъ всякаго ущерба для своей репутаціи. Браки заключаются предпочтительно осенью, такъ какъ это время года самое удобное какъ въ смыслѣ досуга, такъ и въ смыслѣ обилія всякихъ продуктовъ.

Брачныя, а равно и погребальныя церемоніи носятъ здѣсь свой мѣстный характеръ: обыкновенно женихъ и невѣста, вмѣстѣ съ приглашенными, попарно отправляются въ церковь, предшествуемые скрипачомъ, который немилосердно пилитъ на своемъ инструментѣ разные веселые мотивы; послѣ вѣнчанья, также попарно, всѣ возвращаются домой, но по дорогѣ останавливаются около кафэ и пьютъ бѣлое вино,—таковъ обычай. Свадебный пиръ устраивается обыкновенно въ клунѣ или въ амбарѣ, такъ какъ ни одинъ домъ не былъ бы въ состояніи вмѣстить приглашенныхъ, въ число которыхъ, обыкновенно, входитъ вся родня молодыхъ. Гусей, утокъ, кроликовъ, куръ бьютъ десятками—и яства заготовляются на трое сутокъ, потому что пока длятся брачныя торжества ничего не варятъ и не пекутъ.

Первый день торжества посвящается исключительно увеселеніямъ. По возвращеніи изъ церкви начинается обѣдъ, который длится часовъ пять. Затѣмъ устраивается особаго рода состязаніе; призомъ здѣсь служитъ перчатка молодой, заключающая извѣстную сумму денегъ; она достается побѣдителю и содержимое распивается сообща молодежью въ сосѣднемъ кафэ. Вечеромъ, начиная съ 7 часовъ, устраиваются танцы, въ которыхъ могутъ принимать участіе безъ особаго приглашенія всѣ дѣвушки села. Танцы длятся далеко за-полночь, но молодые уходятъ съ бала рано. Родители, укладывая ихъ, стараются обыкновенно скрыть отъ молодежи отведенную имъ комнату, потому что, по не очень пріятному мѣстному обычаю, молодежь приходитъ очень рано будить ихъ, чтобы предложить имъ выпить бѣлаго вина,—предложеніе, сопровождаемое различными болѣе или менѣе двусмысленными шутками. Второй день празднества, по обычаю, посвящается умершимъ родственникамъ. Всѣ приглашенные въ траурѣ отправляются въ церковь, гдѣ возвышается пустой катафалкъ и служится заупокойная обѣдня въ память умершихъ родственниковъ молодыхъ. По возвращеніи изъ церкви начинается опять обѣдъ, столь же длинный, и повторяются увеселенія предыдущаго дня. Только на третій день торжество

оканчивается; въ этотъ день всѣ самые близкіе родственники и знакомые приходятъ, какъ говорятъ на мѣстномъ языкѣ, «finir les restes», т.-е. помочь хозяевамъ поѣсть остатки пиршества, прибрать и разнести по мѣстамъ занятую у сосѣдей посуду и всякую утварь.

Заупокойныя молитвы, сопровождающія брачное торжество, составляютъ одну изъ характерныхъ чертъ мѣстныхъ нравовъ и отвѣчаютъ тому почтенію, которымъ во всей Франціи окружаютъ культъ мертвыхъ. Этотъ культъ устоялъ противъ всѣхъ вліяній, подорвавшихъ древнія вѣрованія, и въ интересующей насъ мѣстности сказывается въ томъ, что каждый второй день какого бы то ни было религіознаго праздника всегда посвящается памяти умершихъ и называется «jour des morts»: такъ на второй день Рождества, Пасхи и престольнаго праздника совершается обыкновенно торжественная заупокойная обѣдня, причемъ служатъ два или три священника; вся церковь, среди которой возвышается катафалкъ съ зажженными свѣчами, убирается флёромъ; мѣстныя женщины, какъ богатыя, такъ и бѣдныя, являются въ церковь въ траурныхъ платьяхъ, съ большими кашемировыми шалями на плечахъ, въ креповыхъ шляпахъ; все село принимаетъ траурный видъ, и на улицахъ только и видишь, что медленно движущіяся черныя фигуры. Трауръ въ крестьянскомъ быту соблюдается такъ же строго, какъ и въ высшемъ. Обыкновенно, идя на похороны, женщины стараются одѣться во все черное. Самыя похороны здѣсь носятъ особый характеръ: умершихъ не везутъ, а несутъ въ церковь ихъ сверстники или сверстницы: такъ, если умерла старуха, то гробъ несутъ на рукахъ старухи, ея сверстницы,—если дѣвушка, то ее несутъ ея подруги и т. д. Мужское населеніе относится здѣсь, какъ и всюду, съ большимъ почтеніемъ къ умершимъ, но этимъ почтеніемъ оно и ограничивается, предоставляя исключительно женщинамъ всю обрядовую сторону этого культа.

Заключая этотъ бѣглый очеркъ крестьянскаго быта одной изъ сѣверо-восточныхъ областей Франціи, мы не можемъ не замѣтить, что здѣшній крестьянинъ по образу своей жизни, занятіямъ, культурѣ нравственной и умственной стоитъ много выше не только нашихъ крестьянъ, но и крестьянъ западныхъ областей Франціи. Отличительныя черты его—необыкновенная настойчивость, трудолюбіе, трезвость и умѣренность въ удовлетвореніи всѣхъ жизненныхъ потребностей вообще; къ этому надо присоединить еще сильно-развитое чувство долга въ связи съ чувствомъ собственности, благодаря которому воровства здѣсь почти не бываетъ. Географическое положеніе и политическія условія одинаково способствовали тому, что мѣстность эта далеко ушла впередъ сравнительно съ другими, какъ въ культурномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Трудъ предохранилъ населеніе отъ того нравственнаго разложенія, которымъ обыкновенно сопровождается проникновеніе цивилизаціи въ мало-подготовленные къ принятію ея слои общества. Въ этомъ разумномъ трудѣ заключается сила французскаго земледѣльческаго класса и залогъ будущаго процвѣтанія страны.

Евгенія Шеминонъ.

Тридцать лѣтъ на службѣ народу.

(По поводу исполнившагося 13 августа 1896 г. тридцатилѣтія педагогическо-литературной дѣятельности Д. И. Тихомирова *).

Служить народу можно двояко: путемъ улучшенія его благосостоянія матеріальнаго и путемъ распространенія въ немъ величайшаго и плодотворнѣйшаго свѣта просвѣщенія. Первое зависитъ отъ многихъ причинъ очень сложныхъ и не всегда удобно обозрѣваемыхъ; второе, тѣсно связанное съ первымъ, легче поддается оглядкѣ и оцѣнкѣ, и въ громадной имперіи, всего болѣе нуждающейся въ просвѣщеніи, служба родинѣ именно въ этомъ смыслѣ должна заслуживать величайшаго вниманія не однихъ педагоговъ.

Говорить объ этой службѣ ранѣе знаменательнаго года освобожденія крестьянъ едва ли возможно, конечно, исключая историческія справки о правительственныхъ мѣропріятіяхъ и отдѣльные труды одинокихъ подвижниковъ просвѣщенія. Только съ этого, 1861 года, явилась возможность заводить народныя школы, писать объ общенародномъ просвѣщеніи вообще, составлять учебники, руководства, методики и т. п. для народныхъ школъ, дѣйствовать въ качествѣ устроителя педагогическихъ курсовъ, съѣздовъ учителей, организатора школъ и пр. Прошло, слѣдовательно, уже тридцать шесть лѣтъ исторіи русской народной школы. Вспомнимъ же наиболѣе выдающихся дѣятелей, потрудившихся на пользу этой школы.

Конечно, во главѣ русскаго просвѣтительнаго движенія, непосредственно за почтеннымъ именемъ Н. И. Пирогова, слѣдуетъ поставить К. Д. Ушинскаго, намѣтившаго въ общихъ чертахъ задачи народной русской школы и своимъ *Дѣтскимъ міромъ* и, особенно, *Роднымъ словомъ* положившаго основаніе первой классной книгѣ для чтенія, а своимъ трудомъ

*) Настоящая статья должна была явиться еще въ прошломъ 1896 г., но, за болѣзнью автора, не была кончена. Печатаемъ ее теперь, желая ознакомить публику съ почтенной личностью педагогическо-общественнаго дѣятеля, подъ руководствомъ котораго съ 15 августа нынѣшняго года происходятъ въ Москвѣ курсы для народныхъ учителей.—*Ред.*

Человѣкъ и его мѣсто въ воспитаніи—начало руководства къ образованію учителя. Но Ушинскій, справедливо признанный еще при жизни отцомъ русской школы, умеръ слишкомъ рано, не оставивъ себѣ преемника. За Ушинскимъ слѣдовалъ Н. А. Корфъ, этотъ убѣжденный реалистъ-практикъ, извѣстный въ педагогической литературѣ собственно одной только книгой для чтенія—*Нашъ другъ*, тоже рано сошедшій въ могилу и, подобно Пирогову и Ушинскому, далеко не давши всего того, что онъ могъ бы дать.

Эти три лица: Пироговъ, Ушинскій и Корфъ, такъ сказать, корифеи, основатели нашей народной школы, первые свѣточи, указавшіе путь, по которому она должна идти.

За ними слѣдомъ пошло немало другихъ, болѣе или менѣе почтенныхъ, дѣятелей, и въ настоящее время, по словамъ педагогическаго писателя г. Песковскаго, всѣхъ учителей въ Россіи до 60,000. Но если относительно, можетъ быть, и покажется кому-нибудь велико число учащихъ, то какъ мало за все время юной исторіи нашей школы между ними людей, дѣятельность которыхъ была бы и видной литературной и тѣмъ болѣе организаторской и руководящей. А если и являлись такіе, какъ, напримѣръ, Водовозовъ, Резенеръ, М. П. Косинскій и немногіе другіе, то, за рѣдкими исключеніями, они или рано сходили въ могилу, или же оставляли литературно-педагогическое поприще.

И вотъ, среди этихъ-то рѣдкихъ исключеній, особенно ярко выдается личность извѣстнаго московскаго педагога, Дмитрія Ивановича Тихомирова, литературно-педагогической дѣятельности котораго еще 13 августа 1896 г. исполнилось тридцать лѣтъ,—слѣдовательно, теперь ей уже тридцать одинъ. Тридцать одинъ годъ изъ всей тридцатишестилѣтней исторіи русской общенародной школы! И притомъ тридцать одинъ годъ дѣятельности непрерывной, послѣдовательной, поступательной, систематической, по опредѣленно предначертанному себѣ пути, и на практической почвѣ. Въ юной исторіи нашей школы примѣръ почти единственный! Почти всѣ наши другіе выдающіеся дѣятели въ этомъ направленіи или умирали, едва только начавъ дѣятельность, или, такъ или иначе, прекращали ее, развѣ по временамъ дѣлая въ нее экскурсіи,—Д. И. Тихомировъ же своею болѣе чѣмъ тридцатилѣтнею дѣятельностью представилъ цѣлый законченный циклъ учебниковъ по русскому языку и, вообще, книгъ по учебнымъ предметамъ народной школы, не считая даже его многочисленныхъ трудовъ по организаціи и руководительству школами, педагогическими съѣздами, курсами и т. п. Не забудемъ при этомъ еще и того обстоятельства, что, за исключеніемъ недолгаго учительства въ московской учительской семинаріи военнаго вѣдомства и наблюдательства за московскими пріютами вѣдомства Императрицы Маріи, онъ никогда не занималъ никакого оффиціальнаго мѣста или положенія, такъ что вся дѣятельность его можетъ быть названа вполнѣ общественною. И мы позволяемъ себѣ утверждать, что именно такой, не только продолжительной, многолѣтней, но и цѣльной, послѣдова-

тельной, законченной и особенно *рѣдкой по успѣху*, дѣятельности по народному образованію, кромѣ него, г. Тихомирова, едва ли можетъ у насъ представить кто-нибудь другой. За него, кромѣ его популярности по всей Россіи и между тысячами учениковъ и ученицъ, говорятъ болѣе чѣмъ три милліона экземпляровъ разошедшихся и до сихъ поръ расходящихся его книгъ,—число экземпляровъ, какого, кромѣ развѣ *Родного Слова* Ушинскаго, кажется, не расходилось у насъ по школамъ никогда!

Что же далъ школѣ этотъ рѣдкій по желѣзной энергіи человѣкъ, дождавшійся, слава Богу, при жизни признанія своихъ заслугъ, что далъ онъ народу, вышедшій изъ народа самъ и среди него вскормленный?

Дѣятельность Д. И. Тихомирова можетъ быть охарактеризована, *во-первыхъ*, какъ *педагогическо-литературная*, — главнымъ образомъ, въ смыслѣ составленія многочисленныхъ школьныхъ учебниковъ, руководствъ и пособій, по которымъ училось нѣсколько милліоновъ учениковъ и не одинъ десятокъ тысячъ учителей и учительницъ,—а также, въ смыслѣ организаціи и руководства школами, учительскими курсами, составленія программъ, участія въ разныхъ комитетахъ и т. п. *Во-вторыхъ*, чтò особенно важно—вся эта дѣятельность была не однимъ только формальнымъ дѣломъ простого практическаго обученія, но дѣломъ *живымъ*, полнымъ *любви* къ школѣ, къ народному учителю, къ народу, изъ котораго онъ вышелъ и самъ. Эта дѣятельность, кромѣ того, всегда отличалась *идейностью*, освѣщающею и согрѣвающею всѣ его книги, его преподаваніе, его занятія на учительскихъ курсахъ. Идейность эта—взглядъ на школу не какъ мастерскую обученія грамотѣ и счету, а какъ на учрежденіе великое, широко просвѣтительное, какъ, по его любимому выраженію, сказанному знаменитымъ Амосомъ Коменскимъ, на *мастерскую гуманности*. Школа, по его мнѣнію, не должна давать одно формальное знаніе, которое одно можетъ стать орудіемъ зла; онъ настоятельно требуетъ отъ школы осуществленія задачъ воспитательныхъ, въ смыслѣ очеловѣченія нашего темнаго народа духомъ любви къ Богу, къ человѣку, къ родинѣ, къ природѣ, къ труду; учитель же народный—не жалкій шульмейстеръ, ловкій мастеръ грамоты, это—почетнѣйшій слуга государству, обществу, народу, это—глашатай истины, носитель свѣта знанія и любви.

Всѣхъ учебныхъ руководствъ составлено Д. И. Тихомировымъ около двадцати. Они относятся, *во-первыхъ*, собственно къ обученію родному языку (самая важная заслуга); *во-вторыхъ*, обнимаютъ нѣкоторые другіе школьные предметы.

Родной языкъ, справедливо полагаемый нашимъ педагогомъ въ краю угла всего школьнаго преподаванія, можно сказать, послѣдовательно исчерпанъ имъ вполнѣ, по крайней мѣрѣ—въ объемѣ курса нормальной народной школы. Начавъ еще въ 1870 г. съ *Азбуки правописанія* и *Букваря*, разошедшагося болѣе чѣмъ въ 1.300,000 экземплярахъ, Д. И. Тихомировъ издаетъ въ 1874 г. свой *Элементарный курсъ грамматики* (1.000,000 экземпл.). На эти-то книги обратилъ особенное вниманіе С.-Пе-

тербургскій комитетъ грамотности и въ своемъ *Обзорѣ русской учебно-народной литературы,* вышедшемъ въ 1877 г., призналъ ихъ, вмѣстѣ съ его же книгами для обученія церковно-славянскому чтенію, лучшими изъ всѣхъ существующихъ книгъ по обученію языку. Здѣсь кстати сказать, что изданныя г. Тихомировымъ въ 1885 г. двѣ книги—*Книга для церковно-славянскаго чтенія* и *Руководство* къ ней для преподавателя, по цѣлой массѣ искусно подобраннаго, благотворно-воспитательнаго матеріала и по сближенію славянскаго текста съ объяснительнымъ чтеніемъ, у насъ пособія по своеобразности единственныя, которыя вполнѣ могутъ служить благодарнѣйшимъ матеріаломъ и при преподаваніи Закона Божія. И всѣ эти книги по родному языку, что особенно важно,—не плодъ только кабинетнаго труда, но прямо выработались на практикѣ, такъ какъ почти съ самаго окончанія курса въ 1866 г. въ Московской учительской семинаріи военнаго вѣдомства г. Тихомировъ всегда стоялъ у школьнаго дѣла и въ качествѣ учителя, и руководителя педагогическихъ курсовъ, и организатора, и наблюдателя народныхъ школъ. Этотъ-то многолѣтній опытъ и привелъ его къ созданію въ 1887 г. самаго капитальнаго труда *Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ* (методика)—достойному результату болѣе чѣмъ двадцатилѣтней практики. Оригинальная по замыслу и широтѣ взглядовъ на дѣло, особенно полно разсматривающая задачи объяснительнаго чтенія, которому даетъ авторъ широкое развитіе на счетъ умаленія формальной грамматики до minimum'а, горячо и просто написанная, *Методика* эта обратила на себя общее мнѣніе печати и по настоящее время представляетъ необходимое пособіе и руководство для всякаго народнаго учителя, и даже, по нашему мнѣнію, должно было бы быть таковымъ и для учителей и учительницъ младшихъ классовъ гимназій. Уже въ слѣдующемъ 1888 г., 6 ноября, въ общемъ многолюдномъ собраніи С.-Петербургскаго комитета грамотности, единогласно и при общихъ рукоплесканіяхъ, Д. И. Тихомирову была присуждена за его педагогическую и литературную дѣятельность золотая медаль.

Но мысли и требованія, предъявленныя къ преподаванію языка въ *Методикѣ,* потребовали и составленія особой книги для чтенія. И вотъ, г. Тихомировъ, всегда ведшій замѣтки о прорабатываемомъ въ классѣ, или на курсахъ, матеріалѣ, постепенно подготовляетъ свой послѣдній, достойно увѣнчавшій въ 1896 г. его тридцатилѣтнюю дѣятельность, трудъ—обширную, въ трехъ выпускахъ книгу для класснаго чтенія, бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и семьѣ, *Вешніе всходы,* съ особымъ приложеніемъ *Руководство для учителей.* Не входя въ разсмотрѣніе этого серьезнаго труда, успѣвшаго за какой-нибудь годъ уже пріобрѣсти довольно широкое распространеніе въ школѣ, ограничимся только указаніемъ на его особенности.

Это—цѣлая, строго систематическая, большею частью заранѣе провѣренная на практикѣ во многихъ школахъ, по подготовляемому матеріалу, энциклопедія знаній о человѣкѣ и природѣ, поскольку они необходимы въ

цѣляхъ воспитательно-образовательныхъ, въ смыслѣ пробужденія любознательности и подготовленія къ дальнѣйшему самообразованію,—и, притомъ, энциклопедія важнѣйшихъ свѣдѣній изъ географіи и исторіи. Составлена книга съ большимъ вкусомъ, почти исключительно по русскимъ образцовымъ писателямъ, большею частью изъ новыхъ, еще не появлявшихся въ другихъ книгахъ для чтенія, стихотворныхъ и прозаическихъ образцовъ, расположенныхъ въ строгой постепенности и концентрической системѣ, и для дѣтей интересныхъ. Книга, преслѣдуя, конечно, прежде всего, цѣли образовательныя, старается заложить въ душѣ ребенка прочныя основы гуманной этики, знакомя съ отношеніями семейными *(Въ родной семьѣ)*, отношеніями людей между собой вообще *(Между своими и чужими)*, къ труду и знанію и, наконецъ, къ жизни общественной *(Трудъ и знаніе. Изъ общественной жизни)* и государственной, къ закону, къ важности взаимопомощи и общаго труда на пользу родинѣ.

Такимъ-то образомъ всѣ указанныя нами книги составляютъ цѣлый законченный циклъ руководствъ и пособій по родному языку въ общенародной школѣ, какъ для учащихся, такъ и методологическихъ, для учителей. Чуждыя рутины формальныхъ знаній и неумѣреннаго увлеченія грамматикой, которой, къ великому горю школы, и низшей, и средней, въ явный ущербъ всѣмъ воспитательнымъ цѣлямъ преподаванія родного языка, и до сихъ поръ дается предпочтеніе, книги эти учатъ мыслить и чувствовать, на прекрасныхъ литературныхъ образцахъ, посредствомъ объяснительнаго и выразительнаго чтенія, и изъ родного языка дѣлаютъ для учащихся интереснѣйшій и пріятный учебный предметъ. Учась по этимъ книгамъ, созданнымъ не однимъ знаніемъ и опытомъ, но и любовью, многія поколѣнія русскихъ дѣтей выучатся любить родину и родную литературу, соединяя пріобрѣтеніе знаній съ эстетическимъ наслажденіемъ. Уже эта одна заслуга г. Тихомирова по обученію родному языку заслуживаетъ величайшей благодарности всего русскаго общества и народа. Изъ другихъ книгъ нельзя не указать еще и на его книгу *Изъ исторіи родной земли,* въ яркихъ разсказахъ и очеркахъ обнимающую всю исторію Россіи до освобожденія крестьянъ включительно.

Не менѣе благотворна и почтенна дѣятельность Д. И. Тихомирова практическая, въ смыслѣ учителя и руководителя. По окончаніи въ 1866 г. курса въ Московской учительской семинаріи военнаго вѣдомства первымъ ученикомъ перваго выпуска, онъ оставляется при ней, и черезъ два года опредѣляется учителемъ русскаго языка въ открытую при семинаріи образцовую школу, гдѣ, какъ талантливѣйшій преподаватель, обращаетъ на себя вниманіе представителей земствъ, нарочно пріѣзжавшихъ въ Москву учиться организаціи семинарскаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ онъ, вмѣстѣ съ товарищами по выпуску, безплатную школу для взрослыхъ рабочихъ на фабрикѣ Михайлова, — первую для рабочихъ въ Москвѣ; дѣятельно работаетъ въ московскомъ комитетѣ грамотности по разработкѣ разнообразныхъ вопросовъ школьныхъ программъ и участвуетъ въ орга-

низаціи педагогическихъ курсовъ для учительницъ городскихъ школъ. Съ 1872 г., болѣе двадцати лѣтъ, руководитъ онъ устроенной имъ же школой при фабрикѣ Саввы Морозова сынъ и К°, гдѣ число учащихся достигаетъ 1,200 чел., а кромѣ того, еще болѣе 15 лѣтъ, завѣдывалъ большой школой при фабрикѣ Товарищества Тверской мануфактуры.

Но особенно видной является дѣятельность г. Тихомирова на женскихъ педагогическихъ курсахъ московскаго общества гувернантокъ, — курсахъ, которымъ 18 февраля нынѣшняго 1897 г. исполнилось уже цѣлыхъ четверть вѣка. Тамъ работалъ онъ еще въ первые годы ихъ существованія; тамъ же во всѣ послѣднія 18 лѣтъ читалъ онъ изъ году въ годъ безплатно методику русскаго языка, руководя практическими занятіями слушательницъ. Въ это симпатичное учрежденіе стекается ежегодно съ разныхъ концовъ Россіи болѣе 200 лицъ, такъ что за все время пребыванія г. Тихомирова руководителемъ, устроившимъ и расширившимъ всю организацію курсовъ, черезъ его руки прошло не менѣе 4,000 учительницъ и воспитательницъ, разнесшихъ по всей Россіи живой методъ своего почтеннаго учителя и любовь къ школьному дѣлу.

Присоединивъ къ этой многолѣтней дѣятельности на курсахъ еще постоянное энергическое участіе въ работахъ московскаго комитета грамотности, организацію и руководительство, въ качествѣ инспектора, школами московскаго благотворительнаго общества и безвозмездное завѣдываніе московскими пріютами, нельзя не признать, что вся болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя дѣятельность г. Тихомирова всецѣло и благотворно прошла на службѣ просвѣщенія народныхъ массъ.

Но, среди всей этой дѣятельности, ярко выдѣляется еще одна сторона, гдѣ высказалась его крупная педагогическая талантливость: это — руководительство курсами для *народныхъ* учителей и учительницъ и учительскими съѣздами еще въ семидесятыхъ годахъ (въ Ромнахъ, на трехъ въ Серпуховѣ, въ семинаріи Максимовича, въ Твери и въ Москвѣ). На этихъ съѣздахъ перебывало до 400 учителей и учительницъ, и множество письменныхъ благодарностей земствъ и горячихъ адресовъ отъ учащихся свидѣтельствуютъ о принесенной этими съѣздами пользѣ. Съѣзды и курсы вскорѣ были запрещены; но вотъ, благодаря ходатайству черниговскаго земства, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, учительскіе курсы разрѣшаются снова, и въ іюлѣ 1894 года торжественно открываются въ городѣ Черниговѣ. Во главѣ ихъ становится полный опыта, энергіи, силъ, горячей любви и вѣры въ святое дѣло просвѣщенія все тотъ же Д. И. Тихомировъ. Этотъ первый съѣздъ, послѣ такого долгаго перерыва,—по-истинѣ радостнѣйшее событіе въ скромной исторіи нашей народной школы. Болѣе 300 учителей и учительницъ съѣхалось въ Черниговъ не только изъ одной Черниговской губерніи, но и изъ Кіевской, Полтавской, Екатеринославской и другихъ; курсы эти посѣщаются всей интеллигенціей города и восторженно привѣтствуются всѣми провинціальными южными, кіевскими, одесскими, харьковскими, газетами. Въ связи же съ этими курсами ускорилось и разрѣшеніе

уже давно назрѣвшихъ вопросовъ: о библіотекахъ, складахъ книгъ, и возбуждены были ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ курсъ учениковъ. Наглядный памятникъ этихъ первыхъ, черезъ двадцать лѣтъ, учительскихъ курсовъ—это прекрасно составленная и изданная въ 1895 году черниговскою земскою губернскою управой, съ портретомъ руководителя, книга *Педагогическіе курсы для учителей первой группы уѣздовъ Черниговской губерніи*, представляющая подробнѣйшій отчетъ о всѣхъ занятіяхъ курсовъ и стенографически записанные образцовые уроки и бесѣды самого руководителя.

За черниговскими курсами послѣдовали черезъ два года, уже въ 1896 году, педагогическіе курсы для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ Черниговской же губерніи Конотопскаго уѣзда (17 мая—7 іюня). Въ *Дневникѣ* этихъ курсовъ, вышедшемъ осенью того же года отдѣльною книжкой въ Москвѣ, представляющей также цѣлую массу свѣдѣній и разнообразнаго педагогическаго матеріала, не можемъ не остановиться на прекрасной вступительной бесѣдѣ почтеннаго руководителя, обращенной къ собравшимся народнымъ учителямъ и учительницамъ, такъ какъ она показываетъ общій характеръ и значеніе, которое онъ такимъ съѣздамъ учителей придаетъ. Указавъ на замѣчаемое у насъ всеобщее стремленіе къ образованію и вниманіе къ народной школѣ, какъ на несомнѣнные признаки общественнаго и народнаго роста; указавъ на любовь къ дѣлу и матеріальныя жертвы, которыя, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, несетъ русскій народный учитель, Д. И. Тихомировъ говоритъ:

«Безъ любви къ школьному дѣлу, безъ матеріальныхъ и нравственныхъ жертвъ на его пользу со стороны лицъ, работающихъ для его развитія, особенно же со стороны народнаго учителя,—едва ли можно ожидать прочныхъ успѣховъ. Позволю себѣ, какъ видѣвшему и знающему тысячи народныхъ учителей и учительницъ, засвидѣтельствовать здѣсь, что нашъ современный народный учитель—человѣкъ *«богатый»* и можетъ для всѣхъ дать урокъ, въ чемъ истинное счастье: онъ богатъ не *положеніемъ общественнымъ* (хотя его значеніе и труды уже признаны и оцѣнены лучшею частью нашего общества); онъ богатъ не *матеріальнымъ* своимъ *благосостояніемъ* (хотя теперь, въ силу его заслугъ, начинаютъ заботиться хотя бы о сносномъ его обезпеченіи),—нѣтъ, его богатство болѣе значительно: онъ богатъ любовью къ народу и къ своему просвѣтительному дѣлу; онъ богатъ неистощимымъ терпѣніемъ, беззавѣтною готовностью трудиться до потери здоровья, силъ, даже самой жизни, до забвенія насущныхъ нуждъ своей собственной семьи... въ этомъ и находитъ онъ свое личное счастье...

«Пройдутъ годы... наступитъ судъ исторіи... и грядущія поколѣнія оцѣнятъ безкорыстные труды и всяческія жертвы на благо народа, какъ общественныхъ группъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ,—какъ извѣстныхъ, такъ и безымянныхъ героевъ...

«Облегчить, всесторонне освѣтить, и тѣмъ еще болѣе возвысить трудъ учителя, сдѣлать этотъ трудъ болѣе плодотворнымъ при меньшей затратѣ

силъ—вотъ главная задача предстоящихъ намъ работъ на пользу народнаго просвѣщенія...

„... Благослови же,
Господи правый,
Счастьемъ и славой
Дѣло любви!
Мы же немного
Просимъ у Бога:
Честное дѣло
Дѣлать умѣло
Силы намъ дай!

«А это дѣло наше — служеніе на благо народу; а главный источникъ этого блага—просвѣщеніе:

Доля народа,
Счастье его, —
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!"

«Если наши курсы внесутъ въ дѣло народнаго учителя, а черезъ него и въ народъ, хотя бы нѣсколько новыхъ лучей свѣта,—я почту нашу задачу исполненной... Будемъ же работать, господа! Мы не одни... за насъ и съ нами всѣ лучшія силы, какія есть въ настоящее время въ Русской землѣ!»

Какъ и черниговскіе, курсы конотопскіе не прошли безслѣдно: подъ вліяніемъ ихъ земцы рѣшили открыть общественную библіотеку, которой могли бы пользоваться учителя города.

Въ томъ же 1896 году, во второй половинѣ августа, были открыты, подъ руководствомъ того же Д. И. Тихомирова, краткосрочные губернскіе педагогическіе курсы въ Твери, *Записки* о которыхъ, составленныя самимъ руководителемъ, вышли въ изданіи редакціи, редактируемаго имъ же, старѣйшаго дѣтскаго журнала *Дѣтское Чтеніе* и продаются въ пользу общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ Тверской губерніи.

Эти тверскіе курсы особенно важны въ томъ отношеніи, что они были организованы въ совершенно новой формѣ. По разосланной заранѣе программѣ учителя представили болѣе 70 сообщеній (рефератовъ), и эти сообщенія были подвергнуты, совмѣстно со всѣми участниками курсовъ, обсужденію, причемъ руководитель и самъ читалъ, по тому или другому вопросу, лекціи, выставляя замѣченные въ сообщеніяхъ недостатки. Эти сообщенія, вышедшія, какъ и лекціи въ *Запискахъ,* дали также массу интереснѣйшаго матеріала. Можно надѣяться,—писали мы еще въ прошломъ году,—что успѣхъ этой формы курсовъ (среднiй между курсами и съѣздами, которые, къ величайшему сожалѣнію, не разрѣшаются и до сихъ поръ) и примѣръ ихъ тверской организаціи вызоветъ распространеніе подобныхъ же курсовъ по Россіи повсюду. Наша надежда отчасти уже осуще-

ствляется. Въ это лѣто, въ маѣ, г. Тихомировъ велъ, подобнымъ же образомъ организованные, курсы въ Полтавѣ; нынѣ, къ величайшему удовольствію всѣхъ его многочисленныхъ почитателей, въ августѣ мы видимъ его руководителемъ курсовъ для учителей и учительницъ передъ многочисленной публикой, интересующейся дѣломъ народнаго образованія, здѣсь, въ самой первопрестольной столицѣ—Москвѣ.

Такова въ самыхъ общихъ, наиболѣе крупныхъ чертахъ, болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя служба Дмитрія Ивановича Тихомирова просвѣщенію русскаго народа,—служба, повторяемъ, у насъ, въ своемъ родѣ, едва ли не единственная по продолжительности, послѣдовательности, широкой по Россіи распространенности и особенно по вполнѣ заслуженному успѣху, который, по крайней мѣрѣ при жизни, не выпадалъ, кажется, ни одному русскому педагогу. Какъ видитъ читатель, за эту дѣятельность говорятъ сами приводимые нами факты, которые за эти тридцать лѣтъ у всѣхъ на виду. Всѣ эти-то факты, вмѣстѣ взятые, справедливо заслужили нашему дѣятелю единодушную признательность обоихъ—и петербургскаго, и московскаго—комитетовъ грамотности, съѣздовъ по профессіональному и техническому образованію,—словомъ, многихъ учрежденій, которымъ близко дѣло просвѣщенія русскаго народа: всѣ они почтили энергическаго дѣятеля медалями, почетными отзывами, одобреніями, адресами.

Но, помимо уже своего крупнаго педагогическаго и общественно-патріотическаго значенія, тридцатилѣтняя дѣятельность Д. И. Тихомирова дорога намъ еще и потому, что въ ней мы видимъ успѣхи нашей русской народной просвѣтительной школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую гарантію ея ближайшаго лучшаго будущаго. Пожелаемъ же все бо́льшаго и большаго распространенія и торжества проводимыхъ г. Тихомировымъ благотворныхъ педагогическихъ идей, а ему самому еще долгаго служенія на пользу народу.

Викторъ Острогорскій.

Цейлонскiе ведды и ископаемое человѣкоподобное существо съ о-ва Явы.

(Зоо-антропологическiй очеркъ).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, резюмируя, по поводу одной изъ рѣчей Вирхова, взгляды наиболѣе авторитетныхъ зоологовъ и антропологовъ по вопросу о происхожденiи человѣка, я высказалъ глубокую увѣренность, что будущее рано или поздно дастъ новыя доказательства прямого родства человѣка съ приматами вообще и человѣкоподобными обезьянами въ частности. Но въ то время ни я и никто другой изъ интересовавшихся этимъ вопросомъ не думалъ, что мы находимся наканунѣ открытiя огромной важности,— открытiя, вызвавшаго большой споръ, но въ концѣ-концовъ принесшаго эволюцiонистамъ драгоцѣнное подтвержденiе отстаиваемыхъ ими взглядовъ. Мы говоримъ о найденныхъ д-ромъ Дюбуа на о. Явѣ остаткахъ человѣкоподобнаго существа, названнаго имъ *питекантропомъ*. Съ другой стороны, въ то же самое время, братья Саразины издавали свои антропологическiя изслѣдованiя жителей Цейлона, остановившись съ особеннымъ вниманiемъ на *веддахъ*. Собственно антропологи мало интересовались веддами, находясь подъ влiянiемъ предвзятой идеи, что ведды представляютъ собою вновь одичавшее малочисленное цейлонское племя, близкое къ культурнымъ сингалезцамъ. Саразины же, убѣдившись, что всѣ памятники древней культуры на Цейлонѣ не имѣютъ никакого отношенiя къ веддамъ, что ведды представляютъ собою искони дикое племя, со множествомъ примитивныхъ анатомическихъ особенностей, разработали вопросъ объ этомъ племени замѣчательно законченно. Зоологическая точка зрѣнiя, которой держались Саразины, оказала имъ неоцѣненную услугу: зоологи издавна привыкли въ малочисленныхъ, уединенныхъ формахъ встрѣчать, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе древнихъ представителей сосѣднихъ съ ними въ системѣ группъ. Отсюда понятенъ интересъ, который имѣютъ для зооантропологовъ такiя обособленныя племена, какъ ведды, акка и др. Въ нихъ всего скорѣе можно ожидать встрѣтить примитивныя особенности, и пока наши ожиданiя въ этомъ отношенiи еще не были обмануты. Но зна-

ченіе выводовъ изъ изслѣдованій Саразиновъ еще болѣе возрастаетъ отъ сопоставленія ихъ съ находкой Дюбуа: на основаніи этихъ данныхъ мы можемъ значительно сузить границы той области, гдѣ съ полнымъ правомъ можно разсчитывать найти колыбель человѣческаго рода.

Такимъ образомъ, наука шагъ за шагомъ отвоевываетъ то, что составляло достояніе легендъ и сказочныхъ вымысловъ, и благодаря своему методу постепенно проливаетъ свѣтъ на отдаленнѣйшія эпохи въ исторіи человѣчества.

I.

Хотя изслѣдованія Цейлона начались издавна, наши свѣдѣнія о природѣ этого острова до послѣдняго времени не отличались точностью.

Цейлонъ лежитъ между 6° и 10° с. ш., слѣдовательно въ области муссоновъ, и этимъ въ значительной степени объясняются особенности его природы. По величинѣ равный приблизительно Ирландіи, этотъ островъ имѣетъ яйцевидную форму, съ обращеннымъ къ сѣверу болѣе узкимъ концомъ. Въ центрѣ расширенной южной половины возвышается довольно значительная и сложная горная группа, круто обрывающаяся на своей южной сторонѣ, гдѣ мѣстами она достигаетъ до 7,000 фут.; къ сѣверу горы переходятъ въ равнинную часть острова весьма постепенно. Низменная полоса охватываетъ центральную горную страну поясомъ разной ширины.

Почва Цейлона состоитъ изъ первичныхъ горныхъ породъ и продуктовъ ихъ вывѣтриванія. Главныя горныя массы, а также многіе изъ ихъ отроговъ и разбросанные въ низменностяхъ центры состоятъ изъ гнейса, мѣстами превратившагося путемъ вывѣтриванія въ легко рѣжущуюся сыроподобную массу. Размытый и унесенный водою, онъ же представляетъ почву низменныхъ частей острова, то мѣдно-, то даже киноварно-краснаго цвѣта, откуда древнее названіе острова—Тамбапанни, что значитъ—мѣдная страна. Мѣстами гнейсъ содержитъ въ себѣ графитъ. Драгоцѣнные камни, именно сафиры, рубины, хризобериллы находятъ въ наносныхъ глинистыхъ почвахъ.

Береговая полоса острова состоитъ изъ ракушника, песчаника и коралловаго известняка. Мѣстами отмели ракушника чисто-бѣлаго цвѣта, мѣстами, напротивъ, приближаются къ черно-бурому. Довольно многочисленные въ восточной части острова, теплые источники имѣютъ температуру отъ 35° до 62° Ц. Въ одномъ изъ такихъ источниковъ, имѣющемъ при своемъ выходѣ 52° Ц., далѣе, гдѣ температура доходитъ только до 32°, живутъ многочисленные рыбы, раки, краббы и даже одна черепаха. Коегдѣ у южнаго подножія горъ находятся глубокія пещеры, съ которыми сингалезцы связали разныя легенды.

Климатъ Цейлона далеко не однообразенъ. Не говоря уже о большой разницѣ въ температурѣ между горною страной и низменностями, весь островъ можно раздѣлить на двѣ части: влажную и сухую, изъ коихъ къ

первой принадлежитъ юго-западъ Цейлона вмѣстѣ съ центральной горной страной, а ко второй все остальное пространство. Это дѣленіе обусловливается вліяніемъ юго-западнаго и сѣверо-восточнаго муссона. Первый начинается обыкновенно съ апрѣля. Насыщенный водяными парами горячій воздухъ, направляясь съ юго-запада, осаждаетъ почти всю свою влагу на горахъ центральной части острова, и потому въ теченіе апрѣля, мая и іюня здѣсь выпадаетъ огромное количество водяныхъ осадковъ. По ту сторону горъ юго-западный муссонъ сказывается весьма слабо, въ это время здѣсь господствуетъ засуха и только многоводіе стекающихъ съ горъ рѣкъ указываетъ на падающіе въ горахъ дожди. Сѣверо-восточный муссонъ дуетъ въ теченіе октября, ноября и декабря и приноситъ съ собой дождливое время не только для сухой части острова, но и для влажной, которая такимъ образомъ въ теченіе года имѣетъ два дождливыхъ періода. Впрочемъ, не только въ центральной горной странѣ, но и на вершинахъ отдѣльныхъ разбросанныхъ горъ тучи собираются и дожди выпадаютъ и въ періодъ засухъ, такъ что въ горной странѣ Цейлона ясные, не дождливые дни длятся только съ января по мартъ.

Большинство дождей, выпадающихъ въ низменностяхъ, сопровождается грозами, и арабскіе моряки по частому блеску молніи безошибочно узнавали Цейлонъ. Саразины говорятъ, что когда они въ мартѣ мѣсяцѣ плыли вокругъ юго-западной части Цейлона, молніи надъ нимъ не прекращались. Но если атмосфера острова вообще богата электричествомъ, то тѣмъ сильнѣе это выражено во время муссоновъ. Молніи и раскаты грома тогда положительно не прекращаются, а разыгрывающіяся при этомъ бури достигаютъ такой силы, что огромныя кокосовыя пальмы гнутся какъ тростникъ. Шумъ падающаго дождя и раскаты грома въ это время такъ сильны, что даже въ домѣ надо сильно повышать голосъ, чтобы слышать другъ друга. Чтобы судить о силѣ и быстротѣ, съ которой начинается дождь, достаточно сказать, что иногда онъ обиваетъ всю крону даже очень большихъ деревьевъ, усыпая почву ихъ вѣтвями и листьями, и само собою разумѣется, что отъ него нельзя спастись никакимъ зонтомъ. Застигнутые такимъ дождемъ мгновенно вымокаютъ до нитки, но на европейцевъ онъ не производитъ никакого непріятнаго впечатлѣнія, тогда какъ туземцы Цейлона боятся дождя и, попавши подъ него, буквально дрожатъ отъ холода.

Годовыя колебанія температуры на всемъ островѣ весьма незначительны, что же касается суточныхъ, то совершенно обратно — они достигаютъ даже нѣсколькихъ десятковъ градусовъ. Къ этому надо прибавить, что на горахъ температура въ среднемъ очень низка и по ночамъ въ жилищахъ надо поддерживать огонь, хотя на солнцѣ среди дня бываетъ очень жарко.

Такимъ образомъ Цейлонъ представляется какъ бы колоссальнымъ постаментомъ, на которомъ возвышается огромный тронъ—центральная горная страна. Правда, отдѣльныя возвышенности разбросаны и среди низменности, но, не будучи значительными (самыя высокія изъ нихъ около 2,000 фут.), онѣ не мѣшаютъ сдѣланному сравненію. Естественно, что съ

орографіей и климатическими особенностями острова связаны также особенности его растительнаго и животнаго населенія.

Самая сухая часть острова—его юго-восточный берегъ. Благодаря положенію острова и песчаной почвѣ, жара въ сухое время года въ прибрежной полосѣ бываетъ совершенно невыносима, и тамъ, гдѣ нѣтъ рѣкъ, здѣсь нѣтъ и другихъ лѣсовъ, кромѣ своеобразныхъ зарослей эвфорбіи. Однако теченія рѣкъ вездѣ сопровождаются лѣсами кумбуковыхъ деревьевъ, на первый взглядъ представляющихся какъ бы огромными платанами. Замѣчательное свойство этихъ деревьевъ заключается въ томъ, что если ихъ стволъ поджечь въ какомъ-нибудь мѣстѣ, то онъ продолжаетъ тлѣть, не теряя своей формы, въ продолженіе очень долгаго времени, причемъ горитъ изнутри кнаружи и выгораетъ до самыхъ концовъ корней, оставляя послѣ себя сѣроватую золу. Если ночью вѣтеръ проникаетъ въ горящее дерево, оно начинаетъ свѣтиться красноватымъ свѣтомъ, представляя собою совершенно сказочный видъ. Саразины видѣли одинъ огромный стволъ, который продолжалъ тлѣть спустя цѣлыхъ три мѣсяца послѣ того какъ его подожгли. Однако и въ этой сухой странѣ бываетъ своя весна, послѣ приносимыхъ муссономъ дождей, и тогда мѣстность принимаетъ совсѣмъ другой видъ, благодаря обильно развивающимся злакамъ.

Вообще говоря, низменный поясъ сухой части Цейлона можетъ быть раздѣленъ на три зоны: береговую, съ пальмами, особенно кокосами и пальмирами, слѣдующую за нею—съ рисовыми полями и наконецъ—лѣсную. Тамъ и сямъ въ этой области разбросаны обширныя озера, сохранившіяся еще съ тѣхъ поръ, когда, за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, сингалезскіе короли устраивали искусственные водоемы для рисовой культуры. Когда, позднѣе, сингалезцы вынуждены были выселиться въ болѣе влажную часть острова, плотины этихъ водоемовъ отчасти прорвались, а сами водоемы мѣстами превратились въ обширныя болота. О томъ, сколько времени существуютъ эти плотины, можно легко судить по огромнымъ растущимъ на нихъ смоковницамъ. Поверхность сохранившихся озеръ покрыта лотосомъ и кувшинками. Лѣса въ этой части острова большею частью производятъ однообразное впечатлѣніе оливково-зеленаго общаго фона съ массою кожистыхъ блестящихъ листьевъ. Цвѣты вообще рѣдки, но, естественно, послѣ дождей встрѣчаются гораздо чаще.

Переходъ отъ сухой части острова къ влажной весьма ощутителенъ, благодаря тому, что наблюдается на небольшомъ разстояніи. Береговая зона вмѣсто пустынности производитъ здѣсь впечатлѣніе страны съ богатою растительностью, особенно благодаря многочисленнымъ пальмамъ, хлѣбному дереву, смоковницамъ съ воздушными корнями, бананамъ и т. д. И общій тонъ здѣсь гораздо ярче, и разнообразіе колеровъ неизмѣримо больше. Но главнымъ указателемъ влажной части острова служитъ его насыщенная парами атмосфера.

Точно также какъ въ юго-восточной области Цейлона, и въ описываемой нынѣ за береговой зоной идетъ зона рисовой культуры, а у подножія

горъ—роскошный тропическій лѣсъ, занимающій здѣсь гораздо болѣе широкую полосу. Чудную и своеобразную картину можно наблюдать здѣсь при закатѣ солнца. Едва солнце скроется за деревьями, весь западъ окрашивается въ яркій оранжевый цвѣтъ, тогда какъ деревья, особенно пальмы, поразительно рѣзко вырисовываются на немъ черными силуэтами. Это продолжается съ часъ. Когда же золотой свѣтъ вечерней зари погасаетъ, далекій западъ окрашивается какъ бы свѣтомъ краснаго бенгальскаго огня. Напротивъ, въ другихъ частяхъ острова переходъ отъ дневного свѣта къ ночному мраку поразительно быстръ и, какъ вездѣ подъ тропиками, ночь почти сразу смѣняетъ день послѣ 6 час. вечера.

Что касается центральной горной страны, то высочайшая ея вершина, Педуруталагала, имѣетъ 8,300 фут., слѣдовательно на 1,000 фут. выше хорошо извѣстнаго Адамова пика. Приблизительно на высотѣ 3,000 фут. начинается область горныхъ лѣсовъ, гдѣ прежде были многочисленныя кофейныя плантаціи и гдѣ теперь, послѣ того какъ кофейныя деревья погибли отъ грибка, на мѣсто ихъ разведены чайныя насажденія. Остатки лѣса, сведеннаго на опредѣленной высотѣ подъ плантаціи, совершенно ничтожны, что же касается самыхъ плантацій, то трудно представить себѣ что-либо менѣе привлекательное, такъ какъ чайные кусты совершенно не закрываютъ собою красную или желтую почву, тѣмъ болѣе, что ихъ сажаютъ далеко другъ отъ друга. Но, вообще говоря, горная страна весьма разнообразна и здѣсь встрѣчаются какъ травянистыя площади, такъ и чисто-парковые ландшафты. Къ тому же отсюда берутъ свое начало рѣки Цейлона, а по ихъ теченію развивается весьма богатая кустарная растительность.

Горныя вершины поднимаются или округлыми куполами, или конусами, или, наконецъ, образуютъ зубчатыя вершины небольшихъ хребтовъ. Педуруталагару, наприм., можно сравнить съ гигантской кротовой кучей, одѣтой лѣсомъ. Только на вершинѣ горы лѣсъ сведенъ, чтобъ отсюда открыть видъ на весь островъ. Адамовъ пикъ имѣетъ конусообразную форму, и кому удавалось попадать на него къ восходу солнца, тѣ описываютъ не только поразительно красивую смѣну окраски неба, но и въ высшей степени оригинальное зрѣлище, когда уже послѣ восхода солнца тѣнь отъ Адамова пика ложится на стелющійся въ низменностяхъ туманъ. Съ одной стороны Адамовъ пикъ также одѣтъ лѣсомъ почти до самой вершины, но, благодаря особенностямъ почвы, лѣсъ здѣсь рѣдокъ. На самой вершинѣ пика, надъ небольшимъ естественнымъ углубленіемъ, которое буддисты считаютъ за слѣдъ ступни Будды, стоитъ небольшой храмъ, въ китайскомъ стилѣ, куда буддисты стекаются для поклоненія.

Хотя животный міръ Цейлона весьма богатъ, однако, что касается звѣрей, они рѣдко попадаются на глаза, за исключеніемъ такихъ мѣстъ, куда европейцы заходятъ только случайно. Слоны, буйволы, разные олени, по преимуществу изъ малорослыхъ, обезьяны, пантера и небольшія кошки, грызуны, одинъ изъ лемуровъ, одѣтый роговыми чешуями панголинъ—вотъ наи-

болѣе распространенныя изъ цейлонскихъ млекопитающихъ. Птицъ множество и между ними много пестро и ярко окрашенныхъ формъ изъ попугаевъ, щурокъ, зимородковъ, нектарокъ и пр. Въ кустарныхъ заросляхъ постоянно слышится крикъ дикаго пѣтуха, напоминающій пѣніе нашихъ подрастающихъ пѣтуховъ, въ горныхъ лѣсахъ часто встрѣчается великолѣпно окрашенная цейлонская сорока, наконецъ вездѣ множество представителей группы пташекъ. Замѣчательную черту фауны Цейлона составляетъ присутствіе въ ней многихъ формъ, ближайшіе родственники которыхъ находятся въ Южной Африкѣ, на Мадагаскарѣ и Зондскихъ о-вахъ. Хотя въ общемъ фауна Цейлона представляетъ собою фауну Индіи, съ которой этотъ островъ прежде несомнѣнно находился въ прямомъ соединеніи, однако отмѣченная особенность, общая ему съ южной Индіей, безошибочно указываетъ на прямое соединеніе этихъ странъ въ еще болѣе отдаленный періодъ съ обширнымъ материкомъ, населеннымъ животными, рѣзко разнящимися отъ современныхъ животныхъ сѣвернаго полушарія. Въ этомъ соединеніи Цейлона съ Индіей и вообще обширнымъ материкомъ и кроется его историческое значеніе. Низшія позвоночныя и безпозвоночныя въ свою очередь подтверждаютъ сказанное, и потому, не останавливаясь на нихъ долѣе, ограничимся лишь упоминаніемъ о крайнемъ разнообразіи формъ бабочекъ.

Таковы физико-географическія условія острова, на которомъ живутъ три туземныхъ племени: сингалезцы, тамилы и ведды.

Самое многочисленное племя—сингалезцы, которые составляютъ $^2/_3$ всего народонаселенія Цейлона. За ними слѣдуютъ тамилы, составляющіе $^1/_4$ общаго народонаселенія. Далѣе идутъ индо-арабы, малайцы, европейцы и, наконецъ, на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ ведды, которыхъ немного болѣе 2,200 душъ. Географически сингалезцы и тамилы разграничены весьма рѣзко. Тамилы, со своимъ дравидскимъ языкомъ и браманскимъ культомъ, живутъ къ сѣверу и востоку отъ лѣсной области Цейлона, сингалезцы, съ арійскимъ словопроизводствомъ и буддистской религіей, находятся на западъ и къ югу отсюда. Помимо разницы въ языкѣ и религіи, тамиловъ и сингалезцовъ раздѣляетъ еще исторически сложившаяся антипатія. Путешественника, проходящаго нынѣ ненаселенными мѣстностями, крайне поражаютъ многочисленные слѣды болѣе ранней культуры. Въ лѣсной области Таманкадува лежатъ развалины древней столицы Поланнарува, основаніе которой относится не позднѣе какъ къ 8-му вѣку нашей эры. Въ другой, нынѣ также весьма малонаселенной, области находятся также обширныя развалины Анурадхапуры, основанной даже еще въ 6-мъ вѣкѣ до Р. Х. Хотя нѣкоторые авторы склонны объяснять это тѣмъ, что прежде населеніе Цейлона было значительно,—по крайней мѣрѣ, вдесятеро—болѣе нынѣшняго, однако на это нѣтъ никакихъ указаній. Вѣроятнѣе всего, что просто произошло перемѣщеніе народонаселенія, оставившаго свои прежнія области и передвинувшагося далѣе къ юго-западу. Когда сингалезцы заняли Цейлонъ,—было это въ 6-мъ вѣкѣ до Р. Х. или ранѣе,—они, пови-

димому, основались въ сѣверной части острова, но потомъ на нихъ начали нападать южно-индійскіе тамилы, и эти нападенія, наконецъ, усилились до того, что сингалезцы вынуждены были оставить свои отчасти разрушенные города и уйти далѣе, въ лѣсную часть острова. Все увеличивавшіеся набѣги тамиловъ, основавшихся въ свою очередь въ сѣверной части острова, выгнали затѣмъ сингалезцевъ еще далѣе къ юго-западу и такимъ-то образомъ существующія нынѣ развалины указываютъ не на болѣе развитую прежде культуру вообще, а на перенесеніе культуры съ сѣверной части Цейлона на его юго-западъ.

Тамилы пришли на островъ вовсе не въ качествѣ колонистовъ: это были разбойники, сначала опустошавшіе берега Цейлона, затѣмъ, съ основаніемъ здѣсь, проникшіе въ глубь острова. Имъ мало было дѣла до возобновленія разрушенныхъ городовъ, до исправленія оросительныхъ сооруженій: занявши береговую полосу, они основались здѣсь и нисколько не способствовали культурному развитію Цейлона. Вотъ почему между областью нынѣ занятой тамилами и областью сингалезцовъ лежитъ не сплошь дѣвственный лѣсъ, а отчасти дѣвственный, отчасти выросшій на мѣстѣ прежде обработанныхъ полей. Къ числу памятниковъ сингалезской культуры принадлежитъ и священная смоковница Цейлона, которая своимъ болѣе чѣмъ двухтысячнымъ возрастомъ какъ бы примиряетъ наше обычное лѣтосчисленіе съ геологическимъ.

Что касается области веддъ, то она ограничена съ запада центральной горною страной, съ востока—моремъ и представляетъ собою сравнительно узкую полосу. Болѣе трети всѣхъ веддъ (около 600 душъ) живетъ въ береговой полосѣ, занятой уже тамилами и индо-арабами, остальные разбросаны въ ихъ области группами. Большинство поселеній веддъ, исключая находящихся въ береговой области, расположены у подножія горъ, выступающихъ на равнинахъ, и можно думать, что ведды, добровольно или по принужденію нынѣ живущіе въ селеніяхъ, остались у подножія именно тѣхъ горъ, гдѣ прежде жили въ пещерахъ.

Веддъ обыкновенно дѣлятъ на горныхъ и осѣдлыхъ, первымъ именемъ обозначая живущихъ въ пещерахъ, вторымъ — въ хижинахъ. Однако это дѣленіе не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ и, такъ называемые, осѣдлые ведды значительную часть года проводятъ въ кочевкахъ, существуя исключительно охотой, и на это время оставляютъ свои селенія. Да и самое названіе «селеніе», «деревня» въ нашемъ смыслѣ далеко не всегда подходитъ къ селеніямъ веддъ, такъ какъ иногда послѣднее состоитъ всего изъ одной хижины, иногда же нѣсколько хижинъ разбросано на разстояніи 100—200 шаговъ другъ отъ друга. Дѣйствительно, этого названія заслуживаютъ селенія веддъ въ береговой полосѣ. Поэтому лучше всего раздѣлить веддъ на занимающихся земледѣліемъ и живущихъ исключительно охотой, назвавъ первыхъ культурными, а вторыхъ — естественными. Естественныхъ веддъ очень немного и только они и представляютъ собою чистое племя, такъ какъ культурные ведды несутъ на себѣ ясно выраженную примѣсь

крови другихъ племенъ. Такимъ образомъ, ведды, внѣ всякаго сомнѣнія, находятся на пути къ исчезновенію, но это исчезновеніе представляетъ собою не простое вымираніе, а постепенное слитіе малочисленнаго племени съ гораздо болѣе многочисленными родственными племенами. Сначала переходъ изъ естественнаго состоянія въ культурное, затѣмъ совмѣстное жительство съ другими народами и наконецъ слитіе съ ними путемъ скрещиванія — вотъ тѣ этапы, черезъ которые должна пройти будущая исторія веддъ, къ счастью, захваченныхъ изслѣдователями хоть до нѣкоторой степени въ ихъ первобытномъ состояніи.

II.

Ведды принадлежатъ къ малорослымъ племенамъ, такъ какъ средняя величина у нихъ для мужчинъ равняется только 1,576 mm. и для женщинъ—1,473, но едва ли ихъ справедливо называть карликами, такъ какъ бушмены, андаманцы, негритосы съ Филиппинскихъ о-въ и особенно африканскіе акка меньше веддъ. Грудь развита, по крайней мѣрѣ, такъ же, какъ въ среднемъ развита у европейцевъ, но руки и ноги тоньше; особенно замѣчательно недоразвитіе икръ; бедра и плечевые отдѣлы также не достигаютъ такой толщины, какъ у другихъ племенъ. Руки и ноги сравнительно длиннѣе, чѣмъ у насъ, а кромѣ того и отношеніе между верхнимъ и нижнимъ отдѣломъ конечностей у веддъ другое, чѣмъ у европейцевъ, потому что предплечье длиннѣе сравнительно съ плечомъ и голень длиннѣе сравнительно съ бедромъ, чѣмъ у европейцевъ. Продолжая то же сравненіе, мы видимъ, что ступня веддъ площе и разстояніе между большимъ пальцемъ и остальными у нихъ шире.

Общій цвѣтъ кожи весьма измѣнчивъ, но можно сказать, что у мужчинъ цвѣтъ лица буроватый, грудь же гораздо темнѣе. Что касается женщинъ, то ихъ цвѣтъ вообще болѣе постояненъ и у нихъ никогда не замѣчается такой темной окраски, какъ у мужчинъ. Сопоставляя окраску веддъ изъ разныхъ частей занятой ими области, безъ труда можно убѣдиться, что чистокровные, не смѣшавшіеся съ сосѣдями ведды свѣтлѣе тѣхъ, у которыхъ кровь уже смѣшанная. Глаза темнобурые, у женщинъ опять-таки болѣе свѣтлые, волосы черные, очень жесткіе, волнистые, но не курчавые. Очень слабое развитіе волосъ бороды весьма характерно для веддъ. На остальномъ тѣлѣ волосы также развиты слабо.

Изъ другихъ характѐрныхъ особенностей веддъ бросается въ глаза большая, длинная, сильно сплющенная спереди голова, которая лишь въ юности имѣетъ болѣе округлую форму. У женщинъ, какъ и въ другихъ племенахъ, лобъ округлѣе, чѣмъ у мужчинъ. Костныя надбровныя дуги часто достигаютъ весьма большого развитія, иногда даже сходятся другъ съ другомъ и потому глаза сидятъ въ орбитахъ очень глубоко. Лицо сравнительно широко, съ узкимъ лбомъ, носъ мало выдающійся, но съ широкими крыльями Чтобы покончить со внѣшностью веддъ, остается упомянуть, что губы

у нихъ средней толщины, ширина рта умѣренная, подбородокъ острый челюсти мало выдающіяся, иногда съ косо сидящими рѣзцами.

Оставляя пока въ сторонѣ сравненіе веддъ съ далеко отстоящими отъ нихъ племенами, такъ какъ это удобнѣе сдѣлать вмѣстѣ съ сравненіемъ ихъ организаціи съ организаціей антропоморфныхъ, остановимся здѣсь на сравненіи ихъ съ сосѣдними тамилами и сингалезцами, чтобы сразу опредѣлить взаимное отношеніе трехъ главныхъ туземныхъ племенъ Цейлона.

Ведды самое малорослое племя. Впереди ихъ стоятъ въ этомъ отношеніи сингалезцы, самые крупные, наконецъ, тамилы. Что касается пропорцій наиболѣе характерныхъ частей, то длина предплечья уменьшается относительно длины плеча отъ веддъ черезъ тамиловъ къ сингалезцамъ. Объемъ икръ, напротивъ, увеличивается въ томъ же направленіи. Хотя цвѣтъ кожи весьма измѣнчивъ у всѣхъ трехъ племенъ, но беря изъ нихъ особей чистой крови и у послѣднихъ преобладающую окраску, не трудно видѣть, что тамилы и въ этомъ отношеніи занимаютъ среднее мѣсто между веддами и сингалезцами. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что совершенно независимо отъ обычая прикрывать свое тѣло такъ или иначе, какъ у цейлонскихъ туземныхъ племенъ, такъ и у другихъ дикарей (индѣйцы Огненной Земли, папуасы, эскимосы, австралійцы), тѣло вообще темнѣе лица. Глаза самые темные у веддъ, свѣтлѣе у тамиловъ, еще свѣтлѣе у сингалезцевъ. Волосы на головѣ и на остальномъ тѣлѣ наименѣе развиты у веддъ, наиболѣе у сингалезцевъ, но здѣсь не мѣшаетъ припомнить, что у европейцевъ волосы, покрывающіе разныя части тѣла, подвержены огромнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ въ своемъ развитіи,—слѣдовательно, и у сингалезцевъ это съ полнымъ правомъ можно разсматривать какъ вторичное явленіе. Чтобы не утомлять читателя далѣе анатомическими особенностями веддъ и другихъ цейлонскихъ племенъ, ограничимся замѣчаніемъ, что во всѣхъ важныхъ наружныхъ признакахъ тамилы занимаютъ среднее мѣсто между веддами и сингалезцами; что же касается того, считать ли веддъ за низшее изъ этихъ трехъ племенъ съ искони вѣковъ, или только потерявшимъ прежнюю культуру, одичавшимъ племенемъ, то этотъ вопросъ получаетъ ясный отвѣтъ на двухъ анатомическихъ особенностяхъ веддъ: во-первыхъ, у нихъ всѣ кости необычайно нѣжны и тонки,—особенность, свойственная всѣмъ дикимъ животнымъ,—и, во-вторыхъ, объемъ черепа у нихъ наименьшій среди трехъ племенъ. Такимъ образомъ, рядъ особенностей организаціи заставляетъ насъ признать, что ведды стоятъ ниже тамиловъ и сингалезцевъ, и далѣе, что ведды—не выродившееся, а первоначально дикое племя. Въ этомъ выводѣ Саразины сходятся съ Вирховымъ, но тогда какъ послѣдній отрицалъ, вѣроятно, по недостатку матеріала, родство тамиловъ съ веддами и сингалезцами, Саразины, на основаніи тщательныхъ данныхъ, пришли къ заключенію, что тамилы и вообще большинство дравидовъ могутъ быть разсматриваемы только какъ слѣдующая ступень въ развитіи веддскаго корня, причемъ на немъ легли слѣды, особенно въ высшихъ кастахъ, внѣиндѣйской, арійской крови. Что касается сингалезцевъ, то они

стоятъ отъ веддъ далѣе, чѣмъ тамилы, и, вѣроятно, именно вслѣдствіе большей примѣси арійской крови. Однако анатомическія данныя не даютъ мѣста сомнѣнію относительно существованія въ сингалезцахъ веддскаго и дравидскаго элементовъ и такимъ образомъ дифференцировка тамиловъ и сингалезцевъ изъ веддскаго корня сводится къ разному процентному содержанію въ нихъ арійской крови.

Слѣдующій очеркъ повадокъ, образа жизни и быта веддъ еще болѣе убѣдитъ насъ въ томъ, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ дикарями, которые никогда не стояли въ культурномъ отношеніи выше, чѣмъ теперь. Да это подтверждается и историческими данными, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, 2,000 лѣтъ тому назадъ ведды были тѣмъ же, чѣмъ являются въ настоящее время.

Ведды держатся прямо, имѣютъ твердую поступь, широкій шагъ и отличаются поразительной неутомимостью въ соединеніи съ быстротою. Дѣйствуя въ 1817 г. вмѣстѣ съ сингалезцами противъ англичанъ, они довели до изнеможенія войска послѣднихъ, а чтобъ оцѣнить быстроту веддъ, достаточно привести, что говорятъ объ этомъ другіе туземцы Цейлона: по ихъ словамъ, ведды, нападя на слѣдъ оленей, уже ни въ какомъ случаѣ не упустятъ ихъ. Стоя на одномъ мѣстѣ, веддъ всегда опирается одной рукой на свой лукъ; если же стоитъ долго, то обыкновенно только на одной ногѣ, сгибая другую и упираясь ея ступнею въ колѣно выпрямленной. Сидятъ подогнувши подъ себя ноги, совершенно по-дѣтски, колѣнами впередъ, и только рѣдко такъ, какъ это принято у восточныхъ народовъ. Отдыхая, любятъ ложиться на спину, но спятъ всегда на боку. Лазаютъ хорошо, обхватывая стволъ и подтягиваясь руками и отталкиваясь ногами.

При томъ полномъ отсутствіи заботливости о себѣ, которое характеризуетъ веддъ, они еще могутъ назваться относительно чистыми, хотя моются въ среднемъ разъ въ два мѣсяца. Дождей боятся, потому что намоченные дождемъ страшно зябнутъ, и потому, завидѣвъ тучу, бросаются подъ надежное прикрытіе. Огромное количество веддъ умираетъ въ дѣтствѣ отъ лихорадки; изъ другихъ болѣзней они особенно подвержены груднымъ и накожнымъ.

Большую часть своей жизни ведды проводятъ подъ открытымъ небомъ располагаясь для отдыха у подножія большого дерева. Нормально на деревьяхъ не живутъ и не ночуютъ, но если веддамъ извѣстно, что тамъ, гдѣ они находятся, появились слоны, совершающіе постоянныя кочевки, въ такомъ случаѣ, во избѣжаніе опасности, они устраиваются на ночь на вѣтвяхъ достаточно большого дерева.

Въ настоящее время ведды почти не живутъ въ пещерахъ, такъ какъ ихъ выгоняютъ оттуда англичане, съ цѣлью заставить скорѣе привыкнуть къ жилищамъ другого рода, но прежде они обыкновенно располагались въ такихъ пещерахъ на дождливое время года. Въ сущности пещеры веддъ не заслуживаютъ этого названія: это просто углубленіе подъ навѣсомъ утеса или большого камня, гдѣ нельзя даже выпрямиться. Почва ничѣмъ не по-

крыта и представляетъ или прямо вывѣтрившійся гнейсъ, или лежащій на немъ слой золы. Ведды охотно спятъ на послѣдней и, вставши, никогда не отряхаются отъ нея.

Кромѣ пещеръ, ведды укрываются еще подъ навѣсами, которые имѣютъ слѣдующее устройство. Два вертикально вбитые кола связываются на верху горизонтальной перекладиной и на углы этой рамы кладутся два шеста, которые другими концами упираются въ землю. Концы шестовъ укрѣпляются камнями, сверху на косо идущіе шесты кладутся вѣтви, одѣтыя листьями, и этимъ незатѣйливая постройка оканчивается. Такой навѣсъ больше всего походитъ на половину крыши. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на небольшомъ разстояніи вокругъ этой первобытной хижины ведды наваливаютъ, съ цѣлью ея огражденія отъ дикихъ животныхъ, вѣтки колючихъ кустарниковъ.

У культурныхъ веддъ хижина имѣетъ другое и притомъ болѣе сложное устройство. Иногда она достраивается навѣсомъ съ другой стороны вертикальной рамы и въ такомъ случѣ походитъ на полную крышу. Иногда у простого навѣса закрываются его большія стороны либо просто вѣтвями, либо вѣтвями, которыя промазываются глиной. Не трудно себѣ представить, какъ такой навѣсъ поднятіемъ одной его стороны можетъ быть превращенъ въ настоящую хижину, и въ этомъ заключается интересъ этихъ жилищъ.

Историческія данныя прямо указываютъ на полную наготу веддъ въ былыя времена и даже теперь нельзя отрицать существованія полной наготы у естественныхъ веддъ, живущихъ въ самыхъ удаленныхъ участкахъ ихъ области, куда еще не проникло ни прямо, ни косвенно вліяніе европейцевъ. Однако у большинства даже естественныхъ веддъ въ настоящее время полная нагота наблюдается только у дѣтей, дѣвушекъ и юношей до извѣстнаго возраста. Взрослые носятъ на поясницѣ веревку, которая имѣетъ для нихъ значеніе пояса, куда можно заткнуть топоръ, и отъ этой веревки сзади напередъ между ногами пропускается широкій кусокъ сукна. Сукно всегда выбирается бѣлаго цвѣта, хотя отъ грязи, конечно, быстро утрачиваетъ свою естественную окраску, и, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ вымѣнивалось веддами у разныхъ культурныхъ народовъ, вступавшихъ съ ними въ сношенія. При отсутствіи сукна помянутыя части закрываются родомъ рогожи изъ волоконъ одного крапивнаго растенія.

Весьма интересно обыкновеніе веддъ дѣлать себѣ подобіе юбки изъ вѣтокъ съ листьями одного пахучаго растенія. Этотъ обычай удержался и до сихъ поръ у многихъ веддъ, но пока не удается рѣшить, какъ онъ возникъ: имѣло ли это значеніе украшенія при какихъ-либо торжествахъ, или просто одежды.

Стремленіе къ украшеніямъ у естественныхъ веддъ развито очень слабо. Сколько-нибудь постояннымъ обыкновеніемъ въ этомъ направленіи у нихъ является прокалываніе ушей, послѣ чего въ отверстія вставляются самые разнообразные предметы (чаще всего стеклянныя бусы). Но и это обыкно-

веніе, можно думать, заимствовано естественными веддами у сосѣднихъ народовъ, такъ какъ уши прокалываются не у дѣтей, а уже у взрослыхъ.

Что касается повязыванія шеи и рукъ тесьмами, то этому можно скорѣе придавать значеніе предохраненія отъ разныхъ болѣзней, чѣмъ украшенія. Равнымъ образомъ у веддъ не наблюдается ни окрашиванія зубовъ, ни татуировки.

Показаніе нѣкоторыхъ путешественниковъ, что ведды прикрываютъ свое тѣло звѣриными шкурами, основано на недоразумѣніи: звѣриныя шкуры сохраняются ими исключительно въ качествѣ предмета мѣновой торговли, сами же ведды почти ни на что не употребляютъ ихъ, развѣ только на подстилку дѣтямъ.

Переходя теперь къ пищѣ веддъ и способамъ ея добыванія, мы прежде всего должны отмѣтить крайнее разнообразіе пищевыхъ продуктовъ. Ведды ѣдятъ листья, кору, гнилую древесину, корни, плоды, мясо звѣрей и птицъ, нѣкоторыхъ ящерицъ, рыбу и, наконецъ, пчелиный медъ. При такомъ разнообразіи пищевыхъ продуктовъ, очевидно, трудно представить, чтобы ведды когда-нибудь голодали. Говоря вообще, они ѣдятъ всѣ неядовитыя растительныя и животныя вещества, но особенно замѣчательно употребленіе ими въ пищу шариковъ изъ гнилой древесины, размѣшанной въ медѣ. Конечно, большинство растительныхъ продуктовъ не можетъ считаться питательными, тѣмъ болѣе древесина, но намъ извѣстно, что клѣтчатка, введенная въ большомъ количествѣ въ кишечный каналъ, усиливаетъ его перистальтику и, слѣдовательно, способствуетъ правильному отправленію кишечника. Само собою разумѣется, нужна привычка съ дѣтства къ тѣмъ веществамъ, которыми питаются ведды, чтобы поѣдать ихъ безъ вреда, но во всякомъ случаѣ сами по себѣ эти вещества не вредны. Весьма любопытно, что далеко не разборчивые на ѣду ведды очень не охотно пробуютъ предлагаемые имъ новые продукты, каковы, наприм., кокосовые орѣхи, рисъ, картофель. Но разъ попробовавши, они затѣмъ уже охотно употребляютъ ихъ. Ведды не ѣдятъ сырого мяса и лишь тѣ изъ нихъ, которые усвоили себѣ кое-что изъ обычаевъ сосѣднихъ народовъ, ѣдятъ его поджаривши или сваривши. Обыкновенно мясо употребляется ими въ сушеномъ видѣ, для чего нарѣзывается тонкими ремнями, коптится въ дымѣ и уже потомъ высушивается на солнцѣ. Послѣ такой обработки, оно становится жесткимъ, даже твердымъ, но сохраняется безъ дальнѣйшихъ предосторожностей неопредѣленно долгое время. Если мяса добыто въ избыткѣ, въ такомъ случаѣ высушенное смазывается медомъ, бережно завертывается въ древесную кору и такими пакетами укладывается въ дупла деревьевъ, которыя снаружи затыкаются глиной.

Естественные ведды живутъ исключительно тѣмъ, что добудутъ въ теченіе дня или, при неудачной охотѣ, на счетъ ранѣе сдѣланныхъ запасовъ. При этомъ большую часть дня ведда кормится растительной пищей, вечеромъ же, по окончаніи охоты, непремѣнно ѣстъ мясо.

Орудія, съ помощью которыхъ добываются пищевые продукты, весьма

просты. Заостренный колъ служитъ для вырыванія кореньевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для добыванія ящерицъ. Желѣзный топоръ и лукъ со стрѣлами—собственно охотничье оружіе. Добываніемъ кореньевъ занимаются подростки и дѣвушки; они же рано выучиваются убивать съѣдобныхъ ящерицъ. Но главнымъ кормильцемъ семьи все-таки является мужчина-охотникъ.

Несмотря на крайнюю простоту охотничьяго оружія, ведды превосходные охотники. Они съ необычайною ловкостью, безшумно подкрадываются къ своей добычѣ на самое близкое разстояніе, буквально по-собачьи гонятся за раненымъ звѣремъ по горячему слѣду, чрезвычайно энергичны и неутомимы. Большой лукъ со стрѣлами, заканчивающимися ланцетовиднымъ желѣзнымъ остріемъ, весьма страшное оружіе въ рукахъ ведды. Пользуется онъ имъ двояко, смотря по размѣрамъ и положенію добычи; то натягиваетъ тетиву рукою, то ложится на спину и натягиваетъ лукъ руками и ногами. На охоту обыкновенно берутся двѣ-три стрѣлы разныхъ размѣровъ и потеря стрѣлы—большое горе для охотника. Чтобы судить о томъ, насколько сильно стрѣляютъ ведды изъ луковъ, достаточно привести, что они охотятся даже за слонами, причемъ употребляются, конечно, самыя крупныя стрѣлы. Если можно, охотникъ цѣлится въ ухо слона, если нельзя—позади лопатки, чтобы пробить легкое. Отъ одной такой раны слонъ не умираетъ, а обыкновенно уходитъ далеко; но ведда слѣдитъ за нимъ и пользуется первой же представляющейся возможностью, чтобы ранить вторично. Чаще всего въ добычу веддамъ достаются мелкіе виды оленей и птицы.

На охотѣ для ведды особенно страшенъ только одинъ звѣрь, это—губастый медвѣдь, который, бросаясь на человѣка, имѣетъ скверное обыкновеніе прежде всего зубами и когтями уродовать лицо, чтобъ ослѣпить своего врага. Но и съ медвѣдями ведды справляются, если не застигнуты совершенно врасплохъ, что бываетъ рѣдко. Буйволъ также иногда распарываетъ животъ охотника, но въ большинствѣ случаевъ самъ падаетъ подъ ударомъ его стрѣлы.

Рыба чаще также убивается стрѣлами, но для этой цѣли употребляются простые деревянные стрѣлы безъ желѣзнаго наконечника. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ ведды практикуютъ отраву рыбы въ озерахъ, что, вѣроятно, заимствовано ими у сингалезцевъ.

Любопытно прослѣдить рядъ видоизмѣненій нѣкоторыхъ употребляемыхъ веддами оружій. Въ настоящее время они получаютъ наконечники топоровъ и стрѣлъ въ промѣнъ на разные добываемые ими предметы, и такъ, вѣроятно, ведется издавна. Но они и теперь умѣютъ выковать грубое лезвее топора или наконечники стрѣлъ изъ простого куска желѣза, а въ прежнее время это практиковалось, конечно, неизмѣримо чаще. Что же касается каменныхъ орудій, то, несмотря на старательные поиски многихъ изслѣдователей, ихъ не удалось найти на Цейлонѣ. Въ этомъ отношеніи Цейлонъ стоитъ одинаково съ Андаманскими островами. Однако, что касается Андаманскихъ о-въ, они никогда не были въ соединеніи съ материкомъ, что же касается Цейлона, онъ находился въ такомъ соединеніи. На материкѣ же,

какъ извѣстно, каменный вѣкъ обыкновенно предшествовалъ желѣзному, и потому отсутствіе всякихъ слѣдовъ каменнаго вѣка у веддъ сразу ведетъ къ двумъ важнымъ выводамъ: 1) что Цейлонъ обособился отъ материка прежде развитія на немъ каменнаго вѣка; 2) что ведды, такъ сказать, перешагнули черезъ каменный вѣкъ.

Изъ сказаннаго мы все-таки никакъ не должны думать, что ведды какимъ-либо образомъ прямо ознакомились съ употребленіемъ желѣза. Случайно удалось сдѣлать въ высшей степени замѣчательное открытіе, что употребленію желѣза у нихъ предшествовало употребленіе орудій, въ которыхъ желѣзо было замѣнено раковинами слизняковъ. Можно думать, что этой стадіи въ свою очередь предшествовалъ періодъ употребленія исключительно деревянныхъ орудій и такимъ образомъ введеніе въ употребленіе желѣза произошло на упомянутыхъ островахъ иначе, чѣмъ на материкѣ.

Благодаря воспріимчивости веддъ къ холоду, огонь играетъ въ ихъ жизни весьма большую роль и они безъ труда добываютъ его вертя палку легко воспламеняющагося дерева въ такомъ же брускѣ. Это то же дерево, изъ котораго дѣлаются стрѣлы, и потому-то въ литературу проникли свѣдѣнія, что ведды добываютъ огонь треніемъ другъ о друга кусковъ переломленной стрѣлы: въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вполнѣ вѣроятно, когда, наприм., на охотѣ подъ руками нѣтъ легко воспламеняющагося дерева. Но уже то, какъ дорожатъ ведды своими стрѣлами, дѣлаетъ невозможнымъ допущеніе, что подобный способъ можетъ практиковаться часто. Культурные ведды знакомы съ огнивомъ и кремнемъ, а въ послѣднее время англійское правительство старается ввести среди нихъ въ употребленіе обыкновенныя шведскія спички.

Изъ этого общаго очерка условій и предметовъ, среди которыхъ протекаетъ повседневная жизнь веддъ, не трудно представить, на какомъ низкомъ уровнѣ развитія находится это племя. Тѣмъ интереснѣе поэтому встрѣтиться въ немъ съ людьми, которыхъ съ какой угодно точки зрѣнія нельзя охарактеризовать иначе, чѣмъ это сдѣлалъ Вирховъ, назвавъ веддъ людьми «съ добрымъ сердцемъ».

Ведды живутъ въ моногаміи, супружеская вѣрность у нихъ замѣчательна, и это объясняетъ многія бытовыя черты описываемаго племени. Тамъ, гдѣ ведды находятся внѣ всякаго вліянія болѣе цивилизованныхъ племенъ, бракъ заключается у нихъ крайне просто: дѣвушка переходитъ въ, такъ называемую, хижину своего жениха и уже не разстается съ нимъ до смерти. У культурныхъ веддъ, напротивъ, этому предшествуетъ испрашиваніе женихомъ согласія на бракъ родителей невѣсты, и вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ мужъ можетъ прогнать отъ себя жену. Такимъ образомъ нѣсколько осложняется церемонія брака и существенно измѣняется его содержаніе. Ведды весьма ревнивы и взрослую дѣвушку, а тѣмъ болѣе женщину всячески охраняютъ отъ взоровъ чужеземцевъ, особенно сингалезцевъ. Что же касается европейцевъ, то обыкновенно послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ мужчины позволяютъ имъ видѣть своихъ женъ и дочерей и даже даютъ

разрѣшеніе на фотографированіе ихъ, только не въ присутствіи сингалезцевъ.

Если къ этой чертѣ характера веддъ прибавить еще болѣе или менѣе вѣроятное обстоятельство, что у нихъ женщинъ меньше мужчинъ, въ такомъ случаѣ объясненіе моногаміи будетъ найдено болѣе или менѣе легко: недостатокъ женщинъ вызываетъ моногамію, ревность мужчины устраняетъ возможность поліандріи. Убійство соперника у веддъ явленіе обыкновенное; что же касается показаній нѣкоторыхъ путешественниковъ, что ведды убиваютъ дѣтей, если ихъ даже только болѣе двухъ въ семьѣ, то это совершенно опровергнуто новѣйшими свѣдѣніями. Дѣтей у веддъ, дѣйствительно, немного, несмотря на то, что женщины раждаютъ ихъ обильно но причина этого заключается въ цейлонскихъ лихорадкахъ. Вопросъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ допускается у веддъ бракъ между родственниками, содержитъ въ себѣ еще много спорнаго, но отрицать существованіе подобныхъ браковъ не представляется основанія.

Обращеніе мужа съ женой очень ласковое: ведды даже на словахъ не бываютъ грубы съ своими женами, послѣ удачной охоты отдаютъ имъ лучшіе куски и жестоко мстятъ всякому, кто, по ихъ мнѣнію, чѣмъ-нибудь обидѣлъ жену.

Любовь къ дѣтямъ также развита очень сильно, но, само собою разумѣется, особыхъ проявленій этого нѣтъ. Такъ, ведда, который самъ спитъ на голой землѣ или на камнѣ, подстилаетъ дѣтямъ мягкіе листья, иногда шкуры убитыхъ животныхъ и тѣмъ же закрываетъ ихъ сверху. Но это не мѣшаетъ ему, уложивъ ребенка, поставить около него воткнутыя крестъ на крестъ двѣ стрѣлы и уйти на цѣлый день на охоту за много миль.

Для родовъ женщина ведда выбираетъ себѣ мѣсто въ густомъ кустарникѣ и здѣсь разрѣшается отъ бремени въ присутствіи своего мужа. Мужъ же перерѣзываетъ пуповину, которая ничѣмъ не перевязывается. Дѣти остаются при родителяхъ, пока не выростутъ, и въ свою очередь очень привязаны къ нимъ. При ночевкѣ въ такъ называемой пещерѣ или хижинѣ глава семейства занимаетъ середину, меньшія дѣти ложатся тѣсно прижавшись другъ къ другу сбоку, подростки ближе къ выходу.

Въ настоящее время, когда ради культуры риса страна веддъ прорѣзана дорогами въ разныхъ направленіяхъ и сами ведды насильственно удаляются англичанами изъ ихъ пещеръ, уже немного остается мѣстъ, гдѣ первоначальный видъ владѣнія землей остался неизмѣненнымъ. Однако, мы имѣемъ совершенно опредѣленныя свѣдѣнія объ общественномъ строѣ веддъ, благодаря показаніямъ прежнихъ путешественниковъ, провѣреннымъ Саразинами тамъ, гдѣ естественные ведды остались совершенно внѣ культурнаго вліянія.

Вся страна веддъ была раздѣлена на небольшіе охотничьи участки, принадлежащіе каждый отдѣльному семейству. Величина этихъ участковъ была меньше или больше, смотря по ихъ положенію и представляемымъ ими преимуществамъ. Благодаря особенностямъ страны, населенной ведда-

ми, охотничьи участки образовали группы и въ каждой группѣ ея участки располагались по радіусамъ относительно нѣкоторыхъ центровъ. Чтобы понять это, надо отчасти припомнить, отчасти дополнить сказанное объ орографіи Цейлона. Занятая веддами часть острова болѣе всего походитъ на паркъ: обширныя луговыя низменности покрыты тамъ и сямъ лѣсами, а такъ какъ вся страна тянется отъ центральной горной группы къ востоку до самаго берега моря, постепенно понижаясь, съ кое-гдѣ разбросанными невысокими горными вершинами, то ландшафтъ принимаетъ еще болѣе разнообразный видъ. Эти горныя вершины высятся среди травянистыхъ равнинъ совершенно какъ острова и таково ихъ дѣйствительное значеніе для веддъ въ извѣстное время года. Въ теченіе октября, ноября и декабря, при сѣверо-восточномъ муссонѣ, низменности отъ обилія воды отчасти размокаютъ до того, что превращаются въ болота, отчасти прямо затопляются, превращаясь во временныя озера. Эти мѣстныя условія до крайности тяжелы веддамъ, которые на указанное время года переселяются въ пещеры горъ, такъ какъ иначе отъ постоянныхъ дождей заболѣваютъ злокачественными лихорадками.

Такимъ образомъ въ каждой группѣ утесовъ на извѣстное время поселяются семейства веддъ, охотничьи области которыхъ расположены радіусами вокругъ утеса, и этимъ кладется начало естественной общинѣ. Границы между охотничьими округами опредѣляются отдѣльными деревьями, скалами, теченіемъ рѣкъ. Въ горныхъ центрахъ общины собственность каждаго семейства составляетъ отдѣльная пещера или, если пещеръ мало, то часть пещеры, такъ какъ въ такомъ случаѣ нѣсколько семей поселяются въ одной пещерѣ, которую разгораживаютъ вѣтвями, корою и т. п. на части, по числу семействъ. Въ сухое время года каждая веддская семья, проживая въ своемъ охотничьемъ округѣ, почти не входитъ въ соприкосновеніе съ другими семьями. Но въ дождливое время, при жизни въ близлежащихъ пещерахъ или даже въ одной пещерѣ, между отдѣльными семьями, конечно, возникаетъ большая общность. Весьма вѣроятно, что именно въ это время кладется начало большинству браковъ, и такъ какъ каждая пещера или часть пещеры составляетъ семейное наслѣдство, передаваемое отъ поколѣнія къ поколѣнію, то въ высшей степени вѣроятно, что въ теченіе вѣковъ и даже тысячелѣтій семьи, занимающія одинъ горный центръ, успѣютъ болѣе или менѣе тѣсно перероднится между собой. Хотя никакого старшины въ истинномъ смыслѣ этого слова у такихъ общинъ нѣтъ, однако въ нихъ обыкновенно имѣется какое-либо лицо преклоннаго возраста, чаще мужчина, иногда и женщина, которое своимъ умомъ и житейскимъ опытомъ умѣетъ внушить своимъ соплеменникамъ уваженіе къ себѣ и является какъ бы представителемъ сосѣднихъ семей при сношеніяхъ съ постороннимъ элементомъ. Весьма возможно, что подобныя лица, конечно, мужчины, принимавшіе на себя роль руководителей во время войнъ, и получали отъ древнихъ бытоописателей веддъ наименованіе веддскихъ «королей».

Кочевки веддъ изъ низменностей въ горы и изъ горъ въ низменности обусловливаются не только прямо климатическими условіями страны, но и зависимостью веддъ отъ кочевокъ дичи. Въ дождливое время года звѣри въ свою очередь уходятъ изъ затопленныхъ низменностей въ горы, тогда какъ во время засухъ, по мѣрѣ того какъ бездождіе продолжается, звѣри все болѣе и болѣе скучиваются въ лѣсахъ, окружающихъ непересыхающіе водоемы. Тогда и ведда со своимъ семействомъ идетъ сюда же, устраиваетъ около озера хижину-навѣсъ, гдѣ помѣщаетъ свою семью, и отсюда предпринимаетъ охоты въ предѣлахъ своего округа.

Понятіе о собственности развито у веддъ весьма сильно. По характеру миролюбивые и хорошо относящіеся другъ къ другу, они иногда ужасно ссорятся изъ-за того, что кто-нибудь изъ нихъ сорвалъ плодъ съ непринадлежащаго ему дерева и т. п. Иногда эти ссоры оканчиваются даже смертельными побоищами. Общей собственности, кромѣ меда, добываемаго въ теченіе дождливаго времени года, у нихъ нѣтъ, но медъ составляетъ общее достояніе и дѣлежка его между отдѣльными семьями, живущими на одномъ утесѣ, поручается уже упомянутому, пользующемуся общимъ довѣріемъ лицу.

Послѣ сказаннаго нѣтъ ничего удивительнаго, что ведды отдѣльныхъ общинъ совсѣмъ не сообщаются между собою и не имѣютъ понятія о томъ, что дѣлается на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ нихъ. Случайно, черезъ неопредѣленные промежутки времени, до нихъ доходятъ извѣстія, что и въ другихъ мѣстахъ живутъ такіе же, какъ они, ведды, но далѣе этого ихъ познанія не распространяются. Это выражается и въ томъ, что одинъ и тотъ же предметъ, напримѣръ топоръ, иногда даже у сосѣднихъ общинъ носитъ совершенно разныя названія. Полная обособленность общинъ, само собою разумѣется, совершенно устраняетъ возможность браковъ между членами отдѣльныхъ общинъ, въ чемъ и лежитъ причина болѣе или менѣе близкаго кровнаго родства между членами одной и той же общины.

Замѣчательно, что въ такой странѣ, какъ Индія, гдѣ дѣленіе на касты достигаетъ огромнаго развитія и имѣетъ такое большое значеніе, у веддъ нѣтъ и не было кастоваго дѣленія. Каждый изъ нихъ считаетъ себя равнымъ по крови любому другому веддѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ охотничьемъ округѣ введа является полнымъ хозяиномъ и совершенно не отвѣтствененъ ни за какіе свои поступки.

Отношеніе къ умершимъ у веддъ весьма просто: трупъ оставляется лежать тамъ, гдѣ наступила смерть, или безъ всякаго прикрытія, или покрывается вѣтками; иногда на грудь кладется камень. Если смерть произошла въ хижинѣ или пещерѣ, жилище покидается, но пещера покидается не совсѣмъ, а только до тѣхъ поръ, пока не наступитъ полное разрушеніе трупа, послѣ чего пещера опять занимается родственниками умершаго.

Въ послѣднее время англичане заставили сингалезскихъ надсмотрщиковъ зорко наблюдать надъ тѣмъ, чтобы ведды хоронили своихъ умер-

шихъ, что и производится обыкновенно въ песчаныхъ рѣчныхъ наносахъ, такъ какъ въ плотной почвѣ веддамъ трудно вырыть глубокую яму при помощи только своихъ кольевъ.

Съ какой цѣлью ведды прикрываютъ трупы умершихъ вѣтками или наваливаютъ на нихъ камень—трудно сказать съ увѣренностью, но повидимому имъ присуще какое-то смутное опасеніе, что душа умершаго можетъ оставить тѣло и блуждать послѣ его смерти тамъ, гдѣ послѣдняя наступила. Вмѣстѣ съ тѣмъ они, повидиму, думаютъ, что наваливши на тѣло камень, душу можно заключить въ тѣлѣ и заставить умереть вмѣстѣ съ тѣломъ. Но если относительно труповъ у веддъ существуетъ боязнь, за то къ скелетамъ они относятся совершенно безучастно и охотно позволяютъ европейцамъ брать ихъ.

Съ вопросомъ о вѣрѣ въ посмертное существованіе душъ стоятъ въ связи и религіозныя вѣрованія веддъ, но само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ самое представленіе о существованіи душъ не ясно,—трудно ожидать и какихъ-нибудь опредѣленныхъ религіозныхъ обрядовъ. Никакого жертвоприношенія тѣнямъ умершихъ естественные ведды не приносятъ и вообще можно сказать, что жизнь ихъ чужда всякаго отвлеченнаго элемента.

Существованіе особаго танца вокругъ стрѣлы, обычай втыкать стрѣлу въ теченіе нѣсколькихъ дней около новорожденнаго ребенка и нѣкоторыя другія обстоятельства позволяютъ заключить, что ведды чтутъ стрѣлу какъ какой-то священный предметъ, въ чемъ съ ними сходны и низшія племена Индіи. Но и въ этомъ отношеніи ничего опредѣленнаго нѣтъ.

Въ отличіе отъ большинства дикихъ племенъ, ведды употребляютъ заклинаніе только противъ дикихъ звѣрей, особенно въ томъ случаѣ, когда имъ приходится проходить ночью черезъ лѣсъ. По свидѣтельству путешественниковъ очевидцевъ, это заклинаніе весьма дѣйствительно, потому что до того дико и выкрикивается съ такою силой, что, конечно, пугаетъ большинство звѣрей. Что же касается разныхъ амулетовъ противъ нападенія дикихъ звѣрей, противъ колдовства, болѣзней и т. д., то они положительно проникли къ веддамъ отъ сингалезцевъ.

Кромѣ уже упомянутаго, можетъ быть священнаго, танца вокругъ стрѣлы, въ которомъ участвуютъ только мужчины, у веддъ существуетъ еще танецъ съ вѣтвью въ рукѣ, который производится вокругъ больного для его излѣченія, и обыкновенные танцы, т.-е. танцы для забавы, причемъ танцующіе втыкаютъ себѣ за поясную веревку зеленыя вѣтви.

Пѣсенъ собственно у веддъ не существуетъ, но у нихъ есть одинъ мотивъ, пользуясь которымъ они дѣлаютъ различныя импровизаціи.

Этого очерка достаточно, чтобы дать понятіе о бытѣ естественныхъ веддъ. Что касается ихъ развитія и познавательныхъ способностей, то и то и другое стоитъ очень низко Счета они совсѣмъ не знаютъ и съ необычайнымъ трудомъ выучиваются считать въ предѣлахъ одного - двухъ десятковъ. Однако, ошибочно было бы заключать поэтому, что они близки къ идіотизму. Ихъ кругозоръ очень узокъ, но въ извѣстныхъ рамкахъ они

умѣютъ устроить свою жизнь весьма опредѣленно и не затрудняются какъ имъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Какъ выше сказано, они отъ природы мягкаго характера, но чрезвычайно легко раздражаются и необыкновенно чувствительны къ насмѣшкѣ. Нѣсколько путешественниковъ, присутствовавшихъ при танцѣ вокругъ стрѣлы и не смогшихъ удержаться отъ смѣха при видѣ танцующихъ веддъ, едва не были убиты послѣдними. Даже ненависть веддъ къ сингалезцамъ въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что послѣдніе относятся къ нимъ всегда съ насмѣшкой. Но если ничѣмъ не раздражать ведда, не смѣяться надъ нимъ, не посягать на его собственность, и особенно не возбуждать въ немъ никакого подозрѣнія относительно его жены или дочери, въ такомъ случаѣ его миролюбивый характеръ проявляется во всей полнотѣ и заслужить его довѣріе не составляетъ труда.

Въ настоящее время ведды говорятъ на языкѣ, берущемъ свое начало въ сингалезскомъ, но среди сингалезскихъ словъ встрѣчаются нѣкоторыя, ни малѣйшаго отношенія къ сингалезскимъ корнямъ не имѣющія. Эти слова относятся къ предметамъ, представляющимъ въ жизни веддъ огромное значеніе. Именно эти слова различны въ разныхъ общинахъ веддъ и несомнѣнно представляютъ собою остатки веддскаго языка. Само слово «ведда» происходитъ отъ санскритскаго vyadha и означаетъ просто «охотникъ». Въ томъ, что ведды утратили свой языкъ и, несмотря на ненависть къ сингалезцамъ, выработали себѣ видоизмѣненіе сингалезскаго языка, нѣтъ ничего страннаго: низшія племена обыкновенно усвоиваютъ языкъ соприкасающихся съ ними высшихъ до потери своего собственнаго.

Замѣчательна еще манера веддъ говорить: они произносятъ слова, дыша полною грудью, и потому ихъ говоръ производитъ впечатлѣніе какихъ-то глубокихъ ревущихъ звуковъ, обращавшихъ на себя вниманіе всѣхъ сталкивавшихся съ веддами даже въ глубокой древности. На охотѣ же, идущіе другъ за другомъ охотники обмѣниваются такимъ шепотомъ, который европейцы положительно сразу не замѣчаютъ.

Вотъ краткій біологическій очеркъ естественныхъ веддъ. Что касается культурныхъ, то, смотря по ихъ близости съ сингалезцами и тамилами, они въ различной степени усвоили отъ нихъ ихъ привычки и обычаи и указываютъ вѣрный путь того способа, которымъ естественные ведды должны исчезнуть въ окружающихъ ихъ народностяхъ. Съ другой стороны, какихъ бы то ни было указаній на древнюю культуру веддъ—нѣтъ. Напротивъ, тщательное изученіе древнѣйшихъ литературныхъ источниковъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что ведды искони были тѣмъ, чѣмъ отчасти сохранились до нашего времени, тогда какъ свѣдѣнія о нѣкоторой культурѣ Цейлона, извѣстной древнимъ, относятся къ другимъ цейлонскимъ племенамъ.

Этимъ заканчивается область историческаго изслѣдованія веддъ. Все остальное, касающееся ихъ, даютъ намъ біологія и анатомія.

III.

Весьма интересны результаты сравненія веддъ съ нѣкоторыми географически далеко отстоящими отъ нихъ племенами и антропоморфными обезьянами. Естественно прежде всего искать родственныя веддамъ племена въ ближайшей къ Цейлону Индіи, и здѣсь мы дѣйствительно находимъ таковыя либо въ качествѣ весьма немногочисленныхъ самостоятельныхъ народцевъ, либо въ рабствѣ у другихъ высшихъ племенъ, либо, наконецъ, какъ представителей низшихъ кастъ въ государственномъ строѣ Индіи. Общіе всѣмъ имъ признаки заключаются въ маломъ ростѣ, темнобуромъ цвѣтѣ кожи, волнистыхъ, иногда слегка вьющихся волосахъ, маломъ развитіи волосъ на бородѣ и сильно вдавленномъ, съ широкими боковыми крыльями носѣ: таковы джуанги, каникары, живущіе въ горахъ, и особенно племя курумба. Скелеты послѣднихъ были изучены Вирховымъ и Брока̀ и одинаково обратили на себя вниманіе того и другого своей малой величиной, легкостью костей, долихоцефаліей и другими особенностями черепа,—все признаки, общіе этому племени съ веддами.

Такимъ образомъ, можно вообще сказать, что какъ на Цейлонѣ, такъ и въ Индостанѣ среди массы племенъ сравнительно высоко организованныхъ и образующихъ большую часть населенія, находятся остатки очень древняго народонаселенія, связываемыя организаціей тамиловъ съ сингалезцами. Обращать вниманіе на то, какимъ языкомъ говорятъ эти народцы—нечего: обыкновенно низшія племена въ теченіе ряда вѣковъ утрачиваютъ свой первоначальный языкъ и усвоиваютъ болѣе или менѣе языкъ выше стоящихъ сосѣдей. Но по организаціи мы не можемъ отнести эти племена къ періоду дравидовъ, а должны поставить ихъ еще раньше. Такъ какъ среди всѣхъ такихъ нынѣ извѣстныхъ племенъ ведды обладаютъ наиболѣе рѣзко выраженными племенными особенностями и такъ какъ въ то же самое время они и наиболѣе многочисленны, то Саразины совершенно правы, предлагая назвать этотъ предшествовавшій дравидамъ періодъ—періодомъ веддъ.

Благодаря господствующему до послѣдняго времени методу опредѣлять соотношеніе племенъ путемъ лингвистическихъ изысканій, на веддъ до сихъ поръ смотрѣли совершенно обратно тому, какъ взглянули на нихъ натуралисты: основываясь на томъ, что они говорятъ сингалезскимъ языкомъ, и совершенно игнорируя ихъ организацію, ихъ отнесли къ сингалезцамъ, считали выродившимся племенемъ и связали такимъ путемъ даже съ арійцами. Но лингвистикой нельзя пользоваться въ такихъ широкихъ предѣлахъ, хотя при изученіи народовъ одного корня (по антропологическимъ даннымъ) она можетъ дать драгоцѣнные результаты. Особенно важно значеніе лингвистическихъ данныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по своимъ выводамъ, сходятся съ данными антропологіи, такъ какъ двойную ошибку при пользованіи совершенно различными методами трудно заподозрить. Народство веддъ съ горными племенами Индостана натуралистами было ука-

зано еще до Саразиновъ, но вопросъ не былъ достаточно разносторонне разработанъ, за недостаткомъ матеріала.

Конечно, мы въ правѣ думать, что область распространенія близкихъ къ веддамъ людей была неизмѣримо обширнѣе, чѣмъ Индостанъ, но пока ясныхъ указаній на періодъ веддъ въ другихъ частяхъ свѣта еще не найдено. Чтобы оцѣнить трудность относящихся сюда изслѣдованій, надо только вспомнить, какая огромная продолжительность времени отдѣляетъ насъ отъ періода веддъ: повидимому, даже переселеніе веддъ съ Индостана на Цейлонъ произошло еще тогда, когда островъ былъ въ непосредственномъ соединеніи съ материкомъ, а это уноситъ насъ прямо въ даль геологическихъ эпохъ, гдѣ наше обычное лѣтосчисленіе не приложимо.

Нѣсколько легче разобраться съ болѣе позднимъ періодомъ. Тамилы Цейлона имѣютъ своими ближайшими родичами также нѣкоторыя племена Декана и даже ихъ проникновеніе на Цейлонъ произошло отчасти уже въ историческое время. Вмѣстѣ съ тѣмъ цейлонскіе тамилы одного корня съ большимъ количествомъ народовъ Индіи, говорящихъ дравидскимъ языкомъ. Но, какъ показываютъ антропологическія изслѣдованія, нѣтъ основанія принимать внѣиндійское происхожденіе дравидовъ: ихъ можно разсматривать прямо какъ дальнѣйшую стадію въ развитіи веддскаго корня, напримѣръ, въ береговой полосѣ или на плодородныхъ низменностяхъ Индіи, подъ вліяніемъ особо благопріятныхъ физико-географическихъ или какихъ-либо иныхъ условій. Въ отличіе отъ веддъ, сохранившихся только въ Индіи, тамилы, какъ бы въ доказательство ихъ широкаго прежняго распространенія въ Старомъ Свѣтѣ, представляютъ болѣе или менѣе уклоняющіяся племена на очень большомъ разстояніи другъ отъ друга. Такъ весьма своеобразное племя дравидовъ представляютъ собою австралійцы.

По росту, цвѣту кожи, характеру волосъ и большинству другихъ особенностей общность происхожденія австралійцевъ и дравидскихъ племенъ Индіи не подлежитъ сомнѣнію, но у австралійцевъ всѣ кости тяжелѣе и толще, черепъ же особенно бросается въ глаза мощностью своихъ костей. Наибольшее отличіе черепа австралійца отъ черепа тамила заключается въ большемъ развитіи челюстей у перваго, но эта особенность, равно какъ и сильное выпячиваніе краевъ глазныхъ орбитъ, вторичнаго характера и нисколько не мѣшаетъ принятію близкаго кровнаго сродства обоихъ племенъ.

Лингвистическія данныя также подтверждаютъ близкое родство австралійцевъ и тамиловъ, и это тѣмъ важнѣе, что австралійцы населяютъ совершенно изолированную страну, не окружены народами, которые говорили бы по-дравидски, слѣдовательно и не могли заимствовать своего языка, подобно тому, какъ ведды заимствовали сингалезскій.

Такимъ образомъ анатомія и лингвистика согласно указываютъ на первоначальное происхожденіе австралійцевъ изъ южной Индіи, и это намѣчаетъ нашъ древній путь странствованія дравидовъ. Такъ какъ эти дикари, конечно, не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ совершаются мор-

скіе переѣзды, и не имѣли для этого никакихъ приспособленій, то ихъ странствованіе должно было почти исключительно происходить сухопутно. Вѣроятно, они добрались мало-по-малу до южной оконечности Малаки, а отсюда уже сумѣли, перебираясь съ острова на островъ, проникнуть и въ Австралію. Не должно забывать, что разстояніе между островами Зондскаго архипелага было въ ту отдаленную эпоху, по всей вѣроятности, меньше, нежели теперь. Преданія австралійцевъ указываютъ на заливъ Карпентарія какъ на ворота, черезъ которыя они проникли въ Австралію, и въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Но что касается того, когда совершилось это выселеніе, мы, конечно, находимся совершенно во мракѣ. Можно только утверждать, что предположеніе Голя, состоящее въ томъ, что, быть можетъ, вторженіе арійцевъ въ Индію дало толчокъ къ выселенію дравидовъ, невѣрно. Безъ сомнѣнія, выселеніе произошло гораздо раньше, такъ какъ австралійцы успѣли настолько измѣниться, что ихъ никакъ нельзя соединить въ одну группу съ веддами, и выработали признаки отличающіе ихъ даже отъ дравидовъ-тамиловъ. Любопытно, что прибрежные ведды Цейлона по своимъ признакамъ стоятъ между естественными, неизмѣненными веддами и австралійцами. Выше уже было указано, что прибрежные ведды измѣнились вслѣдствіе скрещиванія съ родственными, но болѣе развитыми тамилами, и это несомнѣнно. Но справедливость требуетъ поставить вопросъ, только ли въ этомъ кроется объясненіе средняго мѣста, которое занимаютъ береговые ведды между естественными веддами и дравидами. Не сохранились ли здѣсь хоть отчасти дѣйствительно переходныя формы?

Топинаръ высказалъ взглядъ, что дравиды пришли въ Индію съ сѣверо-востока и принадлежатъ къ монгольскимъ народамъ. Конечно, на сѣверо-востокѣ Индіи монгольскій корень даетъ себя знать, и здѣсь дравиды, смѣшавшись съ монгольскимъ типомъ, пріобрѣли нѣкоторыя его особенности. Однако, теперь мы можемъ не колеблясь утверждать, что дравиды по происхожденію не имѣютъ ничего общаго ни съ малайцами, ни съ монголами, а развились въ Индіи отъ веддскаго корня и отчасти остались на мѣстѣ либо въ измѣненномъ, либо въ неизмѣненномъ видѣ, отчасти выселились въ другія страны.

За двумя періодами, непосредственно смѣнившими другъ друга, веддскимъ и дравидскимъ, слѣдуетъ третій—періодъ арійскаго нашествія. Какъ бы мы ни заблуждались въ частностяхъ относительно родины арійцевъ, во всякомъ случаѣ они образовались внѣ Индіи и лишь позднѣе проникли туда. Это, конечно, не устраняетъ возможности развитія арійцевъ изъ дравидскаго корня. Напротивъ, съ антропологической точки зрѣнія скорѣе всего можно высказаться именно за это, такъ какъ дравиды съ ихъ огромнымъ распространеніемъ, измѣняясь далѣе, могли дать начало и блѣднокожимъ арійцамъ. Когда послѣдніе, размножившись и разселяясь, одною волной нахлынули на Индію, между ними, болѣе богато одаренными умственно и болѣе развитыми тѣлесно, и дравидами и даже веддами Индіи,

очевидно, должна была начаться ожесточенная борьба. Не этимъ ли объясняется и современное распредѣленіе народностей Индіи и система кастъ? Подвигаясь въ Индіи съ сѣвера на югъ, мы видимъ постепенно исчезающее вліяніе арійцевъ, но слѣды его можно прослѣдить даже и на самомъ югѣ, только въ высшихъ кастахъ, тогда какъ низшія совершенно отъ него свободны. Сингалезцы, предки которыхъ происходятъ изъ сѣверной Индіи, повидимому, имѣютъ гораздо большую примѣсь арійской крови, чѣмъ ихъ сосѣди, цейлонскіе тамилы, и этимъ объясняется, вѣроятно, существующее различіе между этими двумя племенами.

Оставляя въ сторонѣ проникшее въ Индію монгольское племя, въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранившееся на южномъ склонѣ Гималая, можно думать, слѣдовательно, что всѣ остальныя, населяющія Индію, племена веддскаго, дравидскаго и арійскаго типа или, иначе говоря, всѣ народы западной Азіи, сѣверной Африки и Европы, несмотря на свои различные языки, находятся въ самомъ тѣсномъ родствѣ между собою и образуютъ одно естественное семейство народовъ съ волнистыми волосами (цимотрихи). Такимъ образомъ мы принимаемъ, что веддскій и дравидо-австралійскій стволы представляютъ собою предковъ названныхъ болѣе совершенныхъ народовъ, и, дѣйствительно, сравнивая веддъ и тамиловъ съ европейцами, несмотря на всѣ бросающіяся въ глаза различія между ними, присмотрѣвшись, между ними можно найти и черты сходства.

Итакъ, нашъ конечный выводъ тотъ, что въ веддскихъ племенахъ Индіи мы имѣемъ родоначальную форму всего семейства цимотриховъ, къ которому принадлежимъ и мы сами, и дальнѣйшія изслѣдованія, вѣроятно, помогутъ разъяснить, какъ накопленіемъ вторичныхъ особенностей этотъ общій стволъ разбился на главныя и второстепенныя вѣтви. Но рядомъ съ цимотрихами мы различаемъ въ современномъ народонаселеніи земного шара еще два семейства: племена съ курчавыми волосами (улотрихи) и племена съ прямыми волосами (лиссотрихи). Спрашивается, можно ли и ихъ свести къ родоначальнымъ формамъ и, далѣе, сходятся или нѣтъ эти родоначальныя формы другъ съ другомъ въ одинъ общій корень.

Въ качествѣ низшихъ племенъ съ курчавыми волосами, можно указать негритосовъ Филиппинскихъ о-въ, андаманцевъ и бушменовъ. Можетъ быть, сюда же относится и африканское племя акка, но пока оно мало изслѣдовано съ анатомической стороны. Географическое распространеніе этихъ племенъ напоминаетъ географическое распространеніе племенъ веддскаго корня: они точно также раздѣлены между собою большими пространствами, что однако нисколько не препятствуетъ считать ихъ членами одного и того же семейства. Къ тому же большой географическій промежутокъ между Филиппинскими и Андаманскими о-вами пополненъ благодаря недавнему открытію Стевенсомъ негритосовъ на Малаккѣ. Вирховъ подозрѣваетъ существованіе подобнаго же остатка на границѣ между Китаемъ, Бирманомъ и Сіамомъ. Отсюда до центральной и южной Африки, конечно, еще большое

разстояніе, но весьма вѣроятно, что бывшія здѣсь низшія племена исчезли вслѣдствіе распространенія сюда болѣе высоко организованныхъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что отъ подобныхъ названнымъ племенъ произошли и высшіе негры Африки и меланезійцы. Конечно, по строенію черепа между низшими и высшими племенами существуетъ различіе, но оно не больше, чѣмъ возрастныя измѣненія какого-нибудь черепа, въ остальномъ же племена семейства улотриховъ въ высшей степени сходны между собою и приведеніе ихъ къ одной первоначальной формѣ не составляетъ труда.

Посмотримъ теперь, что даетъ сравненіе низшихъ племенъ только что описаннаго типа съ веддами.

Прежде всего они сближаются въ цѣломъ рядѣ важныхъ особенностей. Небольшая величина тѣла, малый объемъ черепной полости, тонкость и легкость костей, строеніе нѣкоторыхъ костей, форма челюстей — все это одинаково свойственно родоначальному племени цимотриховъ и низшимъ племенамъ улотриховъ. Наиболѣе своеобразны бушмены, но и ихъ особенности не таковы, чтобы мѣшать сближенію племенъ двухъ главныхъ типовъ. Такимъ образомъ данныя сравнительной анатоміи даютъ намъ многочисленныя и прямыя указанія на общность происхожденія цимотриховъ и улотриховъ, а это въ свою очередь уже само по себѣ позволяетъ думать о развитіи всего множества племенъ изъ одного корня.

Названныя малорослыя племена, т.-е. веддскія формы Индіи, негритосовъ, андаманцевъ и т. д. съ этой точки зрѣнія можно назвать *первичными разновидностями* человѣка. При этомъ можно думать, что объемъ черепной полости увеличивался въ двухъ главныхъ стволахъ самостоятельно, и это тѣмъ допустимѣе, что у веддъ, наприм., объемъ черепной полости представляетъ очень большія колебанія, что однако не мѣшаетъ ему въ среднемъ быть очень малымъ.

Что касается формъ третьяго главнаго ствола, которыя по ихъ прямымъ волосамъ можно выдѣлить въ семейство лиссотриховъ, то едва ли среди нихъ теперь сохранились первичныя разновидности, равнозначущія съ таковыми другихъ стволовъ. Вѣроятно, къ нимъ особенно близки низшія малайскія племена Индо-Китая и большихъ Зондскихъ острововъ. Что же касается того, когда отвѣтвились прямоволосыя племена отъ цимотриховъ, то на это можно лишь сказать, что въ глубокой древности и, по всему вѣроятію, отъ нынѣ уже исчезнувшихъ формъ.

Первичныя разновидности трехъ главныхъ стволовъ человѣческихъ племенъ или трехъ семействъ представляютъ, какъ мы видѣли, множество общихъ особенностей и тѣмъ легче, слѣдовательно, объяснить нѣкоторую параллельность въ ихъ развитіи, выразившуюся между прочимъ въ увеличеніи объема ихъ черепной полости. Накопленіе второстепенныхъ признаковъ могло повести, въ свою очередь, къ подраздѣленію главныхъ стволовъ на второстепенныя вѣтви, но чтобы объяснить все нынѣ наблюдаемое разнообразіе человѣческихъ племенъ, на помощь надо призвать еще другой

моментъ—скрещиваніе между представителями различныхъ племенъ. Только такимъ образомъ можно рѣшить нѣкоторыя антропологическія задачи, представляющіяся, наприм., въ лицѣ меланезійцевъ и микронезійцевъ. Съ сравнительно-анатомической точки зрѣнія эти помѣси представляютъ неизмѣримо меньшій интересъ, чѣмъ первичныя разновидности, такъ какъ все, что съ ними связано, это — вопросъ объ ихъ происхожденіи, тогда какъ первичныя разновидности заключаютъ въ себѣ матеріалъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи человѣка. Подобно тому, какъ три главные ствола человѣческихъ племенъ могутъ быть сведены къ этимъ обобщеннымъ типамъ (первичныя разновидности), такъ послѣдніе въ свою очередь могутъ быть сведены къ еще болѣе общему типу, что даетъ матеріалъ для сравненія человѣка съ человѣкоподобными формами.

Переходя теперь къ этому сравненію, мы прежде всего должны вспомнить, что къ антропоиднымъ формамъ относятся четыре рода, которые представляютъ между собою весьма большія различія. Это — гиббоны, орангъ, горилла и шимпанзе. Между этими четырьмя родами ближе всего къ человѣку по организаціи шимпанзе, и въ этомъ между прочимъ очень легко убѣдиться, сравнивая черепа шимпанзе и человѣка. Черепъ оранга и гиббона представляетъ уже гораздо менѣе сходства съ черепомъ человѣка, что же касается гориллы, то, благодаря развитію гребней, отличіе ея черепа кажется даже бо́льшимъ, чѣмъ существуетъ въ дѣйствительности, хотя, несомнѣнно, изъ четырехъ антропоидныхъ формъ горилла по черепу стоитъ дальше другихъ отъ человѣка.

Выводъ, къ которому мы приходимъ на основаніи изученія черепа, подтверждается и сравненіемъ зубовъ. Флоуэръ и Лейдеккеръ говорятъ, что зубы шимпанзе во многихъ отношеніяхъ приближаются къ типу зубовъ человѣка. И тѣмъ замѣчательнѣе, что тогда какъ теперь шимпанзе ограничены въ своемъ распространеніи центральною Африкой, именно въ Индіи найдены остатки ископаемаго шимпанзе, который по зубамъ стоялъ еще ближе къ человѣку, чѣмъ современныя формы этого рода.

Переходя къ сравненію другихъ частей скелета, мы видимъ, что шимпанзе по многимъ особенностямъ занимаетъ совершенно опредѣленное мѣсто въ ряду измѣненій организаціи, ведущихъ отъ низшихъ формъ къ человѣку, тогда какъ остальныя антропоидныя формы по этимъ признакамъ отходятъ въ сторону. Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что именно горилла по нѣкоторымъ особенностямъ своего скелета стоитъ гораздо ближе къ европейцамъ, чѣмъ даже нѣкоторые представители первичныхъ разновидностей человѣка. Параллелизмъ, слѣдовательно, сказывается и здѣсь, а вмѣстѣ съ тѣмъ это служитъ косвеннымъ указаніемъ опять-таки на то, что родъ гориллы не укладывается въ рядъ формъ, составляющихъ прямыхъ предковъ человѣка.

Наконецъ, шимпанзе приближается къ человѣку и по скудному волосяному покрову своего тѣла.

Но если и держаться того взгляда, что шимпанзе изъ всѣхъ антропо-

морфныхъ наиболѣе приближается къ прародительской формѣ человѣка, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что именно этотъ антропоидъ и есть такая прародительская форма. По нѣкоторымъ чертамъ своей организаціи шимпанзе отошелъ въ сторону, но, устанавливая соотношеніе между четырьмя родами антропоморфныхъ обезьянъ, мы видимъ, что горилла сводится къ подобной шимпанзе прародительской формѣ, тогда какъ орангъ и гиббоны стоятъ ниже шимпанзе. Ужъ это одно указываетъ намъ, что группа человѣкоподобныхъ обезьянъ имѣетъ въ общемъ, т.-е. вмѣстѣ съ ископаемыми формами, гораздо большій объемъ, чѣмъ только въ ея нынѣшнихъ размѣрахъ. Очевидно, что много формъ вымерло и, судя по всему, мы не досчитываемся именно наиболѣе интересныхъ переходныхъ формъ. Такъ какъ къ этому вопросу мы возвратимся еще въ послѣдней главѣ нашего очерка, посмотримъ теперь, какъ восполняютъ Саразины своими изслѣдованіями надъ веддами промежутокъ между извѣстными антропоморфными и человѣкомъ.

Они даютъ слѣдующій перечень особенностей, болѣе приближающихъ веддъ къ шимпанзеподобной формѣ, чѣмъ европейцевъ: размѣры тѣла, недоразвитіе икоръ, малая величина черепа, болѣе крутой подъемъ его боковыхъ стѣнокъ, слабое выпячиваніе его крыши, большее развитіе частей черепа лежащихъ передъ ухомъ сравнительно съ лежащими позади его, болѣе приближающееся къ горизонтальному положеніе затылочнаго отверстія, малый объемъ черепной полости, малая ширина лобной кости, выпячиваніе зубовъ, форма носа, узкій тазъ, бо́льшая длина рукъ, большій промежутокъ между лучевой и локтевой костью, бо́льшая способность къ противоположенію плюсневой косточки большого пальца съ остальными и много другихъ. Этотъ длинный рядъ особенностей въ организаціи веддъ, приближающихъ ихъ къ одной изъ человѣкоподобныхъ формъ, конечно, не можетъ быть сочтенъ случайнымъ. Измѣненія организаціи въ одномъ направленіи случайно десятками не бываютъ, и потому мы должны думать, что перечисленныя и однородныя съ ними черты строенія веддъ относятся къ категоріи унаслѣдованныхъ. Но какъ и въ другихъ племенахъ, можно даже сказать, какъ это наблюдается въ самыхъ различныхъ группахъ животныхъ, и у веддъ на-ряду съ чертами наслѣдственными проявляются нѣкоторыя благопріобрѣтенныя особенности. Таково, наприм., относительное удлиненіе нижнихъ конечностей, что обще веддамъ съ нѣкоторыми другими низшими племенами, тогда какъ у европейцевъ нижнія конечности опять являются укороченными. Иногда благопріобрѣтенныя особенности скопляются въ такомъ количествѣ, что совершенно заслоняютъ собою особенности наслѣдственныя, и это можетъ до крайности затруднить опредѣленіе систематическаго положенія изучаемой формы. Но въ формахъ или группахъ изолированныхъ обыкновенно черты наслѣдственности проявляются и въ большемъ количествѣ и рѣзче, что облегчаетъ опредѣленіе ихъ положенія среди другихъ существъ, и ведды какъ разъ подтверждаютъ сказанное. Еслибъ у этого племени или этой разновидности не было только ей

свойственныхъ чертъ, то для насъ было бы совершенно непонятно столь продолжительное его существованіе, потому что формы съ переходными признаками обыкновенно быстро приближаются къ вымиранію. Вымираютъ и ведды, поглощаемые слитіемъ съ сосѣдними племенами, и, вѣроятно, ихъ исчезновеніе произойдетъ въ недалекомъ будущемъ. Но если вспомнить, какъ давно существуетъ это племя, то продолжительность его исторіи невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Вѣроятно, это объясняется изолированностью веддъ, поставившей ихъ въ борьбу за существованіе, правда, съ относительно болѣе совершенными племенами, но все - таки не настолько совершенными, какія встрѣтили бы ихъ на материкѣ. Не даромъ же на материкѣ исчезновеніе близкихъ къ веддамъ племенъ шло гораздо энергичнѣе и ихъ ничтожные остатки раздѣлены такими обширными географическими пространствами.

Говоря однако о первичныхъ разновидностяхъ человѣка и даже о той прародительской формѣ, къ которой онѣ сходятся, мы, очевидно, все-таки говоримъ о настоящемъ человѣкѣ. Какъ ни глубоко спустилась антропологія въ рядѣ племенъ или разновидностей, которыя, постепенно измѣняясь, привели къ образованію огромнаго разнообразія племенъ, нынѣ существующихъ на поверхности земного шара, она не только не вышла за предѣлы изученія настоящаго человѣка, но даже не подошла къ допускаемымъ наукой переходнымъ формамъ, которыя ведутъ отсюда къ группѣ антропоидовъ. Она только все болѣе и болѣе пріучаетъ насъ къ мысли, что такія переходныя формы должны существовать и, какъ бѣгло замѣчено въ самомъ началѣ статьи, путемъ исключенія суживаетъ область, гдѣ можно найти, конечно въ ископаемомъ состояніи, такія переходныя формы. Такъ ихъ нечего искать въ Америкѣ, Австраліи, Европѣ, сѣверной Азіи. Напротивъ, тропическая Азія, именно передняя и задняя Индія съ прилежащими островами, гдѣ существуетъ такъ много памятниковъ древней культуры, по всей вѣроятности, и есть та область, гдѣ можно найти интересующіе насъ остатки. Отсюда, по всей вѣроятности, съ одной стороны шло заселеніе Африки, съ другой—Австраліи.

Наконецъ, антропологическія изысканія привели Саразиновъ еще къ тому важному выводу, что мы совершенно должны отбросить наше обыкновеніе говорить объ антропоидахъ какъ о формахъ стоящихъ ниже человѣка: таблицы точныхъ промѣровъ указываютъ, что даже только нынѣ существующіе антропоиды по разнымъ частямъ своей организаціи какъ бы вклиниваются въ группы человѣческихъ племенъ и совершенно не даютъ возможности расположить антропоидовъ и человѣческія племена въ такой рядъ, который бы начинался относительно низшими и оканчивался высшими формами. Антропоморфныя обезьяны въ извѣстныхъ отношеніяхъ стоятъ ближе къ европейцамъ, чѣмъ нѣкоторыя низшія племена, и достигнуть возможно правильной группировки всѣхъ человѣкоподобныхъ формъ и человѣческихъ племенъ можно только путемъ сравнительной оцѣнки суммы признаковъ.

Изслѣдованія Саразиновъ въ области антропологіи, на нашъ взглядъ, чрезвычайно важны. Основанныя на тщательномъ изученіи старательно собраннаго огромнаго матеріала, они представляютъ собою заслуживающій полнаго вниманія опытъ филогеніи человѣческаго рода. Начавши съ описанія особенностей природы Цейлона, Саразины переходятъ затѣмъ къ живущимъ на островѣ туземнымъ племенамъ, выясняютъ ихъ соотношеніе, описываютъ образъ жизни и обычаи, возстановляютъ исторію. Далѣе цейлонскія племена сопоставляются съ населеніемъ Индіи и другихъ сосѣднихъ странъ, выясняется степень родства разныхъ племенъ, устанавливается дѣленіе ихъ на категоріи, ихъ историческая судьба, и все заканчивается сравненіемъ различныхъ разновидностей человѣка между собою и съ антропоморфными обезьянами. Окончательный выводъ изъ этого сравненія — невозможность построенія рядовой классификаціи, невозможность сопоставленія разныхъ формъ въ качествѣ относительно низшихъ и высшихъ—большой шагъ впередъ. Этимъ ясно указывается необходимость построенія въ предѣлахъ человѣкоподобныхъ формъ такой же древовидной классификаціи, какая практикуется теперь во всѣхъ другихъ группахъ животныхъ.

Конечно, соображенія Саразиновъ въ частностяхъ могутъ измѣниться, но мы не думаемъ, чтобъ ихъ пришлось измѣнять сколько-нибудь значительно. Такимъ образомъ, цейлонскіе ведды, это, въ глазахъ большинства, до сихъ поръ не представляющее интереса, лишь деградировавшее племя, послужили матеріаломъ для серьезныхъ научныхъ обобщеній высокой важности. Въ томъ, что обыкновенно понимается подъ «исторіей», они не играли никакой роли, хотя возможно, что именно съ ними или очень близкими къ нимъ формами связаны нѣкоторыя распространенныя преданія; но за то ихъ роль въ «естественной исторіи» человѣческаго рода оказалась огромной. Это племя, въ своихъ естественныхъ условіяхъ чуждое всякой культуры, особенностями организаціи образующихъ его членовъ, своимъ распространеніемъ характеризуетъ цѣлый періодъ въ филогеніи человѣческаго рода и неожиданно приковало къ себѣ интересъ натуралистовъ. Но этотъ интересъ еще возрастаетъ отъ той удачи, которая на этотъ разъ выпала на нашу долю: тамъ, гдѣ антропологи должны были остановиться, выступаетъ палеонтологія съ своимъ отнынѣ знаменитымъ питекантропомъ. Познакомимся же подробнѣе со всѣмъ относящимся къ остаткамъ этого существа.

IV.

Д-ръ Евг. Дюбуа, находящійся на службѣ въ голландской арміи, имѣлъ порученіе отъ своего правительства производить геолого-палеонтологическія изслѣдованія на о-вѣ Явѣ, чѣмъ и занимался нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Въ сентябрѣ 1891 г., при изслѣдованіи лѣваго берега р. Бенгаванъ, близъ Триниля, въ центральной Явѣ, на глубинѣ около метра ниже уровня рѣки

въ сухое время года и въ 12—15 метрахъ отъ поверхности равнины, въ которой рѣка прорыла свое ложе, былъ найденъ коренной зубъ, а мѣсяцъ спустя, въ метрѣ разстоянія отъ этого мѣста, крыша черепа какого-то, очевидно, человѣкоподобнаго существа. Такъ какъ во время періодическихъ дождей уровень рѣки значительно повышается, то раскопки временно должны были быть оставлены. Возобновивши ихъ на томъ же небольшомъ участкѣ въ слѣдующемъ году, Дюбуа (въ августѣ 1892 г.) нашелъ метрахъ въ 15 отъ того мѣста, гдѣ были найдены первые, бедро, а въ октябрѣ того же года другой коренной зубъ. Послѣдній былъ найденъ не далѣе какъ въ трехъ метрахъ отъ первыхъ находокъ въ направленіи къ мѣсту залеганія бедряной кости. Въ 1894 году Дюбуа издалъ тщательное описаніе своихъ находокъ (кромѣ одного зуба), установивъ на основаніи ихъ новый родъ питекантропа (Pithecantropus), который, по мнѣнію Дюбуа, занимаетъ промежуточное мѣсто между антропоморфными обезьянами и человѣкомъ, стоя по своимъ признакамъ выше всѣхъ нынѣ извѣстныхъ человѣкоподобныхъ обезьянъ и ниже даже ископаемаго неандертальскаго человѣка.

Открытіе Дюбуа вызвало огромный переполохъ среди защитниковъ неизмѣняемости видовъ. Одни изъ нихъ доказывали, что Дюбуа нашелъ остатки огромной ископаемой обезьяны, другіе,—что это остатки человѣка и, конечно, идіота, потому что каждый разъ, когда въ ископаемомъ состояніи находятъ дѣйствительно черепа человѣка съ малымъ объемомъ черепной полости, ихъ не затрудняются провозгласить черепами идіотовъ; наконецъ, третьи — настаивали, что эти остатки принадлежатъ не одной особѣ, а нѣсколькимъ, и одни — обезьянѣ, другіе—человѣку. Только немного лицъ съ самаго начала согласились съ мнѣніемъ Дюбуа, въ числѣ ихъ и пишущій эти строки въ своемъ рефератѣ, посвященномъ этому вопросу, сдѣланномъ въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Общества Испытателей природы. Теперь обстоятельства измѣнились: большинство не противъ Дюбуа, а за него, и этимъ голландскій ученый обязанъ какъ тому тщанію, съ которымъ онъ описалъ свою находку, такъ и тому обстоятельству, что голландское правительство позволило ему пріѣхать въ Европу, привезя съ собою остатки питекантропа и часть другихъ находокъ для демонстраціи ихъ европейскимъ ученымъ. При опредѣленіи остатковъ ископаемаго существа играетъ огромную роль знаніе тѣхъ условій, въ которыхъ эти остатки были найдены, а также и тѣхъ животныхъ, которыя найдены вмѣстѣ съ ними. Все это разъяснено Дюбуа въ значительной мѣрѣ въ устныхъ сообщеніяхъ и позднѣйшихъ рефератахъ и теперь можно безпристрастно обсудить значеніе его находки, тѣмъ болѣе, что по поводу ея уже печатно высказались величайшіе авторитеты въ области палеонтологіи.

Основываясь на ископаемыхъ, собранныхъ имъ у Триниля въ тѣхъ же слояхъ, въ какихъ онъ находилъ ихъ на огромномъ протяженіи въ другихъ частяхъ Явы, Дюбуа опредѣляетъ геологическій возрастъ своего пи-

текантропа никакъ не позднѣе древнѣйшаго плейстоцена, а вѣроятнѣе даже новѣйшимъ пліоценомъ. Въ общемъ современная питекантропу фауна до крайности близка съ пліоценовой фауной передней Индіи, найденной при раскопкѣ Сиваликскихъ холмовъ, но моложе ея, а точный возрастъ сиваликской фауны или древне-пліоценовый, или верхне-міоценовый. Маршъ, на основаніи личнаго ознакомленія съ остатками питекантропа, какъ по виду костей, такъ по выполняющимъ ихъ горнымъ породамъ и по современной имъ фаунѣ, рѣшительно высказывается за ихъ пліоценовый возрастъ.

Разные виды оленей, буйволовъ, быковъ, носороговъ, свиней, гіенъ и кошекъ, колоссальный панголинъ, бегемотъ—вотъ найденныя вмѣстѣ съ питекантропомъ млекопитающія.

Расположеніе слоевъ, образованныхъ вулканическими туфами у Триниля представляется въ слѣдующемъ видѣ. Подъ растительнымъ слоемъ лежитъ очень толстый слой не особенно твердаго песчаника, который книзу, ближе къ уровню рѣки, въ сухое время года, становится крупнозернистѣе, вслѣдствіе все большей и большей примѣси къ нему ляпиллей. Ископаемые остатки находятся во всемъ слоѣ песчаника, но многочисленнѣе въ его нижней части и особенно въ самомъ глубокомъ слоѣ съ ляпиллями, достигающемъ 1 метра толщины. Остатки питекантропа были найдены именно въ слоѣ съ ляпиллями, и хотя, по вышеупомянутымъ причинамъ, въ разные годы, однако работы производились такъ тщательно, что можно съ полнымъ правомъ утверждать, что они лежали на одномъ уровнѣ и въ совершенно нетронутыхъ пластахъ. Это въ высшей степени важно, такъ какъ указываетъ на одновременность ихъ отложенія, и принимая во вниманіе разстояніе этихъ остатковъ другъ отъ друга, положеніе ихъ въ одномъ уровнѣ, одинаковое состояніе костей и зубовъ и ихъ анатомическія особенности, мы можемъ безъ особыхъ колебаній утверждать, что они принадлежатъ одной особи. Маршъ въ свою очередь говоритъ, что никто изъ палеонтологовъ ни на минуту не колебался бы отнести всѣ найденные Дюбуа остатки той же самой особи.

Переходя теперь къ обсужденію мнѣній, высказанныхъ по поводу открытій Дюбуа, мы должны говорить и о самыхъ остаткахъ.

Что касается крыши черепа, то по своей плоской формѣ, сильному развитію глазничной области и очень скошенной затылочной части, она не можетъ принадлежать черепу человѣка.

Даже черепа неандертальскій, Спи и микроцефаловъ гораздо выпуклѣе именно въ темянной области. Относительно же глазничной области ихъ нечего и сравнивать съ явскимъ. Черепъ питекантропа по своимъ особенностямъ поразительно походитъ на черепъ гиббона, слѣдовательно низшей изъ нынѣ существующихъ антропоморфныхъ обезьянъ, но это не даетъ ни малѣйшаго основанія приписывать его ископаемому гиббону, такъ какъ онъ вдвое больше самаго большого черепа гиббона.

Конечно, не спеціалисту это можетъ показаться не особенно важнымъ,

на дѣлѣ же это различіе первостепенной важности, такъ какъ размѣры черепа питекантропа и объемъ его полости рѣзко отличаютъ его отъ череповъ всѣхъ человѣкоподобныхъ обезьянъ. Дюбуа вычислилъ объемъ черепной полости питекантропа въ 900 куб. цм., между тѣмъ средній объемъ череповъ самыхъ крупныхъ человѣкоподобныхъ обезьянъ равенъ только 500 куб. цм., вообще же объемъ полости обезьяньяго черепа не бываетъ болѣе 600 куб. цм. Нѣтъ никакого основанія думать, что гиббоній черепъ вдвое большаго размѣра, чѣмъ черепъ нынѣшнихъ гиббоновъ, имѣлъ бы и вдвое большій объемъ своей полости, такъ какъ мы опредѣленно знаемъ, что въ предѣлахъ одного и того же семейства у болѣе крупныхъ представителей головной мозгъ относительно меньше, нежели у мелкихъ. Гиббонъ, по размѣрамъ приближающійся къ человѣку и по вѣсу къ самымъ крупнымъ антропоидамъ, все-таки имѣлъ бы объемъ черепной полости около 500 куб. цм., т.-е. почти вдвое меньше, чѣмъ у питекантропа. Для того, чтобы представить себѣ обезьяну съ объемомъ черепной полости въ 900 куб. цм., надо представить такого колосса, сравнительно съ которымъ самая большая горилла была бы карликомъ. По минимальнымъ вычисленіямъ, гиббонъ съ черепною полостью въ 900 куб. цм. долженъ бы имѣть вѣсъ тѣла средней лошади. Вмѣстѣ съ тѣмъ у такой обезьяны долженъ бы достигать огромнаго развитія челюстный аппаратъ, а слѣдовательно и приспособленія для прикрѣпленія жевательныхъ мышцъ. Между тѣмъ на сохранившейся крышѣ черепа питекантропа ничего подобнаго нѣтъ: его поверхность ровная, безъ гребней.

Такимъ образомъ черепъ питекантропа не можетъ быть ни черепомъ человѣка, ни черепомъ обезьяны. Походя по наружному виду на черепъ гиббона, онъ очевидно принадлежалъ существу занимающему промежуточное мѣсто между тѣмъ и другимъ. Даже тѣ анатомы, которые считали его за черепъ человѣка, должны были признать наиболѣе обезьяноподобнымъ и поставить ниже череповъ неандертальскаго и Спи Съ другой стороны, приписывая его обезьянѣ, другіе анатомы заставляли приходить къ совершенно невѣроятнымъ заключеніямъ относительно того, какова была эта обезьяна. Здѣсь полезно также припомнить, что о неандертальскомъ черепѣ никогда не было спора—черепъ это человѣка или обезьяны; мнѣнія расходились только въ томъ, считать ли его болѣзненно видоизмѣненнымъ или нормальнымъ. Если же существуетъ такое разногласіе какъ относительно черепа питекантропа, очевидно споръ въ значительной мѣрѣ сводится къ спору о словахъ. Кунингамъ, наприм., сначала призналъ черепъ питекантропа человѣчьимъ съ ясно выраженными обезьяньими особенностями; теперь онъ считаетъ его за человѣчій съ преобладающими обезьяньими особенностями. Но можно спросить въ такомъ случаѣ, почему же онъ не считаетъ его за обезьяній съ слабо выраженными человѣчьими особенностями? А это все равно, что признать питекантропа, который восполняетъ промежутокъ между антропоморфными обезьянами и человѣкомъ.

Два найденные зуба, второй лѣвый и третій правый коренной, судя по всему, принадлежатъ тому же черепу, отъ котораго сохранилась крыша. Корни расходятся у нихъ въ такой степени, какъ не бываетъ у человѣка; форма коронки ясно обезьяньяго типа. Однако это очевидно зубы не обезьяны, такъ какъ и малы, сравнительно съ зубами антропоморфныхъ, и имѣютъ менѣе развитую коронку, какъ это наблюдается въ коренныхъ зубахъ человѣка. Слѣдовательно зубы также соединяютъ въ себѣ признаки обезьянъ и человѣка.

Наконецъ остается бедряная кость. Большинство анатомовъ сходилось на томъ, что это кость человѣка и отрицать ея общее сходство съ бедряной костью человѣка нельзя. Но, во-1-хъ, у близкихъ и одинаково передвигающихся животныхъ бедряныя кости очень похожи; во-2-хъ, будучи сходной съ бедряною костью человѣка по размѣрамъ и общимъ очертаніямъ, бедро приписываемое питекантропу отличается отъ человѣчьяго своею большею округлостью и большею выгнутостью. Мануврье, перебравши сотни бедряныхъ костей человѣка, нашелъ только двѣ съ этими особенностями. Слѣдовательно считать эти особенности за свойственныя именно человѣку у насъ нѣтъ основанія. Съ другой стороны, эта бедряная кость совершенно сходится по размѣрамъ съ остатками черепа питекантропа и только расширяетъ наше представленіе объ этомъ существѣ, заставляя насъ приписывать ему вертикальное положеніе.

Къ какому же выводу мы приходимъ относительно всѣхъ остатковъ найденныхъ Дюбуа? Признавая ихъ принадлежащими одной особи, что̀ въ настоящее время можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ, мы должны признать, что питекантропъ жилъ въ періодъ пліоценовыхъ отложеній и, имѣя головной мозгъ по объему почти вдвое большій, чѣмъ головной мозгъ антропоморфныхъ обезьянъ, по виду походилъ на гиббона, ростомъ съ человѣка и съ такимъ же вертикальнымъ положеніемъ тѣла.

Какое мѣсто отвести питекантропу въ системѣ,—опредѣляется его организаціей. Его нельзя отнести ни въ родъ homo, ни къ какому-либо роду антропоморфныхъ обезьянъ. Судя по всему, онъ занимаетъ мѣсто между ископаемымъ шимпанзе и человѣкомъ, и для насъ въ высшей степени важно замѣчаніе Дюбуа, изучившаго остатки ископаемаго шимпанзе, что въ немъ одновременно существуютъ особенности гиббоновъ и человѣка. Нѣтъ ничего невозможнаго, что питекантропъ находится въ ряду прямыхъ предковъ человѣка, и такимъ образомъ мы уже можемъ сдѣлать себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о соотношеніи разныхъ формъ приматовъ. Какъ это многократно указывалось дарвинистами, человѣкъ не можетъ быть выведенъ ни изъ одной существующей формы антропоморфныхъ обезьянъ, но вмѣстѣ съ ними онъ сводится къ весьма отдаленной обобщенной формѣ, которая принадлежала среднему міоцену.

Нѣкоторые анатомы старались умалить значеніе открытія Дюбуа, настаивая на томъ, что найденная имъ бедряная кость принадлежитъ человѣку. Но еслибъ это и было такъ, на что, однако, какъ мы видѣли, нѣтъ

сколько-нибудь вѣскаго доказательства, то это означало бы лишь то, что Дюбуа сдѣлалъ не одно, а нѣсколько важныхъ открытій. Въ самомъ дѣлѣ, оспаривать принадлежность найденнаго Дюбуа черепа обезьяноподобному существу, съ головнымъ мозгомъ приближающимся къ головному мозгу человѣка, нѣтъ основанія. Что же касается пліоценовыхъ остатковъ человѣка, то это также было бы открытіемъ огромной важности, потому что до сихъ поръ остатки человѣка не найдены раньше плейстоцена, если не считать болѣе чѣмъ сомнительныхъ пліоценовыхъ кремневыхъ орудій.

Вирховъ, стараясь доказать, что бедряная кость, найденная Дюбуа, принадлежитъ человѣку, прибѣгъ къ своему обычному методу—иронизировать тамъ, гдѣ нельзя опереться на факты. Остановившись на патологическихъ наростахъ на этой кости, онъ вздумалъ доказывать, что для заживанія подобныхъ патологическихъ образованій нуженъ продолжительный покой, что несовмѣстимо съ повадками обезьянъ, развѣ только допустивъ для этой исключительной обезьяны особое «состояніе покоя». Но иронизировать тутъ нечего, потому что экзостозы вещь вовсе не рѣдкая и найдены даже у эоценовыхъ млекопитающихъ. Во всякомъ случаѣ это такого рода патологическія образованія, которыя нисколько не мѣшаютъ составить правильный взглядъ на несущую ихъ кость и не имѣютъ ни малѣйшаго значенія съ систематической стороны. Кромѣ того, противъ Вирхова прямо говорятъ и факты: въ Дрезденскомъ музеѣ имѣется скелетъ орангъутана съ экзостозами на плечевой кости.

Въ заключеніе этого очерка намъ остается сопоставить находку Дюбуа съ изслѣдованіями Саразиновъ. Зоологи и палеонтологи обыкновенно въ своихъ изслѣдованіяхъ по времени идутъ навстрѣчу другъ другу: первые изслѣдуютъ представителей современнаго животнаго міра и своею задачей отчасти ставятъ опредѣленіе относительной древности различныхъ группъ; вторые, начиная съ изслѣдованія отдаленныхъ эпохъ, стараются прослѣдить измѣненіе ископаемыхъ животныхъ и постепенный переходъ ихъ въ современныхъ съ нашими. При совершенной законченности тѣ и другія изслѣдованія должны сойтись въ своихъ конечныхъ выводахъ, взаимно провѣряя и подтверждая другъ друга, и это дѣйствительно достигнуто для очень многихъ группъ. Но что касается приматовъ, то изученіе ихъ въ палеонтологическомъ отношеніи представляло огромные пробѣлы и лишь сравнительная анатомія давала дѣйствительно цѣнныя указанія на соотношеніе ихъ разныхъ группъ. Съ другой стороны, антропологія какъ прежде, такъ и въ послѣдніе годы очень часто отвлекалась отъ своихъ коренныхъ вопросовъ и безъ всякой надобности и пользы путалась въ частностяхъ. Тѣмъ не менѣе, и въ области антропологіи цѣнный, хотя разрозненный матеріалъ накоплялся постепенно и при помощи той же сравнительной анатоміи позволилъ прійти къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ относительно соотношенія и главныхъ типовъ человѣческихъ племенъ. Однако, очевидно, между изслѣдованіями антропологовъ

и палеонтологовъ оставался большой пробѣлъ, о которомъ многіе антропологи, даже большинство, и не думало, такъ какъ вовсе не ставило себѣ задачею связать низшія племена человѣка съ прародичами современныхъ приматовъ. Стремленіе обособить антропологію отъ зоологіи, сказать, что тамъ, гдѣ начинается область изученія человѣка, уже нечего дѣлать зоологіи, замыкало антропологію въ тѣсный кругъ, откуда никакого выхода не было. Въ этомъ отношеніи замѣчательна параллель между исторіей антропологіи и зоологіи. Зоологи, много десятковъ лѣтъ тому назадъ, принимая существованіе извѣстнаго количества первозданныхъ видовъ, въ изученіи ихъ не шли далѣе констатированія ихъ предѣльной измѣняемости и объясненія образованія новыхъ формъ путемъ скрещиванія уже существовавшихъ ранѣе. Этотъ періодъ въ исторіи зоологіи не далъ ничего плодотворнаго, и, только освободившись отъ идеи о неизмѣняемости видовъ, зоологія стала развиваться. Антропологія и до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ вертится на томъ, чтобы принявши нѣсколько главныхъ человѣческихъ племенъ, вывести изъ нихъ болѣе дробныя дѣленія путемъ ихъ ограниченной измѣняемости и путемъ скрещиванія уже образовавшихся племенныхъ подраздѣленій. Этимъ исключалась возможность правильной оцѣнки очень длиннаго ряда особенностей человѣческой организаціи, и отсюда беретъ свое начало то, что черепа, подобные неандертальскому, приписывались идіотамъ или считались болѣзненно измѣненными, въ черепахъ же съ обезьяньими чертами не видѣли ничего болѣе случайнаго сходства. Однако, несмотря на всю косность антропологовъ, зоологамъ удавалось понемногу проводить идею о кровномъ родствѣ человѣка съ одной изъ низшихъ формъ и сдѣлать ее наконецъ если не общепринятой среди антропологовъ, то принятой наиболѣе выдающимися изъ нихъ. Теперь, послѣ открытія Саразиновъ и Дюбуа, сближеніе антропологіи съ палеонтологіей дѣлается еще настоятельнѣе необходимымъ. Тщательное изученіе веддъ сблизило ихъ и родственныя имъ племена, разбросанныя тамъ и сямъ въ тропической и подтропической зонѣ Стараго Свѣта, съ приматами въ узкомъ смыслѣ этого слова; найденный Дюбуа питекантропъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что въ періодъ пліоценовыхъ отложеній на Зондскомъ архипелагѣ жило обезьяно-подобное существо съ головнымъ мозгомъ вдвое превышающимъ средній объемъ головного мозга антропоморфныхъ обезьянъ и вертикальнымъ положенімъ тѣла. Прибавимъ къ этому находку ископаемаго прародича африканскаго шимпанзе, но съ примѣсью чертъ человѣческой организаціи, именно въ Сиваликскихъ холмахъ, и дадимъ совершенно безпристрастный отвѣтъ на вопросъ, что же означаетъ эта находка? Неужели все это ничего болѣе, какъ рядъ случайностей? Неужели всѣ эти находки ничего болѣе, какъ западня, которую природа разставила легкомысленному натуралисту, чтобы сбить его съ прямой дороги? Очевидно, это невозможно. Природа развивается однимъ путемъ: въ ней съ одной стороны постоянно нараждаются новыя формы, съ другой—гибнутъ старыя. Наука доказала, что эти формы не стоятъ особнякомъ другъ относительно друга,

а связаны узами кровнаго родства, и намъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія добровольно отсѣкать себя отъ этого безконечно вѣтвистаго древа, выражающаго послѣдовательное развитіе животнаго царства. Если тридцать лѣтъ тому назадъ мы должны были говорить о своей связи съ остальнымъ животнымъ міромъ какъ о чемъ-то лишь очень вѣроятномъ, теперь мы должны говорить объ этомъ прямо, какъ о доказанномъ фактѣ. Предубѣжденію нѣтъ мѣста въ этомъ случаѣ, какъ нѣтъ ему мѣста нигдѣ, гдѣ наука выступаетъ во всеоружіи фактовъ. Не возмущаемся же мы при мысли, что животныя и растенія берутъ свое начало изъ одного корня и вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая общность ихъ происхожденія, мы вовсе не отказываемся отъ дѣленія организованнаго міра на царство растеній и царство животныхъ. Что касается человѣка, его выдѣляли и выдѣляютъ въ особое царство только на основаніи присущей ему способности къ созиданію отвлеченныхъ идеаловъ; о сходствѣ его организаціи съ организаціей млекопитающихъ никогда не было спора. Слѣдовательно, препятствій къ признанію единства его происхожденія съ высшими млекопитающими всегда было меньше и только очень сильное предубѣжденіе могло заставить оспаривать это.

Но, такъ или иначе, вопросъ въ общихъ чертахъ теперь рѣшенъ. Мы знаемъ и то, на что могло походить существо, стоящее по всей вѣроятности въ ряду прямыхъ предковъ человѣка, и гдѣ искать остатковъ этихъ человѣкоподобныхъ существъ. Тропическая Азія съ ея безконечнымъ разнообразіемъ ландшафтовъ, пышною растительностью и удивительнымъ богатствомъ животнаго міра, соединяя въ себѣ всѣ необходимыя условія для жизни человѣко-подобныхъ существъ, сохранила и ихъ остатки и въ живущихъ здѣсь народахъ указаніе на центръ распространенія человѣческаго рода. Эта страна, въ своихъ частяхъ, омываемыхъ океаномъ, конечно претерпѣла большія измѣненія въ очертаніяхъ, но ея климатъ не измѣнялся существенно даже въ теченіе великаго ледниковаго періода. Проходили тысячелѣтія, одни представители фауны и флоры вымирали, другіе—новообразовались, разныя животныя и растенія эмигрировали сюда изъ болѣе сѣверныхъ странъ, какъ между туземцами, такъ и между пришлецами шла постоянная борьба за существованіе и въ этихъ-то условіяхъ преобладающее значеніе среди человѣкоподобныхъ формъ получили тѣ, объемъ головного мозга которыхъ давалъ имъ несомнѣнныя преимущества въ жизни. Дѣло будущаго пополнить этотъ рядъ человѣко-подобныхъ существъ и тѣснѣе связать ихъ съ несомнѣннымъ человѣкомъ хотя бы еще болѣе низкаго типа, чѣмъ тотъ, который указанъ неандертальскимъ черепомъ.

М. Мензбиръ.

Порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній.

До 1871 года народныя чтенія регулировались закономъ 1863 года, по которому право разрѣшать народныя чтенія, равно какъ и публичныя лекціи, было предоставлено попечителямъ учебныхъ округовъ по соглашенію съ начальниками губерній. Такъ какъ разрѣшеніе чтеній, по этому закону, было обставлено очень сложными формальностями, то народныя аудиторіи встрѣчались чрезвычайно рѣдко. Первый толчокъ къ болѣе широкой постановкѣ публичныхъ народныхъ чтеній данъ былъ самимъ правительствомъ. Императоръ Александръ II, какъ изъяснилъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-адъютантъ Треповъ, неоднократно указывалъ на необходимость мѣръ къ уменьшенію усиливающагося въ средѣ столичнаго населенія разгула и пьянства. Треповъ, употребивъ всѣ зависящія отъ полицейской власти мѣры къ достиженію этой цѣли, пришелъ къ тому убѣжденію, что только постепеннымъ путемъ смягченія въ народѣ грубыхъ нравовъ, возвышенія въ немъ нравственнаго и умственнаго уровня онъ можетъ быть отвлеченъ отъ пагубной страсти къ вину. Наиболѣе важною изъ мѣръ, направленныхъ къ достиженію намѣченной цѣли, является, по мнѣнію генерала Трепова, устройство занимательныхъ чтеній для народа, въ которыхъ бы сообщались ему, въ доступной и занимательной формѣ, полезныя и необходимыя для него свѣдѣнія. Подробный докладъ объ этомъ былъ доставленъ оберъ-полицеймейстеру Трепову камергеромъ Гвоздево-Голенкою.

Послѣдствіемъ доклада Трепова было сначала Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ особой коммиссіи для обсужденія предложенія Трепова, затѣмъ учрежденіе коммиссіи В. П. Коховскаго, начавшей народныя чтенія въ аудиторіи педагогическаго музея 28 декабря того же 1871 г., и наконецъ порученіе г. министру народнаго просвѣщенія, въ томъ случаѣ, если опытъ окажется удачнымъ и убѣдитъ въ пользѣ устройства народныхъ чтеній въ большихъ размѣрахъ, составить по сему предмету окончательныя соображенія, которыя, если послѣдуетъ на то Высочайшее соизволеніе, внести на разсмотрѣніе особой Высочайше назначаемой коммиссіи *). Опытъ

*) Сборникъ пост. по минист. народ. просв.

педагогическаго музея блистательно оправдалъ всѣ предположенія генерала Трепова и потому въ началѣ 1872 г. коммиссія постановила предоставить министру народнаго просвѣщенія безотлагательно образовать особую коммиссію для устройства народныхъ чтеній въ Петербургѣ и его окрестностяхъ и возложить на ту же коммиссію разработку общихъ правилъ относительно порядка устройства чтеній для народа въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Въ 1876 году были Высочайше утверждены правила дла устройства народныхъ чтеній, но не во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи, какъ этого слѣдовало ожидать по смыслу распоряженія 1871 г., а только въ губернскихъ городахъ.

Несмотря на то, что эти правила обставляли разрѣшеніе народныхъ чтеній очень сложными формальностями (требовалось каждый разъ соглашеніе попечителя округа съ губернаторомъ), русское общество сравнительно широко воспользовалось предоставленною ему возможностью, и въ настоящее время очень мало губернскихъ городовъ, гдѣ бы не устраивалось народныхъ чтеній. Къ сожалѣнію, совсѣмъ не такъ стоитъ дѣло народныхъ чтеній въ уѣздныхъ городахъ, деревняхъ и селахъ. Начать съ того, что порядокъ разрѣшенія сельскихъ народныхъ аудиторій въ одной губерніи не имѣетъ ничего общаго съ практикою, установившеюся въ другой губерніи, часто смежной съ первою.

Въ уѣздныхъ городахъ шести губерній Харьковскаго учебнаго округа чтенія, по Высочайшему повелѣнію 1889 г., разрѣшаются попечителемъ учебнаго округа по соглашенію съ губернаторомъ; въ Тамбовской губерніи устройство чтеній регулируется уставомъ особаго общества, утвержденнаго 11 іюля 1893 г., въ шести губерніяхъ Петербургскаго учебнаго округа право устраивать народныя чтенія предоставлено постоянной коммиссіи, по соглашенію съ губернаторомъ и архіереемъ. Наилучшій порядокъ при устройствѣ народныхъ чтеній имѣетъ мѣсто въ предѣлахъ Виленскаго учебнаго округа.

Инструкція учителямъ народныхъ училищъ Виленского учебнаго округа, утвержденная министерствомъ народнаго просвѣщенія, прямо возлагаетъ на законоучителей и учителей обязанность вести такія чтенія не только для учащихся, но и для народа (§ 48). На этомъ основаніи устроены народныя чтенія при многихъ сельскихъ училищахъ Минской, Виленской, Витебской и Могилевской губерній. Съ особеннымъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ директоръ народныхъ училищъ сначала Виленской, а затѣмъ Могилевской губерніи, г. Поповъ. Изъ его сообщенія отъ 30 ноября 1892 года видно, что въ одной Могилевской губерніи ему, при энергичномъ содѣйствіи учителей, удалось учредить народныя чтенія при 177 начальныхъ училищахъ, причемъ эти чтенія посѣтило около 225 тысячъ взрослыхъ и немного менѣе дѣтей.

Правда, что этотъ § инструкціи касается только чтеній-собесѣдованій, устраиваемыхъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и при томъ только преподавателями (законоучителемъ) и не можетъ имѣть отношенія къ лекторамъ

не изъ учителей и къ чтеніямъ, устраиваемымъ внѣ учебныхъ заведеній; но, не смотря на то, порядокъ этотъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, позволяетъ такъ широко поставить это дѣло, какъ до сихъ поръ еще нигдѣ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи не удалось его развить.

Такая организація народныхъ чтеній была бы въ высшей степени желательна не только въ бѣлорусскомъ и польско-литовскомъ краѣ, но и среди коренного великорусскаго населенія. Она значительно упрощаетъ формальности при устройствѣ народныхъ чтеній. Необходимость просить разрѣшенія наступаетъ при такомъ порядкѣ только тогда, когда на помощь законоучителю и учителю пожелаютъ прійти постороннія лица. Казалось бы, и внутри Россіи законоучителю и учителю, которымъ довѣряется воспитаніе и обученіе нѣсколькихъ десятковъ дѣтей, можно было бы безъ особыхъ разрѣшеній довѣрить чтеніе народу книжекъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для этой цѣли. Если учитель признается полезнымъ при обученіи дѣтей, находящихся подъ его ничѣмъ не ограниченнымъ нравственнымъ вліяніемъ, то, очевидно, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести вреда взрослому слушателю чтеніемъ рекомендованной правительствомъ книги,—человѣку съ сложившимся міровоззрѣніемъ.

Для тѣхъ, кто питаетъ какія-либо сомнѣнія въ этомъ отношеніи, могла бы быть очень поучительною книжка С. А. Рачинскаго, изданная по распоряженію г. оберъ-прокурора св. синода и разосланная на казенный счетъ по всѣмъ учрежденіямъ, вѣдающимъ дѣло народнаго образованія. Бывшій профессоръ, высокообразованный человѣкъ, отличающійся необыкновенною наблюдательностью, проживъ двадцать лѣтъ въ деревнѣ, входя въ постоянныя сношенія съ крестьянами, на почвѣ народнаго образованія, пришелъ къ непоколебимому убѣжденію въ томъ, что «преподаваніе въ сельскихъ школахъ не можетъ имѣть никакого направленія, кромѣ даннаго тѣми же безграмотными родителями, что за ними не можетъ быть иного контроля, кромѣ контроля тѣхъ же родителей, что это воздѣйствіе оффиціально-безправнаго населенія на дѣло народнаго образованія совершается медленнымъ, почти безсознательнымъ, но упорнымъ давленіемъ снизу, пассивнымъ сопротивленіемъ всему, неподходящему къ народному понятію о школѣ, выживаніемъ негодныхъ учителей, поощреніемъ удовлетворяющихъ народнымъ нуждамъ—неотразимымъ вліяніемъ учащихся на учащихъ» *). По справедливому мнѣнію С. А. Рачинскаго, «вся роскошь надзора и контроля за школами, четверной контроль дирекцій народныхъ училищъ, епархіальнаго начальства, училищныхъ совѣтовъ и мѣстной полиціи не имѣетъ никакого значенія», кромѣ контроля самого крестьянскаго населенія. Эта мысль составляетъ центръ всей работы извѣстнаго дѣятеля по народному образованію, изданной, какъ уже сказано выше, по распоряженію г. оберъ-прокурора св. синода; изъ этой идеи, какъ изъ основ-

*) Замѣтки о сельскихъ школахъ С. А. Рачинскаго.

ного положенія, вытекаютъ всѣ остальные выводы автора, которому не безъ основанія приписываютъ составленіе проекта церковно-приходскихъ школъ. Рачинскій живетъ въ одной изъ подмосковныхъ губерній, его наблюденія относятся къ коренному русскому крестьянину и его отзывъ, такъ опредѣленно и ясно формулированный, не можетъ оставить никакого сомнѣнія въ томъ, что и внутри Россіи можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ крестьянскому населенію, при устройствѣ школъ, народныхъ чтеній и другихъ образовательныхъ учрежденій. Не могло бы, казалось, быть сомнѣнія и въ томъ, что упрощенный порядокъ при разрѣшеніи народныхъ чтеній, установленный въ сѣверо-западномъ краѣ, тѣмъ болѣе могъ бы безъ всякаго вреда для населенія быть распространенъ и на внутреннія губерніи Россіи. Между тѣмъ, до 1893 года народныя чтенія совсѣмъ не разрѣшались въ деревняхъ и селахъ внутренней Россіи. Училищные совѣты и земскія собранія, начиная съ половины 70-хъ годовъ и до нашихъ дней, выдвигаютъ цѣлый рядъ ходатайствъ о томъ, чтобы правила 1876 года были распространены не только на губернскіе города, но и на уѣздные, а также на деревни и села. Такъ, напримѣръ, кологривское земство ходатайствовало объ устройствѣ чтеній въ уѣздѣ и ассигновало необходимыя для того средства, но въ разрѣшеніи ему было отказано. Аналогичное ходатайство уржумскаго XXVII очередного земскаго собранія было опротестовано губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, причемъ постановленіе земства объ ассигнованіи 400 руб. на пріобрѣтеніе волшебныхъ фонарей было отмѣнено. Подобная участь постигла и ходатайство херсонскаго, саратовскаго и многихъ другихъ земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ ли этой массы ходатайствъ, или по другимъ соображеніямъ постоянная коммиссія по устройству народныхъ чтеній въ Петербургѣ и его окрестностяхъ въ 1893 г. дѣлаетъ новый шагъ къ исполненію порученія, возложеннаго на нее 21 годъ тому назадъ, къ распространенію народныхъ чтеній и на другія мѣстности имперіи. 27 декабря 1893 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о распространеніи дѣятельности постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ на всю территорію с.-петербургскаго учебнаго округа, въ видахъ устройства помянутыхъ чтеній въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это будетъ признано удобнымъ, по соглашенію съ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереемъ и губернаторомъ, и съ тѣмъ, чтобы надзоръ за веденіемъ чтеній былъ довѣренъ извѣстнымъ по своей благонадежности лицамъ, по назначенію попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа. 11 октября 1894 г. Высочайше утверждено было слѣдующее постановленіе комитета министровъ. «Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, по ходатайству тверского губернскаго земскаго собранія, относительно устройства народныхъ чтеній внѣ губернскихъ городовъ, полагалъ: 1) Предоставить министру народнаго просвѣщенія объявить тверскому губернскому земству, что ходатайство объ устройствѣ народныхъ чтеній можетъ быть удовлетворено не иначе, какъ

при точномъ каждый разъ указаніи, примѣнительно къ установленнымъ правиламъ, кто именно предполагаетъ устроить чтенія, и при одобреніи означенныхъ лицъ мѣстнымъ обще-административнымъ, духовнымъ и учебнымъ начальствомъ, и 2) на будущее время предоставить съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, по предварительному каждый разъ соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, разрѣшать народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ съ тѣмъ, чтобы таковыя чтенія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью ближайшихъ представителей духовнаго или учебнаго вѣдомства и чтобы нравственная и политическая благонадежность лицъ, занимающихся устройствомъ народныхъ чтеній, была надлежащимъ образомъ удостовѣрена. Эти новыя правила представляли для своего времени значительный шагъ впередъ; но они имѣютъ и значительные недостатки. Завѣдующій отдѣломъ министерства народнаго просвѣщенія на всемірной выставкѣ въ Чикаго, чиновникъ особыхъ порученій министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій, въ 1895 году издалъ книгу *Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки*. Въ книгѣ этой, представленной г. министромъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, авторъ приводитъ совершенно справедливое мнѣніе о нашихъ народныхъ чтеніяхъ американскаго профессора, подробно изучившаго постановку дѣла народнаго образованія въ Россіи. «Если я когда-нибудь вернусь въ Россію,—говоритъ профессоръ,—то, думаю, не услышу больше о существующемъ теперь способѣ разрѣшать народныя чтенія. Онъ кажется мнѣ нѣсколько тяжеловѣснымъ. Для того, чтобы какая-нибудь помѣщица Иванова, Вологодской, напримѣръ, губерніи, могла прочесть зимой группѣ крестьянъ нѣсколько книжекъ, спеціально предназначенныхъ для народныхъ чтеній и прошедшихъ, какъ я узналъ, три цензуры—цензуру общую, духовную и ученаго комитета—она должна добиться согласія двухъ министровъ и оберъ-прокурора синода. Такъ какъ чтенія должны бы, собственно говоря, дѣлаться въ каждомъ селеніи, гдѣ есть грамотный человѣкъ, то количество бумагъ, которыя придется написать по поводу этихъ чтеній (считая minimum 10 бумагъ на каждое прошеніе), кажется мнѣ, еслибъ эта система была сохранена, столь значительнымъ, что я убѣжденъ, что со временемъ ее, какъ слишкомъ дорогую, отмѣнятъ, тѣмъ болѣе, что на практикѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ Петербургѣ о помѣщицѣ Ивановой никакихъ свѣдѣній не окажется, и все дѣло рѣшится, какъ мнѣ разсказываютъ,—по отзывамъ мѣстныхъ администраторовъ, которымъ поэтому и слѣдовало бы предоставить самостоятельно разрѣшать эти дѣла, если вообще тутъ есть какое-либо «дѣло», пока чтецъ ограничивается буквальнымъ воспроизведеніемъ напечатаннаго». И говорятъ, что записка цитируемаго профессора, содержащая такой отзывъ о порядкѣ разрѣшенія народныхъ чтеній, была представлена русскому правительству и обратила на себя особенное вниманіе въ высокихъ сферахъ. А вотъ не менѣе опредѣленное мнѣніе дру-

гого лица, занимающаго видный постъ въ административныхъ сферахъ. Корреспондентъ *Камско-Волжскаго Края* передаетъ содержаніе рѣчи, сказанной С. Ю. Витте въ чрезвычайномъ засѣданіи пермскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости.

По окончаніи обсужденія вопроса о трактирныхъ и пивныхъ, рѣчь зашла о главнѣйшей функціи попечительствъ о народной трезвости: объ открытіи народныхъ читаленъ и устройствѣ народныхъ чтеній. Г. министръ сказалъ, что онъ знаетъ о затрудненіяхъ, которыя существуютъ въ настоящемъ дѣлѣ. Въ вопросѣ объ открытіи народныхъ читаленъ и устройствѣ народныхъ чтеній иниціаторамъ приходится вѣдаться съ цѣлымъ рядомъ учрежденій, причемъ вовсе не существуетъ строго опредѣленнаго и однообразнаго порядка сношеній; запросы о томъ: кто, гдѣ и что желаетъ читать или давать читать народу—дѣлаются, можно сказать, всѣми; дѣло о разрѣшеніи означенныхъ чтеній восходитъ на компетенцію, въ разныхъ случаяхъ, различно: мѣстнаго духовенства, св. синода, министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ, попечителей учебныхъ округовъ, губернаторовъ, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Не меньшія затрудненія встрѣчаются и въ вопросѣ о самомъ выборѣ книгъ для чтенія: каталоговъ не было до самаго послѣдняго времени; министерство народнаго просвѣщенія прислало таковой только на-дняхъ. Такой порядокъ обратилъ на себя серьезное вниманіе С. Ю. Витте, который тутъ же высказалъ, что необходимо доставить большую самостоятельность въ этомъ дѣлѣ мѣстнымъ органамъ попечительства о народной трезвости, которые могли бы разрѣшать устройство чтеній и читаленъ съ утвержденія губернаторовъ, компетенціи коихъ вполнѣ достаточно для этого дѣла. Пермскій губернаторъ г. Погодинъ указалъ при этомъ на необходимость правильнаго періодическаго изданія, напримѣръ, ежегодно въ январѣ, министерствомъ народнаго просвѣщенія систематически пополняемаго или измѣняемаго каталога, такъ чтобы въ предѣлахъ послѣдняго мѣстная власть могла разрѣшать выборъ матеріала для чтенія, не возбуждая особыхъ, столь медленно движущихся ходатайствъ. Насколько сложенъ порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній показываетъ слѣдующій простой разсчетъ. Допустимъ, что прошеніе о разрѣшеніи чтеній поступило къ министру народнаго просвѣщенія. Обыкновенно онъ спрашиваетъ заключенія директора и инспектора, послѣднему необходимо пріискать наблюдателя, а такъ какъ инспекторъ, проживая въ городѣ, рѣдко знаетъ мѣстныхъ жителей, то онъ обыкновенно сносится сначала съ училищнымъ совѣтомъ и затѣмъ съ избраннымъ наблюдающимъ лицомъ. Но вотъ всѣ необходимыя свѣдѣнія собраны, онъ письменно даетъ заключеніе директору, послѣдній пишетъ—попечителю, попечитель представляетъ дѣло министру народнаго просвѣщенія. Отсюда вся переписка идетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, который требуетъ заключенія губернатора, губернаторъ сносится съ жандармскимъ управленіемъ и исправникомъ, послѣдній собираетъ свѣдѣнія чрезъ стано-

вого, а становой чрезъ урядника. Когда становой напишетъ исправнику, исправникъ губернатору, а послѣдній, дождавшись отзыва жандармскаго управленія, представитъ все дѣло своему министру, мы будемъ только на половинѣ пути, потому что министръ еще долженъ снестись съ г. оберъ-прокуроромъ св. синода, послѣдній съ епархіальнымъ архіереемъ, преосвященный можетъ направить дѣло или чрезъ епархіальный училищный совѣтъ, и тогда сей послѣдній снесется съ уѣзднымъ отдѣленіемъ училищнаго совѣта и такъ до мѣстнаго причта включительно, или же чрезъ консисторію, которая тоже чрезъ благочиннаго пошлетъ запросъ мѣстному причту. Когда затѣмъ эти отзывы въ порядкѣ подчиненности дойдутъ до оберъ-прокурора, а послѣдній сообщитъ свое заключеніе министру, настанетъ время разрѣшить или не разрѣшить чтенія. Въ этомъ перечнѣ инстанцій нѣкоторыя пропущены, и если принять въ разсчетъ ихъ всѣ, то окажется, что дѣло о разрѣшеніи народныхъ чтеній въ какой-либо мѣстности, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, будетъ состоять изъ 30 бумагъ, надъ которыми работало не менѣе 15 различныхъ учрежденій. Оказывается, что для прочтенія одобренной тремя цензурами книжки въ какой-нибудь деревушкѣ въ 10 дворовъ необходимо привести въ движеніе весь сложный административный механизмъ внутренняго управленія вплоть до двухъ министровъ и оберъ-прокурора включительно.

Но кромѣ канцелярскаго труда, казалось бы, достаточнаго для проведенія реформы даже большей государственной важности, очень значительное при нашихъ разстояніяхъ время идетъ на почтовыя сношенія. Представимъ себѣ, что жители г. Петропавловска, Приморской области, возбуждаютъ ходатайство объ открытіи народныхъ чтеній и посылаютъ прошеніе г. министру народнаго просвѣщенія. Дѣло объ этомъ четыре раза посылается въ Петербургъ и четыре раза возвращается обратно, совершая каждый разъ путешествіе въ $13^1/_2$ тысячъ верстъ и дѣлая 108,000 верстъ. На земномъ шарѣ не съ чѣмъ сравнить эту огромную цифру. Даже длина экватора втрое меньше данной величины. Мы имѣемъ одну изъ цифръ, съ которыми привыкли оперировать только астрономы.

Не удивительно, что при такой сложности дѣлопроизводства и почтовыхъ сношеній, хлопоты о разрѣшеніи народныхъ чтеній требуютъ несоразмѣрно продолжительнаго времени и очень большой энергіи. Такъ, напримѣръ, изъ журналовъ херсонскаго земства видно, что по постановленію губернскаго земскаго собранія, состоявшемуся въ ноябрѣ 1894 г., губернскою управой возбуждено было ходатайство о разрѣшеніи земскимъ врачамъ вести чтенія и собесѣдованія для крестьянъ по вопросамъ санитарнымъ, гигіеническимъ и вообще медицинскимъ. Ходатайство прошло по разнымъ инстанціямъ, и только теперь, черезъ два года, учебнымъ вѣдомствомъ дано знать, что при ходатайствѣ объ устройствѣ вышеупомянутыхъ народныхъ чтеній по медицинѣ необходимо выполнить слѣдующія требованія: 1) указать мѣстности и въ мѣстностяхъ помѣщенія, гдѣ именно

будутъ производиться чтенія; 2) поименовать лицъ духовнаго или учебнаго вѣдомства, которымъ въ каждой отдѣльной мѣстности предполагается предоставить непосредственное и отвѣтственное наблюденіе за чтеніями; 3) объяснить, кто именно будетъ устроителемъ чтеній въ той или другой мѣстности и въ чьемъ ближайшемъ завѣдываніи будетъ находиться матеріальная сторона дѣла; 4) кѣмъ именно изъ земскихъ врачей будутъ производиться чтенія въ той или другой мѣстности и 5) по какимъ именно книгамъ и брошюрамъ будутъ ведены чтенія по гигіенѣ и вообще по медицинѣ. Далѣе поясняется, что такъ какъ выполнить такія требованія ближе всего могутъ уѣздныя земскія управы Херсонской губерніи, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ земскія училища, гдѣ могутъ быть введены чтенія, и земскіе врачи, то уѣздныя управы и должны бы непосредственно отъ себя внести въ установленномъ порядкѣ ходатайство о чтеніяхъ. Въ заключеніе своего сообщенія инспекторъ народныхъ училищъ предлагаетъ: дѣло объ устройствѣ въ уѣздахъ Херсонской губерніи названныхъ чтеній для крестьянъ передать для дальнѣйшаго его направленія въ уѣздныя земскія управы губерніи, съ тѣмъ, чтобъ управы непосредственно отъ себя внесли въ установленномъ порядкѣ ходатайства о чтеніяхъ. Сколько еще времени и хлопотъ придется употребить земствамъ Херсонской губерніи, чтобы добиться окончательнаго разрѣшенія чтеній, объ этомъ судить трудно. По словамъ Пругавина, въ г. Николаевѣ потребовалось шесть лѣтъ переписки прежде, чѣмъ народныя чтенія были, наконецъ, открыты. Гораздо скорѣе окончилось дѣло о разрѣшеніи народныхъ чтеній въ г. Тетюшахъ. Предсѣдательница мѣстнаго общества трезвости, В. А. Соловьева, начала хлопоты объ открытіи чтеній въ 1894 году, но надлежащій ходъ былъ данъ ея прошенію, поданному 12 мая 1895 г.; разрѣшеніе же его было получено только 21 января сего 1897 г. Хлопоты о разрѣшеніи въ этомъ случаѣ продолжались только $2^1/_2$ года. Въ совершенно неопредѣленномъ положеніи и до сихъ поръ находится дѣло объ открытіи народныхъ чтеній при 2-хъ классномъ Дубасовскомъ и одноклассныхъ Лозинскомъ и Давыдовскомъ министерскихъ училищахъ Владимірской губерніи. Почетнымъ блюстителемъ этихъ училищъ М. Г. Коммисаровымъ въ концѣ января 1896 года подано было прошеніе попечителю учебнаго округа о разрѣшеніи открыть народныя чтенія въ трехъ названныхъ училищахъ, причемъ лекторами предполагалось допустить учителей этихъ училищъ, а наблюдателемъ изъявилъ согласіе быть священникъ Павловичъ. Но до сихъ поръ на это прошеніе не получено никакого отвѣта.

Быстрѣе получено было разрѣшеніе московскимъ уѣзднымъ земствомъ на устройство чтеній по гигіенѣ въ 72 уже существующихъ аудиторіяхъ, раньше разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній общаго характера. Изъ журналовъ московскаго земства видно, что уѣздное земское собраніе, въ засѣданіи 20 сентября 1895 года, согласно заключенію уѣзднаго санитарнаго совѣта о важности распространенія въ населеніи разумныхъ понятій

о мѣрахъ предохраненія отъ заболѣванія заразными болѣзнями и объ основныхъ правилахъ гигіены для сохраненія здоровья вообще, постановило признать желательнымъ производство чтеній въ школахъ о мѣрахъ предохраненія отъ заболѣваній заразными болѣзнями, пріурочивъ эти чтенія къ существующимъ въ школахъ чтеніямъ, производимымъ священниками. По поводу вышеизложеннаго постановленія собранія, г. губернаторъ, предложеніемъ отъ 6 октября того же года, сообщилъ уѣздной управѣ, что онъ находитъ необходимымъ, чтобы введеніе означенныхъ чтеній могло послѣдовать лишь въ томъ же порядкѣ, въ какомъ получаются разрѣшенія на устройство вообще публичныхъ чтеній въ школахъ. Въ виду такого предложенія г. губернатора уѣздная управа, согласно Высочайше утвержденному 11 октября 1894 г. постановленію комитета министровъ о порядкѣ устройства народныхъ чтеній внѣ губернскихъ городовъ: 1) обратилась 18 октября того же года къ г. инспектору народныхъ училищъ Московской губерніи съ просьбой сдѣлать зависящее представленіе о разрѣшеніи московскому уѣздному земству устраивать въ земскихъ училищахъ Московскаго уѣзда черезъ земскихъ врачей чтенія для народа. Къ изложенному, такимъ образомъ, ходатайству уѣздная управа приложила списокъ всѣхъ 72 земскихъ училищъ уѣзда съ указаніемъ, въ какихъ изъ нихъ какой участковый врачъ будетъ вести чтенія, и двѣ гербовыя марки 80-ти копеечнаго достоинства. 24 января 1896 г., вслѣдствіе отношенія г. инспектора народныхъ училищъ, уѣздная управа дополнила свое ходатайство, сообщеніемъ подробнаго списка брошюръ, по которымъ имѣютъ быть ведены чтенія по заразнымъ болѣзнямъ и гигіенѣ, 2) и высказала, что наблюденія за чтеніемъ, по ея мнѣнію, было бы лучше всего поручить въ каждомъ училищѣ законоучителю. На заявленное, такимъ образомъ, ходатайство уѣздная управа, отъ 18 сентября 1896 г., получила увѣдомленіе отъ г. попечителя учебнаго округа, что министръ народнаго просвѣщенія, на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 октября 1894 г. Положенія комитета министровъ и по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и духовнымъ вѣдомствомъ, разрѣшаетъ устроить въ 72 начальныхъ училищахъ, поименованныхъ въ приложенномъ къ ходатайству управы спискѣ, народныя чтенія по гигіенѣ и о мѣрахъ противъ заболѣванія заразными болѣзнями, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью законоучителей соотвѣтствующихъ училищъ и съ тѣмъ, чтобъ означенныя чтенія производились по перечисленнымъ въ ходатайствѣ управы брошюрамъ, одобреннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для библіотекъ низшихъ училищъ. Очень часто бываетъ, что когда разрѣшеніе на устройство народныхъ чтеній получается, то лицъ, являющихся учредителями или лекторами, уже не оказывается въ данной мѣстности, и тогда разрѣшеніе теряетъ всякое практическое значеніе. Всѣ такія затрудненія выпадаютъ по преимуществу на долю селъ и деревень, такъ какъ чтенія въ губернскихъ городахъ, гдѣ ходатайство не идетъ далѣе губернатора, разрѣшаются значительно скорѣе.

Между тѣмъ народныя чтенія въ селахъ и деревняхъ нисколько не менѣе необходимы, нежели въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ. Если городского жителя признано необходимымъ отвлекать путемъ чтеній отъ кабака, то въ такомъ же воздѣйствіи нуждается и деревня. Издаваемая правительствомъ газета *Сельскій Вѣстникъ* въ корреспонденціяхъ, написанныхъ самими крестьянами, даетъ богатый матеріалъ для характеристики крестьянскаго населенія. И этотъ отдѣлъ газеты полонъ сообщеніями о пьянствѣ, какъ о величайшемъ несчастіи современной деревни и объ обычныхъ, часто безобразныхъ деревенскихъ развлеченіяхъ, какъ главной причинѣ все растущаго пьянства. «Пьютъ такъ, что Боже сохрани,—пишетъ Чухрай, — шинки всѣ набиты пьянымъ людомъ, шумъ и крики пьяницъ, плачъ избитыхъ и раненыхъ, а также женъ, умоляющихъ ѣхать домой! Посмотришь: у одного пробита голова, другого везутъ на телѣжкѣ въ земскую больницу,—перебиты всѣ ребра и выбитъ глазъ». Такія сообщенія идутъ и съ сѣвера, и съ юга, и изъ центральной Россіи. А что народныя чтенія дѣйствительно отвлекаютъ крестьянъ отъ кабака, это установлено цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, идущихъ изъ самыхъ компетентныхъ источниковъ. Земскія управы, на основаніи собранныхъ ими матеріаловъ, заявляютъ, что въ дни народныхъ чтеній питейныя заведенія лишались своихъ многочисленныхъ кліентовъ и стояли пустыми (см., наприм., журналы «Александрійскаго земскаго собранія»). Полицейскіе чиновники заявляютъ, что въ тѣ праздничные дни, когда не производится чтеній, замѣчается гораздо большее скопленіе людей въ кабакахъ, наблюдается больше скандаловъ и значительное увеличеніе числа пьяныхъ въ сравненіи съ воскресными днями, когда устраиваются чтенія (см., наприм., «Отчетъ о черногородскихъ чтеніяхъ»). Учителя сообщаютъ, что во время чтеній въ мѣстныхъ кабакахъ не бываетъ посѣтителей. Наконецъ, само правительство, возложивши устройство народныхъ чтеній на учрежденныя имъ попечительства о народной трезвости, признало крупную роль народныхъ аудиторій въ дѣлѣ улучшенія нравственности народа.

Не трудно доказать, что народныя чтенія въ деревняхъ и селахъ привлекаютъ гораздо большій процентъ населенія, нежели аудиторіи крупныхъ промышленныхъ городовъ. Стоитъ сравнить Москву, гдѣ всѣ народныя аудиторіи обыкновенно не вмѣщаютъ болѣе одного процента милліоннаго населенія столицы, съ Московскимъ уѣздомъ, гдѣ число слушателей народныхъ чтеній равно 10—15 процентамъ всего населенія. Съ другой стороны, сельскій житель едва ли еще не больше нуждается въ чтеніяхъ, какъ въ средствѣ пріобрѣсти полезныя знанія. Вопросы полеводства, скотоводства, пчеловодства, огородничества, устройства сельскаго и волостного управленія, едва ли особенно интересные для городского рабочаго, не могутъ не интересовать крестьянина-домохозяина. Сельскимъ жителямъ, даже при равныхъ другихъ условіяхъ, было бы несравненно труднѣе исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе чтеній, нежели жителямъ столицъ, уже потому одному,

что послѣдніе имѣютъ полную возможность лично ходатайствовать объ ускореніи дѣлопроизводства, а для сельскаго обывателя существуетъ только одинъ путь письменныхъ сношеній.

Если сопоставить процедуру разрѣшенія народныхъ чтеній съ порядкомъ разрѣшенія другихъ учрежденій, преслѣдующихъ цѣли образованія или развлеченія, то получается еще большее недоумѣніе. Въ то время, какъ на устройство народныхъ чтеній требуется разрѣшеніе трехъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и часто цѣлые годы хлопотъ, на устройство общедоступнаго театра, обыкновенно привлекающаго болѣе многочисленную публику, чѣмъ народная аудиторія, требуется только разрѣшеніе мѣстной полиціи, и такое разрѣшеніе обыкновенно дается безъ всякихъ проволочекъ. Разрѣшеніе на открытіе начальнаго народнаго училища, а при немъ вечернихъ и воскресныхъ классовъ для взрослыхъ, — учрежденій, никакъ не менѣе важныхъ, чѣмъ народныя чтенія, дается мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Библіотеки и читальни, какъ публичныя, такъ и народныя, почти всегда имѣющія очень широкій кругъ читателей, разрѣшаются губернаторомъ. Устройство книжнаго склада для народа, разносной книжной торговли, а также изданіе народныхъ книгъ требуетъ несравненно меньше хлопотъ, обставлено значительно менѣе сложными формальностями, чѣмъ учрежденіе народныхъ чтеній. Наконецъ устройство народныхъ чтеній въ помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ правилами 28 мая 1888 г. возложено на уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ. Повидимому, нѣтъ никакихъ основаній обставлять устройство народныхъ чтеній излишними формальностями сравнительно съ перечисленными выше учрежденіями уже потому одному, что народныя чтенія, кромѣ общаго контроля со стороны духовнаго, учебнаго и административнаго вѣдомствъ, имѣютъ еще особыхъ наблюдателей, назначаемыхъ для каждой отдѣльной аудиторіи особо, и въ такихъ наблюдателяхъ никакъ не можетъ встрѣтиться недостатка, потому что эти обязанности обыкновенно возлагаются или на мѣстныхъ священниковъ, или на учителей; но могли бы быть возложены также и на членовъ училищнаго совѣта, а всѣ эти лица и по своей численности, и по своей компетенціи въ данномъ дѣлѣ вполнѣ обезпечиваютъ строгость и непрерывность надзора за народными аудиторіями.

На основаніи сказаннаго, я предложилъ бы обществу грамотности слѣдующую редакцію ходатайства предъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Принимая во вниманіе: 1) что правила объ устройствѣ народныхъ чтеній 1876 года говорятъ только о чтеніяхъ, устраиваемыхъ обществами и частными лицами, но не имѣютъ въ виду чтеній для народа, устраиваемыхъ при училищахъ законоучителями, учителями и учительницами, что Высочайшія повелѣнія 1889, 1893 и 1894 гг., изданныя въ развитіе этихъ правилъ, точно также не касаются чтеній, устраиваемыхъ при народныхъ школахъ ихъ личнымъ составомъ; 2) что указаніемъ въ этомъ случаѣ мо-

жетъ служить только инструкція для народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа, утвержденная г. министромъ народнаго просвѣщенія, по точному смыслу которой веденіе чтеній для народа въ стѣнахъ учебныхъ заведеній составляетъ не только право, но и обязанность законоучителя и учителя народной школы, и правила 1888 г. объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, возлагающія на эти отдѣленія содѣйствіе къ устройству народныхъ чтеній въ школьныхъ помѣщеніяхъ; 3) что преподаватели начальныхъ народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ допускаются къ исполненію своихъ обязанностей не иначе, какъ по надлежащемъ удостовѣреніи ихъ политической и нравственной благонадежности; 4) что они обладаютъ вполнѣ достаточнымъ образовательнымъ цензомъ для того, чтобы читать народу одобренныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и св. синодомъ книги безъ всякаго измѣненія текста; 5) что они пользуются полнымъ довѣріемъ правительства, ввѣряющаго имъ такое важное дѣло, какъ воспитаніе и обученіе подрастающихъ поколѣній въ дѣтскихъ школахъ и обученіе взрослыхъ въ вечернихъ и воскресныхъ классахъ; 6) что въ школахъ и классахъ имъ довѣряютъ не только читать вмѣстѣ съ учениками одобренныя надлежащимъ начальствомъ книги, но и объяснять ихъ,—московское общество грамотности ходатайствуетъ о томъ, чтобы въ разъясненіе существующихъ узаконеній законоучителю и учителю начальныхъ училищъ предоставлено было вести въ стѣнахъ школы чтенія для народа по примѣру Виленскаго учебнаго округа, лишь съ вѣдома ближайшаго начальника, т.-е. инспектора народныхъ училищъ для казенныхъ училищъ, училищнаго совѣта для школъ, существующихъ на основаніи Положенія 1874 года, и уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго совѣта для церковно-приходскихъ школъ.

Кромѣ того, имѣя въ виду: 1) что существующій въ центральной Россіи порядокъ разрѣшенія чтеній требуетъ несоразмѣрно сложной переписки, продолжающейся иногда по нѣсколько лѣтъ, а отъ учредителей—массы энергіи, идущей не на организацію чтеній, а на хлопоты объ ихъ разрѣшеніи; 2) что большая часть переписки является совершенно излишнею, потому что дѣло рѣшается на основаніи отзывовъ и заключеній мѣстныхъ низшихъ инстанцій, такъ какъ имъ однимъ извѣстны и учредители, и лекторы, и всѣ мѣстныя условія; 3) что тѣ же самыя народныя чтенія въ Петербургскомъ учебномъ округѣ, безъ всякаго ущерба въ смыслѣ контроля за ними и съ большою выгодой для самаго дѣла, разрѣшаются гораздо скорѣе и легче; 4) что всѣ другія, часто болѣе важныя народообразовательныя учрежденія, какъ, напримѣръ, вечернія школы для взрослыхъ, народныя библіотеки и читальни, общедоступные спектакли и т. п. разрѣшаются мѣстнымъ начальствомъ; 5) что при разрѣшеніи чтеній не представлялось бы никакой надобности для г. начальника губерніи входить въ сношенія съ другими вѣдомствами, напримѣръ, учебнымъ и духовнымъ, потому что чтенія обыкновенно ведутся по книгамъ уже одобреннымъ выс-

шими духовными и учебными правительственными учрежденіями, а по вопросу объ удостовѣреніи политической и нравственной благонадежности устроителей чтеній самымъ компетентнымъ лицомъ является начальникъ губерніи—Московское общество грамотности ходатайствуетъ о томъ, чтобы народныя чтенія въ городахъ и селеніяхъ, по просьбамъ частныхъ лицъ, частныхъ обществъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, обществъ и попечительствъ трезвости и т. п. по книжкамъ, одобреннымъ для этой цѣли, разрѣшались властью начальника губерніи, причемъ наблюденіе за чтеніями могло бы быть возлагаемо, напримѣръ, на мѣстныхъ священниковъ, преподавателей, членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, попечителей школъ и т. п., по усмотрѣнію губернаторовъ.

В. Вахтеровъ.

Очерки провинціальной жизни.

Въ декабрьской книжкѣ нашего журнала за 1894 годъ мы привели интересное и поучительное сообщеніе о дѣятельности почти исключительно *крестьянскаго* земства въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Въ сообщеніи указывалось, какъ много сдѣлало крестьянское земство, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, для введенія въ край культуры. Въ какомъ первобытномъ положеніи застало земство громадный Усть-Сысольской уѣздъ, раскинувшійся на 900 слишкомъ верстъ къ Сѣверу отъ Вятской и Пермской губерній и примыкающій на востокѣ къ Сибири, это видно уже изъ состоянія бывшихъ до введенія земства путей сообщенія. Бездорожица была такая, что край не зналъ даже телѣги. Исключительными средствами сообщенія въ лѣтнее время служили рѣки. Черезъ небольшіе волоки отъ одной рѣчки до другой легкія лодочки, выдолбленныя изъ осины, перетаскивались людьми на себѣ. Не было дорогъ, не было и почты. Тѣмъ болѣе не было въ селеніяхъ медицины и школъ. Словомъ, уѣздъ представлялъ уголокъ, по сравненію съ которымъ какой-нибудь Курганскій или Ишимскій округъ Сибири производилъ впечатлѣніе богатаго, дѣятельнаго, оживленнаго края. Неутомимой и цѣлесообразной работой крестьянскаго земства проведены дороги во всѣ населенные пункты, устроена правильная почта, организована сельская медицина и до половины дѣтей мужского пола посѣщаютъ школы. Одно изъ лицъ, жившихъ въ Усть-Сысольскомъ краѣ, разсказываетъ, что ему пришлось остановиться въ селѣ Усть-Немѣ, въ одномъ изъ пограничныхъ и самыхъ трущобныхъ селеній, за которымъ тянутся едва проходимые лѣса, верстъ на 150. «Сходили бы вы къ учителю, чтобы скоротать время, — предложили проѣзжающему.—Да неужели здѣсь есть школа»? Оказалось есть, и очень хорошая. Обширное, образцово построенное зданіе. Учитель, уже восемь лѣтъ работающій на сѣверѣ, живой, энергичный человѣкъ, съ замѣчательнымъ усердіемъ и большимъ успѣхомъ обучаетъ ребятъ въ краѣ, гдѣ даже старикъ священникъ, проживъ на мѣстѣ безвыѣздно сорокъ лѣтъ, до сихъ поръ не вѣритъ въ существованіе желѣзныхъ дорогъ. И земское зданіе, и обстановка его, и учитель настолько выдѣляются изъ окружаю-

щаго, что кажутся выходцами изъ другого міра, первыми піонерами, посланными оживить и двинуть впередъ забытый Богомъ уголокъ.

И все это дѣлается земствомъ, почти исключительно крестьянскимъ, все это дѣлается въ краѣ, гдѣ нѣтъ ни дворянства, ни частнаго землевладѣнія, ни промышленности.

Вятское земство, тоже почти исключительно крестьянское, давно уже обратило на себя вниманіе своей плодотворной дѣятельностью и инициативой по различнымъ предметамъ общественнаго хозяйства. Многіе считаютъ его лучшимъ земствомъ; во всякомъ случаѣ, безспорно, оно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду земствъ Имперіи. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что ни одно земство не затрачиваетъ на народное образованіе такъ много, какъ крестьянское вятское земство. Недавно въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* напечатана интересная статья о работѣ вятскаго земства въ этой области. Программа просвѣтительной дѣятельности вятскаго земства, говорится въ статьѣ, обнимаетъ собою почти всѣ формы, которыя въ настоящее время выработаны у насъ теоріей для культурнаго воздѣйствія на массы населенія. Въ нее входитъ, во-первыхъ, цѣлая система школъ, начиная школой простой грамоты и кончая промышленнымъ училищемъ съ широкимъ образовательнымъ курсомъ, основаннымъ на началахъ естествознанія. Повторительныя воскресныя и вечернія школы для взрослыхъ, библіотеки, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, безплатная раздача книгъ населенію, общедоступная газета, книжные склады—составляютъ вторую группу образовательныхъ средствъ, которыми вятское земство просвѣщаетъ мѣстное населеніе. Важной особенностью школьной политики вятскаго земства является то, что она направлена на возможно равномѣрное распространеніе образованія среди всей массы населенія. Между отдѣльными школами установлена преемственная связь, благодаря которой населенію въ высокой мѣрѣ облегчается возможность пользоваться той школой, которая по тѣмъ или инымъ причинамъ для даннаго случая представляется наиболѣе желательной. Доступъ населенію къ книгѣ также облегченъ до возможной степени. Достаточно сказать, что въ губерніи одновременно открыто почти 3,000 народныхъ библіотекъ.

Стремясь къ распространенію образованія вширь, земство въ то же время заботится и о развитіи его вглубь. Въ прошломъ 1895—1896-мъ учебномъ году въ губерніи при 115 училищахъ велись воскресно-повторительныя занятія, на которыхъ въ среднемъ бывало по отдѣльнымъ уѣздамъ отъ 82 до 269 человѣкъ; въ 30 слишкомъ пунктахъ были устраиваемы публичныя чтенія съ фонаремъ, привлекавшія въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 600 человѣкъ слушателей; съ ноября 1895 года по октябрь 1896 года губернскимъ земствомъ было роздано книгъ 29,660 экземпляровъ на сумму 2,380 руб.; народныя библіотеки открыты уже въ 2,373 мѣстахъ. Число читателей въ нѣкоторыхъ изъ библіотекъ превышаетъ 300 человѣкъ. По сообщенію *Вятскаго Края*, народъ съ нѣкоторою гордостью называетъ библіотеки «своими» и относится къ нимъ съ большимъ сочув-

ствіемъ. Послѣ утрени въ воскресенье и праздничные дни крестьяне заходятъ посидѣть въ библіотеку до обѣдни и послушать чтеніе завѣдующихъ, которые выбираютъ для этого что-нибудь изъ религіозно-нравственнаго отдѣла или какія-нибудь сельско-хозяйственныя бесѣды. Не меньшими симпатіями среди населенія пользуется и издаваемая губернскимъ земствомъ *Вятская Газета*. Она печатается въ количествѣ 6,000 экземпляровъ.

Въ прошломъ году на страницахъ газеты помѣщались статьи слѣдующаго содержанія: Высочайшія повелѣнія и правительственныя распоряженія, касающіяся вообще сельскаго быта, съ соотвѣтвующими разъясненіями о значеніи ихъ для населенія. Рядъ статей по народному образованію и о мѣропріятіяхъ правительства въ этой области. О сельскихъ библіотекахъ и ихъ значеніи. Въ отдѣлѣ «разныя извѣстія» постоянно отмѣчались наиболѣе выдающіяся проявленія въ народной средѣ сознанія важности образованія и тѣ мѣры, какими населеніе старалось само удовлетворить потребность въ образованіи. Хозяйственная жизнь губерніи и Россіи освѣщалась рядомъ статей общаго содержанія: о крестьянскихъ обществахъ, кредитныхъ товариществахъ, земледѣльческихъ артеляхъ, очерками по правовѣдѣнію и прочее. По земскому отдѣлу помѣщались главнѣйшія постановленія губернскаго и уздныхъ собраній, агрономическаго съѣзда, совѣщанія ветеринаровъ; о мѣропріятіяхъ земства въ той или другой экономической области земскаго хозяйства: по продовольственному дѣлу, страховому, по снабженію населенія лошадьми. По медицинѣ и ветеринаріи были помѣщены статьи: по оспопрививанію, о вредѣ куренія табаку, о болѣзняхъ домашнихъ животныхъ и др. По сельскому хозяйству—статьи общаго научнаго содержанія, знакомящія съ природой; затѣмъ рядъ спеціальныхъ статей по земледѣлію. По техническимъ и кустарнымъ промысламъ: о кустарной промышленности, кустарныхъ артеляхъ и рядъ спеціальныхъ статей: объ окраскѣ тканей, выдѣлкѣ кожъ и др. Литературно-историческій отдѣлъ не получилъ въ газетѣ достаточнаго развитія лишь по причинамъ, отъ редакціи не зависящимъ. Сотрудниками газеты, кромѣ служащихъ губернскаго земства, а также другихъ интеллигентныхъ лицъ, были и крестьяне, сообщавшіе редакціи время отъ времени тѣ или другія свои наблюденія и результаты полученныхъ ими опытовъ въ области земледѣлія, пчеловодства, скотоводства и техническихъ промысловъ.

Весною 1894 года земствомъ открытъ въ Вяткѣ книжный складъ, а черезъ годъ при немъ былъ открытъ магазинъ для вольной продажи книгъ, учебныхъ пособій и канцелярскихъ принадлежностей. На обороты по складу прошлымъ очереднымъ собраніемъ было отпущено 30,000 рублей. За время съ перваго ноября 1895 года по первое ноября 1896 года обороты склада, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, увеличились вдвое: куплено книгъ, учебныхъ пособій и канцелярскихъ принадлежностей на 29,488 рублей 18 коп. Книги изъ склада при оптовой продажѣ отпускались съ уступкою 12%, причемъ всѣ накладные расходы по пересылкѣ ихъ складъ

принималъ на свой счетъ, а при розничной продажѣ уступка дѣлалась въ 10%. Достойно вниманія, что складъ содержится исключительно на прибыли, получаемыя отъ оборотовъ. Несмотря на то, что складомъ отчислялось въ среднемъ на накладные расходы и на содержаніе склада только десять процентовъ, доставляя этимъ большое сбереженіе уѣзднымъ земствамъ по пріобрѣтенію книгъ, учебныхъ пособій и письменныхъ принадлежностей, все-таки въ прошломъ операціонномъ году получено чистой прибыли 555 рублей 32 коп. По ходатайству уѣздныхъ земствъ складомъ открыты пять отдѣленій: въ городѣ Малмыжѣ—при кустарномъ складѣ, въ Орловѣ—при земской управѣ, въ Яранскѣ—при кустарномъ складѣ и Елабугѣ—при земской управѣ, и по ходатайству правленія общества потребителей Холуницкаго завода—въ Холуницкомъ заводѣ при мануфактурной лавкѣ этого общества. За время существованія отдѣленій продано изъ нихъ книгъ 5,496 экземпляровъ и 962 картины на сумму 666 руб. 7 коп. Наибольшій спросъ былъ на книги беллетристическаго и духовно - нравственнаго содержанія, цѣною отъ 1 до 5 коп.

За вятскимъ земствомъ слѣдуетъ по широтѣ и плодотворности дѣятельности земство пермское. Оно первое создало спеціальный банкъ для кустарей, дѣйствующій съ большимъ успѣхомъ, а теперь газеты сообщаютъ о новомъ начинаніи пермскаго губернскаго земства въ области народнаго кредита. Оно выработало проектъ устава ссудо-вспомогательной кассы, въ пользу которой ассигновало капиталъ въ 60,000 руб. О важномъ значеніи этого начинанія много говорить нечего. Всѣмъ извѣстно, какое огромное значеніе имѣетъ для крестьянскаго населенія правильная организація кредита, какъ часто крестьяне попадаютъ въ кабалу, исключительно вслѣдствіе отсутствія дешеваго, удобнаго, отвѣчающаго требованіямъ крестьянскаго хозяйства кредита, а между тѣмъ крестьяне почти совершенно не знаютъ иныхъ видовъ его, кромѣ займовъ у ростовщиковъ. Земскія статистическія изслѣдованія переполнены самыми вопіющими случаями эксплоатаціи въ области кредита, когда единственнымъ кредиторомъ въ деревнѣ является мѣстный кулакъ. Недавно мелькнула надежда, что министерство финансовъ станетъ на путь удовлетворенія народной нужды въ кредитѣ. Надежда эта явилась вслѣдствіе выработки министерствомъ особаго типа учрежденій для мелкаго кредита и даннаго государственному банку права отпускать суммы для основанія и развитія сельскихъ ссудныхъ кассъ. Но надежда эта пока не сбывается. Новое положеніе объ учрежденіяхъ народнаго кредита остается мертвою буквой. Причина этому весьма простая: государственный банкъ не приступилъ къ пользованію предоставленнымъ ему правомъ—не помогаетъ возникновенію мелкихъ кредитныхъ учрежденій, а продолжаетъ и при новомъ уставѣ выполнять тѣ же функціи, какія выполнялъ прежде, т.-е. открываетъ кредитъ купцамъ, фабрикантамъ, заводчикамъ, крупнымъ банкамъ, а мелкому кредиту удѣляетъ самыя ничтожныя средства.

Гонимые нуждою въ кредитѣ, крестьяне бросаются всюду, гдѣ мелькаетъ

для нихъ надежда найти его хотя на сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ. По незнанію бросились они, по словамъ *Нижегородскаго Листка,* въ мѣстное отдѣленіе крестьянскаго банка. Послѣднее время поступилъ сюда рядъ ходатайствъ, въ которыхъ крестьяне просятъ «выручить ихъ изъ рукъ ростовщика», ссудивъ имъ нужныя деньги. Но крестьянскій банкъ, какъ извѣстно, не можетъ оказать просимой помощи, такъ какъ по уставу выдаетъ ссуды только на покупку земли. Между тѣмъ на почвѣ нужды крестьянъ въ кредитѣ ростовщичество проявляется въ самыхъ крайнихъ формахъ. Газета передаетъ о такомъ случаѣ: пять крестьянъ деревни Никитиной, Нижегородскаго уѣзда Иванъ и Алексѣй Михайловы Носовы, Иванъ Андреевъ Гришинъ, Яковъ Андреевъ Лямасовъ и Тимоѳей Никитинъ Косаревъ, подъ давленіемъ нужды неурожайнаго года, заняли у коллежскаго секретаря А. А. С. въ Нижнемъ 400 руб. Въ обезпеченіе долга была совершена запродажная запись на землю крестьянъ 1,500 руб., изъ числа которыхъ они будто бы получили уже 1,400 руб. и, кромѣ того, было назначено 600 руб. неустойки, за несовершеніе купчей крѣпости въ срокъ. Затѣмъ С. получалъ съ нихъ по 20% въ годъ, заручившись указаннымъ документомъ. Въ недавнее время, вслѣдствіе неаккуратнаго взноса крестьянами процентовъ, С. предъявилъ къ нимъ искъ въ 2,000 руб., которые и были ему присуждены. Тогда, не пользуясь исполнительнымъ листомъ противъ крестьянъ, по которому на ихъ землю наложено запрещеніе, онъ сталъ брать съ нихъ по сто слишкомъ рублей въ годъ, разсрочивъ имъ на четырнадцать лѣтъ долгъ въ 1,400 руб. Теперь несмотря на то, что они уже выплатили ему процентами занятые у него 400 руб., они оказались въ долгу у него въ суммѣ 2,000 руб.; каждую минуту С. можетъ отобрать у нихъ землю и, кромѣ того, не погашая долга, они ему выплачиваютъ ежегодно по сто рублей. «Работаемъ на него одного, да и только»,— говорятъ крестьяне.

Среди явленій въ области общественной иниціативы обращаетъ на себя вниманіе возникшее въ Казани «Общество защиты несчастныхъ женщинъ». *Саратовскій Листокъ* разсказываетъ интересную исторію возникновенія этого общества: оно появилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ драмы г. Фаломѣева *Злая яма*. Драма эта имѣетъ въ провинціи большой успѣхъ. Гдѣ бы ее ни ставили, она всюду вызываетъ оживленные толки о томъ общественномъ злѣ, которое у всѣхъ на виду и съ которымъ общественная совѣсть какъ бы свыклась; драма изображаетъ печальную участь соблазненныхъ женщинъ, которыхъ члены состоятельнаго и празднаго общества безжалостно бросаютъ въ «злую яму». Разыгранная прекрасно труппою г. Бородая въ Казани, она вызвала въ мѣстной прессѣ рядъ полубеллетристическихъ очерковъ провинціальнаго литератора А. Н. Баранова, который послѣ яркихъ картинокъ о положеніи женщинъ, дѣйствующихъ въ *Злой ямѣ*, написалъ воззваніе къ организаціи «Общества защиты несчастныхъ женщинъ». Редакція *Камско-Волжскаго Края* открыла подписку и пригласила желающихъ стать членами новаго общества заявлять о томъ.

Съ чуткимъ и благороднымъ чувствомъ гуманности откликнулась на это дѣло образованная молодежь. Студенты духовной академіи, университета и ветеринарнаго института дружно соединились въ стремленіи придти на помощь несчастнымъ женщинамъ, мимо которыхъ общество проходитъ безучастно. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ контору газеты полетѣли рубли, трехрублевки, пятирублевки и прочее. Нашлось много и такихъ жертвователей, которые, казалось бы, сами нуждаются въ пособіяхъ для сноснаго существованія, а именно—рабочіе, наборщики типографіи и тому подобное. Казанское общество откликнулось. Затѣмъ пожертвованія стали являться изъ другихъ городовъ. Возникающее въ Казани «Общество защиты несчастныхъ женщинъ» ставитъ себѣ цѣлью не допускать несчастныхъ женщинъ до паденія, приходя къ нимъ съ своевременною помощью, и оказывать всяческую помощь и поддержку тѣмъ изъ падшихъ женщинъ, которыя пожелаютъ оставить свое ужасное ремесло и захотятъ снова заняться честнымъ трудомъ. Для достиженія цѣли общество имѣетъ бюро для пріисканія занятій женщинамъ всѣхъ классовъ и положеній (чернорабочимъ, мастерицамъ, кухаркамъ, горничнымъ, женщинамъ, вышедшимъ изъ тюрьмы, изъ больницы, изъ родильнаго дома и прочее). Нуждающимся женщинамъ общество даетъ пріютъ и пропитаніе до пріисканія мѣста. Женщинамъ, пріѣхавшимъ на заработки и не нашедшимъ таковыхъ, общество даетъ средства для возвращенія на родину. Это же общество слѣдитъ за жизнью всякихъ мастерскихъ (прачешныхъ, швейныхъ, гильзовыхъ и пр.), и если замѣтитъ покушеніе на совращеніе женщины, беретъ на себя право преслѣдованія обольстителей. Общество судомъ преслѣдуетъ тѣхъ незаконныхъ отцовъ, которые оставляютъ матерей своихъ дѣтей безъ надлежащей матеріальной поддержки. Родители, эксплоатирующіе своихъ несовершеннолѣтнихъ дочерей ради наживы, также преслѣдуются, на основаніи предоставленнаго этому обществу права. Всѣмъ женщинамъ, пожелавшимъ перейти къ честному труду, общество оказываетъ немедленное содѣйствіе. Для неприготовленныхъ къ работѣ учреждается мастерская, обучающая желающихъ шитью, вязкѣ, плетенію кружевъ, тканью, дѣланію гильзъ и прочее.

Говоря о возникающемъ обществѣ, *Русское Богатство* замѣчаетъ, что найдется, непремѣнно, не мало скептиковъ, которые скажутъ, что «частными мѣрами зла не искоренишь». Но это возраженіе, по справедливымъ словамъ журнала, не должно служить оправданіемъ бездѣльничеству. «Плохо то общество, въ которомъ замерли попытки къ борьбѣ съ тѣми или другими, хотя бы частными, проявленіями крупныхъ неустройствъ нашей жизни, и только люди очень склонные къ шаблонамъ могутъ повторять фразы о полной безполезности всѣхъ вообще филантропическихъ предпріятій. Несомнѣнно огромное воспитательное значеніе подобныхъ попытокъ, а нѣкоторые изъ филантропическихъ организацій, возникающихъ среди современныхъ культурныхъ обществъ, являются, даже безспорно, элементами будущаго, превращая постепенно дѣло милосердія въ дѣло права и общественной обязанности. Мы слишкомъ часто проходимъ равно-

душно мимо многихъ золъ, которыя стали для насъ привычными, и когда человѣкъ съ чуткимъ сердцемъ, каковъ, очевидно, иниціаторъ возникающаго въ Казани общества, останавливаетъ насъ на улицѣ, обращаетъ наше вниманіе на то, какъ мы топчемъ споткнувшагося, быть можетъ не по своей винѣ, человѣка и въ горячей импровизаціи призываетъ къ немедленной помощи, то мы невольно чувствуемъ его правоту, и равнодушная, проникнутая самодовлѣющимъ скептицизмомъ, избитая фраза о безсиліи частныхъ мѣръ звучитъ для насъ фарисейской фальшью».

Въ недалекомъ будущемъ и Полтавѣ предстоитъ обогатиться новымъ учрежденіемъ. Мѣстный комитетъ попечительства о народной трезвости ассигновалъ 45,000 рублей на устройство въ Полтавѣ зданія, въ которомъ помѣщались бы разныя учрежденія, имѣющія цѣлью отвлекать народъ отъ пьянства, каковы народныя чтенія, народный театръ, народная библіотека-читальня, чайная и другія. Съ другой стороны, и городское общественное управленіе отнеслось сочувственно къ идеѣ такого учрежденія. Въ полтавскую городскую думу внесено за подписью трехсотъ семидесяти горожанъ предложеніе о постройкѣ на городскія средства зданія для народныхъ чтеній, воскресныхъ школъ, общественной библіотеки и музея. Предложеніе это принято городскою думой единогласно и, для практическаго осуществленія его, дума отпускаетъ тридцать тысячъ рублей и уступаетъ принадлежащій городу рядъ лавокъ. Кромѣ того, полтавская дума постановила пригласить къ участію въ предполагаемомъ предпріятіи полтавское дворянство, мѣстные банки и нѣкоторыя другія учрежденія. Наконецъ, чуждымъ начинанію не останется и полтавское земство, губернское и уѣздное, которыя рѣшили внести для цѣлей будущаго учрежденія первое—15,000 рублей и второе—5,000 рублей. Все это вмѣстѣ составило такую крупную сумму, на которую можно выстроить обширное и прекрасное зданіе, а потому мѣстныя газеты не безъ основанія называютъ это возникающее учрежденіе «народнымъ дворцомъ».

Съ большимъ успѣхомъ продолжаютъ дѣйствовать существующія уже просвѣтительныя общества въ разныхъ городахъ нашего отечества. Въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ по энергіи и размѣрамъ работы занимаетъ общество распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Въ *Нижегородскомъ Листкѣ* напечатано все существенное изъ недавно вышедшаго отчета общества. Отчетъ этотъ, по словамъ газеты, составленъ очень полно и рисуетъ всесторонне дѣятельность этого въ высшей степени симпатичнаго общества. Дѣятельность общества въ прошедшемъ году состояла въ распространеніи дешевыхъ и полезныхъ книгъ въ народѣ путемъ продажи при посредствѣ главнаго книжнаго склада въ Нижнемъ и его отдѣленій въ уѣздахъ; въ устройствѣ школьныхъ библіотекъ въ селахъ Нижегородской губерніи, въ открытіи и поддержаніи библіотекъ и читаленъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и городѣ Васильѣ; въ поддержаніи трехъ учительскихъ библіотекъ для учителей и учительницъ въ селахъ Нижегородской губерніи и передвижной школьной учительской биб-

ліотеки; въ устройствѣ народныхъ чтеній въ Нижнемъ-Новгородѣ; въ устройствѣ народныхъ чтеній въ уѣздныхъ городахъ и селахъ Нижегородской губерніи; въ устройствѣ музыкальныхъ утръ и въ изысканіи средствъ къ дальнѣйшему развитію дѣятельности общества. Книжный складъ общества состоитъ въ настоящее время изъ 191 отдѣленія въ одиннадцати уѣздахъ Нижегородской губерніи. Завѣдующіе отдѣленіями свидѣтельствуютъ о все болѣе и болѣе растущей въ народѣ потребности къ чтенію и покупкѣ книгъ, хотя расширеніе книжной торговли значительно тормозится бѣдностью крестьянской массы. Сто девяносто девять дѣйствовавшихъ въ теченіе 1896 года отдѣленій представляютъ собой ячейки будущихъ книжныхъ лавокъ въ деревнѣ. Съ 1892 по 1896 годъ обществомъ было устроено тридцать пять школьныхъ библіотекъ; въ теченіе отчетнаго года число ихъ увеличилось до сорока, причемъ наибольшее количество ихъ было въ Арзамасскомъ уѣздѣ, наименьшее въ Княгининскомъ. Читаются книги взрослыми и дѣтьми; стоимость каждой библіотеки отъ тридцати пяти до пятидесяти рублей. Библіотеки пользуются большимъ успѣхомъ въ населеніи, какъ констатируютъ отчеты завѣдующихъ этими библіотеками. Онѣ являются прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ для пробужденія въ народѣ грамотности и любознательности и подготовляютъ почву къ сознательному отношенію къ книгѣ въ народѣ. Деревня жаждетъ духовной пищи, интересуется книгой и цѣнитъ ее. Учительскихъ библіотекъ общество организовало къ концу отчетнаго года четыре. Понятно важное значеніе подобныхъ библіотекъ для тружениковъ и труженицъ школьнаго дѣла. Разбросанные по глухимъ угламъ губерніи, они при помощи такихъ библіотекъ поддерживаютъ живую связь съ культурнымъ міромъ, не разрываютъ нитей, связывающихъ ихъ съ образованнымъ обществомъ. При ничтожномъ нищенскомъ бюджетѣ они совершенно не въ состояніи удовлетворять изъ своихъ средствъ свои духовныя потребности, и потому библіотеки, устраиваемыя обществомъ, являются для нихъ громадною нравственною опорой. «Надо надѣяться,— говоритъ отчетъ,—что недалеко время, когда учительскія библіотеки охватятъ всѣ уѣзды Нижегородской губерніи. На ряду съ обществомъ распространенія начальнаго образованія дѣйствуетъ въ этомъ направленіи и общество взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Нижегородской губерніи; этимъ обществомъ уже устроено нѣсколько отдѣленій своей центральной библіотеки. Въ дѣлѣ народныхъ чтеній, устраиваемыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, общество стремится къ децентрализаціи ихъ, къ устройству чтеній въ различныхъ районахъ. Децентрализація чтеній имѣла слѣдствіемъ значительное возрастаніе числа посѣтителей. Общій итогъ посѣтителей народныхъ чтеній простирается до 20,000, значительно превышая предыдущіе годы. Чтенія на ряду съ народными спектаклями и народными концертами становятся постояннымъ праздничнымъ развлеченіемъ горожанъ».

Задумалъ,— какъ сообщаютъ *Биржевыя Вѣдомости,*—просвѣщать населеніе своего района земскій начальникъ 6-го участка Роменскаго уѣзда,

Полтавской губерніи, г. Яновскій; но начинаніе это уже совсѣмъ на особый манеръ. Г. Яновскій написалъ и напечаталъ нѣсколько книгъ, а именно: *Народный календарь* на 1897 годъ, *Настольную книгу* и *Алфавитъ волостей тѣхъ губерній, гдѣ введенъ институтъ земскихъ начальниковъ*. Книги эти онъ разослалъ при циркулярѣ казенными посылками всѣмъ волостнымъ правленіямъ, по пятнадцати экземпляровъ каждой, предлагая правленіямъ распродать календарь по 20 коп. за экземпляръ, настольную книгу—за два рубля и алфавитъ—за 75 коп. При этомъ лицу, завѣдующему продажей,—въ данномъ случаѣ старшинѣ или писарю,—разрѣшено за коммиссію удержать въ свою пользу отъ каждаго проданнаго календаря двѣ копейки и за другія двѣ книги пятьдесятъ копеекъ, всего, значитъ, восемьдесятъ копеекъ. «Книгъ прошу не возвращать!»—заканчиваетъ циркуляръ. Волости поняли эту бумагу въ томъ смыслѣ, что покупка книгъ обязательна и назадъ ихъ въ самомъ дѣлѣ не возвращаютъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ правленіяхъ разрѣшили вопросъ тѣмъ, что взяли изъ мірскихъ суммъ, сколько нужно, и отослали г. Яновскому въ Ромны. Вѣдь книги присланы при бумагѣ за номеромъ и обратно не должны быть возвращаемы.

Г. Яновскій весьма упростилъ операцію сбыта книгъ, а Перемышльскій уѣздъ упростилъ организацію медицинской помощи населенію. «Въ Перемышльскомъ уѣздѣ, — пишутъ въ *Недѣлю*, — имѣются три врача: городской — г. Колобинъ, разбитый параличомъ и уже нѣсколько лѣтъ какъ съ трудомъ двигающійся; земскій и уѣздный врачъ—г. Саловъ, семидесятилѣтній старецъ, и земскій же врачъ—г. Адольфъ, живущій на пунктѣ въ заштатномъ городѣ Воротынскѣ. При городской больницѣ состоитъ какъ бы ассистентомъ фельдшера сторожъ Яковъ, который, къ благополучію больныхъ, не слишкомъ старъ и не страдаетъ неизлѣчимымъ недугомъ. Земское населеніе не остается, однако, совсѣмъ безъ медицинской помощи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ гласный Перемышльскаго уѣзда, г. Пронинъ, въ своемъ докладѣ земскому собранію. Изъ этого доклада видно, что въ трехъ смежныхъ деревняхъ Перемышльскаго уѣзда: въ сельцѣ Корытинѣ, гдѣ жилъ докладчикъ, и въ селахъ Никольскомъ и Варваренкахъ появились одновременно двѣ болѣзни: злокачественная оспа и дизентерія, отъ которыхъ люди умирали ежедневно въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ. На вопросъ, обращенный землевладѣльцемъ Пронинымъ къ одному изъ сельскихъ старостъ, почему о свирѣпствующей эпидеміи не увѣдомляютъ земскихъ врачей, староста отвѣтилъ, что «увѣдомляли не разъ, да все никто не ѣдетъ». Тогда Пронинъ отправляется въ Перемышль самъ, сообщаетъ о злополучныхъ деревняхъ исправнику и получаетъ отъ него обѣщаніе «немедленно принять надлежащія мѣры». Дѣйствительно на другой день къ докладчику является больничный сторожъ Яковъ, обходитъ по его указанію пораженныя мѣстности, щупаетъ у больныхъ пульсъ, а на слѣдующій день привозитъ и пузырьки съ лѣкарствомъ. Къ сожалѣнію, изъ доклада не видно, стало ли больнымъ лучше, или хуже послѣ такого

метода лѣченія. Другой случай, приведенный докладчикомъ, слѣдующаго содержанія: въ ноябрѣ 1894 г. его старостѣ при сельцѣ Григоровѣ, Ивану Матюшину, оторвало молотильною машиной ногу. Послѣ домашней перевязки больного въ сопровожденіи двухъ рабочихъ, Мартысева и Томикова, отправили въ городскую перемышльскую больницу. Пока одинъ остался съ больнымъ у воротъ, другой поспѣшилъ за городскимъ врачомъ Колобинымъ на его квартиру, на противуположный конецъ города. Но, какъ уже сказано, врачъ, будучи боленъ самъ, въ больницу отправиться не могъ и потребовалъ къ себѣ сторожа Якова, лишивъ такимъ образомъ больныхъ послѣдняго надзора. Во время этихъ переговоровъ и хожденій у Ивана Матюшина, котораго некому было даже внести и положить на койку, открылось въ саняхъ, тутъ же подъ окнами больницы, сильное кровотеченіе. Не зная, чѣмъ его унять, испуганный работникъ снова бросился къ врачу Колобину, котораго и засталъ читающимъ лекцію о перевязкѣ сторожу Якову. Прочитавъ лекцію, докторъ Колобинъ тотчасъ же отрядилъ сторожа къ земскому врачу Салову; къ несчастію, врачъ Саловъ не могъ переносить зрѣлища крови и ранъ, но сдѣлалъ все, что могъ: приказалъ перенести изувѣченнаго человѣка въ больницу и послалъ сторожа за фельдшеромъ. Отыскивая по городу фельдшера, пропалъ и сторожъ. Тогда за обоими ими отправился Томиковъ. Долго гонялись они другъ за другомъ, но подъ конецъ всѣ отыскались и, послѣ того, какъ больному сдѣлали перевязку, онъ былъ отправленъ въ губернскую земскую больницу. Таково было содержаніе доклада. По выслушаніи его собраніе раздѣлилось на двѣ неравныя части: меньшинство находило, что неспособныхъ врачей лучше уволить съ назначеніемъ пенсіи или единовременнаго пособія, чѣмъ лишать населеніе медицинской помощи, за которую оно расплачивается своими кровными грошами; большинство стояло за statu quo, находя докладъ Пронина пристрастнымъ, сужденія рѣзкими, краски слишкомъ густыми, и только послѣ того, какъ докладчикъ пообѣщалъ представить сотню свидѣтелей, могущихъ подтвердить справедливость его словъ, собраніе постановило: принять докладъ къ свѣдѣнію и доложить о немъ слѣдующему очередному земскому собранію, т.-е. отложить обсужденіе неотложнаго дѣла на цѣлый годъ. Но годъ кое-какъ прошелъ и наступило нетерпѣливо ожидаемое «всѣми сословіями» очередное земское собраніе. Гласному Пронину было предложено повторить свой докладъ въ присутствіи врачей, о которыхъ шла рѣчь. Какъ ни тяжело это было для человѣка, не желающаго кого-либо обидѣть, г. Пронинъ согласился. Докладъ произвелъ сильное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ гласныхъ, но противоземская коалиція архипатріотовъ своего уѣзда поспѣшила принять свои мѣры, чтобы не дать впечатлѣнію разростись и выразиться какимъ-нибудь нежелательнымъ постановленіемъ. Было рѣшено отложить обсужденіе доклада до слѣдующаго дня. Надлежало выиграть время, необходимо было склонить однихъ гласныхъ на свою сторону убѣжденіями, другимъ (наприм., волостнымъ старшинамъ) запретить «свое сужденіе имѣть».

Это былъ стратегическій маневръ вродѣ qui recule pour mieux sauter. Маневръ удался какъ нельзя лучше, и собраніе большинствомъ голосовъ вотировало: выразить врачамъ благодарность за ихъ заботы о народномъ здравіи вмѣстѣ съ просьбой остаться на занимаемыхъ должностяхъ. Гласному же Пронину, «какому-то» Пронину, какъ выразился одинъ изъ земскихъ аристократовъ, намекая на «народное» происхожденіе докладчика, сдѣлано внушеніе быть на будущее время въ своихъ выраженіяхъ сдержаннѣе.

Такъ кончилась попытка честнаго человѣка отстоять законные интересы населенія. Шумъ прошелъ, и больничному сторожу снова придется щупать пульсъ у эпидемическихъ больныхъ и раздавать имъ лѣкарства.

Безобразное положеніе медицинскаго дѣла въ Перемышльскомъ уѣздѣ является, къ счастью, исключеніемъ изъ общаго характера отношеній земства къ постановкѣ сельской медицины. Земства тратятъ на это дѣло не только наибольшую часть своихъ бюджетовъ, но и относятся къ нему съ большимъ вниманіемъ. Если оказаніе медицинской помощи въ селахъ все еще весьма недостаточно, все еще очень далеко до требуемаго и желаемаго состоянія, то вина въ томъ не земства; причина этому лежитъ въ ограниченности его денежныхъ средствъ. Ограниченность средствъ не позволяетъ земству удовлетворить даже такую насущную потребность, какъ помѣщеніе въ больницы психическихъ больныхъ, какую бы опасность ни представляли они для семьи и населенія. Неудовлетвореніе такой потребности ни земствомъ, ни государствомъ ведетъ къ тому, что семья вынуждена бываетъ, ради безопасности, держать больныхъ на цѣпи, и несчастные проводятъ иногда многіе годы въ такомъ состояніи. Недавно мы приводили извѣстіе изъ села Ново-Николаевскаго, Ростовскаго округа, о содержаніи на цѣпи психически больной крестьянки въ теченіе двадцати лѣтъ. Снова подобный же фактъ былъ сообщенъ въ тульскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ одномъ изъ селеній Новосильскаго уѣзда больная женщина была посажена на цѣпь, и произошло это не въ силу какого-нибудь варварства, звѣрства, а исключительно въ силу необходимости. Нѣкая Степанида стала проявлять признаки буйнаго помѣшательства и была отправлена въ психіатрическое отдѣленіе. Тамъ она скоро успокоилась и, какъ неизлѣчимая больная, была возвращена обществу. Общество передало больную на попеченіе мужа. Послѣдній имѣетъ единственный заработокъ, пятьдесятъ рублей въ годъ за пастьбу скота, надѣла нѣтъ, даже нѣтъ собственной избы, и онъ принужденъ жить въ наемной квартирѣ. А между тѣмъ, кромѣ себя и жены, ему надо было прокормить четверыхъ дѣтей. Понятно, что семья жила впроголодь. Подъ вліяніемъ голода больная стала буянить и снова была отправлена въ больницу, гдѣ опять пробыла недолго и возвращена къ мужу. Попавъ въ старыя условія, больная въ скоромъ времени захворала сильнѣе и даже едва не отрѣзала руки младшему ребенку. Вотъ во избѣжаніе подобныхъ безумныхъ поступковъ, не имѣя возможности слѣдить за больною и не видя результатовъ больничнаго лѣ-

ченія, мужъ сажаетъ больную на цѣпь, и она живетъ прикованною уже цѣлыхъ два мѣсяца.

Земства многихъ губерній учредили больницы для психическихъ больныхъ, но одна больница на цѣлую губернію слишкомъ недостаточна. Это прекрасно понимаютъ земства, но они одни при своихъ скудныхъ бюджетахъ не въ состояніи удовлетворить спросу на помѣщеніе больныхъ, почему они, при пріемѣ въ больницу, вынуждены предпочитать свѣжіе случаи заболѣванія, представляющіе много шансовъ на излѣченіе, больнымъ хроникамъ. Съ цѣлью дать пріютъ и хроникамъ, составляющимъ нерѣдко не только большую обузу для семьи, но и представляющимъ опасность для населенія, земства неоднократно обращались къ правительству съ просьбой помочь имъ въ этомъ дѣлѣ. Неужели наше государство настолько бѣдно, что не можетъ даже устроить больницы для психически-больныхъ? Крестьяне не могутъ оставлять кого-либо изъ членовъ семьи для надзора за больнымъ; крайняя нужда заставляетъ ихъ всѣхъ работать и во избѣжаніе легко-возможнаго несчастія имъ поневолѣ приходится привязывать буйныхъ умалишенныхъ. Каждый земскій врачъ знаетъ, что больной на привязи—явленіе довольно обычное въ крестьянской жизни.

Скудные земскіе бюджеты есть большое наше несчастіе. Сколько насущныхъ потребностей было бы удовлетворено, насколько быстрѣе шло бы культурное развитіе нашей родины, будь средства земства значительнѣе. Крестьяне хотятъ строить школы, но у нихъ нѣтъ средствъ на это, а земство въ состояніи отпускать имъ лишь небольшія суммы. Земство силится ввести всеобщее обученіе возможно скорѣе, но, по причинѣ скудныхъ бюджетовъ, должно разсрочивать это великое дѣло на болѣе или менѣе длинный промежутокъ времени. Земство старается улучшить экономическое положеніе народа, но ограниченныя его средства позволяютъ ему дѣлать это лишь въ весьма малыхъ размѣрахъ. Словомъ, дѣло объ увеличеніи земскаго бюджета составляетъ одну изъ важнѣйшихъ культурныхъ задачъ переживаемаго нами времени. И осуществленіе этой задачи не представляетъ большихъ трудностей. Путей для этого имѣется нѣсколько и одинъ изъ нихъ,—какъ справедливо замѣчаетъ газета *Жизнь Юга*,—заключается во введеніи всесословной волости, для чего вполнѣ уже назрѣло время. Населеніе деревни не состоитъ болѣе изъ однородной массы крестьянства; въ пореформенный періодъ оно сильно дифференцировалось. Деревню стали заселять разнообразные элементы,—представители промышленности, ремесленники, врачи, учителя, фельдшера и т. д. И вся эта масса новаго населенія живетъ жизнью деревни, тѣсно связана съ ея потребностями и нуждами. Непринадлежащее къ крестьянскому сословію населеніе деревни, не имѣя учрежденій, которыя могли бы служить его интересамъ, обращается по своимъ дѣламъ въ волость, которая берется за исполненіе ихъ, такъ какъ дѣла не крестьянскаго сословія тѣсно связаны съ интересами крестьянства, забота о которомъ является прямою обязанностью волости. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ необходимости, волость теряетъ свой

сословный характеръ, установленный для нея закономъ, и пріобрѣтаетъ характеръ безсословный. Жизнь воочію обогнала законодательство и разрушаетъ установленныя имъ рамки. Почему реформа законодательства въ соотвѣтствіи съ требованіями жизни и дастъ много благотворныхъ результатовъ: она улучшитъ экономическое и правовое положеніе деревни. Какъ извѣстно, въ настоящее время волость, по недостатку средствъ, не можетъ удовлетворить многихъ потребностей сельскаго быта. Плохое состояніе дорогъ, непринятіе санитарныхъ мѣръ, ведущее къ развитію эпидемій и эпизоотій, крайне недостаточное количество школъ, пожары и прочее, объясняются отсутствіемъ необходимыхъ суммъ, собрать которыя часто невозможно, такъ какъ вся тяжесть обложенія падаетъ на одно только крестьянство. Между тѣмъ доходы волости возросли бы, еслибъ къ участію въ расходахъ были привлечены не только крестьяне, но и другіе обыватели селеній, не принадлежащіе къ крестьянскому сословію. Теперешняя организація сельскаго и волостного управленій, когда содержаніе ихъ исключительно падаетъ на крестьянское населеніе, не только отражается вредно на культурномъ развитіи нашей родины, но и находится также въ противорѣчіи съ элементарными требованіями политической справедливости. Дѣло въ томъ, что волостное и сельское управленія, поглощающія львиную долю изъ мірскихъ доходовъ, существуютъ собственно не для одного крестьянскаго населенія, какъ другія сословныя управленія, наприм., дворянскія, мѣщанскія, цеховыя и проч. Крестьянское управленіе черезъ свое сельское общество и волость выполняетъ массу дѣлъ и обязанностей, спеціально до сословія крестьянъ не относящихся: оно несетъ обязанности общей полиціи, какъ по надзору и охранѣ порядка, такъ и по доставленію всевозможныхъ свѣдѣній, часто не относящихся даже до крестьянъ. Что же касается собственной волостной канцеляріи, то она за послѣдніе годы поглощена, если не исключительно, то главнымъ образомъ восполненіемъ предписаній и порученій общей администраціи. Оно выполняетъ массу работы для общей администраціи, для земскихъ начальниковъ, для земства, для губернскихъ и центральныхъ учрежденій. Отсюда видно, насколько неправильно и несправедливо возлагать расходы сельскаго и волостного управленія на одно лишь крестьянское населеніе. Расходы эти должны сдѣлаться всесословными. Такимъ путемъ въ общественныхъ расходахъ волости приняли бы участіе и крестьяне (конечно, главнымъ образомъ), и частные землевладѣльцы, и казна, удѣлъ, и города, и торговопромышленныя заведенія и разныя другія группы населенія,—словомъ, всѣ тѣ, для которыхъ волостное правленіе исполняетъ теперь массу дѣла, ничего отъ нихъ не получая, и исполняетъ это исключительно на средства крестьянъ.

Со введеніемъ всесословной волости выиграетъ много деревня и въ правовомъ отношеніи. Извѣстное всѣмъ неудовлетворительное состояніе сельскаго и волостнаго управленія порождается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что отъ участія въ этомъ управленіи устранена вся образованная часть

сельскаго населенія. Между тѣмъ, соединеніе всѣхъ группъ населенія, всѣхъ сословій въ сельскомъ и волостномъ управленіи, дало бы вполнѣ годную для самоуправленія единицу, которой было бы по силамъ общественное хозяйство и которая давала бы отпоръ всѣмъ противозаконнымъ вожделѣніямъ какъ мѣстныхъ кулаковъ, такъ и мѣстныхъ полицейскихъ властей, какими вожделѣніями всегда изобиловалъ и продолжаетъ изобиловать деревенскій бытъ.

Въ исторіи человѣческой культуры постепенно совершенствуются политическія учрежденія, уменьшающія просторъ проявленіямъ произвола и нарушенія чужого права. Европейская Россія, недавно и Сибирь пользуются судебными учрежденіями, сравнительно съ которыми прежніе суды представляли слишкомъ недостаточныя гарантіи для торжества правды. Введенія судебныхъ учрежденій жаждутъ и другія области Имперіи, не пользующіяся донынѣ правильнымъ отправленіемъ правосудія. Если же,—пишутъ въ газету *Сибирь* изъ города *Вѣрнаго*,—Семирѣчью долго придется еще ожидать настоящаго обще-россійскаго суда, если этой области суждено продолжительное время еще оставаться при существующихъ процессуальныхъ правилахъ, то во всякомъ случаѣ необходимо тѣмъ или инымъ путемъ создать такое положеніе, въ силу котораго судебныя рѣшенія не были бы пустою формальностью и не вызывали бы легкаго и игриваго отношенія къ нимъ мѣстныхъ чиновниковъ, исполняющихъ судебныя рѣшенія, за неимѣніемъ судебныхъ приставовъ. Не говоря уже о томъ, что чины полиціи, какъ видно изъ матеріала, собраннаго г. предсѣдателемъ областного суда, совершенно бездѣйствуютъ и взысканіе многихъ тысячъ рублей всецѣло зависитъ отъ полиціи, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что полицейскіе чиновники, не имѣя примитивныхъ понятій объ обязанностяхъ судебныхъ приставовъ, не отличаются при этомъ и уваженіемъ къ суду. Корреспондентъ приводитъ далѣе дѣйствительно нѣсколько поразительныхъ случаевъ изъ практики полицейскихъ чиновъ по исполненію ими судебныхъ рѣшеній и ихъ отношеній къ суду. И подобное положеніе дѣла возможно потому, что полицейскіе пристава стоятъ внѣ зависимости отъ судебнаго начальства, и никакія категорическія предписанія предсѣдателя суда не въ состояніи на нихъ воздѣйствовать. Привлеченіе же ихъ къ отвѣтственности весьма затруднительно, такъ какъ для этого нужно обращаться къ административному начальству полицейскихъ приставовъ, которое рѣдко соглашается съ воззрѣніями суда.

Сибирь избавилась недавно отъ подобныхъ судебныхъ порядковъ, но административные порядки остаются пока въ прежнемъ положеніи. Однако можно думать, что введеніе здѣсь судебныхъ учрежденій не преминетъ оказать вліяніе на тамошніе административные обычаи. Весьма характерныя для даннаго предмета сообщенія находимъ въ газетѣ *Сибирь*. Въ послѣднее время,—говоритъ упомянутая газета,—мы съ рѣдкой почты не получаемъ корреспонденціи объ особыхъ порядкахъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ Тобольской казенной палатѣ. Мы уже получили нѣсколько коррес-

понденцій, печатаемъ новую въ сегодняшнемъ нумерѣ, и въ портфелѣ редакціи хранимъ одинъ интересный документъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ этой палатѣ первенство по службѣ отдается лицамъ, играющимъ на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ. Мало того, каждый изъ чиновниковъ, который позволяетъ себѣ усомниться въ музыкальныхъ талантахъ г. управляющаго или руководимаго имъ оркестра, можетъ подвергнуться изгнанію изъ палатскихъ чиновъ. Относя эти разсказы къ числу курьезовъ, мы старались провѣрить ихъ, и провѣрка наша привела къ утвержденію получаемыхъ нами извѣстій. Такъ, напримѣръ, г. М. долженъ былъ выйдти въ отставку за защиту жены, которая гдѣ-то порицала дѣйствія музыкантовъ; г. З. вышелъ въ отставку за то, что въ газетной рецензіи позволилъ себѣ не почувствовать эстетическаго наслажденія во время исполненія какого-то нумера; то же было съ г. С. за отказъ вступить членомъ музыкальнаго общества и, наконецъ, совершенно независимому человѣку г. С. была обѣщана высылка въ Березовъ. Всякій начальникъ всегда имѣетъ возможность выставить на бумагѣ приличные мотивы, послужившіе поводомъ къ увольненію лица, почему-либо непріятнаго начальнику, и вотъ почему въ недавнемъ увольненіи отъ службы чиновника г. Елтышева мѣстное общество видитъ лишь продолженіе цѣлаго ряда произволовъ. Этотъ послѣдній чиновникъ извѣстенъ какъ вполнѣ опытный и добросовѣстный работникъ. Многолѣтнюю свою службу онъ долженъ былъ оставить вслѣдствіе неосторожнаго порицанія господъ музыкантовъ. Все это совершается на виду у всѣхъ.

Несомнѣнно, не долго уже существовать въ городахъ Сибири подобнымъ административнымъ порядкамъ, какъ не долго продолжится тамъ почти безконтрольное положеніе промышленныхъ заведеній. Фабричное законодательство, дѣйствующее теперь въ Европейской Россіи, силою вещей распространится вскорѣ и на Сибирь. Отчетливое представленіе о порядкахъ, существующихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ Сибири, даетъ работа г. Швецова, напечатанная въ VII томѣ *Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній* (1897 годъ), въ которой изображается положеніе труда на частныхъ заводахъ Алтайскаго округа. Отличительными чертами обстановки труда почти на всѣхъ этихъ заводахъ являются: сырость, ѣдкій губительный воздухъ, грязь и темнота. На многихъ такъ мало оконнаго свѣта, что съ трудомъ можно различать предметы, войдя съ улицы, пока глазъ не привыкнетъ къ полумраку. Вотъ заводъ П. С. подъ Барнауломъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ и лучшихъ мѣстныхъ заводовъ—не въ смыслѣ обстановки, а по качеству вырабатываемаго товара. Мастерскія убійственно дурны: грязны, закопчены, темны, пропитаны ѣдкимъ запахомъ, съ трудомъ переносимымъ. Температура чрезвычайно высока, такъ что всѣ рабочіе безъ рубахъ, въ однихъ штанахъ, босикомъ. Двери выходятъ непосредственно на улицу и постоянно отворяются, причемъ работающихъ обдаетъ волнами врывающагося морознаго воздуха. Отхожее мѣсто помѣщается на улицѣ подъ открытымъ небомъ, рабочіе для надобности выска-

киваютъ изъ мастерской въ томъ же видѣ, въ какомъ работаютъ, т.-е. безъ рубахъ и босикомъ. Это дѣлается, впрочемъ, и на всѣхъ другихъ заводахъ, какъ овчинныхъ, такъ и кожевенныхъ, стекольныхъ и прочее. На заводѣ П. П. мастерскія относительно высоки, но темны и тѣсны. Остальное—то же, что у С.: жаръ, клубы пара, ѣдкая пыль отъ струганья овчины и расчесыванія шерсти, грязь, копоть, ѣдкія выдѣленія овчины и красокъ. Этотъ заводъ вмѣстѣ съ пряничнымъ, сыромятнымъ, мыловареннымъ и свѣчно-салотопленнымъ заведеніями составлялъ отдѣльную заимку, стоявшую одиноко отъ другихъ подгородныхъ заводовъ. На этой заимкѣ жило довольно много народу, но во время холерной эпидеміи 1892 года большинство ихъ вымерло вмѣстѣ съ семействомъ владѣльца. Эта заимка, какъ видно изъ доклада А. Н. Недзведскаго обществу любителей изслѣдованій Алтая, служила однимъ изъ очаговъ эпидеміи въ Барнаулѣ. При посѣщеніи однажды вечеромъ содоваго завода,—сообщаетъ авторъ,—безъ посторонней помощи рѣшительно нельзя было ступить шагу, не рискуя провалиться куда-нибудь въ котелъ или топку. Переходъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе представлялъ большія затрудненія: приходилось идти «на голосъ» человѣка, шедшаго только на шагъ впереди и, несмотря на это, совершенно не видимаго, такъ что о самомъ присутствіи его можно было догадываться лишь по звуку его шаговъ. Намъ приходилось спускаться по какимъ-то узкимъ лѣсенкамъ безъ перилъ, то проходить между чанами, то вновь подниматься вверхъ. Поминутно слышались предостереженія: «Осторожнѣе внизу печь», «наклоните голову», «теперь идите смѣло», «осторожнѣе—направо выварочный котелъ, можно провалиться». Во второмъ или третьемъ отдѣленіи паръ не позволялъ опредѣлить, гдѣ мы и сколько прошли; меня остановили въ полутора шагахъ отъ какой-то, какъ мнѣ казалось, ямы въ полу, откуда рабочій черпалъ ковшомъ расплавленную массу и наполнялъ ею желѣзный сосудъ. Эта яма—котелъ; она ничѣмъ не огорожена, и, право же, въ нее не трудно провалиться, когда паръ застилаетъ глаза, по крайней мѣрѣ, для человѣка не вполнѣ знакомаго съ расположеніемъ завода. Только выбравшись на улицу я могъ свободно вздохнуть. Завѣдующій заводомъ объяснилъ присутствіе пара сильнымъ морозомъ. Можетъ быть и такъ; но что же, однако, нужно думать о заводѣ, который превращается въ какой-то паровой котелъ, потому что на дворѣ морозъ трещитъ? Если видъ чумы наводилъ мысль на адъ, то пребываніе на содовомъ заводѣ въ этотъ вечеръ заставляло думать, что и адъ имѣетъ свои отдѣленія.

Въ январьской книжкѣ *Русской Мысли* за текущій годъ было напечатано объ удаленіи тамбовской дирекціей народныхъ училищъ руководительницы тамбовской воскресной школы А. Н. Слетовой. Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, поводъ къ удаленію былъ слѣдующій: за нѣсколько времени до открытія Нижегородской выставки, А. Н. Слетовой получено было отъ распорядительницы воскресной школы, извѣстной дѣ-

ятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской, письмо, изъ котораго было видно, что Х. Д. получила отъ министра народнаго просвѣщенія предложеніе «представить воскресныя школы на Нижегородской выставкѣ». Чтобъ имѣть возможность выполнить это порученіе, Х. Д. просила, въ числѣ прочихъ завѣдующихъ, А. Н. Слетову доставить ей письменный матеріалъ, характеризующій ходъ дѣлъ воскресной тамбовской школы. По этому поводу завѣдующая собрала частныя школьныя собранія. На основаніи дневниковъ учительницъ была составлена записка о ходѣ дѣлъ, просмотрѣна и утверждена учащими въ школѣ и, наконецъ, послана г-жѣ Алчевской при письмѣ, въ которомъ значилось, что за недостаткомъ времени записка составлена далеко не полно, а потому годится только какъ сырой матеріалъ для сводной работы. Послѣ этого завѣдующею Слетовой въ отвѣтъ на предложеніе Алчевской отпечатать отчетъ объ ея школѣ былъ данъ отрицательный отвѣтъ, такъ какъ это можетъ быть сдѣлано лишь съ разрѣшенія непосредственнаго училищнаго начальства. Г-жа Алчевская, находя отчетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ, вполнѣ годнымъ для выставки, представила записку о ходѣ дѣлъ въ тамбовской мужской воскресной школѣ, въ качествѣ экспоната научно-учебнаго дѣла. Одного мнѣнія о достоинствахъ экспоната оказалась и экспертная коммиссія, присудившая тамбовской школѣ дипломъ первой степени. Между прочимъ, отчетъ этотъ заключалъ въ себѣ слѣдующее мѣсто: «поступленіе учениковъ въ школу обусловливается самыми разнообразными причинами. Хотя мы неохотно принимали мальчиковъ моложе двѣнадцати лѣтъ, ибо они могутъ ходить въ ежедневную школу, но иногда приходилось дѣлать исключеніе. На вопросъ, отчего мальчика не отдаютъ въ ежедневную школу, часто слышимъ отвѣтъ, что не на что покупать учебныя пособія; приходится получать и такіе отвѣты: «онъ былъ въ школѣ, да учитель тамъ больно дерется, я и боюсь его посылать». Что нѣкоторые учителя въ тамбовскихъ школахъ дерутся—это фактъ. Какъ не сжалиться надъ малышемъ, который жмется къ юбкѣ матери или бабки, смотритъ на меня полными слезъ глазами, очевидно, размышляя: «а здѣсь будутъ драться или нѣтъ?» Этимъ-то мѣстомъ отчета и былъ обусловленъ невольный выходъ изъ школы г-жи Слетовой. Пока оно не было извѣстно публикѣ, инспекторъ училищъ г. Байковъ лично явился поздравить завѣдующую школой съ дипломомъ, выразить ей свою признательность и заявить, что читалъ на выставкѣ сказанный отчетъ и остался имъ очень доволенъ. Но вотъ въ *Тамбовскихъ Вѣдомостяхъ* появляется «письмо съ выставки», въ которомъ сообщается, что въ отчетѣ воскресной школы учителя городскихъ школъ въ Тамбовѣ обвиняются въ битьѣ учениковъ. Тогда дирекція народныхъ училищъ обидѣлась. Инспекторъ училищъ Байковъ прислалъ завѣдующей школой оскорбительное письмо и поставилъ ее въ извѣстность, что директоромъ училищъ ему поручено предложить ей отстраниться отъ школы.

По поводу напечатаннаго нами объ устраненіи г-жи Слетовой отъ ру-

ководства воскресной школой, инспекторъ народныхъ училищъ г. Байковъ прислалъ оффиціальное опроверженіе, которое, на основаніи 138 и 139 ст. уст. ценз., было напечатано въ майской книжкѣ *Русской Мысли*. Въ этомъ опроверженіи г. Байковъ называетъ заявленіе г-жи Слетовой о побояхъ въ городскихъ тамбовскихъ школахъ «*легкомысленнымъ извѣтомъ*» и удостовѣряетъ, будто она не могла указать «*ни одного факта, ни одного лица*». Г-жа Слетова, оскорбленная обвиненіемъ ея въ «легкомысленномъ извѣтѣ», черезъ повѣреннаго своего предложила инспектору взять его слова въ печати назадъ, угрожая судомъ. Инспекторъ оказалъ вліяніе на учителей, и тогда нѣсколько учителей возбудили противъ г-жи Слетовой судебное преслѣдованіе. Дѣло разсматривалось въ тамбовскомъ окружномъ судѣ. Масса свидѣтельскихъ показаній вполнѣ подтвердили показанія г-жи Слетовой. Оказалось, что учениковъ драли за уши, за волосы, били по головѣ классньмъ журналомъ; иной учитель схватитъ ученика за шиворотъ и бьетъ сзади колѣномъ, другой схватитъ за чубъ и колотитъ по шеѣ; давали пощечины, били линейкой, пороли при помощи учениковъ же; разъ учитель пѣнія разбилъ объ ученика скрипку, въ другой разъ переломилъ объ ученика смычокъ. Одинъ ученикъ долго болѣлъ и чуть не оглохъ отъ побоевъ и т. д., и т. д. При этомъ оказалось, что о битвѣ въ школахъ зналъ и г. Байковъ. Въ судѣ сначала онъ заявилъ, что въ теченіи десятилѣтняго завѣдыванія школами ему не было извѣстно *ни одного* случая жестокаго обращенія учителей или даже «простого битья»; за все это время была де одна только жалоба на «несправедливость», да и то очень давно. Но когда защитникъ г-жи Слетовой спросилъ его: отчего же одному учителю было сдѣлано училищнымъ совѣтомъ замѣчаніе за выдранье уха, то г. Байковъ вдругъ припамятовалъ этотъ случай и нашелъ ему объясненіе: вѣдь учитель Аѳанасьевъ еще молодъ и практикуетъ *всего* третій годъ! Затѣмъ инспектору пришлось припомнить и другой, завѣдомо ему извѣстный, случай побоевъ.

Такимъ образомъ, благодаря бывшей руководительницѣ воскресной школы, благодаря г-жѣ Слетовой, была вскрыта одна изъ язвъ въ порядкахъ городскихъ школъ въ Тамбовѣ. И потому защитникъ г-жи Слетовой имѣлъ полное основаніе сказать, что настоящій процессъ представляетъ большое воспитательное значеніе; процессъ этотъ долженъ будетъ измѣнить существовавшее до сихъ поръ отношеніе инспекціи къ городскимъ школамъ Тамбова, а Кутейкины и Цифиркины почувствуютъ силу общественнаго презрѣнія и убѣдятся, что жестокое обращеніе съ учениками далеко не всегда остается безнаказаннымъ.

Если г. Байковъ останется инспекторомъ народныхъ училищъ и намъ доведется еще разъ говорить о положеніи подвѣдомственныхъ ему школъ, то совѣтуемъ г. Байкову прежде, чѣмъ присылать оффиціальныя опроверженія, собирать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о фактахъ, которые онъ намѣренъ опровергать.

И. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Кабинетъ Мелина - Ганото продолжаетъ одерживать въ парламентѣ побѣды по вопросамъ и внутренней, и иностранной политики. Онъ грозитъ сдѣлаться самымъ долговѣчнымъ изъ кабинетовъ третьей французской республики. Законодательство страны не подвигается и ея международное положеніе остается прежнимъ. Всѣ попытки улучшить, между прочимъ, податную систему Франціи, дѣйствительно устарѣвшую и несправедливую, разбиваются объ упорное противодѣйствіе республиканской буржуазіи и клерикально-орлеанистическихъ группъ. *Journal des Débats* не нарадуется на такой исходъ сессіи палаты депутатовъ. Газета подвергаетъ насмѣшкамъ тѣ предложенія реформы налоговъ, которыя являются со стороны республиканцевъ - прогрессистовъ и имѣютъ въ виду внести въ бюджетъ принципъ подоходнаго налога. Между тѣмъ и республиканцы, одобряющіе политику кабинета, стоятъ за прогрессъ, рѣшительно отвергаютъ не только солидарность съ разнаго рода реакціонерами, но и съ консерваторами, для которыхъ въ государственномъ строѣ Франціи все превосходно и законодательству дѣлать больше нечего. Поучительно поэтому познакомиться съ тѣмъ, что такое дружественная нынѣшнему министерству *прогрессивная партія*, каковы ея задачи. Интересныя данныя представляетъ въ этомъ отношеніи статья названнаго автора (депутата), напечатанная въ № 36 *Revue Politique et Parlementaire* (*Прогрессивная партія: чѣмъ она можетъ и должна быть*). Я слышу съ разныхъ сторонъ,—такъ начинаетъ авторъ,—что прогрессистская республиканская партія,—этого имени она еще не имѣетъ, но будетъ имѣть, — пробудилась наконецъ отъ долгой спячки. Но не видно ничего сконцентрированнаго, систематическаго, а между тѣмъ не далеки общіе выборы въ палату депутатовъ. Несмотря на болѣе или менѣе удачныя частныя попытки, не хватаетъ главнаго: выработаны прекрасныя программы, но едва приступлено къ важному—къ дѣйствованію,—и къ существенному—къ созданію партіи.

Къ удивленію русскаго читателя оказывается, что «чисто парламентская исторія республиканцевъ-прогрессистовъ» можетъ резюмироваться, съ 1893 по 1897 г., тремя слѣдующими фактами: 1) они поддерживали три

министерства: Казиміра Перье, Дюпюи и Рибо,—а теперь съ еще большею твердостью поддерживаютъ кабинетъ Мелина; 2) они сдѣлали невозможнымъ, потомъ все болѣе и болѣе труднымъ образованіе кабинетовъ «концентраціи»; 3) они, наконецъ, создали парламентскую группу *правительственныхъ республиканцевъ* (un groupe parlementaire des républicains de gouvernement). Что это такое? Перье, Дюпюи, Мелинъ—прогрессисты? Партія, вмѣсто того, чтобы ея вожди становились во главѣ правительства, стремится пристроиться къ правительству? Бенжаменъ Констанъ и другіе теоретики (и въ то же время испытанные государственные люди) пришли бы въ ужасъ отъ такой постановки вопроса.

Великія достоинства этой мнимой партіи немедленно однако отрицаются авторомъ статьи: партія поддерживала министерства Перье, Дюпюи, Рибо, но она же и низвергла ихъ. Странная, дѣйствительно, партія. И политикѣ концентраціи она не оказываетъ достаточно энергичнаго и послѣдовательнаго противодѣйствія. Кромѣ того, на ея лѣвомъ крылѣ сформировалась прогрессистская группа Изамбера, въ составъ которой входятъ и прогрессисты, и радикалы,— нѣчто вродѣ государства - буфера, на территоріи котораго даются парламентскія сраженія. Внѣ парламента, по признанію автора, правительственные республиканцы - прогрессисты почти ничего не дѣлаютъ.

Дѣло кончается тѣмъ, что разбираемая нами статья признаетъ самое названіе партіи правительственною республиканскою нелѣпымъ и ровно ничего не выражающимъ, по тому одному, что вернись къ власти Леонъ Буржуа, напримѣръ,—и поддерживающіе его радикалы несомнѣнно превратятся въ правительственную партію. Этого мало: оказывается, что *пятнадцать лѣтъ владычества* усыпили эту партію (что же въ это время дѣлалъ *прогрессъ?*) и она теперь платится за свое долгое преобладаніе. «Мы походимъ,—говоритъ авторъ статьи,—на разбогатѣвшихъ буржуа, которые,—гордые своими милліонами и обезпеченные правильными доходами, не чувствуютъ болѣе потребности въ дѣйствованіи и благодушно предполагаютъ, что слѣдующіе дни будутъ похожи другъ на друга. Но,—предупреждаетъ авторъ,—небо заволакивается, и пора, давно пора, объединиться, чтобы спасти собранную жатву и приготовиться къ грядущимъ бурямъ»...

Итакъ «прогрессивная» партія заснула и о будущемъ вовсе не думала. Плохой признакъ. Оказывается однако, что спасеніе (sauvetage) не трудно: необходимо, чтобы нашлось два или три человѣка, энергичныхъ, практичныхъ, убѣжденныхъ. Часъ отъ часу нелегче для *правительственныхъ республиканцевъ!* Неужели ни въ ихъ правительствѣ, ни въ ихъ рядахъ не найдется двухъ-трехъ подобныхъ людей? Жалкая въ такомъ случаѣ партія для великаго народа.

Само собою разумѣется, что мы вполнѣ опровергаемъ «спасеніе» государства (вопросъ о томъ, нужно ли спасать современную Францію, мы оставляемъ въ сторонѣ) посредствомъ двухъ-трехъ мудрыхъ мужей. Самъ

авторъ статьи сейчасъ же прибавляетъ, что главная бѣда заключается въ томъ, что не рѣшаются громко, рѣшительно выступить противъ мнѣнія, по которому, въ существѣ дѣла, признается одна республиканская партія.

Но кто же однако,—спросимъ мы, какъ посторонніе наблюдатели,—признаетъ въ современной Франціи единую республиканскую партію? Кто, напримѣръ, отождествляетъ Мелина съ Буржуа и Гобле, Поля Леруа-Больё съ Клемансо или Рошфоромъ.

Справа и слѣва,—убѣждаетъ «депутатъ»:—со стороны монархистовъ и со стороны радикаловъ—надо провести точныя границы, поднять свое знамя и образовать сильную и сплоченную партію. Итакъ, партія, бывшая пятнадцать лѣтъ у власти, и не сплочена, и не сильна. Ей нужны: имя, программа, метода дѣйствія, дисциплина и болѣе сосредоточенное руководительство.

Имя найдено: великая республиканская партія Тьера, Гамбетты и Жюля Ферри *) должна называться партіей республиканцевъ-прогрессистовъ. Это имя пріобрѣтено двадцатилѣтнею неустанною борьбой. Необходимо только рѣшительно отстраниться отъ радикальной партіи, которая реорганизуется теперь усиліями Леона Буржуа и его сотоварищей.

Но гдѣ же, спрашиваетъ самъ авторъ, программа прогрессистской партіи? Съ чѣмъ выступитъ партія на предстоящихъ общихъ парламентскихъ выборахъ, которымъ всѣ единодушно приписываютъ такое огромное значеніе? До сихъ поръ среди республиканцевъ, которые въ статьѣ называются прогрессистами, господствовали индивидуалистическія тенденціи и оппортюнизмъ, вѣчно колебавшійся. Результаты оказались неудовлетворительными. До сихъ поръ рабочее законодательство и преобразованіе податной системы идутъ вяло и не систематично. Прогрессисты до сихъ поръ опредѣленно высказывались только въ отрицательномъ смыслѣ: они не хотятъ ни пересмотра конституціи, ни уничтоженія сената, ни отмѣны конкордата съ римско-католическою церковью, ни, — на этотъ разъ противъ консерваторовъ,— передѣлки закона о свѣтской школѣ. Всѣ эти отрицанія,—основательно замѣчаетъ депутатъ-профессоръ,—не ведутъ ни къ какому дѣйствію, наоборотъ—удаляютъ отъ дѣла, держатъ умы въ праздномъ застоѣ. Въ концѣ-концовъ оказывается, что республиканцы-прогрессисты всего менѣе служили именно прогрессу и что эта партія еще не существуетъ, что ее создастъ программа, которую также надо создать. Но какая же это программа? Ее депутатъ не даетъ, онъ лишь упоминаетъ о попыткахъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, и настаиваетъ на томъ, что безъ ясной и точной программы и безъ учрежденія лиги, которая должна покрыть всю Францію, партію республиканцевъ-прогрессистовъ ждетъ пораженіе. Намъ это представляется правдоподобнымъ: если до сихъ поръ политическая партія не установила опредѣленныхъ законодательныхъ

*) Напомнимъ читателямъ, что Тьеръ называлъ Гамбетту бѣшенымъ безумцемъ (fou furieux).

и правительственныхъ цѣлей, то въ ней нѣтъ общаго духа, глубокихъ государственныхъ принциповъ.

Въ іюльской книжкѣ нашего журнала была помѣщена замѣтка о народонаселеніи во Франціи. Этотъ вопросъ сильно занимаетъ французское общество, и недавно ему посвятилъ большую статью извѣстный статистикъ Бертильонъ. Недавно образовался во Франціи *Національный союзъ для увеличенія французскаго населенія (L'Alliance nationale pour l'accroissement de la population française* *). Съ его задачами и знакомитъ Бертильонъ, указывая на опасность, грозящую Франціи, какъ великой державѣ. Въ 1783 году населеніе Франціи равнялось 26 милліонамъ, Великобританіи (съ Ирландіей)—12 мил., Россіи—25 мил., Германской имперіи—28 мил., государствъ отчасти входящихъ въ составъ имперіи—23 мил. (18 мил. въ Австріи и 5 мил. въ Пруссіи). Изъ этихъ 96 милліоновъ Франціи принадлежало, такимъ образомъ, 27%. Черезъ сто лѣтъ картина измѣнилась: Россія (Европейская) считаетъ 100 милліоновъ, Германія—болѣе пятидесяти, Австро-Венгрія — 43 слишкомъ, Великобританія и Ирландія — 38.100,000, Франція — 38.300,000, Италія — 30 милліоновъ съ половиною. Такимъ образомъ изъ 300 милліоновъ населенія современныхъ великихъ державъ Франція занимаетъ четвертое мѣсто, только 12%. Бертильона устрашаютъ эти цифры, свидѣтельствующія объ относительной потерѣ французскаго политическаго вліянія. Онъ опасается, что послѣдуетъ уменьшеніе значенія французскаго языка, его универсальность можетъ исчезнуть. *Finis Galliae!*—съ ужасомъ восклицаетъ Бертильонъ. Германія, которая ненавидитъ Францію,—поглотитъ ее. И теперь количество иностранцевъ, вселяющихся во Францію, быстро увеличивается. Въ 1851 году иностранцевъ было 379,280 (къ нимъ надо прибавить 13,525 натурализировавшихся), черезъ сорокъ лѣтъ — 1.130,211 (натурализировалось, кромѣ того, 170,704). Въ виду всего этого,—говоритъ Бертильонъ,—бездѣйствіе нелѣпо и преступно. Надо бороться съ корнемъ зла,—съ отвратительными семейными нравами, руководимыми денежнымъ разсчетомъ.

Въ послѣднее время на Западѣ оживилась разработка конституціонныхъ вопросовъ. Нѣкоторыя идеи, которыя можно было считать общепризнанными, подвергаются пересмотру; дѣлаются даже попытки къ ихъ опроверженію. Съ другой стороны, принципы, давно признанные обветшалыми, о самомъ существованіи которыхъ стали забывать, получаютъ новыхъ защитниковъ, выступающихъ если не съ новыми, то съ обновленными доказательствами въ ихъ пользу. Конечно, истина восторжествуетъ, а самаго оживленія интереса къ вопросамъ государственнаго права нельзя не привѣтствовать, какъ здороваго противника увлеченію исключительно соціально-экономическими вопросами.

---

*) Ежегодный взносъ членовъ опредѣляется въ 10 франковъ; для лицъ, имѣющихъ болѣе трехъ дѣтей, одинъ франкъ.

Къ числу идей, обсужденіе которыхъ не можетъ не быть плодотворнымъ, принадлежитъ идея представительства меньшинства или пропорціональнаго представительства. Почти двадцать лѣтъ тому назадъ Д.-С. Милль считалъ этотъ принципъ очевиднымъ, разумнымъ и справедливымъ. Только теперь, однако, онъ выступаетъ на очередь во Франціи, встрѣчая и ожесточенныхъ противниковъ, и горячихъ защитниковъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ извѣстный Эрнестъ Навилль, и читателямъ, интересующимся вопросомъ, мы рекомендуемъ познакомиться со статьею названнаго автора въ *Revue Politique et Parlementaire* *).

Но принципіальные вопросы отсутствуютъ во Франціи передъ событіемъ дня: посѣщеніемъ Россіи президентомъ Французской республики. Это посѣщеніе привѣтствуетъ преобладающее большинство французскихъ газетъ, въ особенности монархическихъ.

Знаменитый норвежскій писатель и политическій дѣятель, Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ, помѣщаетъ, какъ мы сообщали своевременно читателямъ, интересныя письма въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, обсуждая вопросы объ отношеніяхъ Норвегіи къ Швеціи и нашему отечеству. Письма эти вызываютъ сильныя нападенія со стороны шведовъ и норвежскихъ консерваторовъ. Его сотрудничество въ русской газетѣ они считаютъ чуть ли не измѣной. Бьёрнсонъ выступилъ съ рѣчью противъ своихъ обвинителей на многолюдномъ народномъ собраніи въ Лиллегамерѣ. Онъ энергично возставалъ противъ попытокъ лишить его права писать въ русскихъ газетахъ, потому что его статьи имѣютъ въ виду защиту интересовъ мира и Норвегіи и ничего враждебнаго Швеціи въ себѣ не заключаютъ. «Разъ шведскіе руководители,—говоритъ Бьёрнсонъ,—двусмысленны по отношенію къ намъ, то они могутъ быть такими же и по отношенію къ другимъ. Если съ одной стороны безпрестанно вооружаются, а съ другой — сопротивляются заключенію трактатовъ о третейскихъ судахъ, то они ставятъ себя этимъ въ двусмысленное положеніе. Если они удаляютъ Левенгаупта, который, какъ мы знаемъ, былъ противъ шовинистской партіи въ Швеціи, и замѣняютъ его графомъ Дугласомъ, авторомъ книги, рекомендующей Швеціи и Норвегіи приступить къ тройственной лиги противъ Россіи, то я говорю: это—двусмысленность. Противъ этой-то двусмысленности я и обмакнулъ мое перо, ибо единственное средство противъ нея, это—дѣлать ее извѣстною. Если меня спросятъ, думаю ли я, что Швеція желаетъ получить обратно Финляндію?—я скажу: нѣтъ, я этого не думаю. Но если меня спросятъ, думаю ли я, что Швеція желаетъ оставить себѣ на всякій случай свободный выходъ (въ оригиналѣ: оставить дверь открытою), то я отвѣчу: да. Клянусь жизнью, что это полное мое убѣжденіе. Она хочетъ обезпечить себѣ свободныя руки. Она не знаетъ, что можетъ случиться, и потому хочетъ быть на всякій случай вполнѣ вооруженною, и потому именно она

---

*) *E. Naville*: „Les objections à la représentation proportionelle“ (*Revue*, № 34).

такъ сопротивляется трактатамъ и оставляетъ у себя Дугласа. Я затронулъ ея больное мѣсто, поэтому она такъ яростно напала на меня» *)

Въ сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ призываетъ Бьёрнсонъ въ концѣ своей рѣчи къ бодрой и энергической борьбѣ за норвежскую самостоятельность.

Либеральная партія въ Испаніи, хотя и поздно, выступила съ манифестомъ противъ деспотическаго образа дѣйствія, котораго держится консервативное правительство въ борьбѣ съ возстаніемъ на Кубѣ. Въ этомъ манифестѣ, который Сагаста прочелъ въ либеральномъ клубѣ въ Мадридѣ, говорится, что пора положить конецъ перемирію съ правительствомъ, вызванному событіями въ этой колоніи. Еслибы либеральная партія, — сказано въ манифестѣ, — была у власти, она поставила бы во главѣ арміи генерала, способнаго измѣнить планъ кампаніи, чтобы жителямъ Кубы не пришлось останавливаться предъ альтернативой: поддерживать возстаніе или умирать съ голоду. Либеральная партія отдѣлила бы военное командованіе отъ командованія политическаго, чтобы достигнуть автономіи, не нарушая верховныхъ правъ Испаніи. Что касается Филиппинскихъ острововъ, то либеральная партія находитъ, что всѣ усилія должны быть направлены къ полному умиротворенію этого архипелага. Либералы думаютъ, что быстрое примѣненіе этихъ началъ можетъ еще остановить развитіе зла, но даже временное продленіе нынѣшней системы можетъ отнять силу у тѣхъ средствъ, которыя предлагаетъ либеральная партія. Поэтому она считала невозможнымъ долѣе молчать.

Само собою разумѣется, что консервативныя газеты рѣзко нападаютъ на манифестъ либеральной партіи. Либеральныя и республиканскія газеты недовольны черезчуръ умѣреннымъ, оппортюнистическимъ тономъ манифеста и его неопредѣленностью. Газета *La Publicidad* напечатала статью, въ которой говоритъ, что Испанія не побѣждена, но убѣждена: невозможно, чтобы нація, сама демократическая, держала единокровныя колоніи въ подчиненіи деспотическому режиму, чего требуетъ лишь ничтожное меньшинство къ явному вреду для націи и для колоній. Нѣтъ недостатка и въ статьяхъ, прославляющихъ «латинскую» цивилизацію на Кубѣ и рѣзко нападающихъ на янки и на тевтонское племя вообще.

О положеніи дѣлъ на Филиппинахъ мы находимъ интересную статью въ *Revue des Deux Mondes* **). Авторъ начинаетъ съ того впечатлѣнія, которое произвели на него въ пріемной консервативнаго министра-президента четыре мрачныя фигуры монаховъ, стоящихъ во главѣ четырехъ монашескихъ орденовъ.

Передъ нами встала жестокая, фанатическая и, однако, современная Испанія, болѣе сильная и теперь, чѣмъ Испанія, такъ сказать, показная.

---

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 185.

**) 15 Juillet *Charles Benoist*: *La révolte des Philippines et les moeurs politiques de l'Espagne.*

Одинъ изъ наиболѣе выдающихся испанскихъ политическихъ дѣятелей подтвердилъ, что испанское правительство ведетъ на Филиппинскихъ островахъ такую же политику, какой оно держалось съ XVI столѣтія. Для колоній въ теченіе трехъ вѣковъ у Испаніи были только монахи и солдаты. Въ послѣднее время на борьбу съ этимъ двойнымъ деспотизмомъ выступили масоны, ложи которыхъ наполнены и европейцами, и туземцами.

Филиппинскіе острова представляютъ огромную группу: 20 большихъ и до 2,000 маленькихъ. Ихъ населеніе опредѣляется въ 7 или 8 милліоновъ, въ томъ числѣ 100,000 испанцевъ, рожденныхъ на Филиппинахъ и 12,000 испанцевъ изъ метрополіи. Остальное населеніе разноплеменное. Вольные каменщики-европейцы, принимая въ свои ложи туземцевъ, пробуждаютъ въ нихъ національное самосознаніе и ведутъ къ сближенію мелкихъ племенъ противъ испанскаго деспотизма. Естественно поэтому враждебное отношеніе къ масонамъ испанскаго правительства и ненависть къ нимъ со стороны католическихъ монаховъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, возстаніе на Филиппинахъ почти подавлено; но этотъ военный успѣхъ не устраняетъ затрудненій для нынѣшней колоніальной политики Испаніи, и затрудненія эти будутъ все увеличиваться по мѣрѣ распространенія образованія среди туземнаго населенія, а этого процесса монахи и солдаты остановить уже не могутъ.

Убійство знаменитаго вождя испанскихъ консерваторовъ, министра-президента Кановаса дель Кастильо, совершенное анархистомъ-итальянцемъ въ отомщеніе за истязанія и казни испанскихъ анархистовъ, вызвало патріотическія заявленія со стороны вождей либеральной оппозиціи. Переходъ власти къ либеральной партіи послѣ этого убійства мало вѣроятенъ, потому что она едва ли приметъ на себя тяжелую отвѣтственность за упрямыя ошибки консервативнаго кабинета.

Мы сообщали своевременно о реформѣ избирательной системы въ Голландіи. Нѣмецкія газеты сообщали о результатахъ новыхъ выборовъ. Число избирателей увеличилось съ 125,000 (въ Голландіи 1.100,000 взрослаго мужского населенія) до 579,000. Либералы пріобрѣли 47 депутатскихъ мѣстъ, радикалы и соціалисты по четыре, неопредѣленная группа христіанско-историческая (протестанты, отвергающіе союзъ съ католиками, но возстающіе противъ либераловъ)—три, консерваторы—20, католики—22 (католическое населеніе исчисляется въ 1.600,000, протестантское—2.730,000, евреевъ—97,000, лицъ другихъ вѣроисповѣданій—82,000). Такимъ образомъ клерикально-консервативная коалиція осталась въ меньшинствѣ, и можно надѣяться на дальнѣйшее плодотворное движеніе законодательства въ Нидерландахъ.

Императоръ германскій отдалъ Императору Николаю II дружественный визитъ. Встрѣча была сердечная. Государь произнесъ за торжественнымъ

обѣдомъ слѣдующую рѣчь: «Присутствіе вашего величества и ея величества императрицы и королевы доставляетъ Мнѣ весьма большое удовольствіе, и Мнѣ очень пріятно выразить вамъ Мою искреннюю признательность. Это новое доказательство связующихъ Насъ традиціонныхъ узъ и установившихся добрыхъ отношеній между Нашими сосѣдними государствами служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, драгоцѣннымъ залогомъ сохраненія всеобщаго мира, что̀ является предметомъ Нашихъ постоянныхъ заботъ и самыхъ пламенныхъ желаній. Я пью за здоровье его величества императора и короля Вильгельма, ея величества императрицы и королевы и всей августѣйшей семьи!»

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Вильгельмъ II произнесъ ниже приводимыя слова, къ которымъ весьма сочувственно отнеслась вся европейская печать и въ особенности германская: «Ея величество императрица и я благодаримъ Ваше Величество отъ всей души за оказанный намъ сердечный и великолѣпный пріемъ, а также за милостивыя слова, которыми Ваше Величество насъ такъ любезно привѣтствовали. Одновременно я желалъ бы принести Вашему Величеству мою особую глубокую и радостную благодарность за новое, меня такъ поразившее отличіе, которое мнѣ оказало Ваше Величество зачисленіемъ меня въ списки славнаго флота Вашего Величества. Эта особая почесть оцѣнивается мною во всемъ ея значеніи и является въ то же время особымъ отличіемъ моему флоту. Я вижу въ назначеніи меня русскимъ адмираломъ не только почесть, оказанную моей особѣ, но и новое доказательство нашихъ традиціонныхъ и искреннихъ, основанныхъ на непоколебимой почвѣ отношеній какъ личныхъ, такъ и нашихъ государствъ. Безповоротное рѣшеніе Вашего Величества сохранять по-прежнему миръ на благо Вашего народа находитъ и во мнѣ самый радостный откликъ. Такимъ образомъ, слѣдуя по однимъ и тѣмъ же путямъ, Мы будемъ вмѣстѣ стремиться къ тому, чтобы подъ сѣнью мира вести Наши народы къ культурному развитію. Съ полнымъ довѣріемъ могу я снова дать Вашему Величеству торжественное обѣщаніе,—и этому, я знаю, сочувствуетъ весь мой народъ,—что въ великомъ дѣлѣ сохраненія народамъ мира я всѣми силами буду содѣйствовать Вашему Величеству и оказывать самую сильную поддержку противъ всякаго, кто попытается помѣшать ему или нарушить его. Пью за здоровье Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы».

Нельзя не привѣтствовать этихъ словъ могущественнаго монарха и не пожелать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы германская политика кромѣ миролюбія имѣла бы въ виду и справедливость, отказавшись отъ особаго покровительства Турціи въ ущербъ Греціи.

В. Г.

Нѣсколько словъ къ женщинамъ.

Небольшой кружокъ женщинъ Петербурга и Москвы хлопоталъ много лѣтъ о дарованіи женщинамъ права на открытіе женскаго медицинскаго института, и только сравнительно недавно право это было дано.

Этимъ выдающимся женщинамъ удалось собрать необходимыя суммы на постройку института и, кромѣ того, съ ихъ стороны были сдѣланы большія пожертвованія на это первое въ мірѣ высшее медицинское учебное заведеніе для женщинъ. Постройка эта теперь уже закончена. Но правительство желаетъ, чтобы при институтѣ было и общежитіе для дѣвушекъ. Всякій, знакомый съ жизнью большого города, легко пойметъ, что подобное общежитіе, въ особенности для пріѣзжающихъ издалека дѣвушекъ, есть неотложная необходимость; къ несчастью, на эту постройку не хватаетъ денегъ, о которыхъ и хлопочетъ теперь «Общество для усиленія средствъ с.-петербургскаго женскаго медицинскаго института»; но, кромѣ общежитія, требуется еще построить дѣтскую больницу, родильный пріютъ, зданіе глазныхъ болѣзней и зданіе для гимнастики.

Этому обществу Государь Императоръ оказалъ существенную помощь, приказавъ выдать ему изъ государственнаго казначейства 65,000 руб., за которые всякая мыслящая русская женщина принесетъ Его Императорскому Величеству свою глубочайшую и безграничную благодарность. Остальную же недостающую сумму на постройки при институтѣ слѣдуетъ, по справедливости, собрать намъ, женщинамъ юга, такъ какъ на деньги, собранныя женщинами сѣвера, построенъ институтъ.

Пусть тѣ изъ насъ, которыя живутъ въ большихъ городахъ: Екатеринославѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Полтавѣ и т. д., которыя по положенію, или по состоянію, или по уму, или по энергіи своей имѣютъ хотя самые слабые шансы на успѣхъ,—смѣло принимаются за сборъ.

Я увѣрена, что если молодыя, горячія сердца возьмутся настойчиво за это дѣло, если не устрашатся тѣхъ насмѣшекъ и препятствій, которыя подчасъ встрѣтятъ на своемъ пути, если серьезно будутъ пропагандировать это въ высшей степени полезное дѣло, если не только въ городахъ, но и въ деревняхъ будутъ организовываться общества, или просто круж-

ки, съ энергичными предсѣдательницами во главѣ, то намъ можетъ удастся собрать такое количество денегъ, которыхъ, можетъ быть, хватитъ на пополненіе недостающей суммы на необходимыя постройки.

Вспомнимъ только, какъ чутки американки ко всякому бѣдствію, ко всякой нуждѣ родины своей. Напримѣръ, въ прошломъ вѣкѣ, во время отечественной войны, женщины Филадельфіи, сдѣлавъ между собой подписку, собрали денегъ и снарядили цѣлый полкъ, который такъ и назывался «Полкомъ филадельфійскихъ лэди».

Далѣе, когда всѣ средства казны были истощены и не было подвоза провіанта въ войска, такъ какъ англійскіе крейсеры перехватывали всѣ торговыя суда,—женщины Пенсильваніи и Нью-Джерсея послали въ армію цѣлый обозъ провіанта.

Когда война затянулась и у войска не хватило опять ни съѣстныхъ припасовъ, ни даже одежды, американки сошлись опять, составили комитетъ подъ предсѣдательствомъ госпожи Ридъ, обсудили и рѣшили, что составляло главную необходимость для войска, и начали вносить пожертвованія, кто сколько могъ; тѣ женщины, у которыхъ не хватало ни денегъ, ни украшеній, ни драгоцѣнностей, кроили, шили бѣлье и одежду для солдатъ и т. д.

Всегда въ минуты нужды американки проявляютъ солидарность, энергію, кипучую дѣятельность и настойчивость въ веденіи предпринятаго ими дѣла. Впрочемъ, сѣверныя наши соотечественницы блестящимъ образомъ доказали то, чего и мы, русскія женщины, можемъ достигнуть, если дружно и всѣмъ сердцемъ отдадимся задуманному дѣлу. Это намъ доказали тѣ женщины, которыя въ теченіе тринадцати лѣтъ такъ неуклонно, терпѣливо и энергично хлопотали объ открытіи женскаго института и собрали такія большія суммы на постройку его. Это намъ доказали тѣ женщины, которыя собрали громадныя суммы и прокормили десятки тысячъ голодающихъ въ 1891 г.

Приведу изъ цѣлаго длиннаго ряда такихъ примѣровъ одинъ, мнѣ лично извѣстный. Въ Рязанской губ., подъ предсѣдательствомъ Е. Ф. Беклемишевой, организовался кружокъ женщинъ, который началъ свою дѣятельность съ самыми скромными средствами, но симпатичная дѣятельность этого кружка и разумно веденное имъ дѣло привлекли пожертвованій 15,000 руб. и, кромѣ того, большое количество разнаго хлѣба. Въ 49 столовыхъ, въ теченіе всей голодовки, было прокормлено 2,712 дѣтей; больнымъ выдавались: чай, сахаръ, молоко, крупа и дрова. Дѣятельность этого кружка распространилась на 17 селъ.

Такихъ женскихъ кружковъ въ Рязанской, Тульской и другихъ голодающихъ губерніяхъ было очень много, и всѣ эти кружки съ большимъ терпѣніемъ, безъ шума, довели до конца великое дѣло человѣколюбія и милосердія; ими не только было спасено отъ голодной смерти нѣсколько десятковъ тысячъ дѣтишекъ, но и десятки, можетъ быть, тысячъ семействъ предохранены отъ полнаго разоренія.

Послѣдуемъ же теперь и мы примѣру дѣятельности всѣхъ вышеприведенныхъ женщинъ, стряхнемъ нашу апатію, откажемся, хотя на время, отъ нашей обособленности и поработаемъ для будущихъ женскихъ поколѣній. Возьмемся помогать этому дѣлу быстро, дружно, и я увѣрена, что приношенія посыплются тогда и отъ мужчинъ, и, въ особенности, отъ всѣхъ женщинъ, сознающихъ свои человѣческія права и обязанности, отъ всѣхъ женщинъ, не утратившихъ женскаго сострадания къ больнымъ и немощнымъ, отъ старыхъ и молодыхъ, одинокихъ и семейныхъ, зажиточныхъ и даже небогатыхъ. Вездѣ множество даровитыхъ, способныхъ дѣвушекъ бездѣйствуютъ, не зная, чему отдать свой досугъ, не имѣя возможности примѣнить къ живому дѣлу таящійся въ нихъ запасъ энергіи и силъ. Медицинское или вообще высшее образованіе дастъ русской женщинѣ возможность вносить въ семью миръ, довольство и возможную на землѣ долю счастья.

Окончаніе курса въ женскомъ медицинскомъ институтѣ дастъ женщинамъ возможность обезпечить за собой свой насущный хлѣбъ съ честью, а самымъ даровитымъ, можетъ, еще и со славою. Не будучи пророкомъ, можно впередъ сказать, что много женщинъ медиковъ пойдутъ исключительно по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, что и дастъ тогда женщинамъ возможность лѣчиться у женщинъ. У насъ въ деревняхъ, куда по случаю громадныхъ разстояній такъ рѣдко имѣютъ возможность заглядывать доктора, лѣчатъ постоянно бабки, но какъ онѣ лѣчатъ! Нѣтъ словъ передать, насколько мучительно сознаніе своего безсилія, чтобы предотвратить то варварское истязаніе, которому онѣ подвергаютъ своихъ паціентовъ. Кто незнакомъ съ темною средой, окружающей родильницу-крестьянку, тотъ не можетъ себѣ представить всего того, что эти несчастныя женщины переносятъ. Иногда тяжело уже больную родильницу, для излѣченія ведутъ по поясъ въ рѣку, чтобъ она бросила тамъ хвостъ рыжей собаки, другую обливаютъ за воротами холодною водой. Бывали случаи, что ребенку бабки перевязывали грыжу толстою ниткой, въ надеждѣ, что она отпадетъ; раны заливаютъ острою водкой, а подчасъ, чтобъ остановить кровь, рану заливаютъ шерстью съ навозомъ и землей и т. д. При такомъ положеніи женщины-врачи будутъ для деревни благодѣяніемъ.

Поэтому мы всѣ должны стремиться къ тому, чтобы способствовать скорѣйшему окончанію общежитія при медицинскомъ женскомъ институтѣ.

Недавно въ Баку, по инииціативѣ тамошнихъ женщинъ-врачей и учительницъ, состоялся вечеръ, сборъ съ котораго предназначенъ на увеличеніе средствъ петербургскаго женскаго медицинскаго института. Удѣлимъ же и мы хоть маленькую крупицу изъ нашего состоянія, ухватимся обѣими руками за возможность для насъ широкой дѣятельности, сначала хотя въ области медицины, и порадуемся за наше молодое женское поколѣніе, которому дана будетъ возможность и счастіе знаніемъ, согрѣтымъ благотворнымъ чувствомъ любви и жалости, освѣщать тѣ темные уголки Россіи, въ которыхъ царствуютъ еще теперь въ полномъ владычествѣ суевѣ-

ріе и невѣжество, пожелавъ отъ души молодому поколѣнію женщинъ-врачей быть для этихъ уголковъ первнымъ импульсомъ пробуждающейся благотворной общественной жизни.

Кн. Екатерина Кудашева.

Пожертвованія на медицинскій институтъ просятъ адресовать: Екатеринославской губ., Бахмутскаго уѣзда, почт. ст. Гришино, на имя княгини Ек. Ив. Кудашевой, а также и въ Петербургъ—предсѣдательницѣ строительной коммиссіи «Общества для усиленія средствъ женскаго медицинскаго института», бар. В. И. Искуль, Кирочная, 18. Принимая жертвуемыя деньги, мы будемъ искренно благодарны и за самыя малыя пожертвованія, также какъ и за самыя большія. Въ полученіи денегъ будетъ немедленно высылаться расписка и о поступающихъ пожертвованіяхъ будетъ печататься въ газетахъ.

Письмо въ редакцію.

Въ майской книжкѣ *Русской Мысли* текущаго года, въ статьѣ А. И. Кирпичникова—*Н. М. Коншинъ*, на стр. 158, между прочимъ передается, что извѣстный поэтъ пушкинской эпохи, бар. Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, напечаталъ въ альманахѣ *Царское Село* за 1830 г., вмѣстѣ съ своимъ стихотвореніемъ *Пѣсня*, повѣсть *Село Ивановское*, за подписью *А. Влидъге*.

Въ настоящемъ случаѣ повѣсть эта приписывается А. А. Дельвигу, кажется, ошибочно, такъ какъ псевдонимъ (анаграмма) *А. Влидъге* принадлежитъ не А. А. Дельвигу, а его однофамильцу, рано умершему литератору, Александру Ивановичу Дельвигу, который, по указанію Г. Н. Геннади (см. *Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ*. Берлинъ, 1876 г., т. I, стр. 287), помѣщалъ подъ этимъ псевдонимомъ свои повѣсти въ альманахахъ 30-хъ гг. *Царскомъ Селѣ*, *Подснѣжникѣ* и др., а потому надо полагать, что и упомянутая повѣсть—*Село Ивановское* принадлежитъ не А. А., а А. И. Дельвигу.

К. Альбицкій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Августъ **1897 года.**

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика. — Педагогика. — Публицистика. — Исторія.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Техническія книги.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Учебники, книги для дѣтей. II. **Періодическія изданія:** «Сѣверный Вѣстникъ», *іюнь—іюль*,—«Вѣстникъ Европы», *іюль*. — «Міръ Божій», *іюнь*. — «Русское Богатство», *іюль*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1897 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Жестокая воля". Повѣсть *П. М. Невѣжина.*—„Среди евреевъ". *К. С. Литвина.*—„Въ штормъ". *С. А. Энгельмана.*

Жестокая воля. Повѣсть, П. М. Невѣжина. Москва, 1896 г. Ц. 1 р. Авторъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ, послѣ тридцати лѣтъ отсутствія, заѣхалъ на родину и пожилымъ человѣкомъ попалъ въ тотъ городъ, „гдѣ впервые облачился въ форменный гимназическій мундиръ". Тутъ случайно онъ встрѣчается съ дочерью генерала Вербинскаго, Еленой Николаевной, которую зналъ когда-то изящною барышней, милою „блондинкой, съ ясными, привѣтливыми глазками". Елена Николаевна находится въ ужасномъ положеніи: совершенно нищая, она живетъ „изъ милости" у бывшихъ дворовыхъ людей своей матери, содержащихъ постоялый дворъ. Умная, образованная Леночка дошла до того, что ходитъ по городу, выпрашиваетъ милостыню и изъ полученнаго часть пропиваетъ, остальное отдаетъ хозяевамъ постоялаго двора за свое пропитаніе. Что же довело несчастную дѣвушку, дочь богатыхъ, знатныхъ и чиновныхъ родителей до такого страшнаго паденія?—„Жестокая воля" матери, генеральши Вербинской,—какъ мы это узнаемъ изъ записокъ Елены Николаевны, переданныхъ ею автору за извѣстный гонораръ для напечатанія. Отецъ Леночки, старый генералъ, умеръ, когда она была еще дѣвочкой. Властная, гордая своимъ родомъ, богатствомъ и чиномъ мужа, суровая и непреклонная генеральша отдала дочь въ институтъ, а по окончаніи ею курса привезла въ свое имѣніе, великолѣпное, но до отчаянія скучное для молоденькой дѣвушки съ живымъ и впечатлительнымъ характеромъ. Гнетъ родительницы, старой барыни крѣпостническихъ, дореформенныхъ временъ, налегъ тотчасъ же всею своею тяжестью на изнывающую отъ бездѣлья институтку. Все, что бы она ни затѣяла для своего развлеченія, оказывалось, по убѣжденіямъ матери, несовмѣстнымъ съ ея барскимъ и генеральскимъ достоинствомъ. А тутъ, на бѣду, Леночка понравилась немолодому дальнему родственнику генеральши, помѣщику Туганову.

Въ особенности же прельщала Туганова возможность завладѣть большимъ имѣніемъ Вербинскихъ, взявши въ придачу хорошенькую жену. Генеральша считала своего кузена совершенно подходящимъ женихомъ для дочери, и не только подходящимъ, но и очень желательнымъ, такъ какъ въ переходное, только что наступившее, время отмѣны крѣпостного права дѣловитый зять помогъ бы старой барынѣ спокойно пережить всѣ затрудненія, неизбѣжныя при великой реформѣ. Леночкѣ этотъ господинъ былъ настолько противенъ, что никакія убѣжденія и суровыя приказанія матери не въ силахъ были заставить ее согласиться на бракъ съ ненавистнымъ человѣкомъ, вошедшимъ хитростью въ полное довѣріе старой барыни и оказавшимся совершеннымъ негодяемъ. Началась сперва глухая, а потомъ открытая борьба между сопротивляющеюся дѣвушкой и „жестокою волей“ генеральши, подстрекаемой искусными продѣлками Туганова, о которыхъ авторъ повѣствуетъ слишкомъ длинно и тягуче, да къ тому же и не совсѣмъ правдоподобно. Въ изображеніи автора Тугановъ представляется черезчуръ мелкимъ, гаденькимъ и неумнымъ прощалыгой для того, чтобы одурачивать такъ долго, хотя и не очень умную, но за то очень зоркую и недовѣрчивую женщину, какъ генеральша Вербинская. Авторъ, повидимому, не достаточно знакомъ съ помѣщиками описываемаго времени и съ ихъ бытомъ и совсѣмъ не знаетъ, какъ и что происходило, при составленіи уставныхъ грамотъ мировыми посредниками. Описанія событій этого періода представляютъ собою самую неудачную часть повѣсти г. Невѣжина. А затѣмъ слишкомъ нежданно и скоропалительно является на сцену взаимная любовь Леночки и Багряницына, окончившаго курсъ духовной академіи племянника приходскаго попа. Чтобъ уйти отъ „жестокой воли“ матери и избѣжать брака съ ненавистнымъ Тугановымъ, Леночка убѣгаетъ къ Багряницыну въ „столицу“, гдѣ онъ состоитъ учителемъ семинаріи. Несмотря на страстную любовь, Багряницынъ жениться на Леночкѣ не можетъ изъ опасенія лишиться мѣста учителя и дѣлается любовникомъ знатной барышни, не страшась послѣдствій, которыя въ его положеніи представлялись болѣе грозными, чѣмъ при бракѣ безъ благословенія родительницы невѣсты. Беременность дѣвушки не измѣняетъ положенія. Поставленный, наконецъ, въ необходимость рѣшиться на что-нибудь, учитель заявляетъ, что пострижется въ монахи, и убѣждаетъ Леночку вернуться къ матери, исполнить заповѣдь: „чти отца твоего и матерь твою“... Хорошъ гусь учитель!—скажетъ читатель.—Ему бы заповѣдь-то эту напомнить дѣвушкѣ, когда было еще не поздно говорить и о пятой, и о седьмой заповѣди. А разъ онъ этого не сдѣлалъ своевременно, то долженъ бы въ качествѣ магистра богословія понимать, что, кромѣ долга чести, есть еще двѣ заповѣди: „не убій“ и „не укради“. Багряницынъ воспользовался увлеченіемъ дѣвушки, ея неопытностью и безвыходностью ея положенія и „укралъ“, отнялъ у нея ея доброе имя, а тѣмъ самымъ онъ „убилъ“ ее нравственно. Сдѣлалъ онъ это изъ страха лишиться мѣста, а изъ боязни укоровъ совѣсти спрятался подъ монашескій клобукъ, растолковывая объ „искупленіи“ своего грѣха „подвигомъ“. Въ дѣйствительности такъ бываетъ, и г. Невѣжинъ это одобряетъ, даже умиленъ этимъ. Мы же съ почтеннымъ авторомъ не можемъ согласиться: грѣхи искупать можно и должно, но нельзя, ради искупленія своего грѣха, дѣлать подлости и губить ни въ чемъ неповинную дѣвушку. А Багряницынъ, въ монашествѣ отецъ Смарагдъ, дважды погубилъ злосчастную Леночку и совсѣмъ доканалъ ее тѣмъ,

что черезъ нѣсколько лѣтъ убѣдилъ тоже идти въ монастырь, пользуясь своимъ на нее вліяніемъ и не справляясь объ ея склонности и призваніи. Послѣдніе остатки своего разграбленнаго состоянія Леночка отдала монастырю, внеся обычный „вкладъ", требуемый при поступленіи. Монастырская жизнь пришлась ей не по вкусу и не по характеру, и игуменья выгнала генеральскую дочку изъ монастыря, давши десять рублей. На эти деньги кругомъ обобранная, измученная, въ конецъ разбитая дѣвушка, далеко уже не молодая и неспособная ни къ какому дѣлу, добралась до города, нашла пріютъ въ грязномъ чуланѣ постоялаго двора, живетъ нищенствомъ и пропиваетъ выпрошенныя деньги. А отецъ Смарагдъ аскетически шествуетъ по пути спасенія. Таково содержаніе повѣсти г. Невѣжина. Написана она неровно, отрывисто, безъ достаточнаго знанія среды и времени дѣйствія. Характеры дѣйствующихъ лицъ, хорошо задуманные, не выдержаны, оказались тусклыми и неопредѣленными, событія тянутся нестройно, то слишкомъ медленно, то чередуются съ неестественною быстротой и не всегда согласуются съ характерами дѣйствующихъ лицъ. Интересна и оригинальна только фигура генеральши, ея „жестокая воля" оказывается не прямолинейностью Кабанихи, напримѣръ, и не купеческимъ самодурствомъ, а совершенно особливою „крѣпостническою", барскою волей, перебалованною рабствомъ и провинціальнымъ угодничествомъ передъ богатою помѣщицей. Своеобразность этой фигуры въ значительной мѣрѣ искупаетъ многіе недостатки повѣсти.

Среди евреевъ. К. С. Литвина. Спб., 1897 г. Такъ озаглавленъ первый изъ семи разсказовъ, вошедшихъ въ эту книгу, и заглавіе это вполнѣ подходитъ ко всей книгѣ, такъ какъ въ нихъ во всѣхъ авторъ повѣствуетъ отъ перваго лица о своемъ пребываніи „среди евреевъ". По всей вѣроятности, авторъ самъ еврей. Говоримъ мы это потому, что намъ, чужимъ людямъ,—„гоямъ", по выраженію евреевъ,—весьма трудно знать такія подробности интимной жизни евреевъ, какія въ своей книгѣ раскрываетъ г. Литвинъ, что̀ и придаетъ, главнымъ образомъ, интересъ его произведеніямъ. Во всякомъ случаѣ, г. Литвинъ—человѣкъ достаточно образованный и развитой для того, чтобы относиться къ евреямъ и еврейству безъ ненавистничества, безъ враждебности и даже безъ насмѣшки надъ многимъ, что въ быту евреевъ такъ легко поддается глумленію со стороны людей, не умѣющихъ или не желающихъ различить за забавными, на нашъ взглядъ и въ наше время, за устарѣвшими формами серьезную сущность, въ которой почти три тысячи лѣтъ кроется устойчивость и сила народа Израилева. Авторъ хорошо знаетъ описываемую среду, но,—какъ намъ кажется,—нѣсколько увлекается „силою" еврейства и придаетъ чрезмѣрное значеніе „всесвѣтному кагалу", представляющему собой нѣчто вродѣ „великой державы", оказывающей нерѣдко рѣшающее вліяніе на политику и финансы всѣхъ европейскихъ государствъ. Мнѣніе это г. Литвинъ опредѣленно и, повидимому, убѣжденно, высказываетъ въ повѣсти, озаглавленной *Среди евреевъ*,—мало правдоподобной, на нашъ взглядъ, написанной на манеръ французскихъ романовъ „съ необычайными приключеніями". Въ этой повѣсти молодая образованная дѣвушка изъ русской дворянской семьи разсказываетъ о томъ, какъ она попала учительницей въ очень богатый еврейскій домъ, причемъ со стороны нанимателей первымъ условіемъ ей поставлено было, чтобы она сказалась и притворялась еврейкой, такъ какъ глава дома, старикъ милліонеръ Борухъ Бердичевскій, не тер-

питъ христіанъ и не допуститъ, чтобы не-еврейка обучала двухъ его внучекъ. Борухъ—человѣкъ совсѣмъ старозавѣтный, а сынъ его Махоелке, величающій себя Михаиломъ Борисовичемъ, и его супруга, „мадамъ" Бердичевская, хотятъ воспитать дочерей настоящими „барышнями" и поставить свой домъ на самый европейскій и аристократическій ладъ. Гувернантка, притворяясь еврейкой, должна обучать дѣвочекъ такимъ наукамъ, которыя сдѣлаютъ ихъ „барышнями", а ихъ мамашу—такимъ алюрамъ, которые превратятъ ее въ „аристократку". Имъ удалось обмануть хитраго старика Боруха какъ нельзя лучше, даже много лучше, чѣмъ они хотѣли. Гувернантка такъ ему понравилась, настолько заслужила его довѣріе, что Борухъ сдѣлалъ ее своимъ секретаремъ и открылъ молодой, никому неизвѣстной дѣвушкѣ всѣ самыя сокровенныя тайны „всесвѣтнаго кагала", во главѣ котораго онъ, Борухъ Бердичевскій, занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ. Но, прежде всего, кто такой этотъ Борухъ? Теперь онъ большой милліонеръ, а былъ онъ нищимъ жидкомъ, торговалъ ваксой и на улицахъ прохожимъ сапоги чистилъ, былъ „фурманщикомъ" (извозчикомъ), торговалъ всякою дрянью, разжился, разбогатѣлъ, но остался совершенно необразованнымъ, малограмотнымъ и дикимъ фанатикомъ. Превращеніе чистильщика сапогъ въ милліонера и въ коммерціи совѣтника въ средѣ евреевъ—вещь возможная, но превращеніе полуграмотнаго „фурманщика" въ члена „великаго синедріона"—дѣло очень мало вѣроятное. И уже совсѣмъ невѣроятно, чтобы кто-нибудь изъ заправилъ „всесвѣтнаго кагала" позвалъ въ свой кабинетъ молоденькую дѣвушку, раскрылъ передъ нею секретную шкатулку и сказалъ: „Тутъ вся моя тайная корреспонденція изъ всѣхъ концовъ міра"... Письма оказались изъ Вѣны, изъ Берлина, Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Константинополя, Іерусалима, Мадрида и множества другихъ городовъ. Письма на древне-еврейскомъ языкѣ старикъ отодвинулъ въ сторону, а написанныя на *европейскихъ* языкахъ подалъ для прочтенія дѣвушкѣ, обучавшейся въ гимназіи и на бестужевскихъ курсахъ. На всѣ эти письма дѣвушка, секретарь-полиглотъ, тутъ же и написала отвѣты. Вотъ это-то полиглотство мы находимъ столь же невѣроятнымъ, какъ и ни съ чѣмъ несообразную довѣрчивость умнаго и хитраго еврея,—крѣпчайшаго изъ сыновъ племени, самаго скрытнаго, осторожнаго и подозрительнаго въ мірѣ, того племени, осмотрительность котораго выработалась и изощрилась многовѣковою привычкой охранять свои секреты отъ всякаго посторонняго глаза. Къ тому же, никогда и ни одинъ восточный человѣкъ, ни одинъ семитъ не довѣритъ ни малѣйшей тайны женщинѣ въ силу племенного и вѣроисповѣднаго презрѣнія, съ которымъ люди эти относятся къ прекрасному полу, изначала, со временъ Евы, зарекомендовавшему себя съ нехорошей стороны своимъ легкомысліемъ. Неправдоподобіе этой части повѣсти и нѣкоторыхъ иныхъ разсказанныхъ въ ней приключеній не лишаетъ ее, однако, интереса въ томъ смыслѣ, что въ ней живо и вѣрно изображены разнообразныя фигуры изъ современной еврейской среды, съ ихъ типическими особенностями, характеризующими все русское еврейство сверху донизу и дающими правильное представленіе о разнородныхъ стремленіяхъ и аппетитахъ, разыгрывающихся въ этихъ кружкахъ, и о тѣхъ внутреннихъ сдержкахъ, которыя ихъ обуздываютъ. Какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ другихъ, яркими чертами отмѣчено огромное значеніе для общественной и семейной жизни евреевъ, ихъ кагала, ихъ собственнаго суда—„бетъ-дина", ихъ чтимыхъ

„цадиковъ", ихъ многочисленныхъ, вѣками освященныхъ суевѣрій и обрядовъ, со всѣхъ сторонъ опутывающихъ евреевъ, не только при жизни, но и послѣ смерти. Въ этомъ смыслѣ для мало знакомыхъ съ еврействомъ большой интересъ представляетъ разсказъ *Смерть дѣда Симхи*. Давно извѣстно, что евреи строго и съ буквальною точностью исполняютъ всѣ постановленія своего закона, что они безпощадно караютъ своихъ за нарушеніе уставовъ и жестоко мстятъ иновѣрцамъ, которыхъ считаютъ виновниками такихъ нарушеній. Въ ряду ихъ законовъ очень важное мѣсто занимаютъ тѣ, которыми охраняется чистота еврейской расы, какъ отъ примѣси въ нее иноземной крови, такъ и отъ внесенія еврейской крови въ чужое племя путемъ сожитія еврея съ не-еврейкой. Оба случая этого рода переданы въ разсказѣ *Искупленіе*, трагическій конецъ котораго изображаетъ мрачными красками ни передъ чѣмъ не останавливающійся фанатизмъ истинныхъ сыновъ и дочерей Израиля. Г. Литвинъ отмѣчаетъ не разъ въ своей книгѣ такую особенность въ отношеніяхъ евреевъ между собою и къ христіанамъ: „Въ натурѣ еврея вкоренилось нѣчто такое, что заставляетъ его постоянно чувствовать себя приниженнымъ въ присутствіи христіанъ. Какъ бы ни былъ еврей богатъ, цивилизованъ, развитъ, сколько бы ни презиралъ христіанъ, считая себя представителемъ высшей, избранной расы,—онъ въ присутствіи христіанина все-таки чувствуетъ себя неловко и всѣми силами старается подслужиться, выказать ему особое почтеніе. Эту еврейскую особенность удостовѣряетъ даже ихъ единовѣрецъ Лассаль"... и объясняетъ ее вліяніемъ „тысячелѣтій рабства". Авторъ находитъ такое объясненіе болѣе остроумнымъ, нежели вѣрнымъ, но своего объясненія не даетъ. И не намъ, конечно, дополнять этотъ пробѣлъ, почему мы и закончимъ нашъ отзывъ указаніемъ, что книга г. Литвина изображаетъ въ довольно интересной беллетристической формѣ многія мало извѣстныя и любопытныя черты быта евреевъ въ Россіи.

Въ штормъ. 12 разсказовъ, С. А. Энгельмана. Книгоиздательство Г. Г. Москвича. Одесса, 1897 г. Цѣна 1 рубль. Судя по этимъ двѣнадцати разсказамъ, можно предположить, что авторъ ихъ человѣкъ молодой и въ писательствѣ мало искусившійся, или же нуждающійся въ скоромъ заработкѣ, иначе онъ не сталъ бы на маленькіе разсказцы „истреблять" такіе сюжеты, изъ которыхъ болѣе опытный беллетристъ смастерилъ бы цѣлыя повѣсти, и каждая была бы объемомъ не меньше всей книжки г. Энгельмана. Таковы разсказы: *Поздно*, *Увлеченіе* и *Танюлька*, два послѣдніе—лучшіе въ книжкѣ. Вообще же г. Энгельманъ склоненъ къ трагизму, почерпаемому изъ газетныхъ сообщеній о „происшествіяхъ" мрачнаго характера. *Въ штормъ* старый капитанъ парохода случайно потопилъ встрѣчный пароходъ, которымъ командовалъ его прежній товарищъ, много лѣтъ назадъ отбившій у него любимую жену. Оскорбленный мужъ поклялся отомстить своему бывшему другу, потомъ простилъ его, помирился съ нимъ; но неосторожно данная клятва все-таки возымѣла свое дѣйствіе, и месть совершилась роковымъ образомъ, причемъ дѣло не обошлось и безъ привидѣнія... Это весьма плоховато, напоминаетъ повѣсти тридцатыхъ годовъ. Въ такомъ же родѣ сочинены разсказы изъ кавказской жизни: *Мѣсто исцѣленія*, *Преступленіе*, *Гувернантка*. Напрасно сталъ бы увѣрять авторъ въ томъ, что разсказанныя имъ событія совершились на самомъ дѣлѣ и взяты имъ изъ дѣйствительности. Читателю до этого нѣтъ никакого дѣла, ибо въ этихъ повѣствованіяхъ нѣтъ ни смысла, ни мысли. Изъ

нихъ можно сдѣлать только одинъ выходъ: мало ли какія дикости и безобразія творились и творятся въ мало цивилизованныхъ странахъ некультурными людьми. Это уже дѣло публицистики раскрывать подобные факты, при непремѣнномъ условіи указать, гдѣ и когда они совершились и кѣмъ удостовѣрены или могутъ быть засвидѣтельствованы. Хорошій вымыселъ неизмѣримо лучше ничего не значащей и ничего не доказывающей были. Подъ заглавіемъ *Поздно* разсказана такая исторія: молодой офицеръ женился на консерваторкѣ, удачно дебютировавшей на сценѣ. Генералъ, начальникъ офицера, давшій разрѣшеніе на бракъ, узналъ объ этомъ дебютѣ только послѣ свадьбы, сдѣлалъ офицеру суровый выговоръ за то, что тотъ скрылъ отъ начальства профессію невѣсты, и категорически потребовалъ немедленной отставки, такъ какъ „честь мундира“ не дозволяетъ офицеру жениться на „актрисѣ“. Такую „честь“ полка отстаиваютъ не столько товарищи офицера, сколько „полковыя дамы“, жены офицеровъ. Молодой человѣкъ впалъ въ такое отчаяніе отъ крушенія своей карьеры, что въ ту же ночь застрѣлился. По утру генералъ измѣнилъ свое жестокое рѣшеніе, хотѣлъ дать возможность офицеру продолжать службу, переведясь въ другой полкъ, но было уже „поздно“. Такое понятіе о „чести“ существуетъ на самомъ дѣлѣ,—весьма странное понятіе, ведущее не всегда, разумѣется, и даже очень рѣдко къ столь трагической развязкѣ, но, тѣмъ не менѣе, оно препятствуетъ, вѣроятно, многимъ офицерамъ жениться по любви, а для женившихся дѣлаетъ невозможною дальнѣйшую службу въ полку. Офицеръ, соблазнившій молодую дѣвушку и бросившій ее, швырнувши ей денегъ, никакого ущерба „чести мундира“ не наноситъ и преспокойно молодечествуетъ въ томъ же полку, въ кругу тѣхъ же товарищей и ихъ законныхъ супругъ, играющихъ только на любительскихъ спектакляхъ... Исторія такой соблазненной простой дѣвушки передана авторомъ въ разсказѣ *Танюлька*. Только молодому барчуку не удалось откупиться нѣсколькими сотнями рублей, какъ онъ хотѣлъ это сдѣлать. За дѣвушку вступился влюбленный въ нее полякъ управляющій и поставилъ барчуку на выборъ—или тотчасъ жениться, или стрѣляться. Барчукъ предпочелъ первое, и Танюлька оказалась не только прекраснѣйшею женой и матерью, но и отличною хозяйкой, сумѣвшею привести въ наилучшій порядокъ разстроенное имѣніе своего мужа. Только супругъ и черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ женитьбы не можетъ помириться съ своею участью: въ своемъ домѣ и въ своей семьѣ „онъ кажется чужимъ, и вѣчно-недовольная надменная улыбка не сходитъ съ его блѣдныхъ, тонкихъ губъ“... Въ разсказѣ *Увлеченіе* герой, Ботинъ, измѣняетъ молодой, умной и красивой женѣ изъ-за того, что она не наряжается для него дома, не устраиваетъ себѣ эффектныхъ прическъ, не находитъ нужнымъ передъ нимъ кокетничать. Ботинъ увлекается нѣкоею Владиной, которая все это продѣлываетъ такъ искусно, что любовникъ не замѣчаетъ, насколько она старше, хуже, неуклюжѣе и глупѣе его жены. Измѣна открывается, Ботинъ приводитъ въ свое оправданіе такія соображенія: „Знаешь, Соня, женщина всегда должна оставаться женщиной, она всегда должна быть кокетлива, ея присутствіе должно насъ волновать, такъ сказать, щекотать намъ нервы. Мы, идя домой, должны невольно предвкушать сладость свиданія съ хорошенькою женщиной“. — „Бѣдный Вася“, — подумала жена, потомъ сказала это вслухъ, поздно раскусила, что онъ глупъ и пошлякъ, и уѣхала отъ него „навсегда“. Узнавши объ этомъ, Владина поспѣшила явиться къ Ботину „по-домашнему, не въ прибо-

рѣ", и тутъ только онъ разсмотрѣлъ, „какая она отвратительная". Ботинъ убѣжалъ отъ увлекшей его дамы и съ новою силой увлекся женой. Но та рѣшительно отказалась когда-либо опять сойтись съ нимъ и зажила самостоятельною, трудовою и разумною жизнью. Весь недостатокъ этихъ послѣднихъ разсказовъ — въ ихъ отрывочной, совсѣмъ недодѣланной формѣ, напоминающей фельетоны небольшихъ провинціальныхъ газетъ.

ПЕДАГОГИКА.

„Елабужское городское трехклассное училище". Историч. записка, составл. учител.-инспекторомъ *Н. Кудше.*—„За дѣтей". *И. М. Радецкаго.*

Елабужское городское трехклассное училище (1809 — 1896). Историческая записка. Составилъ учитель-инспекторъ Н. Кудше. Цѣна 1 р. 25 к. Изданіе почетнаго смотрителя училища Прохора Гирбасова. Сборъ съ означеннаго изданія поступитъ на учрежденіе при городскомъ училищѣ одной стипендіи. Казань, 1896 г. Историческіе обзоры жизни того или иного учебнаго заведенія интересны по преимуществу съ двухъ сторонъ. Судьба каждой школы представляетъ собою отраженіе жизни всего общества, той духовной эволюціи, которую государство переживаетъ въ разныя эпохи своего существованія,—то подъемъ, то упадокъ жизненныхъ силъ, жизненнаго нерва страны.

Внутренняя жизнь современной нашей школы тщательно закрыта отъ глазъ общества, ревниво оберегается отъ взоровъ всякаго посторонняго наблюдателя. Историческіе очерки, дающіе намъ свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ знакомятъ насъ, правда, заднимъ числомъ, со многими интересными явленіями въ жизни школы, которыя остаются поучительными и для нашихъ дней. Иные факты прошлаго интересны и въ томъ отношеніи, что даютъ намъ возможность наглядно убѣдиться, насколько въ томъ или другомъ отношеніи мы ушли впередъ.

Въ первую половину нашего столѣтія едва ли не самой отличительною чертой русскаго педагога, особенно преподающаго въ низшемъ учебномъ заведеніи, было безпросвѣтное пьянство. Въ елабужскомъ уѣздномъ училищѣ учитель русскаго языка Мутинъ входилъ въ классъ съ мутной головой. Въ то время, когда ученики ожидали появленія его въ классъ, штатный смотритель заставалъ его на диванѣ въ учительской въ объятіяхъ Морфея.

Нерадѣнію учителей вполнѣ соотвѣтствовала и лѣность питомцевъ. Нехожденіе учениковъ въ классы было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, и бороться съ этимъ не было никакой возможности. Огромное число учениковъ принадлежало къ неуспѣвающимъ, многіе изъ нихъ признавались неспособными, исключенія изъ училища бывали явленіями заурядными. Единицы и двойки—самыя обыкновенныя отмѣтки, а пятерокъ не бывало въ иномъ классѣ никогда.

Преподаваніе велось просто: задавали по книгѣ и спрашивали, спрашивали и задавали. Хуже всего преподавался законъ Божій. Въ замѣчаніяхъ оффиціальныхъ ревизоровъ, посѣщавшихъ уѣздное училище, то и дѣло встрѣчались жалобы, что изъ катехизиса или священной исторіи ученики отвѣчаютъ *буквально,* то-есть слово въ слово по книгѣ. Это послѣднее явленіе не искоренилось, впрочемъ, и потомъ и въ огромномъ большинствѣ учебныхъ заведеній сохраняется во всей своей силѣ и теперь.

Даже въ 1896 году попечитель округа констатируетъ, что по русскому языку господствуетъ въ уѣздныхъ училищахъ „буквальное" преподаваніе одной грамматики безъ всякихъ практическихъ упражненій въ языкѣ. Преподаваніе исторіи велось такъ же неудовлетворительно, какъ ведется въ большинствѣ школъ теперь: заучивались по учебнику факты безъ соотвѣтствующихъ со стороны учителей разъясненій. Уроки географіи состояли въ томъ же, въ чемъ почти исключительно состоятъ они и теперь: въ сплошной номенклатурѣ, „скучной и обременяющей память".

Но вотъ, въ разгаръ живительной эпохи 60-хъ годовъ, обновленіе общей жизни въ странѣ отражается и на школѣ. Просвѣщенный попечитель Казанск. учебн. округа П. Д. Шестаковъ преисполненъ самыхъ благихъ плановъ и пожеланій. Онъ внушаетъ учителямъ раціональныя идеи новѣйшей педагогики. Кто могъ, по своему умственному развитію и педагогическимъ способностямъ, тотъ охотно шелъ на встрѣчу идеаламъ попечителя-педагога. Оживляется дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ, оживляется и преподаваніе предметовъ. Разгарается усиленная, энергичная борьба съ лѣностью учащихся. Къ сожалѣнію, мѣры для этой борьбы принимаются зачастую самыя нелѣпыя, что объясняется неопытностью педагоговъ. Эти же нелѣпости повторяются и теперь только не по неопытности, а подъ вліяніемъ рутины. За шалости учениковъ оставляютъ „безъ обѣда". Оставшись послѣ урока одни, они выдумывали новыя шалости, которыя, можетъ быть, никогда бы не пришли имъ въ голову, еслибъ ихъ отпустили домой. Чтобы не было бѣглецовъ, у нихъ отбирали шапки или запирали платье, иногда отбирали даже хлѣбъ. Отчаянные шалуны или лѣнтяи легко обходили послѣднее наказаніе, наѣдаясь до-сыта передъ совершеніемъ проступка, или ухитряясь запрятать хлѣбъ туда, куда бы никому въ голову не пришло заглянуть. Ученикъ Стрѣльниковъ былъ высѣченъ за то, что прибивалъ ломти хлѣба къ верхней крышкѣ парты изнутри.

Подобныя наказанія и какая-то фанатическая вѣра въ пользу карательныхъ мѣръ—заблужденіе, отъ котораго мы нисколько не исправились до сихъ поръ.

Улучшеніе методовъ преподаванія, забота объ осмысленности всего дѣла обученія, внесеніе принципа наглядности, постоянныя бесѣды учителей между собою о пріемахъ обученія, съѣздъ учителей, съѣздъ директоровъ училищъ и проч. и проч.,—всѣ подобныя явленія, знаменовавшія собою наступленіе новой эры въ жизни школы, выступившія въ эпоху реформъ, пріостановились въ 70-хъ годахъ, какъ и слѣдовало ожидать.

Кто интересуется исторіей русской школы, тотъ найдетъ въ этой книгѣ не мало полезнаго для себя матеріала.

За дѣтей. Скромные труды въ дѣлѣ возрожденія. (Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ призрѣнія, воспитанія и защиты молодого поколѣнія, съ приложеніемъ отзывовъ прессы о дѣятельности автора.) И. М. Радецкаго. Одесса, 1896 г. Цѣна 1 руб. 30 коп. На книгѣ надпись: „Авторъ покорнѣйше проситъ содѣйствія". Выписавши добросовѣстно длинный заголовокъ книги, вмѣстѣ съ припиской автора, мы должны откровенно сознаться, что поставлены теперь въ неловкое положеніе. Намъ предстоитъ одно изъ двухъ; или огорчить автора этихъ „скромныхъ трудовъ", не исполнивши его рукописной просьбы, или же, въ противномъ случаѣ, навлечь на себя неудовольствіе читателей, которые вздумали бы купить скромные тру-

ды, понадѣявшись на нашу рекомендацію. Изъ этихъ двухъ перспективъ выбираемъ первую и рѣшительно заявляемъ, что никакого „содѣйствія“ мы въ настоящемъ случаѣ оказать не можемъ, несмотря даже на то, что „чистый доходъ отъ продажи *Сборника* предназначается,—какъ сказано на обложкѣ,—на устройство сельско-хозяйственной и ремесленной колоніи для уличныхъ и безпризорныхъ дѣтей“, къ устройству которой „предполагается приступить въ 1899 г.“ (стр. VII „Вмѣсто предисловія“). Собственно говоря, книга эта начинается и оканчивается крайне развязнымъ прославленіемъ собственной особы автора, причемъ онъ не удовольствовался тѣмъ, что перепечаталъ изъ одного малораспространеннаго и теперь уже прекратившагося журнала три неумѣренно-хвалебныя статьи о своей дѣятельности, принадлежащія перу извѣстнаго и почтеннаго писателя, очевидно, введеннаго нѣкогда въ заблужденіе необыкновенною развязностью г. Радецкаго, но не пренебрегъ затѣмъ даже мелкими замѣтками „хроникъ“ различныхъ провинціальныхъ газетъ, отмѣтивши аккуратно названія послѣднихъ, нумера и годы. Такимъ образомъ, открывая книгу, читатель встрѣчаетъ прежде всего на внутренней сторонѣ обложки „Воззваніе“ самого автора, гдѣ онъ, говоря о своемъ рѣшеніи устроить колонію обѣщается „посвятить себя („при участіи учительницы“) этому *скромному* и трудному дѣлу“; далѣе слѣдуетъ *Вмѣсто предисловія*, подписанное таинственнымъ незнакомцемъ, скрывшимся подъ буквами „А. Д.“ и перечисляющимъ на 4-хъ страницахъ великіе и неутомимые труды и заслуги „Ивана Марковича“, не забывающимъ въ то же время упомянуть „о томъ, какую массу энергіи, труда и времени пришлось употребить Ивану Марковичу на осуществленіе въ общественной жизни своихъ идей“, послѣ чего читатель встрѣтитъ замѣтку уже самого Ивана Марковича, написанную „по просьбѣ друзей въ интересахъ дѣтскаго дѣла“, подъ заглавіемъ: *Какъ я организовалъ Общества содѣйствія воспитанію дѣтей*. Здѣсь описываются подробно подвиги автора, состоящіе въ „страшной борьбѣ“ его съ „инертностью русскаго общества“, недостаточно развитаго для воспріятія общественныхъ идей автора, метавшагося съ „юга“ на „сѣверъ“ и съ сѣвера на югъ, по всѣмъ городамъ, проповѣдуя, подготовляя почву, посѣщая учебныя заведенія, врачей, профессоровъ, педагоговъ, читая публичныя лекціи, напрягая всѣ свои силы, утомляясь, изнемогая, сваливаясь съ ногъ, доходя до изнеможенія, складывая оружіе (временно, для отдыха) и принимаясь снова за „пропаганду“. Зачѣмъ все это? „Такъ нужно“... отвѣчаетъ скромный дѣятель. „Моя *скромная* задача сводится къ тому, чтобы въ каждомъ городѣ организовались Общества воспитанія и защиты дѣтей“. Только и всего. Но какъ ни знаменитъ этотъ титанъ нашихъ дней, а все-таки въ инертномъ русскомъ обществѣ найдутся невѣжды, не имѣющіе о немъ понятія. Для такихъ невѣждъ напечатаны далѣе вышеупомянутые „отзывы“ почтеннаго писателя, которыми собственно и начинается книга, и изъ которыхъ они могутъ узнать, что И. М. Радецкій—„одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые составляютъ „соль земли“, и миссія которыхъ—„глаголомъ жечь сердца людей“; что онъ является „истымъ апостоломъ идеи“, „свѣточемъ-искупителемъ“; что такіе дѣятели „одиноки пока: но одиноко же загоралась въ полуночномъ небѣ и та „звѣзда на востокѣ“, которая вела къ Виѳлеему!“ (?!) Прочитавши столь необыкновенныя и неожиданныя похвалы и характеристики увлекшагося идеалиста, нашъ авторъ принялъ все это за чистую монету и дѣйствительно усвоилъ себѣ апостольски-проповѣд-

ническій тонъ, которымъ и написано большинство его скромныхъ трудовъ, характерныхъ даже по однимъ заголовкамъ: *Подумаемъ о дѣтяхъ, Подумайте о дѣтяхъ, Въ дѣтяхъ будущее человѣчества* и т. п. Послѣднее „изреченіе“ особенно понравилось нашему проповѣднику,—онъ употребляетъ его еще и въ качествѣ эпиграфа къ своей книгѣ и къ нѣкоторымъ статьямъ, повторяетъ его, какъ и нѣкоторыя другія, и въ срединѣ статей, и въ концѣ ихъ и въ началѣ. Вообще же всѣ безчисленныя его статьи крайне однообразны не только по излюбленнымъ выраженіямъ и словечкамъ, но и по содержанію. Послѣднее, варьируемое на разные лады, состоитъ въ утвержденіи той истины, что для дѣтей нуженъ чистый воздухъ и полезны игры на открытыхъ площадкахъ, и что многія дѣти лишены того и другого. Проповѣдь такихъ великихъ и новыхъ истинъ является содержаніемъ всѣхъ почти его статей, замѣтокъ, „лекцій“, въ которыхъ кромѣ того постоянно зачѣмъ-то упоминается и подчеркивается безъ конца о *скромности* автора. Поэтому предсказывавшаяся автору миссія—глаголомъ жечь сердца людей—вызываетъ лишь улыбку. И если этотъ „свѣточъ-искупитель“ то и дѣло заставляетъ о себѣ говорить въ разныхъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ онъ, судя по газетамъ, и до сего времени все продолжаетъ читать свои „лекціи“, то подобный фактъ показываетъ лишь, какъ бѣдно провинціальное общество большинства русскихъ городовъ дѣйствительно полезными чтецами и какъ скудно удовлетворяются его запросы въ этомъ отношеніи... Но когда тотъ же „дѣятель“ попадаетъ въ иной центръ, обставленный нѣсколько счастливѣе, тогда онъ встрѣчаетъ тамъ себѣ и должную оцѣнку, вполнѣ соотвѣтствующую достоинству его „лекцій“. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ одну изъ такихъ лекцій хроникеръ газеты *Сѣверный Кавказъ* (1897 г. № 15): „Въ пятницу 14 и въ субботу 15 февраля, въ залѣ ставр. общественнаго собранія, состоялось двѣ публичныя лекціи члена Спб. Общества содѣйствія физич. воспитанію дѣтей И. М. Радецкаго, на извѣстную тему: причины слабости молодого поколѣнія и чего недостаетъ нашимъ дѣтямъ,—вопросы настолько первостепенной важности, что даже наша ставропольская публика, не особенно большая охотница слушать „умныя рѣчи“, въ трепетномъ чаяніи „новаго слова“, раскупила почти всѣ билеты на 1-ю лекцію г. Радецкаго. Къ сожалѣнію, лекторъ оказался настолько неопытнымъ ораторомъ и малосвѣдущимъ диллетантомъ въ областяхъ затронутыхъ имъ спеціальностей, что большинство слушателей не могло даже резюмировать, что было говорено г. Радецкимъ битыхъ 2 часа. На вторую лекцію публики явилось уже втрое меньше. Содержаніе лекціи, за небольшими добавленіями, было почти то же, что и въ первый разъ, хотя она съ десяти - минутнымъ перерывомъ продолжалась чуть ли не 3 часа. Публика прослушала ее съ тѣмъ же замѣтнымъ утомленіемъ и единодушнымъ выводомъ, что все то, что было сказано г. Радецкимъ, при большемъ уваженіи къ слушателямъ, можно было бы безъ ущерба дѣлу изложить въ 30—40 минутъ“. Цитированный нами хроникеръ упомянутой газеты совершенно напрасно, послѣ приведенныхъ правдивыхъ строкъ, находитъ нужнымъ сказать: „При всемъ томъ, конечно, нельзя не быть благодарнымъ г. Радецкому за его пропаганду на пользу молодого поколѣнія“ и т. д. Самый отзывъ о „лекціи“ уже свидѣтельствуетъ краснорѣчиво о томъ глубокомъ и, можетъ-быть, надолго непоправимомъ вредѣ, который приносятъ хорошему дѣлу люди, подобные г-ну Радецкому: и безъ того неохотница слушать „умныя рѣчи“ (т.-е. скучныя. незанимательныя)

публика, однако, увлеклась, измѣнила обычаю — пошла на лекцію. И что же?—г. Радецкій ее только укрѣпилъ въ убѣжденіи, что „умныя рѣчи“—не стоитъ слушать. Дождитесь-ка теперь, когда эта публика снова соберется на лекцію, можетъ-быть и заслуживающую вниманія, и дѣйствительно умную.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Современная Турція“. Очерки и разсказы *Юрія Кази-Бека.*

Современная Турція. Очерки и разсказы о царствѣ Османовъ. Юрія Кази-Бека. Спб., 1897 г. Изданіе П. П. Сойкина. Цѣна 50 к. Считаемъ долгомъ предупредить читателя, что „очерки и разсказы“ г. Кази-Бека не имѣютъ ничего общаго съ беллетристикой. Это— „взглядъ и нѣчто“ путешественника, побывавшаго въ Европейской и въ Азіатской Турціи, видѣвшаго своими глазами рѣзню армянъ въ Константинополѣ и имѣвшаго случай говорить объ армянскихъ дѣлахъ съ нѣкоторыми лицами, близко знакомыми съ прискорбными событіями, обратившими вниманіе Европы на такъ называемый „армянскій вопросъ“,—по-просту говоря, на звѣрства турокъ и курдовъ въ Малой Азіи и въ самой столицѣ султана. Главы, въ которыхъ передаются личныя впечатлѣнія автора, составляютъ самую интересную часть книги. Разсказы о султанахъ Османѣ, Махмудѣ II, Абдулъ-Азисѣ, Мурадѣ V и Абдулъ-Гамидѣ—имѣютъ очень отрывочный, анекдотическій характеръ, не дающій никакого опредѣленнаго представленія о личности этихъ государей. Всего менѣе удалось автору описаніе одного изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи Турціи, а именно—разсказъ объ уничтоженіи янычаръ Махмудомъ II и о реформахъ, произведенныхъ этимъ султаномъ,—реформахъ, измѣнившихъ только костюмъ турокъ и оказавшихъ очень небольшое вліяніе на внутренніе распорядки въ имперіи, напоминающіе отчасти то, что дѣлалось у насъ, на Руси, въ до-Петровскія времена и остающіеся до нашихъ дней почти такими же, какими они были до замѣны Махмудомъ старинной чалмы феской и широчайшихъ шароваръ узкими панталонами. О положеніи женщинъ въ Турціи авторъ даетъ крайне слабое понятіе, хотя посвящаетъ этому цѣлую главу. Въ ней большое мѣсто отведено султанскому гарему, вскользь упоминается о женщинахъ богатыхъ и чиновныхъ людей и совсѣмъ не говорится о бытѣ женщинъ средняго и низшаго классовъ, гдѣ въ качествѣ супруги и матери она оказываетъ, вѣроятно, гораздо большее вліяніе на семью, чѣмъ въ высшемъ столичномъ кругу. Г. Кази-Бекъ убѣжденно говоритъ о близкой смерти „больного человѣка“, т.-е. царства Османовъ,—по меньшей мѣрѣ, о близкомъ концѣ ихъ господства на Балканскомъ полуостровѣ. Объ этомъ говорятъ и пишутъ уже лѣтъ семьдесятъ, а „больной человѣкъ“,—несомнѣнно, очень больной,—все же не умираетъ, изъ-за невозможности для „здоровыхъ“ столковаться о раздѣлѣ имѣющаго открыться наслѣдства. А тѣмъ временемъ этотъ „больной“ рѣжетъ и грабитъ армянъ совершенно безнаказанно и будетъ ихъ грабить и рѣзать до тѣхъ поръ, пока „европейскій концертъ“ не наладится на гуманный ладъ, отложивши въ сторону своекорыстныя побужденія. Глава, посвященная курдамъ, не даетъ никакого понятія о курдахъ и ихъ отношеніяхъ къ армянамъ и къ туркамъ, хотя авторъ и былъ близко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ разыгрывались кровавыя сцены, вызванныя столкновеніемъ этихъ трехъ

племенъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, о финансахъ, арміи и флотѣ Турецкой имперіи крайне недостаточны, едва ли достовѣрны и, во всякомъ случаѣ, не уясняютъ настоящаго положенія силъ Турціи. Въ общемъ, при большой заманчивости заглавія, „очерки и разсказы о царствѣ Османовъ" не составляютъ ни малѣйшаго вклада въ литературу о современной Турціи, и написаны они далеко не правильнымъ языкомъ.

ИСТОРІЯ.

„Послѣдніе дни одного общества". *Г. Могра.* — „Личность Императора Николая I и его эпоха". *Янковскаго.*—„Объ отношеніи императора Николая I и А. С. Пушкина". *Проф. Пѣтухова.*—„Замѣтки о сборникѣ Кирши Данилова". *П. Н. Шеффера.*—„Изслѣдованія и статьи Н. О. Эмина по армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы".

Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Лозенъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи-Антуанеты. Г. Могра. Пер. съ франц. Изд. Пантелѣева. Спб., 1897 г. За послѣдніе годы, какъ извѣстно, у насъ замѣчается усиленная дѣятельность по части перевода научно-популярныхъ сочиненій, что̀, конечно, главнымъ образомъ объясняется усилившимся спросомъ на такія книги. Главный недостатокъ этой дѣятельности, какъ это не разъ уже указывалось, заключается въ далеко не всегда удачномъ выборѣ оригиналовъ для перевода: то берутся чисто-ученыя сочиненія, нужныя только для спеціалистовъ, которые, конечно, предпочтутъ ознакомиться съ ними въ подлинникѣ, то сочиненія, въ научномъ отношеніи стоящіе ниже всякой критики и потому скорѣе вредныя, чѣмъ полезныя, то книги, написанныя въ формѣ неумѣлой популяризаціи, то, наконецъ, книги съ неинтереснымъ содержаніемъ. Книга Могра въ этомъ смыслѣ представляетъ счастливое исключеніе и смѣло можетъ быть рекомендована любителямъ интереснаго историческаго чтенія. Интересна она уже по самому своему сюжету: людямъ нашего дѣлового вѣка представляется чѣмъ-то чудовищнымъ тепличная жизнь двора и знати старой Франціи, съ такимъ мастерствомъ анализованная Тэномъ въ его *Старомъ порядкѣ;* въ книгѣ Могра читатель найдетъ массу иллюстрацій къ положеніямъ Тэна. Изъ нея онъ увидитъ, какъ шло воспитаніе одного изъ самыхъ блестящихъ представителей старой знати, котораго ласкала сама Помпадуръ, какъ его женили и онъ началъ „развлекаться" въ салонахъ Парижа и Лондона, какъ произошло возвышеніе Дюбарри и ей удалось свергнуть Шуазеля, какъ отнеслось къ его паденію общество, какъ одно время, благодаря близости къ королевѣ, Лозенъ чуть не сталъ политическимъ дѣятелемъ, какъ изъ желанія попасть въ Варшаву вслѣдъ за своею пассіей, которую онъ отбилъ у извѣстнаго Репнина, Лозенъ пустился было, но такъ же неудачно, въ дипломатію, какъ онъ участвовалъ въ американской войнѣ и вмѣстѣ со своимъ полкомъ терпѣлъ лишенія отъ неурядицы въ администраціи, какъ онъ разорился изъ-за своей расточительности, во время революціи остался во Франціи, защищалъ ее отъ враговъ и, все-таки, сложилъ голову на эшафотѣ. Однимъ словомъ, это—настоящій романъ, имѣющій передъ выдуманными то преимущество, что онъ изображаетъ дѣйствительно бывшее. Но нельзя сказать, чтобы форма книги отличалась особенными достоинствами. Главный недостатокъ автора — неумѣнье или нежеланіе отличать главное отъ побочнаго, важное отъ пустого: для него

фактъ важенъ безразлично отъ его значенія и интереса, и онъ съ добросовѣстностью записного біографа считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ не пропустить ни одного имени въ безконечномъ спискѣ пассій Лозена, хотя бы кромѣ имени о лицѣ почти ничего не было извѣстно. И вотъ передъ нами длинною вереницей проходитъ рядъ женскихъ именъ, утомляя вниманіе своимъ однообразнымъ движеніемъ. Вредитъ также книгѣ и восторженное отношеніе автора къ ея герою. Можно, пожалуй, допустить, что Лозенъ далеко не былъ такъ черенъ, какъ его обыкновенно изображаютъ, дѣлая его козлищемъ отпущенія за грѣхи стараго общества; но, съ другой стороны, стремленіе автора во всемъ оправдывать его производитъ на читателя расхолаживающее дѣйствіе. Въ этомъ отношеніи, а также по невниманію къ темнымъ сторонамъ описываемой эпохи, Могра, пожалуй, напоминаетъ другого біографа—г. Барсукова съ его жизнеописаніемъ Погодина. Но есть между ними и существенная разница: г. Барсуковъ, какъ извѣстно, и кстати и некстати приводитъ массу данныхъ, не имѣющихъ прямого и даже вовсе никакого отношенія къ Погодину, но важныхъ для характеристики эпохи; Могра строже придерживается рамокъ біографіи и только изрѣдка выходитъ изъ нихъ, такъ что надежды, внушенныя читателю заглавіемъ, не вполнѣ оправдываются. Въ своей книгѣ авторъ хотѣлъ соединить біографію лица съ общей картиной нравовъ эпохи—задачи трудно примиримыя. Онъ нарушилъ единство біографіи, но не далъ общей характеристики, внеся въ нее черты, не имѣющія даже біографическаго значенія. Послѣдній отдѣлъ книги, посвященный дѣятельности Лозена (тогда уже Бирона) въ эпоху революціи, могъ бы представить особенный интересъ, изображая положеніе аристократа, не примкнувшаго къ эмиграціи, а оставшагося вѣрнымъ Франціи, хотя бы и республиканской, защищавшаго ее отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и, наконецъ, павшаго жертвою административной неурядицы и подозрительности якобинцевъ. Но для этого было бы нужно привести въ связь біографическіе факты съ общими условіями эпохи, чего авторъ не сдѣлалъ въ достаточной степени; поэтому его изложеніе получило характеръ отрывочности и неясности. Въ ученомъ отношеніи книга Могра едва ли можетъ имѣть значеніе, да на него не претендовалъ и самъ авторъ, избѣгавшій по возможности выносокъ, т.-е. не указывавшій источниковъ своихъ нерѣдко весьма интересныхъ сообщеній. Замѣчанія его о подлинности мемуаровъ Лозена представляются довольно убѣдительными, но и здѣсь ему приходится вѣрить на слово. Переводъ исполненъ вполнѣ удовлетворительно. Жаль, что не обозначено имени переводчика. Внѣшность книги вполнѣ приличная, но цѣна (3 р. за 34 листа) слишкомъ высокая.

Личность Императора Николая I и его эпоха. Янковскаго. Варшава, 1897 г. Г. Янковскій далъ сжатый разсказъ юбилейнаго характера о жизни и дѣятельности Императора Николая I. Односторонній подборъ фактовъ вызванъ, конечно, и близостью къ намъ описываемаго времени, которая мѣшаетъ историческому безпристрастію и безстрастію, и юбилейными требованіями. Безпорядочности изложенія, отсутствія опредѣленнаго плана можно было бы и избѣжать. Грубыхъ ошибокъ и натяжекъ мы не замѣтили.

Объ отношеніяхъ Императора Николая I и А. С. Пушкина. Проф. Пѣтухова. Юрьевъ, 1897 г. Г. Пѣтуховъ основалъ свой разсказъ объ отношеніяхъ между Николаемъ I и Пушкинымъ, сыгравшихъ крупную роль въ біографіи великаго поэта, на извѣстномъ трудѣ г. Су-

хомлинова, свидѣтельствахъ самого Пушкина и полу-апокрифическихъ „Запискахъ“ А. О. Смирновой. Г. Пѣтуховъ не замѣтилъ, какъ эти источники рѣзко расходятся въ подробностяхъ и по существу. Еслибъ онъ привелъ другія современныя данныя, онъ убѣдился бы, насколько произвольно, мѣстами безтолково переработаны кѣмъ-то „Записки“ Смирновой.

Пробѣлы и пользованіе сомнительными источниками лишаетъ брошюру г. Пѣтухова всякаго научнаго значенія.

Замѣтка о сборникѣ Кирши Данилова. П. Н. Шеффера. Спб., 1896 г. До послѣдняго времени считали утерянною рукопись знаменитаго сборника Кирши Данилова. Недавно проникли было въ печать, но потомъ быстро замолкли слухи о счастливой находкѣ оригинала, съ котораго было напечатано первое изданіе. Г. Шефферъ, послѣ нѣкотораго перерыва, возобновилъ поднятый вопросъ и далъ новыя любопытныя свѣдѣнія.

Повидимому, найдена рукопись, которая была подъ руками первыхъ издателей и которая была списана въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка съ болѣе ранняго оригинала. Рукопись эта содержитъ нѣсколько пѣсенъ, не попавшихъ своевременно въ печать благодаря тогдашнимъ цензурнымъ требованіямъ. Одну изъ нихъ, очень интересный варіантъ пѣсни о „Голубиной книгѣ“ г. Шефферъ напечаталъ въ приложеніи. Почему не напечатаны остальныя? Вѣдь Академія Наукъ во многихъ своихъ изданіяхъ не останавливалась передъ печатаніемъ не совсѣмъ цензурныхъ произведеній: почему же именно теперь ее охватила чисто-институтская стыдливость? Издавая брошюру г. Шеффера, Академія могла бы его уполномочить познакомить русскихъ ученыхъ и съ остальнымъ не напечатаннымъ матеріаломъ драгоцѣннаго сборника. Для исторіи послѣдняго г. Шефферъ далъ кое-какія интересныя черты.

Изслѣдованія и статьи Н. О. Эмина по армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы (за 1858—1884 гг.). М., 1896 г. Завѣщательнымъ распоряженіемъ покойнаго армениста Н. О. Эмина, бывшаго профессора Лазаревскаго институра восточныхъ языковъ, оставленъ капиталъ, который долженъ храниться неприкосновеннымъ, а проценты съ него обращаться на изданіе сборниковъ по армянской этнографіи, съ посвященіемъ его памяти. Серія изданій *Этнографическаго фонда Н. О. Эмина* открылась печатаніемъ (1893 г.) новаго перевода исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Трудъ этотъ былъ исполненъ знаменитымъ арменистомъ въ послѣдніе годы его неослабно-трудовой жизни, послѣ многосторонняго изученія этого любимаго имъ армянскаго писателя. Нынѣ вышелъ второй выпускъ *Этнографическаго фонда Н. О. Эмина*, заключающій въ себѣ *Изслѣдованія и статьи Н. О. Эмина по армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы* (за 1858 по 1884 г.). Статьи эти являлись, по большей части, какъ предисловія и приложенія къ капитальнымъ переводамъ покойнаго армениста, или же статьями въ *Трудахъ московскаго русскаго археологическаго общества*, а также отдѣльными изданіями. Какъ новинка въ этомъ выпускѣ, впервые появляется въ печати статья *Объ Іоаннѣ Цимисхіи*, отрывокъ изъ Матѳея Эдесскаго. Въ видѣ приложенія напечатаны переводы армянскихъ историковъ: I. Махемедъ, по армянскимъ источникамъ; II. О великомъ на царствѣ Орбеліановъ (изъ исторіи Степана Сюникскаго), III. О монголахъ (изъ того же историка) и объ Іоаннѣ Цимисхіи. Въ отдѣлъ армянской миѳологіи вошли: объ Арѣ-Прекрасномъ, Очерки религіи и вѣрованій

языческихъ армянъ. Вахагнъ Вишапак'ах' армянской миѳологіи есть Индра—Vritrahan Pur—Веды, нѣсколько страницъ сравнительной миѳологіи. Отвѣтъ на замѣчанія г. Патканова (помѣстившаго статью въ *Трудахъ русск. археологич. общества*, въ которой доказывалъ за одно съ Justi Lagarder'омъ, что Вахагнъ есть Веретрагна Авесты. Отвѣтъ Н. О. Эмина отличается рѣзкостью тона, но и полнымъ знаніемъ дѣла. Въ отдѣлъ по армянской археологіи: Арія и Анарія, Еврейскіе переселенцы въ древней Арменіи, Армавиръ, О Уадахъ. Въ отдѣлъ по армянской исторіи: Объ Аршакидахъ, Время установленія армянскаго лѣтоисчисленія, Объ отпаденіи грузинской церкви отъ армянской, О памятникахъ древности въ русской Арменіи, О походахъ руссовъ на Партавъ, Дѣйствительно ли Цимисхій—прозваніе импер. Іоанна—значитъ Adolescentulus? (рукопись), Династическій списокъ Хайкидовъ въ исторіи М. Хоренскаго. Въ отдѣлъ по исторіи армянской литературы: Объ армянскомъ алфавитѣ, О Варданѣ Великомъ, Объ Асохикѣ, Faustus de Bysance, Моисей Хоренскій и древній эпосъ армянскій. Перечисленіе статей достаточно говоритъ за богатое содержаніе второго выпуска трудовъ Н. О. Эмина.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Прогрессъ и бѣдность". *Генри Джорджа.*

Прогрессъ и бѣдность. Изслѣдованіе причины промышленныхъ застоевъ и бѣдности, растущей вмѣстѣ съ ростомъ богатства. Средство избавленія. Генри Джорджа. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева, провѣренный М. И. Туганъ-Барановскимъ. Спб., 1896 г. Въ этой книгѣ мы имѣемъ переводъ основного сочиненія извѣстнаго американскаго экономиста Г. Джорджа *Progress and poverty*. Едва ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что громкая извѣстность Джорджа обратно пропорціональна его научнымъ заслугамъ. Во всѣхъ сочиненіяхъ Джорджа нѣтъ ни одного вѣрнаго научнаго положенія, которое не высказано было бы раньше. Но они несутъ съ собою обиліе всяческихъ заблужденій. Отмѣтимъ вкратцѣ эти послѣднія. Для Генри Джорджа прошло совершенно безслѣдно то умственное движеніе, которое имѣетъ главными представителями Родбертуса и Маркса. Какъ истый американецъ и скорѣе начитанный, чѣмъ образованный самоучка, Джорджъ совсѣмъ даже не знаетъ этихъ писателей. Исходнымъ пунктомъ теоріи капитала и прибыли на капиталъ у него не является поэтому теорія цѣнности (въ этомъ отношеніи онъ не воспользовался даже завѣтами Рикардо); у него совсѣмъ нѣтъ теоріи цѣнности. Уже по этому одному можно судить, какова будетъ его научная система. И дѣйствительно, она кишитъ легкомысленными утвержденіями и прямо вздорными теоріями. Такъ, Г. Джорджъ отвергаетъ теорію прибыли Рикардо, содержащую въ себѣ, какъ извѣстно, in nuce теорію прибавочной стоимости. На ея мѣсто онъ ставитъ ученіе о какой-то мистической производительности капитала (такъ называемую *фруктификаціонную* теорію капитала), воскресивъ, такимъ образомъ, повидимому, и самъ того не зная, старинную физіократическую доктрину. Естественнымъ выводомъ изъ этой теоріи прибыли, согласно которой прибыль является не результатомъ прибавочнаго труда, расширенія рабочаго дня за предѣлы времени, достаточнаго для воспроизведенія заработной платы, является ученіе о *гармоніи*

интересовъ труда и капитала; въ этомъ ученіи Джорджъ рѣзко расходится съ ученіемъ научнаго соціализма. Обѣ ошибочныя теоріи Джорджа находятся въ тѣсной связи съ его методологическими воззрѣніями. По мнѣнію Джорджа, современныя экономическія отношенія отличаются лишь большей сложностью и запутанностью отъ первобытныхъ, въ основу изслѣдованія современныхъ отношеній можно взять отношенія первобытнаго общества. Поэтому аргументація Джорджа изобилуетъ блаженной памяти робинзонадами. Къ такому научному пріему, который являлся иногда превосходнымъ орудіемъ въ рукахъ великихъ мастеровъ, наприм. у Рикардо, нужно относиться съ большой осторожностью. Упрощая искусственно современныя экономическія отношенія и выясняя ихъ на примѣрѣ первобытнаго дикаря или Робинзона, легко упустить изъ виду коренныя, существенныя особенности, toto coele отличающія изслѣдуемую эпоху отъ навязываемаго ей доктриной образца. У Г. Джорджа совсѣмъ неопытныя руки, и его методъ приводитъ его иногда къ самымъ несообразнымъ заключеніямъ. Критикуя, наприм., теорію заработнаго фонда, онъ, при помощи весьма несложной робинзонады, доказываетъ, что для капиталистовъ совсѣмъ не нужно имѣть запаса средствъ существованія для рабочихъ, потому что заработная плата берется изъ текущаго, а не изъ предшествовавшаго производства; что нѣтъ необходимости даже въ запасахъ денегъ для выдачи платы рабочимъ, притомъ и въ такихъ случаяхъ, когда изготовленіе продукта затягивается на продолжительное время. Этотъ выводъ, противорѣчащій очевидности, дѣлаетъ честь логической неустрашимости Г. Джорджа, но не убѣдительности его аргументаціи *).

Извѣстны практическіе выводы ученія Джорджа. Онъ видитъ „средство избавленія" отъ соціальнаго зла нашего вѣка въ національзаціи земли. Путь къ этой національзаціи — введеніе единаго поземельнаго налога (single taxe), который поглотилъ бы поземельную ренту. И въ этомъ проектѣ повторяется старинное ученіе физіократовъ, которые считали единый поземельный налогъ наиболѣе соотвѣтствующимъ интересамъ справедливости и государственной мудрости. Отъ осуществленія этого своего проекта Джорджъ ждетъ полнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса, противопоставляя, такимъ образомъ, капиталистамъ и рабочимъ, которымъ онъ рекомендуетъ протянуть другъ другу руки, одного общаго врага — сословіе землевладѣльцевъ. Излишне доказывать, насколько утопиченъ этотъ проектъ и какъ невѣрно въ немъ представлена группировка реальныхъ общественныхъ интересовъ. Теорія Джорджа носитъ слишкомъ явные слѣды своего американскаго происхожденія—страны невѣроятныхъ земельныхъ спекуляцій, злоупотребленій желѣзнодорожныхъ компаній, могущественнаго класса фермерства и т. п., чтобъ она могла имѣть какой-нибудь успѣхъ въ Европѣ. Его тенденція къ установленію гармоніи между интересами труда и капитала прямо реакціонна. Въ *Русской Мысли* (августъ 1896 г.) было уже отмѣчено родство ученія Джорджа съ нашимъ народничествомъ и толстовствомъ,— родство, подмѣченное, между прочимъ, наблюдателемъ русской и американской жизни, г. Гурвичемъ.

Ученіе Джорджа быстро распространилось за предѣлы Америки. Его сочиненія имѣются въ переводахъ на главные европейскіе языки. Этотъ успѣхъ его сочиненій объясняется, конечно, не научными до-

*) Мы уже не говоримъ объ его теоріи кризисовъ, отличающейся большой наивностью.

стоинствами ихъ, а прежде и больше всего безусловной честностью его стремленій, его горячей и искренней симпатіей къ рабочему сословію, доступностью и увлекательностью его изложенія. Ради этихъ достоинствъ и мы привѣтствуемъ появленіе *Прогресса и бѣдности* на русскомъ языкѣ. Переводъ, провѣренный г. Туганъ-Барановскимъ, вполнѣ хорошъ. Нельзя лишь не пожалѣть, что редакторъ перевода не приложилъ къ русскому изданію хоть небольшого предисловія о воззрѣніяхъ Джорджа, гдѣ указалъ бы отмѣченныя слабыя стороны его ученія, могущія сбить съ толку неопытнаго читателя.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Общедоступныя лекціи и рѣчи А. Г. Столѣтова".—„Популярная біологія". Состав. *В. В. Лункевичъ*.—„Народы земного шара". Сост. *М. Ильинскій*. — „Автобіографія земли". *Г. Н. Гётчинсона*. — „Выставки пчеловодства: 2-я передвижная, серпуховская и 3-я передвижная". Труды И. Р. О. А. Ж. и Р. Т. VI, вып. I.—„Атласъ по шелководству". Сост. *А. Тихомировъ*. — „Введеніе въ ученіе объ электричествѣ". Чтенія *Б. Ю. Кольбе*. — „Полезная библіотека. Драгоцѣнные камни". Состав. *И Святскій*.

Общедоступныя лекціи и рѣчи Александра Григорьевича Столѣтова. Съ фототипическимъ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ К. Тимирязевымъ. Въ этой книгѣ собрана большая часть общедоступныхъ лекцій и рѣчей покойнаго профессора А. Г. Столѣтова. Съ личностью покойнаго знакомитъ предпосланный въ началѣ біографическій очеркъ, составленный проф. К. А. Тимирязевымъ.

Всѣхъ рѣчей 14, первая изъ нихъ относится къ 1873 г. и посвящена изложенію главнѣйшихъ работъ Г. Р. Кирхгофа, послѣдняя— „Леонардо да-Винчи, какъ естествоиспытатель", прочитана въ Московскомъ обществѣ любителей художествъ 21 декабря 1895 года. Пять лекцій: 1) Г. Ф. Гельмгольтцъ (біографическій очеркъ и общая характеристика), 2) Работы Гельмгольтца по акустикѣ, 3) Заключительныя слова цикла лекцій о Гельмгольтцѣ, 4) Рѣчь Гельмгольтца 2 ноября 1894 г. и 5) Гельмгольтцъ и современная физика—знакомятъ читателя съ Г. фонъ-Гельмгольтцемъ и его дѣятельностью. Одна лекція представляетъ сокращенное изложеніе рѣчи Г. А. Столѣтова, произнесенной на актѣ Московскаго университета 1879 года „Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ". Рѣчь „Эѳиръ и электричество", представляющая блестящее общедоступное изложеніе новѣйшихъ взглядовъ въ области ученія объ электричествѣ, была произнесена на общемъ собраніи VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ 3 января 1890 г. Двѣ лекціи („Жизнь и личность Ньютона" и „Ньютонъ, какъ физикъ") излагаютъ главнѣйшія физическія работы Ньютона.

Популярная біологія. Состав. В. В. Лункевичъ. Съ 208 рис. въ текстѣ и одною хромо-литографіей. Спб., 1897 г. Стр. VIII+449. Цѣна 2 руб. Книга эта написана по весьма широкой и интересной программѣ, въ которую вошли всѣ главнѣйшіе вопросы біологіи: единство природы, происхожденіе организмовъ, ростъ и развитіе, размноженіе, борьба за существованіе, наслѣдственность и измѣнчивость, подборъ, покровительственная окраска, паразитизмъ, умъ и инстинктъ и т. д. Широта программы и важность разбираемыхъ вопросовъ заставляютъ быть строгимъ къ автору, и невольно задаешься вопросомъ: достаточно ли былъ авторъ подготовленъ къ столь труд-

ной темѣ и не явилась ли книга плодомъ излишней самоувѣренности? Читатель, совершенно незнакомый съ біологическими науками или знающій о нихъ только по наслышкѣ, конечно, врядъ ли замѣтитъ слабыя стороны разбираемой книги, а ихъ не мало, и указать на нихъ тѣмъ болѣе необходимо, что книга разсчитана на широкій кругъ читателей. Внимательно ознакомившись съ произведеніемъ г. Лункевича, приходишь къ несомнѣнному заключенію, что авторъ вовсе неосновательно знакомъ съ зоологіей, ботаникой и геологіей, а лишь кое-что читалъ по этимъ предметамъ и потому не только не въ состояніи критически отнестись къ тому или иному чужому взгляду и оцѣнить степень достовѣрности той или иной теоріи, но даже постоянно впадаетъ въ фактическія ошибки и неточности, что особенно опасно для популяризатора, читатели котораго, по большей части, совершенно не въ состояніи отличить вѣрное отъ невѣрнаго вслѣдствіе своей неподготовленности. Еслибъ авторъ при составленіи своей книги былъ въ изобиліи окруженъ хорошими учебниками и справочными книгами, то почему бы онъ не выбралъ для иллюстраціи своей книги цѣлаго ряда болѣе или менѣе хорошихъ рисунковъ взамѣнъ помѣщенныхъ безусловно плохихъ, каковы, напримѣръ, рисунки гидры (стр. 24), инфузорій (рис. 14), которыя изображены такъ, точно бы рисовавшій никогда не видалъ инфузорій, анемоны (актиніи) въ разрѣзѣ (рис. 20), ланцетника (рис. 117), утконоса, стрекательныхъ органовъ гидры (рис. 147), коловратокъ, жала пчелы и проч. Авторъ не указываетъ, откуда взяты имъ эти, а также и другіе плохіе рисунки, но можно смѣло сказать, что имѣй онъ въ рукахъ учебники зоологіи Клауса, Гертвига, Кеннеля,—онъ выбралъ бы оттуда цѣлый рядъ рисунковъ современныхъ, а не архаическихъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что отъ составителя *Популярной біологіи* можно бы пожелать пользованія и болѣе богатыми источниками... Укажемъ теперь на нѣкоторыя мѣста текста, свидѣтельствующія о поверхностности знаній составителя книги. На стр. 31 онъ говоритъ: „Трудно, конечно, рѣшить, насколько современные протисты похожи на древнѣйшихъ обитателей земли“... и далѣе разсказываетъ про то, что цѣлые слои земной коры, между прочимъ мѣлъ, обязаны своимъ происхожденіемъ умершимъ корненожкамъ, подтверждаетъ это цитатой изъ Элизе Реклю, но выводъ изъ сказаннаго вотъ какой: „Много времени должно было пройти для этого, прибавимъ мы отъ себя,—и можно смѣло утверждать, что корненожки древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ обитателей земли“. Выводъ поразительный: изъ того, что мѣлъ, одна изъ самыхъ *молодыхъ* горныхъ породъ, состоитъ изъ корненожекъ, авторъ заключаетъ, что онѣ *древнѣйшіе* обитатели земли! Говоря о постепенномъ осложненіи организаціи животныхъ, авторъ выбираетъ какъ примѣры монеру, стилонихію, актинію (напрасно называя ее „анемоною“) и, къ удивленію, двурота, паразитическаго червя, забывая, что паразитизмъ накладываетъ на животную организацію особыя, вторичнаго происхожденія, черты и дѣлаетъ животное совершенно неудобнымъ для требуемаго примѣра. На стр. 56 авторъ говоритъ, что „ученые, занимавшіеся вопросомъ о дѣленіи ядра, дали этому явленію мудреное (!?) названіе—„каріокинезисъ“, что въ сущности значитъ—„дѣленіе ядра“ (karios—ядро, kinesis—дѣленіе) и это названіе нисколько не объясняетъ самого явленія. Слово это, какъ и множество другихъ, свидѣтельствуетъ лишь о нѣжной любви, записныхъ ученыхъ къ мудренымъ терминамъ, отбивающимъ охоту у обыкновенныхъ смертныхъ поучиться „уму-разуму“.

Эта странная выходка по адресу „записныхъ ученыхъ“ ясно показываетъ, что у автора не было охоты какъ слѣдуетъ поучиться многому, въ томъ числѣ и пониманію каріокинезиса. Въ главѣ о классификаціи авторъ ясно доказываетъ свое непониманіе, отзываясь съ какой-то скрытою насмѣшкой о *старыхъ* классификаторахъ, которые „не брезгали“ (sic) никакой мелочью для своей цѣли“, выдвигая на сцену „такіе внѣшніе признаки, какъ окраска крыльевъ, число и распредѣленіе жилокъ на крыльяхъ, число члениковъ въ лапкахъ, усикахъ, щупальцахъ, число и распредѣленіе цвѣтныхъ крапинокъ на поверхности крыльевъ и т. п.“. Неужели авторъ думаетъ, что *новые* классификаторы, появившіеся послѣ Дарвина, перестали въ своихъ работахъ описывать внѣшніе мелкіе признаки и придавать имъ значеніе? Если авторъ это думаетъ, пусть онъ возьметъ какую-нибудь хорошую работу по систематикѣ, вышедшую за самое послѣднее время, и внимательно почитаетъ ее. Вообще, мы полагаемъ, что, не будучи совершенно знакомымъ съ новою спеціальною научною литературой, не слѣдуетъ писать книгъ на такую трудную тему, какъ *Популярная біологія*. Иначе авторъ повсюду будетъ уклоняться отъ правильнаго взгляда на тѣ или иные факты. Такъ, напримѣръ, нельзя категорически утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ, по незнакомству со спеціальною литературой, что ланцетникъ есть „родоначальникъ“ всѣхъ позвоночныхъ животныхъ, не слѣдовало бы подробно распространяться о Геккелевскомъ „царствѣ протистовъ“, имѣющемъ лишь историческое значеніе, а въ особенности не слѣдовало бы помѣщать фантастическихъ „схематическихъ рисунковъ“ многоножекъ и различныхъ ракообразныхъ (стр. 409), прибавляя въ поясненіе: „Чему учатъ насъ эти рисунки, расположенные именно въ такомъ порядкѣ? Не показываютъ ли они, что громадная разница между кивсякомъ и краббомъ значительно ослабляется тѣми переходными формами (!?), которыя занимаютъ промежутокъ между этими крайними формами, и что сложная организація крабба могла путемъ нечувствительныхъ измѣненій возникнуть изъ простой организаціи кивсяка?“ Мы отъ души совѣтуетъ автору ознакомиться хотя вкратцѣ съ организаціей многоножекъ и ракообразныхъ, чтобы не писать и не рисовать такихъ несообразностей, будто равноногіе раки составляютъ переходъ отъ многоножекъ къ десятиногимъ. Вѣдь нельзя же разсчитывать на то, что читатели еще меньше знакомы съ зоологіей, чѣмъ авторъ, и подъ видомъ „популяризаціи науки“ сообщать нелѣпости!

Мы потому такъ долго остановились на подробномъ указаніи промаховъ автора, чтобы показать, что причиной этихъ промаховъ является недостаточность подготовки для такого серьезнаго дѣла, какъ сосоставленіе *Популярной біологіи*. Приведенные примѣры выбраны наудачу, ихъ можно бы указать цѣлыми десятками. Конечно, тамъ, гдѣ составитель дѣлаетъ выписки изъ Дарвина, Леббока, Спенсера, Эспинаса, онъ не дѣлаетъ промаховъ, но вѣдь умѣнья дѣлать выписки недостаточно, чтобы быть популяризаторомъ.

Народы земного шара. Homo sapiens L. и его раздѣленіе на племена съ обозначеніемъ ихъ черепныхъ указателей. Составилъ М. Ильинскій. Таблица просмотрѣна проф. А. И. Таренецкимъ. Спб., 1897 г. Авторъ задался цѣлью представить въ предлагаемой таблицѣ наглядную классификацію современнаго человѣчества и дать своего рода „Аріаднину нить“ для того, чтобы сколько-нибудь разобраться въ этнографическомъ лабиринтѣ. Составлена таблица такимъ образомъ:

въ первой графѣ занесенъ типъ, потомъ названіе части свѣта, въ слѣдующей графѣ—группа, въ слѣдующей—племя и народъ, затѣмъ идутъ три графы съ слѣдующими антропометрическими данными: ширина и высота черепа и емкость его. Намъ кажется, что большимъ пробѣломъ въ этой таблицѣ является отсутствіе болѣе подробныхъ указаній на мѣсто жительства отдѣльныхъ племенъ и народовъ. Для справокъ, вѣдь, совершенно недостаточно знать, напримѣръ, что алеуты, юкагиры, коряки, гиляки — живутъ въ Азіи и относятся къ „сѣверной группѣ“ монголоиднаго типа, а это все, что мы почерпнемъ объ этихъ племенахъ изъ таблицы. Достаточно ли для справки узнать, что племена „моны, кхамы, кхассіи, кха и кни“ живутъ въ Азіи и относятся къ „южной смѣшанной группѣ“? Почему же не привести мѣста жительства этихъ племенъ? Точно также желательно бы видѣть антропометрическую характеристику племенъ болѣе полною, хотя бы для лучше изслѣдованныхъ племенъ. Мы увѣрены, что бо̀льшая полнота таблицы придала бы ей болѣе значенія въ качествѣ справочнаго изданія. Въ концѣ таблицъ приложены данныя о ширинѣ и емкости нѣкоторыхъ доисторическихъ расъ, знаменитаго Pithecanthropus erectus (одна емкость) и современныхъ высшихъ обезьянъ: гориллы, шимпанзе и оранга. Цѣна таблицы на обложкѣ, къ сожалѣнію, не обозначена.

Автобіографія земли. Общедоступный очеркъ исторической геологіи. Г. Н. Гётчинсона. Перев. съ англійск. съ измѣненіями и дополненіями М. А. Энгельгардта. Спб., 1897 г. Цѣна 80 коп. Цѣль этой книжки—дать обыкновенному читателю краткій очеркъ исторической геологіи,—науки, къ сожалѣнію, почти совершенно незнакомой большинству образованныхъ людей, не занимающихся спеціально естествознаніемъ. Причиной этому отчасти служитъ отсутствіе общедоступныхъ книгъ по геологіи, которыя могли бы въ легкой формѣ ознакомить неподготовленнаго читателя съ основами этой обширной и трудной науки. Одной изъ такихъ книжекъ является, несомнѣнно, книжка Гётчинсона, написанная спеціалистомъ-геологомъ, вполнѣ стоящая на современномъ уровнѣ науки и въ то же время легко читающаяся, благодаря элементарности изложенія, причемъ не утрачена и серьезность. Переводчикъ, вполнѣ знакомый съ предметомъ, сдѣлалъ въ книгѣ измѣненія, несомнѣнно ее улучшающія: во-первыхъ, онъ увеличилъ число рисунковъ съ 27 до 63, а во-вторыхъ, онъ замѣнилъ примѣры изъ геологической исторіи Англіи примѣрами, относящимися къ Россіи. Конечно, русскому читателю важнѣе видѣть карту каменноугольнаго періода Европейской Россіи, чѣмъ Англіи, и особенно интересно видѣть изображенія ископаемыхъ, характерныхъ для русскихъ отложеній. Такой пріемъ переводчика нельзя не привѣтствовать и нельзя не рекомендовать во многихъ случаяхъ при переводахъ съ иностранныхъ языковъ книгъ, касающихся флоры, фауны устройства поверхности и т. п., непремѣнно брать, если это возможно безъ вреда для смысла, примѣры изъ родной природы. Безъ этого пріема книга часто значительно теряетъ интересъ, такъ какъ то, что въ другой странѣ обычно, у насъ рѣдко или вовсе не встрѣчается, и наоборотъ. Мы можемъ рекомендовать книгу Гётчинсона всякому, кто захочетъ получить вкратцѣ понятіе объ исторической геологіи, тѣмъ болѣе, что цѣна книги вполнѣ общедоступная.

Выставки пчеловодства: вторая передвижная, серпуховская и третья передвижная. Труды Императорскаго Русскаго Общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. Т. VI вып. I. Отдѣленіе

пчеловодства. Издано подъ редакц. Ив. Ал. Каблукова. Москва, 1897 г. Въ 1897 году отдѣленiе пчеловодства общества акклиматизацiи устроило первую передвижную выставку пчеловодства на баркѣ, плывшей по Москвѣ-рѣкѣ. Идея была совершенно нова и оригинальна, и осуществленiе ея увѣнчалось большимъ успѣхомъ, показавъ, что передвижныя выставки являются однимъ изъ лучшихъ способовъ распространенiя полезныхъ знанiй въ народѣ. Дѣйствительно, передвижная выставка сама приходитъ въ деревню и всякiй удосужится ее посмотрѣть, тогда какъ идти или ѣхать за сотни верстъ на какую-либо выставку найдется среди крестьянъ весьма мало охотниковъ. Успѣхъ первой передвижной выставки побудилъ отдѣленiе пчеловодства устроить въ 1894 году вторую, а въ 1896 году третью передвижную выставку, а кромѣ того, въ томъ же 1896 году, была устроена учебная выставка въ г. Серпуховѣ. Отчеты о ходѣ и результатахъ этихъ выставокъ и заключаются въ настоящемъ изданiи, которое, несомнѣнно, представляетъ интересные матерiалы для всякаго интересующагося пчеловодствомъ. Вторая передвижная выставка была, какъ и первая, устроена на баркѣ и прошла весьма длинный путь отъ Москвы до Калуги, причемъ она, кромѣ спецiальной цѣли—содѣйствовать распространенiю пчеловодныхъ знанiй, сослужила хорошую службу дѣлу изслѣдованiя фауны Московской губернiи, такъ какъ дала возможность членамъ фаунистической коммиссiи зоологическаго отдѣленiя Императорскаго Общества любителей естествознанiя собрать матерiалы по фаунѣ берега Оки въ предѣлахъ Московской губернiи. Часть этого матерiала уже опубликована въ *Дневникѣ зоологическаго отдѣленiя* и дала не мало новыхъ для науки фактовъ. Третья передвижная выставка была устроена инымъ способомъ, чѣмъ двѣ предыдущiя: для размѣщенiя экспонатовъ выставки была устроена разборная парусинная палатка длиною 22 аршина и шириною 5 аршинъ; при передвиженiи палатка и экспонаты укладывались на шесть одноконныхъ телѣгъ. Читая о хорошихъ результатахъ передвижныхъ пчеловодныхъ выставокъ, невольно выскажешь пожеланiе, чтобы благому примѣру общества акклиматизацiи послѣдовали различныя наши сельско-хозяйственныя общества и чтобы дѣло передвижныхъ выставокъ получило у насъ въ Россiи самое широкое развитiе.

Атласъ по шелководству. Составилъ А. Тихомировъ. Съ 46 таблицами. Изд. мин. землед. и государ. имуществъ. М., 1896 г. Это изданiе представляетъ собою роскошныя фототипiи, изображающiя анатомiю, исторiю развитiя и превращенiя шелкопряда; а также различные сорта шелковицы и скорцонеру, которая въ настоящее время обратила на себя всеобщее вниманiе, благодаря работамъ А. А. и О. О. Тихомировыхъ, доказавшихъ, что это огородное растенiе можетъ вполнѣ замѣнить шелковицу. Фототипiи сдѣланы или съ фотографiй, снятыхъ съ натуры, или съ рисунковъ, сдѣланныхъ съ препаратовъ, что гарантируетъ полную точность изображенiй, тѣмъ болѣе, что авторъ уже много лѣтъ изучаетъ естественную исторiю шелкопряда и вопросы практическаго шелководства. Такъ какъ теоретическое знакомство съ естественной исторiей шелкопряда является единственной надежной основой правильнаго шелководства, то несомнѣнно, что настоящее изданiе должно служить необходимымъ пособiемъ для всѣхъ лицъ, посвятившихъ себя шелководству, а также для сельско-хозяйственныхъ и иныхъ учебныхъ заведенiй, въ курсъ преподаванiя которыхъ введено шелководство. Кромѣ того, атласъ этотъ можетъ

быть весьма полезенъ для всякаго натуралиста, изучающаго естественную исторію насѣкомыхъ, такъ какъ нѣкоторые анатомическіе рисунки представляютъ собою интересныя новинки съ научной точки зрѣнія.

Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. Чтенія Б. Ю. Кольбе, преподавателя физики въ училищѣ св. Анны въ С.-Петербургѣ. II. Динамическое электричество. Ц. 1 р. 40 к. 188 стр. Въ 1893 году появилась первая часть „Введенія"—Статическое электричество; съ выходомъ второй части мы получили полное руководство по электричеству, обладающее рѣдкимъ достоинствомъ—соединеніемъ полной доступности съ полною научностью. Соединеніемъ этихъ качествъ обязаны своимъ широкимъ распространеніемъ популярныя лекціи Тиндаля; но на русскомъ языкѣ нѣтъ лекцій Тиндаля по динамическому электричеству: появленіе книги Кольбе пополняетъ этотъ пробѣлъ нашей популярно-научной литературы.

Книгу Кольбе можно рекомендовать всякому, желающему познакомиться съ наиболѣе важными фактами изъ области электричества; для усвоенія книги почти не требуется знанія алгебры и тригонометріи. Большинство описываемыхъ опытовъ авторъ продѣлывалъ съ аппаратами, приготовленными имъ самимъ, и можно думать, что читатель, пользуясь указаніями, производимыми авторомъ, будетъ въ состояніи съ небольшими затратами воспроизвести большинство опытовъ. Было бы весьма желательно, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ авторъ увеличилъ число указаній для приготовленія аппаратовъ и производства опытовъ. Надо упомянуть, что достоинства книги Кольбе оцѣнены коммиссіей по организаціи домашняго чтенія, которая рекомендовала „Введеніе" какъ необходимое пособіе при прохожденіи курса физики.

Полезная библіотека. Драгоцѣнные камни. Составилъ И. Святскій. Ц. 50 к. Г. Святскій задался цѣлью въ возможно популярной формѣ, по возможности безъ всякихъ минералогическихъ подробностей, познакомить читателей съ драгоцѣнными камнями. Въ предисловіи, составленномъ въ нѣсколько иномъ тонѣ, чѣмъ самая книга, находимъ въ значительной степени преувеличенныя сужденія объ *очарованіи*, производимомъ драгоцѣнными камнями. „У витрины ювелира,—говоритъ авторъ,—останавливаются съ одинаковымъ любопытствомъ и интеллигентъ, и простолюдинъ. Красота выставленныхъ камней очаровываетъ и того, и другого. Роскошное брилліантовое ожерелье, серьги, украшенныя крупными сафирами, брошь съ прелестнымъ ярко - зеленымъ изумрудомъ—надолго останавливаютъ на себѣ взоры прохожаго. Уже одна красота, изящество формъ очаровываетъ здѣсь зрителя" и т. д. Далѣе утверждается, что драгоцѣнные камни *восхищаютъ* даже и минералога. „Съ точки зрѣнія минералога гармонія міра неорганическаго, такъ рельефно проявляющаяся въ драгоцѣнныхъ камняхъ, стоитъ даже выше (?) гармоніи въ царствахъ растительномъ и животномъ"... Мы бы полагали, что г. Святскій глубоко заблуждается, полагая, что уже одинъ видъ драгоцѣнныхъ камней „очаровываетъ" интеллигентовъ и простолюдиновъ, а минералоговъ приводитъ въ восхищеніе. Смѣемъ увѣрить автора, что существуетъ очень много и такихъ интеллигентовъ и простолюдиновъ, которые не только не очаровываются передъ витриной ювелира, но даже относятся къ ней съ величайшимъ равнодушіемъ, а иные даже съ явнымъ недоброжелательствомъ. Минералоги же въ этомъ отношеніи совершенно неподкупны. Они не обратятъ ни малѣйшаго вниманія на превосходную бирюзу, но способны придти въ

восторгъ отъ хорошо образованнаго кристалла магнитнаго желѣзняка, отъ интереснаго двойника, отъ какой-нибудь рѣдкой комбинаціи.

О драгоцѣнныхъ камняхъ можно написать обширный трактатъ. Г. Святскій написалъ только небольшую книжку, причемъ подъ рубрику „драгоцѣнныхъ“ попали и такіе въ сущности вовсе не драгоцѣнные камни, какъ горный хрусталь, бурый уголь (гагатъ), малахитъ, яшма, лабрадоръ, янтарь. Но зато авторъ обходитъ молчаніемъ такіе, безъ сомнѣнія, драгоцѣнные, камни, какъ александритъ и хризолитъ. Говоря о жемчугѣ, онъ совсѣмъ не упоминаетъ о чрезвычайно рѣдкихъ и цѣнныхъ разновидностяхъ чернаго и розоваго жемчуга. О многихъ камняхъ сообщаются слишкомъ уже краткія и отрывочныя свѣдѣнія. Болѣе подробно описанъ алмазъ. О коинурѣ, регентѣ и другихъ знаменитыхъ коронныхъ бриллiантахъ приводятся пространныя историческія справки. Въ общемъ книжка г. Святскаго составлена недурно, но, къ сожалѣнію, въ ней много лишнихъ подробностей, а самаго интереснаго и существеннаго не достаетъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Добавленія къ справочной книгѣ для электротехниковъ. К. Гравинкеля и К. Штреккера“. Состав. *Д. Головъ.* — „Индукціонная катушка или спираль Румкорфа и ея употребленіе“.

Добавленія къ справочной книгѣ для электротехниковъ. К. Гравинкеля и К. Штреккера. Составилъ по 4-му испр. изданію инж.-механикъ Д. Головъ. Изд. Риккера. 1896 г. Ц. 50 к. Прекрасная справочная книга Гравинкеля и Штреккера давно оцѣнена по достоинству и пользуется среди электротехниковъ вполнѣ заслуженною популярностью. Изданныя къ ней дополненія, исправляя и обновляя собранный въ книгѣ матеріалъ, надолго обезпечиваютъ ей успѣхъ. Безъ этого она могла бы скоро устарѣть, тѣмъ болѣе, что электротехника быстро развивается. Дополненія расположены подъ тѣми же рубриками, какія имѣются въ справочной книгѣ, и отнесены къ соотвѣтствующимъ ея параграфамъ. Трудъ Гравинкеля и Штреккера напечатанъ сравнительно недавно, а потому добавленія не заключаютъ въ себѣ чего-либо особенно существеннаго. Но по нѣкоторымъ отдѣламъ есть интересныя новости, какъ, наприм., по электрометаллургіи.

Индукціонная катушка или спираль Румкорфа и ея изготовленіе. Практическое руководство къ построенію индукціонной катушки, дающей искру длиной отъ 2 до 3 дюймовъ. Съ англійскаго перевелъ и дополнилъ инженеръ-технологъ А. А. Боровичъ. Ц. 50 к., съ пересылкой 60 к. Въ предисловіи переводчикъ объясняетъ, что предлагаемое руководство предназначается для любителей, желающихъ экспериментировать съ лучами Рёнтгена. Такъ какъ для этого рода опытовъ нужна катушка Румкорфа, стоящая довольно дорого, то любители могутъ сами заняться ея изготовленіемъ, пользуясь переведенной г. Боровичемъ книжкой. При этомъ любителямъ ставится на видъ свойственная имъ торопливость въ достиженіи результатовъ, торопливость, вообще крайне нежелательная и вредная для успѣха дѣла. Надо вооружиться терпѣніемъ и шагъ за шагомъ стремиться къ воспроизведенію катушки Румкорфа.

Книжка содержитъ общія свѣдѣнія объ индукціи электрическихъ токовъ и затѣмъ наставленія, какъ устроить самую катушку. По характе-

ру изложенія руководство Боровича можетъ бытьдоступно только такимъ любителямъ, которые достаточно знакомы съ предметомъ. Въ противномъ случаѣ, намъ кажется, они ровно ничего не устроятъ, даже если вооружатся нечеловѣческимъ терпѣніемъ и просидятъ надъ созданіемъ этого, въ сущности простого, физическаго прибора многіе мѣсяцы. Для любителей, намъ казалось бы, слѣдовало дать болѣе общедоступное руководство.

МЕДИЦИНА.

„Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губ.". *Д. Н. Жбанкова.*— „О вліяніи жилища на здоровье, нравственность, счастье и матеріальное благосостояніе людей". *М. И. Покровской.*—„Очеркъ земской медицины Нижегород. уѣзда". *С. И. Лаврова.*—„Что говоритъ наука о половой потребности?" *Л. А. Золотарева.*— „Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора". *Н. И. Тезякова.*

Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губ. Д. Н. Жбанковъ. Вып. 2. Изд. Смолен. губ. земства. Смоленскъ, 1896 г. Первый выпускъ чрезвычайно интереснаго монографическаго изслѣдованія д-ра Жбанкова, заключавшій описаніе стеклянныхъ и хрустальныхъ заводовъ, пряничныхъ и табачныхъ фабрикъ, сыроваренныхъ заведеній, кожевенныхъ и спичечныхъ заводовъ, издано было еще въ 1894 г. Второй выпускъ, кромѣ описанія отдѣльныхъ заведеній, содержитъ общіе выводы, а въ приложеніи помѣщены результаты измѣренія рабочихъ, планы заводовъ и фабрикъ. Все изслѣдованіе, начатое въ апрѣлѣ 1894 года, было произведено по программѣ московскаго земства съ дополненіемъ лишь рубрикъ личныхъ карточекъ при измѣреніи рабочихъ. Ближайшая цѣль работы, представляющей весьма цѣнный матеріалъ,—выяснить санитарное состояніе мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ, а равно доказать необходимость для нихъ обязательныхъ постановленій съ установленіемъ спеціальнаго санитарнаго надзора. Эта цѣль вполнѣ достигнута, ибо только при отсутствіи какого-либо надзора могутъ обнаруживаться такія ужасающія условія мѣстной промышленности, встрѣчавшіяся, правда, и въ Московской губерніи 15 лѣтъ тому назадъ, но въ теченіе послѣдняго времени совершенно исчезнувшія. Въ библіографической замѣткѣ невозможно исчерпать даже главнѣйшіе выводы изслѣдованія и надо лишь пожелать, чтобъ оно получило болѣе широкій кругъ распространенія. Не менѣе полезно было бы изложеніе результатовъ его въ общей печати, ибо они представляютъ не только профессіонально-гигіеническій интересъ, но и громадное значеніе въ культурно-экономическомъ отношеніи. Популяризація подобныхъ работъ всего болѣе способствовала бы выясненію необходимости существованія общественнаго фабрично-санитарнаго надзора, на-ряду съ правительственною фабричною инспекціей. Примѣръ Московской губерніи, при сравненіи съ современными условіями фабричнаго быта въ Смоленской губерніи, является самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что безъ содѣйствія городскихъ и земскихъ учрежденій фабричная инспекція совершенно оказывается не въ состояніи улучшить санитарное состояніе фабрикъ и заводовъ, хотя бы въ той степени, какъ это удалось достигнуть въ московскомъ земствѣ. Къ сожалѣнію, обширный опытъ самаго обширнаго района въ Россіи, въ связи съ указаніями германской фабрично-санитарной практики, совершенно упущенъ былъ изъ виду при составленіи коммиссіей

тайн. сов. С. А. Ольхина проекта реформы фабрично-санитарнаго надзора въ Россіи (1894—96 гг.).

О вліяніи жилища на здоровье, нравственность, счастіе и матеріальное благосостояніе людей. М. И. Покровская (женщина-врачъ). Спб., 1896 г. Ц. 30 коп. Брошюра содержитъ общеизвѣстныя истины о вліяніи жилища въ частной и общественной жизни, но едва ли она будетъ способствовать улучшенію современныхъ логовищъ бѣднаго люда. Прочтя сообщаемые авторомъ факты, можно, конечно, согласиться съ нимъ, что „тѣ люди, которые стремятся измѣнить гигіеническія условія жилищъ неимущаго населенія, отличаются истиннымъ человѣколюбіемъ". Однако, положеніе дѣлъ отъ распространенія такихъ банальныхъ истинъ ничуть не улучшится. Было бы несравненно полезнѣе въ общедоступной формѣ выяснить имущему населенію, что постройка хорошихъ и дешевыхъ жилищъ — не только человѣколюбивое предпріятіе, но, какъ доказалъ обширный опытъ культурнаго государства, весьма выгодное и полезное. Между тѣмъ, на эту болѣе важную сторону вопроса въ брошюрѣ совершенно не обращено вниманія.

Очеркъ земской медицины Нижегородскаго уѣзда (1866—95 гг.). С. И. Лавровъ. Изд. нижегор. уѣздн. земства. Нижній-Новгородъ. 1896 г. Эта небольшая брошюра (54 стр.) содержитъ краткій, но обстоятельно составленный обзоръ тридцатилѣтней дѣятельности нижегородскаго уѣзднаго земства по охранѣ народнаго здравія. Обширный матеріалъ, добытый изъ различныхъ малодоступныхъ источниковъ, сгруппированъ по слѣдующей программѣ: 1) краткія санитарныя свѣдѣнія по Нижегородскому уѣзду (геологическія и топографическія данныя, климатъ, составъ населенія, характеристика жилищъ, одежды, продовольствія и проч.), 2) возникновеніе и развитіе земской медицины въ уѣздѣ; 3) объясненія къ діаграммамъ, картѣ и картограммѣ (движеніе населенія, расходы по народному здравію, дѣятельность амбулаторій и коечныхъ лѣчебницъ, обзоръ отдѣльныхъ формъ заболѣванія и т. д.). Въ видѣ отдѣльной брошюры приложены цифровыя таблицы, каталогъ медикаментовъ и проч.

Что говоритъ наука о половой потребности? Популярно-научный очеркъ для родителей, воспитателей и учащейся молодежи. Л. А. Золотарева. Москва, 1895 г. Второе исправл. и дополн. изданіе В. Н. Маракуева. Ц. 30 к. Половая потребность составляетъ выгодную и потому уже любимую тему разнаго рода популяризаторовъ-шарлатановъ, причиняющихъ громадный, непоправимый вредъ массѣ читателей. Названная брошюра, сообщающая научныя свѣдѣнія по гигіенѣ половой сферы, составляетъ рѣдкое исключеніе и можетъ оказать большую услугу. Избѣгая излишнихъ пикантныхъ подробностей, чрезвычайно вредныхъ запугиваній и т. п., авторъ присоединяется къ господствующему въ наукѣ мнѣнію о безвредности полового воздержанія даже за предѣлами возмужалости. Въ трехъ главахъ излагаются свѣдѣнія по физіологіи половыхъ органовъ, о значеніи воздержанія и условіяхъ сохраненія его до возмужалости и, наконецъ, по гигіенѣ половыхъ органовъ послѣ возмужалости.

Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора. Н. И. Тезякова (земскаго санитарнаго врача). Изд. херсонск. губерн. земск. управы. Херсонъ, 1896 г. Подобно тому, какъ московское земство впервые положило прочную основу для насажденія и развитія фабричной санитаріи, такъ и херсонское зем-

ство вправѣ гордиться тѣмъ, что еще въ 1875 году оно обратило вниманіе на санитарное значеніе сельско-хозяйственныхъ промысловъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ближайшимъ изученіемъ вопроса послужило распространеніе сифилиса по указаніямъ губернскихъ съѣздовъ врачей. Медленно подвигалась практическая разработка собранныхъ врачами обширныхъ матеріаловъ, но въ послѣднее время, какъ и по отношенію къ фабрикамъ и заводамъ, она повела къ цѣлому ряду общественныхъ и правительственныхъ мѣропріятій, уже въ настоящее время давшихъ поразительные результаты. Мы рекомендуемъ общему вниманію изслѣдованіе одного изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей по этому вопросу, д-ра Н. И. Тезякова, а равно формулированныя имъ въ своемъ докладѣ предложенія XIII губернскому съѣзду врачей, въ видѣ 17 тезисовъ, представляющихъ не только мѣстное, но и общегосударственное значеніе.

Содержаніе 13 главъ доклада весьма интересно, причемъ въ нихъ сообщаются самыя разнообразныя свѣдѣнія, цѣнныя не только въ санитарномъ отношеніи, но и съ точки зрѣнія экономической статистики. Такъ, въ изслѣдованіи (съ приложеніемъ массы таблицъ и діаграммъ въ концѣ книги) послѣ историческаго очерка санитарныхъ мѣропріятій по отношенію къ сельскимъ рабочимъ въ Херсонской губерніи дается подробный обзоръ экономическаго и санитарнаго значенія сельско-хозяйственныхъ промысловъ, обширныхъ районовъ ихъ распространенія, статистико-экономическихъ условій Херсонской губерніи и ея потребности въ пришлыхъ рабочихъ, района движенія послѣднихъ, способовъ передвиженія, времени выхода съ родины и т. д. Въ остальныхъ 7 главахъ намѣчаются главные сборные пункты пришлыхъ рабочихъ, рынки найма, условія послѣдняго (неустойчивость цѣнъ на рабочія руки, распространеніе машинъ, распредѣленіе рабочихъ по пригодности ихъ къ сельскимъ работамъ), а затѣмъ, кромѣ общихъ свѣдѣній о рабочихъ (бѣдность, грамотность, половой, возрастный и семейный составъ), описываются подробно условія ихъ жизни: санитарная обстановка рабочихъ въ сельскихъ экономіяхъ, съ краткимъ обзоромъ дѣятельности лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ за 1893—95 гг., болѣзненность рабочихъ группъ по амбулаторнымъ записямъ (сифилисъ среди пришлыхъ рабочихъ и въ населеніи Херсонской губерніи, *машинныя травмы*), заболѣваемость рабочихъ на рынкахъ найма. Въ общихъ выводахъ авторъ отмѣчаетъ общегосударственное значеніе разработаннаго имъ вопроса, выражая пожеланіе, чтобы вполнѣ упрочилась болѣе правильная организація лѣчебно-санитарнаго надзора за рабочими на рынкахъ найма и въ экономіяхъ.

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на фактахъ, цифрахъ и выводахъ такого капитальнаго изслѣдованія, но отмѣтимъ, что, какъ признаетъ и самъ авторъ, на-ряду съ мѣстными общественными мѣрами, необходимо государственное содѣйствіе въ дѣлѣ упорядоченія сельско-хозяйственныхъ промысловъ въ пути и на мѣстахъ. Сюда слѣдуетъ отнести отвѣтственность за увѣчья отъ машинъ и страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, которые должны самымъ тщательнымъ образомъ регистроваться, изданіе обязательныхъ постановленій по огражденію сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, улучшеніе способовъ перевозки рабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ и на палубахъ пароходовъ, распространеніе лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ по городамъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя высылаютъ избытокъ рабочихъ рукъ въ Херсонскую губернію и т. д. Жи-

вое изложеніе, общій интересъ сообщаемыхъ фактовъ заставляютъ забывать спеціальное значеніе изслѣдованія, которое читается чрезвычайно легко, благодаря тому, что тяжелый балластъ цифръ выдѣленъ особо и поясняется рядомъ діаграммъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Бесѣды по земледѣлію". *П. А. Бильдерлинга.*—„Лошадь". *П. Г. Алтухова.*—„Опредѣленіе возраста у лошади". — „Какъ осматривать лошадей при покупкѣ". Состав. *И. А. Бритчиковъ.*—„Разведеніе подсолнечника". Сост. *Л. А. Золотаревъ.*—„Филлоксера и борьба съ нею". *П. Н. Строева.* — „Корова". Руковод. для крестьянъ". Сост. *П. Алтуховъ.* — „Молочное дѣло и молочныя школы въ Финляндіи". *Л. О. Езерской.*—„Указатель сельско-хоз. учебн. заведеній подвѣд. департам. земледѣлія".—„Справочный указатель земскихъ сельско-хоз. учрежденій".—„Земледѣльческія машины и орудія". Сост. *К. К. Веберъ.* — „Утилизація нечистотъ съ сельско-хозяйственною цѣлью". *А. Зусмана.* — „Общедоступный лѣчебникъ домашнихъ животныхъ". Состав. *Я. М. Шмулевичъ.*

Бесѣды по земледѣлію. П. А. Бильдерлинга. Спб., 1897 г. Ц. 40 коп. Изд. Маркса. Двѣнадцать бесѣдъ П. А. Бильдерлинга имѣютъ своимъ главнымъ предметомъ удобреніе. Изложеніе ведется въ формѣ разговора сельскаго учителя съ мужиками; авторъ хотѣлъ, конечно, оживить этимъ свой разсказъ, но едва ли оживленію помогаютъ вставленныя въ разныхъ мѣстахъ описанія природы. Тотъ, кто знаетъ, какъ трудно „сочинять" діалоги изъ крестьянскаго быта, не будетъ слишкомъ строго относиться къ попыткѣ автора, который, конечно, не могъ обойтись безъ стилистической фальши какъ въ рѣчахъ мужика, такъ и въ рѣчахъ учителя. Недостатки брошюры, вызванные главнымъ образомъ, ея формою, до нѣкоторой степени искупаются разнообразными свѣдѣніями о дѣйствіи удобреній, 18 рисунками и интереснымъ примѣрнымъ руководствомъ къ устройству показательнаго поля (стр. 35—41).

Лошадь. Руководство для крестьянъ коневодовъ. Составилъ П. Г. Алтуховъ. Ц. 12 коп. 1897 г.—Опредѣленіе возраста у лошади. Ц. 3 коп.—Какъ осматривать лошадей при покупкѣ. Ц. 3 коп. Составилъ И. Л. Бритчиковъ. 1896 г. Изданія М. А. Исакова. Казань. Въ первой брошюрѣ главное содержаніе составляютъ ветеринарныя свѣдѣнія. Кормовыя условія разсматриваются довольно поверхностно. Несложный ариѳметическій разсчетъ покажетъ, что если четверикъ овса вѣситъ 35 фунтовъ, четверть не можетъ вѣсить 5 пудовъ (стр. 4). Вторая брошюра, снабженная шестнадцатью рисунками конфигураціи лошадиныхъ зубовъ, должна быть названа очень полезною: съ помощью ея, конечно, при непремѣнномъ условіи небольшихъ практическихъ занятій, можно ознакомиться съ опредѣленіемъ возраста лошади по зубамъ. Третья изъ вышепоименованныхъ брошюръ задается благою цѣлью предостеречь покупателей отъ тѣхъ обмановъ, которые примѣняются лошадиными барышниками.

Разведеніе подсолнечника. Составилъ Л. А. Золотаревъ. 2-е изданіе. Москва, 1897 г. Ц. 50 к. Хронически низкія хлѣбныя цѣны обратили усиленное вниманіе крупныхъ русскихъ посѣвщиковъ къ культурѣ масличныхъ растеній. Въ юго-восточной Россіи крестоцвѣтныя масличныя часто не удаются, за то она обладаетъ своею драгоцѣнною культурою въ видѣ подсолнечника. Монографія Л. А. Золотарева появляется теперь въ новомъ совершенно переработанномъ изданіи. Ав-

тору слѣдовало хоть немного остановиться на географіи воздѣлыванія подсолнечника въ Россіи. Можно еще пожалѣть объ отсутствіи особаго списка литературы (ежегодные указатели А. Д. Педатенка дѣлаютъ составленіе подобныхъ списковъ очень нетруднымъ). Но во всякомъ случаѣ авторъ далъ живо составленный сводъ свѣдѣній о техникѣ воздѣлыванія подсолнечника въ Россіи. Русская культура пробивала себѣ въ этомъ дѣлѣ совершенно самостоятельный путь, и путь этотъ несомнѣнно облегчался агрономическою школою: цитируемые авторомъ О. А. Беренсъ, Р. Ю. Будбергъ, В. А. Бекетовъ, А. Б. Гротто-Слепиковскій, И. М. Карзинъ, Н. Ѳ. Кожевниковъ, П. А. Сафоновъ—питомцы Петровской Академіи. Напомнимъ кстати, что подсолнечнику была посвящена и магистерская диссертація покойнаго профессора А. П. Людоговскаго.

Не сомнѣваемся въ томъ, что полезная книжка г. Золотарева вскорѣ дождется и третьяго изданія.

Филлоксера и борьба съ нею. П. Н. Строева. Спб., 1896 г. Ц. 30 коп. Громадныя денежныя средства затрачены уже на филлоксеру, а такъ называемый „борьбѣ“ съ нею едва ли предвидится скорый конецъ. Нынѣшнею весною засѣдало новое филлоксерное совѣщаніе при министерствѣ земледѣлія (журналы этого совѣщанія напечатаны въ №№ 15 — 17 *Извѣстій министерства*). И на этомъ совѣщаніи, конечно, не получилось единогласія по капитальному вопросу объ умѣстности такъ называемаго „радикальнаго“ метода истребленія филлоксеры (въ пользу этого метода было подано 16 голосовъ, противъ него 9). Авторъ вышеназванной брошюры тоже участвовалъ въ послѣднемъ совѣщаніи, но не голосовалъ ни за радикальный методъ, ни за усиленное лѣченіе, считая единственно надежнымъ средствомъ борьбы разведеніе американскихъ лозъ и франко-американскихъ гибридовъ.

Этотъ взглядъ приводится и въ брошюрѣ, напечатанной значительно ранѣе съѣзда. Брошюра начинается сжатымъ описаніемъ филлоксеры и вызываемыхъ ею поврежденій; въ приложеніи помѣщена хромолитографія. Цѣна брошюры нѣсколько высока.

Корова. Руководство для крестьянъ. Составилъ ветеринарный врачъ П. Алтуховъ. Изданіе Исакова. Казань, 1897 г. Ц. 12 коп. Брошюра начинается неудачнымъ указаніемъ на то, что „у насъ на 100 жителей приходится отъ 28 до 30 головъ рогатаго скота“; къ чему тутъ 28, мы недоумѣваемъ; погубернскія колебанія, конечно, гораздо значительнѣе, а чтобы дать понятіе о среднемъ снабженіи русскаго населенія рогатымъ скотомъ, достаточно было поставить цифру 30.

Сравнительно большое вниманіе отведено болѣзнямъ коровы, и съ этой стороны брошюра найдетъ себѣ несомнѣнный спросъ въ средѣ мелкихъ хозяевъ, которымъ затруднительно пріобрѣтать большія справочныя книги для ветеринаріи. Описаніе кормовыхъ средствъ очень кратко и сдѣлано слишкомъ въ общихъ чертахъ.

Молочное дѣло и молочныя школы въ Финляндіи. Л. О. Езерской. Харьковъ, 1897 г. Это краткій отчетъ спеціалистки, которую министерство земледѣлія командировало въ Финляндію осенью 1896 г. Въ Финляндіи сейчасъ имѣется кромѣ особаго молочно-хозяйственнаго института 14 молочныхъ школъ съ двухлѣтнимъ и 12 съ однолѣтнимъ курсомъ. Уже 30 лѣтъ тому назадъ въ Финляндіи учреждены должности губернскихъ мастерицъ молочнаго хозяйства, постоянно разъѣзжающихъ

по странѣ по указаніямъ губернскихъ агрономовъ; такихъ мастерицъ въ настоящее время 15. О техникѣ молочнаго хозяйства въ Финляндіи г-жа Езерская сообщаетъ слишкомъ мало. По этому предмету гораздо больше можно узнать изъ интересной и весьма обстоятельной книги (*Сельское хозяйство Финляндіи*), которая была въ прошломъ году напечатана на русскомъ языкѣ въ Гельсингфорсѣ по распоряженію Финляндскаго сената.

Указатель сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ департам. земледѣлія (по свѣд. къ 1 янв. 1897 г.). Справочный указатель земскихъ сельско-хозяйствен. учрежденій (по свѣд. на 1896 г.). Спб., 1897 г. Передъ нами два новыя полезныя справочныя изданія, составленныя въ департаментѣ земледѣлія и служащія продолженіемъ однородныхъ изданій, выпущенныхъ въ свѣтъ въ прошедшемъ году. Къ 1897 году въ вѣдѣніи департамента земледѣлія состояло 108 учебныхъ заведеній съ 5,003 учащимися.

Указатель учебныхъ заведеній на сей разъ не имѣетъ при себѣ карты, за то другой изъ поименованныхъ указателей снабженъ поуѣздною картою, которая даетъ наглядное представленіе о сѣти мѣстныхъ агрономовъ и сельско-хозяйственныхъ совѣтовъ при нашихъ земскихъ управахъ. Сельско-хозяйственный бюджетъ земскихъ учрежденій составлялъ уже въ 1896 г. безъ малаго $2^1/_2$ милліона рублей; уѣздные агрономы или вмѣсто нихъ агрономическіе смотрителя имѣются въ 76 уѣздахъ. Огромныя средства земскихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ почти достигаютъ 1 милліона рублей.

Вторая изъ названныхъ книжекъ имѣетъ поименный списокъ агрономическаго персонала, находящагося на земской службѣ. Намъ кажется, что и для послѣдующаго изданія первой книжки не трудно будетъ изготовить такой же поименный полный списокъ преподавательскаго персонала со включеніемъ ассистентовъ высшихъ заведеній и съ указаніемъ образованія, полученнаго преподавателями.

Земледѣльческія машины и орудія. Составилъ К. К. Веберъ. Томъ II. Съ атласомъ. Цѣна 3 руб. 50 коп. Спб., 1897 г. Изданіе Девріена. Большая часть второго тома книги К. К. Вебера относится къ такимъ орудіямъ и машинамъ, которыя не вошли въ распространенное руководство А. П. Адріановскаго и не были также спеціально описываемы покойнымъ В. В. Черняевымъ. За то при описаніи зерночистилокъ авторъ слишкомъ широко воспользовался работою Черняева (дословныя выписки остались не оговоренными). Описанію зерночистилокъ предшествуютъ статьи о сѣнокосилкахъ, сѣноворошилкахъ, грабляхъ, стогометателяхъ, о прессахъ, о жнейняхъ, сноповязалкахъ, подвозныхъ путяхъ, перевозочныхъ средствахъ, о подъемныхъ приспособленіяхъ, конныхъ приводахъ, локомобиляхъ, керосиновыхъ двигателяхъ и молотилкахъ.

Книга заканчивается краткими замѣчаніями о мукомольныхъ поставахъ, плющилкахъ, дробилкахъ, соломорѣзкахъ и корнерѣзкахъ. Въ отдѣльно сброшюрованномъ атласѣ на 37 таблицахъ помѣщены 282 изображенія; многіе рисунки слишкомъ мелки, иные исполнены черезчуръ грубо, но въ общемъ атласъ служитъ существеннымъ подспорьемъ для текста. Въ текстѣ разсѣяно много полезныхъ справочныхъ указаній, относящихся къ русскому сельско-хозяйственному машиностроенію и къ утилизаціи машинъ и орудій въ русскихъ хозяйствахъ.

Утилизація нечистотъ съ сельско-хозяйственною цѣлью. А. Зусмана. Одесса, 1896 г. Ц. 50 к. Городъ, какъ извѣстно, кормится деревнею, хотя рано начинаетъ свысока смотрѣть на свою кормилицу. Деревенское хозяйство, которому нѣкоторые отказываютъ въ правѣ на дальнѣйшее существованіе, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ, можетъ оказать значительное дальнѣйшее подспорье благосостоянію самыхъ городовъ, такъ какъ только съ помощью подгороднаго деревенскаго хозяйства городъ можетъ избавиться отъ собственныхъ отбросовъ, въ которыхъ иначе жителямъ приходится просто тонуть.

Въ брошюрѣ А. А. Зусмана разсматривается удобрительная цѣнность городскихъ нечистотъ и описываются главные способы собиранія и удаленія нечистотъ, причемъ особое вниманіе отведено такъ называемымъ полямъ орошенія. Касаясь полей орошенія въ санитарномъ отношеніи, авторъ справедливо отмѣчаетъ недостаточную разработанность этого важнаго вопроса; „весьма возможно,—говоритъ онъ,—что нѣкоторые овощи придется совсѣмъ исключить изъ длиннаго списка представителей клоачной культуры, а отъ другихъ придется отказаться въ періоды холерной или тифозной эпидемій“. На югѣ сточныя воды имѣютъ, помимо удобрительнаго, еще оросительное значеніе. Представители русскихъ большихъ городовъ, конечно, обратятъ вниманіе на полезный сводъ г. Зусмана.

Общедоступный лѣчебникъ домашнихъ животныхъ съ особеннымъ отдѣломъ о содержаніи и уходѣ за ними. Сост. Я. М. Шмулевичемъ. Изд. 3-е Девріена. Спб., 1896 г. Ц. 3 руб. Лѣчебникъ имѣетъ цѣлью сообщить сельскому хозяину необходимыя свѣдѣнія о болѣзняхъ и лѣченіи ихъ у домашнихъ животныхъ. Въ первой части его изложены краткія данныя изъ анатоміи и физіологіи домашнихъ животныхъ; болѣе подробно развита здѣсь гигіена; въ третьемъ отдѣлѣ этой части переданы краткія свѣдѣнія по ученію о скотоводствѣ вообще, о породахъ и разведеніи домашнихъ животныхъ и въ концѣ изложенъ общій взглядъ на положеніе скотоводства въ Россіи. Вторая часть книги посвящена патологіи—ученію о болѣзняхъ домашнихъ животныхъ. Предпославъ краткія свѣдѣнія изъ общей патологіи—о симптомахъ, причинахъ болѣзней, ихъ лѣченіи и проч., составитель излагаетъ спеціальную часть, раздѣливъ ее на нѣсколько отдѣловъ, соотвѣтственно породамъ животныхъ: болѣзни лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней и т. д.; послѣдній отдѣлъ этой части содержитъ ученіе объ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Изложеніе вездѣ очень толковое, но, какъ и въ людскихъ домашнихъ лѣчебникахъ, терапевтическая часть оставляетъ желать лучшаго. Напримѣръ, на стр. 122 общей части говорится, что употребленіе возбуждающихъ средствъ: перца, имбиря, корицы, шпанскихъ мушекъ и т. п.—„абсолютно вредно“, а на 95 стр. спеціальной части перечисленныя средства рекомендуются. Изъ списка „употребительныхъ рецептовъ“ при болѣзняхъ домашнихъ животныхъ съ большимъ успѣхомъ можно было бы выбросить очень многое. Тѣмъ не менѣе, благодаря правильности развиваемыхъ взглядовъ, ясности и толковости изложенія, лѣчебникъ можетъ оказать несомнѣнную услугу сельскому хозяину. Внѣшность изданія вполнѣ безупречная.

УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Звуковой букварь“ *Глинки.*—„Учебникъ по русской грамматикѣ“. Состав. *М. Азбукинъ.* — „Руководство къ церковно-славянскому чтенію“. *И. Т. Яхонтова.* — „Учебникъ зоологіи, составл. примѣнительно къ програм. реальн. училищъ“. *С. К. Персональнаго.*—„Элементарный курсъ естественной исторіи. I. Зоологія“. *А. Бруттана.*— „Искусство выразительнаго чтенія“. *А. Н. Соловьева.*—„Прочитаешь — жизнь узнаешь“. *М. Л. Песковскаго.* — „Играйте и читайте!“ *Его же.* — „Вокругъ свѣта на „Коршунѣ“. *К. М. Станюковича.*

Звуковой букварь и Предисловіе къ звуковому букварю. Цѣна 8 коп. + 15 коп. Москва, 1896 г. Вотъ и еще одинъ новый букварь и еще одно новое „упрощеніе“ звукового метода. Повидимому, первоначальное обученіе грамотѣ съ теченіемъ времени становится очень хитрою штукой, къ которой необходимо подъѣзжать хотя бы и на одномъ и томъ же конѣ, но съ двадцати сторонъ сразу; этимъ только и можно объяснить то великое множество вновь и вновь появляющихся всякихъ букварей и азбукъ, которое наблюдается за послѣднее время. На самомъ дѣлѣ, однако, все обстоитъ гораздо проще и благополучнѣе. Всякій молодецъ на свой образецъ, а учитель народной школы и подавно, хотя бы уже потому, что ему приходится вести дѣло при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Замѣтивъ въ томъ или другомъ букварѣ какія-нибудь непримѣнимости къ данной школѣ, учитель волей-неволей начнетъ кое-что измѣнять въ букварѣ, кое-что дополнять, кое-что сокращать, и вотъ въ результатѣ получается новый букварь, хотя въ сущности онъ есть не что иное, какъ тотъ же старый букварь, только разсказанный своими словами. Впрочемъ, г-жа Глинка, авторъ разбираемаго нами сейчасъ букваря смотритъ на вещи просто и рѣшительно. Если большинство изъ вновь появляющихся азбукъ и букварей можно назвать толченіемъ воды въ ступѣ и разведеніемъ бобовъ въ рѣшетѣ, то ея букварь производитъ впечатлѣніе такой скоропалительности, что его удобнѣе всего сравнить съ ружейнымъ выстрѣломъ. На 22 небольшихъ страницахъ очень крупнаго шрифта исчерпано все: тутъ и упражненія на выдѣленіе звуковъ и на соединеніе ихъ, тутъ и обученіе чтенію и обученіе письму, тутъ и начальныя свѣдѣнія по грамматикѣ, тутъ и полезныя сообщенія, вродѣ того, что въ морѣ вода горько-соленая, а въ рѣкахъ прѣсная, тутъ и легкія нравоученія, вродѣ того, что умѣть писать надо, тутъ, наконецъ, и цѣлый образчикъ письма, который сумѣлъ прочитать одинъ умный Петя по порученію своего дѣдушки,—тутъ, словомъ, много всякой всячины, нѣтъ только самаго главнаго: нѣтъ интересныхъ статей для чтенія, нѣтъ мало-мальски осмысленныхъ работъ, требующихъ отъ ученика сообразительности и сметки, нѣтъ даже рисунковъ, которые въ букварѣ необходимы. Все это, однако, г-жа Глинка имѣетъ въ виду въ будущемъ и предполагаетъ дать въ слѣдующей своей работѣ, которая получитъ названіе „книги для чтенія и правописанія“. Подождемъ—увидимъ.

Учебникъ по русской грамматикѣ. Отдѣлъ I-й (окончанія измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ частей рѣчи) и Отдѣлъ II-й (составъ словъ. Благозвучія рѣчи. Общій обзоръ правилъ этимологическаго правописанія). Составилъ М. Азбукинъ. Орелъ, 1896 г. Цѣна 20 коп. + 15 коп. Сколько мы ни вчитывались въ тѣ побужденія, которыя руководили авторомъ при составленіи разбираемаго учебника и которыя помѣщены на одной изъ страницъ обложки этого учебника, мы не могли вычитать рѣшительно ничего, что являлось бы или

новымъ и оригинальнымъ, или упрощающимъ дѣло преподаванія грамматики. Въ полномъ смыслѣ слова, учебникъ г. Азбукина—старая погудка на новый ладъ. По его мнѣнію, учебникъ грамматики долженъ заключать въ себѣ „догматику языка въ краткихъ и точныхъ формахъ", но вѣдь на такой точкѣ зрѣнія стоятъ, какъ кажется, всѣ многочисленные составители разнообразнѣйшихъ учебниковъ по грамматикѣ. Если г. Азбукинъ увѣренъ далѣе, что „каждое важное правило" въ грамматикѣ должно сопровождаться „нѣсколькими задачами", то и въ этомъ давнымъ-давно согласны всѣ тѣ, кто пишутъ учебники грамматики. Наконецъ, г. Азбукину представляется, что учебникъ грамматики долженъ быть чуждъ аналитическихъ разсужденій; это опять-таки совершенно справедливо, и никто не станетъ, конечно, оспаривать этого.

Изъ сказаннаго вполнѣ возможно заключить, что задуманъ учебникъ г. Азбукина именно такъ, какъ задумываются обыкновенно почти всѣ учебники; какъ же выполнены замыслы нашего составителя? Отвѣтъ долженъ быть краткій: грамматика г. Азбукина ничѣмъ не лучше всякихъ другихъ грамматикъ. Не входя въ подробности ея разсмотрѣнія, потому что подробнаго разсмотрѣнія она не заслуживаетъ, мы отмѣтимъ только нѣсколько странные примѣры, вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „Отъ нашего прохожаго" (стр. 27), и не менѣе странныя правила, въ которыхъ составитель говоритъ, напримѣръ: „только въ одномъ множеств. числѣ склоняются имена: предметовъ *двойныхъ* (сани (?), ворота), *остатковъ* и *отбросовъ* (отруби, помои), *частей времени* (сутки), *составовъ* (чернила), *немногія названія городовъ* (Ливны) и нѣкоторыя изъ *собирательныхъ* (хоромы)" (стр. 15). Такъ какъ и правила эти, и эти примѣры едва ли слѣдуетъ считать цѣнными, а въ учебникѣ г. Азбукина много столь же малоцѣннаго, то мы и позволяемъ себѣ сдѣлать общій выводъ какъ о 1-мъ, такъ и о 2-мъ отдѣлѣ этого учебника: оба они могли бы и не появляться.

Руководство къ церковно-славянскому чтенію со сборникомъ задачъ для самостоятельнаго перевода съ церковно-славянскаго языка на русскій и краткимъ церковно-славянскимъ словаремъ. При руководствѣ книжка для учащихъ. И. Т. Яхонтова. Новгородъ, 1896 г. Цѣна 25 коп.+10 коп. Руководство г. Яхонтова выходитъ 2-мъ изданіемъ; сравнительно съ первымъ, оно, очевидно, исправлено и переработано къ лучшему, но и въ такомъ видѣ не представляетъ собою ничего особенно выдающагося. Такихъ руководствъ достаточно; всѣ они заключаютъ въ себѣ почти одинъ и тотъ же матеріалъ для церковно-славянскаго чтенія и перевода на русскій языкъ, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль и составлены по одной и той же системѣ; если же г. Яхонтовъ въ особой книжкѣ для учащихъ и распространяется о преимуществахъ своего руководства передъ другими, то онъ имѣетъ, конечно, на это свои основанія.

Что касается взгляда г. Яхонтова на время начала обученія славянскому чтенію, по которому приступать къ такому чтенію „представляется возможнымъ со второй половины перваго учебнаго года", то съ нимъ вполнѣ можно согласиться. Нельзя не одобрить и письменныхъ упражненій, вводимыхъ г. Яхонтовымъ при обученіи церковно-славянскому чтенію: можно сказать даже, что упражненія эти представляютъ собою нѣчто дѣйствительно новое въ педагогической литературѣ, о чемъ говоритъ авторъ въ книжкѣ для учащихъ, и только одними этими упражненіями книжка его и отличается отъ другихъ ей подобныхъ. Не

можемъ однако не замѣтить, что когда г. Яхонтовъ предлаетъ списывать слова славянскія по-русски (стр. 56, 57, 60 и проч.), это полезно не только для навыка въ церковно-славянскомъ чтеніи, но косвеннымъ образомъ и для усвоенія русской орѳографіи; когда же г. Яхонтовъ даетъ въ своемъ руководствѣ русскія слова, чтобъ ихъ писать по-славянски (стр. 72 и друг.), то этого мы не понимаемъ: дѣтямъ по-славянски писать никогда не придется, а времени на изображеніе славянскихъ буквъ идетъ очень много, къ чему же ведетъ это упражненіе?

Церковно-славянскій словарь, приложенный къ руководству г. Яхонтова, является вполнѣ умѣстнымъ и составленъ очень толково.

Учебникъ зоологіи, составленный примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. 2 части. С. К. Персональнаго. М., 1893—1896 гг. Цѣна 1 р. 85 к. Этотъ учебникъ выгодно отличается отъ многихъ другихъ учебниковъ для среднихъ учебныхъ заведеній въ томъ отношеніи, что авторъ пользовался при составленіи его новѣйшими университетскими учебниками и тѣмъ по возможности гарантировалъ себя отъ отсталости въ научномъ отношеніи, отъ которой далеко не всегда свободны наши авторы учебниковъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалъ, предлагаемый г. Персональнымъ учащимся, въ общемъ весьма богатъ, но можно замѣтить во многихъ случаяхъ, что этотъ матеріалъ выбранъ не особенно удачно. Такъ, нерѣдко авторъ подробно разсказываетъ много интереснаго про какое-либо животное, но забываетъ сказать что-либо про его наружность, окраску, размѣры, систематическіе признаки. Укажемъ для примѣра §§ объ аистѣ, вальдшнепѣ, кукушкѣ и т. д. Авторъ начинаетъ, напримѣръ, описаніе кукушки такъ: „Кукушка—пугливая, одиноко живущая птица“, и далѣе слѣдуетъ описаніе ея пищи, ея образа жизни, но ни слова про наружность, про признаки. Это весьма крупный недостатокъ учебника, ибо біологія въ учебникѣ можетъ служить лишь добавленіемъ къ анатоміи и систематикѣ, а нельзя назвать животное, сказать кое-что о его жизни и этимъ ограничиться. При большомъ объемѣ учебника можно было бы съ пользою остановиться на нѣкоторыхъ важныхъ и интересныхъ группахъ безпозвоночныхъ, которыя теперь пропущены вовсе. Особенно насъ удивляетъ, что цѣлый классъ животныхъ, а именно губки, обойденъ полнымъ молчаніемъ, а между тѣмъ всякому ученику естественно заинтересоваться, что же представляетъ изъ себя та губка, которую онъ ежедневно видитъ передъ собою. Ничего не сказано о чередованіи поколѣній у гидроидовъ, изъ которыхъ названа одна гидра. Намъ кажется, что лучше сократить разсказы изъ жизни животныхъ, не всегда притомъ достовѣрные, чѣмъ обходить молчаніемъ крупнѣйшіе факты, знаніе которыхъ вполнѣ умѣстно въ курсѣ реальныхъ училищъ.

Элементарный курсъ естественной исторіи. I. Зоологія. А. Бруттана. Съ 117 рисунками въ текстѣ. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к. Книга эта не снабжена никакимъ предисловіемъ, въ которомъ бы авторъ давалъ разъясненія относительно назначенія своего учебника и даже на обложкѣ не сказано, для курса какихъ заведеній эта книга написана, но, судя по предлагаемому матеріалу и характеру изложенія, надо думать, что она предназначается для реальныхъ училищъ. Авторъ не даетъ вовсе детальныхъ описаній строенія отдѣльныхъ представителей классовъ и отрядовъ, какъ это принято во многихъ элементарныхъ учебникахъ, а вездѣ начинаетъ прямо съ характеристики

цѣлой группы. Этотъ пріемъ самъ по себѣ вполнѣ удобенъ, но въ такомъ случаѣ надо хотя для главныхъ группъ дать обстоятельныя характеристики, а у разбираемаго автора мы не находимъ ничего подобнаго. Число рисунковъ, поясняющихъ анатомическое строеніе, весьма ограничено, а для нѣкоторыхъ классовъ даже нѣтъ ни одного рисунка такого рода (такъ, напримѣръ, для иглокожихъ, кишечно-полостныхъ). За то въ иныхъ отношеніяхъ мы видимъ чрезвычайно много ненужныхъ подробностей. Такъ, напримѣръ, излагая систематику птицъ, авторъ перечисляетъ изъ воробьиныхъ: два вида сорокопутовъ, два вида дроздовъ, три вида синицъ, три вида ласточекъ, два вида трясогузокъ, называетъ славокъ, пѣночекъ, камышевокъ, вьюрковъ, овсянокъ и т. д. На пяти страницахъ идетъ перечисленіе разныхъ мелкихъ пташекъ, между тѣмъ какъ вся книга, заключающая въ себѣ всю зоологію, анатомію и физіологію человѣка, имѣетъ 149 страницъ! Такое распредѣленіе матеріала является совершенной несообразностью, тѣмъ болѣе, что, перечисляя массу родовъ и видовъ, авторъ по краткости учебника не имѣетъ возможности дать большинству сколько-нибудь цѣлесообразныя характеристики, а ограничивается подобными: „славки—сѣраго съ различными оттѣнками цвѣта", „чижъ—съ зеленымъ опереньемъ", такъ что изученіе систематики сведется при такихъ условіяхъ на заучиваніе множества названій, что не имѣетъ, конечно, никакого значенія въ курсѣ средней школы.

Искусство выразительнаго чтенія. Опытъ теоретическаго пособія для учениковъ городскихъ училищъ. А. Н. Соловьева. Ц. 15 коп. Казань. 1897 г. По словамъ автора, въ стихѣ: „Тиха украинская ночь"—слово „тиха" обязательно „окрасить" (sic!) такъ, чтобы оно, какъ онъ говоритъ, „самою своею звучностью какъ можно ощутительнѣе выразило впечатлѣніе, производимое тишиной ночи; для этого, во-первыхъ, все слово нужно произнести тихо, *тембръ гласнаго „и" смягчить, а звукъ „х" произнести съ наименьшею энергіей*" (стр. 34—35).

Все это, конечно, смѣшно и непонятно такъ же, какъ и другія требованія, авторитетно предъявляемыя г. Соловьевымъ къ тѣмъ дѣтямъ, на долю которыхъ выпадетъ незавидная участь—учиться выразительному чтенію по его руководству.

Намъ впервые приходится видѣть въ учебникѣ отраженіе современнаго литературнаго направленія, называемаго символизмомъ. Г. Соловьевъ требуетъ развитія у учащихся „чувства символичности". Во имя этого принципа, въ словѣ „громъ" онъ требуетъ „сгущать" тембръ звука „о". Въ словѣ „прозрачно" звукъ „а" долженъ обладать тембромъ „жидкимъ" и „свѣтлымъ" и т. п.

Нельзя безъ улыбки читать такія наивные, такіе неосновательные совѣты, которые могутъ только сбить учащихся съ толку и скорѣе отучить ихъ читать хорошо, чѣмъ пріучить, какъ, наприм., такой, будто въ стихѣ Пушкина: „И отвращеніемъ томимъ"—слово *отвращеніемъ* нужно, по его выраженію, „окрасить такъ, чтобы выразить самое чувство отвращенія Кочубея къ Орлику; для этого нужно звуки „а" и „е" произнести съ рѣзкимъ, злобно-брезгливымъ тембромъ, звуки же „в", „р" и „щ"—съ крайнимъ напряженіемъ". Попробуйте только продѣлать все это—и у васъ выйдетъ не чтеніе, а какое-то не то шипѣніе, не то рычаніе, а вѣрнѣе всего—что не выйдетъ ничего.

Авторъ увѣряетъ, что для окраски слова „бодрый" необходимо произносить его вообще „бодро". Неужели вы должны произнести бодро, а не уныло, это слово въ такой, наприм., фразѣ: „никогда мнѣ,

увы! не быть бодрымъ!“ Если слѣдовать принципу: „*бодрый*, произноси *бодро*“, то придется „*дерзкій*“ произносить „*дерзко*“, „*глупый*“— „*глупо*“ и т. д.

Авторъ напрасно также учитъ дѣтей, будто логическое подлежащее нужно отдѣлять отъ сказуемаго паузою, и предлагаетъ фразу: „Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ“ произнести такъ, чтобы послѣ „бѣжитъ“ остановиться, а уже потомъ сказать—„гремучій валъ“. Это бы вышло очень нескладно. Еще нескладнѣе вышло бы, еслибъ, слѣдуя этому правилу, мы въ предложеніи „былъ домъ, гдѣ подъ окномъ“ и проч., сдѣлали паузу на словѣ былъ.

Мы бы могли сдѣлать и еще не мало замѣчаній, но, право, такъ много говорить о крошечномъ и, притомъ, плохомъ учебникѣ не стóитъ. Думаемъ, что и приведенные нами примѣры убѣдительно показываютъ, какъ мало компетентенъ авторъ въ теоріи искусства выразительнаго чтенія.

Прочитаешь — жизнь узнаешь. Книга для дѣтей младшаго возраста (около 12 лѣтъ). М. Л. Песковскаго. Изд. М. М. Ледерле. Спб. Цѣна въ папкѣ 80 коп. Мы съ большимъ интересомъ поспѣшили прочитать эту книгу, тотчасъ же по ея выходѣ. Дѣло въ томъ, что авторомъ ея является извѣстный публицистъ, посвящавшій свои статьи многимъ вопросамъ народнаго образованія, къ которымъ онъ относился съ убѣжденнымъ сочувствіемъ широко-образованнаго человѣка. Въ виду этого мы ожидали отъ книги, написанной имъ для дѣтскаго чтенія, хорошаго и цѣннаго содержанія; не могла неинтересовать насъ также и другая важная сторона всякой дѣтской книги— ея языкъ, являющійся особенно слабымъ мѣстомъ для многихъ авторовъ, удостоивающихъ дѣтей своимъ вниманіемъ, и губящій нерѣдко ихъ лучшія намѣренія. Относительно содержанія мы не ошиблись. Въ книгѣ имѣется одна повѣсть (*Отецъ и сынъ Огарковы*), бесѣда историческаго характера (*Какъ научились печатать книжки*) и пять небольшихъ разсказовъ. Въ каждое изъ этихъ произведеній вложена серьезная дѣловая мысль, выраженная просто, понятно и кратко, почти эскизно. Краткость разсказовъ объясняется вѣроятно тѣмъ, что авторъ предназначилъ ихъ для младшаго возраста, точно даже опредѣливъ послѣдній (около 12 лѣтъ). А между тѣмъ объ этомъ приходится жалѣть, когда читаешь книгу. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ какъ нарочно выбралъ для своихъ разсказовъ очень удачныя фабулы, причемъ каждая изъ нихъ могла бы быть разработана въ отдѣльную очень интересную книгу, но все-таки отнюдь не для младшаго возраста, который, какъ намъ думается, едва ли способенъ будетъ проникнуться тѣми серьезными темами, которыя затрогиваетъ уважаемый писатель. Въ упомянутой повѣсти, напримѣръ, показывается въ перспективѣ ребенку (зубрящему въ это время скучныя склоненія и спряженія разныхъ языковъ) прелесть научныхъ занятій и славы ученаго изслѣдователя. Съ этою цѣлью передъ читателемъ (около 12 лѣтъ) рисуется идеальный по добротѣ и любви къ людямъ „отшельникъ науки“, бросившій „профессуру“ вольнопрактикующій докторъ - безсребренникъ, котораго его товарищи съ сожалѣніемъ называли „блаженнымъ чудакомъ“. Квартира его была „святилищемъ науки“. Далѣе, на протяженіи всего 27 страницъ авторъ успѣлъ разсказать, какъ младшій сынъ этого доктора, ученикъ пятаго класса гимназіи, успѣлъ блестящимъ образомъ ее окончить, поступить въ университетъ, увлечься тамъ исторической наукой, написать сочиненіе на золотую медаль, выпустить,

по совѣту профессоровъ, въ свѣтъ это сочиненіе, прославиться и сдать экзаменъ на степень магистра исторіи. За это время сынъ успѣлъ, кромѣ того, такъ воодушевить своего старѣвшаго отца, что тотъ пережилъ какъ бы вторую молодость въ смыслѣ увлеченія науками. Какъ видно, все это только канва, программа повѣсти и притомъ, по серьезности содержанія, мало подходящей для дѣтей около 12 лѣтъ. Въ коротенькомъ разсказѣ *Вѣчное раскаяніе* намѣчена (опять-таки) канва хорошаго разсказа о томъ, какъ у младшаго сына бѣдняковъ Глумовыхъ оказался превосходный теноръ, втянувшій его въ водоворотъ артистической жизни, съѣдавшей его заработокъ, пока еще скромный, и мѣшавшей оказать поддержку голодавшимъ и холодавшимъ родителямъ. Но счастье его было, казалось, близко: прекрасный голосъ и уже завоеванная на концертахъ слава открывали ему щедро оплачиваемую службу на оперной сценѣ, въ ожиданіи которой молодой человѣкъ легкомысленно затрачиваетъ послѣднія скромныя сбереженія стариковъ. Пока сынъ, поселившійся отдѣльно отъ любимыхъ родителей, поетъ на концертахъ, стариковъ хозяинъ дома выгоняетъ въ морозный вечеръ на улицу за неплатежъ денегъ за квартиру, оставивши послѣдніе остатки ихъ имущества въ возмѣщеніе долга. Бѣдняки, едва одѣтые, съ вѣнками сына въ рукахъ (единственная драгоцѣнность, которую они могли захватить съ собой) идутъ къ сыну, но не застаютъ его дома: онъ на концертѣ. Видя ихъ бѣдные костюмы, хозяйка не позволяетъ имъ дожидаться молодого человѣка, и старики оба вмѣстѣ замерзаютъ около одного забора съ вѣнками сына въ рукахъ. Сынъ съ отчаянія сначала собирается бросить свою карьеру, потомъ становится однимъ изъ серьезныхъ артистовъ. Превосходная тема эта страдаетъ эскизностью и ожидаетъ точно также болѣе подробной разработки. Слѣдующій разсказъ изъ купеческаго быта *На краю гибели*, помимо краткости, отличается дѣланностью фабулы: изнѣженная дочь-подростокъ купца милліонера спасаетъ отца отъ банкротства единственно только благодаря энергическому личному вмѣшательству въ дѣла отца, отъ которыхъ была всегда далека. Два разсказа (*Въ чужихъ людяхъ и дома* и *Въ родной средѣ*) посвящены деревенской жизни. Героями ихъ являются талантливые крестьянскіе мальчики, одинъ изъ которыхъ путемъ образованія занялъ мѣсто прокурора въ родномъ городѣ, собираясь приносить пользу крестьянамъ, другой, научившись, въ качествѣ простого работника въ Петровской академіи раціональнымъ пріемамъ земледѣлія и скотоводства, вернулся въ деревню и не только помогъ родителямъ, но и всѣмъ сосѣднимъ крестьянамъ поставить ихъ родное дѣло на новыхъ и лучшихъ началахъ. Наиболѣе трогательный разсказъ озаглавленный *Совѣсть замучила* помѣщенъ въ концѣ книги.

Играйте и читайте!... Книга для малыхъ дѣтокъ. М. Л. Песковскаго. Изд. М. М. Ледерле. Цѣна въ папкѣ 40 коп. Тоненькая книжечка, въ форматѣ обыкновенной тетради, содержитъ въ себѣ напечатанные крупнымъ шрифтомъ два разсказа (*Гнѣдко* и *Другъ друга не дадутъ въ обиду*) и „еще описаніе того оживленія, которое происходитъ весною во всей природѣ и въ людяхъ", озаглавленное: *Все ожило!... Набросокъ*. Если все это предназначено „для самыхъ маленькихъ дѣтей", какъ аннонсируетъ авторъ въ скобкахъ подъ заголовками разсказовъ, то мы смѣло можемъ сказать, что эти дѣти книжкой не заинтересуются. Это потому, что два разсказа ея безсодержательны, а „описаніе оживленія природы"—скучно и малодоступно, не

говоря уже о томъ, что авторъ, можетъ быть умышленно употребляетъ слишкомъ много словъ, требующихъ объясненій. Большинство „самыхъ маленькихъ дѣтей“ едва ли понимаетъ, напримѣръ, значеніе такихъ словъ, какъ: *моментъ, крутизны, врачебное искусство, зимнее оцѣпенѣніе, животворящее значеніе, обаяніе* и проч. Если самый маленькій читатель, продолжающій еще играть, вздумаетъ послѣдовать совѣту автора и обратится къ книгѣ, причемъ ему попадется настоящая, то массой неизвѣстныхъ словъ и выраженій она не только не возбудитъ въ немъ интереса къ дальнѣйшему чтенію, а пожалуй отобьетъ надолго самую охоту къ нему. Отсюда мы заключаемъ, что почтенный М. Л. Песковскій, опытный и хорошій публицистъ, находится въ очевидномъ заблужденіи, думая, что писать для маленькихъ дѣтей очень легкая вещь.

Вокругъ свѣта на „Коршунѣ“. Сцены изъ морской жизни, въ двухъ частяхъ, К. М. Станюковича. Съ рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской. Спб., 1896 г. „Люби нашего чуднаго матроса,— говорилъ старый и честный адмиралъ своему юному племяннику—моряку передъ отправленіемъ его въ первый разъ въ жизни въ кругосвѣтное плаваніе.—Моряки,—замѣчаетъ маститый морякъ,— прямой, честный народъ“. Только на морѣ, по его искреннему мнѣнію, и можно сохранить во всей неприкосновенности и смѣлость духа, и чистоту совѣсти, и простое, безхитростное, но честное и неподкупное отношеніе къ жизни и людямъ.

На-встрѣчу къ чистымъ и безхитростнымъ понятіямъ о жизни, пріобрѣтеннымъ русскимъ простымъ матросомъ, идутъ и свѣтлыя традиціи моральныхъ отношеній между людьми, выработанныя долгимъ опытомъ морской жизни и передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣнія отъ офицера къ офицеру. Такъ, пожилой морякъ внушаетъ молодому и подчиненному, только что выпущенному изъ кадетскаго корпуса: „Старайтесь жить со всѣми дружно... Будьте уживчивы... Извиняйте недостатки въ сослуживцахъ, не задирайте никого, остерегайтесь оскорблять чужія самолюбія, чтобъ не было ссоръ... Морякамъ необходимо жить дружною семьей“.

Капитанъ парохода, просвѣщенный честный человѣкъ, горячо, краснорѣчиво, убѣдительно призываетъ офицеровъ къ уваженію личности въ солдатѣ, къ устраненію какихъ бы то ни было позорящихъ человѣческое достоинство тѣлесныхъ наказаній—розогъ, линьковъ, побоевъ, и къ изъятію изъ употребленія, при обращеніи съ солдатами, грубыхъ словъ, ругательствъ, оскорбительныхъ прозваній. Онъ же указываетъ гардемаринамъ на ихъ нравственный долгъ—озаботиться о просвѣщеніи матросовъ, обучить ихъ грамотѣ, давать имъ свѣдѣнія по географіи и астрономіи, читать хорошія книги, знакомить съ твореніями нашихъ славныхъ мастеровъ слова. Пусть будетъ ихъ задачей—добиться того, чтобъ на „Коршунѣ“ не было ни одного неграмотнаго. „Теперь и матросъ ужъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ, темнымъ и невѣжественнымъ,—внушаетъ добрый капитанъ,—и мы обязаны помочь ему въ этомъ, насколько умѣемъ“. Молодые люди съ восторгомъ встрѣтили это предложеніе и немедленно принялись за свое просвѣтительное дѣло. Юные читатели почерпнутъ изъ книги немало свѣдѣній о морѣ, его жизни, буряхъ, о нравахъ и обычаяхъ въ чужихъ странахъ, о картинахъ природы разнородныхъ краевъ міра, о приключеніяхъ и опасностяхъ, ожидающихъ человѣка, пускающагося въ кругосвѣтное путешествіе.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Сѣверный Вѣстникъ“, *іюнь*, *іюль.* — „Вѣстникъ Европы“, *іюль.* — „Міръ Божій“, *іюль.*—„Русское Богатство“, *іюнь.*

Въ нашемъ предыдущемъ обозрѣніи, по недостатку мѣста, намъ не удалось отмѣтить одно изъ беллетристическихъ произведеній, заслуживающее по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ вниманія читателя. Это—напечатанный въ іюньской книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника* очеркъ г. Ширкова *Юродивый.* Г. Ширковъ принадлежитъ, если мы не ошибаемся, къ числу такъ называемыхъ начинающихъ писателей; по крайней мѣрѣ мы можемъ припомнить только одно изъ его произведеній, разсказъ *Сази*, напечатанный два года тому назадъ въ *Вѣстникѣ Европы.* Тогда мы отмѣтили этотъ разсказъ, какъ любопытный и по формѣ, и по содержанію. Сосудъ г. Ширкова (т.-е. форма),—говорили мы тогда,—такъ изященъ, блещетъ такими яркими красками, что невольно привлекаетъ вниманіе. Но содержимое сосуда весьма сомнительнаго свойства, да притомъ наврядъ ли это содержимое можно признать оригинальнымъ. И въ формѣ и въ содержаніи замѣтно довольно сильное вліяніе, доходящее до подражанія даже въ языкѣ, Толстого. Замѣтно и вліяніе новыхъ мистическихъ теченій нашей жизни.

Въ чемъ критерій любви и приносимаго ею добра,—закончили мы тогда свой разборъ разсказа г. Ширкова,—какъ не въ томъ счастьи, которое человѣкъ долженъ разливать вокругъ себя? И какъ же можно разливать счастье, какъ не чрезъ посредство озареннаго свѣтомъ мысли чувства? Или въ самомъ дѣлѣ простому человѣку не надлежитъ мыслить? Или въ самомъ дѣлѣ идеалъ простоты человѣческихъ отношеній заключается въ ихъ безсмысленности, въ ихъ животной непосредственности? Г. Ширковъ ставитъ вѣковѣчную проблему о существованіи зла въ мірѣ. И рѣшаетъ ее по-дѣтски, въ направленіи самаго первобытнаго антропоморфизма. Всю тяжесть этой проблемы онъ сваливаетъ на плечи Высшаго существа. И это Высшее существо представляетъ себѣ, какъ Его представляетъ дикарь или ребенокъ, какъ капризнаго и самовольнаго младенца, которому для торжества высшей правды необходима смерть ни въ чемъ неповиннаго ребенка. Да и вообще, махни на зло рукой и просто совершай необдуманныя и жестокія, потому что животныя, глупости и... „прославишься въ нихъ“.

Читатель, надѣемся, не будемъ сѣтовать на насъ за такую большую цитату изъ нашихъ собственныхъ писаній. Когда приходится изъ году въ годъ слѣдить за развитіемъ формы и содержанія того или другого изъ беллетристовъ, еще не пользующихся извѣстностью и не вполнѣ опредѣлившихся, или не вполнѣ опредѣленныхъ для читателя, такіе возвраты, а потому и такія цитаты, бываютъ иногда положительно необходимы... И дѣйствительно, г. Ширковъ развился, пошелъ, во всякомъ случаѣ, дальше въ томъ направленіи, которое опредѣлено немногими вышеприведенными строками. Прежде всего онъ по формѣ въ новомъ своемъ разсказѣ менѣе подражателенъ, по крайней мѣрѣ онъ, видимо, старался быть оригинальнымъ. Сказать правду, его старанія далеко не увѣнчались успѣхомъ. Форма, языкъ, куда хуже, чѣмъ въ первомъ его разсказѣ. Особенно языкъ. Г. Ширковъ пытается поддѣлаться и поддѣлать тотъ языкъ, которымъ будто бы говорятъ московскіе ремесленники. Но поддѣлка вышла не только неудачной, а и прямо-таки жалкой. Такъ московскіе—да и никакіе—ремесленники

не говорятъ. Г. Ширковъ, повидимому, совсѣмъ не знаетъ того міра, который берется изображать. И мало того, что не знаетъ, но и не видалъ его никогда, никогда не слыхалъ, какъ говорятъ люди этого мірка. Такъ что по отношенію къ формѣ смѣло можно утверждать, что г. Ширковъ не только не прогрессировалъ, а прямо-таки регрессировалъ, и весьма сильно. Этого и слѣдовало, впрочемъ, ожидать: мистическое настроеніе, какъ преобладающая черта, по плечу только могучимъ талантамъ; только такихъ талантовъ оно можетъ не исказить и не изломать безъ остатка, можетъ не повліять разлагающимъ образомъ на самый талантъ. Да и то только отчасти, потому что и на могучіе таланты такое настроеніе дѣйствуетъ все же очень вредно.

Не то приходится сказать о содержаніи очерка г. Ширкова. Оно гораздо жизненнѣе, чѣмъ въ *Сази*. Г. Ширковъ, несмотря на неудовлетворительность формы, въ своемъ *Юродивомъ* затрогиваетъ то мистическое настроеніе русскаго народа, которое выносила скорбная душа этого народа въ теченіе тысячелѣтія его скорбной исторіи, того мистическаго настроенія, которое въ душахъ индивидуумовъ порождаетъ неисцѣлимое страданіе и жгучую боль, производя разныхъ „Божьихъ человѣковъ“, юродивыхъ, кликушъ, и проч. и проч., а въ народныхъ массахъ порождаетъ рядъ весьма внушительныхъ явленій, отъ какихъ-нибудь холерныхъ безпорядковъ до сектъ, часто всецѣло и широко отрицательныхъ... Разумѣется, не одно только мистическое настроеніе души порождаетъ всѣ эти, столь различныя по величинѣ, общественныя явленія, сходныя между собой по одному общему имъ всѣмъ и глубокому признаку, а комбинація такого настроенія съ условіями реальной жизни, съ реальнымъ страданіемъ и реальнымъ зломъ жизни. Да и самое-то настроеніе, конечно, порождается этими послѣдними. Не даромъ русскій народъ съ глубокою вѣрой и глубокою скорбью говоритъ о себѣ, что „онъ всегда подъ Богомъ ходитъ“. И онъ, дѣйствительно, ходитъ всегда подъ Богомъ; его скорбная и утратившая надежду на жизнь и жизненное счастье душа, душа, отвыкшая, или никогда не имѣвшая привычки, бороться за счастье, дошедшая даже въ своемъ самоотрицаніи до того, что счастье отождествляетъ со страданіемъ,—всегда находится, такъ сказать, на порогѣ къ страданію, къ мученичеству, къ житію вмѣсто жизни, къ юродству, къ кликушеству... Закрывать глаза на эту страдальческую черту нашей жизни, жизни всего нашего народа, было бы, разумѣется, печальною ошибкой, хотя было бы еще болѣе печальною ошибкой возведеніе этой черты, такъ сказать, въ перлъ созданія, восхваленіе ея какъ такой нашей особенности, которая даетъ намъ право разсчитывать на лучшую по сравненію съ нашими старшими братьями, европейскими народами, будущность, тогда какъ она, эта черта, это мистическое настроеніе, есть просто печальный результатъ печальныхъ историческихъ условій, историческаго зла, и представляетъ серьезную помѣху для нашего дальнѣйшаго развитія. Человѣкъ, вѣчно стоящій надъ пропастью, гипнотизируемый ею, привлекаемый ею, устремляющій на нее большую часть своего вниманія, разумѣется, меньше всякаго другого способенъ идти по дорогѣ борьбы за жизнь и реальное житейское счастіе, по той единственной дорогѣ, которая ведетъ къ усовершенствованію типа и къ благу народа, какъ цѣлаго. Г. Ширковъ, какъ и всѣ мистики, конечно, иначе смотритъ на дѣло и въ народномъ самоотрицаніи, въ массовомъ преданіи себя на волю судьбы, видитъ то драгоцѣнное качество, которое ведетъ къ благу, къ распространенію

счастія. Мало любопытны, конечно, такіе взгляды, просто потому, что они представляютъ пережевываніе стараго-престараго, давно уже пережитаго нашимъ истинно образованнымъ обществомъ, потому что они отзываются чѣмъ-то такимъ архаически-затхлымъ, что на такую приманку теперь никого уже не заманишь. Но все же они существуютъ въ обращеніи и даже могутъ искажать безспорные, хотя и незначительные таланты,—а у г. Ширкова, по нашему мнѣнію, талантъ безспорно имѣется.

„Мытаремъ другъ и грѣшникомъ"—таковъ эпиграфъ, стоящій предъ очеркомъ *Юродивый*. Въ этомъ эпиграфѣ вся идея очерка. Идея, какъ видитъ читатель, добрая и благородная. Какъ же г. Ширковъ разработалъ эту идею? Русскій человѣкъ, простой или не простой, какъ мы сказали, вѣчно подъ Богомъ ходитъ, вѣчно стоитъ предъ какой-нибудь бѣдой, предъ какимъ-нибудь страданіемъ, которое должно изломать, искалѣчить его. И онъ не борется съ этою бѣдой, съ этимъ страданіемъ, ибо оно отъ Бога, а отдается ему во власть и въ страданіи находитъ и спасеніе и счастье. Таковъ мистическій комментарій автора къ избранному имъ эпиграфу. Совершенно очевидно, что такой комментарій уничтожаетъ самый смыслъ комментируемаго. Дружество къ грѣшникамъ и мытарямъ—это, вѣдь, прежде всего не только чувство, не только настроеніе, но и идея-сила, мотивъ поведенія, нѣчто зрѣло обдуманное и послѣдовательно проводимое въ жизнь, съ извѣстною, вполнѣ опредѣленною цѣлью дать всему человѣчеству наибольшую сумму счастья. Такое дружество постольку, поскольку оно есть не простое инстинктивное чувство, а идея, требуетъ для своего осуществленія въ жизни борьбы также какъ и всякая идея-сила. Съ другой стороны, такое дружество къ мытарямъ и грѣшникамъ, терпя отъ жизни постоянныя пораженія до тѣхъ поръ, пока оно есть только чувство, только инстинктъ, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ выдержанности въ борьбѣ одерживать побѣды, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни, т.-е. увеличивать сумму общаго счастія. Уяснимъ это положеніе хоть однимъ примѣромъ. Извѣстно отношеніе нашего народа къ такъ называемымъ „несчастнымъ"; народники извѣстнаго „чувствительнаго", такъ сказать, типа склонны были въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ, впрочемъ другомъ, видѣть особыя надежды на будущее. Но наврядъ ли кто рѣшится утверждать, что такое отношеніе до тѣхъ поръ, пока оно остается неосмысленнымъ и инстинктивнымъ, можетъ привести къ какимъ-либо серьезнымъ соціологическимъ результатамъ въ направленіи увеличенія человѣческаго счастія. И дѣйствительно, повѣствователи о сибирской жизни, всѣ въ одинъ голосъ сообщая намъ о гуманномъ отношеніи сибирскаго крестьянина къ несчастнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ и о такихъ фактахъ, какъ, напримѣръ, охота тѣхъ же „гуманныхъ" крестьянъ за горбачами. Съ чувствомъ и инстинктомъ, какъ проявленіями безсознательнаго въ жизни, иначе и быть не можетъ. Именно поэтому возведеніе народныхъ инстинктовъ въ рангъ факторовъ прогрессивныхъ и является дѣломъ и неразумнымъ, и даже опаснымъ. Подставлять же при изображеніи народной жизни подъ инстинктъ идею—еще хуже. Это часто бываетъ такой идеализаціей народа, которая смахиваетъ даже на клевету на него. Совсѣмъ иное дѣло, когда то же отношеніе къ несчастнымъ въ томъ же народѣ начинаетъ, подъ вліяніемъ условій жизни, осмысливаться, и изъ простого инстинкта, изъ простой эмоціи становится уже идеей-силой, тогда, когда тотъ же народъ бываетъ при-

званъ сдѣлаться судьей надъ этими несчастными, когда онъ, въ качествѣ присяжныхъ, сидитъ въ судѣ и во-очію видитъ горе и страданія, которыя ему и надо судить. Тутъ волей-неволей его чувство, его инстинктъ осмысливается, становится идеей—и тогда это „дружество къ мытарямъ и грѣшникамъ“ становится общественною силой и имѣетъ несомнѣннымъ результатомъ увеличеніе суммы человѣческаго счастія. Крестьянинъ, судившій, въ качествѣ присяжнаго, несчастныхъ, взявшій на свою душу мірскіе грѣхи этихъ несчастныхъ, уже не тотъ крестьянинъ, который, жалѣючи, подаетъ несчастному кусокъ хлѣба; онъ уноситъ изъ суда въ свою глухую деревню уже нѣкоторую *идею*, которая, если не заглохнетъ, конечно, заставитъ его иначе относиться къ разнымъ жизненнымъ явленіямъ, чѣмъ онъ относился къ нимъ раньше, когда руководился только инстинктомъ. Деревня дала ему только инстинкты, а новая для него среда превратила эти инстинкты въ идею, т.-е. въ нѣкоторую общественную силу.

Это не означаетъ, конечно, чтобы инстинкты, чувства, эмоціи не имѣли никакого значенія или имѣли значеніе только отрицательное. Совсѣмъ нѣтъ. Наоборотъ, они являются всегда и въ сферѣ дѣятельности личной, и въ сферѣ дѣятельности общественной, силами мотивирующими; мы хотимъ только сказать, что идея, въ противоположность имъ, есть сила управляющая. Да, наконецъ, хоть и говорится обыкновенно, что идеи носятся въ воздухѣ, но на самомъ-то дѣлѣ не въ воздухѣ онѣ порождаются; онѣ суть произведеніе тѣхъ же инстинктовъ, чувствъ и эмоцій и именно поэтому и въ этомъ смыслѣ, несмотря на ихъ всеобщность и всечеловѣчность, все же можно говорить объ идеяхъ русскихъ, англійскихъ, европейскихъ вообще и т. д. Только при этомъ надо всегда помнить, что именно разумѣется подъ такими терминами. Въ свою очередь и самые инстинкты, чувства, эмоціи не суть явленія первичныя; они тоже производны и составляютъ слѣдствіе многообразныхъ исторически развивавшихся причинъ.

Далеконько, однако, мы отошли отъ разбора очерка г. Ширкова. Мы хотѣли только указать, что, дѣйствія, мотивированныя инстинктомъ,—а таковы почти всегда бывали до сихъ поръ дѣйствія народа,—почти всегда неудачны, не достигаютъ цѣли, къ которой они стремятся; успѣшны же и цѣлесообразны бываютъ по большей части только дѣйствія, мотивируемыя идеей. Въ очеркѣ г. Ширкова мы можемъ найти нѣкоторую иллюстрацію къ такому соціологическому закону. Столяръ Иванъ Круглый женится на падшей женщинѣ, руководясь главнымъ образомъ любовнымъ къ ней тяготѣніемъ, хотя въ его чувствѣ присутствуетъ и идейная сторона—„дружество къ мытарямъ и грѣшникамъ“. Но онъ слишкомъ живой и страстный человѣкъ, чтобы руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ одной только идеей. Его сильная и самоотверженная любовь даетъ ему рѣдкое, почти нечеловѣческое счастіе. „До солнышка глаза продралъ,—разсказываетъ онъ другому столяру, Митькѣ,—и радуешься: слава Ти, Господи милостивый!... На работу ушелъ... а оно у тебя, счастіе-то твое, такъ словно по всему нутру завозилось... Не поймешь ты, Митя, не знаючи... со стороны все одинако показывается, а... одно слово, моя она была. И одно только и думалось мнѣ: какъ это, когда Богу душу отдавать придется, коли мнѣ ея лишиться, напримѣръ,—то какъ она одна безъ меня на тотъ-то свѣтъ представится? Куда ей тамъ одной безъ своего человѣка? Все мнѣ такъ показывается, что и не управится... Все не прилажу. А такъ хочется, значитъ, чтобъ ей горести никакой не учинилося“.

Такъ вотъ какая радость безъ конца была въ жизни столяра Ивана. Но, какъ извѣстно, русскій человѣкъ всегда подъ Богомъ ходитъ, и въ самой радости уже таятся сѣмена страданія. Страданіе и пришло къ Ивану и захватило его именно отъ его великой радости. Онъ слишкомъ много любилъ и слишкомъ мало думалъ. У него умеръ ребенокъ, жена затосковала и съ тоски пошла по прежней дорогѣ несчастія и позора. Человѣкъ чувства и тутъ не перестаетъ любить и надѣяться. „Обидѣлъ Ты меня, Господи праведный! Али я Тебѣ не молился? Али какое злодѣйство сдѣлалъ? Да коли я грѣшный человѣкъ такой, что худше меня, выходитъ, во всемъ міру нѣту—такъ нечто Ты, Господи Іисусе, на милость свою великую не властенъ?“ „И онъ возвращаетъ и прощаетъ жену, но не надого“. Не могу, говоритъ, въ глаза твои глядѣть; ты простишь, да душа не прощаетъ; негодящая я тебѣ, брось меня... и пошла... пропала“.

По груди бѣднаго Ивана Круглаго прошло колесо жизни, прошла одна изъ тѣхъ обычныхъ бѣдъ, что по народной поговоркѣ не по лѣсу ходятъ, а по людямъ. Прошло колесо и размозжило человѣка. Ничего не подѣлаешь—таковъ обычный приговоръ. Но г. Ширковъ отдѣлаться такимъ шаблоннымъ приговоромъ не желаетъ. Онъ ищетъ причины и противопоставляетъ человѣку инстинкта и чувства человѣка идеи. Столяръ Митька, выслушавъ разсказъ Круглаго, вырабатываетъ себѣ нѣкую идею о необходимости спасенія грѣшницъ. И онъ идетъ въ грязный притонъ, гдѣ и выбираетъ „самую что ни на есть озорную“, Дуньку, и женится на ней. То же дѣйствіе, но иначе мотивированное. Онъ, конечно, тоже любитъ свою Дуньку, какъ и Иванъ Марью, но онъ не плачетъ, не стоитъ предъ Дунькой на колѣняхъ, не цѣлуется, не милуется съ ней. Напротивъ, онъ подвергаетъ ее суровому режиму. „Дали яичко,—говоритъ онъ ей, когда она проситъ у него жалости и ласки—такъ еще и вылупленное подавай. Коли медъ, такъ и ложку. Послужи сперва... а я погляжу“!... И Митькѣ повезло счастье, прочное земное счастіе, въ которомъ жизнь отказала человѣку чувства, мистику Ивану.

Если бы г. Ширковъ остановился на этомъ въ своемъ очеркѣ, онъ не былъ бы мистикомъ. Тогда его очеркъ былъ бы чѣмъ-то законченнымъ и являлся бы довольно оригинальною защитой вышеизложенныхъ положеній о значеніи идеи, какъ существенно прогрессивной и притомъ существенно успѣшной силы. Можно было бы тогда, разумѣется, говорить о дѣланности произведенія, объ его тенденціозности и т. д. Въ особенности можно было бы указывать на неполноту объясненія явленія, на то, что, можетъ быть, причина разницы въ положеніи Ивана и Митьки просто въ разницѣ темпераментовъ дѣйствующихъ лицъ, а совсѣмъ не въ разницѣ между инстинктомъ и идеей. Вообще, мало ли что можно было бы сказать.

Но г. Широковъ—мистикъ, и потому онъ не могъ ограничиться простой реальной картиной дѣйствительности, во всякомъ случаѣ коечто доказывающей. Ему необходимо выйти за предѣлы дѣйствительности, въ сферы сверхчувственнаго и доказать, что Митькино счастье, хотя и обусловленное той возвышенной идеей, которую самъ авторъ избираетъ эпиграфомъ своего очерка, идеей о дружествѣ къ мытарямъ и грѣшникамъ, есть счастье чисто-земное и потому самому низменное и что настоящее-то счастіе—въ страданіи, въ преданіи себя не идеѣ, а волѣ Божіей.

Когда Иванъ увидалъ, что „Митькѣ Богъ привелъ сдѣлать добро,

а ему не далъ", онъ не стерпѣлъ и снова нашелъ жену и вернулъ ее къ себѣ. Но только опоздало счастье, не вынесла его душа своей муки, въ умѣ бѣдняга попортился. И вотъ тогда-то для него и открывается небо настоящаго счастія,—того счастія, къ которому, по мнѣнію всѣхъ мистиковъ, вѣчно стремится душа человѣческая, счастья, доступнаго не обыкновеннымъ людямъ, а только „юродивымъ", „Божьимъ людямъ",—однимъ словомъ, счастія страданія.

Иванъ въ тихомъ безуміи ходитъ по деревнѣ босой и почти голый, не чувствуя ни холода, ни голода и съ блаженной улыбкой на молодомъ, покрытомъ мелкими морщинками лицѣ повторяетъ: „я радый". Въ минуту просвѣтленія онъ разъясняетъ Митькѣ мучащую того загадку о радости. „Тееперече, какъ я на это дѣло сталъ, Богу служить, а объ себѣ заботу имѣлъ; потому полюбилась она мнѣ... а еще думаю, Божье дѣло. Гордость, вишь, она гдѣ... А ты не думаючи, значитъ, прямо на Божье дѣло пошелъ, себя не пожалѣлъ. Вотъ Божье-то дѣло выходитъ безъ муки и Самъ Господь справилъ. А мнѣ, говоритъ, пострадай Богу. Ну и слава Тебѣ Господи. Я и радый".

И человѣкъ идеи, Дмитрій, признаетъ преимущество такой радости—страданія надъ своей чисто земной радостью. „Отмолилъ ты, Божій человѣкъ, дѣломъ своимъ, говоритъ онъ Ивану, потому изъ-за тебя и я человѣкомъ сталъ, а за мной и другіе идутъ". „И Дмитрій снялъ картузъ, перекрестился и вдругъ, чмокъ его въ плечо, точно къ мощамъ святымъ приложился".

„Не въ грѣхъ будь и мнѣ,—заключаетъ свой разсказъ г. Ширковъ,— что на грѣшномъ мѣстѣ имя Божье я сказалъ".

Какъ видите, и тутъ, какъ въ первомъ разсказѣ автора, въ „Сази", человѣкъ „прославился въ нихъ", т.-е. въ полнотѣ страданія и въ преданіи себя во власть мстящаго Бога. И дѣйствительно, пожалуй, что и грѣхъ, что авторъ „на грѣшномъ мѣстѣ имя Божье сказалъ". И грѣхъ этотъ предъ собственнымъ талантомъ, искажаемымъ мистикой.

Несмотря на всѣ свои недостатки, очеркъ г. Ширкова все же выдѣляется изъ другихъ беллетристическихъ произведеній, подлежащихъ нашему разбору. Къ сожалѣнію, слишкомъ часто бываетъ, что журнальная беллетристика похожа на тотъ грибокъ, который выростаетъ на ночь и исчезаетъ подъ палящими лучами лѣтняго солнца. По отношенію къ такимъ произведеніямъ обязанность обозрѣвателя состоитъ только въ томъ развѣ, чтобъ указать на нихъ, какъ на то, что ни съ какой стороны вниманія читателя не заслуживаетъ. Таковы въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*: *Діана* г. Краковскаго, очеркъ Кота Мурлыки *Что дальше будетъ*, въ *Вѣстникѣ Европы* повѣсть г. Головина *Баловень счастья*. Въ *Мірѣ Божіемъ*, кромѣ безконечно тянущагося романа г. Потапенка *Живая жизнь*, говорить о которомъ до его окончанія положительно невозможно просто потому, что онъ печатается такими маленькими кусочками, что никакого впечатлѣнія не получается и получиться не можетъ, и который, во всякомъ случаѣ, не принадлежитъ къ числу лучшихъ разсказовъ автора изъ быта духовенства, такъ какъ шаржъ и утрировка въ изображеніи дѣйствія и идеализація лицъ (въ которой вообще не вполнѣ бываетъ безгрѣшенъ авторъ, даже и въ извѣстной его повѣсти: *На дѣйствительной службѣ*) черезчуръ бросаются въ глаза,—напечатанъ небольшой эскизъ г-жи Безродной изъ жизни чиновничества маленькаго глухого уѣзднаго городка: *Ранняя дичь*. Этотъ очеркъ, какъ эскизъ, какъ проба пера, пожалуй, и недуренъ;

написанъ онъ живо, реально, не безъ юмору. Но къ сожалѣнію, все это старо и неоригинально.

Въ *Русскомъ Богатствѣ* три новыхъ беллетристическихъ произведенія: очеркъ изъ чукотской жизни г. Тана *На стойбищѣ*, романъ г. Станюковича *Жрецы* и изъ жизни русскихъ въ Америкѣ *Послѣднее слово* г-жи Сомовой. Всѣ эти произведенія не принадлежатъ къ разряду не только выдающихся, но даже и второразрядныхъ.

Очеркъ г. Тана наврядъ ли, впрочемъ, и можно причислять къ произведеніямъ беллетристическимъ. Сколько помнится, по поводу перваго очерка того же автора изъ чукотской жизни мы замѣтили, что вообще нравы и психологія такой среды, которая стоитъ безконечно низко по отношенію къ среднему культурному уровню читателя и напоминаетъ скорѣе (конечно, сравнительно) животныхъ, чѣмъ людей, не можетъ служить предметомъ художественнаго изображенія просто потому, что въ читателѣ художественную эмоцію можетъ производить только нѣчто намъ психологически близкое и хоть сколько - нибудь родственное. Возможенъ романъ или разсказъ изъ жизни индѣйцевъ (это доказалъ Киплингъ), изъ жизни якутовъ даже, народа съ культурой уже старой и земледѣльческой, хотя слѣдуетъ припомнить, что даже такой крупный беллетристическій талантъ, какъ г. Короленко, въ своемъ извѣстномъ *Снѣ Макара* не рѣшился изобразить психію якута. Его Макаръ не якутъ, а русскій крестьянинъ, хотя и объякутившійся. Впрочемъ, возможность чисто-художественнаго произведенія изъ жизни якутовъ доказалъ другой большой талантъ, г. Сѣрошевскій, но наврядъ ли возможенъ романъ изъ жизни какихъ-нибудь готтентотовъ, бечуаковъ или чукчей. Тѣмъ не менѣе, принявъ во вниманіе такую оговорку, очеркъ г. Тана, какъ чисто этнографическій, прочтется съ большимъ интересомъ. Если сравнить его съ произведеніями хотя бы г. Діонео, какъ извѣстно, принятыми весьма благосклонно нашей критикой, то сравненіе во всѣхъ отношеніяхъ окажется благопріятнымъ для г. Тана. Для всякаго, знакомаго съ литературой предмета, съ перваго взгляда на очерки г. Діонео было очевидно, что это просто трудолюбивая компиляція изъ первоначальныхъ источниковъ, разсѣянныхъ по старымъ сибирскимъ газетамъ (притомъ частенько почти всегда безъ указанія источниковъ), компиляція, которой придана только беллетристическая форма и въ которой источниками авторъ пользовался безъ разбора и провѣрки, такъ что въ составленіи книги оригинальный матеріалъ, собственныя наблюденія автора играли роль крайне незначительную. Совсѣмъ иного рода произведенія г. Тана; авторъ, несомнѣнно, самъ наблюдалъ описываемое и пишетъ, не мудрствуя лукаво, только о томъ, что онъ самъ, собственными глазами видѣлъ. Потому если вы и не встрѣтите у него никакихъ особенно важныхъ въ научномъ отношеніи замѣчаній, за то встрѣтите то, чего не найдете у другихъ прежнихъ наблюдателей (Врангеля, Майделя и другихъ). Его очерки—плодъ самостоятельныхъ наблюденій, и такъ какъ форма ихъ легка и удобочитаема, то они и прочтутся съ нѣкоторымъ интересомъ... хотя, повторяемъ, это произведеніе отнюдь не беллетристическое.

Довольно живо и интересно начаты очерки г-жи Сомовой: *Послѣднее слово*, изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. Въ особенности намъ понравилось одно сопоставленіе, которое, кажется, можно бы было обобщить. Это сопоставленіе простыхъ людей, переселяющихся въ Америку, и россійскаго интеллигента изъ неуравновѣшенныхъ. Нѣкто Бунинъ

ѣдетъ въ Америку, какъ въ страну обѣтованную. Къ американской жизни онъ съ перваго же своего шага на американской почвѣ примѣняетъ ту широкую и требовательную мѣрку высшихъ идеаловъ, которая вообще (конечно, къ нашему счастію) отличаетъ нашего ищущаго интеллигента. Нашъ интеллигентъ, вѣдь, вообще на маломъ не мирится; ему сразу подавай тысячелѣтнее царство Божіе на землѣ. И, повторяемъ, это наше счастье пока, что онъ таковъ; иначе, пожалуй, наша почва совсѣмъ бы бурьяномъ заросла, ибо бываютъ такія страны и такія эпохи, когда единственный выходъ находится въ странѣ „нигдѣ". „Мы, русскіе, варвары,—говоритъ Бунинъ,—это всѣми признано. Но, вѣдь, это совсѣмъ другое дѣло. Мы и сознаемъ, что мы плохи и учить никого не беремся, а сами учимся. А Америка? Вѣдь, на Америку мы смотримъ какъ на высшій идеалъ. Вѣдь, она для насъ звѣзда путеводная. Я вонъ какъ пріѣхалъ, на берегъ ступить боялся, чтобъ не попрать своей грѣшною ногой священную землю". Понятно, какъ горько и какъ рѣзко по внезапности разочаровала Америка такого наивнаго мечтателя, россійскаго интеллигента.

Такъ вотъ, такому - то младенцу г-жа Сомова противопоставляетъ простеца, въ лицѣ минскаго еврея - ремесленника Вейнштейна. Тотъ, навѣрное, не искалъ въ Америкѣ никакихъ высшихъ идеаловъ; но все же и онъ искалъ идеала—только не тысячелѣтняго царствія Божьяго, а того простого и маленькаго идеала, который Америка, дѣйствительно, ему дать можетъ. Онъ пробился съ женой шесть мѣсяцевъ на фабрикѣ, чуть съ голоду не умерли. Но Вейнштейнъ не даромъ еврей. Онъ живо понялъ, какое важное значеніе имѣетъ реклама—и началъ продавать „прекрасныя русскія политическія папиросы, пригодныя для всѣхъ политическихъ мнѣній"... „Кто можетъ отказаться купить такую сигарету?— объясняетъ онъ Бунину.— Демократъ? Нѣтъ. Республиканецъ? Нѣтъ. Популистъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Эти сигареты соединяютъ всѣхъ въ одно". „Здѣсь каждый себя прославляетъ,—продолжаетъ онъ объяснять Бунину суть американской жизни, — т.-е. Америку и себя. И каждый дѣлается полезнымъ человѣкомъ. Вотъ я уже пять лѣтъ продаю русскія сигареты и стараюсь на пользу Америки. А тамъ я разбогатѣю и куплю много вотовъ и буду важнымъ чиновникомъ. И можетъ быть, когда - нибудь президентомъ будетъ не Кливелендъ, а Вейнштейнъ"... Какого же, однако, такъ сказать, реальнаго идеала искалъ и нашелъ въ Америкѣ минскій еврей? А вотъ какого: „Я скажу одно, вотъ я бѣдный еврей изъ Минска, котораго могли тыкать ногой, какъ паршивую собаку, а пріѣхалъ въ Америку и теперь я человѣкъ, настоящій человѣкъ. Я работаю на одной линіи съ другими людьми, и меня всѣ уважаютъ, и я всѣхъ уважаю".

Мы замѣтили, что такое сопоставленіе простеца и россійскаго интеллигента можетъ быть даже обобщено. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ только для одного бѣднаго еврея изъ Минска стремленіе, чтобъ его не тыкали ногой, какъ паршивую собаку, стремленіе быть настоящимъ человѣкомъ и работать на одной линіи съ другими людьми, представляетъ нѣчто вродѣ идеала? Конечно, нѣтъ. Это идеалъ всякого русскаго простеца, идеалъ и доселѣ (къ сожалѣнію) противопоставляемый высшимъ идеаламъ интеллигента, его полетамъ въ царство „Нигдѣ". Понятно, что какого-нибудь логическаго противорѣчія между этими двумя идеалами не существуетъ; это просто психологическое противопоставленіе и одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыми такъ богата россійская практика. И тѣмъ не менѣе это недоразумѣніе ведетъ ча-

сто къ трагическимъ коллизіямъ, исходъ изъ которыхъ только въ одномъ—во взаимномъ приближеніи этихъ двухъ одинаково необходимыхъ для прогрессивнаго дѣйствія идеаловъ и въ надлежащемъ ихъ координированіи. Безъ высшихъ идеаловъ интеллигенціи (обычно именуемыхъ мечтаніями) жизнь превратилась бы въ гніющее и засасывающее болото,—этого, къ сожалѣнію, не понимаютъ наши практическіе поклонники все-Америки. Но, съ другой стороны, игнорированіе практическихъ идеаловъ простеца, такъ сказать, вывѣтриваетъ самую интеллигенцію, какъ вѣтры и волны вывѣтриваютъ и разрушаютъ скалы, разнося частицы ихъ въ пространствѣ, гдѣ онѣ безслѣдно и пропадаютъ. Извѣстно, что теперь у насъ происходитъ именно такое вывѣтриваніе нашей интеллигенціи. Для прогрессивнаго дѣйствія поэтому необходимо, какъ сказано, та или иная комбинація этихъ двухъ идеальныхъ элементовъ. Причемъ само собой понятно, что практическій идеалъ простеца имѣетъ за собой первенство, хотя бы по тому одному, что это идеалъ массовый. Его игнорированіе и приводило всегда нашихъ Буниныхъ къ нѣкоторому, не по чину великолѣпному, презрѣнію и даже къ ненависти къ все-Америкѣ, причемъ Бунины всегда забывали, что все-Америка возводитъ простеца въ рангъ „настоящаго человѣка, работающаго на одной линіи съ другими людьми“... Вотъ именно это-то мы разумѣемъ подъ терминомъ координаціи идеаловъ.

Въ предыдущемъ обозрѣніи мы уже указали на дѣльную статью г. Ратнера: *Карлъ Марксъ и его русскій критикъ*. Теперь мы считаемъ излишнимъ приводить аргументацію г. Ратнера, направленную противъ г. Слонимскаго, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ признаетъ, что „сама по себѣ полемика съ г. Слонимскимъ весьма скучная вещь“, а потому мы и ограничимся тѣмъ, что приведемъ заключеніе статьи.

Опровергнувъ замѣчанія г. Слонимскаго о яко бы невключеніи Марксомъ въ его теорію элемента высшаго труда, г. Ратнеръ говоритъ: „игра словами въ данномъ случаѣ, очевидно, на сторонѣ г. Слонимскаго, а анализъ дѣйствительности несомнѣнно принадлежитъ Марксу,—тому ученому, который, создавъ теорію прибавочной стоимости, вытекающую изъ исторически-общественнаго характера капиталистическаго производства, не могъ оставить эту теорію въ зависимости отъ постороннихъ условій... Сдѣлать это могъ только критикъ, который, не понявъ историческихъ характерныхъ чертъ капиталистическаго хозяйства, тѣмъ самымъ оказался лишеннымъ способности понять *то ученіе, которое не имѣетъ смысла и объясненія внѣ этой исторической обстановки*... Непониманіе или игнорированіе историчности ученія Маркса не представляетъ, впрочемъ, исключительной особенности критики г. Слонимскаго. Къ сожалѣнію, это почти общій грѣхъ критиковъ нѣмецкаго ученаго“.

Намъ думается, что это замѣчаніе г. Ратнера имѣетъ особую важность, потому что оно направляется не по адресу только г. Слонимскаго и не по адресу однихъ только критиковъ ученія Маркса, а и по адресу—и, пожалуй, главнымъ образомъ—людей, признающихъ себя учениками Маркса, по крайней мѣрѣ, по адресу той группы, которая ученіе Маркса, этотъ анализъ *извѣстной* исторической дѣйствительности, примѣняетъ и къ другой, тоже исторической дѣйствительности, къ которой самъ авторъ теоріи, при детальномъ изученіи, вѣроятно усомнился бы примѣнить свою теорію. У нѣмецкихъ и вообще у европейскихъ учениковъ Маркса (начиная даже съ самого Энгельса) мы

и встрѣчаемъ нѣкоторыя, правда, не вполнѣ рѣшительныя, замѣчанія, доказывающія, что они сознаютъ *историчность* ученія. Но большинство склонно признавать часть соціологической системы, чѣмъ, несомнѣнно, можно считать ученіе Маркса за нѣчто самостоятельное, отдѣльно отъ всей системы стоящее, за всю эту соціологическую систему въ ея цѣльности.

Между прочимъ, то познаніе историчности ученія, о которомъ говоритъ г. Ратнеръ, до значительной степени уяснило бы и выше поставленный нами вопросъ о координированіи идеаловъ, высшихъ и непосредственныхъ, или, какъ мы выразились выше, идеаловъ интеллигенціи и идеаловъ простеца. Въ нашихъ обозрѣніяхъ намъ очень рѣдко случалось, такъ сказать, ломать копья по этому вопросу объ ученіи Маркса и по поводу разныхъ иныхъ, смежныхъ съ нимъ, вопросовъ. И это именно потому, что всѣ эти ожесточенные споры, отголоски которыхъ не вполнѣ замолкли и теперь, всегда представлялись намъ мало насущными, не имѣющими настоящихъ корней въ *нашей* дѣйствительности, анализомъ которой только и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, заниматься по преимуществу. И если эти споры и представляли для насъ какой-нибудь интересъ, то только въ томъ смыслѣ, что они, по нашему мнѣнію, до значительной степени мѣшали—и до сихъ поръ мѣшаютъ, вышеупомянутому координированію идеальныхъ элементовъ дѣйствія.

Вообще говоря, судьба нѣкоторыхъ изъ нашихъ, такъ называемыхъ, вопросовъ, по скольку они, по крайней мѣрѣ, отражаются въ журналистикѣ, весьма любопытна. Вынырнетъ иной такой вопросъ чуть не внезапно, всего чаще по поводу какой-нибудь статьи или книги, почти всегда почтенной и во всякомъ случаѣ вниманія и обсужденія заслуживающей,—и понесется этотъ вопросъ по поверхности журналистики, захватывая все болѣе и болѣе широкіе слои нашей, по преимуществу книжной, интеллигенціи... и потомъ вскорѣ исчезаетъ почти безслѣдно, не приводя рѣшительно ни къ какимъ ни къ практическимъ, ни даже къ теоретическимъ результатамъ, исчезаетъ просто въ силу общаго истощенія... Тѣмъ не менѣе, все же безслѣдность ихъ только относительная; они очень долго послѣ своего исчезновенія со страницъ повременныхъ изданій находятся въ обиходѣ среди вышеупомянутой книжной интеллигенціи, увеличивая въ этой средѣ и безъ того довольно значительную умственную сумятицу и отвлекая этотъ важный общественный элементъ отъ подлиннаго, живого дѣла жизни, мѣшая, какъ мы выразились выше, необходимому координированію идейныхъ элементовъ общественной эволюціи. Такая судьба вопроса почти всегда представляетъ несомнѣнное доказательство его малой жизненности, отсутствія у него корней въ подлинной нашей дѣйствительности.

Иная судьба другихъ вопросовъ, дѣйствительно жизненныхъ. Поднятые разъ журналистикой, поставленные самой жизнью, они уже никогда не сходятъ съ очереди. Возбуждая часто споры, не менѣе ожесточенные, чѣмъ вопросы перваго рода, они почти всегда приводятъ къ довольно-оригинальному результату: къ общему согласію, вопреки даже громадной разницѣ въ направленіяхъ. Таковы, напримѣръ, основные вопросы крестьянской жизни, по крайней мѣрѣ—ея экономической стороны, вродѣ малоземелья. Было, вѣдь, время, когда даже и этотъ вопросъ былъ вопросомъ. Теперь онъ уже получилъ рѣшеніе несомнѣнное, хотя и не на практикѣ. Малоземелье признано всѣми...

То же можно сказать и о многихъ другихъ вопросахъ, теоретическая сторона которыхъ выяснена окончательно самой жизнью.

Къ числу такихъ жизненныхъ и, такъ сказать, безсмѣнныхъ вопросовъ въ настоящее время можно, кажется, причислить и университетскій вопросъ. Въ разбираемой книгѣ *Вѣстника Европы* этому вопросу посвящена обстоятельная, основанная на оффиціальныхъ данныхъ, статья г. Л—каго: *Московскій университетъ*. „Ростъ университетовъ,— говоритъ почтенный авторъ,—былъ задержанъ трижды: въ концѣ сороковыхъ, въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ 1848 году число студентовъ всѣхъ университетовъ было 4,000, черезъ 25 лѣтъ, въ 1874 году, ихъ было только 5,300. Число студентовъ за четверть вѣка увеличилось только на 32%, а все населеніе страны выросло на 40%, и, что еще важнѣе, городское населеніе увеличилось на 67%, такъ что было очевидное несоотвѣтствіе между спросомъ на высшее образованіе и удовлетвореніемъ этого спроса. Что тутъ была задержка развитія, а не просто его медленность, это доказывается тѣмъ, что въ 1859 году студентовъ было 5,555, т.-е. больше, чѣмъ въ 1874 году. Вліяніе такихъ задержекъ,—продолжаетъ авторъ,—не можетъ продолжаться вѣчно; въ концѣ-концовъ мѣры, которыми задерживаются развитіе естественныхъ потребностей страны, оказываются безсильными. Такъ, напримѣръ, въ 1875 году вліяніе гимназическаго устава 1871 года было уже исчерпано, и число оканчивающихъ курсъ гимназистовъ начинаетъ быстро увеличиваться. Цифры автора, къ сожалѣнію, ничего не говорятъ намъ о томъ, не произошла ли такая неизбѣжная компенсація задерживающихъ мѣръ въ ущербъ цѣлымъ общественнымъ классамъ, молодежь которыхъ раньше попадала въ университетъ, а теперь совсѣмъ не попадаетъ; не повліяли ли, говоря другими словами, эти мѣры на качественный и сословный составъ студенчества. Вѣдь, какъ хотите, громадная разница, если, напримѣръ, изъ духовнаго сословія раньше въ университетъ шли и дѣти причетниковъ, а потомъ высшее образованіе дѣлается для нихъ недоступнымъ. Тутъ уже никакая жизненная компенсація не вознаградитъ нашу демократію за ея утраты. Во всякомъ случаѣ, по словамъ автора, вновь принимавшіяся мѣры были направлены не столько къ привлеченію въ университеты новыхъ категорій (совсѣмъ наоборотъ!), сколько къ ограниченію поступленія нежелательныхъ почему-нибудь категорій. Въ 1879 году закрытъ доступъ семинаристамъ, уставъ 1884 года имѣлъ въ виду „сокращеніе наплыва молодыхъ людей, не обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи“, т.-е. превращеніе университетовъ въ высшую школу для нарождающейся буржуазіи (чего, кстати сказать, до извѣстной степени и достигли); въ 1887 году повышена плата. Несмотря на это, съ 75 года приростъ числа учащихся продолжается, хотя и неравномѣрно. Но при обсужденіи этого явленія не слѣдуетъ упускать изъ вида, что такой приростъ былъ, по всей вѣроятности, какъ сказано выше, одностороннимъ въ классовомъ отношеніи и что онъ былъ меньшимъ по сравненію съ тѣмъ, какой вызывался бы естественнымъ удовлетвореніемъ растущей потребности въ высшемъ образованіи; съ 1887 года этотъ приростъ уменьшается. Въ этомъ году предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія возникаетъ вопросъ „о сокращеніи числа гимназій и о сокращеніи числа учениковъ въ гимназіяхъ“. Особое совѣщаніе проектировало даже закрыть гимназіи для сословій ниже купцовъ 2-й гильдіи; такая мѣра была признана несвоевременной и министры Толстой, Островскій, Вышнеградскій, Деляновъ

и Побѣдоносцевъ проектировали рядъ извѣстныхъ мѣръ, которыя и прошли отчасти чрезъ комитетъ министровъ, отчасти выполнены циркулярами министерства. Число гимназистовъ съ 71,000 въ 1886 году пало до 59,500 въ 1890 году, т.-е. понизилось въ четыре года на 16%. Пониженіе же числа учениковъ приготовительныхъ классовъ доходитъ до поразительныхъ размѣровъ, до 36%. Любопытно различіе во вліяніи уставовъ на число выбывающихъ до окончанія курса студентовъ. Въ двадцатилѣтіе отъ 1865 до 1884 года ежегодно выбывало до окончанія курса 138 человѣкъ (до введенія устава 1863 года выбывало по 235 человѣкъ), а въ десятилѣтіе отъ 1885 до 1894 года—286 челов. Вообще говоря, изученіе прошлаго,—по справедливому замѣчанію автора,—даетъ указанія на раціональныя условія развитія университетовъ. Въ русскихъ университетахъ происхожденіе этихъ началъ восходитъ къ 1804 году, въ значительной мѣрѣ (однако, далеко не вполнѣ, замѣтимъ мы отъ себя) эти начала были осуществлены уставомъ 1863 года. Живучесть ихъ доказывается тѣмъ, что каждый разъ, когда университеты приходили въ упадокъ, возрожденіе ихъ считалось возможнымъ прежде всего путемъ возвращенія къ этимъ началамъ, т.-е. къ началамъ самоуправленія двухъ корпорацій, на которыя естественно распадается всякій университетъ, заслуживающій такого названія: корпораціи учащихъ и корпораціи учащихся.

Дворянскій вопросъ, если и не настоятельно важный, то, во всякомъ случаѣ, можно сказать, сезонный вопросъ, и, обозрѣвая текущую журналистику, невозможно умалчивать о немъ. Правду сказать, довольно трудно опредѣлить, что это за вопросъ такой, потому что наврядъ ли найдутся хотя бы два человѣка, которые могли бы дать точное и во всѣхъ деталяхъ совпадающее опредѣленіе этого вопроса. Тѣмъ не менѣе, самый-то вопросъ, несомнѣнно, существуетъ, и хроникеръ *Вѣстника Европы* снова и снова посвящаетъ ему рядъ очень цѣнныхъ соображеній. „Еслибы въ настоящую минуту,—говоритъ онъ,—дворянскій вопросъ сводился къ улучшенію быта помѣстнаго дворянства, онъ послѣ указа 29 мая могъ бы считаться окончательно рѣшеннымъ". Но извѣстнаго рода печать ставитъ вопросъ этотъ гораздо шире и выдвигаетъ на первый планъ возстановленіе „государственнаго значенія дворянства". Что, въ сущности, означаетъ такое возстановленіе, мы уже говорили въ предыдущемъ обозрѣніи. Это „пятьдесятъ тысячъ полицеймейстеровъ", о которыхъ говорилъ императоръ Павелъ; и, въ сущности, нѣчто еще болѣе внушительное. „Мы не ошиблись,—говоритъ хроникеръ,—предполагая, что въ составъ „дворянскихъ мечтаній" входитъ сосредоточеніе въ рукахъ помѣстнаго дворянства всѣхъ мѣстныхъ должностей" (кажется, даже и не мѣстныхъ). Такія „дворянскія мечтанія" уже давно выяснены для публики; но тутъ имѣется одна любопытная черта, на которую и указываетъ почтенный журналъ. Въ воображеніи охранительной прессы,—замѣчаетъ онъ,—готово присутственное мѣсто, обязанное выслушивать сочинителей разныхъ „дворянскихъ прожектовъ"; для него придумано и названіе: Дворянскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Этой счастливой мысли (въ смыслѣ happy toughts англійскаго юмориста),—замѣчаетъ хроникеръ,—посвящена передовая статья *Московскихъ Вѣдомостей,* серьезно трактующая на тему, годную только для каррикатуры или политической сатиры. Организованный по плану охранителей, Дворянскій отдѣлъ неизбѣжно сдѣлался бы не чѣмъ инымъ какъ складочнымъ мѣстомъ для измышленій, теперь въ большинствѣ случаевъ рождающихся и умирающихъ на

страницахъ періодическихъ изданій. Въ него посыпались бы, какъ изъ рога изобилія, всевозможные продукты праздныхъ фантазій, ненасытныхъ аппетитовъ, безпричинныхъ тревогъ, неудовлетворенныхъ честолюбій, сословныхъ антипатій и предразсудковъ. Комизмъ этого проекта увеличивается тѣмъ, что въ глазахъ его составителей „Дворянскій отдѣлъ“ является только первымъ шагомъ къ болѣе крупной цѣли... Дворянскому отдѣлу предстоитъ обратиться съ теченіемъ времени въ министерство дворянскихъ дѣлъ. Лучшей reductio ad absurdum не могли бы придумать злѣйшіе противники проекта“... „Для охранительной печати,—полагаетъ хроникеръ почтеннаго журнала,—Дворянскій отдѣлъ важенъ не столько самъ по себѣ, сколько какъ боевое орудіе противъ „общероссійской дворянской организаціи“... Изъ-за высокопарныхъ рѣчей о „государственномъ значеніи дворянства“ проглядываетъ глубокое недовѣріе къ его политическому смыслу. Полновластіе въ одномъ направленіи предоставляется дворянству лишь подъ условіемъ полной безгласности въ другомъ. Таковъ настоящій взглядъ охранительной печати на корпоративную дѣятельность дворянства и вообще на дворянскій вопросъ... „Мы вовсе не стоимъ,—оговаривается хроникеръ,—за „общероссійскую дворянскую организацію“, которой такъ боятся газетные охранители, но мы думаемъ, что даже и она была бы лучше той всеобщей приниженности, которую они проповѣдуютъ“... Такими взглядами обусловливается, въ концѣ-концовъ, и непримиримая ненависть къ земскимъ учрежденіямъ, реформированнымъ въ направленіи сословности и фактически почти всецѣло дворянскимъ. Въ то время, когда сравнительно благоразумные сторонники сословнаго строя указываютъ на расширеніе земской дѣятельности, какъ на лучшее средство поднять и укрѣпить значеніе дворянства, фанатики безправія выбиваются изъ силъ, подкапываясь подъ уцѣлѣвшіе еще устои земскихъ учрежденій,—замѣчаетъ по этому поводу хроникеръ. Такимъ образомъ, сущность дворянскаго вопроса, какъ онъ представляется этимъ фанатикамъ безправія, уясняется болѣе или менѣе вполнѣ. Мѣстное управленіе, дворянское по составу, бюрократическое по организаціи, охраняющее дворянскіе интересы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, держащее остальное населеніе въ ежовыхъ рукавицахъ—вотъ картина русскаго благоустройства, какимъ оно рисуется для вышеупомянутыхъ фанатиковъ безправія... Къ такой картинѣ, начертанной искусной кистью почтеннаго хроникера, можно бы было прибавить еще нѣкоторыя характерныя черточки, но она и безъ того достаточно хороша.

Настолько хороша, что приходится согласиться съ почтеннымъ хроникеромъ, что даже и „общероссійская дворянская организація“ была бы лучше. Для подтвержденія этой послѣдней мысли имѣется достаточное количество какъ теоретическихъ, такъ и чисто-практическихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что существовавшій до недавняго времени сословный антагонизмъ теперь все болѣе и болѣе превращается въ антагонизмъ классовый. Собственно говоря, между дворянствомъ, какъ таковымъ, и крестьянской массой антагонизма не существуетъ, и это признаютъ болѣе благоразумные защитники сословныхъ отличій. Существуетъ же, все болѣе и болѣе обостряясь, антагонизмъ между крупнымъ съ одной стороны и мелкимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ съ другой. Представителемъ этого антагонизма можетъ являться и помѣстное дворянство, но не одно оно и не исключительно.

Съ другой стороны, мы не можемъ не признать, что у всѣхъ группъ людей земли, и въ особенности у крестьянства и помѣстнаго дворянства,

имѣются одинаковые интересы, хотя эти общіе интересы и касаются обѣихъ группъ далеко не въ одинаковой степени. Всѣ эти общіе интересы лежатъ въ сферѣ культурныхъ пріобрѣтеній. Улучшенные пути сообщенія, улучшенные методы хозяйства, правильная и широкая организація дѣла медицинской помощи, дѣла всенароднаго образованія и т. д., и, въ особенности, правильная организація мѣстныхъ суда и управленія, гарантія личности противъ произвола и безправія — всѣ эти интересы общи обѣимъ группамъ людей земли, хотя на практикѣ они и касаются, повторяемъ, ихъ обѣихъ не въ одинаковой степени. И такая общность интересовъ этихъ двухъ группъ доказывается и исторіей.

Не безъинтересна въ этомъ отношеніи печатающаяся въ *Русскомъ Богатствѣ* статья г. Богословскаго *Дворянскіе наказы въ Екатерининскую коммиссію 1767 г.* Въ коммиссіи единственными представителями земли являются только дворяне, такъ какъ наказы отъ свободнаго сельскаго населенія имѣютъ слишкомъ *мѣстное* значеніе, что и понятно, ибо свободная масса крестьянства постепенно все болѣе таяла подъ дѣйствіемъ крѣпостного права. Въ дворянскихъ наказахъ, конечно, на первомъ планѣ представлены дворянскіе интересы, но въ то время они были такъ тѣсно связаны съ интересами крѣпостныхъ, что не могли, хотя бы и косвенно, не касаться ихъ. Шла ли рѣчь о малоземельи, о тяжести податей, о дурномъ судоустройствѣ и т. п., во всѣхъ этихъ случаяхъ интересы обоихъ классовъ очень сходились. Правда и то, конечно, что они при тогдашней крѣпостной организаціи общества могли сходиться только въ этомъ отношеніи; во всѣхъ же остальныхъ, и наиболѣе существенныхъ, между ними существовалъ рѣзко выраженный антагонизмъ; но когда дворянскіе наказы жалуются на малоземелье, на отсутствіе для крестьянъ школъ и медицинской помощи, когда они выражаютъ враждебность къ кулакамъ, скупщикамъ сельскихъ продуктовъ, когда они вопіютъ противъ разоренія крестьянъ натуральными повинностями („и въ семъ случаѣ,—говорится въ одномъ наказѣ,—бѣдный, для претерпѣнія созданный, трудникъ не ушелъ отъ разоренія и отягощенія"), когда, въ особенности, они протестуютъ противъ взяточничества и произвола воеводъ (въ одномъ наказѣ требуютъ, чтобъ и самое слова воевода было забыто), мы не можемъ не видѣть солидарности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интересовъ всей земли, даже въ такой безправной и крѣпостной странѣ, какой тогда была Россія; не можемъ не видѣть въ наказахъ XVIII вѣка большого сходства съ челобитными всей земли на соборѣ 1642 года, въ которыхъ говорилось: „а разорены мы, холопи твои, пуще турскихъ и крымскихъ басурманъ, московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ", или съ жалобами земскихъ людей половины XVI вѣка, простодушно заявлявшихъ царю, что они „запустѣли отъ воровъ и разбойниковъ, да отъ его, государевыхъ, намѣстниковъ".

„Въ послѣднее время мы стали задаваться вопросомъ о томъ, бѣднѣемъ ли мы, или, пожалуй, богатѣемъ. Если для кого-нибудь это еще вопросъ, то, конечно, его дѣйствительно пора поставить и не худо бы поторопиться выяснить опредѣленно",—замѣчаетъ г. Карышевъ въ своихъ „Народнохозяйственныхъ набросках". Въ этихъ „Набросках" г. Карышевъ трактуетъ о положеніи крестьянъ-татаръ Кошкинской волости, Вятской губ. У этихъ несчастныхъ кошкинцевъ на дворъ приходится не больше 8 десятинъ въ среднемъ, а „они только идутъ по тому же пути, по которому слѣдуютъ за ними и болѣе обезпеченныя

группы крестьянства"; среднее земельное обезпеченіе двора у кошкинцевъ за 11 лѣтъ сократилось на 14%. За эти 11 лѣтъ число безземельныхъ выросло втрое, число мало обезпеченныхъ (до 5 десятинъ на дворъ) тоже увеличилось, и уменьшились группы болѣе обезпеченныхъ. Однимъ словомъ, этотъ 11-лѣтній періодъ болѣе всего отразился на крайнихъ группахъ въ противоположныхъ направленіяхъ: число безземельныхъ сильно увеличилось, а число обезпеченныхъ сильно уменьшилось. Пополнять свое малоземелье внѣнадѣльною арендой кошкинцы не могутъ по отсутствію отдаваемыхъ въ аренду земель и, не увеличивая своего землепользованія арендой внѣнадѣльной, кошкинцы еще и уменьшаютъ его сдачей надѣловъ постороннимъ. Тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ типичнымъ для нашей деревни случаемъ „равенства въ нищетѣ" (выраженіе Лавеле). Пахота у кошкинцевъ занимаетъ 82% всей земли, т.-е. распахано все; топлива нѣтъ, ржаной соломы, служащей топливомъ, не хватаетъ ровно на половину. Главное занятіе кошкинцевъ земледѣліе, а скота почти не существуетъ; на дворъ приходится поллошади, всего скота только по 12 головъ на десять дворовъ. Больше половины домохозяевъ не имѣютъ рабочаго скота, что вызвало появленіе особаго рода артелей (изъ 2—3 домохозяевъ). 55% домохозяевъ не имѣютъ и рогатаго скота; 11% хозяевъ уже не имѣютъ крова и живутъ на квартирахъ; а кромѣ того 29% имѣютъ только по одной избѣ (безъ надворныхъ построекъ). Задолженность кошкинцевъ поразительная; недоимокъ на дворъ 78 рублей или почти 63 руб. на работника. Кошкинцы занимаются и отхожимъ промысломъ; они валяльщики; уходятъ и на заводы Пермской губерніи, но заработокъ ихъ меньше 5 руб. въ мѣсяцъ, а иногда не окупается и стоимость пищи. Бываетъ и такъ, что уйдетъ человѣкъ и не возвращается, потому что *не могъ заработать на дорогу*. Валяльщики уходятъ артелями и работаютъ часто изъ-за харчей, а иногда зарабатываютъ по 10 руб. за зиму... Таковъ въ общихъ чертахъ смыслъ картины, нарисованной г. Жирковымъ (авторомъ изслѣдованія о кошкинцахъ),—заканчиваетъ г. Карышевъ. — „Но развѣ только у однихъ кошкинцевъ ничтожные размѣры надѣловъ, при высокихъ платежахъ и при небольшомъ развитіи промысловъ? А вѣдь въ этомъ и заключается корень всѣхъ прочихъ явленій, выясняемыхъ авторомъ".

Не лучше приходится рабочему люду и въ городахъ. Въ той же книгѣ *Рус. Бог.* напечатано изслѣдованіе женщины-врача М. И. Покровской: *О жилищахъ петербургскихъ рабочихъ*. Картина благополучія, доставляемаго на этотъ разъ не властью земли, а властью машины и вообще отечественной капиталистической промышленностью ея подданнымъ, довольно-таки ярконькая выходитъ. Вотъ вамъ на выдержку нѣкоторыя цифры: въ одной комнатѣ помѣщается до двадцати человѣкъ, 13 разъ въ одной комнатѣ было болѣе десяти человѣкъ. Изъ 117 комнатъ менѣе одной кубической сажени на человѣка было въ 83; чаще всего приходится по 0,4 куб. саж.; въ помѣщеніяхъ безъ оконъ жило 18 чел.; 0,3 куб. саж. — такое пространство занимаетъ одинъ человѣкъ,— замѣчаетъ авторъ. — „Конечно, въ концѣ концовъ намъ надо только три аршина земли, но живой человѣкъ не мертвецъ". Треть куб. саж.—чего ужъ еще меньше, но оказывается, что есть и четверть куб. саж. на человѣка. Въ одной квартирѣ, состоящей изъ одной комнаты, помѣщается, наприм., 26 челов.; спятъ они на нарахъ. На каждаго приходится, приблизительно, три четверти аршина ширины; это пространство настолько мало, что спящіе должны плотно лежать другъ

около друга, чтобы умѣститься... Впрочемъ, зачѣмъ еще примѣровъ? Всѣ они въ томъ же родѣ. „Общее впечатлѣніе,— говоритъ г-жа Покровская, — которое производятъ жилища петербургскихъ рабочихъ, можно выразить коротко такъ: въ нихъ господствуетъ сырость, грязь, темнота, духота, недостатокъ воздуха и свѣта; въ огромномъ большинствѣ случаевъ пользуются первобытными ретирадами, которые постоянно служатъ источникомъ загрязненія почвы и зловонія".

И такія норы, пригодныя гораздо больше для звѣрей, чѣмъ для людей, не очень дешевы и отнимаютъ изрядную часть заработковъ; семейные, наприм., рабочіе, получающіе 15 — 20 руб., уплачиваютъ за квартиру 33% своего заработка, или 20%, если занимаютъ не комнату, а кровать. За комнату платятъ отъ 6 до 12 руб. и помѣщается въ ней, въ среднемъ, 7 чел., а бываетъ, какъ сказано, и болѣе 10; за кровать, на которой помѣщается иногда до 5 чел., платятъ отъ 3 до 4 руб., за уголъ платятъ по 3 руб., а за помѣщеніе для верстака (на которомъ, конечно, и спятъ) по 2 р. 50 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1897 г.

Аѳанасьевъ, А. Н. Народныя русскія сказки, 2 т. М., 1897 г. Ц. 3 р.

Барышниковъ, П. Учебникъ русской грамматики, ч. II. Синтаксисъ. М., 1897 г. Ц. 35 к.

Березовъ, Ф. А. Ящуръ (язычная, рыльно-копытная или афтозная болѣзнь). Спб., 1897 г. Ц. 10 к.

Библіотека общественныхъ знаній подъ редакціей Л. С. Зака. Сер. II вып. 7. Очеркъ современнаго французскаго общества г. де-Ривальеръ. Одесса, 1897 г. Ц. 25 к.

Библіотека для самообразованія. XVI. Э. Порритъ. Современная Англія. Права ея гражданъ. Пер. съ англ. О. В. Полторацкой. М., 1897 г. Ц. 1 р. 60 к.

Буанъ, Эмиль. Исторія воды. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Бѣлоконскій, И. П. Народное начальное образованіе въ Курской губ. Курскъ, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлоусовъ, И. А. Моимъ дѣткамъ. Разсказы и стихи съ рисунками. М., 1897 г. Ц. 25 к, въ папкѣ 40 к.

Васильевъ, Н. Уходъ за сельско-хозяйственными полевыми растеніями. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Веберъ, К. Сыровареніе. Руководство къ производству швейцарскаго сыра, приготовленію бакштейна и маслодѣлію. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вессель, А. К. Современные способы обработки деталей машинъ и сборки ихъ. Пер. съ нѣмецк. М., 1897 г. Ц. 1 руб. 50 к.

Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ предъ судомъ чести союза русскихъ писателей. Спб., 1897 г. Ц. 30 коп.

Гринченко, Б. Хатка въ Балуи. У Чернигови, 1897 г. Ц. 75 к.

Гюгъ Ле-Ру. Калифъ на часъ. М., 1897 г.

Дегтяревъ, П. Т. По поводу положеній графа Л. Н. Толстого въ его сочиненіяхъ „Въ чемъ моя вѣра“ и „Къ вопросу о свободѣ воли“. М., 1897 г. Ц 10 к.

Емельяновъ-Коханскій, А. Н. Месть.—Коварная панна.—Въ аду.—Ночь подъ Ивана Купала.—Страшное наказаніе (Легенды). Спб., 1897 г. Ц. 30 коп.

Жадовскій, Е. Курсъ ботаники. 2 ч. Руководство для реальныхъ училищъ. М., 1897 г. Ц. 1 ч. 1 р. 25 к., 2 ч. 1 р.

Жаколье, Луи. Паріи въ человѣчествѣ. Пер. съ франц. Л. П. Никифорова. М., 1897 г. Ц. 60 к.

Записки западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, кн. XX и XIX. Омскъ, 1896 г.

Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Т. I, вып. II. **Шимкевичъ, П. П.** Матеріалы для изученія шаманства у гольдовъ. Хабаровскъ, 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. I, вып. III. **Ивановъ, Д. В.** Основныя черты оро-геологическаго строенія хребта Сихота Алина. Хабаровскъ, 1897 г. Ц. 60 к.

— Т. II, вып. III. **Сильницкій, А. П.** Поѣздка въ Камчатку и на р. Анадырь. Хабаровскъ, 1897 г. Ц. 40 к.

— Т. II, вып. IV. **Лубенцовъ, А. Г.** Хамкенская и Пхіенанская провинціи Кореи. Хабаровскъ, 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. II, вып. I. **Олсуфьевъ, А. В.** Общій очеркъ Анадырской округи и ея экономическаго состоянія и быта населенія. Съ картой. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Золотаревъ, Л. А. Супружескія измѣны, ихъ значеніе и причины. Изд. 2-е. М., 1897 г. Ц. 30 к.
Кавелинъ, К. Д. Собраніе сочиненій. Т. I. Монографіи по русской исторіи съ портретомъ автора, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.
Кази-Бекъ, Юрій. Современная Турція. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.
Карповъ, Евтихій. Народныя драмы. I) Рабочая слободка. II) Тяжкая доля. III) Житье привольное. IV) Мірская вдова. М., 1897 г. Ц. 1 р.
Кедровъ, П. И. О чумѣ. М., 1897 г. Ц. 10 к.
Корнаковъ, В. Азбука графической грамотности. Спб., 1897 г. Ц. 85 к.
Костюхинъ, В. Морской путь и дешевый хлѣбъ. Тобольскъ, 1897 г.
Кудрявцевъ, П. Ф. Положеніе акушерской помощи сельскому населенію въ земствѣ Херсонской губерніи. Херсонъ, 1897 г.
Кулешевъ, П. Тренировка рысаковъ. Спб., 1897 г.
Левченко, Юлія. Велосипедистка. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.
Маевскій, П. Осенняя флора Россіи. Таблицы для опредѣленія растеній, цвѣтущихъ осенью. М., 1897 г. Ц. 40 к.
Макъ-Колль, Малькольмъ. Султанъ и держава. Перев. съ англійскаго. Спб., 1897 г.
Малыхинъ, М. Курсъ наглядной геометріи для 3-хъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій минист. народнаго просв. съ 116 чертежами. М., 1897 г. Ц. 45 к.
Мандрыка, М. Житейскій задачникъ для дѣтей. Сумы, 1896 г. Ц. 20 к.
Масальскій. В., кн. Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, развитіе и дѣятельность. Спб., 1897 г.
Нижегородцевъ, М. Н. О мѣрахъ къ поднятію уровня и улучшенію положенія служительскаго персонала въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ. Спб., 1897 г.
Новое manuale pharmaceuticum. Изданное при участіи д-ра E. Bosetti Eugen Dieterich'омъ. Съ дополненіями изъ Россійской фармакопеи IV изд. 1891 г. подъ ред. д-ра Н. П. Иванова. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 80 к.
Озерковъ, Д. Общедоступная пиротехнія. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.
Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1895 г. Спб., 1897 г.
Петровъ, В. В. Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи. М., 1897 г. Ц. 75 к.
Платѣевъ, Л. М. Хронологія. Пособіе для учащихся при прохожденіи и повтореніи курса всеобщей и русской исторіи. Кишеневъ, 1895 г. Цѣна 15 к., съ пересылк. 20 к.
— Таблица процентныхъ отношеній. Кишеневъ, 1897 г. Ц. 20 к.
Поповъ, Иванъ. Краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи человѣка. Москва, 1897 г. Ц. 70 к.
Потапенко, И. Счастье поневолѣ. Москва, 1897 г. Ц. 2 р.
Потѣхинъ, Л. А. Краткій учебникъ пчеловодства. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.
Радецкій, И. М. Темныя и больныя силы. (Жертвы страстей, антисоціальные типы, вырождающіеся и т. п.). Публичная рѣчь. Одесса, 1897 г. Ц. 10 к.
Ределинъ, Марія. Книга о консервахъ. Практическое и теоретическое руководство. Спб., 1897 г. Ц. 50 к., съ пересыл. 60 коп.
Робукъ, И. О. Права и обязанности пассажировъ при проѣздахъ по Россійскимъ жел. дорогамъ.
Рожественскій, А. Л. Въ безконечныхъ безднахъ вселенной. Астрономическая сказка. Москва, 1897 г.
Святловскій, В. В. Родные курорты. (Очерки и картинки). Одесса, 1897 г. Ц. 1 р.
Тарановскій, О. В. Обзоръ памятниковъ Магдебурскаго права западнорусскихъ городовъ литовской эпохи. Варшава, 1897 г.
Умновъ, П. И. О чумѣ. Лекція прочитанная 18 марта 1897 г. въ обществ. собраніи. Сызрань, 1897 г. Ц. 25 к.
Фильрозе, Грегоръ. Заиканіе, лепетаніе, шепелявость и ихъ лѣченіе педагогическо-дидактическими пріемами, а также пользованіе имѣвшихъ операцію нёба (волчья пасть), Palatum fissum. Рига, 1897 г. Ц. 30 к.
Фадѣевъ, Андрей Михайловичъ. Воспоминанія. 2 ч. (1790—1867 г.). Одесса, 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.
Фругъ, С. Г. Стихотворенія. Т. I. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.
Хлопинъ, Г. В. Гигіена и санитарія. Съ исторической точки зрѣнія. Спб., 1897 г.
Chmerkine N. Les conséquences de l'Antisemitisme en Russie. Paris, 1897 г. Prix 3 fr.
Штейнгауеръ, И. С. Землевѣдѣніе. Предварительныя свѣдѣнія изъ географіи, математической, физической и политической. Спб.. 1897 г. Ц. 12 к.
— Земля и небо. Общественныя бесѣды о мірозданіи для грамотнаго народа и публичныхъ чтеній. Спб., 1897 г. Ц. 10 к.
Шульмейстеръ, Карлъ. Шпіонство при Наполеонѣ I. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
Энгельманъ, С. А. Въ штормъ (12 разсказовъ). Одесса, 1897 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 іюля по 1 августа 1897 г.

Для личныхъ переговоровъ и пріема рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—4 ч. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

